

Теория и методология психологии

Постнеклассическая перспектива

Ответственные редакторы:
А. Л. Журавлев, А. В. Юревич

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Российская академия наук
Институт психологии

Теория и методология психологии

Постнеклассическая перспектива

Ответственные редакторы:
А.Л. Журавлев, А.В. Юревич

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва — 2007

УДК 159.9.018

ББК 88

Т 33

Т 33 Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива
/ Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. — 528 с. (Методология, теория и история психологии)

ISBN 978-5-9270-0093-7

В книге, представляющей собой сборник статей ведущих отечественных методологов психологии, рассматриваются ее наиболее актуальные методологические проблемы — как «вечные», сопровождающие психологическую науку с ее первых шагов, так и новые, обострившиеся на постнеклассической стадии ее развития. Описывается судьба ряда базовых исследовательских направлений отечественной психологии, их современное состояние и перспективы. Анализируются возможности интеграции психологии, традиционно разобщенной на различные школы и исследовательские направления, перспективы построения единой психологии в условиях легализации методологического плюрализма, характерного для современного этапа ее развития.

Книга предназначена для психологов, безразличных к методологическим проблемам психологической науки и практики, а также для представителей смежных наук, интересующихся методологией социогуманитарного познания.

УДК 159.9.018

ББК 88

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 06-06-16020д*

© Институт психологии Российской академии наук, 2007

ISBN 978-5-9270-0093-7

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7

Часть I СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ НАУКА

<i>А.Л. Журавлев</i> ОСОБЕННОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	15
<i>Т.Д. Марцинковская</i> ПСИХОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	33
<i>М.С. Гусельцева</i> ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ	45
<i>Д.А. Леонтьев</i> НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ	74
<i>Т.В. Корнилова</i> ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА, ИЛИ ЛОЖНЫЕ ДИХОТОМИИ В ПСИХОЛОГИИ	95
<i>В.Ф. Петренко</i> КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ	119
<i>А.Н. Поддъяков</i> РЕШЕНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОБЛЕМ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ ...	136
<i>С.Д. Смирнов</i> ОБРАЗ МИРА КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	157
<i>В.М. Аллахвердов</i> НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ТРИВИАЛИЗАЦИЯ ОБОСНОВАННОЙ АХИНЕИ	174

<i>Г.В. Залевский</i>	
ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ В ПСИХОЛОГИИ.....	195

<i>И.Н. Карицкий</i>	
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ	223

Часть II

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

<i>И.А. Мироненко</i>	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ	249

<i>В.А. Барабанищikov</i>	
ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ	268

<i>Е.Е. Соколова</i>	
МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО CONTRA ПЛЮРАЛИЗМ: ШКОЛА А.Н. ЛЕОНТЬЕВА ПРОТИВ СОВРЕМЕННОЙ ДИХОТОМИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИИ	286

<i>А.В. Карпов</i>	
ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕТАСИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.....	313

<i>В.В. Знаков</i>	
ОТ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА — К ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ	330

<i>А.А. Деркач</i>	
АКМЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ.....	352

<i>В.А. Петровский</i>	
ОБЩАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ: КОНТУРЫ И КОНТЕКСТ.....	376

<i>В.И. Кабрин</i>	
ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ЦЕННОСТНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА	396

Часть III

ПЕРСПЕКТИВЫ ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ

В.А. Мазилев

ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ 427

Н.И. Чуприкова

ИЗ ОПЫТА ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ. 459

И.Е. Гарбер

МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ 484

А.В. Юревич

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? 503

АВТОРЫ 525

ВВЕДЕНИЕ

Российские психологи традиционно проявляли большой интерес к методологии, которой были посвящены наиболее известные труды классиков отечественной психологической науки. Затем в российской психологии, как и во всем нашем обществе, наступило время прагматики, подавляющее большинство наших психологов устремилось в практику, предав забвению методологические проблемы, изучение которых превратилось в непопулярное занятие. Но в последние годы «маятник» качнулся в обратную сторону, и в настоящее время наблюдается целый ряд симптомов возрождения интереса к методологии.

Основные проявления возрождения интереса к методологическим вопросам психологии, равно как и его причины, сами по себе выглядят важной социально-методологической проблемой. Среди этих причин можно упомянуть и трудности, которые неизбежно испытывают наука и основанная на ней практика, развиваясь в условиях необеспеченности своих «тылов» — нерешенности базовых методологических вопросов; и то, что к прежним «вечным» методологическим проблемам психологии добавились новые, порожденные в том числе и развитием психологической практики; и притягательность наиболее сложных проблем любой науки, к которым она обречена регулярно возвращаться; и некоторая утомительность прагматики, регулярно порождающей «романтические» настроения; и новые методологические вызовы науке, вступившей на постнеклассическую стадию развития. В результате психология сейчас переживает ренессанс интереса к методологии, проявлением которого является и эта книга.

Не одно поколение психологов, причем наиболее известных, чьи имена вошли в учебники, пыталось разрешить основные, в терминах Т. Куна, «головоломки» психологической науки, такие как психофизическая, психофизиологическая и психосоциальная проблемы, предпринимало попытки либо построить ее по образцу естественных наук, либо, наоборот, развивать ее как самобытную науку, не похожую ни на одну другую научную дисциплину, объединить психологию путем построения единой психологической теории и т.п. Эти попытки не остались безрезультатными. Без них не было бы ярчайшей истории

психологической науки, не было бы и учебников психологии, которые содержат в основном не столько характерное для точных наук «твердое» знание, сколько описание проблем и идей, ими порожденных, не было бы и многого другого, чем по праву гордится психология. Однако главные методологические проблемы, возбуждавшие мысль классиков психологической науки, не решены до сих пор, они все так же актуальны и современны.

К тому же, как хорошо известно из истории науки, интерес к методологическим проблемам обостряется во время ее кризисов и парадигмальных «разломов», проявляющихся в переходах от одних парадигм к другим или в изменении их соотношения. Неупорядоченное состояние психологического знания и отсутствие ясного пути развития психологической науки, которые принято воспринимать как ее кризис, были характерны для нее всегда, сопровождая эту науку с самых первых ее шагов (хотя время от времени возникали иллюзии преодоления кризиса), а основные симптомы кризиса, ранее описанные У. Джемсом, Ж. Пиаже, Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном и другими классиками психологической науки, практически ничем не отличаются от симптомов, выделяемых современными исследователями. Методологические «разломы» современной психологии во многом обусловлены изменением соотношения давно соперничающих в ней гуманитарной и естественнонаучной традиций (в других терминах — объяснительной и понимающей психологии и др.), распространением методологического плюрализма и другими подобными явлениями. В результате в современной психологии существуют все основные предпосылки не только возрождения интереса к ее «вечным» методологическим проблемам, но и его обострения, превращения их в то, что Д.Т. Кемпбелл называет наиболее «горячими» проблемами психологической науки.

Психология не могла остаться в стороне и от тех изменений в основаниях научного познания, которые сопутствовали переходу науки на постнеклассическую стадию развития. Эти изменения наиболее отчетливо проявились в естествознании, но сказались и на социогуманитарных дисциплинах, которые традиционно равнялись на естествознание и стремились быть на него похожими (хотя недостижимость этой мечты регулярно порождала и прямо противоположные интенции). Поэтому не мог не возникнуть вопрос о том, что представляет собой постнеклассическая наука применительно к психологии: достигла ли она этой стадии развития, если нет, то почему, а если да, то в чем это проявляется и как сказывается на ее методологических основаниях.

Предваряя ответ на данный вопрос, который в самых разных вариантах дают авторы этой книги, отметим, что одно из характерных для постнеклассической науки постмодернистских веяний в психологии настолько очевидно, что может быть зафиксировано в качестве констатации, а не вопроса. Это распространение плюралистической методологии, проявляющееся в отказе от монистических платформ построения знания и попыток построения «единственно правильной» теории, в признании соперничающих теорий в равной мере адекватными и жизнеспособными ответвлениями «древа» психологического познания. Однако методологический плюрализм не прочно закрепился в профессиональном самосознании психологов, а вызвал у них неоднозначное отношение, привел не столько к решению, сколько к обострению базовых методологических проблем психологической науки, содействовав ее методологическому усложнению, а не упрощению. Не пытаясь рассмотреть все многообразие вариантов этого отношения, отметим, что оно в принципе сводимо к трем доминирующим формам. Одни психологи приняли методологический плюрализм с большой радостью и неподдельным энтузиазмом — как своего рода «миротворческую» методологию, позволяющую примирить конфликтующие теории и сохранить все многообразие психологической мысли. Другие встретили его в штыки — как размывание оснований психологической науки, порождающее дискомфортное состояние, сопоставимое с чувством «материя исчезает», некогда распространенным среди естествоиспытателей. Третьи плюрализм приняли, но весьма критически, с пониманием того, что примирение психологических теорий (школ, течений и т.д.) не решает, а лишь порождает главную проблему — «наведения мостов» между этими теориями и интеграции психологического знания.

Необходимо подчеркнуть важную особенность психологической науки, кардинальное отличие траектории ее развития от типового пути естественных наук, на которые она долгое время ориентировалась. Это отличие состоит в том, что, если естественные науки сначала решают свои базовые методологические проблемы, вырабатывают общеразделяемые основания научного знания, накапливают это знание и лишь затем находят его практическое применение, то в психологии, напротив, практика существенно опередила теорию и методологию. Психолог-практик стал одним из символов современного «психологизированного» мира, психологическая практика стремительно разрастается, не имея под собой сколь-либо прочных научных оснований. Эта парадоксальная ситуация сама по себе нуждается в методологиче-

ском осмыслении, порождая вопросы о связи психологической науки и практики, о том, почему психологическая наука недостаточно практична, а психологическая практика — недостаточно «научна» и др.

Подобные явления породили новые методологические вызовы психологической науке и заставили громче звучать прежние вызовы, большая часть которых до сих пор остается безответной. Все это, а также целый ряд других важных событий в многогранной жизни психологической науки, создает новый социально-методологический фон, на котором подготовлена эта книга и который служит для ее авторов главным предметом осмысления.

Еще одним «раздражителем» для ее авторского коллектива послужил специфический, сложившийся за рубежом образ российской психологии, который печально известен любому нашему психологу, состоящему с зарубежными коллегами в регулярных контактах. Одна из главных слагаемых этого образа — представление о том, что российская психология — это А.Р. Лурия, Л.С. Выготский и другие представители той блестящей плеяды наших психологов, со времен которых в ней якобы не сделано ничего существенного. Не вступая в полемику относительно этого образа, не лестного для современной российской психологии, создатели книги поставили перед собой задачу проследить, как сложилась судьба основных исследовательских традиций, заложенных классиками отечественной психологической науки, а также представить ряд новых теоретико-методологических подходов, демонстрирующих, что она не стоит на месте.

«Методология» — один из наиболее всеобъемлющих и самых запутанных терминов, в который вкладывается самый разнообразный смысл. Говорят об общепсихологической методологии науки или философии науки, об общей методологии конкретных наук, в т.ч. и психологии, о методологии конкретных исследований и т.д., а выделение различных уровней методологии хотя и несколько упорядочивает картину, но не лишает этот термин его многозначности. В настоящей книге речь идет преимущественно об общей методологии психологии, которую за рубежом чаще называют философией психологии, и именно на этом уровне методологического анализа основная часть ее авторов строит свои рассуждения. В то же время и на данном уровне можно выделить два, хотя и взаимосвязанных, но все же различных смысла термина «методология». Один смысл — *прескриптивная* методология, предписывающая психологической науке и практике, какими путями им следует развиваться. Другой смысл и, соответственно, вид методологии — *аналитическая* методология, осмысление, а не предписывание методологических

традиций. Настоящая книга, не лишенная отдельных прескриптивных элементов, в основном выполнена в русле аналитической методологии, а главный предмет размышлений ее авторов — происходящее в современной психологии, а не методологические предписания ей.

Разумеется, базовые методологические проблемы психологии столь многочисленны, сложны и многообразны, что попытка охватить их в одной книге была бы абсурдной. Немало проблем осталось за ее пределами, а представленный в ней анализ сосредоточен на трех основных темах, определяющих структуру книги, хотя в силу интегрального характера этих тем и их теснейшего переплетения со многими методологическими проблемами психологической науки, в ней, естественно, обсуждаются и многие другие вопросы. Ее первая часть посвящена новым методологическим тенденциям в психологии, обусловленным переходом науки на постнеклассическую стадию развития. Во второй части анализируется современный этап развития базовых исследовательских традиций отечественной психологии, а также описываются разрабатываемые в ней новые теоретико-методологические подходы. В третьей части обсуждаются перспективы интеграции психологии в условиях методологического плюрализма, характерного для современной, постнеклассической науки, отсутствия монополии на «единственно правильное» понимание и изучение психологической реальности. Что же касается других ключевых методологических проблем психологической науки — проблемы ее прогресса и его критериев; целей, стандартов и структуры психологического объяснения; изменения соотношения гуманитарной и естественнонаучной парадигм и др., то авторы и составители книги предполагают сделать их предметом последующих совместных трудов. Т. е. «продолжение следует», вследствие чего у этой книги есть введение, но нет заключения.

Хотя научный замысел этой книги принадлежит Институту психологии РАН, ее авторы представляют различные научно-образовательные центры и разные исследовательские традиции. Вместе с тем их объединяет принадлежность к своеобразному незримому колледжу «методологов психологии», озабоченных состоянием этой науки и регулярно анализирующих его в своих работах. Очень симптоматично и не менее отрадно, что в последние годы этот «незримый колледж» быстро разрастается, а сложившиеся в нем связи становятся все более зримыми и крепкими. Хочется надеяться, что он продолжит славные традиции отечественной методологической школы, которые в конце истекшего века отошли у нас на второй план, оттесненные прагматическими тенденциями.

Как и всякий *сборник научных трудов*, эта книга представляет собой *полилог* ее авторов об обозначенных проблемах. Авторы придерживаются разных, подчас альтернативных позиций. В условиях постнеклассической науки, методологического плюрализма и невозможности какой-либо методологической монополии этот полилог неизбежно перерастает в полемику авторов друг с другом, которая отображает методологическое «многоголосие», характерное для современной психологии. Здесь уместно вспомнить мысль К. Поппера о том, что лучший способ развития идей — их критика, именно она, а не апологетическое продолжение тех или иных исследовательских традиций, всегда служила основой развития науки. Трудно не согласиться и с Д.Т. Кемпбеллом в том, что социогуманитарные науки нуждаются во взаимной критике в большей степени, нежели естественные, поскольку лишены целого ряда средств верификации гипотез — возможности изоляции независимых переменных и др., которыми располагает естествознание. И именно критика исследователями друг друга служит единственно возможным способом «наведения мостов» между этими традициями, преодоления их, в терминах Т. Куна, «несоизмеримости», необходимого для долгожданной интеграции психологии.

А.Л. Журавлев,
А.В. Юревич

Часть I

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ
КАК ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ
НАУКА

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

А.Л. Журавлев

Каждый исторический период в развитии психологической науки характеризуется своими приоритетными направлениями и проблемами, различным уровнем популярности объектов исследования, реализацией ведущих методологических принципов, неравномерным развитием и применением основных методов исследования, особенно наблюдения, разных форм эксперимента и т.д. В настоящее время приоритетными в большой мере становятся междисциплинарные исследования, и это касается не только психологии или социо-гуманитарных наук, но и всей науки в целом. Естественно, возникает вопрос: почему принцип междисциплинарности в организации современных научных исследований стал широко обсуждаться, а также активно реализовываться именно в конце 90-х годов XX в.? Интересно и то, что с началом нового, XXI в. совпала и реструктуризация Российской академии наук, призванная укрупнить структурные подразделения РАН, интегрировать сложившиеся до этого времени научные организации в соответствии с принципом междисциплинарности. В результате то первичное структурное объединение РАН, в которое входит психологическая наука, называется «Секция философии, социологии, психологии и права», а более крупное — «Отделение общественных наук».

Ответить на поставленный вопрос далеко не просто, тем более, что объяснение такого рода сложных явлений никогда не бывает однозначным. Тем не менее, если говорить об особенностях развития психологической науки двух последних десятилетий, то можно высказать некоторые предположения, касающиеся специфики междисциплинарных исследований в психологии.

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Во-первых, психологические исследования в интересующий нас период, особенно в 90-е годы XX в., убедительно показали, что общественные запросы на научно-психологические разработки, вызванные объективными потребностями, были по своей сути всегда комплексными и фактически обращенными к целому ряду научных дисциплин. В качестве очевидных примеров можно привести следующие темы таких запросов:

- формирование индивидуального и группового сознания в кризисном обществе;
- массовая адаптация людей к радикально изменяющимся экономическим и политическим условиям;
- становление новых социальных групп в российском обществе, освоение современной техники и новейших технологий;
- поддержание психического здоровья населения России;
- преодоление экологических, социальных, психологических и других последствий Чернобыльской катастрофы;
- информационно-психологическая безопасность российского общества;
- противостояние террористической угрозе и преодоление последствий террористических актов и т.д.

Практикующие исследователи убедились в том, что невозможно эффективно решать стоящие перед ними задачи, не привлекая либо знания, накопленные в других науках, либо представителей соответствующих научных дисциплин для совместных исследований. По нашему мнению, именно взаимодействие психологической науки и общественной практики в последние десятилетия привело психологов к осознанию острой необходимости междисциплинарных исследований. Общественная потребность решать возникающие практические задачи фактически «подталкивает» психологов к организации таких исследований.

Но важен далеко не только **практический фактор**. Следует учитывать, *во-вторых*, что внутреннее развитие самой психологической науки уже обеспечило такое состояние и уровень знания, при которых психологи сами могут предлагать представителям смежных наук апробированные принципы и способы решения актуальных комплексных проблем в целом или их отдельных аспектов, стимулируя тем самым

междисциплинарные исследования. Это **внутренний фактор** междисциплинарности в психологии. Потребность обращения к другим наукам является результатом внутренних закономерностей развития психологии и тем самым характеризует ее современный этап и состояние.

В-третьих, аналогичная картина сложилась и во многих других науках: медицинской, педагогической, экономической, социологической, политической и т.д. Представители этих дисциплин хорошо осознают, что вариант самостоятельного (в смысле автономного) и самодостаточного развития науки имеет явные ограничения. Именно в перечисленных и ряде других научных дисциплин возникла острая потребность в психологических знаниях, крайне необходимых для понимания и решения многих типичных для них проблем. Этот фактор, по сути, может быть назван **внешним**.

В контексте рассмотрения обозначенного выше вопроса следует сказать о главном: сама проблема психического изначально является междисциплинарной. В ее исследовании у психологической науки нет и не может быть монополии: феномен психики по своей объективной природе предполагает междисциплинарность его изучения. Среди важнейших наук, изучающих психику и поведение, сегодня должны быть названы, по самой меньшей мере, генетика, нейрофизиология, этология, философия, социальные науки, психиатрия и многие другие. Такое положение во многом определило стремление психологов к организации междисциплинарных исследований и к привлечению для участия в них представителей других специальностей. Реализация принципа междисциплинарности нередко, а иногда и даже незаметно для самих исследователей, постепенно становилась одним из критериев оценки уровней *фундаментальности, масштабности и современности* того или иного исследования, причем независимо от отрасли науки.

ОСНОВНЫЕ УРОВНИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

В психологической науке междисциплинарность реализуется в исследованиях нескольких, как минимум, трех уровней. Первый — **внутрипсихологический** — подразумевает исследования тех проблем, которые возникают на границах различных психологических направлений и отраслей. Учитывая, что только отраслей психологии в настоящее время насчитывается свыше сотни, можно с уверенностью утверждать:

междисциплинарные исследования внутрипсихологического уровня в настоящее время уже стали нормой. Более того, именно они во многом определяют современное развитие психологической науки, порождая многочисленные промежуточные подотрасли, фактически ставшие зонами наиболее интенсивной разработки и накопления новых психологических знаний. Внутрипсихологический уровень, в свою очередь, может быть разделен на два подуровня. Во-первых, это отраслевой, а точнее, внутриотраслевой уровень, к которому можно отнести исследования на границах разных научных разделов, направлений, проблем или тем, но внутри конкретной отрасли психологии. Во-вторых, это *межотраслевой* уровень исследований, сформировавшийся на границах самых разных отраслей психологии. Если для примера проанализировать реально существующие «пограничные зоны» исследований в рамках лишь одной психологической отрасли — социальной психологии — с другими, также психологическими отраслями, то можно уже сегодня выделить более десятка сложившихся подотраслей: социопсихолингвистика, социально-политическая, социально-экономическая, социально-экологическая психология, социальная психология труда и управления, социальная психология личности, социально-педагогическая психология, социальная психология искусства, социальная психология спорта и т.д. Такая же тенденция характеризует современное развитие практически каждой традиционной отрасли психологии.

Предложенная дифференциация внутрипсихологического уровня междисциплинарных исследований на внутри- и межотраслевую междисциплинарность позволяет поставить, с одной стороны, относительно частный вопрос о правомерности выделения отраслевого подуровня внутрипсихологической междисциплинарности, а с другой — более общий и актуальный вопрос о критерии (или основании) квалификации тех или иных исследований как междисциплинарных. Обязательным ли их условием является наличие разных научных дисциплин, отраслей, на пересекающихся границах которых выполняются исследования, или они могут пониматься более широко как синтезирование, интеграция разных подходов, научных направлений, проблем и т.д., в том числе и в рамках одной и той же отрасли психологии? Пока этот вопрос остается в числе дискуссионных.

Явным свидетельством распространенности междисциплинарных исследований внутрипсихологического уровня являются также часто возникающие перед Учеными советами трудности, связанные с отнесением диссертационных работ к одной из психологических специальностей, утвержденных ВАКом РФ. И хотя сам перечень

специальностей регулярно пересматривается и делается более современным, трудности от этого не исчезают. Принципиальная сложность состоит в том, что идеи многих исследований рождаются именно на границах разных специальностей.

В настоящее время большой интерес вызывает вопрос о перспективах развития междисциплинарных исследований внутриспсихологического уровня, причем не только очевидных, закономерно ожидаемых, явно пересекающихся психологических проблем, научных направлений, дисциплин или отраслей, но и не столь очевидных или совсем неожиданных.

- Первое, что стоит отметить, — это постепенное формирование **социальной психофизики** и развитие соответствующих исследований — этот процесс является неизбежным, так как естественная среда, психофизика восприятия которой сегодня активно изучается в ИП РАН, включает в себя важнейшие социальные компоненты. Поэтому после того, как сделан шаг в развитии психофизики восприятия естественной среды, закономерным становится интеграция психофизических и социально-психологических исследований. Социальная психофизика уже сегодня фактически включает в себя кросскультурные психофизические исследования и имеет серьезные перспективы развития наряду с классической и субъектной психофизикой.
- Второе, что заслуживает серьезного внимания психологов, — это активное формирование смежных дисциплин на границах современной психофизиологии с другими и психологическими, и непсихологическими отраслями, особенно в связи с использованием методов картирования активности мозга и переходом к психофизиологическому анализу поведения, в том числе групповых его форм, в естественной среде. Так, интеграция нейронаук и психофизиологии, с одной стороны, и социальной и когнитивной психологии, с другой — способствует формированию, в узком значении, **социальной психофизиологии**, а в более широком — социально-когнитивной нейронауки. Интеграция психофизиологии и экономической психологии в исследовании психофизиологических основ экономического поведения позволяет подойти к формированию *социально-экономической психофизиологии* как научного направления и т.д.

Сегодня никого из специалистов уже не удивляют и тем более не шокируют перечисленные и многие другие междисциплинарные формы интеграции теоретических подходов, методов исследования, научных дисциплин и отраслей науки.

Говоря о втором — **внешнепсихологическом** — уровне междисциплинарности, подразумевают исследования, пограничные с другими науками: медициной, физиологией, техническими науками, лингвистикой, историей, экономикой, социологией, наукой управления, политологией, этнологией и т.д. Здесь перечислены лишь те науки, с представителями которых сотрудники Института психологии РАН ведут совместные междисциплинарные исследования в таких отраслях психологии, как инженерная психология и психолингвистика, организационная психология и психология управления, социальная, историческая, политическая, экономическая и этническая психология, психофизиология, психоонкология, или психосоциальная, поведенческая онкология и др., сформировавшихся именно на соответствующих границах с вышеперечисленными науками.

В этой связи возникает закономерный вопрос о том, в каких же направлениях целесообразно развивать в дальнейшем междисциплинарные исследования внешнепсихологического уровня? Ответ вытекает из наличия относительных «белых пятен» на границах психологии с другими социо-гуманитарными науками, прежде всего, с этикой, культурологией и регионалистикой (или регионоведением). Научный статус только формирующихся *этической психологии* (или психологии нравственности) и *психологии культуры* по-прежнему остается сложным, требующим глубокого и специального анализа, поэтому данный вопрос целесообразно рассмотреть в другом научном контексте.

Сейчас же очень важно сказать об острой необходимости развивать так называемую *региональную психологию*. И если современная этническая психология развивается уже достаточно хорошими темпами, то психологические исследования, учитывающие региональный фактор как основной, по-прежнему остаются редкими. Причем такое состояние региональной психологии имеет место на фоне чрезвычайно интенсивного развития регионоведения и регионалистики — междисциплинарных научно-практических направлений, в разработку которых сегодня включены историки, экономисты, филологи, социологи, политологи и специалисты других социо-гуманитарных наук, но явно в недостаточной степени — психологи.

В связи с развитием междисциплинарных исследований внешнепсихологического уровня необходимо отметить и постепенно расту-

щую востребованность психологического знания представителями многих смежных наук, особенно при разработке комплексных проблем человека и отдельных социальных групп, а в последние годы — и общества в целом. Именно для обозначения этой тенденции целесообразно использовать понятие **«междисциплинарная релевантность»** психологической науки и говорить о возрастании этой релевантности, что в целом нужно оценить позитивно, хотя и здесь возникают непростые вопросы, требующие дальнейшего специального обсуждения.

Необходимо обратить внимание и на третий уровень междисциплинарности, имеющий некоторую специфику, характерную именно для психологии: она не только успешно функционирует на границах с другими науками, но и отдельные ее отрасли полностью «внедрились» в ряд наук, реально став их структурными составляющими и специальностями (в этом принципиальное отличие психологии). Имеются в виду следующие отрасли психологической науки: инженерная психология (**психология!**) как техническая специальность, клиническая психология как медицинская, социальная психология как социологическая, психофизиология как медицинская и биологическая специальность. Четыре отрасли — это, несомненно, уже закономерность, которая утвердилась в качестве таковой за последние два десятилетия. И перспектива состоит в том, что выделенная тенденция будет развиваться и нарастать.

В настоящее время подобная картина начинает складываться и в экономической психологии, основные направления и проблемы которой интенсивно развиваются в структуре не только психологической, но и экономической науки под специфическим названием «поведенческая экономика». Об этом свидетельствуют читаемые психологами или экономистами спецкурсы по экономической психологии (или поведенческой экономике) на экономических факультетах, подготовленные экономистами содержательные учебные пособия по экономической психологии, регулярно вызывающие интерес как у психологов, так и у экономистов научно-практические конференции на базе учреждений экономического профиля (например, Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, Байкальского университета экономики и права и др.), а главное — выполняемые экономистами научно-исследовательские работы и публикуемые ими научные труды по экономической психологии.

Если же говорить об экономической науке на Западе, то в ее структуре сформировалась и достаточно успешно функционирует так называемая «бихевиоральная экономика», представляющая собой

гуманитарно, но, прежде всего, психологически ориентированную отрасль экономической науки, тесно интегрированную (формально и содержательно) с экономической психологией как структурной составляющей психологической науки.

Обозначенная тенденция развития психологической науки требует дополнительных комментариев. Развитие различных отраслей психологии в качестве специальностей в рамках других наук, *во-первых*, следует рассматривать, как специфическую форму интеграции психологии с другими соответствующими науками, которая неизбежно приводит их к взаимному обогащению новыми знаниями. То есть фактически необходимо выделить третий, характерный для психологии, уровень реализации принципа междисциплинарности в исследованиях. В соответствии с логикой обозначения предыдущих двух уровней его можно было бы, но лишь условно, назвать **«внепсихологическим»**.

Во-вторых, опыт становления четырех названных выше отраслей психологии показал, что психологи не только не возражали и не противодействовали этой тенденции, но, наоборот, проявляли большую заинтересованность и реально способствовали процессам, наметившимся еще в конце 70-х – начале 80-х годов XX в. Хорошо известно, что руководители и сотрудники Института психологии АН СССР — Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов, В.Ф. Рубахин, Е.В. Шорохова и др. — принимали непосредственное участие в формировании инженерной, социальной и клинической психологии в структурах соответственно технических, социальных и медицинских наук. Сегодня, когда при принятии решений по любым вопросам, связанным с организацией и развитием науки, приходится учитывать финансовые расчеты, такую форму «дополнительного», «внепсихологического» становления и функционирования разных отраслей психологии можно квалифицировать как чрезвычайно экономичный вариант их развития с высоким для психологов КПД.

В-третьих, возможен в принципе аналогичный, хотя по сути обратный процесс, когда конкретная и актуальная отрасль (или специальность) другой науки могла бы развиваться в психологии и стать ее структурной составляющей. Если говорить не о будущем, а о сегодняшнем состоянии, то такой вариант «двойного» функционирования мог бы реализоваться, например, в случае *психотерапии*, возникшей и развивающейся в недрах медицинской науки. Однако о сложностях и даже острых дискуссиях вокруг занятий психологов психотерапевтической практикой очень хорошо известно. Противодействие

в этом вопросе со стороны специалистов медицинского профиля столь велико, что он практически не решается. Хотя справедливости ради нужно сказать, что сами психологи не пытались при этом принципиально пересмотреть программы своей профессиональной подготовки, чтобы быть готовыми, хотя бы в какой-то степени, профессионально заниматься научными исследованиями и практиковать в области психотерапии. При таком положении дел совершенно естественно, что психологами разрабатываются и применяются на практике психологические (а не психотерапевтические) воздействия, помощь, коррекция, консультирование и т.п.

В настоящее время в качестве специальности, имеющей «двойной статус», могла бы развиваться и другая медицинская область знания — *психосоматика*. С одной стороны, она является специфической областью психопатологии, поэтому совершенно естественно развивается как отрасль медицинской науки и практики, а с другой — изучает многообразные психосоматические явления, характерные для нормы, чем всегда продуктивно занимались психологи. В будущем положение, скорее всего, изменится, реальностью станет «симметричное» развитие в психологической науке некоторых отраслей других, близких ей дисциплин, и не только медицинских.

Выделяя три основных уровня реализации принципа междисциплинарности в психологической науке, необходимо осознавать возможность более тонкой дифференциации и, соответственно, выделения значительно большего их числа, что частично уже было реализовано выше, однако в рамках предварительного рассмотрения продолжать это в данной работе мы считаем нецелесообразным.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Хорошо известно: чтобы выбрать перспективные пути развития психологической науки, очень полезно обратиться к ее истории. Поэтому адекватно относиться, в частности, к междисциплинарным исследованиям в психологии — означает всесторонне учитывать накопленный исторический опыт. Несомненно, история отечественной психологии чрезвычайно богата традициями междисциплинарных исследований, заслуживающими отдельного анализа. Не претендуя на полноту рассмотрения, ниже приведем несколько, по нашему мнению, наиболее ярких

примеров успешного продвижения психологической науки, основанного на организации именно междисциплинарных исследований.

Первым, без сомнения, должен быть назван В.М. Бехтерев: психиатр и психоневролог, невропатолог и, конечно же, психолог, успешно занимавшийся общей и экспериментальной, клинической и социальной психологией, психологией личности и психофизиологией и др. Междисциплинарность изначально выступала неотъемлемой, существенной характеристикой его исследований, однако наиболее ярко она проявилась в первой четверти XX в. В.М. Бехтерева можно было бы назвать специалистом по всестороннему изучению человека, при этом имея в виду предельно широкий диапазон его исследований: от анализа физиологических механизмов деятельности мозга до рассмотрения нравственных регуляторов поведения человека. В этом контексте уместно вспомнить факт уже современной истории, связанный с В.М. Бехтеревым. Именно психологи (наибольший вклад внес Б.Ф. Ломов) смогли обосновать и добиться утверждения медали имени В.М. Бехтерева в Российской академии наук за особо значимые результаты научных исследований человека и, прежде всего, психологических исследований. Первая такая медаль была присуждена выдающемуся психологу, сотруднику Института психологии РАН Я.А. Пономареву за цикл исследований по психологии творчества, однако она оказалась для психологов и последней, так как усилиями авторитетных физиологов данная медаль была передана «ведомству» физиологической науки. И одним из обоснований служило то, что В.М. Бехтерев — выдающийся физиолог. Такое решение во многом было административным, так как «разделить» крупного ученого между психологией и физиологией и определить, кем он являлся в большей мере — психологом или физиологом, невозможно, ибо вся его профессиональная деятельность была, по сути, глубоко междисциплинарной.

Другой хорошо известный исторический пример — это комплексные исследования человека, выполненные большим научным коллективом под руководством Б.Г. Ананьева в 60-е — начале 70-х годов XX в. Программа его работы, наряду с основной психологической частью, включала анализ даже антропологических и биохимических характеристик человека, не говоря уже о регистрации физиологических и других переменных, традиционных для психологических исследований того времени. Комплексность исследований понималась, прежде всего, как объединение, интегрирование данных о человеке, полученных с помощью взаимодополняющих методов из разных отраслей психологии, а также различных научных дисциплин, и уста-

новление закономерных взаимосвязей. Его главная работа «Человек как предмет познания» отражает, пожалуй, не только наиболее полную для своего времени совокупность знаний о человеке, но и содержит завершённую систему научных представлений о нем, основанную на междисциплинарных исследованиях.

Третий пример связан с историей создания и становления Института психологии РАН и научной деятельностью его организатора и первого директора (1971–1989 гг.), члена-корреспондента АН СССР, профессора Б.Ф. Ломова. Самые первые проекты организации ИП АН СССР, программа научно-исследовательской деятельности и административно-организационная структура этого учреждения разрабатывались им для проведения комплексных, междисциплинарных, многосторонних исследований психических явлений. Именно с этой целью в ИП АН СССР приглашались для работы представители различных наук: философии, математики, физиологии, технических, медицинских, социальных дисциплин и др.; создавались целые научные подразделения, призванные разрабатывать именно пограничные, междисциплинарные проблемы (лаборатории психофизики, психофизиологии, нейрофизиологических основ психики, математической, инженерной, социальной, исторической психологии, психолингвистики и т.д.). Здесь, безусловно, сказалось существенное влияние научных школ В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. Первоначально результаты научных исследований ИП АН СССР представляли собой огромную совокупность интересных, но разнородных данных о психике человека, поэтому главная роль системного подхода в психологии, обоснованного и разработанного Б.Ф. Ломовым в середине 1970-х годов, заключалась в интеграции разнородного и разноуровневого научного знания о психическом, причем не только психологического, но и полученного другими науками, изучающими психику. История научной деятельности ИП АН СССР (а позднее ИП РАН) убедительно показала, что именно комплексный и системный подходы позволили создать и развить современную систему научных представлений о психике человека, построенную на основе ее междисциплинарных исследований.

В 1990-е годы и на рубеже XXI в. историческая преемственность проявилась в деятельности научного коллектива ИП РАН, руководимого членом-корреспондентом РАН, профессором А.В. Брушлинским. В этот период, *во-первых*, устойчиво развивались междисциплинарные связи психологии с целым рядом социальных и гуманитарных наук: философией, правом, социологией, филологией, этикой, политологией, этнологией, экономической наукой и др. А *во-вторых*, историческая

преимущество, несомненно, обнаружилась в научной деятельности философско-психологической школы С.Л. Рубинштейна, наиболее активно работавшими учениками и последователями которой были А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Е.В. Шорохова, а в настоящее время ее яркими представителями являются К.А. Абульханова и Л.И. Анцыферова. Субъектный (субъектно-деятельностный) подход (принцип, теория) в психологии, успешно развивавшийся А.В. Брушлинским, а в настоящее время разрабатываемый К.А. Абульхановой, безусловно, характеризуется комплексностью и системностью и основан, в свою очередь, на междисциплинарных знаниях о психическом. Становление и развитие этого подхода строились на постоянном сопоставлении фактов, полученных в психологических исследованиях, с данными, накопленными в области математики, кибернетики, логики, лингвистики, этики и, конечно же, философии. Учитывая историю развития научных исследований в Институте психологии РАН, закономерно, что именно его сотрудники выступили организаторами научной конференции по обсуждению современного состояния междисциплинарных исследований в психологической науке («Психология: современные направления междисциплинарных исследований», октябрь 2002 г.).

Междисциплинарность как характерное качество психологических исследований во многом определяется самим положением психологии в современной системе наук. Примечательным является то, что и сами психологи (например, Б.Г. Ананьев, Ж. Пиаже и др.), и специалисты по методологии науки (Б.М. Кедров) высказывали согласованное мнение: психология занимает **центральное место** в системе научного знания, находясь на пересечении естественных, технических, общественных и гуманитарных наук. Можно утверждать, что сам характер психологии как науки, призванной изучать психику, располагает ее к организации междисциплинарных исследований психического — в этом состоит **атрибутивная междисциплинарность** психологической науки как неотъемлемо ей принадлежащий, существенный ее признак. Поэтому совершенно не случаен факт систематического пополнения ее профессиональных рядов специалистами из других наук, как бы к этому ни относиться. Именно в психологии становится возможным выделение этими специалистами соответствующих психологических проблем для исследования, которые, как показывает история психологии, не могли бы столь успешно разрабатываться «чистыми» психологами. Атрибутивной междисциплинарностью исследований психики объясняется тот исторический факт, что в психологии продуктивно работали клиницисты и физиологи, философы и историки, математики и физики,

педагоги и представители многих других наук. Эта же тенденция остается во многом характерной и для современной психологии, несмотря на «изобилие» выпускников психологических факультетов.

Интерес к междисциплинарным, как и к любым другим научным исследованиям, характеризуется выраженной динамикой, поэтому его снижение — такой же естественный процесс, как и возрастание. Еще более динамично сменяется приоритет различных наук по организации междисциплинарных исследований. Причин же подобных явлений можно выделить достаточно много, причем в разные исторические периоды развития науки они, как правило, различаются, и даже принципиально. Однако это специальный науковедческий вопрос, на котором мы не имеем возможности остановиться подробно.

РОЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПОНИМАНИИ ПРИРОДЫ ПСИХИКИ

Многочисленные попытки понять природу психического привели психологов к осознанию необходимости решения как минимум трех фундаментальных проблем: **психофизической, психофизиологической и психосоциальной**. Это же и основные направления научного анализа психики, составляющие, по Б.Ф. Ломову, систему ее измерений.

Решение психофизической проблемы направлено на выяснение специфики отношения психического, носителем которого является конкретный человек, к внешнему, отражаемому им предметному миру, окружающим его материальным объектам. Анализ психофизиологической проблемы позволяет понять отношение психического к физиологическому, прежде всего — деятельности нервной системы в целом, мозга, его коры, рассматриваемых классической психологией в качестве «материального субстрата психики». Решение же психосоциальной проблемы направлено на изучение отношения психического к общественной жизни конкретного человека и социальных групп во всем ее многообразии, хотя прежде всего изучается включенность человека в общественно-трудовую и иные виды деятельности, в многочисленные группы, его взаимодействие с другими людьми, составляющие в целом образ жизни человека. Здесь уместно отметить, что в последние годы в общей и социальной психологии для обозначения широкого спектра социальных форм активности человека стало все чаще использоваться понятие «жизнедеятельность».

Три перечисленные выше аспекта в исследовании природы психического хорошо известны психологам, однако их профессиональное осознание и специальный анализ в истории психологии имеют принципиально разную продолжительность. Если психофизическая и психофизиологическая проблемы являлись для психологии классическими, традиционными и характерными для рассмотрения природы психического еще в доэкспериментальные периоды ее развития, то психосоциальная проблема фактически была поставлена лишь в первой половине 30-х годов XX в. Л.С. Выготским и С.Л. Рубинштейном, хотя и сформулирована каждым из них в разных терминах. Поэтому в настоящее время сравнительно хорошо отрефлексированы, а в теоретическом плане довольно непротиворечиво выстроены и имеют богатую экспериментальную основу пока лишь две проблемы: психофизическая и психофизиологическая. Психосоциальная же проблема имеет сегодня не просто большую, но, можно сказать, чрезвычайно острую актуальность в исследовании современного человека. Механизмы реализации личности, процессы решения задач субъектом деятельности, многообразные психические процессы и состояния в целом функционируют в разного рода социальных средах и испытывают их реальные влияния. Продвигаться в понимании механизмов взаимодействия психического и социального — это и означает конкретно решать психосоциальную проблему. Скорее всего, именно с ее продуктивным решением может быть связано принципиальное изменение места психологической науки в современном противоречиво изменяющемся обществе и в первую очередь — рост ее востребованности. В решении же этой невероятно сложной проблемы психологам целесообразно научиться учитывать общую направленность развития социального в современном мире, новые формы социальной интеграции и дифференциации разных людей и их общностей, формирование новых социальных процессов, состояний и свойств, а также социально-психологических типов современного человека в целом и т.д.

Однако с уверенностью можно утверждать, что даже решение всех трех классических для психологии проблем не приведет к полному или хотя бы приемлемому для сегодняшнего времени пониманию природы психического. С этой целью наряду с ними крайне важно интенсивно разрабатывать и учитывать результаты исследования целого ряда других проблем, например: психоэволюционной, психоисторической, психогенетической, психоморфологической и т.д., содержание которых далеко не исчерпывается тремя более известными и выделенными выше проблемами. С некоторой вероятностью можно предположить,

что в перспективе названные и некоторые другие (например, психо-химическая) проблемы станут наиболее актуальными направлениями исследований природы психического. Справедливо будет отметить, что и сами перечисленные проблемы, в свою очередь, чрезвычайно неравномерно разработаны в современной психологии. И если по психоэволюционному, психоисторическому и тем более психогенетическому направлениям имеются достаточно крупные и фундаментальные работы, то психоморфологическая и психохимическая проблематика только начинает разрабатываться.

В контексте рассматриваемого нами вопроса необходимо подчеркнуть следующее: решение перечисленных проблем с целью понимания природы психического предполагает обязательное обращение к тем реалиям, которые исследуются другими науками, в частности, физикой, физиологией, общественными науками, биологией, генетикой, морфологией, химией, соматологией и т.д. Это означает, что для того, чтобы изучать природу психического, психологам необходимо выходить за пределы его непосредственного носителя. По аналогии здесь используется содержание одного из положений С.Л. Рубинштейна о том, что «психика выходит за пределы внутриорганических отношений» (Основы общей психологии. М., 1940, с. 15). Важно подчеркнуть, что, делая это, психологи неизбежно оказываются в междисциплинарной зоне исследований. Но оправдан ли такой подход в теоретическом плане, не подразумевает ли это некую обреченность психологической науки на междисциплинарные исследования?

Чтобы попытаться ответить на возникающие в связи с этим вопросы, обратимся вначале к исследованиям ключевых для психологии феноменов и, соответственно, использованию основных ее понятий. Остановимся на базовых понятиях, которые обычно просят называть научные журналы и фонды для обозначения «предметного поля» исследования. Это — человек, сознание, бессознательное, индивид, личность, субъект, индивидуальность, группа, активность, взаимодействие, жизнедеятельность, поведение, деятельность, общение, отражение, отношение, переживание. Конечно, данный список можно сократить или, наоборот, дополнить, однако в этом ряду нет ни одного понятия, которое разрабатывалось бы *только* психологической наукой. Более того, создается впечатление (его очень трудно строго проверить), что чем важнее некий феномен или понятие для психологии, тем большее число смежных наук их исследуют, разрабатывают и используют. Это справедливо для понятий человека, сознания, личности, субъекта, активности, деятельности, поведения и некоторых других.

В связи с этим естественным образом возникают несколько вариантов использования и развития содержания перечисленных и других понятий: *во-первых*, обращение психологов к данным других наук с целью сопоставления их со своими результатами; *во-вторых*, изначальная организация совместных междисциплинарных исследований по согласованным с другими специалистами программам (целям, задачам, методикам и т.д.); *в-третьих*, освоение методов других наук и включение их в собственные программы исследования (кстати, так нередко используют психологические методы представители наук, близких психологии: педагоги, социологи, политологи, конфликтологи и др.). Каждый из приведенных вариантов имеет свои сильные и слабые стороны. Например, когда методы других наук берутся без приглашения их представителей к совместным исследованиям, то, как правило, это или экспресс-варианты, или более простые для освоения методы, чем реально существующие в той или иной науке, или методы, выполняющие лишь вспомогательные функции в исследовании, и т.п. Однако же в любом случае междисциплинарность становится неизбежным фактором для психологов при организации исследований важнейших психологических феноменов.

Психологическая наука фактически востребована всюду или, по меньшей мере, так должно быть при исследовании проявлений психического в любой сфере жизнедеятельности отдельного человека или социальной группы, включая общество и даже человечество в целом. Но нет такой сферы жизнедеятельности людей, в исследовании которой психология была бы полным «монополистом». *Специфика психологии* состоит не в ее избирательности в исследовании некоей сферы, в которой она является единственной востребованной наукой, а в том, что психология необходима в исследовании *всех сфер*, относящихся к человеку и группам; тем самым ее предмет исследования неизбежно «пересекается» или частично «накладывается» на предмет изучения различных естественных, технических, гуманитарных и общественных наук. Такая ситуация благоприятна для психологии и также располагает к организации междисциплинарных исследований психического.

Заманчивым, конечно, кажется поиск такого психологического феномена и, соответственно, обозначающего его понятия, разработкой которого занималась бы только психологическая наука, но пока подобный феномен не обнаружен и перспективы его выделения неопределенны — скорее всего, это некий нереалистичный прожект. В целом психологи должны быть заинтересованы в междисциплинарных исследованиях, результаты которых наиболее активно продвигают

их к более глубокому пониманию психики, а психологическая наука, как и другие дисциплины, от этого только выигрывает. Фактически происходит интегрирование разного видения, разных подходов к рассмотрению одних и тех же достаточно сложных явлений.

НЕКОТОРЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И ТРУДНОСТИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПСИХОЛОГИИ

Может создаться впечатление, что психология «обречена» только на междисциплинарные исследования. В этой связи необходимо остановиться как минимум на трех моментах.

Во-первых, неправомерно понимание, что таковые — единственная и неизбежная форма исследований в психологической науке. Это было бы крайностью, неизбежно приводящей психологию к полному ее «растворению» в других науках, а процесс продвижения в понимании психики — в тупик. В любой науке, и психологической также, безусловно, принципиально возможны и реально существуют самые различные типы исследований. Вместе с междисциплинарными имеют место и в большинстве своем собственно психологические исследования. В контексте же данного анализа речь шла о междисциплинарных исследованиях как одной из практикуемых форм изучения психических явлений.

Во-вторых, неизбежны и издержки, то есть негативные для психологии следствия междисциплинарных исследований. Здесь мы назовем некоторые из них, не раскрывая подробно их содержания, например: опасность разной степени редукции собственно психических явлений к тем, которые изучаются другими науками, что легко может привести к элиминированию психологии в изучении этих явлений; вмешательство в дела психологической науки со стороны представителей других наук как источника «более старшего», «более научного», «более правильно понимающего», «более опытного» и т.п. знания (исторические примеры такого вмешательства со стороны исторического материализма, научной организации труда, физиологии высшей нервной деятельности, медицинской, педагогической науки и т.п. психологам хорошо известны и их важно помнить); в условиях необходимого приспособления, неизбежной «притирки» методов разных наук утрачиваются некоторые тонкости психологического исследования, значимость которых остается понятной только психологам.

В-третьих, нельзя не сказать о больших сложностях и трудностях, типичных для междисциплинарных исследований, избежать которых практически невозможно из-за самой исходной их природы. Так, например: междисциплинарные исследования всегда дают плюралистичное (в смысле множественное) знание, однако степень этой плюралистичности может быть чрезвычайно высокой, что вызывает сложности в интеграции полученного знания; междисциплинарные исследования нередко характеризуются низкой совместимостью используемых языков разных наук, а повышение уровня взаимного понимания представителей этих наук требует либо явного упрощения языков, либо занимает много времени; программы междисциплинарных исследований включают разные методы, но нередко различного уровня их разработанности, что объективно зависит от состояния конкретной науки, при этом одни методы по различным причинам становятся главными в программе, а другие — вспомогательными и т.п.; — все это приводит к получению результатов разной степени точности и надежности, и многое другое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имея в виду все отмеченные и позитивные, и негативные моменты, нельзя забывать о специфике междисциплинарности в психологии как атрибутивного качества данной науки. Наряду с эффективным продвижением в понимании своего предмета, следствием атрибутивной междисциплинарности психологии является также возможность интегрировать через общий интерес к психике и, соответственно, через ее многоуровневые исследования, представителей самых разных наук. Таким образом в какой-то степени завоевывается и авторитет среди них, очень необходимый психологии в период наметившегося процесса реформирования академической науки, а следовательно, и всей отечественной науки в целом. История психологии богата яркими примерами подобной интеграции, и современные психологи имеют возможность продолжить эту традицию, высокозначимую для всех областей научного знания.

Результатом специальных организационно-управленческих воздействий в форме реализации принципа междисциплинарности в организации исследований многообразных психологических явлений может стать порождение новых научных проблем в современной психологии.

ПСИХОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Т.Д. МАРЦИНКОВСКАЯ

Словосочетание «психология XXI в.» стало настолько привычным и даже навязчивым, что в его смысл перестали вдумываться, не замечая, как за привычностью термина уходит не только его содержание, но и осознание происходящих в последние годы изменений отношения к науке, ее места в современном мире. Поиски смысла научной деятельности, роли и границ воздействия научных открытий на общественное сознание связаны как с методологией, так и с анализом тех проблем, с которыми мы столкнулись в последние годы. Особенно важным такой анализ представляется вследствие того состояния неопределенности, которое переживает российская психология. Среди проблем, с которыми сталкивается наша наука, есть и общемировые (например, размывание границ между теорией и практикой), и специфические для отечественной психологии тенденции, связанные со все более отчетливо прослеживающимся доминированием утилитарности. Такая ориентация характеризует не только и не столько состояние науки, сколько состояние общества, опять возвращающегося к нивелированию ценности творчества и самостоятельной творческой мысли, не имеющей практического выхода.

Таким образом, сложности в осознании психологами смысла и методологических принципов своей деятельности в настоящее время во многом обусловлены как логикой развития науки, так и состоянием общества, которое само не определило, какие задачи оно ставит в настоящее время перед психологией, чего ждет от нее. Поэтому представляется интересным сопоставить разные позиции и научные представления с социальными представлениями современного общества и его ожиданиями от науки.

Прежде всего, встает вопрос о том, насколько созвучны тенденции к междисциплинарности и постмодернизму, ясно прослеживаемые в науке в настоящее время, тем трансформациям, которые происходят сегодня в мире. Даже поверхностный анализ дает возможность

увидеть некоторые кардинальные изменения, наиболее характерные для сегодняшнего дня. Новой эпохе, в частности, свойственны такие черты, как глобализация, серьезные межэтнические и межконфессиональные конфликты, представления о пассионарности и активности людей в конструировании окружающего мира, ярко выраженное состояние неопределенности в понимании целей и направления развития общества. Изменчивость мира и его образа в сознании людей разной ментальности, образования и социальной принадлежности меняет и само представление о межличностных и межгрупповых отношениях и аттрактивности партнеров, проблематизируя или, напротив, упрощая контакты с людьми другой культуры. Попробуем представить, как это может сказаться на развитии науки.

Проявления глобализации сказываются не только на экономике и политике, они затрагивают все стороны взаимодействия разных культур — от обмена технологиями и совместных научных разработок до смешанных браков. Существенное влияние оказывают эти процессы и на восприятие людьми окружающего пространства, которое начинает ощущаться как свернутое, а сама Земля — как небольшая планета, расстояния между разными точками на которой совсем не так велики, как казалось прежде. Естественно, это не может не проявиться в представлениях об окружающем мире. Если в прежние века время и пространство казались людям бесконечными, ведь жизнь вечна, а земля — огромна и обойти ее невозможно, то сегодня люди понимают как быстротечность и ограниченность жизни, так и легкость перемещения в пространстве. Это придает другую ценность жизни, а также создает необходимость принятия факта существования других людей и других культур. Увеличение миграции также приводит к необходимости межличностного взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам, поэтому огромное значение приобретает анализ причин дезадаптации людей к новым условиям жизни, неприятие или пассивное отторжение той культуры, тех традиций, которые являются значимыми для нового социального окружения.

В то же время, взаимодействие людей, имеющих разную ментальность, разные языки, разные ценности приводят к необходимости осознания и на бытовом, и на научном уровне относительности наших представлений об истине, о том, «что такое хорошо, а что такое плохо». Важной становится оценка одной и той же позиции с разных точек зрения, в разных подходах и разных науках. Таким образом, междисциплинарность, полипарадигмальность и постмодернизм, о которых заговорили методологи, не являются совершенно абстракт-

тными понятиями, эти тенденции продиктованы не только научными изысканиями, но и самой жизнью.

Особую актуальность такой поиск разных подходов и преодоление границ между ними приобретают для психологии личности. В исследовании проблемы личности в психологии сходятся, сталкиваясь и соединяясь между собой в своеобразный «коллаж», несколько философских и психологических концепций, ведущими из которых, на мой взгляд, являются экзистенциальная философия и гуманистическая психология, психология деятельности А.Н. Леонтьева и культурно-историческая парадигма в разных ее вариантах (А.А. Потебня, Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский). При этом основными точками соприкосновения здесь становятся понятия бытия, значения и смысла.

Если Леонтьев писал о важности общественной (социальной) практики, рефлексия которой создает значения и смыслы, формирующие сознание личности, то Э. Гуссерль и Г. Шпет рассматривали феномены сознания, связанные с разными видами бытия. Так, Шпет говорил о том, что существует несколько видов бытия — бытие природное, которого, как он считал, не существует в чистом виде, бытие культурное и бытие отрешенное (среднее между логически отвлеченным и эмпирически данным). На самом деле, утверждал Шпет, окружающая нас действительность является в первую очередь не природной, а социальной, исторической, культурной. Поэтому все виды бытия соединяются в бытии социальном, которое отражает и мысли человека, и реальные предметы, и предметы творческого воображения. Доказывая это, он приводил в пример любую вещь, которая несет на себе отпечаток различных видов бытия — их естественность есть весьма условная часть действительного целого и абстракция от конкретного. Мне представляется, что именно этот подход не только открывает широкие перспективы исследования социализации человека, присвоения им в процессе деятельности продуктов (реальных и идеальных) общественной практики, но и помогает преодолеть натуралистическую позицию в психологии личности и найти для нее место между субъектом и духовным миром, соотнести внутреннее содержание, присущее только личности, с миром культуры. Шпет считал, что человечество в процессе своего развития создает новый мир, социально-культурный, существующий помимо мира природного. И именно этот мир и является целью социального познания, и процесс, и результат которого превращает человека в социально-культурного субъекта, а его поведение из естественного трансформируется в поведение, имеющее определенный социальный смысл. Таким образом,

социальное бытие человека превращает его в социальную личность, поведение которой служит определенным знаком для других людей и одновременно для него самого.

Постижение объективного (значения) и субъективного (смысла) содержания знаков, происходящее в процессе социального познания, ставит вопрос о той картине, образе мира, который возникает в сознании человека. Многочисленные исследования, проводимые в разных научных школах, показали многомерность этой картины, в которой, как в гениальной инсталляции, уживаются и дополняют друг друга различные представления, порожденные разными видами бытия. Целостность этой системы представлений, являющаяся важнейшим условием ее существования, доказывается не только работами А.Н. Леонтьева, но и материалами Э. Эриксона, С. Московичи и др. Однако вопрос о том, что же лежит в основе этой целостности, остается открытым. В этом плане представляется, что значение концепции Э. Гуссерля для психологии все еще не получило достаточной оценки, в частности, его идеи о существовании априорных постулатов, относящихся к жизненному миру и существующих до всяких, в том числе и научных, эмпирических ценностей. Не умаляя научного знания, эти постулаты структурируют его, позволяя создать из опытных данных о психических феноменах целостную систему. Феноменологическая редукция здесь имеет значение не только для структурирования информации, получаемой из внешнего мира, что было показано еще в работах гештальтпсихологов (частично — в работах Дж. Гибсона), но и для структурирования смыслов, в том числе для понимания себя и смысла своего существования мире.

Именно идея смысла есть некоторое связующее звено, позволяющее перебросить мостик от Э. Гуссерля к другим авторам, в том числе и к концепции значения и смысла А.Н. Леонтьева. Говоря о жизненном мире и развитии представлений о нем, Э. Гуссерль подчеркивал, что предмет есть, а смысл — значит. Эта позиция дает возможность соотнести несколько пластов бытия, в том числе: значение и смысл предмета (что отсылает нас к работам А.Н. Леонтьева), значение и представление, внутренняя форма предмета (что отсылает к Г.Г. Шпету).

Благодаря феноменологической редукции для нас открывается идеальное бытие, но есть еще и реальное бытие вещи, которое часто существенно отличается и от естественного, и от идеального бытия. Ведь любая вещь несет на себе отпечаток различных видов бытия (абсолютного, трансцендентного, социального, природного и т.д.), и их естественность есть весьма условная часть действительности. Значе-

ние — это и есть тот исток, тот априорный момент, который дает нам в виде общего понятия истину об объекте. Погружение в суть предмета, при всем эмпирическом понимании его субъективности, предполагает и объективное познание. А эмпирический опыт, напластованный на это значение, придает ему личностный смысл, причем именно в том плане, какой вносится в это понятие А.Н. Леонтьевым, тем самым связывая несколько пластов нашего бытия в единое целое. В то же время опыт человека носит не только личностный, но и надличностный характер, а потому появляется еще и идеальное представление, внутренняя форма предмета, которая связывает его эмоционально уже не с личным, но культурным опытом.

Однако если личностный опыт еще может быть получен человеком в собственной индивидуальной деятельности (хотя и трудно представить таковую — совсем без со-действия, интеракции с другими), то появление надличностных феноменов сознания невозможно без общения с другими. Ведь именно в процессе коммуникации люди передают друг другу как значения, так и свои смыслы, часто бессознательно путая одно с другим.

Хотелось бы обратить внимание еще на один пласт проблем, актуализирующих тенденции, развиваемые постнеклассической психологией. Глубокие изменения социальной ситуации, ценностных ориентаций и нормативов, преобладающих в идеологии современного (и не только российского) общества, нарушили его стабильность и снизили уровень укорененности и социализированности людей. Современное общество ставит перед человеком большое количество сложных, неоднозначных жизненных ситуаций, требующих осознанного и адекватного выбора. В то же время у многих людей нет понимания разности своих социальных представлений, нет умения отделять эмоциональные отношения от рационального взаимодействия. Поэтому подходы, раскрывающие разное содержательное наполнение дискурсов при различных межличностных дистанциях и ролевых позициях партнеров, являются крайне актуальными. Тревожным является и выявленное во многих исследованиях стремление людей к включению этических установок при проблематизации ситуаций, возникающих в межкультурном взаимодействии. Возможно, что данная стратегия поведения играет роль своего рода копинга, защиты, помогая человеку рационализировать проблему и доказать самому себе, что стереотипы и нормы поведения, принятые в его культуре, лучше, чем в культуре партнера. При этом возникает вопрос: не мешает ли такое включение моральной оценки социализации человека в иной культурной среде?

Изменчивость, текучесть, казалось бы, незыблемых представлений, истоки которых коренятся в бессознательном, в архетипах, обусловила необходимость поиска человеком в себе тех внутренних, духовных способностей, которые помогут ему противостоять давлению среды, кардинальным социальным, экономическим, идеологическим изменениям, способным нарушить (и даже разрушить) его целостность, идентичность, его понимание окружающего мира и самого себя. Символично, что на рубеже XX–XXI вв. вновь, как и столетие назад, приобретает актуальность проблема смысла и сути культуры, отличий природного и культурно-исторического бытия, границ и способов влияния культуры на личность. Это связано с тем, что формирование идентичности начинает происходить уже преимущественно не на основе социальной, но на основе национальной составляющей. При этом крайне важно, чтобы образующей этой идентичности стала национальная культура, а не родовая принадлежность.

Процесс вхождения в определенную социальную действительность предполагает понимание особенностей этой действительности, принятие ее норм и ценностей в качестве собственных идеалов и установок. Однако, в отличие от социальной адаптации, социализация предполагает не только пассивное принятие определенных норм и правил поведения, но и их активное использование, т.е. выработку человеком определенных знаний и умений и их адекватное применение в данной социальной действительности. Именно этот аспект социализации, связанный с выработкой активной позиции, со стремлением самоактуализироваться именно в этой действительности, несмотря ни на какие препятствия, вызывает наибольшие сложности.

Индивидуальные поиски новых эталонов, наиболее оптимальных способов социализации в новой действительности часто приводят к появлению неадекватных для современной ситуации идеалов и норм, заимствованных при обращении или к прошлому нашей страны (как к советскому, так и дореволюционному), или к опыту других стран. Поиски эталонов, идентификация с которыми даст возможность осознать и свою собственную ценность, и ценность и уникальность собственной страны, необходимы и для успешного формирования идентичности, и для успешной самореализации. Они обуславливают тот значительный всплеск интереса к истории, который отразился в большом количестве выпускаемых в последнее время исторических хроник, мемуаров, беллетристических произведений, кино- и телефильмов, созданных на основе исторических фактов. Так люди пытаются «восстановить связь времен», воссоздавая

как индивидуальную, так и социальную идентичность, утерянную в последние годы.

Культура и, особенно, искусство, остаются неизменными даже тогда, когда меняется быт, мировоззрение, политические и структурные аспекты социальной адаптации человека. Поэтому инкультурация обеспечивает укорененность и устойчивость, необходимые в современной жизни, которая многими воспринимается как разломанная, неопределенная. Национальная культура, в случае успешной инкультурации, эмоционально воспринимается как единое целое. Однако для этого человеку необходимо осознать связь культуры в разные периоды российской истории — допетровской, дореволюционной, советской и современной, а также выделить определенных исторических персонажей (ученых, художников, политических деятелей), через эмоциональную идентификацию с которыми могут быть сформированы разные структуры самосознания (национальное, правовое, личное). Так формируется одна из важнейших составляющих структуры самосознания личности — «Я — культурный человек».

Идея культуры как фундамента социализации важна и потому, что нарушение идентичности, связанное, прежде всего, с переоценкой ценностей, в том числе и ценности своей жизни, увеличивает напряженность, фрустрированность людей. Такое психологическое состояние мешает восприятию нового, в том числе новых идей и новых форм активной деятельности, которые ощущаются как «эмоциональная перегрузка», а потому либо не воспринимаются, либо агрессивно отторгаются. Подчеркивание связи с позитивным прошлым опытом, с культурой дает возможность снять этот барьер или снизить его значение. При этом формирование идентичности на основе культурной, а не национальной составляющей даст возможность расширить границы восприятия, преодолев узкие этнические стереотипы. Междисциплинарная культура, в которой связываются воедино многие пласты действительности, разорванные в отдельных областях знания, идеально подходит для многомерного и сложно организованного мира, которым является современное общество. В междисциплинарном и, шире, в межкультурном взаимодействии может быть сформировано новое понимание человека в системе многомерных взаимоотношений, которые он создает в процессе жизни. Междисциплинарный характер культуры проявляется и в том, что ее роль в процессе становления новой идентичности может анализироваться в контексте теории самоорганизации И.Р. Пригожина, так как культура может рассматриваться как фактор, структурирующий и выстраивающий

процесс социализации и становления социокультурной идентичности в кризисные периоды.

Изменчивость, текучесть, казалось бы, незыблемых представлений, истоки которых коренятся в бессознательном, в архетипах, обусловила необходимость поиска человеком в себе тех внутренних, духовных способностей, которые помогут ему противостоять давлению среды, кардинальным социальным, экономическим, идеологическим изменениям, способным нарушить (и даже разрушить) его целостность, идентичность, его понимание окружающего мира и самого себя. Символично, что на рубеже XX–XXI вв. вновь, как и столетие назад, приобретает актуальность проблема смысла и сути культуры, отличий природного и культурно-исторического бытия, границ и способов влияния культуры на личность. Это связано с тем, что формирование идентичности начинает происходить уже преимущественно не на основе социальной, но на основе национальной составляющей. При этом крайне важно, чтобы образующей этой идентичности стала национальная культура, а не родовая принадлежность.

Идея о роли пассионарной активности и в переконструировании социального мира, и в создании его образа, показывает, что в концепции образа мира, как в свое время в концепции образа движения, необходимо перейти от менее сложной и однозначной картины к более сложной и многозначной. В свое время Н.А. Бернштейн, выделяя уровни построения движений, подчеркивал сложность этого процесса, отличающегося от простых реакций на внешний раздражитель, так как человек не просто реагирует, отражает стимулы внешнего мира, но создает, конструирует свое поведение. По-видимому, в современной психологии также пора перейти от концепции отражения к концепции построения, конструирования образа мира и себя. Конструируемый образ мира не только субъективен, он представляет собой сложную разноуровневую систему, полностью проанализировать содержание которой можно только исходя из разных дискурсов. Таким образом, помимо иерархического строения создаваемых человеком представлений о себе и мире, можно констатировать и их отнесенность к разным областям — т.е. это уже скорее не образ, но коллаж. При этом, возможно, уместно использовать принцип взаимосвязи развития и дифференциации образов, о котором писали еще гештальтпсихологи, утверждая, что в процессе своего развития человек переходит от смутного образа мира ко все более четкому и дифференцированному представлению о нем.

Еще одной реальностью настоящего времени стал Интернет, который является крайне интересной моделью для исследования

в связи с тем, что в реальности социальная ситуация в значительной мере определяет не только оценку человеком своего положения в ней, но и детерминирует оценку им себя. В реальном мире люди часто не могут изменить ни себя, ни ситуацию, как бы она их ни устраивала, но в Интернете можно скрыться за маской, за несколькими масками, принимая разные имена и придумывая себе различные ситуации и разные биографии. Это дает возможность опробовать себя в разных ролях, которые в дальнейшем, при успехе в данном виде коммуникации, может перейти и в действительность. Так неопределенность общения в сети, накладываясь на неопределенность в личностной сфере, может стать источником положительной динамики и осознания если не себя, то хотя бы своего поведения и его причин.

В том случае, если мы уверены в возможности перестроить, переконструировать ситуацию и на этой основе выстроить будущее, снимается неопределенность этого будущего и те тревоги и опасения, которые оно несет с собой. Таким образом, конструкционистская парадигма, в рамках которой можно говорить о трансформации окружающего мира в направлении желаемых изменений, увеличивает степень предсказуемости будущего и снимает эмоциональную напряженность, смыкаясь с проблемой неопределенности, имеющей и методическую, и методологическую, и социальную обусловленность.

Сложности в описании неопределенности при предсказании проведения объектов в определенных ситуациях существуют не только в психологии, но и в естественных науках, например, в физике, где концепция неопределенности разрабатывалась еще с середины XX в. В рамках этой концепции доказывается, что фактически невозможно не только предвидеть будущее направление движения частиц, но и точно понять, какой путь они проделали в прошлом. Единственное, что объективно возможно — это увидеть положение частицы в конкретный момент времени.

Применяя понятие неопределенности к психологии, можно говорить о том, что в современном мире причинно-следственные отношения не всегда могут стать основой понимания событий, происходящих даже в настоящее время, и тем более они не могут помочь предсказать, как будет вести себя человек в будущем, как отреагирует даже на знакомые раздражители. Все это делает даже стабильную ситуацию не совсем ясной, еще более неопределенной является новая или постоянно меняющаяся ситуация, в которой сам человек, его мысли, состояние, поведение тоже становятся в большей, чем обычно, степени, неопределенными. Человек одновременно является как бы и стабильным образованием с ясной устойчивой структурой мотивов, и постоянно

меняющейся величиной в системе разнообразных отношений (и частица, и волна одновременно).

Поэтому объективация мотивов поведения человека в ситуации неопределенности не может уже соотноситься с поступком как феноменом личности. Однако невозможно совершенно отказаться от принципа детерминации, так как, хотя мы и не можем, как уже говорилось выше, полностью изучить причины поступков людей, мы в то же время не можем и исключить наличие причинно-следственных отношений в каждом конкретном случае, так же как и возможности их будущего анализа. При этом игнорирование детерминизма фактически стирает границу между научной и житейской психологией, психологией и мистикой: полностью отрицая это принцип, мы выйдем за рамки научности.

Поэтому в настоящее время приходится искать опосредованные способы анализа. По другим людям мы можем судить о том, что происходит с человеком, идентифицируясь с ним, можем судить о его мотивации. Но это — не полностью достоверное знание, оно опосредовано как культурой (человек ведет себя соответственно определенным эталонам), так и опытом и переживаниями наблюдателя, его атрибутивными схемами. Поэтому такое значение для постнеклассической психологии приобретают нарративы, результаты самонаблюдения. Как источник света позволяет не только разглядеть движущееся в темноте тело в конкретный момент времени, но и предположить, откуда оно появилось и куда направляется, моменты инсайта, рефлексии помогают человеку частично понять себя, осознать причины своих поступков, свои мысли и переживания, чтобы потом экстраполировать эти наблюдения на других людей. Но это только дискретные моменты: понимание того, что предшествовало им (причина) и того, что за ними последует, достаточно фрагментарно и субъективно, т.е. осознание себя и объективация идентичности в принципе возможны только здесь и сейчас. В то же время сохраняется иллюзия, что мы представляем себе свое предыдущее состояние, хотя мы оцениваем себя не намного лучше, чем окружающих.

Таким образом, для психологии объективация и операционализация понятия неопределенности актуальна в связи с методологическими проблемами и предметом исследований — личностью, внутренний мир которой в принципе не определен для окружающих, а во многом и для самого человека. Ситуация внешней неопределенности лишь усиливает это положение, делая его очевидным.

Поэтому в конструировании человеком своего поведения в ситуации неопределенности присутствует не только элемент активности, но и элемент неизбежности, так как человек не может не создавать

ту реальность, которая вызывает у него меньший страх и негативные переживания, как-то справляясь с тем фактом, что полностью осознать и предсказать ситуацию он не в состоянии, если хочет продуктивно жить и работать. При этом им используются различные виды объективации и объяснения, оценки и интерпретации своего поведения. Поэтому, как мне представляется, философия постмодерна и полипарадигмальность методологии особенно созвучны современной ситуации, непредсказуемость и вариативность которой волей-неволей приводят к необходимости создания «коллажа», отражающего разные аспекты ситуации и нашего присутствия в ней.

Полипарадигмальный характер современной психологии дает возможность не только выхода за пределы поля одной концепции и объяснительных принципов одной науки, но и наполнения понятия избыточными смыслами, открывая возможности их сравнительного толкования, что органично связывает ее методологию с постмодернизмом.

Согласно постмодернистскому взгляду, мир многомерен и многогранен, а образ мира — это своего рода мозаика, которая складывается из отдельных образов, представлений, теорий. Как и мозаика в калейдоскопе, образ мира, каким он нам предстает, зависит, прежде всего, от нашего сознания, от нашей интенции, которая и определяет «поворот» калейдоскопа и изменение картины мира. С этой точки зрения эволюция научного знания рассматривается как последовательная смена теорий, каждая из которых более точна и применима, чем предыдущие, но ни одна не описывает явления полностью и окончательно, ни одна не несет абсолютную истину. Именно поэтому наука в поисках ответов на кардинальные вопросы должна выйти за пределы условных границ между дисциплинами, используя те «языки», которые оказываются подходящими для описания различных аспектов многоуровневой, взаимосвязанной реальности. Одновременно эти критерии задают рамки и основания будущих исследований, которые, безусловно, будут проводиться, и не только в постнеклассической психологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
- Бернштейн Н.А. Очерк по физиологии движений и физиологии активности. М.: Наука, 1966.

- Гибсон Д.* Экологический подход к зрительному восприятию. М.: Прогресс, 1988.
- Кравков С.В.* Самонаблюдение. М.: Госиздат, 1922.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Социальная психология в современном мире / Под. ред. Г.М. Андреевой и А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002.
- Харре Р.* Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. М.: ИНИОН РАН, 1995.
- Шпет Г.Г.* Психология социального бытия. М.: Академия педагогических и социальных наук, 1996.
- Ярошевский М.Г.* Историческая психология науки. СПб.: Наука, 1994.

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ

М.С. Гусельцева

Последняя четверть XX в. в искусстве, философии и гуманитарных науках была заявлена как *эпоха постмодерна*. И ряд зарубежных авторов взялись исследовать возможности развития психологической дисциплины в «постмодернистском культурном ландшафте». Итогом такого исследования стал симпозиум, состоявшийся в Дании в июне 1989 г., посвященный проблемам взаимоотношения психологии и постмодернизма (Psychology and Postmodernism, 1994).

Участники симпозиума искали ответы на вопросы о том, как современная психология будет развиваться, осваивая постмодернистский дискурс, и сможет ли постмодернистская мысль радикально трансформировать понятия современной научной психологии. По итогам конференции был опубликован сборник, отражающий разнообразие авторских позиций, который стал своеобразной моделью, выражающей методологическую ситуацию в психологии в целом. Несвязанные между собой школы психологии, по мере сил осваивающие постмодернистский дискурс, как и авторы, не могущие договориться о самом термине «постмодернизм» — такой участникам симпозиума предстала калейдоскопическая картина современной реальности (там же). Однако бесспорным результатом осмысления психологии в контексте постмодернизма стало признание, что эпоха *постмодернизма* явилась одним из методологических «вызовов», обращенных к психологии.

Цель данной статьи — рассмотреть разные грани феномена постмодернизма, представить основные постмодернистские концепции и очертить перспективы развития психологии в постмодернистском контексте.

ПОСТМОДЕРНИЗМ: ТЕРМИНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Проблематична сама по себе трактовка постмодернизма. В нашем понимании постмодернизм — это метафора, указатель пути; это «неадаптивная активность» (В.А. Петровский) мысли, возникающая на переломах культуры. Эволюционный смысл постмодернизма в культуре — переосмысление прожитого, демонтаж завалов цивилизации (феномен, который Ж. Деррида обозначил термином «деконструкция»).

Пониманию постмодернистских текстов и их критики нередко препятствует терминология. Так, А.Е. Чучин-Русов отмечает, что не только разные, но даже одни и те же авторы употребляют термины «модерн», «модернизм», «постмодернизм» и «постмодерн» как синонимы (Чучин-Русов, 1999).

Понятие *постмодернизм*, как и большинство культурологических понятий, отличается принципиальной недоконцептуализированностью и избыточностью смыслов. Под *постмодернизмом*, *взятом в предельно широком контексте*, принято понимать «глобальное состояние цивилизации последних десятилетий», совокупность «культурных настроений и философских тенденций», связанных с переживанием завершенности определенного культурологического этапа развития, изжитости «современности», «вступления в полосу эволюционного кризиса» (Скоропанова, 2001, с. 8). В узком смысле *постмодернизм* трактуется как образ и стиль жизни, особый духовный настрой, присущий обществам, завершившим стадию модернизации (*postmodern society*) (Керимов, 1998).

Под *модерном* обычно понимают художественный стиль, зародившийся в европейском искусстве на рубеже XIX–XX вв. и впоследствии распространившийся на другие культуры. *Модернизмом* называют ряд авангардистских направлений искусства XX в., объединенных субъективизмом художника в восприятии реальности и подчеркнутой оригинальностью интерпретации¹.

Термин «постмодернизм» получает распространение в 70-е годы XX в., обозначая «структурно сходные явления в общественной жизни и культуре современных индустриально развитых стран» (там же)². Ха-

¹ Представители модернизма не только оппонировали модерну: их тяготил и стиль вообще, «они стремились отбросить правила и законы, которые он диктовал, и усматривали в наличии стиля препятствие на пути к самовыражению» (Чучин-Русов, 1999, с. 27).

² «Слово “постмодернизм” следует использовать не столько в литературоведческом или искусствоведческом плане, связывая его с явлениями литературы или архитек-

рактерной чертой постмодернизма становится стремление совместить в одном произведении разнообразные стили, мотивы и художественные приемы, взятые из разных эпох и культур. Если модернизм стремится попросту к новизне и критикует традицию, то постмодернизм старается поглотить, вместить в себя, растворить в едином произведении разнообразные национальные традиции и художественные языки³.

Л.Г. Ионин трактует *постмодерн* как «новую культурную эпоху», характерными чертами которой служат своеобразный «культ культуры», критика науки и техники, тенденция к глобализации, «недисциплинированность» и ряд других особенностей художественной жизни (Ионин, 2000).

А.К. Якимович ставит проблему *нового мироощущения* людей, порождающих искусство XX в.: «Ведь должен был случиться большой тектонический сдвиг в индивидуальной и социальной психике людей, чтобы это новое искусство приобрело всеобщность и даже стало символом XX века» (Якимович, 1994, с. 242). Особенно показательны в этом смысле течения авангарда и постмодерна. «До появления авангардизма культура придерживалась упорядоченных моделей мира» (Якимович, 1994, с. 243). Культура авангардизма «освоила парадоксальное искусство строить дом, в котором крыша — ураган, а пол — землетрясение» (там же, с. 244). Постмодернистские течения искусства разрушали привычный мир, приводили его в состояние подвижности, незавершенности и неопределенности. Наступала эпоха мезальянса, и постмодерн — как стиль неопределенности, размытости, избыточности смыслов — был наиболее репрезентативен для неклассического и постнеклассического мироощущения.

Модернизм, постмодернизм и постпостмодернизм Н.Б. Маньковская относит к «трем китам» неклассической⁴ эстетики XX в.

туры, сколько во всемирно-историческом плане», — полагает Х. Кюннг (Кюннг, 1990, с. 225). Согласно Л.В. Карасеву, «постмодернизм вмещает в себя все культурные эпохи, свободно берет материал откуда угодно и применяет его где угодно. Он предлагает игру в целое культуры» (Карасев, 1993, с. 14).

³ «Изобразительные, литературные, музыкальные произведения, театр и кинематограф, относимые к этому ряду явлений, построены часто по принципу коллажа культурных символов, изобилуют цитатами, которые, свободно комбинируясь, создают новые смыслы, а также отсылками к разным авторам, историческим эпохам, культурам и субкультурам» (Чучин-Русов, 1999, с. 28).

⁴ Подобно тому, как смешиваются термины «модернистский» и «постмодернистский», зачастую не различаются термины «неклассический» и «постнеклассический». В широком смысле термин «неклассический» означает *все, что пришло на смену «классике»*, но в рамках более детального анализа уместно различать «неклассический» и «постнеклассический» стили. На смену «классике» в начале XX в. взрывным

(Маньковская, 2000). В своем культурном выражении постмодернизм представлял собой *коллаж* и *пастиш*, поп-искусство, лас-вегасовский стиль в архитектуре, неразличение реального и воображаемого. В социокультурном выражении постмодернизм был связан с децентрализацией власти, гетерогенностью жизненных контекстов, переходом к информационному состоянию мира (Kvale, 1994). Согласно В.В. Иванову, смысл авангарда заключался в превращении культуры из «застывшей» в действительно «горячую», в разрушении традиционных классических форм посредством эстетической игры с ними. Важно отметить происшедшую в XX в. *перемену механизмов культурогенеза*: традицию не опровергают, с ней не воюют, но освобождаются от нее, критикуя и переосмысливая. Не «бороться с», а «участвовать в» — кредо авангарда. Логика новой парадигмы подобна логике сфинкса. Авангард и постмодернизм сражались с формальной логикой, со здравым смыслом, причинностью — в частности, средствами «коллаж-абсурда» (Иванов, 1989).

В философском осмыслении действительности в постмодернистском дискурсе происходило снятие дихотомии внутренней и внешней реальности, критика традиции в форме ее семиотического переосмысления (это «текстовый анализ» Р. Барта, «деконструкция» Ж. Деррида, «семанализ» Ю. Кристевой). Важное место в философском постмодернистском дискурсе занимал также *анализ власти знания* (Р. Барт, М. Фуко).

С другой стороны, если принцип рационализма и эмпиризма — основных методологических установок европейской культуры — заключался в непосредственном познании (так, эмпиризм стремился опереться на достоверные факты, а рационализм — на «врожденное знание» или рациональные интуиции), то современная методология, как отмечает Н.С. Автономова, все большее внимание начинает уделять именно *посредникам* (Автономова, 2000). Такими посредниками становятся интеллектуальный стиль, способ рассуждения, письмо, особенности коммуникации. Последние являются предметом исследования немецкого философа Ю. Хабермаса. Иными словами, на передний

образом пришел *неклассический стиль*, плавно перетекая к концу столетия в постнеклассический. Однако последние не всегда легко разделить, и в культурологии эти различия не так очевидны, как в истории науки. Поэтому в том контексте, где речь идет об искусстве и литературе, термины «неклассический» и «постнеклассический» разведены не так строго, как там, где речь идет о науке.

«В одном художнике могут уживаться/чередоваться модернист и постмодернист», — пишет И.С. Скоропанова (Скоропанова, 2001, с. 59).

план выходят сами условия процесса познания, и *эта проблематика по принципу взаимодополнительности знания сближает философию с психологической наукой.*

ДУХОВНЫЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВОРОТЫ XX В.

Новое мироощущение стояло за духовными течениями XX в., такими как футуризм, акмеизм, символизм, дадаизм. За присущей им феноменологией прорисовывался совершенно иной образ мира. Согласно новому взгляду, мир многомерен, многогранен, гетерогенен и мозаичен, и то, каким он нам предстает, зависит прежде всего от фокусировок нашего сознания. События в этом мире не ограничиваются причинно-следственными детерминистическими связями, но могут быть рассмотрены через связи смысловые, синхронистичные (см.: Азроянц, Харитонов, Шелепин, 1999; Юнг, 1997), энергетические, структурные (см.: Лаврухин, 2001; Харре, 1995). В этой логике мир представляет собой не что иное, как способ описания. Мир рукотворен, мир выстраивается видящим сознанием, но, с другой стороны, мир неопределен и непредсказуем. Мы живем в реальности, где Порядок вечно сражается с Хаосом. Не случайны в XX в. ни популярность теории самоорганизации И.Р. Пригожина и соавторов, ни рождение литературного жанра фэнтези, представленного такими авторами, как У. ле Гуин, Р. Желязны, М. Муркок и др. (см.: Young, 1995), ни появление психологических концепций конструкционизма (см.: Бергер, Лукман, 1995; Джерджен, 1995)⁵.

Теория самоорганизации И.Р. Пригожина не столько поставила под сомнение существование универсальных законов и механизмов, сколько показала, что они адекватны лишь тогда, когда речь идет о стабильном развитии системы. Но такие моменты редки в реальности, поскольку даже повседневный мир состоит из асимметричных, неопре-

⁵ Более того: «Критика Пригожиным не только классической научной картины мира как царства тотального детерминизма и каузальности, связанного с единственной моделью действительности и ее становления во времени, но и квантово-релятивистского неклассического естествознания первой половины XX в., способствовала выработке представлений о постнеклассическом научном и художественном творчестве как вероятностных системах с низким коэффициентом вероятности, соответствующих современному образу мира как совокупности нелинейных процессов» (Маньковская, 2000, с. 200).

деленных, неустойчивых процессов, уникальных и неповторимых ситуаций. Системы, с которыми имеют дело ученые за пределами своих лабораторий, являются чаще всего *открытыми*, характеризующимися состояниями бифуркации и появлением диссипативных структур. Поведение же открытых систем в критических ситуациях невозможно предсказать, поскольку они готовы развиваться в любом направлении (в психическом мире эта открытость возможностям становится обособованием феномена свободы воли). В критических ситуациях будущее системы зависит от ее индивидуальности, от неповторимых и случайных событий, а не определяется универсальными законами.

И теория самоорганизации, и постмодернизм, и история повседневности⁶, — все эти направления XX в. подготовили для психологии *методологический переворот*: смещение интереса от универсальных законов к уникальным событиям, от общих схем исследования — к частному анализу, от «объективизма» — к «культурной аналитике».

Если взглянуть на методологию как на систему «линз», которые мы произвольно меняем от эпохи к эпохе (механизм, посредством которого это происходит, описан Т. Куном), то мы обнаружим, что современная европейская мыслительная культура созрела для обретения произвольного контроля над этим процессом, и для ученого становится привычным (благодаря влиянию герменевтики и теорий языка) менять эти «линзы» при работе с разными текстами, добиваясь более продуктивного понимания⁷.

Искусство импрессионистов современники поначалу тоже встречали в штыки, поскольку общественному сознанию надо было научиться видеть в хаотической пестроте красок авторский замысел, угадывать в намеках штрихов целое произведение. Но, научившись этой процедуре, публика легитимизировала импрессионизм как направление искусства. Постмодернистский текст — своего рода импрессионистская философия. Для постижения такого рода текстов приходится менять на некоторое время «линзы», мыслительные установки, привычные настройки восприятия. Можно, конечно, отмахнуться, сказать, что все

⁶ Об истории повседневности см.: Оболенская, 1990; Ястребицкая, 1991.

⁷ Постигание постмодернизма сродни пониманию восточных культур, требующих для этого построения «функционального органа» видения, произвольного «разворота» сознания. Понимание постмодернизма предполагает повышенную рефлексивность, семантическую «бдительность» и некоторое предварительное знакомство с правилами игры. «Постмодернистский текст творит нового читателя — принимающего правила множественности языковых игр, с удовольствием в них участвующего», — пишет И.С. Скоропанова (Скоропанова, 2001, с. 60).

это вздор, бессмысленный набор слов, а можно, осуществив усилие по смене привычного взгляда, произвольно выстроить иное состояние сознания, осуществить процедуру, результатом которой станет неожиданное понимание автора.

В отечественной культуре XX в. работал философ М.К. Мамардашвили, и тот способ философствования, который он практиковал, представляется нам сегодня именно постмодернистским. В одной из своих статей М.К. Мамардашвили ввел понятие *презумпции ума* как принципа работы с философскими текстами. «Презумпция ума» означает, что не следует думать будто Декарт, Кант, или Ницше не видели тех недостатков своих концепций, которые обнаруживаем у них мы; как умные люди, они многое видели, но — *они не о том говорят!* И то, что мы замечаем недостатки концепций и не понимаем того главного, что авторы хотели до нас донести, — это проблема не Декарта или Ницше, а нашей неконгенности, нашего сегодняшнего недопонимания. Иными словами, смотреть на авторов прошедших эпох свысока: этого не видели, того не учли — непродуктивная позиция, гораздо эвристичнее *услышать, о чем они говорят*.

Тот же принцип «презумпции ума» должен руководить нами, когда мы имеем дело с работами современников, поскольку прежде, чем приступать к погружению в постмодернистский текст, необходимо выстроить *особый функциональный орган понимания* — «глаза», в противном случае «сезам не откроется». *Чтобы увидеть и понять, что хочет донести до читателя автор, надо произвести некоторую работу над собой*, осуществить своего рода процедуру «феноменологической редукции» — очистить свое сознание от шаблонов, установок и готовых теорий. И здесь, на наш взгляд, в постмодернизме происходит любопытное сближение европейской философии с восточными традициями, где ученика долго готовят для возможности восприятия той или иной реальности (так, К. Юнг писал о «западной йоге», которая должна быть выработана европейской культурой самостоятельно, а не перенята с Востока) (см.: Юнг, 1994).

«Презумпция ума» (принцип «методологического сомнения») и коммуникативная рациональность стали методологическими достижениями постмодернизма.

XX в. был богат на «методологические повороты», такие как антропологический, лингвистический, исторический, культурологический, нарратологический, постмодернистский. «Лингвистический поворот» сделал язык ведущей методологической доминантой, возникло направление, известное как структурализм, оказавшее широкое влияние

на различные науки. Не стала исключением здесь и психология. Однако в отечественной культуре 60-х годов XX в. структурализм оказал существенное влияние лишь на развитие тартуско-московской семиотической школы, связанной с именами Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова, Б.А. Успенского и др., практически не затронув психологию. Последовавший «постмодернистский поворот» способствовал превращению структурализма в постструктурализм (различие между ними в том, что первый ориентирован на синтез, а второй на гетерогенность; структурализм использует системный анализ, а постструктурализм придерживается анализа сетевого и контекстного).

Подобный культурный контекст оказал влияние и на ментальные установки в целом. К концу XX в. интеллектуальный мир стал рефлексивнее и толерантнее: дурным тоном сделалось пребывать в убеждении, что исключительно наша точка зрения верна, а неизбежность личности — признак ее душевного здоровья. В психологии возникли теории множественной личности, а в методологию проникли идеи либерализма и «системного плюрализма». Пришло понимание того, что *любая теория спекулятивна* (особенно четко эту методологическую проблему высветил постпозитивизм), поскольку имеет в своей основе интуиции и *внелогические предпочтения*. Настало время для толерантности, для осознания взаимодополнительности разных познавательных «логик» — «божественной» (где $1=3$), «восточной» (где результат зависит от контекста), «научной» ($2 \times 2 = 4$), для *презумпции ума* (М.К. Мамардашвили).

Подобного рода культурные и ментальные предпосылки побуждают задуматься о методологических ориентирах развития психологии в этой новой реальности. Какая методология адекватна современности и способна решить встающие перед культурно-психологическим исследованием задачи? На наш взгляд, это методология постмодернистской, постнеклассической, сетевой парадигмы (название которой еще не устоялось, но общим ее признаком является установка на *коммуникативность* и «связь всего со всем»).

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И ФЕНОМЕН ФИЛОСОФИИ

Изначальный смысл постмодернизма (по крайней мере, в концепции Ж. Деррида) заключался в *критике европейского рационализма*. Разработанный им методологический прием *деконструкции* служил цели

читать тексты критически. Деконструкция была направлена против любого вида «центризмов», объединенных Ж. Деррида под термином «логоцентризм» (Herburn, 1999)⁸.

Возникновение постмодернизма связывают также с развитием «новейших средств массовой коммуникации». Постмодернизм стал *опытом духовного сопротивления тоталитаризму*, диктату идеологии, массовой культуре, навязываемой посредством масс-медиа. Это был рожденный европейской культурой способ защиты ума от «промывания мозгов». Постмодернизм поставил во главу угла индивидуальность, вариативность, ситуативный контекст, а не универсальные схемы; частные интерпретации в постмодернизме оказывались важнее канона. Постмодернизм не только срывал маски, осмысливая и показывая, как осуществляются процессы означивания, но и значительно раскрепощал творческую активность.

Постмодернизм — эвристика, усилитель. Однако каждому он дает нечто в зависимости от того, что уже есть за творческой душой. Между тем, содержательная монография Н.Б. Маньковской позволяет заинтересованному исследователю глубже разобраться в феномене постмодернизма. Н.Б. Маньковская отмечает, что если в западном контексте назвать человека постмодернистом, то это будет воспринято как похвала, но у нас чаще всего слово «постмодернизм» вызывает негативное отношение. Что стоит за подобным негативизмом? Может быть, недостаточная осведомленность? Н.Б. Маньковская показывает, что «в настоящее время существует ряд взаимодополнительных концепций постмодернизма как феномена культуры» (Маньковская, 2000, с. 133). Следовательно, прежде, чем выносить суждение, стоит разобраться: о каком постмодернизме идет речь, в чьей конкретно авторской интерпретации? Так, для Р. Панвица (1914), А. Тойнби (1947), В. Вельша и Х. Кюнга (1990) постмодернизм представляет собой культурологическую реальность. Согласно А. Тойнби, постмодернизм означает конец доминирования западного стиля в культуре и религии. «Подлинно постмодернистская парадигма требует большего, чем плюрализм, релятивизм и историзм», — отмечает В. Вельш, а именно, «базисного консенсуса в отношении определенных человеческих ценностей и прав» (цит. по: Кюнг, 1990, с. 226). Для Х. Кюнга постмодернизм — это новое состояние эпохи, характеризующееся утратой

⁸ Заметим, что аналогичным образом в 1911 г. Г.Г. Шпет критиковал *логику* в психологии за то, что абстрактные схемы психологических теорий загораживали живую действительность.

доминирующих установок модернизма, касающихся роли разума, естествознания, евроцентризма, абсолютизма индустрии и демократии. Также Х. Кюнг считает поверхностным, хотя и распространенным мнение, что постмодернизм возник в последней четверти XX в. «Слово “постмодернизм” — это всего лишь предварительный шифр, отражающий то затруднительное положение, в котором оказывается исследователь, пытающийся дать определение новой эпохе, начавшейся в период первой мировой войны, эпохе, содержание и специфика которой исследуются все тщательнее и глубже, но все еще не определены с исчерпывающей точностью и полнотой» (Кюнг, 1990, с. 225).

Как известно, связанной постмодернистской философии не существует, но это название объединяет мыслителей, обсуждающих различные проблемы постсовременной реальности. Так, Ж.Ф. Лиотаром был проанализирован статус знания в постмодернистскую эпоху, и если классическая наука находилась в конфликте с нарративами, то в постнеклассической науке Ж.Ф. Лиотар обнаружил ряд корреляций с постмодернистской эстетикой (Lyotard, 1979). М. Фуко изучал власть знания и роль бессознательного в историческом процессе. Он показал, что наши представления о реальности обусловлены языком, а за ним скрываются неявные источники власти (Фуко, 1994). Ж. Бодрийяр сфокусировался на отдельных темах «соблазна» и создании гиперреальности симулякра, когда образ, многократно усиленный техническими возможностями, берет верх над реальностью (отечественный пример, возникновение виртуальной партии «Единая Россия» на выборах 1999 г., доказывает, что такие исследования весьма актуальны). Ж. Деррида взял на вооружение темы языка и деконструкции. Деконструктивизм стал одним из влиятельных направлений современной литературной критики, в рамках которой новую литературную парадигму иногда разумеют под тяжеловесным названием «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс» (Скоропанова, 2001, с. 53).

Для Д. Белла и Ю. Хабермаса понятие «постмодернизм» изначально ассоциировано с постиндустриальными изменениями общества. Д. Белл, известный как автор концепции деидеологизации и постиндустриального общества, связывает с последним социокультурную возможность постмодернизма (его черты — гетерогенность, разнородность, плюрализм) (Bell, 1967). Но если для Ж.Ф. Лиотара открытия провоцируются разногласиями, то, согласно Ю. Хабермасу, согласие достигается посредством дискуссии: он вводит понятие «коммуникативной рациональности» как синтетического механизма

преодоления противоречий. Заметим, что наша трактовка коммуникативной рациональности более широка, поскольку мы исходим из постмодернистской установки, в соответствии с которой чем сильнее способность *не отражать, а искажать* чужие теории, тем креативнее исследовательское сознание. На наш взгляд, *коммуникативная рациональность* — это инструмент, посредством которого из отдельных фрагментов складывается мозаика, и постмодернизм выступает здесь в качестве силы, позволяющей увидеть общую картину еще до того, как та стала реальностью. Например, концепция полифонии сознания и диалога М.М. Бахтина — это один фрагмент изменившейся реальности XX в., а теория самоорганизации И.Р. Пригожина — другой. Но это фрагменты одной картины, свидетельствующей о смене культурной парадигмы, включающей изменение и методов, и способов познания в целом. Характеристиками постмодернистской науки здесь становятся неопределенность, неverifiedируемость, антиномичность, диалогичность. Причем, *постнеклассическая наука возникает только в открытом обществе*.

Французский философ и историк науки М. Серр развивает идеи о недостаточности естественного и гуманитарного образования; результат первого он назвал «образованием без культуры», а результат второго — «культурой без образования». Он предложил способ осуществления коммуникации между гуманитарным и естественным знанием, названный им «беспорядочным энциклопедизмом». *Естественнонаучное и гуманитарное знание взаимодополнительно*. Так, если естественные науки представляют собой центр, фокус с его атрибутами точности и четкости видения, то гуманитарные науки открывают горизонты, дали, но они смутны и расплывчаты. Согласно М. Серру, существует три основных способа познания: философский, научный и художественно-мифологический. На примере творчества Ж. Верна, Э. Золя (предвосхитившего своим генеалогическим древом Ругон-Маккаров будущие открытия генетики), Т. Лукреция М. Серр исследовал эвристичность совмещения (коммуникации) разных видов знания. *Теория информации*, согласно Серру, *и есть точка пересечения гуманитарного и естественного знания*. «Классическая рациональность вытеснила миф из науки в литературу и искусство. Задача постмодернистской культуры — воссоединить науку и мифологию с помощью эстетики», — заключает Н.Б. Маньковская (Маньковская, 2000, с. 217).

Ф. Джеймсон в своей концепция «психоидеологии» рассматривал постмодернизм как логику позднего капитализма, а Р. Рорти предложил неопрагматический подход к постсовременности. Согласно

Р. Рорти, дискурс и коммуникация есть тот фундамент, на котором базируются представления об истине и рациональности. Ф. Гваттари и Ж. Делез изучали маргиналов как носителей творческой активности. Представление о *культуре как сети* также связано с этими авторами. В книге «Ризома» Ж. Делез и Ф. Гваттари описали две модели культуры: «древесную» и «ризоматическую» (грибница). «Ризоматическая культура воплощает нелинейный тип эстетических связей» (Скоропанова, 2001, с. 4).

У. Эко рассматривал взаимоотношения авангарда и постмодернизма. Причем категории «авангардизма» и «постмодернизма» у У. Эко наделяются расширенным, *культурно-историческим значением* как две критические фазы развития общества. Согласно этой концепции, всякая смена эпох предполагает свой «авангардизм» и свой «постмодернизм». Культурная роль «авангардизма» заключается в том, чтобы разрушить прошлое, освободить от него сознание, сделав его открытым к новому опыту, преодолеть закоренелые установки восприятия. У «постмодернизма» другая задача — осмыслить прошлое, приспособив его к изменившейся жизни (Эко, 1997). Иными словами, история культуры есть *ритм критического анализа и сетевого синтеза*.

Если после всего сказанного мы обратимся к работам М. Фуко и попробуем исследовать его метод как пример постмодернистского подхода, то снова обнаружим новаторство. Он вводит ряд новых понятий, таких как «эпистема», «диспозитив», «дискурс». Терминовое творчество позволяет М. Фуко «застолбить» (этимологически «термин» — столб, определитель границ), отрефлексировать обычно ускользающие от анализа реальности. Так, в работе «Слова и вещи» этот автор вводит понятие «эпистемы» — исторически изменяющейся структуры познания, которая лежит в основе эволюционирующих от эпохи к эпохе ментальности, науки, правил игры общества, социальных институтов. А сам способ постижения таких структур М. Фуко называет *археологией*. Он выделяет несколько эпистем: ренессансную, классическую, современную — в основе которых лежит особое соотношение слов и вещей, смена образов человека в культуре.

В своей работе «История безумия в классическую эпоху» М. Фуко исследует изменение образа безумия в культуре, правил игры, установление границ нормы и патологии, и приходит к выводу, что безумие — это культурно-историческое явление.

В работе «Воля к истине» М. Фуко использует понятия «диспозитив» и «дискурс». Понятие дискурса позволяет ему *объять необъятное*: дискурсы-знания, дискурсы-правила, дискурсы-практики соединяют

между собой слои познания, этики, реальной деятельности и социального контекста. «Собственно диспозитив — это сеть, которая может быть установлена между этими элементами» (Фуко, 1997, с. 368). Более того, в своем исследовании М. Фуко удастся сочетать такие разные методологические установки, как марксизм, экзистенциализм и феноменологию. Мы видим здесь в действии *сетевой подход*, или *коммуникативную рациональность*. Понятие «диспозитив», объединившее в себе разнородные реальности, становится залогом целостности анализа.

ПСИХОЛОГИЯ И ПОСТМОДЕРНИЗМ

Обрисовав интеллектуальный контекст, обусловленный постмодернистским мировосприятием, обратимся к связанным с постмодернизмом проблемам, обсуждаемым в современной западной психологии. Первый узел этих проблем затрагивает непосредственные возможности постмодернистской психологии. Второй круг вопросов касается осмысления сходства и различия между личностью и субъективностью в постмодернизме и позиций практической психологии. Третья тема размышлений посвящена постмодернистской критике, идущей от феминистской и марксистской перспектив (Psychology and Postmodernism, 1994; Dimen, 1995).

Насколько постмодернизм и психология — вещи совместимые? Что может постмодернизм предложить современной психологии? Ответы на эти вопросы разнятся.

Считается, что постмодернистский дискурс находился в поле зрения искусства и гуманитарных наук и лишь недавно привлек внимание антропологии, социологии, педагогики и политологии (Fox, 1994; Piker, 1998; Sherwood, 1994). Тем не менее, проникновение постмодернизма в психологию на самом деле уже совершалось неявным, не всегда заметным образом (см.: Cazenave, 1994; Combs, Freedman, 1994; Holzman, 1999; Teicholz, 1998). *В открытую же психология встретила постмодернистский дискурс в качестве радикального конструкционизма социальной психологии, в системной терапии, в некоторых направлениях культурной психологии.*

Когда представители постпозитивизма во второй половине XX в. показали, что научное знание небезупречно, то на эти эпистемологические обсуждения не замедлили откликнуться и психологи. Так,

Р. Харре подверг сомнению каузальный психологический дискурс (Харре, 1995). Дж. Брунер посвятил ряд статей размышлению об *особой логике нарратива* (Брунер, 2001; Bruner, 1985). К. Джерджен описал две модели науки, относящиеся к парадигмам «модернизма» и «постмодернистского поворота» (Gergen, 1994). *Модернизм* в науке связан с верой в познаваемость мира, в универсальность его черт и силу эмпирических методов, с представлениями о прогрессивной природе знания и независимости результатов исследований от личности. Однако *«постмодернистский поворот»* предложил психологии новые пути концептуализации самой себя. «Сущность постмодернистской школы — критическая саморефлексия» (там же, с. 24). Постмодернистская мысль открывает безграничные перспективы осмысления для дисциплины. «После постмодернистских исследований метод в психологии увиделся как вводящие в заблуждение, но вполне оправданные изобретения» (там же, с. 24).

Среди новых возможностей, предоставленных психологии постмодернизмом, К. Джерджен отмечает также «технологическое продвижение» (вариативные формы терапии и образования), «культурную критику», «конструирование новых миров». Так, психологи не только конструируют мир своими терминами (создавая стереотипы: например, что «мужчины более рациональны, чем женщины»), но и являются активными участниками сотворения культуры в целом. Поскольку *само по себе изменение дискурса с «говорить как есть» на «говорить как должно быть» влечет за собой изменение реальности*, то «каждое воссоздание нашего понятия образа человеческого действия открывает новые культурные возможности» (Gergen, 1994, с. 28).

К. Джерджен показывает, что, *по контрасту с академической психологией, современная практика реабилитационной психологии оказывается конгениальной постмодернистской мысли*, поскольку имеет дело с развивающейся индивидуальностью человека и сосредоточивается на ситуативных и контекстуальных смыслах человеческой деятельности. Поэтому теоретическое знание академической психологии нередко вступает в конфликт с эмпирическим знанием повседневности. Психотерапевтическая же практика предпочитает теоретическому знанию «гетерогенные и качественные знания» повседневного мира, приобретающие достоверность в личном опыте (Gergen, 1994).

В современной зарубежной психологии, как показывают исследования самого К. Джерджена, происходит увеличение роста эпистемологических обсуждений. Например, такое направление в психологии, как *конструкционизм*, заставило обратить внимание на социальную

обусловленность знания. Широкое место в психологических дискуссиях западной психологии занимают и обсуждения альтернативной методологии. Приверженцы феноменологического подхода предлагают новые формы качественных исследований. Герменевтическая психология исследует возможности диалогической психологии. (Заметим, что эти поиски перекликаются с представлениями М.М. Бахтина о *методологии гуманитарных наук* и с отечественным интеллектуальным стилем в целом — мыслить индивидуума в изначальном единстве с его социальным контекстом). Некоторые психологи также возлагают определенные надежды на обмен опытом с религией и культурой (см.: Holzman, 1999; Chaiklin, 1994).

Таким образом, критическая дискуссия в философии науки, с одной стороны, и развитие методологии гуманитарных наук, связанное с нарратологическим, культурологическим и постмодернистским «поворотами», с другой стороны, привели к неизбежности методологического переоснащения психологии. Наш наш взгляд, это переоснащение в целом укладывается в понятие «постнеклассической рациональности»⁹.

Методологические установки, проистекающие из постмодернистской критики, такие как *релятивизм* (множественность интерпретаций, принцип «методологического сомнения») и *культурная аналитика* (все видится как текст и предполагает анализ текста), нашли отражение в проектах *культурной психологии* Р. Шведера и Дж. Миллер. Другим плодом постмодернистской критики оказались направления *социального конструкционизма*, ярким выразителем которого стал К. Джерджен. *Социальный конструкционизм* основывается на следующих теоретических положениях: 1) знания и психологические процессы контекстуально обусловлены; 2) понимание — совместная деятельность людей, ведущая к конструированию миров; 3) истина — не в эмпирической обоснованности, а в эволюции социальных процессов; 4) модель мира задается исторически преходящими видами деятельности и формами социального действия (Джерджен, 1995). Сила постмодернистского дискурса в целом проявляется в его критическом потенциале. Постмодернистская мысль открывает для

⁹ «Постнеклассическая рациональность, с которой ассоциируется постмодернизм в науке,— отмечает Н.Б. Маньковская,— характеризуется повышением субъективности, гуманистичности, самокритичности научного познания, пересмотром таких его классических критерияльных оценок, как объективность, истинность» (Маньковская, 2000, с. 199).

психологии перспективы критического самоосмысления (Gergen, 1994). К. Джерджен также обосновывал необходимость рефлексивной установки по отношению к процессу получения знания самим исследователем. И это — общая черта социального конструкционизма и постнеклассической рациональности.

К. Джердженом были выделены две основные методологические установки, лежащие в основе тех или иных концепций: представления об (1) *экзогенной* или (2) *эндогенной* природе знания. Первую установку разделяли Дж. Локк, Д. Юм и позитивисты, из второй предпосылки исходили И. Кант, Ф. Ницше и феноменологи. Но конструкционизм не следует ни одной из этих традиций, принципиально отказываясь от дихотомии объекта и субъекта. И здесь мы обнаруживаем его очевидное пересечение с идеями М.М. Бахтина и М. Бубера. В свою очередь, коммуникативная концепция рациональности сближает К. Джерджена с Ю. Хабермасом. Много общего также обнаруживается в представлениях К. Джерджена и П. Фейерабенда. Истина и достоверность знания, согласно К. Джердженому, не могут быть подтверждены ни эмпирическим путем, ни следованием определенному методу. *«В этом смысле пригодной может оказаться любая методология — до тех пор, пока она позволяет аналитику углубляться во все более сложные обстоятельства»* (курсив мой. — М.Г.)» (Джерджен, 1995, с. 71).

Методология К. Джерджена, на наш взгляд, представляет собой образец *постнеклассической рациональности в психологии*. Так, разрабатываемая им новая методологическая парадигма предполагает: 1) интеграцию теоретических и прикладных исследований посредством применения психологического инструментария для решения текущих социальных проблем (*социальная аналитика*); 2) переход от установок прогнозирования к повышению социальной восприимчивости посредством психологического «просвещения» общества (т.е. распространение знания становится катализатором социальных процессов); 3) поиск «социальных индикаторов», реагирующих на «психологические сдвиги» (и, продолжим, — «психологических индикаторов», регистрирующих сдвиги социальные); 4) поиск методов, позволяющих дифференцировать социальные феномены по степени их исторической стабильности; 5) междисциплинарный дискурс, внимание к стратегиям и навыкам профессиональных историков, интерес к культурным контекстам (Джерджен, 1995).

Согласно К. Джердженому, ни логические доказательства, ни эмпирические методы не в силах служить подтверждением теории, поскольку все замки теорий строятся на зыбком песке постулатов, сложившихся

в результате социальных конвенций. А всякое социально-психологическое исследование есть, прежде всего, исследование *историческое*. Так, социальная психология для автора концептуализируется как *идиографическая наука*, поскольку в ней *не существует универсальных закономерностей, а есть сеть взаимоотношений и исторически изменчивых контекстов*.

Трудно не отметить определенные параллели между социальным конструкционизмом и концепцией Л.С. Выготского (но существуют и различия, обусловленные как раз неклассической и постнеклассической рациональностью; подробнее об этом см.: Гусельцева, 2004). И это еще раз подтверждает тот факт, что многие современные эпистемологические идеи разрабатывались отечественными гуманитариями начала XX в. «В некотором смысле,— пишет С. Квэйл,— советская культурно-историческая школа после Выготского и теория деятельности Леонтьева и Давыдова близки к социальному конструктивизму, особенно в диалектических отношениях человека и мира и исторической и культурной обусловленности деятельности» (Kvale, 1994, p. 46).

В свою очередь, С. Квэйл замечает, что академическая психология все еще мыслит в понятиях Просвещения. В центре «модернистской психологии» лежит образ рационального человека. Постмодернизм же связан с невозможностью систематической теории и связной философии, но занят диагностикой и интерпретациями состояния настоящей культуры, *изображением множественной взаимосвязанности феноменов* (Kvale, 1994). С. Квэйл полагает, что основной проблемой парадигмы модернизма (неклассической рациональности) являлась дихотомия универсального и индивидуального. В постмодернистском дискурсе таких дихотомий нет. «Постмодернистская мысль фокусируется на гетерогенности языковых игр, <...> на разрывах и конфликтах» (там же, p. 34). «Фокус на языке предполагает децентрацию субъекта», индивидуальность становится медиумом культуры и языка (там же, p. 36). Согласно С. Квэйлу, дихотомии «индивидуальное – универсальное», «субъективное – объективное», «культурное – природное» и т.п. находят свое разрешение в конкретности локальных контекстов, и поэтому психологии следует перейти от количественного к качественным видам анализа.

Немало современных авторов разделяют эпистемологический подход К. Джерджена, в котором очевиден приоритет социальных и лингвистических влияний над природными нуждами. Все большую роль в психологических исследованиях начинает играть культура, культурный контекст. Внимание психологов обращается к *нарративу*

(см.: Bruner, 1985; Larsen, 1999; Michael, 1994; Sherwood, 1994). Так, для Д. Ларсен психология представляет собой *повествовательную дисциплину*. Она рассматривает все психологические теории как истории или повествования (story), поскольку в них находит отражение как жизненный опыт авторов, так и культурно-политический контекст. В качестве примеров влияния биографии на теорию автор рассматривает логотерапию В. Франкла и радикальный бихевиоризм Б. Скиннера (Larsen, 1999). Повествования имеют как структурное сходство, берущее исток из общечеловеческого опыта, так и значительные различия. Понимание психологических теорий как историй дает методологическое обоснование эклектизму. Эклектизм, согласно Д. Ларсен, предоставляет средства (tools) для исследования повествовательных альтернатив и тем самым делает наше сознание более либеральным и защищенным от давления линейных историй.

Не менее внушительным источником перемен в психологической эпистемологии стал и «лингвистический поворот». Философ Г. Гадамер и литературовед С. Фиш в своих работах показали, что не столько текст доминирует над читателем, сколько читатель властвует над текстом (Gergen, 1994). В свое время А.А. Потебня отмечал, что в процессе понимания мы не воспроизводим, а *творим* значение слова (значит, есть внутренние «линзы»-искажители — и в этом искажении суть индивидуальности), но эта мысль в психологии осталась практически незамеченной. В концепции Т. Куна также была высказана идея о «линзах» (своего рода функциональных органах мировосприятия), посредством которых ученые смотрят на мир. В XX в. С. Фиш доказал, что текст не имеет единственной или «истинной» интерпретации, и каждый читатель воссоздает свой текст, являясь своего рода «соавтором». *Множественность интерпретаций стала методологическим принципом постмодернизма.*

Причем и постмодернизм в целом представляет собой не столько систему, сколько *интерпретацию*¹⁰. Между субъектом познания и объективным миром всегда имеется посредник — язык (Kvale, 1994). Деконструктивистская теория Ж. Деррида, «нарратологическая парадигма», пришедшая из истории, работы М. Фуко, исследования этнографов и антропологов привели к «ренессансу в изучении риторики» (Gergen, 1994). Особенно эвристичными для психологии оказались традиции *семиотического анализа* (в отечественной культуре они связаны со школами М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана).

¹⁰ Г.Л. Тульчинский отмечает, что «постмодернизм дает буквально технологию различных пониманий и осмыслений» (Тульчинский, 2002, с. 22).

Разновидностью семиотического анализа является «деконструкция» Ж. Деррида. Будучи наукой с обостренным комплексом методологического сомнения, чуткой к социокультурному контексту, психология нашла чем обогатиться в творчестве Ж. Деррида, тем более что в психологии происходит смена ориентиров от естествознания к герменевтическим наукам, а Ж. Деррида — один из современных французских философов, оказавших значительное влияние на методологические поиски гуманитарных наук.

Согласно Ж. Деррида, реальность дается нам в виде текста; *наше восприятие реальности опосредовано текстами*. Для освобождения из-под власти текстов им была изобретена особая процедура — «деконструкция». (Заметим, что процедура конструирования «функциональных органов» видения вполне в духе Э. Гуссерля¹¹, но если Э. Гуссерль выносил мир за скобки, чтобы найти чистую субъективность, то Ж. Деррида заключает в кавычки слово, чтобы взглянуть на него новыми глазами.) При чем сам термин «деконструкция» возник, когда этот автор стремился воссоздать во французском языке понятие М. Хайдеггера¹². Деконструкция есть то, что происходит при переводе от одного языка к другому — разрушение старого смысла и обретение нового, ведь «вещи меняются от одного контекста к другому» (Деррида, 1992, с. 53).

В «Письме японскому другу» Ж. Деррида пытается донести до исламолога Т. Идзуцу смысл слова «деконструкция» с целью его перевода на японский язык. Деконструкция — не критика, разве только в том смысле, что она — *критика в форме рефлексии*. Деконструкция — не анализ, разве только в том смысле, что она — *аналитика*. Деконструкция — не метод, потому что ее нельзя воспроизвести, каждый раз деконструкция возникает заново как неповторимое творческое усилие.

На наш взгляд, деконструкция представляет собой способ «археологической» работы с текстами. Процедура деконструкции заключается в снятии слоев языка, установление связей («перекличек») текста с другими текстами. Текст для Ж. Деррида — сложное, неоднородное образование, и *исследователь должен обнаружить в нем следы различных наслоений, связанных с особенностями культуры и личности*.

¹¹ Ж. Деррида испытал влияние феноменологии и структурализма, философии жизни и психоанализа, но не стал приверженцем ни одного из этих направлений. Тем не менее, и структурализм, и феноменология, и психоанализ нашли сочувственный отголосок в его собственной концепции. И в этом проявилась одна из интеллектуальных установок постмодернизма: *«сгодится все», но перепрочитанное по-своему*.

¹² «Деконструкция» как термин возникла из двух слов: «деструкция» и «конструкция».

Свой метод деконструкции Ж. Деррида впервые сформулировал в работе «Грамматология», состоящей из двух частей (в первой части автор знакомит читателя со своими понятиями и способом исследования; во второй — осуществляет показательный опыт исследования определенной культурной эпохи — творчества Ж.-Ж. Руссо). Культурная эпоха для автора — это *текст*, а способ ее исследования превращается в процесс «чтения». Особенно важно для такого «чтения» не пользоваться готовыми понятиями истории науки, поскольку они понуждают наше сознание следовать привычными тропами.

Имеет ли это значение для психологической практики? Представим, что личность — это текст, а ее исследование — процесс чтения, и что техники, которые мы уже освоили, не годятся, а должны выстраиваться в самом процессе чтения (в процессе коммуникации отыскиваются адекватные приемы). Так, многие авторы указывают на *сходство методологии постмодернизма и современной психотерапевтической практики*¹³.

Одним из тех, кто основательно исследовал применение постмодернистской эпистемологии в психологической практике, стал Д. Полкингхорн. Он утверждает, что психология в качестве академической дисциплины переносит на изучение человека эпистемологические принципы эпохи Просвещения. Но современные психотерапевты не находят для себя пользы в абстрактных психологических теориях. Цель психотерапевтической практики — помочь клиенту преодолеть духовные травмы и предоставить ему власть над собой и свободу. Для адаптации академической психологии к изменившейся культурной реальности необходимо сменить «нарратив». И эти перемены стимулируются психологической практикой. Д. Полкингхорн описывает «практический поворот» в психологии и сравнивает методологию постмодернизма и практической психологии. В результате такого сравнения были выделены общие черты постмодернизма и психологической практики, такие как *нефундаментальность, фрагментарность,*

¹³ В исследованиях личности прием деконструкции обсуждается на материале изучения автобиографий, в частности, «Исповеди» Ж.-Ж. Руссо. Однако Л. Лавли считает, что постмодернистская «смерть субъекта» (death-of-the-subject) элиминирует основные положения психологии и педагогики, касающиеся понятий автономного и интенционального действия. *Деконструктивистские попытки превращают субъекта в текст, описывают субъективность как лингвистическую структуру знаков.* Такие процедуры уводят человеческий феномен от психики к тексту (Lovlie, 1994). Сам же Л. Лавли, следуя примеру критики М. Фуко, стремится разработать в психологии *недирективную гуманистическую интерпретацию техник социального контроля.*

конструктивизм, неопрагматизм. Также этот автор отмечает, что психотерапевты и близкие к практике психологи-исследователи охотнее применяют постмодернистскую методологию, нежели академические психологи. Практикам более свойственно понимание знания как динамичного и зависимого от контекста, фрагментарного и конструируемого («second body of knowledge») (Polkinghorne, 1994).

В целом тенденцию смены эпистемологических парадигм можно сформулировать так: *от психологии как науки об универсальных законах следует перейти к психологии как науке об исключениях.* Так, С. Квэйл отмечает, что большинство психологических теорий ищет общие законы, тогда как гуманистическая психология сосредоточивается на «самости» (self), помогая конкретному человеку постичь собственную логику внутреннего развития, разгадать уникальный узор судьбы (Kvale, 1994). Этой же цели служит и Dasein-анализ (см.: Лаврухин, 2001). Тем не менее, к недостаткам гуманистической психологии относится игнорирование ею социокультурных и локальных контекстов развития (Kvale, 1994). По-видимому, соединение традиций гуманистической и культурной психологии может стать порождающим контекстом для методологического преобразования всей психологической науки. Заметим также, что децентрализация субъективности в постмодернизме выступает своего рода противовесом «я-центризму» и абстрагированности психологических концепций. Зачастую психологические концепции напоминают «мир идей» Платона — они статичны, идеальны и предельно абстрактны. Возможно, постмодернистская «встряска» способна их оживить.

Обсуждая возможности постмодернистской психологии, исследователи указывают на известные трудности представления нового стиля мышления в старых категориях. Так, С. Квэйл отмечает, что гетерогенность разделов сборника «Психология и постмодернизм» являет собой определенный вызов современному ландшафту психологической науки. *Постмодернистский дискурс гетерогенен*, и историческим примером подобного дискурса являются тексты С. Кьеркегора. Это недирижистский авторский стиль, полный парадоксов, предполагающий множество перспектив его топики (Kvale, 1994).

Психика понимается постмодернистами как орган субъективности, что само по себе не исключает корректного исследования, поскольку объективности скорее можно достичь посредством диалога, коммуникации и конвенции, чем отражением (искажением) реальности при помощи разума. Интерсубъективность здесь становится критерием истинности. С другой стороны, поскольку каждому субъекту картина

мира открывается из его уникально-бытийной перспективы видения, то всякая авторская теория несет свою истину. Любая теория есть конгломерат истин и заблуждений, поскольку с иной социокультурной позиции видению открываются иные горизонты. И в этом — залог динамики науки, осуществляемой при помощи полемики и диалога. Истина всякого текста, согласно постмодернизму — в его искренности и убедительности. Язык — не столько отражение, сколько конструирование мира. Личность (self) в постмодернистском понимании есть плод социальных коммуникаций и *конструкция*. Феномен множественности Я трактуется как обусловленный разнообразием этих коммуникаций (см.: Gemin, 1999; Rappoport, Baumgardner, Boone, 1999; Slife, Fisher, 2000).

Движение от антипозитивистской к постмодернистской фазе развития принесло в психологию решительные изменения. Новые подходы расширили предметную область психологии и способствовали ее экспансии в исторические и культурные контексты. Однако если 70-е годы XX в. характеризовались выходом на авансцену модернизированного психоанализа, гуманистической психологии и критической психологии, то в 1980-е годы психологические дисциплины ушли с главной сцены обсуждения. *Специфика современной психологии связана с дезинтеграцией в самих ее основах*. Особенно зримо увеличился разрыв между академической психологией и профессиональной практикой (Psychology and Postmodernism, 1994). В целом же гносеологическая динамика в социально-психологической науке выглядит следующим образом: *от абстрактного, универсального и объективного знания — к знаниям социально полезным и локальным; от психологии когнитивных процессов — к эпистемологическим исследованиям природы знания*. Делается акцент на ситуативных, перспективных знаниях, на ценностях. Большую роль в психологии начинают играть экзистенциальные и культурно-исторические школы, междисциплинарные исследования. Широко осваиваются мультиметодологический, герменевтический, нарратологический, деконструктивистский подходы (см.: Fox, 1994; Hepburn, 1999; Holzman, 1999; Gemin, 1999; Larsen, 1999; Richer, 1994; Steenbarger, 1993).

Показательно, что участники дискуссии так и не смогли прийти к единому мнению. Если К. Джерджен, Дж. Шоттер, М. Микаел и Д. Полкингхорн полагают, что постмодернистский дискурс ведет к мета-теоретической реконцептуализации предметного содержания психологии и этим открывает перед ней новые перспективы, то С. Чейклин оспаривает само понятие постмодернистской эпохи и заявляет, что

голословные утверждения о вовлечении психологии в постмодернизм сомнительны (более перспективными С. Чейклин считает *междисциплинарные исследования в культурной психологии*); Л. Сэс полагает, что релятивизм и фикционализм постмодернизма способны нанести вред в терапевтическом отношении, поскольку превращают реальную историю жизни пациента в нарратив («как если бы»), а П. Мэдсен обеспокоен тем, что постмодернизм может послужить идеологической мистификацией потребительского капитализма (Psychology and Postmodernism, 1994).

В целом авторы, поддерживающие междисциплинарную открытость психологии, видят будущее науки за социокультурными и постмодернистскими исследованиями (Keller, Greenfield, 2000). Однако нельзя сбрасывать со счетов и доводы критиков проникновения постмодернистского дискурса в психологию. Так, Г. Хатано обращает внимание на три существенных изъяна постмодернистского дискурса, которые, на его взгляд, представляют опасность для культурной психологии: 1) пренебрежение индивидуальной ролью личности в инновациях; 2) игнорирование реальности в социальном конструировании знания; 3) неудачные попытки связать локальные практики с практикой в универсальном смысле (Hatano, 1999). Й. Паркер отмечает, что произведения постмодернистов ведут к переосмыслению проблем, касающихся природы человеческого сознания, личностной целостности и языка, но под влиянием постмодернизма происходит размывание психологических понятий, и игровые теоретические рефлексии нередко уводят от реального состояния дел в психологии (Parker, 1998). С ним солидарна М. Смит, критикующая постмодернизм за модный стиль метатеории, который отражает современные угрозы личности, но парализует желание с ними справляться (Smith, 1994). Б. Хелд критикует практиков за излишнее увлечение теоретическими проблемами в психотерапии (Held, 1995), а М. Бэдер убежден, что конструкционизм и перспективы интерсубъективности отвлекают психологию от прагматических ориентаций, а идеализация неопределенности отбивает у клиницистов охоту стремиться к большей точности и чистоте понимания (Bader, 1998).

Не могут быть обойдены вниманием и другие негативные стороны постмодернизма. Так, Г.Л. Тульчинский справедливо говорит о *безответственности* постмодернистского дискурса, об отказе от «слова как поступка» (Тульчинский, 2002, с. 30). Иными словами, постмодернизм, как кусачая собака, адекватен на авторском поводке. Ответственность вынесена за скобки постмодернизма, но это означает, что она априорно

должна присутствовать у автора (субъекта). Постмодернизм хорош как «приправа к блюду», но самого «блюда» заменить он не может. «Блюдо» должно быть изначально приготовлено.

Заметим также, что Г.Л. Тульчинский говорит о постмодернизме вообще, не указывая, какую именно его авторскую версию он имеет в виду. Так, Х. Кюнг трактует духовные изменения, связанные с постмодернистской парадигмой, более оптимистично: «Если раньше предпочтение отдавалось развитию таких качеств человека, как усердие, <...> любовь к порядку, основательность, пунктуальность и работоспособность, то теперь гораздо большее значение приобретают человечность, сила воображения, эмоциональность, душевная теплота, нежность. Замечается углубленный интерес к самопознанию и самоосуществлению личности, повышенная чувствительность и обостренное восприятие тонких и хрупких межличностных отношений и связей, чуткость к восприятию социальных проблем, забота об окружающей среде обитания, растущая убежденность в необходимости общеобязательной этики в интересах выживания человечества. Происходит <...> не утрата ценностей, а их изменение» (Кюнг, 1990). М. Серр подчеркивает, что в постмодернистской эстетике есть трепетность и бережность по отношению к миру.

Итак, мы проследили за развитием познавательной ситуации в современной западной и американской психологии, отвечающей на «вызов» эпохи постмодерна. Однако те темы, к которым пришла зарубежная психология в связи с постмодернистским состоянием культуры, а именно, увеличение удельного веса эпистемологических дискуссий и интерес к историческим и культурным контекстам, к герменевтике и феноменологии, к междисциплинарным связям, уже были в активной разработке отечественных исследователей нашего Серебряного века, в работах М.М. Бахтина, П.М. Бицилли, Н.И. Кареева, Л.П. Карсавина, А.А. Потебни, Н.В. Теплова, Г.Г. Шпета и др. Аналогичным образом, современное направление в исторической науке Запада — *история повседневности* — предвосхищалось в работах отечественных медиевистов (см.: Оболенская, 1990; Ястребицкая, 1991)¹⁴.

¹⁴ Обратим внимание и на роковую судьбу идей отечественных авторов. Так, в 1914 г. в журнале «Северные записки» была опубликована практически не замеченная статья Г.А. Ландау «Сумерки Европы», но впоследствии эти же идеи принесли О. Шпенглеру мировую славу (Степун, 2000). С.Н. Шпильрейн принадлежал ряд новых идей в психологии, которые затем обрели популярность благодаря работам З. Фрейда, Ж. Пиаже, Л.С. Выготского (Эткинд, 1999).

Таким образом, вполне справедливо наблюдение Г.Л. Тульчинского о том, что определенные интеллектуальные приемы (например, деконструкция) существовали и до постмодернизма, но под другими именами (Тульчинский, 2002). Добавим, что в отечественной культуре предтечей Ж. Деррида и Р. Барта (структурно-семантического анализа) был М.М. Бахтин; предтечей С. Фиша — А.А. Потебня. Г.Г. Шпет и М.М. Бахтин развивали также идеи единства внешнего и внутреннего, индивидуального и социального. А экологический смысл «децентрации субъекта» как антитезы антропоцентризму прочитывался в учении о ноосфере В.И. Вернадского.

Сверхрефлексивность и «истинность-искренность» постмодернизма проявляются в том, что, перепрочитывая автора сквозь «линзы» своего времени и своих внутренних установок, постмодернизм не скрывает, что это «Дильтей и как бы не Дильтей», «Выготский и как бы не Выготский». В этой логике современные конструкционисты перепрочитывают также и В. Вундта (см.: Kroger, Scheiber, 1990).

Постмодернизм подчеркивает свой авторский взгляд на тексты, принципиально отказываясь от «объективности». Словно воспроизводя известную процедуру З. Фрейда (прохождение психоанализа психоаналитиками), постмодернизм стремится к истине, начиная рефлексивную работу с себя, выявляя, через какие установки и ценности интерпретатор сам смотрит на мир.

Постмодернизм возвращает в психологию *методологический принцип субъектности* — «легализует субъективный опыт» (А.В. Юрвич). Однако мало понимать, что наши теоретические построения пристрастны, проективны — надо научиться осознать диапазоны применимости своих теорий и то, где лучше работают совсем другие теории. Эту развивающую работу над собой проделывают отечественные культурологи, следующие традиции М.М. Бахтина¹⁵. Коммуникативная рациональность стала изначальной методологией и практикой работы культурологов. Но и в психологии были предприняты попытки «легализации» коммуникативной рациональности. Так, М.Г. Ярошевский привнес в психологию понятие «оппонентный круг», неявным контекстом которого являлась необходимость критики, наличие конкурирующих теорий. «Встать над схваткой» в постнеклассической рациональности означает прирастить дополнительное измерение

¹⁵ «Мы никак не противники, но в друг друге нуждаемся именно в качестве оппонентов. Поскольку культуру понимаем по-разному», — писал Л.М. Баткин (1994, с. 50).

(как в задаче-головоломке — выйти из плоскости в пространство). Потому что, как учит история физики, когда есть две противоречащие теории — это шаг к созданию третьей, включающей их в себя как частные случаи.

* * *

Хотим мы того или нет, но постмодернизм — это эпоха, в которой мы все живем. И постмодернистский дух все равно будет просачиваться в психологию, как он проник в литературу, искусство, философию, религию, быт...

Прочтение постмодернизма современной психологией — дело сколь эвристическое, столь и ответственное. К находкам постмодернизма относят *метафоричность дискурса, синкретичность мысли, принципиальную недоконцептуализированность понятий, творчество терминов, эксперименты со стилем*. Что же касается отрицания постмодернизмом автора, субъекта, то и в этом можно найти здравый смысл. Постмодернизм демократичен, он стирает грани между вещами, между старым и новым, низом и верхом, *отменяет иерархии*. Это мироощущение, это жизненный стиль, в котором нет различий между молодым ученым и маститым мэтром. Важна идея, фраза, а не то, кто ее сказал. В пространстве постмодернизма между собой состояются тексты и мысли, а не авторы (научный вес которых различен, а следовательно, определенным образом работают и силы тяготения в науке). Постмодернизм, делая *акцент на тексты*, протестует против существующего несовершенства мира. Постмодернизм этически чист, поскольку выносит за скобки склоки, дразги, амбиции, «человеческое, слишком человеческое». Постмодернизм, перефразируя Б.Л. Пастернака, — это скоропись культуры в эпохи ее разрывов.

ЛИТЕРАТУРА

- Автономова Н.С. Деррида и грамматология // Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.
- Азроянц Э.А., Харитонов А.С., Шелепин Л.А. Немарковские процессы как новая парадигма // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 94–104.

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
- Брунер Дж. Празднуй разнообразие: Пиаже и Выготский // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 3–14.
- Гусельцева М.С. Методологические предпосылки и принципы развития культурной психологии // Методологические проблемы современной психологии. М.: Смысл, 2004. С. 82–101.
- Джерджен К.Дж. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия / Ред.-сост. Е.В.Якимова. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 51–73.
- Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000.
- Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53.
- Иванов В.В. Классика глазами авангарда // Иностран. лит. 1989. № 11. С. 226–231.
- Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000.
- Карасев Л.В. Сегодня и завтра // Постмодернизм и культура (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 3–16.
- Керимов Т.Х. Постмодернизм // Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, М., Мн.: ПАНПРИНТ, 1998. С. 668–675.
- Кюнг Х. Религия на переломе эпох // Иностран. лит. 1990. № 11. С. 223–229.
- Лаврухин А.В. К истории формирования методологии Dasein-аналитической психологии // Dasein-анализ в философии и психологии / Под ред. Г.М. Кучинского, А.А. Михайлова. Мн.: ЕГУ, 2001. С. 51–93.
- Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.
- Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 1990. С. 182–198.
- Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2001.
- Тульчинский Г.Л. Постчеловеческая персонология // Новые перспективы свободы и рациональности. СПб.: Алетейя, 2002.
- Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1997.
- Харре Р. Метафизика и методология: некоторые рекомендации для социально-психологического исследования // Социальная психология: саморефлексия маргинальности / Ред.-сост. Е.В. Якимова. М.: ИНИОН РАН, 1995. С. 74–93.
- Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии. 1999. № 4. С. 24–41.
- Эко У. Имя Розы. Роман. Заметки на полях «Имени Розы». Эссе. СПб.: Симпозиум, 1997.

- Юнг К. Йога и Запад: Сборник. Львов: Инициатива; Киев: Airland, 1994.
- Юнг К. Синхронистичность: акаузальный объединяющий принцип. М.: Рефл-бук, 1997.
- Якимович А.К. О лучах Просвещения и других световых явлениях (Культурная парадигма авангарда и постмодерна) // Иностран. лит. 1994. № 1. С. 241–248.
- Ястребицкая А.Л. Повседневность и материальная культура средневековья // Одиссей: Человек в истории. М.: Наука, 1991. С. 84–102.
- Bader M.J. Postmodern epistemology: The problem of validation and the retreat from therapeutics in psychoanalysis // Psychoanalytic-Dialogues. 1998. V. 8(1). P. 1–32.
- Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interst. 1967. № 6. P. 24–35. № 7. P. 102–118.
- Bruner J.S. Narrative and paradigmatic modes of thought // Learning and teaching the way of knowing / Ed. F. Eisner. Ch.: Chicag. Univ. Press, 1985.
- Cazenave M. Jung et la modernité, une introduction // Cahiers-Jungiens-de-Psychanalyse. 1994. № 80. P. 95–99.
- Chaiklin S. From Theory to Practice and Back Again: What does Postmodern Philosophy Contribute to Psychological Science? // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvaales. London: Sage Publications, 1994. P. 194–208.
- Combs G., Freedman J. Milton Erickson: Early postmodernist // Ericksonian methods: The essence of the story / Ed. J.K. Zeig. N.Y.: Brunner/Mazel, 1994. P. 267–281.
- Dimen M. The Third Step: Freud, the feminists, and postmodernism // American Journal of Psychoanalysis. 1995. V. 55(4). P. 303–319.
- Fox N.J. Postmodernism, sociology and health. Buffalo: University of Toronto Press. 1994.
- Hatano G. Is cultural psychology on the middle ground or farther? // Human-Development. 1999. V. 42(2). P. 83–86.
- Held B.S. Back to reality: A critique of postmodern theory in psychotherapy. New York: W.W. Norton and Co, 1995.
- Hepburn A. Derrida and psychology: Deconstruction and its ab/uses in critical and discursive psychologies // Theory-and-Psychology. 1999. V. 9(5). P. 639–665.
- Holzman L. Performing psychology: A postmodern culture of the mind. N.Y.: Routledge, 1999.
- Gemin J. The dissolution of the self in unsettled times: Postmodernism and the creative process // Journal-of-Creative-Behavior. 1999. V. 33(1). P. 45–61.
- Gergen K.J. Toward a Postmodern Psychology // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvaales. L.: Sage Publications, 1994. P. 17–30.
- Keller H., Greenfield P.M. History and future of development in cross-cultural psychology // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2000. V. 31(1). P. 52–62.

- Kroger O.R., Scheiber K.E.* A reappraisal of Wundt's influence on social psychology // Canadian Psychology – Psychologie Canadienne. 1990. V. 31. P. 220–228.
- Kvale S.* Postmodern Psychology: A Contradiction in Terms? // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvale ets. London: Sage Publications, 1994. P. 31–57.
- Larsen D.J.* Eclecticism: Psychological theories as interwoven stories // International Journal for the Advancement of Counselling. 1999. V. 21(1). P. 69–83.
- Loebl L.* Postmodernism and Subjectivity // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvale. London: Sage Publications, 1994. P. 119–134.
- Liotard J.F.* La condition postmodern. Rapport sur le savoir. P.: Minuit, 1979.
- Parker I.* Against postmodernism: Psychology in cultural context // Theory and Psychology. 1998. V. 8(5). P. 601–627.
- Polkinghorne D.E.* Postmodern Epistemology of Practice // Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvale. L.: Sage Publications, 1994. P. 146–165.
- Psychology and Postmodernism / Ed. by S. Kvale ets. London: Sage Publications, 1994.
- Rapaport L., Baumgardner S., Boone G.* Postmodern culture and the plural self // The plural self: Multiplicity in everyday life / Eds. J. Rowan, M. Cooper. L.: Sage Publications, 1999. P. 93–106.
- Richer P.* An Introduction to Deconstructivist Psychology // Psychology and Postmodernism / Ed. S. Kvale. L.: Sage Publications, 1994. P. 110–118.
- Sherwood S.J.* Narrating the social: Postmodernism and the drama of democracy // Journal of Narrative and Life History. 1994. V. 4(1–2). P. 69–88.
- Smith M.B.* Selfhood at risk: Postmodern perils and the perils of postmodernism // American Psychologist. 1994. V. 49(5). P. 405–411.
- Steenbarger B.N.* On the role of theory in the postmodern integration of science and practice // American Psychologist. 1993. V. 48(1). P. 56–57.
- Teicholz J.G.* Self and relationship: Kohut, Loewald, and the postmoderns // The world of self psychology: Progress in self psychology / Ed. A. Goldberg. Hillsdale: The Analytic Press, 1998. V. 14. P. 267–292.
- Young T.R.* Chaos theory and social dynamics: Foundations of postmodern social science // Chaos theory in psychology and the life sciences / Eds. R. Robertson, A. Combs. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 1995. P. 217–233.

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Д.А. ЛЕОНТЬЕВ

Развитие психологической науки на протяжении XX в. предстает в первую очередь как расширение рамок того, что входит в понятие научной методологии и научного подхода к человеку. Если в начале этого периода молодая психологическая наука осознавала себя, прежде всего, через призму классического представления о науке, сформировавшегося по мере развития естественных наук, то в дальнейшем в психологии, при сохранении и укреплении ее классической составляющей, параллельно набирал силу неклассический вектор развития, связанный с разнообразными попытками строить психологию иначе, а именно как гуманитарную дисциплину, основанную на расширенном, неклассическом представлении о науке и научном познании.

За последние полвека направление развития психологической науки в целом можно обозначить как движение от классической к неклассической психологии. Это ключевой тезис данной статьи, который, однако, требует четкого определения понятий «классическая» и «неклассическая» психология — этот термин употребляется в настоящее время достаточно часто (напр.: Эльконин, 1989; Асмолов, 1996; Дорфман, 1997; Леонтьев А.А., 2001, 2005; Леонтьев Д.А., 2004), однако обычно без четких дефиниций. Цель данной статьи — рассмотреть основные тенденции, в которых проявлял и продолжает проявлять себя неклассический вектор развития психологии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ

Как известно, в европейской цивилизации точкой отсчета для развития всех наук выступает античная философия, которая включала в себя

и все естествознание. Начиналась она с альтернативных философских школ, которые спорили между собой о том, из каких базовых элементов построен мир, т.е. полемика шла на уровне принципиально несовместимых картин мироустройства. Каждая школа была организована вокруг учителя — лидера школы; ученики воспринимали учение и несли его дальше. Постепенно из философских школ стали выкристаллизовываться фрагменты естествознания, начались попытки эмпирически познавать мир. Стала формироваться база эмпирического знания, накопленного наукой и промышленностью, постепенно становившаяся все больше и больше; возникала дифференциация наук, выделились как отдельные науки физика, химия, биология, география и др. По мере развития науки стало возникать все больше пространства для согласия в виде эмпирических знаний, которые представители разных конкурирующих взглядов принимали в качестве общеразделяемых. Постепенно этот путь привел естественные науки к их нынешнему состоянию. Практически любая из них содержит громадный массив общепринятого знания и единый общий язык, на котором представители разных стран и научных школ разговаривают между собой. Школы сохранили свое значение, прежде всего, как институт социализации ученых, как место, где они осваивают базовые профессиональные навыки. Разные школы, конечно, представляют, предлагают и проверяют альтернативные взгляды, но эти альтернативные взгляды касаются уже сравнительно частных вопросов — они могут быть глобальны по масштабу, но основная часть общепринятого поля знаний не зависит от расхождений в этих вопросах. Это поле различные школы возделывают с разных сторон, будучи частью единой научной индустрии. Естественным наукам потребовалось достаточно много времени, чтобы прийти к этому состоянию.

Психология, наука сравнительно молодая, достаточно быстро прошла схожий путь. В первой половине XX в. в психологии наблюдалась примерно та же картина, что и в Милете в VI столетии до н. э.: конкурирующие школы, спорящие между собой по поводу базовых элементов и общего языка описания личности, сознания, психики. Такая структура школ с их лидерами и авторитетами сохранялась, в основном, примерно до начала 1970-х годов. В последние три десятилетия в психологии хорошо заметны достаточно радикальные изменения в том же направлении, в котором на протяжении столетий менялось естествознание. Интересно, что эти процессы происходили и в западной, и в советской/российской психологии, с небольшими сдвигами во времени, но в целом довольно синхронно, несмотря на

барьеры, осложнявшие коммуникацию между ними. Научные школы сейчас во всем мире начинают отступать на задний план, они перестают быть структурирующей основой для научных исследований. Уже в 1960-е годы начались довольно активные процессы взаимодействия школ и попытки синтеза знания на границе разных школ и направлений: объединения психоанализа с теорией информации, бихевиоризма с гуманизмом и многое другое. Размывание границ было веянием времени, и хотя трудно поставить этому процессу четкие рамки, но где-то к 1990-м годам он в основном завершился.

Что же произошло? Во-первых, в сфере психологии личности и мотивации, которая стала преобладающим направлением (в других сферах психологии это произошло еще раньше), академическая, научная психология стала экспериментально проверять многие положения, выдвигавшиеся на совершенно другом языке так называемыми операциональными теориями, не отвечающими общенаучным критериям достоверности, но активно применяемыми на практике, например, фрейдовской теорией стадий психосексуального развития, основные положения которой были переведены на язык таких понятий, которые более или менее операционализируемы в терминах современных академических исследований. Таким образом, осуществляется не просто синтез представлений, но и переводы с одних языков описаний на другие. Одновременно активизировался критический анализ самой научной терминологии. Очень большой вклад в критический анализ понятий внес социальный конструкционизм, о котором речь пойдет ниже.

Ситуация в психологии сейчас уже во многом приблизилась к ситуации в сфере естественнонаучного знания. Психология стала во многом единой индустрией. Границы между школами размываются. Разные направления и школы не столько работают в рамках отдельных конкурирующих учений, сколько возделывают единое поле, используя более или менее единый язык описаний, общую терминологию — конечно, с некоторыми вариациями и нововведениями, специфичными для отдельных школ и направлений, однако затрагивающими не весь понятийный аппарат, а лишь какую-то его часть, фрагмент. Альтернативные объяснительные модели также не претендуют на перестройку всего общепринятого знания. Если в публикации идет речь о новой теории, как правило, за этим стоит не более чем новое объяснение выявленной связи между двумя-тремя переменными. Во многом на развитие в этом направлении повлияло упрощение циркулирования научной информации. Выходит тематический журнал, сразу же в об-

щедоступной компьютерной базе данных появляется резюме его публикаций, это резюме сразу широко распространяется, и во всем мире начинают проверять выдвинутые идеи — работа не замыкается в рамках научной школы. Допустим, в Англии ученый предложил новую теорию, опубликовал в международном журнале, через полгода-год приходят дискуссионные отклики, а через два-три года приходят статьи из США, Индии, Южной Африки, Словении, где предложенные идеи проверяются, анализируются, уточняются и т.д.

Еще одним следствием описанной ситуации стала демократизация науки — ушли в историю фигуры непререкаемых авторитетов в психологическом мире, какими были, в основном, лидеры школ и направлений. Сейчас лидеры различных направлений психологии уже не находятся на каком-то пьедестале, а воспринимаются скорее как первые среди равных — их идеи точно так же подлежат критике, проверке, исправлению и т.д., как и идеи всех остальных. Несколько человек еще сохраняют статус «живых классиков», — я мог бы назвать для примера Дж. Брунера, А. Бандуру, Дж. Бьюджентала, Р. Харре, — но в силу преклонного возраста они мало участвуют в социальном процессе и являются скорее виртуальными, духовными, чем социальными лидерами. Отношение же научного сообщества к тем реальным лидерам, которые определяют сейчас направление развития науки — для примера могу назвать таких ученых, как Б. Вайнер, М. Селигман, С. Мадди, К. Джерджен, С. Криппнер, К. Мартиндейл, Ю. Куль, Э. Деси, Д. Канеман (другие могут назвать свои примеры), при всем уважении к ним, лишено сакральности. Это, конечно, связано в первую очередь с общим социальным контекстом, с демократизацией жизни вообще, с общим движением западной цивилизации в направлении менее формально иерархизированной социальной структуры.

Однако схожий процесс происходит и у нас в стране. Он закономерен и, по-видимому, необратим, так как он согласуется с общей эволюцией науки и социальной динамикой. Некоторое отличие состоит, правда, в том, что четкая структура школ в психологии, существовавшая у нас до 1970-х годов, стала размываться не только и не столько за счет внутренних процессов, сколько за счет взаимодействия с зарубежными подходами — внешняя конкуренция оказывается намного сильнее внутренней. Поэтому крайне непродуктивным представляется нередко встречающееся у нас стремление сохранить позицию конкуренции с другими направлениями в мировой психологии, довольно слабо представляя себе и даже практически не интересуясь тем, что делается в рамках этих направлений, заранее сбрасывать их со счетов:

«это неправильные пчелы, и мед у них, наверное, тоже неправильный». Позиция «у нас есть подход, он нам очень нравится, а что происходит у вас, нас мало волнует» устарела лет на сорок. Если некоторое время тому назад она выражала господствующую тенденцию в отношениях между разными школами и направлениями психологии, то теперь ситуация изменилась. Сегодня важнее всего, не отбрасывая свои подходы, наработки, традиции, не замыкаться в местечковом контексте, а выйти за его пределы и найти свое место в более широком мировом контексте, показать, что наши подходы работают не только в русле наших внутренних задач, что они могут многое дать для решения проблем, над которыми трудится весь мир.

Это общий организационный вектор развития мировой психологии, который касается ландшафта науки в целом.

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ В ПСИХОЛОГИИ. ПСИХОЛОГИЯ КЛАССИЧЕСКАЯ И НЕКЛАССИЧЕСКАЯ

Концом 1920-х – началом 1930-х годов можно датировать несколько сделанных в разных местах различными учеными очень важных прорывов, которые привели к существенному изменению общего образа человека. Этот прорыв, который можно назвать гуманитарным, или неклассическим прорывом, обеспечили в первую очередь пятеро ученых — Курт Левин, Лев Выготский, Михаил Бахтин, Альфред Адлер и Людвиг Бинсвангер.

Курт Левин (см.: Левин, 2001) выдвинул идею галилеевского способа мышления как антитезы аристотелевскому способу мышления. Свойства, которые проявляют объекты, как показал Галилей по отношению к физическим объектам и физическим свойствам, не принадлежат природе самих этих объектов. Они обнаруживаются только при взаимодействии этого объекта с другими объектами, тела — с другими телами. Так, например, вес не есть свойство самого тела, он представляет собой характеристику взаимодействия этого тела с гравитационным полем Земли. Если убрать это взаимодействие, то тело потеряет вес. Аналогичным образом, как показал Левин, психологические свойства мы также должны рассматривать не как внутренние атрибуты самих людей, черты диспозиции, а как что-то, что проявляется в некотором поле взаимодействия человека с окружающим миром и другими людьми.

Л.С. Выготский заложил основы неклассического подхода в узком смысле слова. *Неклассическая психология в узком смысле слова* — это методологическая позиция, эксплицированная Д.Б. Элькониным, который выводит ее из общего замысла подхода Л.С. Выготского, особенно в его поздних работах. Суть его заключается в том, что психические содержания и процессы существуют не только в интраиндивидуальной форме, будучи привязаны к активности нервной системы индивида. Они существуют также в объективированной, опредмеченной форме в культурных артефактах и могут передаваться (транслироваться) от индивида к индивиду. По мере нашего развития мы усваиваем такие содержания из окружающего культурного мира через взаимодействие с этим миром, опосредованное взаимодействием со взрослыми. Неклассическая психология — это наука «о том, как из объективного мира искусства, из мира орудий производства, из мира всей промышленности рождается и возникает субъективный мир отдельного человека» (Эльконин, 1989, с. 478). Можно говорить о процессе циркуляции психологических содержаний из индивидуально-психологической в предметно-объективированную форму и обратно, осуществляемом посредством механизмов опредмечивания и распредмечивания (Леонтьев А.Н., 1977).

М.М. Бахтин в своих новаторских работах показал принципиальную разомкнутость сознания человека и смысловое взаимодействие сознаний. Он показал, что в таком процессе, как диалог, выходящем за рамки классической парадигмы в человекознании, происходят взаимодействия и взаимопереходы смыслов, т.е. в диалогическом общении сознание разных людей оказывается разомкнутым по отношению друг к другу (см. напр.: Бахтин, 2000).

Альфред Адлер произвел революцию в психологии тем, что ушел от естественнонаучного детерминизма применительно к поведению человека. Человек не детерминирован причинами, которые толкают его к определенным действиям. Наоборот, причиной действия выступает цель. Мы должны по отношению к человеку задавать не вопрос «почему?», который задавал Фрейд, а вопрос «зачем?», и только через указание на цели, которые человек себе ставит, мы можем понять действие человека (см.: Adler, 1980).

И, наконец, Людвиг Бинсвангер — основоположник экзистенциальной психологии и психиатрии — ввел в обиход такое понятие, как жизненный мир: пытаюсь понять человека, бесполезно его измерять, изучать, тестировать — надо проникнуть в его жизненный мир, который включает в себя внешний мир (то, что окружает человека),

внутренний мир и совместный мир, в котором осуществляется диалог, обмен, взаимодействие с другими людьми (см.: Бинсвангер, 2001).

Эти прорывы (не случайно все они оказались так синхронны) привели к развитию и становлению нового взгляда на человека, который можно назвать неклассическим в широком смысле слова. *Неклассическая психология в широком смысле слова* — это все способы построения психологического знания и психологической практики, отличающиеся от классического. Под классической психологией мы будем при этом понимать психологию, строящуюся по образцу естественных наук, как субъект-объектное познание, основанное на методологии эмпирического исследования (см.: Дорфман, 2003; 2005). К характерным образцам классической психологии можно отнести бихевиоризм, особенно классический, и дифференциальную психологию (Штерн, 1998), а также (в более современной модификации) когнитивную психологию.

Соответственно, к неклассическим будут относиться все подходы, пытающиеся в той или иной степени отойти от этой парадигмы или полностью ее заменить, противопоставить естественнонаучной методологии гуманитарную. Гуманитарный подход я связываю, прежде всего, с двумя ключевыми особенностями. Первая — это активное включение в рассмотрение социально-исторического, культурного контекста, рассмотрение человека не как вещи среди вещей, а как индивида, укорененного в мире культуры, с которым он взаимодействует и из которого себя строит. Гуманитарная, или неклассическая психология рассматривает личность не как природный, а как культурный, искусственный объект (см.: Мамардашвили, 1994), как произведение. Вторая особенность — рассмотрение личности как творца этого произведения, активного субъекта, не столько формируемого извне или изнутри заранее заложенными программами, сколько как самосозидающего, самодетерминируемого. Только гуманитарный подход в состоянии понять субъектность человека (*agency*) — его способность быть не просто побуждаемым изнутри и извне, а источником и причиной своих действий.

Очевидно, что классический и неклассический способы построения психологического знания не во всех отношениях жестко альтернативны друг другу, а в чем-то друг друга дополняют. Не вдаваясь в детальный анализ их соотношения в определенном временном срезе, ограничусь диахроническим рассмотрением, при котором правомерно говорить о постепенной трансформации психологической науки как целого в направлении, которое обозначено здесь в общем виде как

неклассический вектор, — от классической модели к отходу от нее в пользу все большего признания уникальности человека и его сознания как объекта изучения, что требует разработки иной, гуманитарной методологии. Этот общий вектор складывается из ряда более частных векторов, обозначающих направления, в которых классическая модель психологической науки претерпевала изменения в разных конкретных психологических подходах.

ТРАНСФОРМАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ: НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ВЕКТОР

Кратко охарактеризую несколько направлений неклассической трансформации психологии: от поиска знаний к социальному конструированию; от монологизма к диалогизму; от изолированного индивида к жизненному миру; от детерминизма к самодетерминации; от потенциализма к экзистенциализму; от количественного подхода к качественному; от констатирующей стратегии к действенной. Этот перечень построен не по концептуальным основаниям, а отражает фактические тенденции развития психологической науки в XX в., поэтому его нельзя считать исчерпывающим.

От поиска знаний к социальному конструированию. Это очень мощная методологическая струя, которая, зародившись в середине 1970-х годов, породила методологию социального конструкционизма (см.: Джерджен, 1995а, б; Барр, 2004; Якимова, 1999), во многом определяющую облик всей теоретической психологии последних двух десятилетий. В числе главных источников этого движения его лидеры указывают на аналитическую философию языка Л. Витгенштейна, подчеркивавшего влияние употребляемых нами слов на характер той реальности, с которой мы имеем дело, на конструктивную социологию знания Л. Бергера и П. Лукмана (1995) и на теорию личностных конструкторов Дж. Келли (1999).

Главный разработчик и лидер социально-конструкционистского подхода, американский социальный психолог Кеннет Джерджен начал с идеи о том, что социально-психологическое исследование (позднее он распространил эту идею на всю психологию и даже еще шире) есть по преимуществу исследование историческое, а все, с чем мы работаем — это слова, ярлыки, формирующиеся в конкретном

сообществе и в конкретной исторической обстановке. Научное содержание всех теорий и моделей, с которыми мы работаем, зависит не только и не столько от объекта исследования, сколько от того, как мы договариваемся использовать термины и понятия, а это, в свою очередь, определяется социально-историческим контекстом. Теория, таким образом, есть продукт языковой договоренности людей, живущих в конкретном историческом пространстве и времени. Поэтому акцент надо перенести с соотношения между теорией и описываемой ею реальностью на соотношение между теорией и контекстом, в котором она строится. Например, в 1950 г. в США вышла классическая книга Т. Адорно с соавторами «Авторитарная личность» (см.: Адорно и др., 2001). В ней был описан тип личности, который в американской литературе активно критиковали с точки зрения американского демократического сознания. К. Джерджен (1995а) обратил внимание на то, что описанный тип авторитарной личности очень сильно напоминает тип личности, который в довоенной нацистской Германии называли «личность G-типа», оценивая крайне позитивно. Таким образом, объективно одни и те же характеристики совершенно по-разному рассматриваются, объясняются и оцениваются в разных социальных контекстах. То, что американцы называют ригидностью, в Германии описывают как стабильность; гибкость и индивидуализм в американском понимании немцы называют слабохарактерностью и эгоцентричностью и т.д. Известно, что для одних и тех же психологических характеристик существуют синонимы с разной, иногда противоположной эмоциональной окраской. Высокую самооценку можно называть самовлюбленностью, потребность в социальном одобрении интерпретировать как стремление к зависимости, творчество — как девиантность, что нередко бывало в истории психологии, когнитивную дифференциацию — как мелочный педантизм, автономию как эгоцентричность и т.д. Все зависит от того, как мы слова употребляем, как договоримся. Например, индивидуализм в российском, особенно советском словоупотреблении — отчетливо негативная характеристика, вписанная в конструкты индивидуализм–коллективизм, индивидуализм–соборность. Для западного сознания это отчетливо позитивная характеристика в контексте оппозиции индивидуализм–конформизм: индивидуалист — это человек, который сам принимает решения за себя, в отличие от конформиста, который действует сообразно внешнему давлению (см.: Maddi, 1971).

В 1985 г. вышла основополагающая статья Джерджена под названием «Движение социального конструкционизма в социальной пси-

хологии» (Джерджен, 1995б), в которой он тезисно формулирует основные теоретические посылки этого подхода. Термины, т.е. понятия, с помощью которых мы объясняем мир и себя в мире, не определяются предметом объяснения, а являются продуктами исторического и культурного взаимодействия между членами общества, т.е. продуктами договоренности. Слова приобретают свои значения исключительно в контексте текущих социальных межличностных взаимоотношений. Вне этих традиционных процессов научной коммуникации любое объяснение превращается в пустую форму. Я могу выстроить какую угодно теорию, но если я игнорирую сложившиеся традиции разговора об этом предмете, то меня никто не воспримет и даже не будет пытаться воспринять. Степень устойчивости во времени того или иного образа мира, той или иной теории, того или иного объяснения определяется не объективной ценностью предложенных объяснений, а превратностями социальных процессов. При изменении социальной ситуации некоторые объяснения становятся резко неприемлемыми, вне зависимости от того, правильные они или неправильные. Роль языка в жизнедеятельности людей зависит от характера его функционирования в отношениях между людьми — языковые модели и конструкции определяются исключительно ритуалом отношений в среде людей, где эти языковые формы циркулируют. Одна из главных задач конструкционистского учения, как ее формулирует Джерджен — обогащение арсенала теоретического дискурса в надежде повысить потенциал практики.

Получается, что понимание людей, в том числе научное понимание, определяется, прежде всего, тем контекстом, в котором выстраивается наука. Понимание есть результат совместной деятельности людей, их договоренности. Одна из ключевых для социального конструкционизма работ называется «Диалогические реальности» или «Реальности общения» (Conversational realities) (Shotter, 1993). Действительно, именно диалог в широком смысле, не между двумя, а между многими людьми, конструирует ту реальность, о которой в нем идет речь. По-разному построенный диалог, в частности, между учеными, между научными школами, внутри научной школы может по-разному конструировать одну и ту же реальность и заставляет по-разному с ней практически работать.

Основная форма работы в русле этой конструкционистской парадигмы заключалась в попытках деконструировать объяснительные понятия и модели, т.е. разложить их на составляющие и понять, почему используются именно такие термины или теории, эксплицировать

то социальное содержание, которое имплицитно оказывается вложенным в научный термин. В 1990-е годы публиковалось множество работ такого плана. Социальный конструкционизм органично слился с таким мощным социальным движением, как феминизм, который боролся против конкретного варианта конструирования взглядов на образ женщины и образ мужчины в обществе. Феминизм стал основным полем приложения социального конструкционизма, потому что его основной пафос заключается в том, что образы полов во всех социальных текстах, в общественном сознании, идеологии и психологических теориях конструируются предвзято. На данный момент возможности социального конструкционизма в психологии полностью продемонстрированы и практически исчерпаны. Поняв, что психологические теории важно анализировать с точки зрения того социального содержания, которое в них может имплицитно вкладываться, психология возобновляет свой интерес к самой объясняемой реальности, к объекту. Конструкционизм постепенно преодолевает собственную односторонность и принимает более конструктивные формы, в частности, форму диалогической психологии.

От монологизма к диалогизму. Начиная с 1980-х годов как на Западе, так и в нашей стране наблюдается стойкий рост интереса к таким авторам, как М.М. Бахтин, а также Л.С. Выготский и Дж. Г. Мид. Они ввели в психологию неклассическую идею диалога как особой смыслопорождающей реальности, несводимой к передаче информации и другим однонаправленным процессам. В обоснование необходимости и уникальности диалогического подхода используется восходящая к М. Мерло-Понти и Г. Бэйтсону метафора: только при бинокулярном зрении возникает измерение глубины, отсутствующее при монокулярном. Диалог рассматривается в этом подходе не только как форма межличностного взаимодействия, но и как форма взаимодействия с объективированным миром культуры, а также с самой собой. Диалогичность Я, внутреннее многоголосие является нормой и не тождественно шизофреническому расщеплению. Здоровое Я, отмечает лидер этого направления Хуберт Херманс, подразумевает многоголосие, но при обязательном сохранении метапозиции, которая позволяет увидеть между этими голосами определенные связи, упорядочить и структурировать вариативность позиций внутри Я. При этом мы вовлекаемся в диалог определенными областями нашего Я, в то время как остальные области сохраняются вне этого диалога, а границы между теми и другими оказываются достаточно гибкими

и подвижными. Мы можем вовлекать в диалог разные области своего Я. В 2004 г. было учреждено Европейское общество диалогических исследований.

От изолированного индивида к жизненному миру. Более двух десятилетий назад Ф.Е. Василюк (1984) противопоставил два альтернативных подхода к психологическому познанию и исследованию — онтологию изолированного индивида и онтологию жизненного мира. Онтология изолированного индивида рассматривает человека изначально как отдельный объект, вырванный из всех контекстов изолированный «препарат». Описав присущие ему свойства, можно посмотреть, как они проявляются в связях и взаимодействиях с миром и другими объектами. Этот поход, исходящий из принципиальной возможности описать человека в отрыве от его естественных жизненных связей, от мира, Ф.Е. Василюк считает глубоко ошибочным, потому что невозможно вырвать человека из мира, в котором он изначально пребывает и с которым он изначально связан «пуповиной своей жизнедеятельности». Человек рождается уже в мире, он является единственным существом, для которого вообще существует мир, а не среда. Более того, сам механизм развития человека во многом связан с теми отношениями, которые складываются у него с окружающей реальностью. Человек и мир оказываются двумя взаимодополняющими элементами единой системы, из которой нельзя вычленить человека и рассматривать его вне отношений и вне связи с миром.

Под этим углом зрения я проводил анализ проблемы потребностей (Леонтьев Д.А., 1992). Вначале потребности рассматривались как находящиеся исключительно внутри организма, а потом, в середине XX в. стали возникать теории, описывающие потребности как формы связей между индивидом и миром, как двусторонние отношения в процессе реального взаимодействия индивида с миром. Имеются интересные, хоть и непрямые, эмпирические подтверждения того, что без взаимодействия с миром потребности не формируются. Например, если новорожденного ребенка с момента рождения кормить из чашки, то у него сосательный рефлекс не возникает вообще. Многие, что казалось врожденным, без специфического взаимодействия с миром не возникает. Например, у слепоглухонемых врожденной ориентировочно-исследовательской потребности не оказалось. Если слепоглухонемому от рождения ребенку дать в руку предмет, тот его не ощупывает. Если его научить ощупывать, показать, как это делать, потребность начинает формироваться. И это относится не только к потребностям.

Каким образом формируется представление о смысле собственных действий? Дж. Шоттер проводил в свое время исследования, в которых показал, что решающую роль в его формировании играет интерпретация матерью проявлений ребенка. Ребенок осуществляет некие хаотические действия, мать интерпретирует их как имеющие определенный смысл, ребенок видит, что для матери они имеют смысл, и тогда они начинают приобретать смысл и для него (Shotter, 1984). Таким образом, сегодня оказывается невозможным изучать человека, изолированного от контекстов его жизнедеятельности. Наоборот, верен противоположный взгляд, который Ф.Е. Василюк (1984) назвал онтологией жизненного мира.

С этой же трансформацией связан все больший сдвиг акцентов от отдельных действий или черт на личность и ее жизнь в целом. Эту тенденцию также в свое время анализировал Ф.Е. Василюк (1984), отмечавший, что хотя в теории деятельности, например, отдельная деятельность представляет собой абстракцию жизни в целом, а предмет представляет собой абстракцию мира, понятны те причины, по которым мы изучаем только отдельные абстракты, а не жизнь в целом и мир в целом. Однако, изучив отдельные части, абстрагированные в целях анализа компоненты, мы затем неизбежно должны вернуться к целому. Сам Василюк сделал очень много для введения в психологию понятий жизни в целом и мира в целом, лежащих в русле упомянутого вектора, общемировой тенденции. Выполняется все больше работ, которые охватывают не какие-то отдельные акты, а жизнь в целом. Предметом не только теоретического осмысления, но и эмпирических исследований становятся жизненный путь, жизненные стратегии, стиль жизни, цель жизни, смысл жизни. Перечисление только наиболее важных работ заняло бы не одну страницу.

От детерминизма к самодетерминации. В мире давно идут дискуссии на тему «детерминизм и свобода человека», причем не только в психологии. Одна из первых дискуссий на эту тему состоялась между Мартином Лютером, написавшим трактат «О рабстве воли», и Эразмом Роттердамским, противопоставившем ему трактат «О свободе воли» (Эразм, 1987). Мартин Лютер утверждает, что божественное предначертание исключает свободу воли. Эразм отвечает ему: если человек создан по образу и подобию божьему, а Бог свободен в решениях и поступках, то человек тоже должен быть свободен. В XX в. благодаря успехам естествознания в классической психологии стали возобладать детерминистские позиции. В дискуссиях последних десятилетий стоит

вопрос о том, полностью ли детерминировано поведение человека или в нем есть какое-то пространство свободы (см. подробнее: Леонтьев Д.А., 2000). Неклассический подход, отрицающий пандетерминированность человеческого поведения, получил мощную поддержку со стороны естествознания, например, отмеченных Нобелевской премией работ И. Пригожина по неравновесной термодинамике (см.: Пригожин, Стенгерс, 1986). Пригожин обнаружил и описал процессы в неорганической природе с разрывами детерминации; в определенных точках они могут принять два разных направления, и нет ни одного фактора, который бы предопределял, какое из этих двух направлений процесс примет: это зависит от случайности. Если с детерминизмом бороться бесполезно, то случайностью овладеть можно, что показал Л.С. Выготский (1983) в своих исследованиях использования детьми жребия как механизма овладения случайностью.

Вспомним формулу: «Проблема личности есть проблема того, что, для чего и как использует человек — врожденное ему и приобретенное им» (Леонтьев А.Н., 1983, с. 385). Эта лаконичная формула замечательно перекликается с экзистенциалистским подходом к личности, суть которого заключается в том, что как врожденное, так и приобретенное влияет на поведение, но ни одно из влияний не оказывает рокового детерминирующего воздействия. Наоборот, если мы не желаем им подчиняться, мы способны эти влияния ассимилировать и перенаправить в нужное русло, либо найти какой-то способ поведения, который позволит не подчиниться им. Р. Мэй (May, 1981) говорил, что суть человеческой свободы заключается в паузе между стимулом и реакцией. Стоит остановиться и сосчитать до десяти, как вы выпадаете из жесткой цепи естественной причинности, цепи реагирования на стимул. Современная психология, таким образом, утверждает принципиальную возможность свободы и самодетерминации. Одно из главных оснований и проявлений человеческой свободы заключается в том, что человек способен вводить и устанавливать, а также пересматривать основополагающие принципы, регулирующие его собственное поведение, не подчиняясь автоматически заданным принципам (Harré, 1979; Rychlak, 1979). В этой способности заключается суть личностной автономии. Дословно «автономия» переводится с древнегреческого как своезаконие, обладание собственным законом и следование ему — как в политике, откуда пришло это слово, так и применительно к личности (см.: Дергачева, 2005).

Ключевую роль в самодетерминации играет рефлексивное сознание. Вся традиционная психология описывает человека как существо,

не обладающее рефлексивным сознанием. Если мы ограничиваемся сознанием как отражением окружающего мира и не включаем критическое рефлексивное сознание, все сравнительно просто. Можно измерить, протестировать наши потребности, учесть возможности их реализации, сравнить их силу, все взвесить и вывести равнодействующую, предсказав с высокой достоверностью, какой вариант поведения я выберу в данной ситуации. Однако, как только я включаю рефлексивное сознание, прогноз становится невозможен, потому что я могу принять любое решение — нет такого варианта в данной ситуации, который я не мог бы выбрать. Другое дело — какую цену мне придется заплатить за каждое из решений, но если я принимаю на себя ответственность за сделанный выбор, я выхожу за рамки естественной причинности и могу поступиться гораздо большим, чем в том случае, если я такой ответственности не принимаю.

Экзистенциальный способ рассмотрения можно считать дополняющим основную линию традиционной психологии. Вся классическая психология исходит из того, что человеческое поведение принципиально предсказуемо, если достаточно полно учесть все необходимые факторы. Это эмпирически верно и успешно срабатывает для большинства случаев поведения большей части людей в большинстве ситуаций. Но, во-первых, есть некоторые ситуации, в которых традиционный подход не работает. Изначально экзистенциальные воззрения возникли на материале так называемых пограничных ситуаций личностных сломов и кризисов, когда жизненный мир человека рушится и у него нет никаких адекватных стереотипных форм выученного поведения. Традиционная психология детерминизма бессильна помочь человеку, который должен принимать решение в отсутствие детерминант, один на один с миром, как и в противоположной ситуации, когда у человека все великолепно, но ему надо еще что-то, к чему он страстно стремится без явной необходимости. В этих двух ситуациях человек принимает необусловленные решения. Если традиционная психология изучает человека в тех его аспектах, в которых он является детерминированным, экзистенциальная психология изучает человека в тех ситуациях, когда он является самодетерминированным.

Эти два крайних случая, ситуации со знаком минус и со знаком плюс, — ситуации, в которых традиционная психология просто не работает, в которых ответы на вопросы может дать только экзистенциальная психология. Однако и во всем промежуточном диапазоне ситуаций с большим удельным весом обусловленности, в которых чаще всего удовлетворительными оказываются ответы традиционной психологии,

человек может выйти в режим самодетерминированности, включив рефлексивное сознание. Есть замечательная формула Гегеля, которая, как мне кажется, содержит квинтэссенцию всей психологии личности: «Обстоятельства и мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в которой он сам позволяет им это» (Гегель, 1971, с. 26). В этой формуле заключены две глубоких психологических истины. Первая: обстоятельства и мотивы нами управляют, если мы позволяем это, не включая рефлексивное сознание. Вторая: мы можем и не позволить им управлять собой, с помощью рефлексивного сознания включившись в управление собственной жизнью.

От потенциализма к экзистенциализму. Термин «потенциализм» принадлежит В. Франклу (1990), который ввел его для обозначения подходов, сводящих развитие человека к полному развертыванию врожденных потенций, изначально заложенных в него на биологическом уровне. Речь шла о теориях самоактуализации К. Гольдштейна, К. Роджерса и А. Маслоу в ее раннем варианте (см. о них подробнее: Леонтьев Д.А., 2002). Суть потенциализма можно кратко сформулировать так: все, что формируется в ходе развития, потенциально заложено в организм уже при рождении и должно развиваться при наличии благоприятных условий. Развитие того, что потенциально заложено, является единственной подлинной движущей силой организма и личности и может принимать форму одних или других поверхностных «мотивов». Противоположность потенциализму — экзистенциалистская позиция «Существование предшествует сущности» (Сартр, 1994). Она гласит, что никакое развитие не предзадано и не гарантировано — человек сам выбирает, чем он станет, в процессе своей жизни, проектируя и строя себя.

Если Гольдштейн и Роджерс занимали практически тождественные потенциалистские позиции, в дальнейшем не менявшиеся, то Маслоу, вначале придерживавшийся практически таких же взглядов, всю дальнейшую жизнь постепенно дрейфовал в направлении позиции экзистенциалистской и в конце практически полностью на нее встал. В интервью, которое он дал одному из коллег за полтора года до смерти, Маслоу говорил, что его расчет на то, что если создать человеку идеально благоприятные условия, мы обеспечим его полное развитие и совершенствование, не оправдался. Оказывается, нет такого комплекса условий, который автоматически порождает бы развитие и самоактуализацию. Все зависит от самого человека, причем решающим является призвание, цель, смысл, направленность на

дело (Маслоу, 2003). Экзистенциалистскую позицию можно выразить формулой: главным фактором развития личности является сама личность. Разумеется, эта позиция, которая в последние годы звучит все громче, никак не вписывается в модель классической науки. Лидер американской ветви экзистенциальной психологии Р. Мэй писал: «Экзистенциальная психотерапия может быть названа экзистенциально-гуманитарной, поскольку она выступает против преклонения перед техниками, за возрождение гуманитарного подхода. Экзистенциальная терапия не задается вопросом, как это делается, а ищет скрытые пласты смысла в высказываниях клиента, а также мифы и символы — в его психологии и жизни» (Мэй, 1998, с. 78).

От количественного подхода к качественному. Последние два десятилетия психологическая наука переживает настоящий бум качественных исследований. Связанная с классической моделью науки измерительная парадигма подразумевает вычленение четко дифференцированных друг от друга переменных, каждой из которых соответствует своя количественная мера. Однако человеческую реальность образуют жизненные миры, смыслы, цели и другие элементы, которые нельзя описать через набор количественных показателей; она требует качественной характеристики содержаний. Только при изучении человека и продуктов его деятельности наука впервые сталкивается с такой реальностью, как содержания — во всей остальной живой и неживой природе содержаний нет. Психология впервые столкнулась с этой реальностью при появлении психоанализа, проективных методов, а затем методов анализа документов. Во всех этих случаях перед исследователем разворачивалась качественно своеобразная реальность, которую предстояло понять, истолковать, сделать из нее некие выводы без опоры на данные каких-либо измерений. Фактически проблема состояла в специфическом переводе с языка той реальности, в формах которой исходной содержание было дано (сновидения, протоколы ТАТ или теста Роршаха и др.), на язык психологических терминов. Именно перевод является сутью любой интерпретативной или герменевтической работы: понимание есть перевод из одной знаковой или смысловой системы в другую. Конечно, при работе с качественным содержанием полностью трансформируется и принимает иной вид проблема валидности и достоверности выводов. Сейчас эти проблемы по-новому встают применительно к таким методам получения данных, как контент-анализ или интервью, которые получают новую интерпретацию как диалогические процессы (см., напр.: Квале, 2003).

Я не имею возможности здесь подробно остановиться на анализе соответствующей методологии, ограничусь лишь констатацией того, что движение от не знающих содержаний количественных стратегий познания в психологии к качественным, опирающимся на неизмеряемые, но понимаемые и интерпретируемые содержания, также представляет собой одно из хорошо различимых измерений неклассического вектора в психологии.

От констатирующей стратегии к действенной. Под обозначением «действенная стратегия» мы объединяем все методологические традиции, основывающиеся на идее неклассического исследования, изменяющего реальность или порождающего новую реальность, в противовес классическому типу исследования, направленного на констатацию того, что есть, и систематически избегающего возможности внесения каких-либо изменений в изучаемый объект. Отход от классической модели был связан с осознанием принципиальной невозможности изучать сознание человека, не меняя его. Две основные традиции развития методологии действенного исследования связаны с именами К. Левина и Л.С. Выготского. Первый еще в 1920-е годы в берлинском цикле экспериментальных исследований аффектов и действия разработал новый тип эксперимента, а в 1940-е годы в контексте решения прикладных социально-психологических проблем сформулировал методологию действенного типа исследования, в котором неразрывно соединены исследовательская сторона и осуществляемое психологом полезное изменение (см.: Левин, 2001). Выготский в русле своего подхода к развитию как процессу, имеющему не столько естественную природу, сколько направляемому обучением, то есть представляющему собой целенаправленно организованную деятельность, или взаимодействие, вышел на психотехническую парадигму исследования. Исследование, согласно этой парадигме, возможно только в процессе изменения того психологического процесса, который является объектом изучения (см.: Пузырей, 2006). Эти две традиции не являются единственными; аналогичные им по сути идеи время от времени появляются в разном терминологическом облачении, например, идея конструктивной психологии Е.И. Головахи и А.А. Кроника (1997). Общим для них является то, что в качестве способа существования объекта изучения рассматриваются непрерывные трансформации, которые и служат ключом к познанию: залогом возможности и одновременно критерием адекватности познания объекта выступает возможность изменить его предсказуемым образом.

* * *

Таким образом, различные описанные выше исторические тенденции развития психологической науки в XX в. можно рассматривать как разные стороны или грани единого вектора, который был обозначен здесь как гуманитарный, или неклассический (в широком смысле слова) вектор. Общий знаменатель всех описанных тенденций состоит в том, что они знаменуют переход от классического типа научного исследования, характерного для естественных наук, ко все более полному и многостороннему учету специфики человека как уникального объекта познания и разработке специфической методологии познания этого объекта. Сам анализ, представленный в статье, носит индуктивный характер и не претендует на логическую стройность и выверенность, он представляет собой скорее рефлекссию фактического положения дел в существенной области нашей науки и попытку разглядеть за пестротой тенденций более или менее ясные ориентиры.

ЛИТЕРАТУРА

- Адорно Т. и др.* Исследование авторитарной личности. М.: Академия исследований культуры, 2001.
- Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания. М.: Смысл, 2002.
- Барр В.* Социальный конструкционизм и психология // Постнеклассическая психология, 2004. № 1. С. 29–44.
- Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского (1929) // Собр. соч. Т. 2. М.: Русские словари, 2000. С. 5–175.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М.: Академия-центр; Медиум, 1995.
- Бинсвангер Л.* Экзистенциально-аналитическая школа мысли // Экзистенциальная психология. Экзистенция. М.: Апрель-пресс; ЭКСМО-пресс, 2001. С. 308–332.
- Василюк Ф.Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3.
- Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. В 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
- Головаха Е.И., Кроник А.А.* Себе и другим // Психология с человеческим лицом / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 92–110.
- Дергачева О.Е.* Личностная автономия как предмет психологического исследования. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2005.

- Джерджен К. Движение социального конструкционизма в современной психологии // Социальная психология: саморефлексия маргинальности / Под ред. Е.В. Якимовой. М.: ИНИОН РАН, 1995б. С. 51–73.
- Джерджен К. Социальная психология как история // Социальная психология: саморефлексия маргинальности / Под ред. Е.В. Якимовой. М.: ИНИОН РАН, 1995а. С. 23–50.
- Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве. М.: Смысл, 1997.
- Дорфман Л.Я. Эмпирическая психология: исторические и философские предпосылки. М.: Смысл, 2003.
- Дорфман Л.Я. Методологические основы эмпирической психологии. М.: Смысл; ИЦ «Академия», 2005.
- Квале С. Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.
- Келли Дж. Психология личности. СПб.: Ювента, 1999.
- Левин К. Динамическая психология. М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев А.А. Деятельный ум. М.: Смысл, 2001.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.
- Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. В 2 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 1.
- Леонтьев Д.А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психол. журн. 1992. Т. 13. № 2. С. 107–117.
- Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 1. С.15–25.
- Леонтьев Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 13–46.
- Леонтьев Д.А. Неклассическая психология состояний // Психология психических состояний. Вып. 5 / Под ред. А.О. Прохорова. Казань: Центр инновационных технологий, 2004. С. 60–66.
- Мамардашвили М.К. Философия и личность // Человек. 1994. № 5. С. 5–19.
- Маслоу А. Маслоу о менеджменте: самоактуализация, просвещенный менеджмент, организационная теория. СПб.: Питер, 2003.
- Мэй Р. Терапия сегодня // Эволюция психотерапии. Т. 3. М.: НФ «Класс», 1998. С. 72–84.
- Сартр Ж.-П. Тошнота: избранные произведения. М.: Республика, 1994.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Прогресс, 1986.
- Пузырей А.А. Психология – психотехника – психагогика. М.: Смысл, 2006.
- Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Штерн В. Дифференциальная психология и ее методические основы. М.: Наука, 1998.
- Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989.

Эразм Роттердамский. Философские произведения. М.: Наука, 1987.

Якимова Е.В. Социальное конструирование реальности: социально-психологические подходы. М.: ИНИОН РАН, 1999.

Harre R. Social being. Oxford: Blackwell, 1979.

Adler A. What life should mean to you. London: George Allen and Unwin, 1980.

Maddi S. The search for meaning // Nebraska symposium on motivation 1970 / Ed. by W.J. Arnold, M.M. Page. Lincoln: University of Nebraska Press, 1971. P. 137–186.

May R. Freedom and destiny. N.Y.: Norton, 1981.

Rychlak J. Discovering free will and personal responsibility. N.Y.: Oxford University Press, 1979.

Shotter J. Social accountability and selfhood. Oxford: Blackwell, 1984.

Shotter J. Conversational Realities: the Construction of Life through Language. London: Sage, 1993.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА, ИЛИ ЛОЖНЫЕ ДИХОТОМИИ В ПСИХОЛОГИИ

Т.В. Корнилова

Пути интеграции знания в психологии не могут обсуждаться вне проблемы соотнесения используемых ею методов. Психологическое знание изначально предполагает реконструкцию психологической реальности в рамках того или иного метода как способа соотнесения теоретических представлений и способов организации эмпирии для «опробывания» теории практикой психологического исследования. Сама эта практика также является предметом методологического анализа, одним из результатов которого стало представление о том, что на сегодняшний день психология находится на этапе поли- или мультипарадигмальной науки¹⁶.

Рассогласование методов, на которые опиралась метафизическая психология, рассматривалось Л.С. Выготским в качестве одного из оснований определения состояния психологии в двадцатые годы XX в. как кризисного. Поскольку впоследствии произошла определенная подмена изначально подразумевавшейся им дихотомии, приведем сопоставление Выготским оснований двух несовместимых способов занятий психологией: на основе *аналитического* и *феноменологического* методов (таблица 1).

¹⁶ После введения Ф. Василюком представления о *схизисе* в психологии в контексте введения представлений о специфике психологической практики как деятельности практикующих психологов понятие *исследовательской практики* исчезло из психологического словаря, что не является оправданным хотя бы потому, что относит к одному классу — методов академической психологии — все психологические методы, направленные на проверку научных гипотез, снимая проблему различия их возможностей для проверки разных типов гипотез или для достижения разных целей исследования.

Таблица 1

Различия методов двух психологий (как основания деления психологии на научную и метафизическую, по Л.С. Выготскому)

	Аналитический метод	Феноменологический метод
1	Направлен на познание реальности	Не предполагает бытия той сущности, на которую направлен
2	Изучает факты и приводит к достоверному знанию	Добывает истины аподиктические, абсолютно достоверные и общеобязательные
3	Предполагает опытное, т.е. фактическое (по Юму) познание	Основывается на априоризме, т.е. не есть вид опыта
4	Опираясь на обобщения и новые единичные факты, приводит к новым фактическим обобщениям, имеющим ограничения и исключения	Приводит к познанию не общего, но идеи – сущности (вневременной, внереальной, умопостигаемой)

Речь здесь не идет об аналитическом методе в какой-либо его разновидности (наблюдения, эксперимента или др.), но фиксируется его общая направленность на то, чтобы психологические воззрения критически соотносились с результатами практики как получения опытных данных.

Разделявшиеся Выготским взгляды, согласно которым сущностное познание основывается на интуиции, а аналитическое — на индукции, было потом переосмыслено применительно к научному методу в исследованиях как Карла Поппера (об обобщении на основе гипотетико-дедуктивного метода), так и Курта Левина (о понятии психологического закона). В год написания Выготским очерка «Исторический смысл психологического кризиса» (1927) этих работ Поппера и Левина еще не было (они вышли в 1934 и 1931 гг.). Но критическое прочтение этого фрагмента не оставляет сомнения в том, что им была схвачена основная линия демаркации психологических воззрений на основе различения научного и ненаучного методов.

Отечественная психология в меньшей степени, чем зарубежная, уделяла внимание специальной методологии, что, на наш взгляд, породило ряд искажений в соотношении направленности теорий и методов исследования. Напротив, в разработке проблемы объективного метода в психологии усилиями сначала представителей культурно-исторического деятельностного подходов, а также Б.М. Теплова и позже М.К. Мамардашвили и В.П. Зинченко был сделан существенный

прорыв в понимании методов психологии, рефлексия которых не всегда включается в изменение способов организации конкретных исследований.

«По содержанию специальная методология той или иной науки есть совокупность исследований, включающая обработку языка этой науки (ее терминологии и утверждений), исследование, усовершенствование и изобретение ее теорий, выявление и исследование ее эвристических допущений... и т.д. — т.е. вся та работа, которую выполняют так называемые теоретики данной науки (а не логики и методологи вообще)» (Зиновьев, 1971, с. 260). Таким образом, целью методологических исследований является не конструирование особой систематической методологии (с этой точки зрения в психологии невозможна специализация «методолог»), а осознание наукой своих парадигм — в том числе и тех допущений, которые приняты отнюдь не логическим путем (или логично предложить прямо противоположное, или логика допускает и то и другое). С этой точки зрения утверждение, что каждый психолог сам себе методолог, выглядит более обоснованным, чем положение о том, что психолог должен воплощать в своем исследовании кем-то другим (методологом с большой буквы) выстроенный аппарат научных понятий. Другое дело, что психолог не должен грешить против логики, проявляя логическую некомпетентность (редукционизм в построении теоретической системы, артефактные выводы и пр.).

Осознание допущений в рамках конкретной науки — это также и осознание метода соотнесения теории и опытных данных. Для психологии в свое время судьбоносной проблемой стало осознание возможностей и ограничений метода *интроспекции*, позже — выработка критериев *объективного метода* в психологии. Сегодня в психологии осознается проблема освоенности и ограничений экспериментального метода. Этот метод сыграл свою интегрирующую роль в становлении научной психологии. Однако настало время обсудить его место в современных методологических устремлениях психологии.

ПРИЧИННОСТЬ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ МЕТОД В ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ ПАРАДИГМЕ

Сложившаяся в XX в. естественнонаучная парадигма в психологии, которой активно противопоставляется гуманитарная парадигма, была отождествлена с экспериментальной парадигмой в науке. Это

одна из первых ошибок, отраженных в методологических дискуссиях (Психология и новые..., 1993). Второй ошибкой, о которой мы будем говорить, стало отождествление гуманитарной парадигмы с отказом от экспериментального метода. Третьей — искажение позиции В. Дильтея об основаниях отказа от объяснений в психологии.

Естественнонаучная парадигма в психологии отразила соответствие определенного способа понимания психологической причинности той общей стадии развития науки, которая характеризовала *классическую картину мира* и первоначально базировалась на законах механики в понимании детерминизма (дополненного вероятностным, или лапласовским, и исторически сменявшимся биологическим, физиологическим детерминизмом). Но одновременно она полагалась и на экспериментальную парадигму в развитии научного знания, которая стала общей для ряда естественных наук и к окончанию Нового времени означала принятие определенной *логики проверки теоретических гипотез* на пути, который был выработан в противовес индуктивному методу. Позитивистское и неопозитивистское обращение к методу как основному элементу в организации эмпирического исследования и заданный этими направлениями разрыв с теорией, подвергаемой не содержательному, а формально-логическому анализу, не стало в методологии науки основанием экспериментальной парадигмы¹⁷, как это сегодня ошибочно представляется в ряде отечественных публикаций (Юревич, 2000, 2003).

Общей основой этой парадигмы стал путь доказательства от противного, обоснованный в 1934 г. К. Поппером как общая логика установления экспериментальных фактов при проверке научных теорий и получивший название *критического реализма*. До 1983 г. работы Поппера на русском языке не издавались. Внимания к частной методологии как выделению специфики методов психологической науки в советской психологии также не наблюдалось. И в ней «естественным» образом произошло отождествление позитивистской методологии с практикой экспериментальных исследований. Эта «практика» необходимо включала разные пути интерпретаций с использованием тех или иных методологических принципов (единства сознания и деятельности, развития, системного подхода). В какой момент и почему только определенный способ обращения к эксперименту (в рамках именно позитивистской методологии) стал рассматриваться как

¹⁷ В качестве таковой понимаются не отдельные школы, а любые научные направления, подтверждающие свои теоретические гипотезы экспериментальной проверке.

характерный для психологического эксперимента вообще — это еще предстоит понять историкам психологии.

В контексте же данной статьи важно подчеркнуть следующее. Совсем не позитивизм следует полагать в основу так называемой экспериментальной парадигмы в науке. В отличие от методологии позитивизма, методология экспериментирования с позиций критического реализма предполагает в качестве основного звена выдвижение гипотез для проверки *теоретических реконструкций* и опору на то или иное понимание закона¹⁸, и это отражено в современных учебниках по экспериментальной психологии (Корнилова, 2002; Эксперимент и квазиэксперимент, 2004; Holzkamp, 1981). Однако не меньше вышло и других учебных пособий, не отягчающих знакомство студентов с планированием психологического эксперимента какими-либо методологическими предпосылками соотнесения теорий и эмпирических данных (Готтсданкер, 1982 и др.). Поэтому напомним эти предпосылки.

Три основные условия причинного (каузального) вывода были восприняты психологией вместе с включением экспериментального метода в качестве средства наиболее строгого способа проверки теоретических гипотез. Эти условия означали определенную взаимосвязь логики вывода и организации предметно-чувственной деятельности исследователя. Позже она стала называться экспериментальной парадигмой, в рамках которой классическое понимание причинности прямо соотносило разработку теоретических законов описания мира с экспериментальным методом проверки научных гипотез. Гипотетико-дедуктивный метод направлял получение эмпирических данных с целью проверки теоретических утверждений, предполагая выполнение трех условий:

1. Причина предшествует во времени следствию. Последующие выводы об имплицативном отношении, выражаемые в высказываниях типа «Если..., то...» обеспечиваются управлением причинно действующего фактора, или экспериментального воздействия.
2. Существует ковариация (неслучайная связь) между изменениями причинно действующей переменной (называемой также независимой) и следствием, или изменениями фиксируемой зависимой переменной.

¹⁸ Другой вопрос — как эти разные методологии провозглашались и реально использовались научными школами.

3. Отсутствуют конкурирующие гипотезы, т.е. проверяемой теоретической гипотезе как объясняющей устанавливаемую эмпирическую закономерность не могут быть противопоставлены столь же сильные объяснения, исходящие из другой теории или анализа другого круга переменных (как воздействующих факторов).

Детерминизм такого типа и отражал понятие причинности на этапе становления в естествознании классической картины мира. Ему стало соответствовать понятие *воздействующей причины*¹⁹, предполагающее проявление при определенных условиях того или иного закона. Важно, что это представление лишь постепенно формировалось в рамках ассоциативной психологии, где приняло облик положения о необходимости прямого воздействия как условия возникновения ассоциаций. В XX в. в психологии в рамках практически всех психологических школ, за исключением бихевиоризма, экспериментальный метод реализовывался с определенными поправками на психологическое понимание причинности (в первую очередь это касалось выполнения первого условия причинного вывода), на характер психологического воздействия (проблема соотношения фиксируемых переменных и изучаемого базисного процесса) и учет взаимодействия с испытуемым, по отношению к которому «объектные» схемы изучения имели явно ограниченную область применения.

Важно отметить также, что понимание воздействующей причины связывалось в первую очередь с законами природы, или *естественными законами*, которые как дедуктивные конструкции (предполагающие определенные идеальные объекты) «накладывались» на изучаемую реальность. Общественная жизнь человека осмысливалась в ином понимании законов. Приведем только один из аспектов — противопоставление К. Поппером *нормативных законов*, или законов как установленных норм, естественным законам. «Нормативный закон, будь то правовой акт или моральная заповедь, вводится человеком. Его часто называют хорошим или плохим, правильным или неправильным, приемлемым или неприемлемым, но “истинным” или “ложным” его можно назвать лишь в метафорическом смысле, поскольку он описывает не факты, а ориентиры для нашего поведения» (Поппер, 1992, с. 92). Нормы, будучи конвен-

¹⁹ Такой причины нет среди четырех ипостасей причины в учении Аристотеля.

циональными, т.е. возникшими в результате соглашения, являются искусственными, но также объективными в том смысле, что они не выдумываются человеком, который обнаруживает их в обществе. Нормативные законы контролируются человеком — решениями и действиями сначала других людей, которые могут применять санкции (наказывать или предупреждать тех, кто нарушает закон или неписаную норму), а потом и им самим.

Критический дуализм в отношении законов означает лишь то, что нормативные законы, в отличие от законов природы, могут устанавливаться и изменяться человеком.

Другой аспект состоит в том, что человек имеет возможность выбирать, следовать ему тем или иным законам или нет. Его решение соблюдать или изменять их означает, что он несет моральную ответственность «не за те нормы, которые он обнаруживает в обществе, только начиная размышлять над ними, а за нормы, которые он согласился соблюдать, когда у него были средства для их изменения» (там же, с. 93). Результатом размышления может стать желание изменить «сомнительные» нормы²⁰.

На этапе утверждения *вероятностного* понимания причинной детерминации, существенный вклад в которое внес Лаплас, соединивший представление о линейной детерминации с ее проявлением в совокупностях связей, важным шагом стало обнаружение в больших совокупностях сложных объектов закономерного действия регулярных причин (в меньших совокупностях «затемняемых» действиями причин нерегулярных). То есть отличительной чертой *статистического закона* стало его понимание как проявляемого только в совокупности явлений. Поскольку обычно человек имел дело с индивидуальными явлениями, он не мог видеть многочисленных закономерностей, раскрываемых с помощью специальных мер только в совокупностях. Но и это не изменяло основного принципа лапласовского детерминизма.

²⁰ Этим опасны новые гипотезы, возникающие у человека. Не дать вредным гипотезам права на существование, избегать их путем применения силы — это, по Попперу, основной критерий «закрытого общества». Давать возможность развиваться любым направлениям мысли — критерий открытого общества. Собственно обращение к критическому дуализму, начала которого положены Протагором, и понадобилось Попперу для того, чтобы рассмотреть не только разницу в понимании законов природы и общества, но и ввести принципиально новый критерий различия обществ — открытого и закрытого, смена которых прослежена им от античности до наших дней.

Специально обсуждался также вопрос о том, можно ли считать статистические законы эмпирическими. К концу XIX в. на него был дан отрицательный ответ: в статистической закономерности случайности нивелируют друг друга, и выделяется только общая для них тенденция. Предсказание касается, таким образом, поверхности явлений, а не внутренних причин изучаемых процессов²¹.

Положение о том, что возможно иное понимание закона — как *кондиционально-генетической взаимосвязи* между скрытой причиной и фенотипически проявленным следствием было сформулировано К. Левиным, причем применительно к сфере возникновения намерений человека и их психологических последствий. «*Кондиционально-генетическое определение типа процесса* (сюда относятся и типы состояний) и есть то, что принято назвать *законом*» (Левин, 2001б, с. 124). Это понимание наиболее близко подошло к той логике взаимоотношений между теорией, законом и экспериментом, которая сложилась первоначально в естественных науках применительно к идее воздействующей причины.

В советской психологии изначально была принята ориентация не на естественнонаучное, а на философское понимание закона, связываемое с традициями диалектического материализма. В 1982 г. Б.Ф. Ломов в статье «Об исследовании законов психики», положившей начало дискуссии в рамках «Психологического журнала», обосновывал ленинское понимание однородности понятий закона и сущности, предполагающее, что закон есть «идентичное в явлениях», устойчивое и повторяющееся. «*Научное познание и состоит в раскрытии существенных, необходимых, устойчивых, повторяющихся связей, отношений между явлениями*» (там же, с. 18).

Но почти за полвека до этого в работах философов (в частности, венского кружка, где выступил со своей концепцией феноменологии Э. Гуссерль и к которому первоначально принадлежал Поппер) и психологов (В. Дильтея, К. Левина, Э. Шпрангера) уже обсуждалась проблема специфики психологических законов, обусловленной особенностями психологической реальности и, в частности, высших форм психики.

Изменение классической картины мира в связи с переходом естествознания и философии к неклассическим критериям рациональнос-

²¹ По мнению одного из лидеров неопозитивизма Р. Карнапа, попытка формулирования общественных законов в статистических терминах прямо связана с недостаточным знанием о детерминации социальных явлений изнутри.

ти — и в целом к неклассической стадии развития науки, по Степину (Степин, 2000) — по-разному сопоставлялось с возникновением «неклассических ситуаций» в психологическом исследовании. Огромную роль в методологическом осмыслении проблемы метода — как неизменно вносящего в психологию «дельту понимания» в силу «непрозрачности наблюдателя» — сыграла работа М.К. Мамардашвили (Мамардашвили, 1981). Но она практически не оказала влияния на специальную методологию, связанную с представлениями самих психологов о возможностях методов психологического исследования. Они осуществили прорыв в представлении возможностей неклассической психологии сразу на уровень постпозитивистской картины мира. И как показали недавние работы Е. Завершневой (Завершнева, 2001, 2002), в психологии скорее следовало бы говорить о методологических заимствованиях (из неправильно понятой методологии других наук), чем о методологическом освоении собственного опыта возникновения неклассических ситуаций. Это был тот случай, когда аналогии, апеллирующие к физике микромира, не проясняли, а снимали проблему.

Изменение понимания причинности в науке о микромире означало не только отказ от понимания физикалистской причинности в том его виде, в котором оно сложилось в истории естествознания и было принято в схеме естественнонаучного эксперимента. Оно изменило понимание закономерности. Физический закон служил дедуктивной логике объяснения в рамках детерминистского понимания «природных» явлений, включая принципы непосредственной передачи и прерывистости в причинном обусловливании. Это были принципы, отражающие классический идеал рациональности в познании. И как отметил А.Г. Асмолов, этот идеал стал тем троянским конем, которого дали психологии классическая философия и физика (Асмолов, 2002).

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ПРИЧИННОСТИ В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ

Главное завоевание в методологии физики в первой трети XX в. — это изменение понимания физикалистской причинности, которое было связано не только с проникновением статистических описаний в картину микромира, но и с кардинальным изменением понимания детерминации как причинно-следственной. Включение вероятности

в картину микромира было связано с последующей дискуссией относительно возможности онтологизации свойств частиц, описываемых с использованием языка вероятностей. При этом физики могли оставаться на прямо противоположных позициях, а в целом эти позиции озаменовали очерчивание основных подходов в квантовой механике и философское осмысление возможности говорить о законах бытия материального мира.

М. Планк и А. Эйнштейн отстаивали единство физической картины мира и предполагали, что некоторая неполнота причинного обусловливания объясняется не законами бытия, а именно неполнотой статистических законов (неполнотой квантовой механики). Добавим к этому обсуждение при построении современной неклассической картины мира принципа *неопределенности* (позже мы вернемся к нему в контексте произвольности толкования этого принципа за рамками физического познания), или проблему «постоянной Планка» как указания на ограничения в описании объекта мерой взаимодействия с ним в ходе физического измерения. То есть в физике процесс измерения играет принципиальную роль в силу необратимости изменений в ходе изучения явлений микромира.

Итак, в квантовой физике оказалось, что измеряемые свойства физических явлений конституируются процессом измерения и зависят от того, в каком опыте и какими средствами они отображаются. В 1930 г. дискуссия, по словам Н. Бора, приняла «драматический характер». Выбранный В. Гейзенбергом способ описания свойств элементарных частиц привел его к выводу о том, что «атомным объектам не имеет больше смысла приписывать пространственную структуру» (цит. по: Завершнева, 2001, с. 72).

Спор между сторонами остался незавершенным. Позиция каждой из них включала априорные допущения. В последующем понимание физической причинности стало развиваться в новых направлениях. Оно включило принцип *дополнительности* в физическую картину мира, принцип *сетевой организации знаний* — в описания устройства мира, а также ряд интерпретаций принципа *неопределенности* как *изменяющегося представления, и в том числе о физическом детерминизме* (последнее представлено в популярной книге американского физика Капры [Капра, 1986])²².

²² В ней даны яркие примеры парадигмальных изменений, коснувшихся многих наук и означающих ограничения в признании классического принципа детерминизма единственным в физической картине мира.

Если в переходе к неклассическому периоду развития науки основную роль сыграли достижения физики первой трети XX в., то переход к следующей постнеклассической стадии науки (в парадигмальном изменении принципов построения научного знания) был связан с достижениями в области культурологии, постпозитивистской философии, и появлением новых типов организации знаний. Эти основные вызовы классической картине мира обсуждаются в статье Гусельцевой (Гусельцева, 2002), и мы к ним еще вернемся.

Но пока остановимся на следующем: и использование представлений о вероятностном детерминизме в рамках социального познания, и изменения в физической картине мира, и парадигмальная перестройка других наук (в частности, биологии) не отменили сосуществования в описании *закономерных* явлений представлений о детерминизме, основанном на понимании линейной причинности (при понимании причины как воздействующей или целевой), и вероятностном описании (детерминистски представляемых явлений). Вероятностный принцип стал включаться в схемы объяснений практически для всех уровней физической и социальной реальности. Но это не решило проблему методологического понимания вероятности как аспекта мира или элемента его описания при учете множественности причин, в разной степени регулярных и действенных.

Изменение понимания причинности в естествознании в постнеклассической картине мира касалось иного аспекта: перехода к представлению о прерывистости причинности. Было введено представление о саморазвитии динамических (физических) систем, понимаемых как непрерывнозакономерные. События стали рассматриваться как следствие неустойчивости хаоса, а присутствующая в эксперименте переменная как причина означала лишь то, что «внешние условия (например, экспериментальные) сдвигают равновесие в неустойчивой системе таким образом, что из всех потенциальных возможностей реализуется только одна» (Пригожин, Стенгерс, 2000, с. 245).

Отказ от представления о воздействующей причине разрушает основной принцип экспериментального размышления как гипотетико-дедуктивного вывода, когда в основу конструируемой экспериментальной модели кладется некоторая теоретическая гипотеза, полагаемая в рамках действия закона. Но для психологии такой подход не является новым. Идея самодетерминации реализовывалась в ряде психологических теорий. И действительно, именно эта линия психологической практики и практики исследования выглядит мак-

симально отстоящей от нормативов экспериментального размышления. Последнее включало предпосылку аналитического подхода, что было отмечено в уже приведенной схеме Вygотского, и заключалось в использовании понятия переменных в исследовательской практике экспериментирования.

Переход в последней трети XX в. к постнеклассической стадии в научной картине мира явно означал отход от идеи аналитичного пути познания. *Холистическая* парадигма, т.е. рассмотрение мира как взаимосвязанного целого, в XX в. заменила структурное его рассмотрение, предполагающее определенную архитектонику (физической реальности) и раскрытие законов, согласно которым элементы образуют целое. Возникли совершенно новые представления об их взаимосвязи — так называемые «будстрепные» теории, предполагающие внутреннюю взаимосвязанность («зашнурованность») реальности.

Идея тотального детерминизма стала исчезать даже их естественных наук, которые привлекали новые математические разработки для описания эволюции физических систем. В самой психологии в это же время стал обсуждаться переход к иным представлениям о путях соотношения теории и эмпирии. Причем речь здесь идет о теориях, заведомо предполагающих допущения о целостности развития личности и отказ от понимания воздействующих причин — т.е. о формировании гуманитарной парадигмы. И осмысление этого явления в психологии начало проходить в том числе в контексте отказа от экспериментальной парадигмы.

КРИЗИСНАЯ, ИЛИ МУЛЬТИПАРАДИГМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Следует обратить внимание на то, что постановка проблемы кризиса в психологии изначально связывалась с рефлексией ее метода. Понятие кризиса относят либо к началу двадцатого века (десятые-тридцатые годы), когда на место единой ассоциативной психологии пришло «множество психологий» — со своими предметами и методами, со своими теориями и видами практического приложения психологических знаний; либо к ее постоянному состоянию, напоминающему хроническую болезнь и продолжающемуся по настоящее время. Именно отсутствие единой парадигмы в психологии вызывает перманентные дискуссии о том, находится ли она в кризисе или еще не доросла до

стадии «нормальной» науки²³. Но означает ли это, что ориентировка на преодоление кризиса должна быть связана с отказом от одних методов в пользу других? И следует ли при этом забывать, что изначальные ограничения объяснительной психологии связывались именно со звеном гипотез, наиболее важным в методологии экспериментирования (как гипотетико-дедуктивного метода соотнесения теории и эмпирических данных)?

Применительно к психологии сознания словосочетание «опытная наука» не означало «наука экспериментальная». Экспериментирование было введено в опытах Фехнера, Эббингауса, Вундта, но не в той логике гипотетико-дедуктивной проверки гипотез, которая будет характеризовать экспериментальную парадигму к концу XIX в. в естественнонаучном познании. В. Дильтей критиковал именно звено гипотез в построении классической картины мира (Кеплером, Галилеем, Ньютоном) и выражал резкое неприятие роли гипотез в естественнонаучном познании. Для Дильтея попадание в поле гипотез исключало возможность причинного познания: звено гипотез не может помогать психологическому познанию, поскольку «в познании природы связанные комплексы устанавливаются благодаря образованию гипотез, в психологии же именно связанные комплексы первоначальны и постепенно даны в переживании» (Дильтей, 2001, с. 11). Кроме того, факты в области душевной жизни не достигают той степени определенности, которая необходима для соотнесения их с теорией. Вред позитивизма, связываемого с объяснительной психологией, заключается в «бесплодной эмпирике». Предложенный Дильтеем выход — замыкание причинности в «значимые положения о связи душевной жизни».

В приведенной выше схеме Выготского именно отсутствие звена гипотез ставит под вопрос возможность понимания аналитического метода как экспериментального. Более того, развитие в культурно-исторической психологии метода, который сам автор назвал экспериментально-генетическим, явно было направлено на преодоление отождествления аналитического метода с естественнонаучной парадигмой. Но это был совсем иной путь соотнесения теории и эмпирии — утверждение в гипотезе об *опосредствованном* характере

²³ Наличие открытого и общепризнанного кризиса в психологии, который, по Т. Куну, является важнейшим условием смены парадигм в науке, говорит в пользу того, что в психологии мы действительно имеем дело с процессами, аналогичными процессам роста и развития научного знания в более «продвинутых» областях науки.

развития высших психических функций единства теории и метода, воплощенного в принципе *автостимуляции* (в методиках «двойной стимуляции»).

Уже у Дильтея видна ошибка отождествления позитивистского подхода с объяснительной психологией. Подход к гипотезам как «спекулятивному» элементу теоретизирования затмил другую их функциональную роль — как средства перехода к эмпирическому опробованию на истинность обобщенных, или теоретических высказываний. Проницательность же Дильтея заключалась, на наш взгляд, не в создании предпосылок гуманитарной парадигмы в психологии (как это обычно представляют), а в остром неприятии попыток перенести на психологическую причинность как старое понимание детерминизма, так и метафизический принцип при «рациональном» построении психологического знания. Отождествление им этого принципа с принципом экспериментирования как проверки выдвигаемых гипотез — существенный просчет. Объяснительная психология действительно оказалась связанной с экспериментальной парадигмой, но не с тем ее воплощением, с которым Дильтей боролся как с «метафизикой». Экспериментальная парадигма, эксплицированная в этапной работе Поппера в 1934 г., предстала сначала в логике фальсификационизма, а впоследствии — в представлении о развитии объективного знания как преобразования пространства проблем, основным средством которого стал путь выдвижения и проверки гипотез.

Следует отметить, что сегодня и метод *понимания* в психологии представлен иначе, чем во времена Дильтея. Одно из методологических замечаний о нем как новой парадигме, учитывающей специфику «мира человеческих отношений» по сравнению с миром природы, сделал Дж. Брунер. Логика нарратива как новой парадигмы психологического описания включена сегодня в разные психологические подходы, в частности, в методологию социального конструктивизма (Брунер, 2001). Однако с ней связывают уже принципиально иной этап — постнеклассическую стадию развития научного знания.

История развития психологической науки показала ошибочность и другой позиции — отстаивания первенства определенной методологии. Своеобразие психологии состоит в том, что вновь появляющиеся парадигмы не приводят к уходу со сцены прежних, а продолжают сосуществовать и развиваться параллельно с ними, что позволяет говорить о поли- или мультипарадигмальности психологии. И сегодня в психологии вполне сосуществуют и естественнонаучная

парадигма, сочетающая в себе опору на экспериментальный метод и способ объяснения, апеллирующий к естественнонаучному пониманию причинности, и ряд других исследовательских парадигм, где экспериментальный метод включен в иную логику опосредствованного понимания психики — в первую очередь здесь следует назвать деятельностную и когнитивную парадигмы, а также большую часть исследований в рамках гуманистической психологии.

Для психологии утверждение тех или иных парадигм связано не только с развитием науки, но и с опорой на ненаучные методы. Во времена давления идеологии это был один «поводок», сегодня — другой. Он связан с апелляцией к ценностному компоненту психологического знания. То, что в постпозитивистской картине мира допустимо включение ценностных отношений в психологическую теорию — лишь один аспект проблемы. Другой аспект, о котором сейчас хочется сказать — монополизация позитивных ценностных отношений гуманитарной парадигмой, и лишение любых других направлений права использовать таковые.

ГУМАНИТАРНЫЙ ИДЕАЛ И ОТНОШЕНИЕ К ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМУ МЕТОДУ

В 1990-е годы в отечественной науке и философии спор о возможностях метода возродился в рамках дискуссии о соотношении естественнонаучной и гуманитарной парадигм (Психология и новые..., 1993). С одной стороны, он отразил изменение критериев научности в понимание психологических методов и объяснительных принципов. В этом следует видеть его позитивный вклад в рефлексию основ психологического исследования. С другой стороны, он характеризовался негативным противопоставлением экспериментального метода другому пути к психологическому знанию — пути психопрактик и использования языков описания (повествования). В контексте данной статьи важно подчеркнуть следующую особенность платформы сторонников гуманитарной парадигмы: отсутствие позитивной направленности на интеграцию содержательных проблем психологического объяснения и методологии организации исследования. От эксперимента как признака «естественнонаучной» парадигмы предлагалось отказаться. Тем самым закрывался вопрос о возможностях этого метода в рамках других объяснительных парадигм.

Однако последнее явно противоречило развитию той психологии, с которой и связывалось в начале 1960-х годов представление о гуманистической парадигме как новом идеале научной психологии. При этом вопрос о том, какие теории могут претендовать на принадлежность новой парадигме, а какие — нет, оставался открытым. Он решался скорее путем самоидентификации авторов. Какие-то теории заведомо относили к гуманистическим по предмету изучения и принципам отношения к нему в психологическом исследовании (это концепции Г. Олпорта, А. Маслоу, К. Роджерса, Ш. Бюлер, Р. Мэя и др.). Какие-то — по принципу, отражающему неэкспериментальный подход. На этом втором основании, как отмечал О.К. Тихомиров, к «гуманистическим теориям» относят и концепцию Дж. Брунера (ярчайшего представителя психологии познания), и ряд других теорий (Тихомиров, 1992).

В отличие от понимания движения в сторону гуманитарной парадигмы, связанного у отечественных авторов в первую очередь с отрицанием экспериментального метода, зарубежные представители гуманистической психологии разрабатывали — и, главное, реализовывали — программы взаимодополняющего (синкретичного) использования разных методологических платформ. Они прояснили методологические альтернативы в психологии и предложили способы их соединения, что стало уникальным явлением в истории западной психологии (Крипнер, де Карвало, 1993). Указанные зарубежные авторы остановились на этих позициях столь подробно, что далее уже невозможно делать ту ошибку, которая связана с подведением под термин «гуманистическая психология» некоей единой гуманитарной парадигмы, якобы заведомо отрицающей путь экспериментирования в психологической науке и практике. Мы не рассматриваем вслед за авторами указанной статьи развитие этого направления в 1980-е и 1990-е годы не столько потому, что соответствующие школы еще малоизвестны отечественному читателю, сколько потому, что, как указывается в цитируемой статье, гуманистическое направление с уходом его основателей отчасти потеряло свою значимость как особая система, а ее уникальные методологические завоевания усваиваются другими течениями.

Крипнер и де Карвало в своем обзоре ввели понятие *экспириентальной* методологической парадигмы, существующей в психологии наряду с экспериментальной. Отличительной чертой экспириентальной парадигмы выступает использование феноменологических и экзистенциальных методов, позволяющих изучать уникальное в че-

ловеке. Прорыв в обосновании этого нового пути сделали, по мнению авторов статьи, именно американские психологи в силу неудовлетворенности принципами механистичного и атомистического препарирования природы человека в бихевиористском подходе, с одной стороны, и мифологическим отношением к пациенту в психоанализе, с другой стороны. Стремление представителей гуманистической психологии к возврату в психологию общечеловеческих ценностей проявлялось в противопоставлении методов объективного и субъективного исследования, хотя разными авторами проставлялись различные акценты в соотношении перспектив феноменологии и позитивизма в эпистемологической перспективе психологии.

Не будем повторяться и еще раз подчеркивать необходимость различения экспериментального метода в рамках методологии критического реализма и позитивистской установки на понимание пути научного познания, отметим только, что эта ошибка прослеживается не только у отечественных, но и у цитируемых зарубежных авторов. Сейчас важно другое: отказ от компромисса в понимании роли методов продемонстрировали только некоторые авторы гуманитарной парадигмы, в частности, Р. Мэй. Он вернулся к старому противопоставлению описания и объяснения в психологии, считая, что исследование причинно-следственных связей должно уступить место изучению феноменологии состояний человека. Обращение к прямым методам, связываемым с феноменологическим и экзистенциальным подходами — действительно важное отличие экспириентальных объяснительных схем от тех, которые связаны с экспериментальным методом в психологии. Но они возможны не только при ориентации на гуманистический идеал.

Поиск новых идеалов научности на самом деле возродил на новой основе старую дихотомию прямых и косвенных методов в психологии. Разработка *косвенных* методов изучения психологической реальности — в силу невозможности принятия идеи ее непосредственной данности — тот аспект преодоления кризиса, который формулировался уже Л.С. Выготским. Однако на современном этапе развития психологического знания эта проблема звучит по-другому: в частности, она затрагивает вопрос о роли исследовательской деятельности в конструировании психологической реальности. Это стало также аспектом сравнения неклассического и классического идеалов рациональности, в частности, когда речь идет о включенности субъекта познания как участника ситуации и необходимого условия конструирования получаемых фактов (а не только теоретических реконструкций изучаемой

реальности). Для психологов здесь существует масса академических примеров: и исследования методом интроспекции, и взаимодействие в ходе решения дункеровских задач, и ряд других.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОНИМАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТИРОВАНИЯ

Явное устаревание принципа каузальности, имеющего в основе физическое понимание причинности, не означает, что психология должна отказаться от объяснительного принципа вообще или от развития исследовательских целей и средств их достижения. Тем более из этого не следует, что гуманистические ценности в психологии должны противопоставить ее методологию классическому идеалу естествознания. Психологический эксперимент давно перестал быть по своей сути естественнонаучным; он в такой же степени стал и конструктивным. Приведем в этой связи замечание В.П. Зинченко, высказанное им в работе «Теоретический мир психологии». Он указывает, что психика изучается непсихологическими методами, если источниками реконструкций онтологической реальности выступает такой психологический эксперимент, в котором эта реальность оказывается очищенной от любых жизненных обстоятельств, чтобы не нарушать строгости эксперимента. Психологи в таких экспериментах стали создавать «абстрактные и беспредметные миры задолго до художников, поэтов, композиторов, не говоря уже о кино. От таких миров не так прост возврат к мирам реальным, если они еще сохранялись, и если мы знаем, что они собой представляют» (Зинченко, 2003, с. 10). И налаживание взаимоотношений между теоретическим миром психологии и миром экспериментальных моделей — это особый предмет размышлений.

Далее Зинченко обосновывает преодоление постулата непосредственности через «восприятие, опосредствованное душой», или «шестым» органом чувств. И совершенно неожиданным оказывается его обратный ход к оценке роли экспериментальной психологии в построении опосредствованного знания. В.П. Зинченко говорит о том, что она прощупывает пределы строительства человеком своего телесного и духовного, когда создает ситуации, которых в жизни практически не бывает. Она приоткрывает человеку его возможности, делая полезное дело, конструируя их, причем все как в первый раз (здесь он ссылается на Мамардашвили, считавшего, что человек все делает как в первый

раз). Тем самым экспериментирование способствует самопроизводству человека, отвечая идее «Природа не делает людей, люди делают себя сами». При этом Зинченко использует идеи «третьих» вещей, «второго рождения» человека, по Мамардашвили.

Как показало развитие психологии в последовавшее за дискуссией о соотношении естественнонаучной и гуманитарной парадигм десятилетие (Психология и новые..., 1993), в современной картине мира, соотносимой теперь уже с потнеклассическим периодом, предполагаемого ею противопоставления нет. С одной стороны, гуманитарный идеал существует скорее как провозглашаемая ценность и «образ желаемого результата», чем как указание новых путей психологического познания (Юревич, 1999). Возвращение же к прямым методам не предполагает отрицания тех завоеваний психологии, которые связываются с косвенными методами, в первую очередь с экспериментом. С другой стороны, современные исследования все более уводят от противопоставления человека миру природы, а общий поиск альтернативных классическому механицизму теорий — в частности, ориентированных на познание самоорганизующихся систем, — сближает разные типы мышления — физический и иные (в том числе «гуманитарный»).

Естественнонаучная и гуманитарная парадигмы пока не различаются методами, поскольку «гуманитарный идеал научного познания» может реализовываться и в академической психологии, и психотехнической практике, а психологи в рамках гуманистического направления используют и экспериментальный метод, и все возможности своего мышления, сформированные человечеством как надындивидуальные схемы познания в периоды античности, классической (построенной естествознанием Нового времени) и неклассической картин мира — в первую очередь в связи с принятием данности психологического факта только как результата взаимодействия. Конструктивистская парадигма явно приходит на смену гуманитарной в осмыслении соотношения психологических теорий, используемых методов и той эмпирической реальности, которая оказывается (или мыслится) за исследовательским порогом.

К. Роджерс писал о практических успехах психологии, выражая опасения по поводу ее возможного могущества, поскольку при чрезвычайных возможностях манипулирования сознанием могут достигаться цели не только созидания, но и разрушения. Совсем не случайно в последнее десятилетие возникли представления о том, что психологическая практика также может оцениваться по-разному: появились оценки разных практик как конструктивной и деструктивной

психотерапии. Таким образом, не по линии ценностного опосредствования проходит линия разграничения психологического эксперимента и психотехнического действия как психологических методов. Цели экспериментирования могут быть самыми гуманными, а главное, практическая помощь наиболее очевидна там, где речь идет о хорошо (а значит экспериментально) опробованной теории. «Хорошо» означает здесь максимальную критичность исследователя к способам достижения познавательной цели.

В психологии существует также проблема смысла — не только изучаемого, но и направляющего работу психолога. Но если это ценностное предосмысление воссоздаваемой ситуации позитивно трактуется применительно к психотехническим практикам, то остается непонятным, почему это должно негативно трактоваться — как антигуманизм — в случае исследовательской процедуры в научной психологии.

Самостоятельной проблемой является разделение наук на естественные и гуманитарные. Настойчивость противопоставления в психологии строгого естественнонаучного мышления и мышления гуманитарного не может подменять содержательных аргументов в ведущихся на эту тему спорах.

Критичность мышления, ориентированность ученого на то, каковы вопросы, а не только ответы, получаемые в исследовании — это свойства, в равной степени присущие как естественным наукам (с которыми ассоциируется экспериментальный метод), так и гуманитарным. Но в гуманитарных науках наработаны иные средства эмпирического опробования при проверке научных гипотез. Так, в исторических науках метод критического анализа документов — аналог экспериментального метода, также предполагающий воссоздание факта путем соотнесения гипотез и собираемых эмпирически данных.

Связь социальной ситуации с собственной логикой развития психологии рассматривается Т. Марцинковской (Марцинковская, 2004) как породившая сегодня обратную ситуацию — необходимости модификации естественнонаучной психологии и поиска нового объективного метода изучения психики, предполагающей перестройку самой классической науки. Методология, которая поможет переосмыслить принцип активности (при доминировавшем принципе отражения), связать воедино усилия теоретических и практических психологов, а главное — признать равнозначность для фундаментальной науки областей, выделявшихся традиционно как непосредственные (низшие) и опосредствованные (высшие)

психологические явления, должна реализовываться как путь междисциплинарных исследований.

М. Коул через 70 лет после выхода работы Выготского также писал о двух парадигмах в психологии, которые он обозначает как «путь науки» и «путь истории и культуры». Формирование третьего пути и на его основе — единой психологии он связывает с объединением двух мировоззрений, «связанных с природной и культурной составляющими системы В. Вундта, в едином научном подходе» (Коул, 1997, с. 362). Таким образом, возможность третьего пути продолжает обсуждаться в связи с проблемой преодоления кризиса как размежевания предметов двух психологий (натуральных и культурно обусловленных процессов), но не тех двух психологий, которые имел в виду Выготский (материалистической и идеалистической, т.е. «метафизической»).

Другой аспект современного кризиса — тот, о котором Выготский не мог писать. Это переосмысление возможностей деятельностной парадигмы как средства преодоления непосредственного пути познания психического. Связанная именно с методологией марксизма, деятельностная концепция во многом повторяет путь естественнонаучно ориентированной психологии — ее стремятся отбросить или заменить герменевтической психологией. Но сегодня это уже выглядит как переосмысление возможностей концепции Выготского в том числе и в контексте другой, не марксистской методологии (Брунер, 2001).

Этим же автором отстаивается позиция, согласно которой кризис психологии — это не только кризис «традиционной естественнонаучности» (обратим внимание, что речь идет уже не о том кризисе психологии, который у Выготского был связан с разницей методологических подходов к изучению низших и высших форм психического), но также и кризис взаимоотношений психологии с обществом. Образование двух *социодигм* — психологических сообществ, занятых преимущественно академической или практической психологией — также является одним из проявлений этого социального аспекта современной стадии кризиса (Юревич, 2000). И дело уже не в разработке когнитивных оснований науки, а в нормализации социальной составляющей ее развития. Раскрытие ошибок на пути ложных противопоставлений — еще один важный аспект дальнейшей интеграции психологии.

РЕЗЮМЕ

Отказ от экспериментирования в психологии означал бы отказ от того способа мышления, который она выстрадала, включив экспериментальный метод в свой багаж опосредствованного познания психологической реальности. В.П. Зинченко привел «панегирик экспериментированию», сформулированный поэтом О. Мандельштамом в работе «О Данте» и удивительно точно передающий отличие этого метода от иллюстративного пути обращения к эмпирии: «Антиномичность дантовского опыта заключается в том, что он мечется между примером и экспериментом. Пример извлекается из патриаршей торбы древнего сознания с тем, чтобы быть возвращенным в нее обратно, как только минет надобность. Эксперимент, выдергивая из суммы опыта те или иные нужные ему факты, уже не возвращает их обратно по заемному письму, но пускает в оборот» (цит. по: Зинченко, 1993, с. 8). В экспериментальном методе главное не обращение к факту как к таковому, а процедура его установления и та логика рассуждения, в рамках которой извлекается научное знание.

В психологии все более утверждается позиция, согласно которой участие психолога как субъекта (а не только рассмотрение в качестве такового испытуемого) выступает необходимым условием конструирования получаемых фактов (а не только теоретических реконструкций изучаемой реальности). И главное здесь — критический анализ такого положения дел не только как пути анализа артефактов, но и как пути развития преобразующей функции психологического эксперимента, конструктивной с точки зрения раскрытия новых возможностей в человеке. При таком подходе к экспериментальному методу нет необходимости противопоставлять его гуманитарному идеалу, но необходимо противопоставлять ему методы, связанные с ориентировкой на непосредственное познание психологической реальности.

Эмпирическая реальность *конструируется* в исследовании — это отмечается как существенная черта и современных исследовательских методов, и современных психологических практик (помощи человеку). Кроме того, психология рефлексивует воссоздаваемую в исследованиях (реконструируемую, а не непосредственно данную) картину мира и с точки зрения собственно методологического знания — как присутствие в психологических реконструкциях признаков классической и неклассической (а также постклассической) стадий развития науки. Принятие идеи взаимодействия субъекта познания и изучаемой реальности (хотя это еще не всегда реальность активной личности) ведет

к изменению отношения к классическим схемам экспериментального исследования и обращению к теориям, предполагающим открытость человека миру.

Следующий признак нового типа научности — трансформация естественнонаучной парадигмы в психологических исследованиях, связанная с поисками компромисса между пониманием специфики психологической причинности и методом, который должен удовлетворять двум взаимоисключающим требованиям: условиям причинного вывода, сформулированным в рамках естественнонаучной экспериментальной парадигмы, и психологическому эксперименту, соответствующему новым типам гипотез, предполагающим опосредствованность психологической реальности, активность как признак саморегуляции и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

- Брунер Дж.* Торжество разнообразия: Пиаже и Выготский // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 3–13.
- Васильюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ, Смысл, 2003.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. Т. 1. М., 1982. С. 291–436.
- Готтсданкер Р.* Основы планирования психологического эксперимента. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Гусельцева М.С.* Культурно-историческая психология и «вызовы» постмодернизма // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 119–131.
- Дильтей В.* Описательная психология. М., 2001.
- Завершнева Е.Ю.* Принципы неопределенности и дополнительности в квантовой механике и психологии: проблема методологических заимствований // Вестник МГУ, Сер. 14. Психология. 2001. № 4. С. 67–77. 2002. № 1. С. 75–80.
- Зиновьев А.А.* Логика науки. М.: Мысль, 1971.
- Зинченко В.П.* Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии. 1993. № 4.
- Зинченко В.П.* Теоретический мир психологии // Вопросы психологии. 2003. № 5. С. 3–17.
- Корнилова Т.В.* Экспериментальная психология. М.: Аспект пресс, 2002.
- Коул М.* Комментарии к комментариям книги «Культурно-историческая психология: наука будущего» // Психол. журн. 2001. № 4. С. 93–101.

- Криннер С., де Карвало Р.* Проблема метода в гуманистической психологии // Психол. журн. 1993. № 2. С. 113–126.
- Левин К.* Закон и эксперимент в психологии // Психол. журн. 2001а. № 2. С. 102–108. 2001б. № 3. С. 116–127.
- Мамардашвили М.К.* Классический и неклассический идеалы рациональности. Тбилиси, 1981.
- Марцинковская Т.Д.* Междисциплинарность как системообразующий фактор современной психологии // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 61–81.
- Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. № 3. С. 113–121.
- Поппер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992.
- Поппер К.* Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002.
- Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 2000.
- Психология и новые идеалы научности. (Материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 5.
- Степин В.С.* Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2000.
- Тихомиров О.К.* Понятия и принципы общей психологии. М.: МГУ, 1992.
- Эксперимент и квазиэксперименты в психологии / Под ред. Т.В. Корниловой. М., СПб.: Питер, 2004.
- Юревич А.В.* Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Юревич А.В.* Психология и методология // Психол. журн. 2000. № 5. С. 35–47.

КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В.Ф. ПЕТРЕНКО

Эволюционная парадигма мышления, подготовленная философскими идеями становления (Г. Гегель) и развития (Монетти, Ж.Л. Бюффон, И.Г. Гардер, М.Ж. Кондерсе) и возникшая в биологии (Ж. Ламарк, Ч. Дарвин), затем была успешно перенесена в социологию (Г. Спенсер, К. Маркс), историю (Школа Аналов: Ж. Ле Гофф, М. Блок, затем — А.Я. Гуревич), теорию ноосферы (Э. Леруа, В. Вернадский, Тейяр де Шарден), лингвистику (младограмматики: А. Шлейхер, Д. Пауль, А. Потенбня; в двадцатом веке — А. Мейе, Э. Бенвенист), космологию (А. Фридман, Г. Гамов, Э. Хаббл), эволюционную генетику (И.И. Шмальгаузен, А.Н. Северцов), психологию (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, Дж. Келли). Идея качественного развития различных форм материи и духа стала важнейшим атрибутом научного, да и житейского сознания.

Эволюционная парадигма фиксирует возможность изменения законов функционирования системы по мере прохождения ею некоторого временного отрезка, траектории, исторической эпохи, цикла развития, жизненного пути.

Другой вектор становления эволюционного сознания, представленный синергетикой, или теорией диссипативных структур (И. Пригожин, Г. Хакен), связан с вызревающей парадигмой потенциальной множественности возможных путей развития, множества траекторий, где ставшее актуально существующим бытие есть только одна из воплотившихся реализаций потенциально возможного, только одно из устойчивых состояний, к которым могла бы прийти эволюционирующая система. Применительно к истории возможность сослагательного наклонения — «что было бы, если бы реализовалась альтернативная версия значимого исторического события», как в этом случае развива-

лись бы обстоятельства и формировались общественный менталитет и культура — осуществил А.Дж. Тойнби (1991).

В отечественной психологии, базирующейся на марксистской методологии, всегда, как имплицитно, так и эксплицитно (яркий пример — культурно-историческая концепция Л.С. Выготского), присутствовали идеи эволюционизма и активности познающего субъекта. Однако базовая метафора отражения, сыгравшая позитивную роль в рассмотрении эволюции психики на стадии ее адаптации и приспособления к природной среде (вспомним, например, «Проблемы развития психики» А.Н. Леонтьева с его сенсорной, перцептивной стадиями и стадией интеллектуальных операций), на более поздних этапах развития психологической науки, когда последняя перешла, в частности, к проблематике личности, на наш взгляд, исчерпала свой эвристический потенциал и стала во многом тормозить ее развитие. Метафора отражения в самом своем базовом образе содержит элемент вторичности психической активности, ее реактивности. Например, уже на уровне физиологии активности Н.А. Бернштейн вводит понятие «**модель** потребного будущего», П.К. Анохин же в своих работах, отдавая дань стагнирующей идеологии, вводит понятие «опережающее отражение». Само развитие теории физиологии активности неизбежно выводит методологию за рамки базовой метафоры отражения. «Опережающее отражение» — это, по сути, оксюморон. Другой пример исчерпания базовой метафоры дает, например, теория искусственного интеллекта, где особую роль приобретают базы знаний, экспертные системы с рефлексией, т.е. включающие уровни метаязыка, описывающего собственную базу знаний — знания о знании (Д.А. Поспелов). Проблема рефлексии знания, конечно, является ключевой и для человеческого сознания. Но опора на метафору отражения потребовала бы вообразить столь плохо описываемый образ «слоистого отражения», который мог бы породить только сюрреализм Дали.

Мои атаки на базовую метафору теории отражения могут показаться излишними. В конце концов, в истории языка имеется много примеров, когда содержание слова утрачивает связь с породившей его метафорой и слово со стершимся образом становится термином-ярлыком. Но возьмем для примера физику, где трактовки электрона как частицы или как волны имели длительную историю борьбы и дискуссий. Фотоэлектрический эффект и данные о квантованном излучении при люминесценции давали трактовку в пользу частицы, а феномены дифракции и интерференции при прохождении пучка электронов через щель свидетельствовали в пользу волны. Фиксация на том или

ином образе-метафоре направляла ход мысли того или иного теоретика, и противоборство школ было достаточно острым. И уравнение Э. Шредингера, описывающее функцию распределения плотности материи, строит уже вероятностную модель, как бы снимающую две предыдущие образные метафоры. Здесь можно сослаться на то, что понимание абстрактных теорий требует некоторой образности, и феномен «вторичной визуализации» абстрактных терминов описан в психологической литературе. Сошлемся на свидетельство Альберта Эйнштейна, говорившего, что он мыслит образами.

Но вернемся к психологии, в случае которой, я полагаю, проблема критики базовой метафоры имеет более глубокий смысл.

Обратимся к краткому психологическому словарю под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, который на сегодняшний момент является наиболее поздним и полным справочником отечественной психологической науки. Он дает такое определение: «Сознание — высший уровень психического отражения действительности, присущий только человеку как общественно-историческому существу» (Петровский, Ярошевский, с. 368). Я не знаю, кому конкретно принадлежит авторство данной словарной статьи, но это, так сказать, школьное определение, пришедшее из учебников по философии, и средний студент на экзамене по психологии норовит воспроизвести именно его. В последнем издании словаря (1998 г.) к этому определению добавилось еще и следующее: «Сознание — это высший уровень психического отражения и саморегуляции», что не меняет существа дела.

Что же отражает сознание? Действительность? Последнее предполагает нечто существующее само по себе (безотносительно к познающему субъекту), законы которого и изучает познающий субъект (так сказать, отражает). Эти представления стали расхожей нормой. Они базируются на школьной, вульгарной трактовке диамата, которую насаждала официальная идеология. (Отмечу, что в отечественной философии всегда существовали и более глубокие умы, но они были поставлены в такие условия, когда их влияние на общественное сознание, и, в частности, на психологическую науку, было сведено к минимуму. Я же говорю о некоем нормативном общественном сознании, с позиций которого принято рассуждать о законах физики, законах природы, законах функционирования общества.)

Взамен бессубъектного понятия «действительность» С.Л. Рубинштейн в своем труде «Бытие и сознание», и особенно в книге «Человек и мир», вводит в психологическую литературу понятие «бытие». «Бытие как таковое,— пишет он,— как сущее — это исходное, первично

данное, необходимо предполагает мое познание, т.е. человека, существование сущего и познаваемого» (Рубинштейн, 1997, с. 9). И далее: «Познающий субъект — это человек, сущее, наделенное сознанием, расположенное внутри сущего. Таким образом, исходным является онтологическое отношение различных сущих, сущих с различным способом существования, а познание — это осуществляющееся внутри онтического отношения различных сущих» (там же). Здесь обнаруживается некоторая двусмысленность при сведении всего сущего к «объективной реальности».

Наука о бытии невозможна без человека. Специфическим способом существования человека, по Рубинштейну, является наличие у него сознания и действия (там же, с. 19). Мир, по Рубинштейну, есть «организованная иерархия различных способов существования, точнее — сущих с различным способом существования» (там же, с. 10).

Вместо бессубъектной «объективной действительности» объектом психологического рассмотрения и осознания у Рубинштейна оказывается «Мир существования как мир человеческого страдания...» (там же, с. 19). Рубинштейну вторит М.К. Мамардашвили (1996), говоря о том, что бытие — это жизнь, в которой я сам участвую.

Проблема пристрастности бытия, включенности человека в мир, мир человеческой культуры, приводит, на наш взгляд, в рамках сходной логики и А.Н. Леонтьева в позднейшей период его творчества к понятию «образ мира», когда он говорит о пятом квазиизмерении, в котором открывается человеку объектный мир. Это — «смысловое поле», система значений.

«Значения, таким образом, несут в себе особую мерность. Это мерность внутрисистемных связей самого объективного предметного мира. Это и есть пятое квазиизмерение его!» (Леонтьев, 1979, с. 6)

Но система значений как носителей общественного сознания подразумевает введение в объект познания мир человеческой культуры. Тем не менее, Леонтьев строго следует материалистическому пуризму, говоря о «внутрисистемных связях **объективного** предметного мира». Однако введение значения «как единицы, связующей общение и обобщение» (Л.С. Выготский) в самую ткань образа мира, а значит, и имманентно в позицию наблюдателя, вводит культурно-историческую составляющую в объект познания. Как тут не вспомнить дискуссию А.Н. Леонтьева и П.Я. Гальперина, в рамках которой Леонтьев, отрицая прямую трансляцию ориентировочной основы действия из материальной формы в речевую (согласно теории поэтапного формирования),

говорил о том, что содержание, будучи выраженным в речи, в системе значений, неизбежно входит в новые связи и расчленения. В рамках работы «Психология образа» А.Н. Леонтьев, перекликаясь с Ж. Пиаже и Дж. Брунером, пишет о построении «в сознании индивида многомерного мира, в котором мы действуем». (Леонтьев, 1979, с. 7). На мой взгляд, здесь уже содержатся идеи конструктивизма.

В дальнейшем эта линия размышлений получила свое продолжение в книге С.Д. Смирнова «Психология образа», в статьях В.В. Петухова о картине мира. Особое место занимает статья В.П. Зинченко и М.К. Мамардашвили «Проблема объективного метода в психологии», где авторы обосновывают правомочность понятия «психическая реальность» (Зинченко, Мамардашвили, 1977). В философской и психологической литературе термин «объективный» (например, «объективные методы») часто по традиции относят к физиологическим коррелятам психических процессов. В понимании психической реальности авторы смещают акцент с субстанциональной трактовки объективного как доступного остенциональным определениям к функционально-операциональному определению реального как опосредующего индивидуальную психику и деятельность, наделяя этим статусом и фантазию, и вымысел. «Субъектность сама входит в объективную реальность, данную науке, которая является объективной, каузально организованной по отношению к миру сознания, данному нам также и на “языке внутреннего”» (Зинченко, Мамардашвили, 1977, с. 116).

О навязчивом и патологическом действии бессознательных представлений авторы статьи пишут, что «...эти патологические формации выявляются психоанализом не из органических повреждений или структуры биологических инстинктов как таковых, а из ушедшей на дно работы субъективности» (там же, с. 119). В художественной форме эту мысль о реальности психического выразил, на наш взгляд, А.П. Чехов. Герой рассказа «Черный монах» Коврин беседует с галлюцинаторным образом монаха:

- Но ведь ты мираж,— проговорил Коврин...
- Это все равно,— ответил монах...— Легенда, мираж и я — все это продукт твоего возбужденного воображения. Я — призрак.
- Значит, ты не существуешь?— спросил Коврин.
- Думай, как хочешь,— сказал монах и слабо улыбнулся.— Я существую в твоём воображении, а воображение твоё есть часть природы, значит, я существую и в природе.

Приведя этот отрывок, мы хотели подчеркнуть опосредующее влияние картины мира на поведение и жизнедеятельность человека. В настоящее время эта мысль наиболее интересно развивается в работах Ф. Василюка о «жизненных мирах».

Близкие мысли звучат и в современной отечественной философии, на мой взгляд, переживающей в последнее десятилетие период духовного ренессанса и наиболее динамического развития. Свидетельством этого является, в частности, издание «Новой философской энциклопедии» (М., 2001). В словарной статье «Познание» И. Касавин пишет о том, что «познание не является “отражением реальности вне человека и человечества”, но имеет дело лишь с содержанием коллективной деятельности и общения, поскольку последние нужны для своей организации в идеальных, т.е. возможных, пробных, приблизительных, вариативных моделях и перспективах» (Касавин, 2001, с. 259).

На сходных позициях в рамках философии познания стоит и Л.А. Микешина, утверждая, что «...господствовавшая долгое время фундаментальная метафора “познающий человек — это зеркало” существенно искажала реальное положение дел, заставляя ожидать от познающего копий, зеркально точных отражений действительности, тогда как на самом деле ожидание и, соответственно, оценки результатов должны быть другими, поскольку познание всегда идет в “режиме” выдвижения гипотез, что предполагает господство творческого, интуитивного и изобретательного начала, интерпретацию и проверку гипотез, активное смыслополагание, создание идеальных моделей и другие приемы не отражательного, но конститутивного и истолковывающего характера» (Микешина, 2002, с. 16).

Реконструкцией картины мира субъекта в различных его локусах, будь то этническое сознание, политический менталитет или эстетические предпочтения, занимается, конечно, и экспериментальная психосемантика. Я не буду сейчас останавливаться на принципах психосемантики, так как неоднократно и подробно делал это в своих предыдущих письменных и устных выступлениях. Отмечу, что теория личностных конструкторов Дж. Келли на Западе часто именуется собственно конструктивистской психологией, согласно которой познающий субъект, подобно ученому, выдвигает и проверяет альтернативные гипотезы о мире, и поведение субъекта рассматривается не как реакция на внешние стимулы, а скорее как вопрос, поставленный миру. Хочу подчеркнуть другое. Несмотря на пугающий многих психологов аппарат формализации, включающий многомерную статистику,

факторный и детерминационный анализ, построение субъективных семантических пространств, выступающих операциональной моделью сознания, психосемантика во многом является вариантом проективной методики. Геометрические модели семантических пространств дают компактную, высоко структурированную, визуализированную форму репрезентации «имплицитных моделей личности» в терминах Дж. Брунера, П. Тагиури, или «социальных репрезентаций» в терминах С. Московичи. Формализация позволяет обобщить исходный язык описания, сгруппировав исходные признаки-дескрипторы в более емкие категории-факторы, отражающие базовые формы категоризации; выявить число категорий-факторов, т.е. когнитивную сложность сознания в той или иной содержательной области; определить «перцептуальную силу признака» — субъективную значимость того или иного основания категоризации — по его вкладу в общую дисперсию; найти координаты коннотативных значений в рамках семантического пространства, фиксирующие смыслы субъекта по отношению к анализируемым объектам. Однако интерпретация выделенных структур требует наличия другого чувствующего, страдающего, включенного в человеческую культуру субъекта, который средствами своей психики, своей субъектности моделирует психику, личность другого. Координаты коннотативных значений в семантическом пространстве выполняют, по сути, роль ориентировочной основы (в смысле П.Я. Гальперина) для деятельности по эмпатии, сопереживанию, встраиванию в картину мира, сознание другого человека. Классическая психометрика (вспомним тест Кеттелла или ММРІ) рассматривает субъекта как точку в пространстве диагностических показателей. Психосемантические же методы позволяют представить субъекта как носителя системы смыслов, что на операциональном языке соответствует не координатной точке, а целому облаку реперных позиций, и субъект выступает неким смысловым микрокосмом, индивидуальной системой мировосприятия и уникальной системой отсчета. Наряду с лингвистической теорией относительности Сепира–Уорфа нам представляется возможным говорить о психологической теории относительности категоризации и мировосприятия.

Согласно герменевтике (см.: Гадамер, 1988), естественные науки — это науки о познании, а гуманитарные науки направлены на понимание. Согласно понимающей психологии В. Дильтея и Э. Шпрангера, «природу мы объясняем, а душевную жизнь понимаем». Мы интерпретируем это противопоставление как следствие различия объектов познания. Если естественные науки реализуются в рамках

субъект-объектных отношений, где объект познания самотождественен и подчиняется неким законам, которые имеют детерминистический или вероятностный характер и изменяются (эволюционируют) слишком медленно в сравнении со временем бытия познающего субъекта, то гуманитарные науки, изучая мир человека, социальной группы, этнической общности, политического сообщества в их синхроническом или диахроническом аспекте, имеют дело с субъект-субъектной парадигмой, где взаимодействие исследователя с познаваемым неизбежно изменяет как познаваемое, так и самого познающего. Применительно к личности человека, обладающей свободой воли и тем самым не являющейся жестко детерминированной системой, говорить о законах, на наш взгляд, некорректно. На уровне психологии личности нам не известно ни одного закона — в лучшем случае можно говорить о закономерностях в поведении. Человек обладает возможностью как выбора, так и открытия новых творческих форм сознания и бытия, которые заведомо не могли быть известны исследователю.

Как пишут создатели НЛП (Нейро-Лингвистического Программирования) Д. Гриндер и Р. Бэндлер, наши проблемы являются следствием незнания нами наших собственных возможностей, и острота проблемы может быть снята ее переосмыслением (см. логотерапию В. Франкла).

Однако линия разделения на объяснительную и понимающую науки, очевидно, не совпадает с делением наук на естественные и гуманитарные, а определяется методическими средствами, которые использует исследователь. В психологической науке, например, в психофизике, используется естественнонаучная субъект-объектная парадигма, позволяющая сформулировать, например, законы Вебера–Фехнера или Стивенса, и гуманитарная субъект-субъектная парадигма, по сути являющаяся интерпретационной, понимающей.

В гуманитарной парадигме познаваемое — другой человек или коллективный субъект — не является жестко детерминируемой системой, подчиняющейся строгим законам, а обладает внутренним развитием (применительно к человеку) и свободой воли и выступает не равным, не тождественным самому себе в каждый новый момент времени. Чем более развитой является система, тем больше степеней свободы она имеет. Применительно к личности человека или социальной общности некорректными являются эквифиналистские модели и прогнозы, построенные на принципе детерминизма. Речь может идти только о сценарных вариантах развития событий, когда человек или общество реализуют одну возможность из веера потенциальных возможностей

в каждый момент времени. Поэтому описание человека или социальной общности в рамках понимающей психологии или социологии осуществляется через картину мира человека или социума, системы ценностей или мотивов, на которые опирается индивидуальный или коллективный субъект в своем планировании «потребного будущего» или при принятии решений.

Писатель А. Моруа отмечает, что человеческая жизнь скорее напоминает обрывки неоконченных романов, сюжеты без продолжения, чем похожа на развернутую повесть с прологом, кульминацией и развязкой. Тем не менее, другой мыслитель-философ, Г. Померанц, анализируя маловероятное стечение обстоятельств в новейшей российской истории и судьбе ее лидеров, вынужден обратиться к категории «Провидения» в качестве объяснительного принципа. С нашей точки зрения, то, что мы называем судьбой, возможно, может быть объяснено действием более высоких уровней системной регуляции (колец саморегуляции с обратной связью в духе Н.А. Бернштейна), которые пока еще не открыты, но включают в себя человеческое бытие как элемент более сложной системы развития «интегрального сознания».

В любом случае, человек и человечество меняются и эволюционируют в реальном времени со скоростью, сопоставимой с процессом познания познающего субъекта, что создает ситуацию своего рода диалога познающего и познаваемого, в ходе которого, как отмечалось выше, происходит взаимное влияние и изменение познаваемого и познающего. Даже, казалось бы, история, изучающая уже реализованное, «ставшее бытие», непрерывно переосмысливается и переписывается заново, так как в контексте новой ситуации сегодняшнего дня изменяется вес, значимость тех или иных свершившихся событий, меняется фигура и фон калейдоскопа фактов. Как выразился Б. Пас-тернак, историк выступает пророком, «предсказывающим назад».

Наличие «самореализующихся прогнозов», функционирующих по принципу «круговой каузальности», свидетельствует о том, что само познание меняет и структурирует бытие человека. Как полагает Дж. Келли, «поведение человека канализируется по тем же руслам, по которым происходит антиципация событий» (Kelly, 1955). Это положение, на наш взгляд, близко принципу «единства сознания и бытия» С.Л. Рубинштейна и исходит из того, что не только бытие определяет сознание, но и сознание организует, структурирует бытие (см.: М. Вебер).

Применительно к искусству это выражается в том, что скорее не искусство отражает жизнь, а сама действительность рабски подражает

искусству. Французский режиссер Жан Ренуар пишет о своем отце: «Он вылепил толпу по образу своего идеала... Улицы наших городов полны Ренуарами: девушками, детьми с искренним взглядом и кожей, которая не отталкивает света».

Влияние теоретических конструкторов психологической или, более широко, гуманитарной науки, построенных учеными, на жизнь, на социальное бытие общества, проявляется не менее отчетливо. XX в. — его культура, ментальность, искусство и даже политика — оказался густо насыщен идеями психоанализа Фрейда, которые, по своей сути, являются психотерапевтическими мифами. Говоря о психоанализе как о терапевтическом мифе, мы вовсе не отрицаем его огромную терапевтическую ценность или значимость открытого им мира бессознательного, защитных механизмов личности, феноменов трансфера и т.д.

Психоанализ дает пациенту некий язык, набор понятий и образов, позволяющих выразить его неосознанные травмирующие переживания, сидящие, как заноза, в бессознательном, и сделать их доступными сознанию, а осмыслив — изжить.

Говоря о психотерапевтическом мифе, мы подчеркиваем, с одной стороны, своеобразную поэтику текстов З. Фрейда, подобную мифологической, что неоднократно отмечалась, в частности, российскими и французскими структуралистами, а с другой — то, что психоанализ изложен в форме конкретных примеров и притч. В отличие от естественнонаучного языка парадигмальных наук, оперирующих идеальными моделями и реализующих объяснения через «восхождение от абстрактного к конкретному» (Давыдов, 1972), от неких обобщенных законов к частному случаю, который описывается тоже в некой обобщенной, идеализированной форме, психоанализ оперирует системой прецедентов (вспомним случай с пациенткой А., или случай господина Т.; обращение Фрейда к собственным переживаниям детства). Можно по аналогии вспомнить «римское право» как иерархизированный, идеализированный свод законов, и английское право, построенное на системе прецедентов. Осознание единичного не через понятие, категорию, а через символ (трактуемый Ж. Пиаже как наиболее типовой образ из класса родственных объектов, или, по терминологии Е. Рош, прототип), в нашем случае — через выбранный Фрейдом пример из личного опыта, ведет к тому, что, осознавая свои проблемы в рамках психоанализа, пациент, клиент, просто обычный человек, знакомый с психоанализом, во многом видит собственные проблемы через призму личностного опыта Фрейда, личности Фрейда. И не только Ренуар «выплеснул» на улицы Парижа тысячи своих моделей, но и Фрейд

вывел «из подполья» человека, осознающего и говорящего на языке психоанализа, спроецировав свою личность во множество других личностей — «своих детей не по крови, а по ментальности». В широком смысле все мы — в разной степени культуральной социализации — порождение литературы.

Яркий пример влияния науки на историю XX в. дает и марксизм. Развивая в социологии эволюционистский подход Ч. Дарвина, К. Маркс построил теоретическую модель смены экономических формаций в результате классовой борьбы. Революция как апогей этой борьбы выступала, по Марксу, в качестве «повивальной бабки истории», расчищающей путь лишенному эксплуатации светлому будущему — коммунизму. Образ идеального будущего, предложенный Марксом, являлся, по сути, продолжением утопических теорий Т. Кампанеллы, К. Сен-Симона, Ф. Фурье и в более глубоких своих основаниях уходил корнями в историю раннего христианства. Согласно Н. Бердяеву, сама идея заимствована из христианской теологии и представляет собой принявшее светский облик эсхатологическое мессианство, унаследованное от иудейско-христианских пророков и попросту переименованное: «Вместо провидения обожествлена сама история и на ее алтарь брошено все и вся, искупителем первородного греха сделан рабочий, а в грядущем обещано все то же второе пришествие Христа с мозолистыми руками и светлое царство духа, но только уже на земле. Свобода личности здесь растоптана железной поступью рационалистически истолкованной Истории, и жизнь сегодняшних поколений безжалостно принесена в жертву неведомому будущему “граду солнца”» (цит. по: Велиховский, 1973, с. 21).

Возникнув как операциональная реализация новой утопии, идея классовой борьбы, «овладев массами», приобрела огромный энергетический потенциал, сопоставимый по пассионарности с потенциалом мировых религий, и в значительной мере направила историю XX в. по рельсам заданных Марксом конструктов. Они определили не только новейшую историю России, стран Восточной Европы, Китая, Вьетнама, Кубы и ряда стран «третьего мира», но и, задавая линию оппозиции «биполярного мира», повлияли на внутреннюю и внешнюю политику Запада. Можно сказать, что концептуальные рамки истории были заданы мыслью Маркса. История стекает с кончика пера философа. Конечно, мы огрубляем суть исторического процесса, имеющего, скорее, сценарные варианты и свои точки ветвления и бифуркации, гипертрофируя роль отдельной личности в истории, которая писалась тысячами мыслителей и публицистов, но делаем это для того, чтобы

подчеркнуть мысль о том, что история — это, в первую очередь, реализация идей, которые озвучивают политики и реализуют массы людей, внося свои элементы творчества, но «в начале было **слово**», несущее некую идею. Идея же на языке психосемантики — это система конструктов или же обобщений. Среди множества социальных отношений, в которые вступают люди, Маркс выделил отношения купли-продажи «абстрактного рабочего труда», создающего «прибавочную стоимость». Отметим попутно, что и «социальные отношения» и «прибавочная стоимость» — тоже суть некие теоретические обобщения-конструкты, выделяющие какие-то аспекты социального бытия человека и определяющие те или иные пути их осмысления. Акцент, к примеру, на производящей роли научных идей, ведущей к автоматизированному производству, мог бы породить иную концепцию развития общества, где наибольшей производственной силой является фундаментальная наука и соответственно ученые, а прогрессирующее развитие компьютерных технологий с обработкой знаковой информации вообще в корне изменяет представление о труде, сближая его с творчеством и фантазией. Возможны и религиозные, и даже искусствоведческие модели всемирной истории.

В конце концов, не «хлебом единым жив человек», и этические идеи могут нести не меньшую пассионарную силу, чем борьба за предел собственности.

Рассмотрев на примере Фрейда и Маркса роль идей в порождении и конструировании социального бытия, где они интерпретируются не как формы «отражения», а как некие возможные модели бытия, оказывающие обратное влияние на само описываемое бытие (не хотелось бы использовать слово «реальность», ибо она традиционно представляется как независимая от описания данность, которую «изучают» гуманитарные и естественные науки). В этом плане понятийный аппарат, который создает каждая гуманитарная наука (конечно, в том числе и психология) не только описывает, но и привносит в это описание новые связи и расчленения (а имплицитно — и некие аксиологические ценности), формируя в конечном итоге новые конструкты сознания (расширяя его), а через осознание конструирует и самую действительность. В рамках старого спора о том, что появилось раньше — «курица или яйцо», сознание или бытие, наука или действительность, мы подчеркиваем не только познавательно-описательную направленность науки, но и ее (в первую очередь для гуманитарной науки) созидательно-конструктивистскую функцию.

Как мы стремились показать на двух предыдущих примерах, теоретические конструкции, предложенные мыслителем или ученым, будучи присвоенными культурой, общественным сознанием, становятся теми рельсами, по которым движется история.

Конечно, это не однокорейная дорога, ибо культура впитывает в себя идеи многих мыслителей, ученых, творцов искусства; здесь есть множество ветвлений, развилок, и каждая страна, этническая культура имеет свои исходные пункты движения; пути сходятся и расходятся, выстраиваются новые, но важно еще раз подчеркнуть, что они проложены конструктами сознания. В начале было **слово**. В этом плане функция гуманитарной науки состоит не только в описании уже «ставшего бытия», но и в порождении конструктов расширяющегося сознания, задающего движение «становящегося бытия».

Любая конструктивистская идея возникает в сознании погруженного в культуру субъекта и существует как текст в тексте, базируясь на множестве культурных миров, в которые погружен субъект, включая его неповторимый индивидуальный опыт. Отсюда уникальность и бытия каждого субъекта, и его «личностного знания». М. Полани (1985) пишет, что любое знание является личностным. Близкая мысль звучит и у В. Лекторского — о том, что Я как субъект познания выступает как «единство сознания, единство индивидуальной биографии и центр принятия решений» (Лекторский, 2001, с. 87). Любая, казалась бы, даже сциентистская или позитивистская идея, содержит в себе в «свернутом виде» и философское основание (а каждая философская система — это уникальная система отсчета), и некую культуральную парадигму, и имплицитную систему ценностей, и личностный смысл самого ее создателя. Категориальный аппарат каждой науки имплицитно содержит и ее историю, перекличку мнений и позиций. Необходимо понимать, что, воспринимая тот или иной феномен, событие или поступок, мы неизбежно вносим в процесс его постижения те знания (научные понятия, существующие как текст в тексте), которые привнесены самой историей его становления. Не существует эмпирического факта вне некой теории. О роли апперцепции писал еще В. Вундт.

Идея проекции культуры на объект познания имеет множество следствий. Так, в случае, например, теории индивидуальности важно развести саму онтологию, которую описывает та или иная теория, и конструктивную модель, которая для нерerefлексирующего сознания и выступает эквивалентом этой онтологии.

Дж. Келли ввел понятие «зона приложимости конструкта». Его суть заключается в том, что конструкт, созданный для описания

одной содержательной области, некорректно (в прямой, а не метафорической форме) переносить для описания другой. Например, оценка веса неприменима для описания запаха, а вопрос о локализации некорректен для мысли (не надо путать с локализацией нейропсихических процессов, реализующих мысль в субстрате мозга). Возможность метафорических переносов — особый разговор, требующий развернутого обсуждения (см.: Петренко, 1997), но правила приложимости конструкторов на глубинных уровнях категоризации иные, чем на понятийном уровне, они починаются скорее «логике транса» или поэтического мышления. Так, метафорические соответствия на глубинном коннотативном уровне не позволяют выносить суждения по законам логики, построенной для понятийных уровней категоризации. Суждения типа «земля наша кормилица — мать (большая посылка), а мать не продается (малая посылка)», следовательно, «нельзя продавать землю в частную собственность», являются некорректными в силу нарушения «зоны приложимости» логических конструкторов.

В свое время древних греков ставили в тупик парадоксы типа «вода текуча» и «вода состоит из четырех букв». В рамках логической семантики (Дж. Рассел, А. Тарский, Р. Карнап, У. Куайн) слово, обозначающее понятие, стали брать в кавычки, а словом без оных обозначать сам объект, «предметную отнесенность понятия».

По-видимому, следует ввести и различные обозначения (через введение некоего знака, например, звездочки «*», ставящейся после слова), чтобы развести саму описываемую психологическую феноменологию и ее же, но в рамках некоей теории, к которой принадлежит используемое понятие.

На наш взгляд, наряду с понятием «зоны приложимости», или «диапазона приложимости конструктора» в плане смысловых переносов, следует ввести временные рамки приложимости конструктора. Я формулирую это в форме принципа: «Конструктор обратной силы не имеет». Аналогично тому, как вновь введенный закон не имеет юрисдикции относительно времени до его принятия, так и в психологии некорректной является постановка проблемы «был ли древний грек личностью» или «являлся ли Цезарь интровертом», ибо понятия «личность», «экстраверт» возникли в истории культуры и науки значительно позднее. Нарушая временные ограничения области приложимости конструктора, мы неизбежно навязываем более ранней культуре собственные модели осознания и собственную психологическую онтологию. В наиболее грубой, гротескной форме это характерно для исторических фильмов

Голливуда, где исторические персонажи с обликом американских ковбоев борются за идеи демократии против варваров. Применительно к описанию исторического прошлого корректнее использовать язык самой эпохи, или же, в силу того, что это может вызвать крайние затруднения у массового читателя, использовать, как предлагалась выше, условные символы для разведения самой психологической онтологии и ее модельного описания с помощью понятия. Так, «интроверсия» (как понятие) появилась в сознании К. Юнга, а затем в мировой культуре только в конце прошлого века, и она не может выступать характеристикой человека более ранних эпох, ибо мы проецируем на него культуру конца XIX в. При отсутствии подходящей лексики можно использовать слово интроверсия*, понимая условность использования этой психологической характеристики во всей полноте ее содержания применительно к той психической характеристике, которой обладал Цезарь (при этом мы, конечно, понимаем, что слова психологическая*, психическая* и характеристика* тоже надо обозначать предложенным символом «*»). Аналогичным образом, в модели «Смысл–Текст» И.А. Мельчук для обозначения семантических единиц — сем вынужден использовать слова естественного языка, где эта сема ярко выражена, беря их в специфические кавычки-«лапки», чтобы подчеркнуть, что содержание слова, обозначающего данную сему и включающего и иные семы, гораздо богаче, чем само обозначаемое. Проблема многослойности смыслового наполнения слова ведет к рассуждениям о том, что «язык заслоняет нам мир». Но нет мира вне языка и культуры, и семиотическая знаковая форма человеческого бытия дает нам не только радость познания и понимания мира, но и возможность участвовать в его построении и развитии.

Высказанная здесь идея о том, что язык науки служит не только для описания сущего, но, создавая понятийный аппарат, вносит свои связи и расчленения, которые через «круговую каузальность» сознания и поведения человека определяют самое бытие, имеет и дополнительный аксеологический аспект. Любая психологическая теория имплицитно содержит свое понимание «потребного будущего», свою «модель человека». В этом плане варианты «гуманистической психологии», «христианской психологии» или «психологии с человеческим лицом» содержат здоровую, эвристическую компоненту, в явном виде вводящую этический компонент в психологическую теорию личности, в психотерапию. В недавней дискуссии, инициированной интересной публикацией А.В. Юревича (2000) в «Психологическом журнале», этот автор склоняется к императиву методологической терпимости,

навеянный принципом «пролиферации» П. Фейерабенда (1986). Признается правомочность и даже необходимость существования множества психологических теорий личности, ведущих полилог в духе М.М. Бахтина. Я полностью присоединяюсь к этой точке зрения. Патриарх отечественной философии Т.И. Ойзерман в своей недавно вышедшей книге «Философия как история философии» (2000) пишет, что «философия, существует, так сказать, лишь во множественном числе». Думаю, это относится и к психологической науке. В библейской герменевтике, а также у немецких романтиков Навалиса и Шлегеля есть положение, согласно которому какой бы текст ни писал человек, он, размышляя о вечных проблемах и сути бытия, продолжает писать одну вечную Книгу, которая не закончена. Однако императив «методологическая терпимость» не снимает необходимости индивидуального выбора, притягивания позиций той или иной школы. И здесь принцип «пролиферации» Фейерабенда, на котором базируется Юревич, не может дать приоритета. Принцип «пусть цветут все цветы» с дополнением «кроме сорняков» не обеспечивает ни критериев приоритета, ни критериев отбрасывания этих самых «сорняков», т.е. лженауки. Но если критерием для элиминации последней может быть принцип системного включения текста, теории в корпус психологической науки, где система цитирования, неявных ссылок, перекрестных ассоциаций обеспечивает вписанность, жизнь текста в тексте, так как гуманитарная традиция не только направлена на открытие нового, но и обеспечивает сохранение и поддержку самого культурного бытия, семиосферы (в терминах Ю.М. Лотмана), то применительно к индивидуальному выбору той или иной концепции или психологической школы можно сформулировать принцип «этической аскезы» — выбора той модели человека, которая наиболее соответствует твоим нравственным, этическим критериям. И здесь нет единственно правильной позиции, как не может быть единственно правильной политической партии или этнического мировосприятия. Возможны, например, альтернативы прагматическому рационализму, принципу полезности или гедоническому принципу удовольствия. В качестве примера такого выбора я хотел бы закончить статью цитатой из Померанца: «“Бог милостиво подарил нам страдание”, — писал Псевдо-Дионисий. Наш мир потому и хрупок, чтоб через него виден был другой. Мир без страданий — блистательный новый мир Хаксли. Пошлый мир без мысли о смерти и вечности» (Померанц, 1994, с. 35).

ЛИТЕРАТУРА

- Василюк Ф.Е. Жизненный мир и кризис. Типологический анализ критической ситуации // Психол. журн. 1995. № 3.
- Великовский С.И. Грани «Несчастливого сознания». М., 1973.
- Гадамер Х.Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Давыдов В.В. Виды обобщения в обучении. М., 1972
- Зинченко В.П., Мамардашвили М.К. Проблема объективного метода в психологии // Вопросы философии. 1977. № 7.
- Касавин И.Т. Познание // Новая Философская энциклопедия. М., 2001.
- Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.
- Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1979. № 2.
- Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Введение в философию. М.: Лабиринт, 1996.
- Микешина Л.А. Философия познания. М., 2002.
- Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной. М., 1991.
- Ойзерман Т.И. Философия как история философии. М., 2000.
- Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.
- Полани М. Личностное знание. М., 1985.
- Померанц Г. На птичьих правах // Русское богатство. Независимый частный журнал: литература, искусство, культура. 1994. № 2.
- Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского. М., 1990.
- Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
- Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991.
- Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
- Юревич А.В. Психология и методология // Психол. журн. 2000. № 5.
- Kelly G.A. A Theory of personality. The psychology of Personal constructs. N.J., 1955.

РЕШЕНИЕ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОБЛЕМ В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

А.Н. Поддъяков

В настоящее время одной из наиболее интенсивно развивающихся областей когнитивной психологии является исследование способностей человека к решению комплексных проблем и задач по изучению сложных динамических систем и управлению ими. Развитие общества характеризуется все возрастающей динамичностью, человечество создает и вовлекает себя в новые, все более широкие и сложные сети различных взаимодействий (экологических, технологических, информационных, социальных, политических и т.д.). Поэтому интерес психологов стал закономерно перемещаться с анализа решения задач, относящихся к какой-то одной изолированной дисциплине или области (например, с решения шахматных задач, логических задач, математических, инженерных и т.д.) на проблемы другого типа. Возникла необходимость понять, как человек решает такие проблемы, где необходимы знания сразу многих научных и практических областей, учет намерений и действий других людей — партнеров, союзников и противников, способность собирать разнообразную информацию из множества источников и принимать сразу много решений в условиях ограниченного времени. Подзадачи, входящие в комплексную проблему, характеризуются не только разнородностью представляемых ими предметных областей, но также разными уровнями формализации и разработанности: от стандартных, корректно поставленных и алгоритмически разрешимых задач до совершенно новых и плохо сформулированных. Примеров деятельности по решению комплексных проблем в современном обществе очень много — начиная с освоения детьми компьютерной среды и кончая попытками больших коллективов высококвалифицированных спе-

Работа поддержана грантом РГНФ № 04-06-00274а.

циалистов реализовать новейшие проекты: космические, ядерные, военные, гуманитарные и т.п.

С психологической точки зрения, решение комплексных проблем (РКП) характеризуется рядом особенностей (Васильев; Дернер, 1997; Короткова, 2005; Орлов, 2005; Поддьяков, 2000, 2002; Функе, Френш, 1995; Complex problem solving..., 1995).

Комплексные проблемы являются новыми для решающего и содержат множество нечетко сформулированных условий и целей. Объектом деятельности решающего являются динамически изменяющиеся среды, содержащие большое число компонентов с неизвестными и неочевидными, «непрозрачными» множественными связями. Эти связи организованы по принципу *причинных сетей*, а не отдельных цепей. Как пишет один из ведущих исследователей в этой области Д. Дернер (1997, с. 106), в сложной системе имеет место переплетение зависимостей по типу пружинного матраса: если потянуть в одном месте, в движение приводится практически все, если надавить в другой точке, произойдет то же самое. Соответственно, процесс решения комплексной проблемы — это многоступенчатая практическая и познавательная деятельность, направленная на преодоление большого числа заранее неизвестных препятствий между множественными, нечеткими, динамически изменяющимися целями и условиями (Complex problem solving..., 1995). Эта деятельность осуществляется путем разнообразных исследовательских воздействий на систему с целью выявления скрытых причинно-следственных сетей, а также путем анализа и интеграции получаемой в ходе этого исследования информации. Она требует гибкой переключаемости с одних свойств объекта на другие, лишь потенциально существенные (Моросанова, 1998), так как условие, несущественное в одной ситуации, может стать существенным в другой (принцип потенциальной существенности любого компонента действия) (Завалишина, 1985).

Решение комплексных задач требует от человека, соответственно, и комплекса способностей: когнитивных, эмоциональных, личностных, социальных и др.

Фактически в этих исследованиях осуществляется рефлексия сложной творческой исследовательской и практической деятельности человека, поэтому их можно назвать «исследование исследования», «эксперименты с экспериментированием», «управление факторами управления» и т.п.

Цель данной статьи — показать реальные, уже существующие и потенциальные, лишь намечающиеся взаимосвязи неклассической

парадигмы и психологического изучения процессов решения комплексных проблем.

Мы сосредоточимся на ряде положений неклассической парадигмы в психологии, разрабатываемых А.Г. Асмоловым (1996, 1999), М.С. Гусельцевой (2003), Г.В. Иванченко (1999), А.П. Стеценко (1990), А.В. Юревичем (2001, 2005).

Это положения о:

- комплексном, многоуровневом, сетевом характере зависимостей в изучаемом объекте (в том числе психике) и роли неустранимой неопределенности и непредсказуемости в его функционировании и развитии;
- множественности различных теоретических описаний и объяснений психологической реальности и их взаимной дополнительности по отношению к друг другу;
- относительности объекта к средствам его изучения; взаимозависимости исследователя, его деятельности и изучаемого объекта;
- ценностном контексте развертывания исследовательской и практической деятельности, о борьбе ценностей.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЕШЕНИИ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОБЛЕМ

Необходимо подчеркнуть, что подходы к изучению решения комплексных, полисистемных проблем формировались в определенной мере в русле противостояния с анализом решения проблем другого, моносистемного типа. Моносистемные проблемы (задачи) удовлетворительно описываются в рамках какой-либо, пусть весьма сложной, но одной системы. Прежде всего, сюда относятся задачи четко сформулированные, корректно поставленные, не только максимально удобные для алгоритмического представления, но и алгоритмически разрешимые. Комплексные проблемы содержат в себе множество нечетко сформулированных, некорректно поставленных задач, а также корректно поставленных, но алгоритмически неразрешимых. Из-за этого противостояния подходов некоторые принципы решения комплексных проблем формулируются как отрицания того, что при решении моносистемных проблем допускается, и как разрешения на то, что при решении моносистемных проблем запрещается.

Ниже приводится составленный нами на основе анализа литературы и наших собственных исследований *перечень представлений, лежащих в основе системно-динамического подхода к решению комплексных проблем* (Поддьяков, 2000, 2002).

1. Структура связей и зависимостей в комплексной динамической системе представляет собой изменяющуюся сеть, охватывающую все ее компоненты. Определенная, весьма существенная часть законов реагирования, функционирования и развития такой системы не может быть установлена в принципе — из-за объективного строения области, к которой относится система, а также из-за принципиальных ограничений познавательных возможностей. В поведении и развитии комплексной динамической системы всегда есть доля неопределенности и непредсказуемости. Иначе говоря, комплексная динамическая система — это такой «черный ящик», который в принципе нельзя сделать достаточно прозрачным для его однозначного описания; она требует множества разнообразных описаний, отличающихся друг от друга и дополняющих друг друга.

2. Комплексная система характеризуется внутренней динамикой существенных ее параметров — изменениями ее собственных системообразующих свойств и зависимостей, то есть изменениями не только на уровне конкретных проявлений, но и на уровне своей сущности. В силу этого невозможно выявить исчерпывающий и надежный инвариант системы, т.е. создать общую модель ее устойчивых неизменных характеристик, позволяющую исследовать и контролировать все конкретные ситуации. Любая закономерность может быть при определенных условиях существенно изменена или отменена другой закономерностью, а значит, носит локальный характер. Использование инвариантов возможно, но лишь в ограниченных пределах, причем описать эти пределы точным и полным, исчерпывающим образом нельзя.

3. Принцип динамики существенного относится не только к самой системе, но и к деятельности с ней человека: характеристики этой деятельности также обладают варьирующейся существенностью и подчиняются принципу потенциальной существенности любого компонента. В сложных системах в принципе не может существовать инвариант структуры эффективной деятельности (неизменная общая схема, план, алгоритм, применимые к любым ситуациям и позволяющие либо безошибочно решать любую задачу, либо доказывать ее неразрешимость). Необходимо рассмотрение множества возможных разнообразных и разнотипных структур деятельности, которые в прин-

ципе не могут быть содержательно объединены в каком-либо одном общем универсальном виде.

Из вышеизложенного вытекает следующее:

4. Не существует общих универсальных правил исследования сложных систем и управления ими. Эффективные правила могут быть выделены, но они будут с неизбежностью достаточно локальны и принципиально зависимы от контекста.

5. Эффективным орудием познания сложных систем, характеризующихся комплексностью, динамичностью, неопределенностью и непредсказуемостью, являются не только знания, зафиксированные в виде теоретических понятий разной степени абстрактности, строгости и точности. Не менее эффективны понятия нестрогие и нечеткие, построенные на основе эмпирических, а не теоретических обобщений, а также динамические образные представления, которые трудно, невозможно, а также и нецелесообразно фиксировать в виде строгих и точных понятий и устойчивых классификаций.

6. Рассуждения по принципу восхождения от абстрактного к конкретному, выведения частного из универсального общего (дедуктивные выводные рассуждения) имеют ограниченную применимость. Не меньшее значение имеет хорошо известная индукция, а также менее изученная абдукция (гибкие рассуждения, направленные на последовательное осмысление и интеграцию поступающих данных в такую модель ситуации, которая дает наилучшее на текущий момент объяснение).

7. Алгоритмы деятельности (строгие однозначные предписания по ее выполнению) рассматриваются как самый частный вид исследовательских стратегий. Более общее значение имеют эвристики разной степени неопределенности.

8. Теоретические модели сколь угодно высокого уровня принципиально ограничены. Для эффективного исследования сложных динамических систем необходимы разнообразные поисковые пробы — реальные взаимодействия с системой, а не только теоретическая работа с ее абстрактными моделями. Результат этого поиска не может быть известен заранее.

Часть проб должна осуществляться в виде поиска, не подчиняющегося строгой методологии, в том числе случайного поиска внутри системы, а также в виде разнообразных выходов в иносистемное пространство. Это необходимо не менее чем поиск последовательный, упорядоченный, осуществляемый в соответствии с выбранной методологией любой степени общности.

9. При исследовании сложной системы необходимо множественное целеполагание — постановка разнообразных, разнотипных и разноуровневых целей, которые могут конкурировать между собой. Постановки одной цели принципиально недостаточно, сколь бы конкретной или, наоборот, общей она ни была.

10. Мотивационной основой успешного исследования сложных систем человеком является его любознательность и познавательная активность, в том числе активность бескорыстно познавательная.

Одним из основных эмоциональных состояний человека при исследовании сложных систем является неуверенность, сомнение, готовность принять двоякие (прогнозировавшиеся и непрогнозировавшиеся) результаты действий и т.д. Эти эмоциональные состояния отражают принципиальную невозможность осуществления единственного обоснованного, «самого правильного со всех точек зрения» выбора: выбора единственного общего подхода, единственной цели, единственной гипотезы, единственного метода, единственного критерия оценки результата и т.д.

11. Результаты деятельности человека со сложной системой, результаты взаимодействия с ней не могут быть предсказаны полностью, исчерпывающим образом. Для этого взаимодействия характерна множественность результатов. Получение продуктов с заранее заданными свойствами, и только их одних, невозможно. Наряду с прямыми, прогнозируемыми результатами образуются разнообразные побочные, непредсказуемые продукты. Так, следствием непредсказуемости результатов поисковых проб являются: а) неожиданные открытия ранее не известного и не предполагавшегося; б) ошибки разной степени тяжести (в ряде случаев — фатальные).

В ходе взаимодействия с комплексными динамическими системами изменяется и сам субъект, причем также в значительной мере непредсказуемым и комплексным образом: развиваясь (или, наоборот, деградируя) в социальном, познавательном, эмоциональном и личностном отношении.

Можно видеть, что теоретические представления о решении комплексных проблем фактически лежат в русле неклассической парадигмы: с одной стороны, они опираются на нее, а с другой — показывают некоторые возможные направления ее развития. Остановимся на этих вопросах подробнее.

ДИАГНОСТИКА СПОСОБНОСТЕЙ К РЕШЕНИЮ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОБЛЕМ

Экспериментальным материалом, который предлагается испытуемым при изучении РКП, обычно служат реальные динамические системы или их модели разной сложности — например, реальные игрушки-головоломки, компьютерные сценарии, моделирующие социальные процессы (общение с незнакомцем и т.п.), компьютерные модели нового технического устройства, фабрики, города, государства и т.д. Любой из этих стимульных объектов характеризуется неизвестными и неочевидными внутренними связями и множественными, сетевыми взаимодействиями. В задачи испытуемого входит изучение этой новой системы путем воздействий на нее и наблюдения происходящих изменений (методы «черного» и «все более прозрачного ящика»), а также в ряде случаев управление системой с целью достижения тех или иных заданных в инструкции параметров.

Проблема валидности методов изучения способностей человека к постановке и решению комплексных задач связана со спецификой этой деятельности. Она актуализируется и развертывается в условиях высокой неопределенности, сложности, новизны. Соответственно, методы изучения РКП должны создавать испытуемому условия, неопределенные и новые настолько, чтобы инициировать, «запустить» эту деятельность и дать ей развернуться. Но неопределенность условий приводит к неопределенности того набора способностей, который тот или иной испытуемый может попытаться актуализировать в своей деятельности. Эта высокая неопределенность и новизна дают испытуемым свободу и богатство выбора. Это достоинство, но это же и недостаток метода, поскольку критерии оценки деятельности испытуемых тоже неизбежно становятся не вполне определенными и постоянно требуют новых интерпретаций. (Например, если при обследовании виртуального компьютерного мира новой планеты один испытуемый сел в виртуальный самолет, второй — в виртуальную подводную лодку, а третий вначале принял за химический анализ окружения, то как сравнивать их результаты? и это только один из вопросов, возникающих при изучении РКП).

В целом в исследованиях РКП остро встает принципиально важная методологическая проблема. Основным требованием к любому методу исследования в любой области, и не только в психологии, является его способность актуализировать, сделать явным, «выпятить» и «окрасить» именно изучаемое свойство и одновременно проигнорировать, нейтрализовать, «погасить» эффект всех остальных свойств, не являющихся пред-

метод изучения (Поддьяков, 2000). Поэтому необходимым средством достижения цели любого конкретного психологического исследования является такой метод, который, с одной стороны, «выпячивает» изучаемое психологическое свойство, а с другой — игнорирует все остальные свойства, оставляет их «в спящем режиме» или даже активно подавляет. (Например, в инструкции к личностным тестам нередко дается указание отвечать как можно быстрее, без раздумий — тем самым подавляется рефлексия человека, которую авторы теста считают в данном случае вредной.) Однако такие требования, вытекающие из цели исследования, могут иметь неоднозначные следствия. Как пишет Ф.Е. Василюк, «основная функция экспериментального метода в научной концепции состоит в приведении реального объекта исследования в соответствие с основным идеальным объектом данной концепции. Реальный объект специальными процедурами и всяческими методическими ухищрениями как бы вталкивается в форму идеального объекта, там же, где это не удастся, выступающие детали отсекаются либо технически, либо теоретически» (Василюк, 2003, с. 86–87). Ф.Е. Василюк на примере сопоставительного анализа теорий И.П. Павлова и Б. Скиннера показывает, как представления о сущности психического в каждой из этих теорий трансформируются в свой образ идеальной исследовательской ситуации и какие непосредственные практические следствия для испытуемого существа из этого вытекают — как в плане подавления тех или иных его способностей в эксперименте, так и в плане его выживания.

Принципиально та же ситуация сохраняется и в отношении тестов интеллекта, креативности, исследовательских способностей и способностей к решению комплексных проблем. В операциональные определения так называемых «идеального интеллектуала», «идеально креативного субъекта», «идеального исследователя» заложены во многом противоречащие друг другу представления об «идеальном» субъекте познавательной деятельности (Дружинин, 1995, 2001; Поддьяков, 2000, 2004б). Это приводит не только к нулевым и даже значимым отрицательным корреляциям между соответствующими тестами, но и к тому, что предварительное выполнение заданий теста одного типа (например, креативности) ведет к временному снижению способностей к выполнению заданий теста другого типа (например, теста интеллекта)²⁴ (Дружинин, 2001). Таким образом, эти психо-

²⁴ При этом следует понимать, что, несмотря на «тестовое» разведение при диагностике, в реальной познавательной деятельности интеллект, креативность, исследовательские способности образуют единство. Е.П. Торранс писал: «Я настаиваю, что

диагностические тесты взаимодействуют не синергически, взаимно стимулируя способности, а взаимоподавляюще. Печальная ирония состоит в том, что речь идет об интеллекте и креативности, диагностика которых должна быть, по идее, направлена на максимальное раскрытие сущностного человеческого потенциала.

Впрочем, возможная причина этого несоответствия кроется не только в осознанном или бессознательном намерении исследователя «отсесть» все, что не является предметом изучения, и оставить один-единственный «обрубок», предназначенный для исследования. Похоже, что существует общий методологический закон исследования сложных динамических систем. Он развивает принцип неопределенности, который был сформулирован в физике: в ходе измерения невозможно определить и координату, и скорость микрочастицы. Более общий методологический закон гласит: *из-за множественных положительных и отрицательных связей, существующих в сложной динамической системе, любой метод, раскрывающий одни ее характеристики, будет неизбежно скрывать, подавлять и деформировать другие ее существенные характеристики*. Универсальный метод исследования, который бы только раскрывал характеристики сложной системы, ничему при этом не мешая, невозможен.

Возвращаясь к положению неклассической парадигмы о взаимозависимости исследователя, его деятельности и изучаемого объекта, надо отметить следующее: творчество конкретного субъекта в эксперименте (в том числе, творчество при решении комплексных задач) может изучаться лишь через *сотворчество* экспериментатора и этого испытуемого (Петухов, 1999).

Это сотворчество разворачивается в рамках социо-когнитивного взаимодействия между: а) лицами, которые создают тот или иной психодиагностический инструментарий, будучи вооружены вполне определенными теоретическими установками, познавательными и практическими целями, и находятся при этом на том или ином уровне познавательного и личностного развития; б) лицами, исследуемыми с помощью этого инструментария, которые тоже имеют свои познавательные и практические цели и находятся на своем уровне познавательного и личностного развития — вовсе не обязательно более

интеллект и креативность — это взаимодействующие или частично перекрывающиеся друг друга переменные и что попытки их насильственных четких различений создали бы картину ложных различий, не существующих в реальной жизни» (Torgance, 1980, с. 8).

низком (Поддьяков, 2004б). Психологическое исследование — это, в терминах В.А. Лефевра (Лефевр, 2000), изучение «систем, сравнимых с исследователем по совершенству». В этом состоит очень важный ценностный, социальный аспект психодиагностики. Ведь те, кто придумывает и разрабатывает стандарты оценки чужого интеллекта и творчества, имеют свой собственный, неограниченный интеллект (живые все-таки люди) и отнюдь не безупречные представления о том, что такое творчество и как его измерять (что, собственно, и служит предметом ожесточенных дискуссий между разными школами психодиагностов).

При этом принципиально невозможны инструментальные решения, алгоритмы, диагностические или обучающие технологии, которые бы гарантировали акты творчества. Экспериментатор может лишь создавать условия для его проявления (Петухов, 1999). Но, как это ни парадоксально, чем с большей вероятностью технология создания этих условий приводит к появлению того, что экспериментатор считает творчеством испытуемого, тем в меньшей степени это действительно творчество. Недаром П.Я. Гальперин назвал проблему творчества «синей птицей» психологии (Гальперин, Данилова, 1980, с. 36). Он не объяснил, почему использовал эту метафору. С нашей точки зрения, причина в следующем: синюю птицу, по философской пьесе Метерлинка, нельзя поймать: будучи пойманной, она либо умирает, либо перестает быть синей. Так же и творческое мышление — оно тем дальше от настоящего творчества, чем, казалось бы, жестче и надежнее «силок» психологического метода, который для исследования творчества приготовили. Остается открытым вопрос, какие способности человека при экспериментальном изучении РКП отсекаются (им не дали развернуться вообще), какие актуализировавшиеся способности вступают во взаимоподавляющие взаимодействия, попадая в «силок» используемого метода.

Развитие сложных динамических систем в значительной степени непредсказуемо. Это касается и развития познавательной сферы человека. Поэтому можно предполагать, что несмотря на изобретение и разработку все новых и новых методов исследования, человечество всегда будет не вполне готово к диагностике своего развивающегося интеллектуального и творческого потенциала. Соответственно, человечеству всегда будут требоваться все новые методы выявления и оценивания способностей человека — прежде неизвестных, впервые открываемых, хотя и существовавших ранее, или же только возникающих в ходе социального развития. Это еще один источник

неопределенности и незавершенности любой психологической теории, в том числе психодиагностической теории, созданной на тот или иной конкретный момент.

ОБУЧЕНИЕ РЕШЕНИЮ КОМПЛЕКСНЫХ ПРОБЛЕМ

В настоящее время педагоги и психологи в разных странах предпринимают все более интенсивные попытки спроектировать системы обучения, развивающие способности к решению комплексных проблем: комбинаторные способности, способности к рассуждениям в терминах причинных сетей (а не отдельных цепей), способности к прогнозированию нелинейной динамики, способности к построению оптимальных стратегий управления в режиме реального времени и др.

Специально организованное обучение решению комплексных проблем включает три основных направления (Поддьяков, 2002).

А. Формирование у учащихся системного типа ориентировки в изучаемой области, при котором эксперт-преподаватель выделяет для учеников системообразующие свойства, связи и зависимости в этой области. Это позволяет ученикам анализировать конкретные задачи и строить их решения с точки зрения основных законов и правил, существующих в данной области (Решетова, 1985).

Б. Организация самостоятельного исследовательского учения, которое осуществляется через деятельность с новым сложными объектами и системами без непосредственного участия преподавателя («учение без инструкций» — *instructionless learning, learning-by-doing*) (Funke, 1995). Преподаватель представлен в обучении неявно — через содержание отобранных или специально разработанных им учебных объектов и ситуаций, но он не дает никаких рекомендаций и непосредственно в ход деятельности ученика не вмешивается.

В. Комбинированные методы обучения, сочетающие в себе этапы самостоятельного, без участия преподавателя, исследования новых неизвестных объектов и управления ими с этапами целенаправленного обучения под руководством экспертов (Funke, 1995). Эксперты передают учащимся свои знания и стратегии как в явно сформулированном и четком виде, так и в виде нечетких рекомендаций, интуитивных суждений и слабоосознаваемых приемов деятельности, воспринимаемых учащимся тоже как на осознаваемом уровне, так и на уровне интуиций (уровне неявного знания).

Основной проблемой обучения решению комплексных задач является обеспечение переноса полученных знаний и усвоенных приемов на как можно более новые и сложные задачи. Остается неясным — как можно научить человека решать новые, неизвестные экспертам задачи с помощью набора известных методов? Как вообще можно порождать новое на основе старого?

Здесь проблема обучения решению комплексных задач наиболее тесно смыкается с одной из главных проблем психологии мышления вообще и психологии творческого мышления в особенности — с проблемой новизны. Она определяет основную сложность формирования творческих способностей (способностей порождать существенно новое) (Брушлинский, 1996). Эта проблема принципиально не может иметь такого решения, которое бы гарантировало успех обучения на 100%. Творчество нельзя сформировать «с заранее заданными свойствами». Можно лишь создать условия для его самоактуализации и саморазвития, для самовоспитания творческой личности (Смирнов, 1995). «К развитию можно только пригласить» (Зинченко, 2004).

Другую плоскость проблем обучения решению комплексных задач задает социальный контекст экономики, построенной на знаниях. В такой экономике **«способность учиться быстрее своих конкурентов является единственным надежным источником превосходства над ними»** (de Geus, 1988, p. 3). Но понимание ключевой роли знаний и обучаемости может вести соперников не только к повышению своей собственной обученности и обучаемости, но и к попыткам ослабления чужой (Поддьяков, 2004а). Ведь удар по способности учиться, по процессам обучения и овладения новыми видами деятельности является одним из наиболее эффективных способов сделать конкурента несостоятельным в меняющемся мире. Темной стороной обучения — этой, по определению, «светлой», «просвещающей» деятельности — становится скрытое противодействие обучению другого субъекта, а также «троянское» обучение — обучение конкурента тому, что для него невыгодно, вредно, опасно, но соответствует интересам организатора обучения. Многочисленные примеры преднамеренного противодействия обучению других субъектов и их «троянского» обучения встречаются в самых разных социальных и профессиональных группах.

При этом, разумеется, преднамеренное подавление и противодействие обучению и развитию другого субъекта следует отличать от непреднамеренного, связанного с невольными педагогическими ошибками конкретных преподавателей или же с неизбежными ограничениями выбранной системы обучения. Отрицательные эффекты

от таких ошибок по типу «медвежьей образовательной услуги» могут быть не меньшими, чем от преднамеренного «троянского» обучения.

В целом обучение и развитие, связанное с вольным и невольным подавлением и противодействием, — это не отдельные исключительные случаи, а фундаментальное психологическое и образовательное явление. Представляется, что развитие личностей, социальных групп и обществ находится под влиянием двух противоположных и взаимосвязанных направлений социальных взаимодействий: а) поддержки; б) противодействия и подавления обучения, образования и развития (Поддяков, 2000, 2004а). Изучение социальной детерминации обучения и развития — комплексная проблема, которая может эффективно решаться только в рамках неклассической парадигмы и мультидисциплинарного подхода, объединяя данные педагогической, социальной и экономической психологии, конфликтологии, теории управления знаниями, философии и социологии образования.

И при конфликтных, и при кооперативных взаимодействиях работает закономерность: чем более нова, сложна и динамична область, с которой придется иметь дело учащемуся, тем больший удельный вес в успехе обучения займут и талант преподавателя, и талант ученика. Талант же непредсказуем — это одна из его сущностных характеристик. Соответственно, результаты обучения постановке и решению комплексных задач всегда будут содержать в себе большую или меньшую долю непредсказуемости.

НЕПОЛНОТА И «ПАРАЗИТНЫЕ СВОЙСТВА» ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Стимульный материал, предлагаемый испытуемым при исследовании РКП, часто побуждает их к самостоятельному созданию как относительно простых, так и весьма сложных логических и математических моделей той системы, которая предложена им для изучения. Сходная ситуация наблюдается в психологии, где все большее число профессионалов двигается по пути все большей формализации и математизации своих исследований. У этой тенденции есть как положительные (возрастающие точность и определенность результатов), так и отрицательные стороны — например, «позитивистское перенапряжение психологии», «мания исчисления корреляций» (Юревич, 2001), абсурдность содержательных выводов из статистических данных (Аллахвердов, 2005) и др.

Со своей стороны заметим, что по мере того, как психология будет все больше использовать сложные формальные и математические модели, она столкнется с теоремой Гёделя о неполноте и связанными с ней проблемами. В своей теореме 1931 г., имеющей фундаментальное философское и общенаучное значение, К. Гёдель доказал, что внутри любой абстрактной системы выводного знания сколь угодно высокого уровня, начиная с определенного уровня сложности, всегда имеются истинные утверждения, которые не могут быть доказаны средствами этой системы, и ложные утверждения, которые не могут быть опровергнуты. «Во всякой достаточно мощной системе истинность предложений системы неопределима в рамках самой системы» (формулировка А. Тарского, цит. по: Смаллиан, 1981, с. 236). Подчеркнем, что простые системы парадоксальным образом свободны от неустранимости этого недостатка. Там неполнота, противоречия и неопределимость истинности — результат логической ошибки, недосмотра автора, и система может быть переделана в полную и непротиворечивую с логической точки зрения.

Для доказательства или опровержения «проблемных» положений теоретической системы высокого уровня требуется разработка более богатой системы выводного знания, в которой в свою очередь также будут содержаться свои истинные, но недоказуемые, а также ложные, но непроверяемые положения, и т.д. до бесконечности.

Причем на базе каждой предшествующей системы знания можно создать не одну, а множество отличных друг от друга более мощных теоретических систем, поскольку развитие исходной системы может осуществляться в разных направлениях. Поэтому неполнота сложных теоретических систем — источник роста их богатства. Так, на базе геометрии Евклида были созданы разные более мощные геометрии Лобачевского и Римана, в которые евклидова геометрия вошла как составная часть. По дальней аналогии, нечто сходное произошло в психологии, когда в попытках преодолеть недостатки ассоцианизма были созданы разные психологические школы — бихевиоризм, структурализм и др. (Мы говорим о дальности аналогии, потому что, с формально-математической точки зрения, ассоцианизм не относится к системам, анализируемым Гёделем.)

Если говорить о более конкретной задаче — математическом, компьютерном моделировании психических процессов, то здесь теорема Гёделя принимает форму проблемы «паразитных» свойств, всегда имеющихся у моделей высокого уровня (Пятницын, 1984). Их «паразитизм» состоит в том, что они не отражают свойств оригинала и лишь искажают картину. Их выявление невозможно в рамках данной модели

и требует новых моделей и средств, но у этих моделей следующего поколения, в свою очередь, с необходимостью будут свои паразитные свойства (ложные неопровержимые утверждения) и т.д.

Отсюда следует, что любая сложная математическая модель, в том числе модель психического, всегда в чем-то неправдоподобна, причем это неправдоподобие может быть скрыто и от пользователя, и от разработчика (Поддьяков, 2003).

С теоремой Гёделя связан ряд фундаментальных положений философии и психологии, в том числе положение о потенциальной бесконечности развития мышления и процесса его познания (Пенроуз, 2003; Поддьяков, 2000).

Испытуемые, решающие комплексные проблемы в психологических экспериментах, будут сталкиваться с проблемами паразитных свойств создаваемых ими моделей в той мере, в какой будут сложны системы, предлагаемые им в качестве экспериментального материала, и в какой они сами способны генерировать модели высокой сложности.

НЕТРАНЗИТИВНОСТЬ ОТНОШЕНИЙ ПРЕВОСХОДСТВА В НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

«Аксиома транзитивности обладает мощной притягательностью и играет фундаментальную роль в практических рассуждениях. Действительно, всякий вызов этой аксиоме будет угрожать не только возможности последовательного подхода к ранжированию тех или иных объектов — он может угрожать самому понятию рациональности» (Temkin, 1996, p. 179).

Важнейшей частью процесса постановки и решения комплексных проблем является оценивание и сравнение конкурирующих альтернатив на предмет выбора одной или нескольких наилучших. Человек должен сопоставлять возможные способы практических действий, чтобы выбрать один из них, сравнивать множество объектов или субъектов, соперничающих между собой, несколько строящихся теорий структуры и функционирования системы в целом, пути ее дальнейшего развития и т.д.

Оценивание осуществляется в соответствии с теориями («наивными», имплицитными или научными, эксплицитными), формирующимися у решателя-исследователя. При этом создание единой теории любого достаточно сложного развивающегося объекта вряд ли возмож-

но: так, вряд ли возможна единая психологическая теория (Юревич, 2005). К этому же идеалу сложности часто стремятся приблизить и стимульные объекты в парадигме РКП, вводя в них до нескольких тысяч переменных (!) и делая практически невозможным подведение объекта под какое-либо универсальное правило (Дернер, 1997).

Проблемы сравнения не элементарных, а сложных объектов, как реальных, так и идеальных, во многом связаны с тем, что эти объекты обладают свойствами эмерджентности (система больше суммы составляющих ее частей), недизъюнктивности и другими неожиданными свойствами, плохо описываемыми средствами методологии, не учитывающей системных взаимодействий. Эти свойства систем и методы их исследования анализируются А.В. Брушлинским (1996), Б.Ф. Ломовым (1984), Ю.Н. Мельниковым (1983) и др. Здесь же мы считаем необходимым остановиться на дискуссионной проблеме непереходности (нетранзитивности) отношений превосходства при взаимодействии сложных систем и ее связи с решением комплексных задач в неклассической парадигме.

В классической логике сравнения и в традиционной теории принятия решений транзитивность (переходность) отношений превосходства вводится как аксиома, считающаяся «ключевым критерием рациональных действий» (Козелецкий, 1979, с. 94). Это аксиома состоит в следующем: если первое превосходит второе в определенном отношении (по определенному признаку), а второе превосходит третье, то первое превосходит третье в указанном отношении (Зиновьев, 1972, с. 79). Понятие «превосходит» может быть заменено сравнительными понятиями «предпочтительнее», «лучше», «хуже», «более эффективно», «менее эффективно», «выгоднее» и т.д.

Следование принципу транзитивности рассматривается рядом авторов как необходимое условие разумности выбора, а его нарушение — как логическая ошибка (Ивин, 1998; Tversky, 1969)²⁵. Если че-

²⁵ Простое рассуждение, демонстрирующее ошибочность нарушения принципа транзитивности, называется «денежным насосом» («money pump»). Пусть имеется три объекта А, В, С (это могут быть как неодушевленные — товары, так и одушевленные предметы — кандидаты, нанимающиеся на работу, и т.д.). Пусть человек, принимающий решение, предпочитает объект А объекту В, а объект В объекту С. Тогда, имея объект С, он будет готов заплатить некую сумму денег, чтобы заменить С на В и затем В на А. Но если он, в нарушение принципа транзитивности, предпочитает объект С объекту А, то он заплатит еще некоторую сумму, чтобы заменить А на С. Тем самым он придет к тому же, с чего начал, только теперь уже с меньшей суммой денег (Tversky, 1969, p. 45). И так будет продолжаться до тех пор, пока этот «насос» нетранзитивных предпочтений не «высосет» все средства и силы субъекта.

ловек предпочитает, например, банан апельсину, а апельсин — яблоку, то при необходимости выбора между бананом и яблоком разумное (а не ситуативное и эмоциональное) решение состоит в выборе банана. Аналогично, по мнению части исследователей, транзитивность должна соблюдаться и при принятии более важных решений.

В то же время вокруг принципа транзитивности идут дискуссии, временам напоминаящие попытки ломиться в открытую дверь. Слишком очевидны случаи, когда отношения превосходства представляются непреходными. Из наиболее наглядных примеров можно привести нетранзитивные отношения превосходства между спортивными командами: команда А может систематически выигрывать у команды В, В у С, но команда С может систематически выигрывать у А (Temkin, 1996). Та же самая ситуация наблюдается при соперничестве компьютерных программ-участниц соревнований по интеллектуальным играм: шахматы, нарды и т.п. (Мельников, Радионов, 2005). Семейные отношения доминирования тоже могут быть нетранзитивны: отец доминирует над ребенком, ребенок над матерью, мать над отцом (Дружинин, 2000). Более того, непреходность отношения превосходства может наблюдаться даже в ситуациях сравнения значительно более простых объектов, чем люди, создаваемые ими теории или компьютерные программы с элементами искусственного интеллекта²⁶. Несмотря на это, сторонники универсальности принципа транзитивности доказывают, что, если тщательно разобраться, он соблюдается во всех этих ситуациях или же что приводимые примеры нетипичны, а потери при сохранении принципа транзитивности будут все-таки меньше, чем при отказе от него. Противники, соответственно, приводят контраргументы.

Мы считаем, что проблема станет более определенной, если учесть следующее принципиальное обстоятельство. Среди аксиом теории принятия решений имеется и такая, которая исключает возможность взаимодействия между исходами (последствиями) (Козелецкий, 1979, с. 95). И принцип транзитивности, справедли-

²⁶ Дж. Мессе (J. Massey) приводит следующий пример. Пусть на гранях игрального кубика А нанесены числа 6, 6, 6, 2, 2, 2, на гранях кубика В — числа 5, 5, 4, 3, 3, 2, кубика С — числа 6, 4, 3, 3, 3, 3 (по: Temkin, 1987, р. 187). Можно убедиться, что в среднем отношение выигрышей (выпадений большего числа на верхней грани) кубика А к выигрышам кубика В составляет $6/5$, соотношение выигрышей В к С — $14/13$, но С к А — $6/5$. Иначе говоря, эти кубики «нетранзитивны»: если правила позволяют, то при возможности выбора из пары кубиков А и В надо выбрать А, оставив сопернику «более проигрышный» кубик В; при выборе между В и С надо выбирать В; но при выборе между С и А надо выбирать С.

вый при отсутствии взаимодействий, перестает работать в более сложных случаях, когда взаимодействия все-таки происходят, а сравнение производится именно по способности взаимодействовать. В этих ситуациях само следование аксиоме транзитивности становится логической ошибкой, поэтому требуется изменение способа рассуждений (Поддьяков, 2000; Poddiakov, Valsiner, представлено к публикации).

Итак, мы показали, что непереходность отношений превосходства закономерно наблюдается при определенной структуре сравниваемых объектов, включающей: а) средства, имеющиеся у одного объекта для воздействия на другой; б) зоны, чувствительные к воздействию другого объекта; в) зоны, «закрытые» для него. Эти структуры могут быть несимметричны относительно друг друга, что и определяет нетранзитивный характер отношений превосходства между объектами. (Для более подробного анализа см. разработанные нами модели «Выбор оружия для дуэли», «Ранги рефлексии в антагонистической игре», «Учитель учителя» [Поддьяков, 2000]).

Сказанное относится и к сравнительному анализу взаимодействующих научных (идеологических, общественных, культурных) систем, обладающих различными преимуществами и недостатками. При попытках представить эти системы в виде иерархии, основанной на транзитивном отношении превосходства, совокупность преимуществ одной системы может использоваться как «убийственное средство» при сравнении с недостатками другой («достоинства нашей теории значительно лучше, чем недостатки вашей»), хотя их реальные отношения не дают оснований для однозначных выводов и линейной иерархизации. Часто мы не можем отказаться от какой-либо из взаимосвязанных альтернатив, в том числе теорий, даже если в данной цепочке сравнений она оказалась представленной не на самом высоком месте (Поддьяков, 2000). «Теории — это своего рода “гносеологические ножницы” и, чем шире их размах, т.е. чем больше расхождение между соперничающими теориями, тем больше знания они “вырезают”» (Юревич, 2001, с. 14).

С нашей точки зрения, понимание относительности принципа транзитивности отношений превосходства и его ограничений — важный компонент успешного решения комплексных проблем и существенный элемент логики неклассической парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллахвердов В.М. Блеск и нищета эмпирической психологии (на пути к методологическому манифесту петербургских психологов) // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2005. № 1.
- Асмолов А.Г. XXI век: психология в век психологии // Вопросы психологии. 1999. № 1. С. 3–12.
- Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: Институт практической психологии, 1996.
- Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.: Институт практической психологии, 1996.
- Васильев И.А. Специфика мыслительной деятельности человека в сложных ситуациях // Первая российская интернет-конференция по когнитивной науке. WWW Document URL http://www.auditorium.ru/aud/v/index.php?a=vconf&c=getForm&r=thesisDesc&id_thesis=2023.
- Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
- Гальперин П.Я., Данилова В.Л. Воспитание систематического мышления в процессе решения малых творческих задач // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 31–38.
- Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология: от классической к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.
- Дёрнер Д. Логика неудачи: стратегическое мышление в сложных ситуациях. М.: Смысл, 1997.
- Дружинин В.Н. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2001.
- Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М.: Лантерна, Вита, 1995.
- Дружинин В.Н. Психология семьи. Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
- Завалишина Д.Н. Психологический анализ оперативного мышления. М.: Наука, 1985.
- Зинovieв А.А. Логическая физика. М.: Наука, 1972.
- Зинченко В.П. Введение в психологию. Курс лекций для студентов ГУ-ВШЭ. Неопубликованный конспект. 2004.
- Иванченко Г.В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999.
- Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.
- Короткова А.В. Специфика ориентировочной основы в мыслительной деятельности при решении комплексных проблем. Дис. ... канд. психол. наук. М.: Ф-т психологии МГУ, 2005.
- Лефевр В.А. Элементы логики рефлексивных игр // Рефлексивное управление. Сборник статей. Международный симпозиум. 17–19 октября 2000 г. / Под ред. В.Е. Лепского. М.: ИП РАН, 2000. С. 8–30.

- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Мельников Б., Радионов А. Программирование недетерминированных игр // Гордон А.Г. Диалоги. М.: Предлог, 2005. С. 93–112.
- Мельников Ю.Н. Исследование сложных систем. М.: МЭИ, 1983.
- Моросанова В.И. Проблема образа и действия в научном творчестве Д.А. Ошанина // Психол. журн. 1998. № 2. С. 134–143.
- Орлов И.К. Формирование интуитивного опыта при управлении неизвестной системой // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 3–12.
- Петухов В.В. Проблема осмысленного действия (по решению творческих задач) // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева / Под ред. А.Е. Войскунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М.: Смысл, 1999. С. 235–262.
- Поддьяков А.Н. Исследовательское поведение: стратегии познания, помощь, противодействие, конфликт. М., 2000. Электр. версия: <http://www.researcher.ru/methodics>.
- Поддьяков А.Н. Правдоподобие и неправдоподобие виртуальной реальности // 3-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. М.: Психологический ин-т РАО, 2003. С. 364–366. Электр. версия: http://psynet.by.ru/texts/conf_4.htm.
- Поддьяков А.Н. Противодействие обучению конкурента и «тройное» обучение в экономическом поведении // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004а. № 3. С. 65–82.
- Поддьяков А.Н. Психодиагностика интеллекта: выявление и подавление способностей, выявление и подавление способных // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004б. № 4. С. 75–80.
- Поддьяков А.Н. Решение комплексных задач // Когнитивная психология / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 225–233.
- Пятницын Б.Н. Об активности модельного познания // Творческая природа научного познания / Отв. ред. Д.П. Горский. М.: Наука, 1984. С. 121–150.
- Решетова З.А. Психологические основы профессионального обучения. М.: Изд-во МГУ, 1985.
- Смаллиан Р.М. Как же называется эта книга? М.: Мир, 1981.
- Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности. М.: Аспект Пресс, 1995.
- Стеценко А.П. О роли и статусе современного методологического знания в современной советской психологии // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1990. № 2. С. 39–49.
- Функе И., Френи П.А. Решение сложных задач: исследования в Северной Америке и Европе // Иностранная психология. 1995. Т. 3. № 5. С. 42–47.
- Юревич А.В. Интеграция психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 16–28.

- Юревич А.В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.
- Complex problem solving: the European perspective / Ed. by P.A. Frensch, J. Funke. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1995.
- de Geus A.P.* Planning as learning // Harvard Business Review. 1988 (March-April). Reprint 88202.
- Funke U.* Using complex problem solving tasks in personnel selection and training // Complex problem solving: the European perspective / Ed. by P.A. Frensch, J. Funke. Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1995. P. 219–240.
- Poddiakov A.N., Valsiner J.* Intransitivity cycles and their transformations: how dynamically adapting systems function? // Theory & Psychology (представлено к публикации).
- Temkin L.S.* A continuum argument for intransitivity // Philosophy and public affairs. 1996. V. 25. P. 175–21.
- Temkin L.S.* Intransitivity and the mere addition paradox // Philosophy & Public Affairs. 1987. 16. P. 138–187.
- Torrance E.P.* Creative intelligence and “an agenda for the 80’s” // Art education. 1980. V. 33 (7). P. 8–14.
- Tversky A.* Intransitivity of preferences // Psychological Review. 1969. V. 76. P. 31–48.

ОБРАЗ МИРА КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С.Д. Смирнов

Попытки дать определение предмета психологии путем очень тонкого и изощренного формулирования вербальных маркеров реальности, с которой имеет дело психология, и отделить эту реальность от предметов других наук, похожи на попытки изобрести вечный двигатель. Они столь же упорны, сколь и бесплодны не только в смысле отсутствия конкретного решения задачи, но и в смысле отсутствия кумулятивного эффекта, т.е. продвижения на пути к такому решению. Но если изобретатель вечного двигателя, как правило, имеет возможность достаточно быстро убедиться в несостоятельности очередной своей «гениальной догадки», то доказать автору, что его новая формулировка предмета психологии представляет собой продвижение вперед только в плане его личной языковой компетенции, позволяющей ему более или менее удачно замаскировать нерешенность (я бы даже сказал принципиальную неразрешимость) проблемы предмета психологии как простого указания на какую-то часть реальности или ее аспект, достаточно сложно.

Вера в возможность построения вечного двигателя обязана своим существованием «ловушкам обыденного сознания», снимающим научное знание закона сохранения энергии. Аналогично обстоит дело и с предметом психологии. Существует целый ряд иллюзий или заблуждений, питающих веру в возможность простого решения проблемы. Укажем на некоторые из них.

Иллюзия 1. Все согласны с тем, что вопрос о предмете психологии, безусловно, является методологическим, но при этом абсолютное большинство авторов новых формулировок предмета психологии явно или неявно исходят из посылки, что можно ограничиться частно-научным (конкретно-научным) уровнем методологического знания, т.е. собственно психологической теорией. Рассмотрение проблемы на уровнях

общенаучной и философской методологии реализуется гораздо реже и, как правило, другими авторами. Можно согласиться с А.А. Пископелем в том, что «предмет психологии *есть* методологический дискурс о предмете психологии» (Пископель, 2004), и тогда первую иллюзию можно обозначить как ограничение методологического дискурса о предмете психологии уровнем психологической теории. Негативные последствия такой иллюзии выступают особенно явно, когда речь идет не о предмете отдельного исследования, а предмете науки в целом.

Иллюзия 2 происходит из наивной веры в возможность построения нового концептуального каркаса науки за счет «проводимой сверху методологической реформы» (выражение Э.Г. Юдина [Юдин, 1978]). На самом деле радикально новые представления о предмете психологии и соответствующие понятия для его описания могут быть сформулированы лишь постфактум как результат обобщения конкретно-научных исследований, в которых эти новые представления реализованы, но не сформулированы явно, не эксплицированы. Иначе говоря, не удастся сначала сформулировать новые и по каким-то методологическим критериям более адекватные трактовки предмета психологии, а потом воплотить их в конкретно-научных психологических исследованиях. И хотя мы всегда имеем дело с встречным процессом «сверху вниз и снизу вверх», тем не менее, основные события, основные приращения конкретно-научного знания происходят «внизу», там, где теория сталкивается с реальностью.

Иллюзия 3 (пожалуй, самая сильная) допускает обсуждение и формулирование предмета науки в отрыве от метода, с помощью которого научные знания добываются, фиксируются или даже конструируются (говоря более современным языком). Метод в широком смысле этого слова, понимаемый как совокупность исходных принципов, средств и процедур исследовательской деятельности, фактически строит предмет исследования. Поэтому обсуждение проблемы предмета науки вне контекста ее метода лишено всякого смысла.

Рассмотрим этот вопрос несколько более развернуто, затронув проблему дифференциации понятий предмета и объекта науки. В русскоязычной литературе нет единого взгляда на критерии различения объекта и предмета науки. Большинство авторов придерживаются позиции, развернуто сформулированной П.Я. Гальпериным (Гальперин, 1976), предполагающей, что различные науки могут выделять в одном

и том же объекте разные стороны (аспекты), делая их предметами своего исследования. Приводится знаменитый пример В.И. Ленина со стаканом (объект), который может стать предметом исследования физики, геометрии, эстетики и т.д. В.А. Ядов (Ядов, 1979) поясняет, что средством вычленения (высвечивания) предмета в объекте исследования выступает проблема.

Более развернутую и проработанную систему понятий для методологической рефлексии научно-исследовательской деятельности предлагают профессиональные методологи. Так, Э.Г. Юдин (Юдин, 1978) в качестве наиболее общих и широких методологических понятий рассматривает «познавательную ситуацию и объект исследования». Первая включает в себя познавательную трудность (т.е. разрыв между поставленной в науке проблемой и недостаточностью имеющихся для ее решения средств), предмет исследования, требования к продукту, который должен быть получен в результате исследования и средства организации самого исследования. Под объектом науки понимается не просто непосредственно наблюдаемая реальность, на которую можно указать. То, что часто определяется как объект науки, Э.Г. Юдин предлагает называть эмпирической областью. Чтобы превратить непосредственно наблюдаемую реальность (эмпирическую область) в объект исследования, требуется выявить устойчивые и необходимые связи в данной области и закрепить их в системе научных абстракций. Иначе говоря, объект исследования тоже строится исходя из познавательной трудности и проблемы, подлежащей решению. Только после этого возможна формулировка предмета исследования, в который входят объект изучения, исследовательская задача, система средств исследования и последовательность их применения. Наиболее общим предметом исследовательской деятельности является предмет науки в целом. К средствам исследования относятся фундаментальные понятия науки, с помощью которых расчленяется объект изучения и формулируется проблема, принципы и методы изучения объекта, средства получения эмпирических данных, включая технические средства.

Попытка указать на предмет науки как на некоторую часть или сторону реальности без учета исследовательской задачи (проблемы), средств исследования и т.д. является методологически наивной и в принципе не может привести к сколько-нибудь приемлемому для всего научного сообщества (или его существенной части) результату. Традиционно считается, что первым предметом психологии как науки выступило сознание, и это нашло свое отражение в названии первого научного направления в этой области — «Психология явле-

ний сознания». Но это же направление называлось «интроспекционистской психологией» (по основному методу добывания фактов); «ассоцианистической психологией» (по основному объяснительному принципу); «атомистической психологией» (по принципу выделения единицы анализа психики); «созерцательно-сенсуалистической психологией» (по роли субъекта в формировании психического образа); «механистической» (по названию науки, у которой позаимствована основная парадигма); «структуралистской психологией» (по характеру исследовательской задачи, сформулированной В. Вундтом и Э. Титченером) и т.д. Все эти названия дополняли понимание сознания как предмета психологии в тот период развития науки, и это понимание существенно отличается от более поздних направлений психологии, делавших акцент на изучении сознания (например, в гуманистическом психоанализе Э. Фромма или в теории высших психических функций Л.С. Выготского).

Из сказанного можно сделать вывод, что дискуссии о предмете психологии рискуют остаться мало плодотворными, если мы не уточним само содержание этого понятия и не согласимся на более или менее общепринятую его интерпретацию. Выявление и формулирование предмета психологии — это особый вид деятельности определенного слоя научного сообщества, результаты которой имеют некоторое (как правило, весьма незначительное) влияние на конкретные психологические исследования. А.А. Пископпель назвал такую деятельность неким неизменным феноменом, фактом жизни психологического сообщества (Пископпель, 2004). Позволяет ли незначительность влияния результатов такого рода деятельности на практику конкретных исследований говорить о полной невостребованности или даже ненужности методологических изысканий в области предмета психологической науки в целом? Отнюдь нет. Как справедливо отметил В.П. Зинченко в докладе на одной из конференций, заниматься нужно всем, что интересно; я бы добавил — всем, что вызывает интерес у научного сообщества. К сожалению, других, более объективных критериев, просто нет.

Т. Кун через 7 лет после выхода его книги «Структура научных революций» написал в послесловии к ее японскому изданию: «Если бы эту книгу надо было бы написать заново, то ее следовало бы начать с рассмотрения сообщества как особой структуры в науке <...> каждое научное сообщество, как правило, имеет свой собственный предмет исследования» (Кун, 1977, с. 230–231). Он точно уловил тенденцию все возрастающего значения понятия «научное сообщес-

тво» не только в социологии науки, но и в методологии как таковой. И если научному сообществу профессионально интересны изыскания в области предмета психологии, значит, оно положительно оценивает их эвристический потенциал. Развитие науки носит поступательный характер и позволяет говорить о кумулятивном эффекте в том случае, когда (по Т. Куну) мы имеем дело с «нормальной наукой», успешно решающей свои головоломки в рамках парадигмы, принятой данным научным сообществом. Частным вариантом такого сообщества может считаться научная школа, а разные школы могут подходить к одному и тому же предмету с разных (порой несовместимых) точек зрения (Кун, 1977, с. 231).

Для психологии очень актуален вопрос о том, находится она в допарадигмальном или постпарадигмальном периоде своего развития. Или вообще она, в силу своеобразия предмета, относится к особому типу наук — принципиально мульти- или полипарадигмальных, что вполне вписывается в модель развития науки, построенную П. Фейерабендом (Фейерабенд, 1986) и названную «эпистемологическим анархизмом». Именно П. Фейерабенд подчеркнул специфичность, а не универсальность законов развития каждой науки, и специфичность эта определяется не только особенностями самого предметного знания, но и особенностями внешних условий развития, включая социо-культурную ситуацию. Выдвинутый им принцип пролиферации (размножения) теорий, заключающийся в необходимости создания новых теорий, противоречащих уже существующим и общепризнанным с целью их критики еще до столкновения с контрпримерами, очень точно отражает состояние теоретического багажа современной психологии.

Если мы принимаем положение о полипарадигмальном характере психологии, то различные понимания ее предмета не только не являются препятствием для ее успешного развития, но и неизбежны, поскольку отражают наличие разных исследовательских задач, разных средств и организационных форм исследовательской или практической деятельности в разных психологических школах и подходах. Более того, разнообразие трактовок предмета науки является непрямым условием ее развития, поскольку за ними стоят различные методологические основания, различные теории и практики.

Ситуация множественности методологических подходов и, соответственно, средств методологического анализа, которые одновременно являются и истинными (если это понятие вообще применимо к методологическому знанию) (адекватными), и ложными (неадекват-

ными) в зависимости от массы привходящих условий, провоцирует самые разные установки исследователей и практиков относительно роли методологического знания и целесообразности его использования в конкретном исследовании, а также разные «методологические эмоции» (по выражению А.В. Юревича).

1. Методологический нигилизм. Часть психологического сообщества (особенно практикующие психологи) полагает, что всякая методологическая рефлексия уводит от сути дела в дурную бесконечность бесплодного философствования и вербализма — позиция, в чем-то перекликающаяся с установками позитивизма.
2. Прямо противоположную позицию можно обозначить как «методологический ригоризм» или «методологический монизм». Его сторонники считают, что должна существовать единственная «подлинно научная» методология, строгое следование которой является критерием научности. Призыв к построению такой методологии часто можно услышать из уст ученых, «ностальгирующих» по временам, когда такую функцию почти директивно исполняла «марксистско-ленинская методология науки». На уровне конкретно-научной методологии сторонники этой позиции стремятся к построению «единой теории психического». Однако современные концепции природы и сущности научного знания (постнеклассическая наука, по В.С. Степину) оставляют все меньше надежд на то, что построение такой теории в принципе возможно.
3. Сторонники «методологического либерализма» полагают, что разные типы психологического объяснения релевантны разным уровням детерминации психического, при этом каждый уровень или слой обладает самостоятельной значимостью и принципиально не заменим ни одним другим. В качестве основного поля приложения сил методологии предлагается рассматривать переходы между разными уровнями, а наиболее перспективным каркасом для построения связной системы психологического знания «представляются комплексные, межуровневые объяснения, в которых нашлось бы место и для смысла жизни и для нейронов и для социума...» (Юревич, 2003, с. 356).
4. Наконец, сторонники «методологического плюрализма» полагают, что в принципе нельзя рассчитывать на создание единой психологической теории путем связывания принци-

пиально различных предметов анализа за счет «комплексных межуровневых переходов». Такой позиции придерживается и автор данной статьи. Поскольку каждая теория конституирует свой предмет и метод исследования, построение единой теории психического предполагало бы создание универсального метода исследования психической реальности. При такой постановке вопроса перспективы появления соответствующей теории даже в отдаленной перспективе представляются нереальными.

Методологический плюрализм — система взглядов, согласно которой адекватность тех или иных методологических средств психологического анализа (включая и собственно психологические теории на уровне конкретно-научной методологии) может быть выявлена только в ходе «методологического эксперимента», причем теория даже самого высокого уровня не может быть априори пригодной для преодоления вновь возникающей познавательной трудности. А ведь именно на такую роль претендовала бы «единая теория психического». Понятие методологического плюрализма практически синонимично понятию «полипарадигмальности» психологии, по крайней мере, на современной стадии ее развития.

С моей точки зрения, методологический плюрализм заслуживает не сожаления как неизбежное зло, а одобрения как важнейшее условие развития науки. Попытка найти какое-то одно (единственно правильное) определение зиждется на убежденности в возможности построения единой теории психического, своеобразной метатеории, которая выполняла бы роль методологического ориентира для любого частного психологического исследования или психологической практики. Аналогичных теорий нет даже в гораздо более развитых науках. В любом случае формулировка предмета науки в целом должна быть заключительным этапом процесса построения единой теории, когда уже сформулированы исследовательские и практические задачи, описаны все основные методы исследования, единицы анализа и объект науки.

Сказанное не означает, что дискуссии о предмете психологии лишены всякого смысла. Широкое обсуждение предмета психологии в 1960–1970-х годах в советской психологии послужило толчком к развитию методологических работ и оставило значимый след в истории науки. Но что точно необходимо, так это более глубокая и всесторонняя рефлексия самой работы по определению предмета всей психологии, ее отраслей, конкретных исследований и практик.

В качестве примера приведу весьма интересную статью В.Д. Шадрикова (Шадриков, 2003), в которой автор предлагает рассматривать в качестве предмета психологии «мир внутренней жизни человека». Но как тогда быть с животными или младенцами? И с какого возраста у ребенка появляется «внутренняя жизнь», каков ее критерий? Понять природу трудностей, возникающих при попытке выделить в качестве предмета исследования то **общее**, что есть в любом живом существе, наделенном психикой, весьма несложно. Ведь это **общее** очень бедно по содержанию. Тип исследовательских и прикладных задач, средства исследования и прочие составляющие предмета науки в случае психики амебы и психики человека принципиально различны. И таких качественных ступеней в развитии психического очень много.

В качестве главного итога всего, что было сказано выше, можно сформулировать следующие предложения для повышения кумулятивного эффекта безусловно интересных и полезных для научного сообщества дискуссий по предмету психологии.

1. Необходимо с самого начала раскрыть понимание автором предмета науки и его соотношения с объектом, методом, исследовательской задачей.
2. Желательно указать, в чем автор видит основной смысл «методологического дискурса о предмете психологии». Возможно, этот дискурс важен как развивающая игра, как способ удовлетворения познавательных-эстетических потребностей, как условие успешного решения проблем преподавания учебной дисциплины «психология». Какие последствия для конкретно-научных исследований может иметь тот или ответ на вопрос о предмете психологии?
3. Очень важно зафиксировать представления автора о статусе психологии как науки – находится ли она на допарадигмальной (т.е. донаучной) стадии развития, или она в принципе относится к полипарадигмальному типу наук в силу специфики ее предмета или других причин. Адекватно ли для описания психологии понятие перманентного кризиса или какие-то другие модели из области методологии и логики науки лучше схватывают специфику структуры и роста психологического знания.
4. Весьма полезно отразить, какая общеметодологическая позиция автору ближе – методологический нигилизм, ригоризм, либерализм или плюрализм (как они сформули-

рованы выше) или заявить свою оригинальную позицию по этому вопросу.

Выше я постарался зафиксировать свою позицию по большинству сформулированных вопросов, и это позволяет мне, не нарушая собственных рекомендаций, изложить свое видение объекта психологии. Формулирование предмета психологии — проблема гораздо более сложная, требующая соотнесения объекта науки с методом, исследовательской задачей и другими составляющими научной деятельности.

С моей точки зрения, основной, исходной и, безусловно, всеобщей функцией психики является построение модели (субъективного образа) будущего и подчинение поведения живого существа этому еще не наступившему будущему, которое, впрочем, может и не наступить вовсе (достаточно вспомнить пример Н.А. Бернштейна: смерть от страха смерти). Не наступает прогнозируемое будущее часто и для продолжающего жить существа. Разумеется, такое подчинение будущему невозможно без реакций на абиотические раздражители (критерий психического, предложенный А.Н. Леонтьевым и А.В. Запорожцем). Но все более утверждающиеся в современной психологии представления об активной природе психического предполагают, что наделенное психикой живое существо не ждет пассивно очередного воздействия стимула, чтобы начать прогнозировать будущее, а непрерывно осуществляет такой прогноз на всех доступных для него уровнях взаимодействия с миром. Гетерархическая система таких прогнозов на разных уровнях и составляет то, что можно назвать «образом мира» живого существа. Известный зоопсихолог К. Фабри именно в таком значении использовал это понятие применительно к рыбам и другим низшим животным. Мне представляется, что **совокупность процессов построения образа мира, его развития и функционирования в качестве активного регулятора внешнего поведения и внутренней жизни живого существа и составляют объект психологии в самом широком его понимании.**

Итак, образ мира — целостное образование познавательной сферы личности, выполняющее функцию исходного пункта и результата любого познавательного акта. Он существует и функционирует в форме непрерывной генерации гипотез-моделей мира, по крайней мере, на трех уровнях — личностном, интеллектуальном и сенсорно-перцептивном, при этом каждый из них включает в себя как сознательные, так и неосознаваемые компоненты. Важно отметить, что образ мира ни в коем случае нельзя отождествлять с чувственной (модально оформленной) «картинкой». Последняя (и то лишь частично) может

быть соотнесена с «поверхностным», или сенсорно-перцептивным уровнем; глубинные, ядерные уровни образа мира носят амодальный (в смысле чувственных модальностей) характер. Возникает важный вопрос — какая психологическая реальность стоит за этими амодальными составляющими, что выступает носителем наших представлений о недоступных чувственному отражению свойствах реальности?

Как ни странно, этот вопрос касается и сенсорно-перцептивного уровня образа мира, поскольку перцептивный образ отнюдь не совпадает с мозаикой ощущений. До сих пор во многих учебниках по психологии можно прочесть, что ощущение есть отражение отдельного свойства, а образ восприятия — отражение комплекса этих свойств, строящееся из ощущений. На самом деле между образами-ощущениями и перцептами существуют качественные различия, в основе которых лежит принципиально различный характер процессов, приводящих к возникновению этих двух видов познавательных процессов. Ощущения действительно имеют реактивную, рефлекторную природу и возникают в ответ на внешние воздействия в полном соответствии со схемами, постулируемыми стимульной парадигмой. Построение образа восприятия — это изначально активный процесс, начинающийся с генерации перцептивной гипотезы.

Убедительную аргументацию в пользу этого положения можно найти в классических опытах Д.Н. Узнадзе (Узнадзе, 1966, с. 34–37). Он показал, что вне контекста перцептивных гипотез испытуемые не могли идентифицировать отдельные ощущения — одни и те же характеристики стимула (вес, температура, форма поверхности и т.п.) воспринимались ими по-разному, вплоть до противоположности. То, что в контексте одной гипотезы казалось холодным, в контексте другой воспринималось как теплое и т.п. Заключим сказанное словами Д.Н. Узнадзе: «Мы идем к действительности... путем ощущений, но никогда не бывает так, чтобы она давалась нам в виде ощущений. <...> Мы не ощущаем действительность, а воспринимаем ее» (цит. по: Надирашвили, 1976). Если ощущения составляют лишь самый поверхностный («явленческий», а не «сущностный») слой образа мира даже на сенсорно-перцептивном уровне, то что же выступает носителем более глубоких свойств, например, перцептивных и вербальных значений?

Ответ на это вопрос и предопределил название деятельностной парадигмы, противопоставляемой стимульной (Смирнов, 1985). Согласно ей для построения образа необходима специальная перцептивная деятельность или отдельные перцептивные действия, которые должны быть релевантны тем или иным качествам воспринимаемого

объекта. Глубинные, сущностные свойства объектов задают характер той деятельности, которая необходима для их отражения и практического использования. Сама эта деятельность и различные формы ее субъективной репрезентации и являются носителями знаний, «составляющими» образа мира человека на глубинных, ядерных уровнях. Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее.

А.Н. Леонтьев условно делил все свойства объективного мира на две категории. «Одни — это такие свойства неживых вещей, которые они обнаруживают во взаимодействии с вещами же, т.е. во взаимодействии “Объект – Объект”. Некоторые же свойства обнаруживаются во взаимодействии с телесными вещами особого рода — с живыми чувствующими организмами, т.е. во взаимодействии “Объект – Субъект”. Они обнаруживаются в специфических эффектах, зависящих от свойств рецепирующих органов субъекта» (Леонтьев, 1979, с. 9). Таким образом, скажем, «скользкость» или «блесткость» не являются чисто объективными характеристиками объекта, а лишь качествами, проявляющимися во взаимодействии с нашими органами чувств. Но они не являются и чисто субъективными, ибо тело субъекта хоть и особая вещь, но тоже вещь среди вещей. Однако объекты обладают бесконечным числом свойств, которые вообще не могут быть выявлены во взаимодействии с телом субъекта, но лишь с другими телами, и субъект может обнаружить их только с помощью специальной организации такого взаимодействия. Свойства такого типа, как правило, не могут быть выявлены на основе восприятия, и вообще не открываются субъектом в ходе самостоятельной индивидуальной деятельности. Они носят совершенно отчетливый амодальный характер и фиксируются, прежде всего, в понятиях языка, знаках, предметах культуры.

Самое важное заключается в том, что объект-объектные свойства также непосредственно входят в наш образ мира, как и чувственно воспринимаемые. Именно синтетический и целостный характер такого конструкта, как «образ мира», позволяет нам с его помощью ответить на вопрос о том, что же обеспечивает синтез чувственного образа из хаоса отдельных ощущений, иначе говоря, за счет чего достигается резкая смена в характере чувственной ткани до оформления ее в виде образа целостного предмета и после него. В восприятии целое предшествует своей части (это замечательно показали гештальт-психологи), и сквозь призму этого целого часть (отдельное ощущение) только и приобретает возможность быть свойством, чертой предмета — качеством, которого никогда не бывает у изолированного ощущения. Не ощущение говорит о том, какому целостному образу оно принадлежит, а, напротив, целос-

тный образ задает ощущению определенное место в своей структуре, благодаря чему ощущение получает объяснение и оправдание своему существованию в качестве устойчивого признака предмета, а не летучего и нестойкого феномена сознания. Но если образ предмета предшествует отдельным ощущениям и структурирует их, то возникает три вопроса: 1) откуда оно берется? 2) на основе чего решается, какой образ наиболее успешно структурирует чувственные впечатления в каждый данный момент? 3) в какой форме образ существует, если он еще не имеет конкретного наполнения чувственной тканью?

Чтобы ответить на эти вопросы, попытаемся понять, чем отличается чувственная картина, оформленная в виде предметов внешнего мира, от хаотической смены зрительных ощущений. Важнейшим отличием первого случая от второго является возможность в определенных пределах предвидеть характер изменения ощущений: а) при естественном (без нашего вмешательства) течении внешних событий, изменении самого предмета и условий его восприятия; б) при направленном изменении нами условий восприятия; в) при том или ином нашем воздействии на внешний мир, при нашей деятельности с тем или иным объектом. Это происходит благодаря тому, что знание взаимосвязей отдельных объектов и законов их взаимодействия непосредственно включено в сам образ мира.

Степень точности и достоверности таких экстраполяций может быть разной — от чрезвычайно высокой, когда мы даже не удосуживаемся проверить верность своих ожиданий (и на этом основаны многие иллюзии восприятия), до крайне неуверенных и приблизительных гипотез в случае чрезвычайно обедненного контекста или при большом количестве новых элементов ситуации. Если гипотеза явно ошибочна и отдельные ощущения не получают характера устойчивых структур, а наши ожидания относительно направления изменений чувственных впечатлений при совершении тех или иных действий окажутся не подтвержденными, то происходит смена гипотезы за счет включения в нее ранее не учтенных связей и отношений, а также на основе расширения или изменения контекста, в котором берутся данный объект или ситуация. Тем самым наше представление о мире модифицируется, уточняется, обогащается новыми связями между объектами.

Итак, образ восприятия — это не сумма ощущений, а закономерная динамика их изменения при совершении или несвершении нами тех или иных действий. Иначе говоря, образ — это единство чувственных и, если можно так выразиться, «деятельностных» переживаний. Но если первые представлены в нашей картине мира

в форме ощущений (их закономерных изменений), то как представлены вторые, выступающие в роли носителя амодальной схемы мира? Надо принять во внимание, что в образ мира (по крайней мере, на его ядерных уровнях) входит отражение самой деятельности человека и, прежде всего, тех ее компонентов, которые позволяют выделять свойства объектов, не обнаруживаемые при их взаимодействии с органами чувств ($S-O$). Это уже отмечавшиеся свойства, обнаруживаемые в результате взаимодействия с другими объектами ($S-O_1-O_2$) и сверхприродные свойства, обнаруживаемые при воздействии на других людей, например, стоимость (S_1-O-S_2). Свойства этого рода объективно присущи внешнему миру и даже относятся к его наиболее устойчивым сущностным характеристикам по сравнению с теми, которые являются нам во взаимодействиях типа $S-O$ и носят выраженный модальный характер.

Ядерный уровень (вернее, уровни) символической (знаковой) репрезентации мира формируется в психике человека на основе системы общественно выработанных значений, закреплённых в языке, предметах культуры, нормах и эталонах деятельности. Система этих значений и образует отраженное пространство деятельностей человека в реальном мире, которые строятся по законам этого мира, а не произвольно конструируются субъектом. Наконец, следует отметить, что всякая внешняя деятельность человека в материальном плане осуществляется в форме механических перемещений масс в пространстве, то есть описывается на языке сил, расстояний и ускорений. Это и есть то, что Н.А. Бернштейн (Бернштейн, 1966) назвал биодинамической тканью движения, которая, по нашему мнению, является подлинным носителем амодальной схемы мира на уровне тех сущностей, которые открываются нам в восприятии. Чтобы понять и объяснить необходимость движений для построения образа, В.П. Зинченко (Зинченко, 1983) ставит вопрос о том, как «биодинамическая ткань» движения переходит в чувственную ткань образа. С нашей точки зрения, следует несколько сместить акценты. Биодинамическая ткань движения не превращается в чувственную ткань, а служит тем организующим началом, скелетом, схемой, благодаря которой мозаика ощущений превращается в целостные, предметные образы восприятия. Ощущения, организованные в образ есть ощущения с заданными взаимопереходами от одного чувственного впечатления к другому, т.е. сцементированные биодинамической тканью движения. При этом биодинамическая ткань движения сама должна быть как-то отражена, она должна войти в состав чувственного образа в качестве одной из его глубинных составляющих.

Термин для обозначения такого чувственного носителя, презентующего отраженную биодинамическую ткань субъекту, предложен И.М. Сеченовым — это знаменитое «темное мышечное чувство». Оно как бы растворяется во всех других чувственных модальностях, являясь их «общим знаменателем», и потому не имеет своего собственного выраженного модального оформления. Оно презентует нам трехмерное пространство, которое служит координатной сеткой для планирования и контроля за ходом осуществления любого нашего воздействия на мир. Показательным примером является схема собственного тела. Когда мы с закрытыми глазами пытаемся дотронуться до кончика носа указательным пальцем, то не можем дать себе отчет, чувство какой модальности позволяет нам судить об их взаимном расположении в каждый данный момент — мы просто знаем, где нос и где палец. Это хороший пример амодального слоя перцептивного уровня образа мира.

Переходы от одной чувственной картины к другой опосредствованы некоторой системой наших движений, поэтому отражение биодинамической ткани движений (которые нужно совершить, чтобы перейти от одной чувственной данности к другой) и есть та первая инстанция в перемещении от поверхностных структур к глубинным, которая задает взаимопереходы между разными чувственными воплощениями одного и того же образа, объединяя их в некоторую целостность. Эта целостность в функциональном плане выступает как «предсуществующая» по отношению к отдельному чувственному впечатлению (то, что в восприятии целое предшествует части, как я уже отмечал, давно доказали гештальт-психологи).

Всякое объективное свойство внешней действительности, которое еще не нашло своего отражения в нашем образе мира, первично проявляет себя и обнаруживается нами как некоторый фактор, возмущающий ход нашей деятельности во внешнем мире, отклоняющий ее от того маршрута, который был создан на основе прежнего, недостаточно полного образа мира без учета этого фактора. И только вторично этот фактор выступает как предмет специально организованной деятельности, направленной на выделение стимула, презентующего данный фактор среди бесчисленного множества других воздействий.

А.Н. Леонтьев, специально разбирая этот вопрос, сформулировал тезис о генетической первичности деятельности по отношению к восприятию, о том, что деятельность прокладывает пути отражению. В другой его работе эта мысль выражена следующим образом: «...афферентатором, управляющим процессом деятельности первично

выступает сам предмет, — и лишь вторично его образ как субъективный продукт деятельности, который фиксирует, стабилизирует и несет в себе ее предметное содержание» (Леонтьев, 1975, с. 86). Иначе говоря, не вошедший в исходный образ мира объект сначала модифицирует эффекторные механизмы деятельности, биодинамическую ткань реализующих эту деятельность движений, и лишь затем начинает модифицировать чувственную ткань того или иного модального воплощения нашего образа мира. Тогда как стимульно-реактивный подход отводит практике в лучшем случае лишь роль критерия для проверки истинности наших интерпретаций стимульных воздействий, но не того канала, через который объективная действительность открывается нам.

Важным теоретическим следствием введения категории образа мира в указанном выше понимании является снятие жесткой границы между чувственным и рациональным знанием, а так же между познавательной и эмоционально-потребностной сферами личности. В самом деле, если выработка объект-гипотезы, без которой не может начаться процесс построения чувственного образа, осуществляется на основе образа мира в целом, а иногда требует развернутых вербальных суждений, то мы действительно можем сказать, вслед за В.А. Лекторским, что чувственное знание есть осмысление, понимание воспринятого (Лекторский, 1978). Речь идет не о простом влиянии одного вида знания на другой, а об их необходимо совместном функционировании в каждом акте познания. Классы процессов чувственного и рационального познания конституируют лишь различный удельный вес той или иной структурной составляющей образа мира в порождении объект-гипотезы и получении нового знания. В конечном счете интеллектуальная задача может быть поставлена в отношении чувственного впечатления (например, как получить новые вкусовые ощущения за счет изменения рецепта приготовляемого блюда), и, наоборот, интеллектуальные задачи сплошь и рядом решаются на основе приемов изменения образной репрезентации некоторых исходных данных. Разумеется, необходимость в специальном и систематическом изучении конкретного единства чувственного и рационального в каждом акте познания отнюдь не отпадает в силу наличия принципиального решения этой проблемы.

Что касается проблемы единства эмоционально-потребностной и познавательной сфер личности (или проблемы единства аффекта и интеллекта, как ее сформулировал Л.С. Выготский), то здесь идея образа мира позволяет сделать еще более решительный шаг вперед. Если

образ мира действительно носит выраженный прогностический характер, то неизбежно возникает вопрос об избирательной природе такого прогнозирования. Оно, прежде всего, строится в отношении важных и значимых для человека событий, которые связаны с деятельностью субъекта и его потребностями. Но для того, чтобы выделить тот или иной объект или событие в качестве значимого и осуществить в отношении него акт познания, необходимо наличие какого-то предзнания, в функцию которого входит выбор направлений нашей познавательной деятельности: чтобы нечто узнать, нам надо заранее предвидеть, что это недостающее знание будет нам полезно, иными словами, что оно будет иметь отношение, например, к удовлетворению наших потребностей. Этот механизм работает не только в случае практической деятельности. Когда мы собираемся обдумать какую-либо психологическую проблему, мы как бы заранее ожидаем, что именно здесь нас может ждать успех. Предвкушение успеха или неудачи и выступает в данном случае в роли эмоционально окрашенного предзнания, которое представляет собой подлинное единство, точку пересечения знаний и эмоций. Чтобы пережить эмоцию, надо уже нечто знать (Ж. Пиаже, в частности, говорит, что «невозможно существование каких бы то ни было чувств без известного минимума понимания или различения» [Пиаже, 1969, с. 64]), но, чтобы нечто узнать, надо предварительно пометить его эмоциями как заслуживающее нашего познания.

Решение этого, отнюдь не формального противоречия, невозможно в рамках стимульной парадигмы. В самом деле, как мы можем выбрать один из бесчисленных стимулов для обработки и включения в образ, если мы еще не знаем, что за ним стоит? Согласно деятельностной парадигме, как мы уже отмечали, и предметное значение, и эмоционально-личностный смысл строящегося образа заданы всем контекстом нашей деятельности, актуализированной частью целостного образа мира и поэтому в функциональном плане предшествуют наличной стимуляции, а не извлекаются из нее за счет бесконечно усложняющейся обработки чувственных данных. В изложенной интерпретации процесс построения образа приобретает характер особой познавательной деятельности, обладающей всеми атрибутами подлинной предметной деятельности и имеющей ту же структуру.

Как отмечалось выше, именно совокупность процессов построения образа мира, его развития и функционирования в качестве активного регулятора внешнего поведения и внутренней жизни живого существа и следует, с моей точки зрения, рассматривать как объект психологической науки в самом широком смысле. На этом объекте различные

отрасли психологии и конкретные исследовательские программы строят свой особый предмет в соответствии со спецификой своих исследовательских задач, методов и средств организации психологического исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн Н.А.* Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., 1966.
- Гальперин П.Я.* Введение в психологию. М., 1976.
- Зигченко В.П., Смирнов С.Д.* Методологические вопросы психологии. М., 1983.
- Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
- Лекторский В.А.* Познавательное отношение: пути исследования его природы. Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. М., 1978.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1965.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Леонтьев А.Н.* Психология образа // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
- Надирашвили Ш.А.* Психологическая теория восприятия (с позиций теории установки). Тбилиси, 1976.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1969.
- Пископелль А.А.* Предмет психологии как методологический дискурс // Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 246–254.
- Смирнов С.Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985.
- Степин В.С.* Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М., 2000.
- Узнадзе Д.Н.* Психологические исследования. М., 1966.
- Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
- Шадриков В.Д.* О предмете психологии. Мир внутренней жизни человека // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 332–349.
- Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности. М., 1978.
- Юревич А.В.* «Методологический либерализм» и парадигмальный статус психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 349–357.
- Ядов В.А.* Социологические исследования (методология, программа, методы). М., 1979.

НАУЧНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК ТРИВИАЛИЗАЦИЯ ОБОСНОВАННОЙ АХИНЕИ

В.М. АЛЛАХВЕРДОВ

Название обязывает. Поэтому мне придется одну и ту же мысль излагать дважды: то как ахинею, т.е. как идею, кажущуюся нелепой, вздорной, бессмысленной, абсурдной, то как совершеннейшую тривиальность, т.е. как трюизм, как столь навязшую в зубах банальность, что, казалось бы, ее даже можно было бы и вовсе не упоминать. А провокационность названия лишь подчеркивает, что речь в статье при всем при этом пойдет о весьма банальных вещах.

В науке проводятся мириады исследований, но лишь ничтожно малая толика из них именуется открытиями и остается в истории. А.В. Юревич констатирует: «Наука разлила океан научной литературы, менее одного процента которой находит сколь-нибудь значительный круг читателей» (Юревич, 2001, с. 249). Н.А. Заболоцкий эту же мысль выразил поэтически: «Из миллионов птиц к светилам и зарницам едва ли вырывается одна». Открытие выделяется тем, что шокирует своей неожиданностью и контринтуитивностью. Хрестоматийна фраза Н. Бора, адресованная им более молодому коллеге: «Ваша идея не достаточно сумасшедшая, чтобы быть верной». К тому же, из банальности не вывести никаких плодотворных следствий — только по-настоящему неожиданная идея обладает эвристическим потенциалом. Но все-таки вряд ли стоит объявлять, что эффективность научной идеи характеризуется степенью ее сумасбродности. Наука — слишком рациональное занятие, чтобы несправедливым намеком на сумасшествие творца подчеркивать ее иррациональное начало. В более привычном высказывании о парадоксальности научного знания, однако, именно привычность,

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ.

клишированность этого оборота мешает увидеть глубинную экстравагантность научного творчества. На мой взгляд, лучше использовать слово *ахинея*, которое, как иногда считается, этимологически восходит к «*афиния*» — предполагают, что так обыватели отзывались о мудрствовании афинских философов. Можно было бы, конечно, назвать ее и как-нибудь иначе, например, хохмой («мудрость» по-древнееврейски), но в этом последнем случае появляется неуместная нота иронического отношения к столь серьезному делу, каковым является наука. Добавлю, что о роли нелепицы и ахинеи в художественном творчестве мне уже довелось писать (Аллахвердов, 2001).

Однако научное открытие только тогда становится признанным достижением, когда высказанные идеи принимаются научным сообществом. Понятно, что далеко не любая ахинея является научным высказыванием. Открытие, прежде всего, должно быть обосновано. Утверждения науки отличаются от всех других утверждений тем, что они доказываются по принятым научным сообществом правилам, существующим совершенно независимо от авторов этих утверждений. Но и этого мало. Если идеи не согласуются с наличной системой знаний, то они сплошь и рядом игнорируются научным сообществом. М. Полани приводит поясняющий пример. В одном научном журнале, говорит он, были опубликованы данные, показывающие, что продолжительность беременности в днях у различных грызунов кратна числу π . Результат столь бессмысленный, уверяет Полани, что никакие доводы не смогут убедить в реальности этого соотношения (Полани, 1985, с. 201). В науке нельзя верить в абсурд, даже если этот абсурд статистически достоверен. Научное знание должно приобрести иллюзию очевидности, оно должно стать в глазах людей тривиальным и не должно противоречить уже имеющемуся знанию. В конце своего пути оно преподносится школьникам как нечто, не вызывающее никаких сомнений. (Что, конечно, заведомо неверно, ибо научное знание — это всегда сомневающееся знание.) В общем, не так просто заниматься наукой, ибо результат научного исследования призван одновременно сочетать в себе несовместное — он должен быть тривиальной ахинеей и при этом ахинеей, по всем правилам обоснованной. Видимо, существует даже особый дар превращать абсурд и ахинею в трюизм. Л.Д. Ландау отнюдь не шутил, когда называл себя гениальным тривиализатором. Соответственно, и оцениваться результат научного исследования тоже должен одновременно и по степени своей ахинеиности, и по степени своей тривиальности. Ну а если знание не обосновано, то это просто не научное знание.

Оказывается, многое зависит от того, как сами авторы рассказывают о своем открытии. Дело в том, что ахинеяная мысль всегда неожиданна для автора, она совершенно внезапно освещает запутанную ранее головоломку. И, разумеется, автор чувствует свою отстраненность, личную непричастность к этой идее, ведь до внезапного появления ее в сознании не было и откуда она взялась — не известно. Поэтому зачастую даже кажется, что появление творческой идеи — вообще дело случая. О случайности собственного открытия говорили многие выдающиеся ученые, например, Б. Скиннер. По принятому канону, авторы обычно скрывают подлинную последовательность предшествовавших открытию событий, стараясь сразу тривиализировать полученный ими результат, дабы он выглядел убедительным. Тривиализация собственных идей ведет к тому, что на фоне подавляющего большинства стандартных публикаций оригинальность замысла может быть просто не замечена. Впрочем, если автор, наоборот, подчеркивает оригинальность своих идей, то слишком высок шанс непонимания и отторжения сказанного им.

Как же надо описывать исследование, чтобы можно было оценить и его обоснованность, и его тривиальность, и его ахинеяность? Мне проще всего (и, наверное, корректнее всего) проиллюстрировать и проблему, и введенные понятия на примере собственного исследования. Вначале я кратко опишу реальную хронологию исследования, приведшую его в итоге вроде бы к полной ахинее, т.е. к аномалии, нарушающей принятую систему взглядов (Аллахвердов, 1993), а затем представлю тот же результат как более-менее тривиальное следствие наличного знания (Аллахвердов, 2003).

РАЗНЫЕ ОПИСАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Акцент в пользу ахинеи. В начале 1970-х годов совершенно неожиданно для себя самого я открыл явление, названное позднее *неосознанным негативным выбором*. Однажды я решил опровергнуть распространенное в научной литературе мнение о неизбежной сукцессивности слухового восприятия и об уникальной симультанности зрительного. Я верил в принципиальное единообразие психических процессов, а значит, и в независимость их существенных характеристик от модальности. К тому же, полагал я, многовековое существование полифонической музыки — существенный аргумент в пользу возможности

существования симультанного слухового восприятия. В центре моих интересов тогда было другое — меня интересовало возникновение ошибок при решении простейших когнитивных задач. Но, будучи аспирантом, я мог позволить себе исследовать все что угодно. Объем симультанного слухового восприятия можно было измерить примерно так же, как обычно определяют объем симультанного зрительного восприятия. Впрочем, учитывая периферийность данного замысла, я поленился готовить какую-либо сложную аппаратуру, а ограничился подручными средствами. Трем знакомым музыкантам с абсолютным слухом, т.е. с умением правильно идентифицировать высоту звука с нотным обозначением, я предъявлял на рояле аккорды с просьбой воспроизвести после каждого аккорда названия входящих в него нот или (в другой серии) подобрать эти аккорды на рояле.

Три-четыре звука испытываемые обычно воспроизводили безошибочно. Но иногда — особенно при предъявлении хорошо знакомых гармонических сочетаний звуков (трезвучия и т.п.) — путали тональность, т.е. правильно опознавая само сочетание, ошибочно идентифицировали каждый конкретный звук. При высокой вероятности случайного угадывания (весь алфавит звуков темперированного строя равен 12) наличие подобных ошибок не позволяло убедительно заявить о существовании симультанного слухового восприятия. Тогда я решил предъявлять только атональные аккорды из 6 звуков. Выбор такого числа элементов позволял конструировать более разнообразные аккорды, но для данного замысла исследования он был крайне неудачен: вероятность случайного угадывания составляла уже 50%. *Позднее оказалось, что именно эта ошибка предопределила успех исследования.* Дело в том, что в каждом следующем аккорде обычно приходилось повторять два-четыре звука из предыдущего. Обычно же экспериментаторы тщательно стараются избегать подобных повторов.

Выяснилось, что испытываемые в среднем безошибочно идентифицировали 3,3 звука, что, разумеется, не позволяло говорить о симультанности слуха. Однако они отмечали, что слышат и опознают больше. Действительно, невоспроизведенный звук из предшествующего аккорда мог неожиданно ошибочно «всплыть» при воспроизведении звуков следующего аккорда, когда он не был в нем предъявлен. В качестве ошибки воспроизводились 15–20% не предъявленных в предшествующей пробе звуков (будем называть эти звуки нейтральными) и 23–34% пропущенных в предшествующем аккорде звуков (разница достоверна на 99% уровне). Но тогда, решил я, следует ожидать, что и вероятность правильного воспроизведения ранее пропущенных

звуков должна быть больше, чем вероятность правильного воспроизведения нейтральных звуков, т.е. звуков, в предшествующем аккорде не предъявлявшихся. Однако получилось строго наоборот. При словесном воспроизведении правильно воспроизводились 56% нейтральных звуков и 44% пропущенных. При подборе звуков на рояле правильно воспроизведены 71% нейтральных звуков и 53% пропущенных. Все различия достоверны на 99,9% уровне.

Я был ошеломлен. Этот результат не умещался в моей голове. Бессмыслица какая-то! Прямо как у Августина: как я могу нечто забыть и при этом помнить о том, что я забыл? Августин признает логическую невозможность осознания факта забывания, и это напрямую ведет его к идее Бога: «Каким образом я могу вспомнить то, при наличии чего я вообще не могу помнить? <...> Кто сможет это исследовать? Кто поймет, как это происходит?» (Августин, 1991, с. 251). Я же столкнулся с этой проблемой отнюдь не в результате логических или лингвистических изысканий, а непосредственно в эксперименте. Ведь для того, чтобы повторно не воспроизводить какой-нибудь звук (например, «си бемоль»), надо как-то сохранять в памяти эту самую «си бемоль» как ту ноту, которую не следует воспроизводить. Тогда в общем виде получается: для того, чтобы *устойчиво* забывать какой-нибудь предъявляемый для запоминания знак, его надо опознать и одновременно помнить, что именно этот знак не подлежит воспроизведению. Но если испытуемый и опознает, и помнит его, то почему не воспроизводит? в чем смысл забывания, если забытое заведомо должно храниться в памяти?

Может, во всем этом проявляется нечто глубинное? Ну, не нравятся испытуемому из каких-то неведомых бессознательных соображений «си бемоль» — вот он и вытесняет из сознания этот звук, а потому упорно его и не воспроизводит. Как известно из психоанализа, однажды вытесненная информация не должна далее проникать в сознание в той же форме, в какой она была до вытеснения. Объяснение, конечно, невероятное: в реальности вряд ли можно найти музыкантов, предпочитающих не играть какую-то одну ноту или не использующих какую-нибудь тональность. Но самое главное — такое объяснение не соответствует полученным данным. В частности, как уже отмечалось, только что пропущенный звук чаще случайного вдруг начинает ошибочно воспроизводиться тогда, когда он не предъявляется. О каком вытеснении может идти речь?

Итак, случайно обнаружено явление, которое выглядит совершенно несуразным. Вполне можно посчитать это явление ошибочным:

экзотический стимульный материал, всего трое и притом весьма специфических испытуемых, множество неучтенных влияний (типа нестабильности предъявления аккордов на рояле), да и достаточно слабая выраженность эффекта — пропущенные звуки воспроизводятся всего лишь где-то на 15% хуже. Не лучше ли рассматривать полученные данные как курьез, аналогичный кратности времени беременности грызунов числу π ? Стоит ли тратить время на проверку заведомой нелепицы? Именно здесь возникает критическая точка. Исследователь должен сделать выбор: либо допустить реальность заведомой ахинеи и начать ее разрабатывать, либо отказаться от нее как от заведомой чуши, не достойной упоминания.

Позднее в данных других экспериментаторов я находил намеки на обнаруженное мной явление, но они обычно отбрасывали эту идею как бессмысленную, лишь некоторые из них отмечали ее в примечаниях как некий странный сопутствующий результат, единицы даже предлагали способ расчета данных, позволяющий элиминировать возникающий эффект как искажающий результаты исследования. Я же решился-таки на проверку существования этого явления. Я варьировал стимульный материал, переходил от мнемических задач к сенсорным, перцептивным, арифметическим, психомоторным, в экспериментах участвовали уже сотни испытуемых — и все время наблюдалось одно и то же: однажды неосознанные знаки (незапомненные, неувиденные, невычисленные и т.д.) при выполнении повторных заданий имеют тенденцию оставаться неосознанными; повторные ошибки встречаются существенно чаще, чем случайные, при этом они делаются быстрее, чем ошибки, появляющиеся после правильных ответов.

Обоснование соответствием опыту. Мои исследования 1970–1980-х годов были направлены на проверку разных, в том числе, самых невероятных предположений, вытекающих из основной гипотезы (см.: Аллахвердов, 1993, с. 26–95).

1. Испытуемые быстро читали вслух слова и должны были отметить те из них, в которых содержатся заданные буквенные триграммы. Например, надо было выделять триграммы «лес» и «лос» в словах типа «пылесос» и «малосольный». Ошибки пропуска встречались не часто (7% случаев), но повторение пропуска той же самой триграммы в следующем же слове, ее содержащем, происходило более чем в 25% случаев. Более того, через месяц ранее сделанные ошибки пропуска повторялись в 33% случаев, новые же ошибки встречались в 5% случаев.

2. Я наблюдал, как три неопытных машинистки учились печатать на клавиатуре. Мною были проанализированы почти 16 тысяч напечатанных ими слов. Оказалось, что вероятность сделать повторную опечатку в том же самом слове в *6 раз больше* (!), чем просто вероятность совершить ошибку. Вот, для примера: одна испытуемая на с. 2 своего текста печатает слово «эсперименты»; на с. 3 — «эспериментов»; с. 6 — «эккпериментов»; с. 14 — «экспирименты»; с. 16 — «экспериментавъ» и т.д. Еще типичные опечатки: «тоода» и «ттгда». Добавлю собственное переживание: в последнее время в процессе набора текста на компьютере я часто ловлю себя на том, что все время печатаю «осуществляется», хотя практически не делаю опечаток в похожих словах («проявляется» и т.п.).

3. При многократном и кратковременном (на 300 мс) предъявлении однотипных стимулов с задачей их опознания ошибки совершались в 29% случаев, однако неправильное опознание при следующем же предъявлении того же самого стимула происходило в 43% случаев. Еще более неожиданным оказалось то, что среднее время реакции тесно связано с числом вариантов ответа, даваемых испытуемым в ответ на предъявление данного стимула: чем больше вариантов, тем дольше время реакции. Поэтому оказывается, в частности, что правильные ответы даются быстрее ошибочных, частые одинаковые ошибки совершаются быстрее, чем редкие. Вдумайтесь, насколько этот результат нелеп сам по себе: испытуемый еще не может знать, сколько раз и как он ошибется при предъявлении именно данного стимула, но его время реакции заведомо связано с разнообразием даваемых им ответов; испытуемый не способен точно оценить, дал он правильный или ошибочный ответ, но по времени его правильные и ошибочные ответы различаются.

4. На выбор следующей задачи повлияло потрясение, испытанное мною еще в студенческие годы, когда нам был показан имбецил, умевший безошибочно переводить даты в дни недели. Неужели, задумался я тогда, имбецил может это такое делать, а нормальные испытуемые не могут, да еще и жалуются на постоянную путаницу дат и дней недели. Итак, испытуемые в ответ на предъявление даты, лежащей в диапазоне от 1920 до 1999 гг., должны были назвать день недели, соответствующий этой дате. В инструкции говорилось: «Старайтесь ничего не вычислять, прислушивайтесь к Вашему подсознанию и дайте ответ, первым пришедший в голову». Если предъявленная дата соответствовала, например, четвергу, то ответ испытуемого мог оцениваться по степени отклонения от этого дня. Так, в данном случае ответ «четверг» соот-

ветствовал отклонению 0, ответы «среда» и «пятница» — отклонению на 1 день и т.д. до ответов «понедельник» и «воскресенье» с отклонением на 3 дня. И замысел, и, тем более, результат этого исследования трудно назвать иначе, чем ахинеей. Получилось, что вероятность повторения предшествующего отклонения достоверно (на 99% уровне) отличается от случайного; этот эффект проявился у 36 испытуемых из 48, а наиболее выражен — при отклонениях 0 и 3.

Надеюсь, приведенные примеры побуждают задуматься над объяснением, т.е. тривиализацией найденного явления.

Путь тривиализации. Признаюсь, что процесс тривиализации описанного результата еще не закончен. В поиске объяснения я предположил существование некоего механизма, принимающего решение о том, что осознать, а что — не осознать. Этот механизм предназначен для решения когнитивных задач, чем весьма отличается от цензуры у Фрейда, и, надеюсь, не столь спекулятивен, как фильтры ранних когнитивистов. Главное: однажды принятые посредством этого механизма решения обладают последствием — существует тенденция повторно осознать то, что ранее было уже осознано (в духе гештальтистов, это можно было бы назвать последствием фигуры), и не осознать того, что ранее уже было решено не осознать (нечто похожее на последствие фона). Подробнее как об этом, так и об идеях других авторов, писавших или предполагавших нечто аналогичное, а также о вытекающих из подобного представления следствиях рассказано в другой моей работе (Аллахвердов, 2000). Но поскольку до превращения этой гипотезы в трюизм еще весьма далеко, то здесь я ограничусь описанием лишь первого шага тривиализации и постараюсь преподнести ошеломивший меня в свое время результат в виде следствия, выводимого из очевидного знания — из хорошо известного закона.

Всем известно: для безошибочного воспроизведения большого по объему текста необходимо многократно предъявлять этот текст — все мы именно так, много раз перечитывая, заучивали в школе стихи или таблицу умножения. Все также знают, что чем больше заучиваемый текст по объему, тем непропорционально большее число раз его надо повторять. Более ста лет назад Г. Эббингауз даже установил закон: число предъявлений, необходимых для заучивания ряда, растет гораздо быстрее, чем объем этого ряда. Так, сам Эббингауз мог с одного предъявления воспроизвести 6–7 бессмысленных слогов, однако для заучивания 12 слогов ему требовалось уже 14–16 предъявлений.

Пусть испытуемый заучивает ряд из N никак не связанных между собой знаков (например, чисел, бессмысленных слогов и пр.). Допустим также, что после i -го предъявления он правильно воспроизводит только p_i из них — назовем их p -знаками. Знаки, которые он оказался не способным воспроизвести, будем обозначать как q -знаки. Таким образом,

$$N = p_i + q_i$$

Но что же на самом деле остается в памяти испытуемого? Если только p -знаки, то тогда при $i + 1$ -ом предъявлении он должен воспринимать q -знаки, до этого уже i раз предъявленные ему, как субъективно совершенно новые для него. Но это же, разумеется, не так. В противном случае, собственно, никакого заучивания как последовательности связанных между собой актов вообще не должно существовать²⁷. Да и любой человек мгновенноотреагирует, если заучиваемый им ряд изменится, даже если изменятся только до этого невоспроизведенные им знаки. Значит, помнятся не только p -знаки, но и хотя бы некоторые q -знаки. При этом после каждого следующего предъявления испытуемые гораздо лучше воспроизводят предшествующие p -знаки и почти не вспоминают q -знаков. Из 12 впервые предъявленных слогов Г. Эббингауз запоминал с первого предъявления шесть, а для заучивания шести оставшихся слогов (q -знаков) ему требовалось уже почти 15 предъявлений. Отсюда следует: не воспроизведенные ранее знаки имеют тенденцию вновь не воспроизводиться при следующих предъявлениях. Это значит, что q -знаки — это особые знаки, которые испытуемый хранит в памяти специально для того, чтобы их не воспроизводить и не осознавать. (Здесь, конечно, можно и Августина вспомнить.) Но ведь это значит, что испытуемый должен как-то специально маркировать q -знаки именно как q -знаки, чтобы отличать их от знаков, ранее не предъявлявшихся.

Попробуем эту гипотезу проверить. Будем предъявлять испытуемому каждый раз новые последовательности знаков. Если в очередную последовательность включать q -знаки, то они должны воспроизводиться существенно хуже, чем ранее не предъявлявшиеся знаки.

²⁷ Мудрый Н.А. Бернштейн высказал эту мысль еще в 1930-е годы: «Если первое воздействие не оставит после себя следа, то второе, следующее за ним, уже не будет в своем взаимоотношении с организмом “вторым” и должно будет начинать все с начала. <...> Повторение только в том случае будет повторением, если первое предъявление не прошло бесследно» (Бернштейн, 2003, с. 208–209).

Далее после сказанного уже можно естественно перейти к описанию эксперимента с музыкантами (или даже вначале описать стандартный эксперимент, где обычные испытуемые запоминают двузначные числа или дорожные знаки). Таким образом, совершенно неожиданный ахинеинский результат может быть в процессе тривиализации выдан за проверку гипотезы, дедуктивно выведенной из наличного знания. Как ни странно, это принятое в науке мошенничество. Но пока подобные фальшивки почему-то не осуждаются методологами науки.

В процессе тривиализации также желательно приводить объяснения каких-нибудь банальных явлений, на загадочность которых ранее не всегда обращалось внимания. Вот, например, обучение суммированию цифр в столбик. Если цифр много, учили нас в школе, то при их сложении возможны ошибки, а потому результат надо обязательно проверять. Однако проверять, добавляли учителя арифметики, надо *иным способом*, чем ранее было сосчитано. Так, если суммирование велось сверху вниз, то при проверке следует складывать цифры снизу вверх. Но почему? А потому, отвечали опытные преподаватели, что при повторном сложении тем же самым способом человек имеет тенденцию повторить ту же самую ошибку. Но ведь это поразительное утверждение как раз и описывает обсуждаемый феномен! Школьник складывает 2 и 3 и почему-то получает 6. Он не осознает, что сделал ошибку. Этот результат не соответствует выработанным у него автоматизмам. И, тем не менее, при повторном счете он эту же ошибку в этом же месте снова повторяет. А для повторения ошибки необходимо помнить (пусть в каком-то неосознаваемом виде), где и какая ошибка была сделана. Как иначе возможно ее повторить?

Я уверен, что описывать любой результат научного исследования надо двояко: и как ахинею, и как банальность. Только такое параллельное описание, если, конечно, исследование действительно представляет собой тривиализированную ахинею, позволит лучше понять сделанное. Проблема описания становится особенно важной, если мы хотим оценить качество исследования. Ведь здесь не обойтись без оценки степени ахинеинности развиваемых в исследовании идей (в более привычной терминологии — их неожиданности и эвристичности), их обоснованности (т.е. их соответствия опыту) и тривиальности (понятности, убедительности, непротиворечивости). Но и степень *неожиданности*, и степень *понятности* могут оцениваться, прежде всего, субъективно, исходя из ожиданий и понимания представителей научного сообщества. И то, как исследование описано самим автором, разумеется, не может не повлиять на оценку научного сообщества.

ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА В «ТРУДАХ ЯРОСЛАВСКОГО МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СЕМИНАРА»

Как определить, на каком уровне развития сегодня находится психологическая наука? Вначале рассмотрим типичные оценки, встречающиеся в методологической литературе, а в следующем разделе сравним их с оценкой психологических концепций с опорой на введенные критерии. Дабы не пытаться объять необъятное, в качестве примера существующих взглядов я выбрал «Труды Ярославского методологического семинара» (2004), посвященного поиску предмета психологии, где в качестве авторов собраны вместе едва ли не самые известные отечественные методологи в области психологии. Вот что они констатируют:

1. Отсутствие единой теории

Ф.Е. Василюк признает «неожиданное обилие общих психологий» и вторит Л.С. Выготскому: отсутствие единой общей психологии — симптом недоразвитости нашей науки, «своего рода уродство методологического тела психологии» (Труды..., 2004, с. 12–13). И.П. Волков добавляет: психологическая наука расщеплена на множество не стыкуемых областей знаний о психике, «прорех в научной психологии так много, что если просветить ее на солнце, она будет похожа на решето» (там же, с. 33–34). Ю.А. Гагин: в психологии отсутствуют единый язык и единая логика объяснения (с.46). В.П. Зинченко: «психологические данные, методы, даже теории представляют собой рой, а не строй» (там же, с. 101). М.М. Кашапов отмечает как заслугу когнитивистов, что им все-таки удастся объединить «разнообразные попытки что-либо измерить», но даже их «разнообразные концептуальные наработки» не удалось соединить в единую теорию (там же, с. 184). В.В. Козлов: «Современная ситуация в психологии напоминает строительство Вавилонской башни. Психологи, наполнившись намерением достичь и постичь душу и дух, в конце концов, начали разговаривать на разных языках и вся энергия <...> ушла на глупые ссоры и исследования кирпичей, пыли и праха» (там же, с. 195).

2. Констатация непонимания главных проблем

И.П. Волков: «неуклонно нарастает теоретическая слепота и неопределенность в планировании, осуществлении²⁸ и интерпретации

²⁸ Я делаю не так уж много опечаток, но вот снова напечатал: *осуществлении...*

результатов эмпирических исследований... Современные учебники психологии приобретают статус околonaучных трактатов» (там же, с. 32). В.П. Зинченко предлагает сделать, наконец, психологию «наукой о душе, а не только наукой об ее отсутствии» (там же, с. 101–102). В.С. Ивашкин, В.В. Онуфриева: «Психологическая сущность, а также психологические механизмы возникновения и функционирования сознания до сих пор остаются неясными» (там же, с. 133). В.А. Мазиллов: «Современная научная психология неудачно определяет свой предмет» (там же, с. 222). Н.В. Поддубный: «научная психология до сих пор не знает, что такое личность, не имеет единой классификации основных потребностей человека, а категориальная сетка в целом напяргает воображение» (там же, с. 267–268). Даже В.Д. Шадриков, пишущий столь уверенно, что кажется, будто ему ведома окончательная Истина²⁹, и тот проговаривается: «В свободе выбора заложена тайна психологии» (там же, с. 303). А я от себя добавлю: без понимания свободы выбора, т.е. без понимания спонтанности и произвольности сознания, никакая сколь-нибудь серьезная теория личности не может быть построена.

3. Разрыв теории и практики

Об этом авторами «Трудов...» ранее было написано уже много. Классической стала статья Ф.Е. Василюка 1996 г., где говорилось: «Психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности расщепленной личности» (Василюк, 2003, с. 199). А вот мнение В.А. Мазилова: «Психологическая практика, как это ни печально, чаще всего исходит из каких угодно теорий, но только не из концепций научной психологии» (Мазиллов, 2001, с. 28). В обсуждаемом томе «Трудов...» данная тема не является популярной. И все же Ю.А. Гагин пишет: «практические психологи ориентируются больше на интуицию, чем на теорию» (Труды..., 2004, с. 45). И.Е. Гарбер уверяет: психологи не склонны «учитывать в своих исследованиях исторические, социальные, экономические и культурные факторы, влияющие на изучаемые ими феномены» (там же, с. 50), а следовательно, не способны рассматривать эти феномены в реальном контексте. С.Д. Дерябо, И.В. Вачков вроде бы даже подчеркивают, что стратегии и алгоритмы работы психолога-практика возникают в рамках определенной психологической теории. Но далее утверждают,

²⁹ Отсутствие в тексте выраженных сомнений — это блестяще выполненный В.Д. Шадриковым стилистический прием тривиализации собственных построений.

что в разных теориях имплицитно содержится разное представление о человеке. Такое представление — это всегда ценностная модель, а «о ценностях, как известно, не спорят — их не доказывают, их выбирают!» (там же, с. 59) Тем самым выясняется, что на самом деле под психологическими теориями они понимают не научное знание, наделенное таким обязательным атрибутом, как обоснованность, а что-то совсем иное. У них не теории связаны с практикой, а некие метапозиции определяют и построение теорий, и построение практических стратегий. Пожалуй, самый сильный, хотя и не до конца мной осмысленный довод приводит В.И. Зацепин. По его мнению, описание «дяди Степы», данное молодым С. Михалковым, «выглядит более значимым в прикладном отношении», чем знаменитые эксперименты С. Милграма (там же, с. 97–98). Дальше уже некуда.

Вряд ли удивительно, что авторы в своих оценках не опираются на критерии ахинейности и тривиальности. Но они не опираются и на критерий обоснованности. Ф.Е. Василюк решает сравнить между собой теорию деятельности, теорию установки и теорию отношений. Заранее объявляется, что и философские основания этих концепций одинаковы, и «территория», объявляемая «юрисдикцией» всех этих концепций — это одна и та же территория (там же, с. 12). Но как сопоставить между собой столь разные концепции, как их «измерить» с помощью одной «меры»? Такой общей мерой, общей точкой отсчета объявляется классическая буржуазная психология, в постоянном противопоставлении с которой эти теории создавались и оформлялись (там же, с. 17). Оказывается, В.Н. Мясищев критикует старую психологию за изолированность индивида от мира людей, а А.Н. Леонтьев и Д.Н. Узнадзе — за изолированность от предметного мира. В.Н. Мясищев и Д.Н. Узнадзе подчеркивают, что нельзя рассматривать психику в отрыве от своего носителя, а А.Н. Леонтьев — от человеческой жизни и окружающего мира. Вот и измерили теории. Обоснованность, соответствие реальности даже не обсуждается как возможность такой меры.

И.Н. Карицкий упоминает еще большее количество концепций (он их называет методологическими позициями) — к уже перечисленным авторам добавляются Н.А. Бернштейн, В. Кёлер, А. Маслоу, Б. Скиннер, А.А. Ухтомский, З. Фрейд, К. Юнг и др. Резюме Карицкого следующее: говорить, что одна методологическая (читай: теоретическая) позиция лучше или адекватнее другой, — это значит уже знать, как все есть на самом деле, знать полную истину. А потому, мол, необходимо использование разных подходов, каковая позиция объявляется А.В. Юревичем методологическим либерализмом. Но почему, если

мы не знаем абсолютную истину, нельзя выбрать лучшую позицию? Почему, если ни одна политическая система заведомо не является верной, мы должны одновременно придерживаться и рабовладения, и восточной деспотии, и фашизма, и демократии? В науке всегда осуществлялся³⁰ выбор. Из двух неверных с сегодняшней точки зрения теорий Птолемея и Коперника предпочтение было вполне справедливо отдано противоречащей всякому здравому смыслу (т.е. блистательно ахинеиной) теории Коперника, хотя она в тот момент предсказывала астрономические данные даже хуже. И от теории флогистона отказались в пользу весьма еще несовершенной химической теории Лавуазье. Даже трудно представить, что было бы с физикой и химией, если бы этот выбор не был сделан.

А.В. Юревич утверждает: «Психологические теории — это интерпретации психологической реальности, интерпретации же неверными быть не могут. Бессмыслен и вопрос о том, какая из нескольких конкурирующих интерпретаций “более верна”» (Юревич, 2003, с. 351). Страстный оппонент эмпиризма Юревич, вкусив зачем-то запретного плода постмодернизма, неожиданно стал приверженцем отвергаемой им ранее доктрины. Мол, ученый рассматривает реальность как текст, а наши теории — всего лишь последующие интерпретации этого эмпирического текста. В таком случае, разумеется, странно говорить о правильности интерпретации. Но на самом деле, и А.В. Юревич это прекрасно знает, все происходит иначе: ученый строит теории (догадки) и пытается затем созданные им заведомо несуществующие абстрактные и идеализированные конструкты (типа материальной точки, не имеющей ни длины, ни ширины) интерпретировать в терминах реальности. Таким образом, в науке не теории интерпретируют реальность, а наоборот, реальность — это естественная интерпретация теории³¹. У одной и той же теории действительно может быть несколько интерпретаций (так, одни и те же дифференциальные уравнения описывают и механические, и электрические колебательные процессы), и, разумеется, действительно бессмысленно говорить, какая из них «более верна». А вот интерпретируемость теории в терминах реальности требует доказательства, обоснования. Сами теории весьма

³⁰ Опять здесь сделал опечатку. Важно: утверждение, что я делаю в этом слове опечатку, я написал до этих своих опечаток.

³¹ Возможна также интерпретация одной теории в терминах другой. Так, математикам удалось интерпретировать геометрию Лобачевского в терминах геометрии Евклида. Это позволяет утверждать: геометрия Лобачевского столь же непротиворечива, как и геометрия Евклида.

различаются по степени обоснованности. И, судя по приведенным выше оценкам уровня развития психологического знания, обоснованность *всех* психологических концепций пока не слишком высока.

В.В. Козлов идет еще дальше А.В. Юревича. Он манифестирует призыв к единству психологического знания на основе принципа «полного равенства всех психологических школ и их представителей» (Труды..., 2004, с. 206). Конечно, мне бы хотелось жить в том «психологическом сообществе взаимопонимания и взаимной поддержки», которое он предлагает создать. Но, с методологической точки зрения, это очень странный призыв. В каком смысле может идти речь о равноправии? Конечно, во всех концепциях содержится какая-нибудь «правда». Например, в концепции, что Земля по форме — блин, содержится элемент очевидной правды для любого пешехода. Даже утверждение, что психика человека похожа на трехколесный велосипед, можно интерпретировать в терминах фрейдовской триады инстанций личности. И что же — теория трехколесности равнозначна психоанализу? Ко мне (и знаю, что не только ко мне) порой приходят загадочно-невнятные письма плохо знакомых с грамматикой создателей новых психологических «теорий всего». Эти могут и школу создать. Стоит ли вместо того, чтобы направлять их на психиатрическую экспертизу, призывать их на равных правах в ряды представителей интегративной психологии, создаваемой В.В. Козловым и его единомышленниками?

И все же нужно ли единство психологического знания? Как мы видели, некоторые авторы «Трудов...» утверждают, что нет. К ним присоединяется и такой замечательный исследователь, как С.Д. Смирнов: «Методологический плюрализм заслуживает не сожаления как неизбежное зло, а одобрения как важнейшее условие развития науки» (там же, с. 281). Однако призыв к единству, к системности, к целостности психологии все-таки встречается чаще. Главный вопрос: совместимы ли друг с другом психологические концепции? И.Н. Карицкий: «Возможно ли в конечном счете объединить различные методологические позиции (теоретические. — В.А.) в некоторое непротиворечивое единство — это вопрос не умозрительный» (там же, с. 149). На этот вопрос уверенно отвечают С.Д. Дерябо и И.В. Вачков: «Психологические теории не только противоречат, но и даже исключают друг друга» (там же, с. 59). Попытка А.В. Юревича спасти ситуацию и заявить о *несоизмеримости* различных психологических концепций (мол, они настолько о разных вещах говорят, что их даже сравнивать нельзя), как мне кажется, не полностью принимается даже сторонниками методологического либерализма.

ОЦЕНКА АХИНЕЙНОСТИ, ОБОСНОВАННОСТИ И ТРИВИАЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Оценка ахинейности психологического знания дается редко, причем даже если это происходит, она бывает крайне низкой. Так, Э. Тулвинг и С. Мэдиган утверждают, что «самые яркие и неожиданные результаты психологических исследований не смогли бы ничем удивить Аристотеля» (цит. по: Величковский, 1982, с. 251). Один из отцов когнитивной психологии У. Найссер прямо обвиняет накопленные знания в одной из самых развитых областей психологии — психологии памяти — в обыденности (т.е. в полном отсутствии ахинейности). Он пишет: студенты знают о рассказываемых им закономерностях работы памяти «задолго до того, как прослушают наши лекции». Найссер ссылается на исследование Кройцера, Леонарда и Флейвелла: сообщаемые студентам на лекциях сведения о памяти известны по собственному опыту среднему американскому третьекласснику. Все эти знания верны (т.е. обоснованы), но «фактически большая их часть,— добавляет Найссер,— знакома детям, посещающим детский сад». И резюмирует: «Если психология памяти намерена основывать свою аргументацию на подобных достижениях, тогда ей нечем особо похвалиться» (Найссер, Хаймен, 2005, с. 16).

Психологическая практика гораздо более ахинейна, чем психологические теории. Показательно использование всевозможных техник, сбивающих клиентов с толку. Одни названия чего стоят: провокационная психотерапия, шокирующая психотерапия, техника преувеличения в гештальт-терапии, разрыв шаблона в НЛП, парадоксальные интервенции (самая известная — парадоксальная интенция В. Франкла) и др. Даже стандартный призыв (приказ) психотерапевта «Будь спонтанным» сродни парадоксу лжеца: выполнить приказ и стать спонтанным можно только при отказе от выполнения любых приказов, следовательно, и данного. Лозунг многих психотерапевтических школ: лечение через осознание, т.е. открытие сознанию того, чего там до этого не было. Чем более нежданно это открытие, тем оно эффективнее. Клиенты часто благодарят психотерапевтов и тренеров именно за то, что те перевернули их сознание. В результате практическая психология сегодня оказывает большее влияние на культуру, чем теоретическая. И на кино- и телеэкранах мы регулярно наблюдаем психологов-практиков и почти никогда — теоретиков. Чем, собственно, психологи-теоретики могут удивить зрителя? Беда, однако, в том, что психологическая практика в принципе не имеет обоснования, а потому

нет критерия, позволяющего различать научные и ненаучные методы и техники, ведь, как известно, клиенту помогает все то, во что верит он, а не теоретическая психология.

Теперь рассмотрим отдельные психологические теории. Выберем для анализа три сосуществующих психологические империи (в терминологии А.В. Юревича): психоанализ, бихевиоризм и когнитивизм.

Психоанализ — концепция, конечно же, первоклассная по своей ахинеинности. В свое время она сильно взбудоражила жителей буржуазной Вены, а потом и Европы. Как известно, уже доклад З. Фрейда Венскому психиатрическому и неврологическому обществу в 1896 г. вызвал скандал. Председатель собрания назвал содержание его выступления «научными сказками», Фрейд в ответ обозвал своих критиков «ослами». Налет скандальности сопровождает психоанализ до сих пор. Однако именно ахинеинность обеспечивает эвристичность данной концепции. Психоанализ оказал огромное влияние на культуру, а сам З. Фрейд входит в десятку самых цитируемых авторов мира. В течение ста лет развитие психоаналитических построений шло по пути их тривиализации. Ничего даже отчасти сопоставимого по своей ахинеинности с позицией самого Фрейда с тех пор придумано не было. На пути тривиализации проделана гигантская работа: был создан особый язык, развивались ответвления, лишь отдаленно связанные с оригинальными положениями основателя, делались разнообразные попытки соединить психоаналитические конструкции с иными концептуальными построениями. На мой взгляд, самым выдающимся тривиализатором теории Фрейда был Э. Берн, хотя его и не приняли в психоаналитическое общество. И все же психоанализ до сих пор не тривиализован до конца, он и по сей день привлекает внимание широкой общественности своей контринтуитивностью. Отчасти это связано с высочайшей ахинеинностью психоаналитической практики. Но главное — тривиализация психоанализа во многом невозможна потому, что глубинная психология не свободна от логических противоречий. В частности, истинное бессознательное, по Фрейду, вытеснено из сознания. Но само сознание есть порождение бессознательного («поздний потомок бессознательного», скажет К. Юнг). Этот логический круг сопровождает психоанализ с момента своего возникновения и не позволяет превратить его в логический трюизм. Самое слабое место психоанализа — его обоснованность. Уже К. Поппер писал о том, что он совместим с любым мыслимым опытом, а значит, не зависит ни от какого опыта и принципиально непроверяем. С помощью психоанализа можно объяснить все, что угодно, в том числе, абсолютно

противоположные вещи: например, клиент не согласен с психоаналитиком — это подтверждает теорию, поскольку наблюдается явно выраженное сопротивление, клиент согласен с психоаналитиком — это тем более подтверждает теорию. Большинство современных психологов рассматривают психоанализ как не более чем набор метафор. Вот, например, вывод Н. Смита: «Академическая психология в целом считает психоаналитическую теорию ненаучной» (Смит, 2003, с. 164). И все-таки психоанализ вдохновил исследователей на проведение весьма впечатляющих экспериментов по перцептивной защите и сенсibilизации. Ряд угаданных Фрейдом механизмов — например, вытеснение — признаются почти всеми, правда, без принятия предложенных им причин работы этих механизмов.

Бихевиоризм практически не содержит ахинеи. Он высоко тривиален — почти все его утверждения полностью соответствуют здравому смыслу. Видимо, нечто подобное имеет в виду В.В. Козлов («Труды...», с. 189), называя бихевиоризм «изначально здоровым учением». Когда Н. Хомский в 1959 г. писал о том, что работа Б. Скиннера доводит бихевиористские теории до абсурда, то это касалось философии исследований, а не полученных результатов. Ахинеен лишь сам призыв Дж. Уотсона и его радикального последователя Скиннера строить *психологию* без какого-либо описания внутренних процессов, т.е. без психики и сознания, — призыв, от которого многие необихевиористы, в конце концов, отказались. Результаты исследований впечатляли, но не шокировали. Непросто научить голубей играть в пинг-понг, но на хорошем цирковом представлении можно увидеть и не такое. На первый взгляд, утверждения бихевиористов хорошо экспериментально обоснованы, но все же об их логической стройности и непротиворечивости говорить не приходится. Стоит довести рассуждения бихевиористов до логического конца, как тут же обнаружится, что концы с концами у них не сходятся. За их *квазитеоретическими* терминами («связь», «след» и тому подобное) не стоит наблюдаемых феноменов (вопреки их заверениям), они ничем не обоснованы и только ведут в хаос противоречий (см.: Аллахвердов, 2003, с. 104–130). Ф.Е. Василюк говорит об этом так: «Если не послушаться Скиннера и продолжить линию его экспериментов до онтологической плоскости, то там обнаружатся скандальные для правоверного бихевиоризма вещи» (Василюк, 2003, с. 116). В итоге бихевиористы постоянно встречаются с аномалиями, но «тихо их игнорируют или списывают на плохие методы» (Лихи, 2003, с. 320). У. Найссер уже в 1978 г. заявил, что бихевиоризм вообще потерпел катастрофу, а лучшее его достижение — теория научения —

почти полностью отброшена. Пусть «остатки бихевиоризма» еще сохраняются на некоторых островках, а его защитники по-прежнему источают уверенность, но «сражение, в сущности, окончено» (Найссер, Хаймен, 2005, с. 21).

Когнитивизм не представляет собой однородного явления. Это скорее совокупность разнородных концепций, объединенных не всегда явно выраженным убеждением, что *все* психические явления должны быть описаны в терминах логики познания и процессов переработки информации, а *психика и сознание в целом представляют собой необходимый инструмент познавательной деятельности*. Однако зачастую присущее когнитивистам избыточно прямолинейное представление о том, что разумные функции заданы человеку генетически, что психика «непосредственно воплощена в нервной ткани мозга», на мой взгляд, уводит их с выбранного ими пути. Многие исследователи почему-то полагают, что ответы на волнующие их проблемы надо искать в неведомом: наверное, такова структура мозга, говорят они, хотя мы ее и не знаем. Мол, позже придет нейрофизиолог и все окончательно разъяснит. Но как, например, нейрофизиологи (тем более, генетики) могут объяснить ограничения, наложенные на сознание, если никому толком не известно, что такое сознание? Ограничения *чего* следует объяснять? Не удивительно, что когнитивные психологи постоянно запутываются в двойственной интерпретации своих результатов. Ведь согласно их основной позиции, все обнаруживаемые ими психические явления должны объясняться логикой процесса познания, а не структурой мозга или генетическими мутациями. Однако тут же они объясняют результаты своих изящных экспериментов ограничениями структуры мозга. Не удивительно, что в другой еще более изящной серии экспериментов эти объяснения опровергаются (Аллахвердов, 2000, с. 222–240). Запутавшись, когнитивная психология стала откровенно дрейфовать в сторону эмпиризма. На заре когнитивной психологии У. Найссер в книге, давшей название направлению, прямо говорит о несовместимости когнитивизма и бихевиоризма (Neisser, 1967, р. 5). Но «когнитологи второго поколения», потерявшие чистоту когнитивного замысла, стали ослаблять эту свою оппозиционность, признав бихевиоризм родственной, но просто не достаточно полной общей теорией. Когнитивные психологи получили ряд достаточно ахинейных результатов, однако в своем большинстве они касаются кратковременных процессов, протекающих менее чем за одну секунду. Хотя детали и уточнения сыплются, как из рога изобилия, но они уже не радуют, а «нагоняют сон» (Найссер, Хаймен, 2005, с. 18). Обосно-

ванность частных результатов достаточно высока, но любая попытка изложить целостную картину выглядит ничем не доказанной спекуляцией. Главные достижения неплохо тривиализированы. Однако, в отличие от бихевиористов, когнитивисты все-таки разрешают себе относиться с сомнением к собственным конструкциям.

Итог этого анализа (разумеется, заведомо субъективного) в целом совпадает с данной выше оценкой положения дел в нашей науке, но позволяет увидеть картину под другим углом зрения. Отдельные хорошо обоснованные эмпирические кусочки не склеиваются в логически непротиворечивую систему даже внутри одной какой-нибудь концепции. Наиболее эвристичны частные ахинеинные результаты когнитивных психологов — ввиду их обоснованности и тривиализированности. Психоанализ — самое ахинеинное из всех психологических построений — содержит наиболее интересные идеи психических механизмов, которые, однако, до сих пор и не обоснованы, и не тривиализированы. Психологическая практика — как самая ахинеинная часть психологического знания — ушла далеко вперед от психологической теории и с ней не сопоставима. Общая психологическая теория принципиально не может быть создана путем сложения (синтеза, интеграции) рассмотренных концепций. Думается, что выход из создавшегося положения — не призыв к абстрактному или психологически комфортному единству, а создание, обоснование и тривиализация подлинно ахинеинных идей. И признание необходимости такого описания самих исследований, чтобы и их ахинеинность, и их обоснованность, и их тривиальность каждому читателю была бы сразу видна.

ЛИТЕРАТУРА

- Августин Аврелий.* Исповедь. М., 1991.
- Аллахвердов В.М.* Опыт теоретической психологии (в жанре научной революции). СПб., 1993.
- Аллахвердов В.М.* Сознание как парадокс. СПб., 2000.
- Аллахвердов В.М.* Психология искусства. СПб., 2001.
- Аллахвердов В.М.* Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003.
- Бернштейн Н.А.* Современные искания в физиологии нервного процесса. М., 2003.
- Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М., 2003.

- Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., 1982.
- Лихи Т.* История современной психологии. СПб., 2003.
- Мазиров В.А.* Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль, 2001.
- Найссер У. Хаймен А.* Когнитивная психология памяти. СПб., 2005.
- Полани М.* Личностное знание. М., 1985.
- Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль, 2004.
- Смит Н.* Современные системы психологии. СПб., 2003.
- Юревич А.В.* Социальная психология науки. СПб., 2001.
- Юревич А.В.* «Методологический либерализм» и парадигмальный статус психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003.
- Neisser U.* Cognitive psychology. N.Y., 1967.

ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ В ПСИХОЛОГИИ

Г.В. ЗАЛЕВСКИЙ

История развития психологии — это сложное, нередко зигзагообразное движение мысли вокруг трех проблем, а именно: предмета психологии, метода или методов его познания и категориального аппарата как производного представлений о предмете и методе. Мы пытаемся дать историко-теоретический анализ объяснения и понимания в их соотношении как методов наук о психике в контексте декларируемого сегодня очередного кризиса психологической науки. Мы стараемся показать предпринимаемые сегодня попытки уйти от естественнонаучного методологического монизма к монизму гуманитарно-научному, соглашаясь, скорее, с теми, кто выступал и выступает против «циклопной, одноглазой психологии». Поскольку наши научные корни идут от П. Жане и М.С. Роговина, мы в своих суждениях во многом опираемся на их труды, а также на результаты собственных экспериментально-психологических исследований личности в норме и патологии, включая разработку проблемы фиксированных форм поведения индивидуальных и групповых систем (в культуре, образовании, науке, в норме и патологии) (1976–2004).

ОБЪЯСНЕНИЕ В НАУКАХ О ПСИХИКЕ

Объяснение есть обязательный этап каждого научного исследования, и психологическое научное исследование не является здесь исключением, однако у объяснений в науках о психике имеются собственные специфические особенности. Проблемам исследования, возникающим на этапе объяснения, посвящена обширная литература, которая в настоящее время уже представляет собой органическую часть общей методологии психологического исследования (Пиаже,

1966а; Роговин, 1979; Роговин, Залевский, 1988). Сложность и объем проблем объяснения велики, а потому здесь мы коснемся лишь вопросов, непосредственно относящихся к структуре психологического исследования, к психологической природе самого объяснения и его отношения с пониманием.

Уточним сначала некоторые понятия и термины, начав с дифференциации понятий объяснения и интерпретации. Интерпретация — это, по существу, тоже объяснение, но, применяя этот термин, мы обычно имеем в виду объяснение, имеющее место непосредственно в ходе исследования (особенно экспериментального) и опирающееся на непосредственно имеющееся, наличное знание. Она представляет собой установление связей и зависимостей внутри данного исследования. Собственно объяснение — это привлечение более широкого круга знания, теоретических концепций, выходящих за рамки данного исследования. Второе уточнение состоит в том, что объяснение обычно определяется как завершающий этап исследования. На практике объяснение выступает не только в этой функции — ввиду явной множественности объяснения в психологии (об этом подробнее ниже) на уровне современной психологии почти любая тема отражена не в одном, но в серии исследований. Поэтому некоторые из объяснений оказываются не только или не столько окончательным, сколько промежуточным этапом, — одним из звеньев всего процесса исследования.

Несколько следующих замечаний относятся к психологической природе объяснения, где на первый план выступает его близость и его противопоставление пониманию (Роговин, 1981; Роговин, 1985).

Говоря о психологии объяснения, следует, прежде всего, различать две его стороны — объективную, или собственно объяснение, и субъективную, — понимание, в конечном итоге индивидуально обусловленное. И то, и другое есть мыслительный акт включения изучаемого явления, объекта в ту или иную систему связей. В идеале обе системы должны совпадать в той мере, в какой они отражают реальные связи действительности. Хорошо известно, однако, что в жизни мы нередко имеем дело как с неадекватными объяснениями, так и с неадекватным пониманием. При этом ведущие закономерности этих процессов различны. Понимание может быть чисто внутренним, неразвернутым процессом, не нашедшим внешнего словесного выражения, и тогда обычно говорят об (не в терминологическом значении этого слова) интуитивном понимании. Понимание есть, главным образом, акт «присвоения» индивидом внешнего содержания, включения его в индивидуально-своеобразную систему связей.

В отличие от понимания объяснение — не внутренний, а всегда развернутый процесс, реализующийся, главным образом, коммуникативно (даже в тех случаях, когда коммуникация принимает особую форму, например письменную, или даже когда человек дает объяснение самому себе). Отсюда ясно, что объяснение в гораздо большей степени, чем понимание, связано с языковой и логической формой выражения, и, следовательно, оно в большей мере характеризуется внепсихологическими закономерностями (логическими, лингвистическими). Однако формальная сторона объяснения еще не определяет его качества, поскольку главным для него, как и для понимания, является степень адекватности отражения объективных связей реальности. Не отражающее их объяснение таковым, по существу, не является. Вместе с тем объяснение, оторванное от понимания, не связанное с внутренней сложившейся системой связей, представляет собой односторонний и чисто вербальный акт.

Одной из главных особенностей объяснения как акта мышления, отчетливо проявляющейся на донаучном уровне, является его двусоставность. В процессе объяснения всегда имеет место логическая дифференциация того, что объясняется, и того, как и с помощью чего объясняется. Учитывая, что между объясняемым и объясняющим, конечно, должна быть и внешне выражаемая связь, это подчеркивание двусоставности объяснения сближает его, с одной стороны, с простым предложением и со структурой мысли вообще, с другой стороны, делает его как бы наиболее четким логическим воплощением мысли. Конечно, не всякое простое предложение есть объяснение, но структура простого предложения — это та естественная форма реализации объясняющего мышления, к которой она может быть сведена только в идеале. Ведь еще И.М. Сеченов писал, что научное изучение мышления возможно лишь в том случае, «если все почти бесконечное разнообразие мыслей... подвести под одну или несколько формул, в которых были бы совмещены все существенные элементы мысли. Это есть трехчленное предложение, состоящее из подлежащего, сказуемого и связи... У всех народов всех веков, всех племен и всех ступеней умственного развития словесный образ мыслей в наипростейшем виде сводится на наше трехчленное предложение. Благодаря именно этому мы одинаково легко понимаем мысль древнего человека, оставленную в письменных памятниках, мысль дикаря и мысль современника. Благодаря тому же мы можем утверждать с полной уверенностью, что и те внутренние, скрытые от нас процессы, из которых возникает бессловесная мысль, у всех людей одинаковы и производятся орудия-

ми, которые действуют неизменно, как звенья какой-нибудь машины» (Сеченов, 1952, с. 411–417).

Помимо того, что понимание — это характеристика обращенного внутрь, а объяснение — обращенного вовне познания, между ними есть еще одно, хотя и менее очевидное, но существенное отличие. Понимание с логической точки зрения всегда есть констатация некоторой связи, утверждение о характере соответствия объективно фиксируемой реальности имеющейся у субъекта системе понятий. Объяснение как указание на причинную связь только по форме является утверждением (и в этом случае оно выступает в качестве внешнего выражения понимания), имплицитно же оно есть отрицание, ибо цепь причинно-следственных отношений может содержать нечто скрытое от нас. Поэтому, согласно К. Левину (Lewin, 1936), задача психолога исчерпывается установлением законов, или (что по смыслу, вкладываемому здесь Левиным, идентично сказанному) полным описанием отношений между личностью испытуемого как относительно стабильной системой характеристик и ее окружением.

Другие авторитетные психологи, такие как, например, Ж. Пиаже, делают упор на то, что в психологии существует множество типов объяснения, причем, к сожалению, их гораздо больше, чем в таких науках, как физика, химия или биология. «Причину этого не следует искать главным образом в расхождениях психологов в вопросе установления фактов или законов; здесь рано или поздно будет достигнуто согласие, хотя существуют еще достаточно обширные области, где некоторые факты принимаются как таковые и рассматриваются как общие до их экспериментальной проверки (например, в клинической психологии); это согласие, в конечном счете, всегда неизбежно имеет место. Различие объяснений несколько больше зависит от дедуктивной скоординированности законов не потому, что правила дедукции варьируют от одного автора к другому, а потому, что если некоторые школы предпринимают значительные усилия для достижения дедуктивной связанности (например, современные американские теории научения), то другие озабочены этим гораздо меньше. Но главную причину множественности форм объяснения следует искать в разнообразии “моделей”» (Пиаже, 1966а, с. 166–167).

Несомненно также, что характер объяснения зависит и от других обстоятельств, в первую очередь, от характера проблемы и от объема имеющихся в этой области знаний, — при всем том, что в идеале исследователь всегда стремится вскрыть прямые причинно-следственные связи. Своеобразные сдвиги в характере объяснения наметились,

например, в современной когнитивной психологии вследствие таких ее особенностей, как: 1) все возрастающая роль эксперимента; 2) ведущая роль информационных процессов в познании внешней реальности; 3) констатация определенной иерархически организованной структуры психического, в которой по-разному кодируется информация о внешней реальности (Роговин, Залевский, 1988). Когнитивная психология делает шаг в направлении объяснения сложных психических феноменов, при этом особое значение приобретает понятие репрезентативности. Репрезентативным является тот член класса, которому присущи основные особенности всего класса изучаемых явлений в целом. В классе, с позиций когнитивной психологии, представлен код или совокупность кодов, в которых выражается объект в процессе познания. Прогресс методик исследования обеспечивает репрезентативность их результатов тем или иным классам, а прогресс теории — последующее истолкование результатов кодирования. Эксперимент позволяет увеличить наши знания о той или иной психической структуре (классе психических явлений), и в то же время — поскольку результаты исследования репрезентативны — позволяет рассматривать их как конкретный случай свойственного данному классу способа кодирования.

Таким образом, понятие репрезентативности еще не обладает объяснительным статусом, но оно позволяет повысить эффективность объяснения, хотя и путем внесения в него дополнительных звеньев. Конечно, степень репрезентативности результатов экспериментального исследования может быть различной. Так, в работе Д. Бренсфорда и Д. Франкса (Bransford, Franks, 1971) испытуемым предъявлялась фраза-прототип (содержащая всю информацию в рамках задания, она предъявлялась лишь для опознания) и фразы, содержащие частичную информацию; последние предъявлялись как для заучивания, так и для опознания. Была отмечена явная тенденция к предпочтительному воспроизведению фразы-прототипа, хотя испытуемые ее и не заучивали. На основании подобных данных делаются выводы как о структуре запоминания визуально предъявляемой стимуляции, так и о соотношении полного и частичного содержания в процессе запоминания. Здесь фраза-прототип прямо репрезентирует структуру изучаемого класса психических явлений, но даже в случаях, когда суждение о репрезентативности в большей мере косвенное, его использование в целях объяснения все же возможно. Так, о системном характере ретенции можно судить по данным ассоциативного эксперимента в сочетании с хронометрией (Brooks, 1968); предъявление информации в какой-либо одной модальности интерферирует с информацией в той же

модальности, хранимой в долговременной памяти, но не затрагивает ее содержание в других модальностях (Morin, DeRosa, 1967); число возможных при решении задач способов действия (стратегий) ограничено, в основном, объемом оперативной памяти, и при увеличении трудности задания резко сокращается число используемых испытуемым гипотез (Bruner, Goodnow, Austin, 1956) и т.д.

В тесной связи с отмеченной выше характеристикой объяснения как не только завершающего, но и промежуточного этапа исследования, а также с возможностью множественности объяснения находится еще одна его особенность, на которой следует остановиться особо. Это — структурно-уровневая характеристика объяснения. П. Фресс формулирует это сжато в следующих словах: «Разумеется, виды объяснения могут быть весьма различными. Можно дать объяснение на уровне переменных ситуаций; можно определить, объясняется ли ряд результатов действием промежуточных переменных, существование которых постулируется (таким характером обладают факторы) и статус которых изменяется в зависимости от их объяснительной ценности и соответствия другим промежуточным переменным. В самом деле, было бы ошибочным считать, что данному результату соответствует лишь один какой-то способ объяснения. Во всех случаях для каждого явления можно пользоваться различными “решетками для чтения шифра”. Для всякого, кто ищет объяснения, основная ошибка будет состоять в том, чтобы принять какую-нибудь частную причину за главную причину» (Фресс, 1966, с. 151).

Мы хотели сделать особый акцент на том, что объяснение имеет структурно-уровневое строение не случайно — оно есть экстраполяция на самый процесс исследования внутренней логической структуры предмета психологии. В результате проведенных исследований мы, следуя таким мыслителям, как Аристотель, Х. Джексон, П. Жане и Н.А. Бернштейн, пришли к заключению о возможности объяснять закономерности многих видов деятельности их структурно-уровневой организацией (Желеско, Роговин, 1985; Залевский, 1976; Роговин, 1969, 1970, 1973, 1974, 1977, 1981, 1985; Роговин, Соловьев, Урванцев, Шотемор, 1977). Под последней имеется в виду идеализированное соотношение целей и средств деятельности, когда уровень цели выступает как высший, т.е. направляющий и регулирующий, а средства образуют иерархическую структуру, подчиненную этому уровню цели. Совершаемые человеком (в психологическом исследовании — испытуемым) действия осуществляются в рамках этой структуры, но вместе с тем они образуют и иную, уже динамическую (в нашей терминологии) акциональную (от франц.

action — действие; необходимо отличать акциональные уровневые структуры от уровневых структур личности, хотя между ними есть и много общего) структуру соответствия самих действий идеализированной структуре целей и средств. Уровни этой акциональной структуры определены многими параметрами (адекватность цели, время, наличие или отсутствие ошибок, легкость выполнения, способ кодирования и т.д.). Следует отметить, что наличие акциональных уровней не очевидно, они являются результатом специально проведенного психологического анализа. Важнейшим экспериментальным условием установления характера акциональных уровней в конкретном виде деятельности является введение неопределенности для решающего ту или иную задачу испытуемого. Как было установлено в работе Л.П. Урванцева (Урванцев, 1974), различные объективно имеющие место в деятельности рентгенолога виды неопределенности преодолеваются в процессе его деятельности определенными действиями: перцептуальная неопределенность — визуальным поиском, неопределенность репрезентации и семантическая неопределенность — описанием, концептуальная неопределенность — выдвижением диагностических предположений и установлением их обоснованности. Было показано также, что эти действия образуют иерархическую структуру с высшим уровнем цели. Низший уровень характеризуется самой высокой вариативностью, а наибольшая степень неопределенности типична для стратегии поиска выделенной и зафиксированной патологии. На уровне описания вариативность значительно меньше, и она еще более уменьшается на уровне диагностических предположений. Связанное с переходом от одного уровня к другому перекодирование последовательно снимает неопределенность, но неполное «исчерпывание» информативности каждого уровня и преждевременный переход на более высокий уровень увеличивают риск ошибки. Более того, меняется характер ошибки суждения рентгенолога: ошибка на более высоком уровне принимает все более детерминированный, обобщенный характер, выражающийся в форме альтернативного выбора, и при этом в какой-то мере изменяются возможности ее исправления с помощью действий более низкого уровня. Здесь обнаруживается сложная диалектическая зависимость между действием и собственно познанием.

Таким образом, мы констатируем наличие хотя и сложных, опосредованных, но все же общих формально-смысловых элементов и их отношений в двух структурах — в предмете и в его объяснении, и поэтому рассматриваем этот способ объяснения как один из наиболее эффективных в современной психологии.

ПОНИМАНИЕ КАК МЕТОД НАУК О ПСИХИКЕ

Понимание как метод наук о человеческой психике родился в психологической школе, ведущей свое начало от немецкого философа и психолога Вильгельма Дильтея (W. Dilthey, 1833–1911), которая в специальной литературе стала известна под названием «Понимающая психология» или «Научно-духовная \ гуманитарная психология». Правда, сам Дильтей не пользовался этими названиями. Вначале он говорил о «реальной психологии», затем об «описательной и аналитической (zergliedernder) психологии» (Dilthey, 1924) и, наконец, о «структурной психологии». Кстати, на русском языке опубликована его книга «Описательная психология», вышедшая в Санкт-Петербурге лишь в 1994 г. «Понимающей психологией» это направление, как новое учение о душевной жизни, было названо известным немецким философом и психопатологом Карлом Ясперсом в 1913 г. Название «гуманитарной психологии» она впервые получила в работах другого немецкого ученого — Эдуарда Шпрангера (Spranger, 1930). Именно эти авторы и оказались видными представителями первого течения, оппозиционного классической «элементной или ассоциативной психологии», предметом которой было сознание (рацио), а философской базой был рационализм Декарта (*cogito ergo sum* — мыслю, значит, существую; душа — это сознание и ничего более). Среди других сторонников «новой психологии» следует назвать: Александра Пфендера, Ганса Груле и Теодора Эрисмана. Предметом этой психологии стало «*das Erleben*» — «переживание».

Со смещением предмета психологии с рационального сознания на непосредственное и целостное переживание меняется и метод психологии. Дильтей и Шпрангер считали, что только понимание ведет в глубины души, в то время как естественнонаучное объяснение охватывает лишь поверхность, «скорлупу» душевной жизни. Посредством причинной редукции можно объяснить психофизические взаимосвязи, но не достичь собственно психического. Сущность, ядро психического — мотивационные и чувственные взаимосвязи — можно только понять, но не объяснить. Так сказать, в немилость к сторонникам понимающей психологии попали как принадлежащие к методу объяснения и эксперимент, и индуктивные движения мысли от фактов к общему, и измерение, и статистика. Они ставили интуицию выше индукции (индуктивно-рационального способа мышления в процессе познания).

В свою очередь, экспериментальные психологи как приверженцы метода объяснения называли своих гуманитарных коллег «писателями, красиво пишущими», «системными поэтами» и т.д., чтобы

показать, что с их точки зрения метод понимания проходит мимо фактов. Историк психологии Людвиг Понграц (Pongratz, 1967, s. 263) предлагает оставить этот «спор о рангах», поскольку в целом он уже относится к прошлому. Но мы не можем с этим согласиться, поскольку сегодня являемся свидетелями, мы бы сказали, бурного ренессанса и «понимающей психологии», и «понимающего метода», особенно в отечественной психологии, хотя довольно длительное время они находились в «анабиозе».

Почему имел место анабиоз и почему это возрождение? Прежде чем ответить на эти вопросы, нам следует осуществить историко-теоретический анализ метода понимания (*das Verstehen, die Verstehensmethode*). И в этой связи следует упомянуть добрым словом немецкого ученого Йогана Дройзена, который, пожалуй, первым отграничил метод понимания в исторических науках от естественнонаучного объяснения и тем самым как бы обосновал право гуманитарных (духовно-научных) наук на самостоятельность.

В историю психологии понимание вошло вместе с переживанием. Как они связаны? Дильтей писал, что «понимание предполагает переживание» (Dilthey, 1924, s. 143). Отсюда следует, понимание зависит от переживания. Постпереживание, проникновение в мир переживаний другого человека, по мнению Дильтея, зависит от собственного, аналогичного переживания. Но с другой стороны, переживание также зависит от понимания. Понимание делает переживание осознанным, оно становится жизненным опытом. Больше того: в понимании переживание выводится из узости субъективности в область целостного и общего. Поскольку понимание ориентировано на общее, то в индивидуальном должно стать транспарентным (увиденным) сверхиндивидуальное, «подобное по форме», «общее». Наконец, по мнению Дильтея, наше собственное переживание через постпережитое понимание чужой жизни содержательно расширяется и обогащается. Переживание и понимание находятся тем самым в отношениях взаимной обусловленности.

Обратимся теперь конкретно к самому пониманию значения слова «понимание». В литовском, румынском, таджикском, татарском, финском, шведском, эстонском, японском языках слово «понимание» указывает на предметную деятельность в значении «уметь», «разбирать», «рассматривать», «упрощать», «находить». В языках венгерском, китайском, турецком его значение соотносится с представлением об «окончании действия», «завершении», «созревании». В некоторых языках «понимание» непосредственно соотнесено с элементарным «чувствованием», «ощущением» (французский, турецкий). Ряд язы-

ков, в том числе и русский, выделяют в значении «понимания» идею «овладения», «превращения в свое» (Роговин, 1956, с. 38). В родном для Дильтея немецком языке, как и в русском, глагол «verstehen» («понимать») используется в разном значении: мы понимаем смысл предложения, сообщения, иностранную речь или не понимаем их. Определения слов, терминов, понятий нередко начинаются следующим образом: «Под X понимается...» или «...мы понимаем...». Понимание такого рода Ясперс называл «рациональным», другие авторы — «логическим» или «понятийным» пониманием. Понимание может также означать: что-то мочь, в чем-то разбираться. Эту форму понимания можно обозначить как практическое понимание. Но имеет место и **психологическое понимание**. Мы понимаем непосредственно выражение лица другого человека, его жесты и манеру поведения, его походку и позу. Мы обычно говорим: «Я не понимаю, как ты мог / могла нечто сделать», что предполагает, как правило, определенную оценку. Мы понимаем, почему у обиженного человека появляется желание отомстить, почему честолюбивого так ранит критика, почему кто-то кому-то изменил или даже совершил убийство или самоубийство. В этих случаях мы имеем в виду только психологическое понимание.

Но является это понимание научным или донаучным, наивным? Этот вопрос оставался спорным со времен Дильтея. Он выделяет «элементарную» и «высокую» форму понимания. Элементарное понимание происходит непосредственно; никакие рациональные акты не оказываются между наблюдением и пониманием. Такое понимание — это, прежде всего, выражение переживания, которое таким образом непосредственно оказывается понятым. Практическая жизнь востребует такое элементарное понимание: «В процессе взаимодействия людей каждый хочет понимать, что хочет от него другой. Так возникают элементарные формы понимания» (Dilthey, 1924, s. 207). Наряду с непосредственностью Дильтей называет и другой признак элементарного понимания — его отнесенность к отдельному жизненному выражению / проявлению. Конкретный взгляд, жест, поведение понимается элементарно как выражение внутренних, структурных и чувственных взаимосвязей или даже всей биографии.

Душевные / психические взаимосвязи поддаются лишь высшему пониманию. Оно базируется на элементарном понимании, предполагает его. Высшее понимание востребовано, прежде всего, в тех ситуациях, когда элементарное понимание не справляется, когда мы не можем понять выражение жизни (Lebensäußerung). Не понятое стимулирует высокое понимание.

Ясперс обозначил эти два вида понимания как статическое и генетическое понимание (Jaspers, 1948). В отличие от Дильтея, у Ясперса отсутствует диакритикум (диакритический знак) непосредственности. Статическое понимание истолковывается им не как непосредственное понимание, а как часть процесса понимания, как описание феномена.

С целью различения научного и ненаучного понимания немецкий ученый Роберт Гейс в 1903 г. ввел понятия непосредственного и опосредованного понимания. Непосредственное понимание основывается на позитивной или негативной идентификации (сочувствие, любовь, ненависть) и отказывается от любого объяснения. Опосредованное понимание, напротив, использует размышление и объяснение как вспомогательные средства. К такому виду понимания можно отнести глубинно-психологическое понимание. Психотерапевт пытается понять ситуацию своего клиента не только через вчувствование (эмпатию) и применение каких-либо процедур (Nachvollzug); он использует также редуцирующее объяснение, относя психические расстройства к определенному кругу неврозов, пытаясь объяснить их посредством гипотезы и теории (например, фрейдовской) и тем самым прийти к глубокому пониманию.

Теперь сконцентрируемся на «опосредованном», «высоком» или «критическом» понимании в психологии, на понимании как методе. Это необходимо, поскольку представители понимающей психологии считают понимание равным объяснению, а в психологических вопросах — даже методом, превосходящим метод объяснения.

Дильтей называет три особенности нового способа исследования: во-первых, он уходит корнями в непосредственное, целостное переживание. Структурные взаимосвязи, по Дильтею, даны нам «живыми»; а понимание нужно для того, чтобы «из них сделать для нас понятным отдельное» (Dilthey, 1924, s. 172). Итак, понимание идет от данностей внутреннего опыта или восприятия, в то время как объясняющая психология идет от гипотез. Тем самым для понимающей психологии первично целое, взаимосвязь, а для объясняющей психологии — части (элементы). Тот, кто исследует с помощью метода понимания (понимаяще), согласно Дильтею, движется аналитически, пытается разложить целое на составные части; тот, кто исследует объясняюще, т.е. с помощью метода объяснения, вынужден конструировать взаимосвязи из частей, т.е. заниматься синтезом.

Вторую особенность метода понимания Дильтей называет «интеллектуальностью внутреннего восприятия» и пишет по этому поводу:

«Мы узнаем об этой взаимосвязи в нас лишь отрывками, то в одном, то в другом пункте на нее падает свет, открывающий суть, поскольку психическая сила как бы не может представить в сознании (помочь осознать) сразу все звенья внутренних взаимосвязей. Чтобы осознать душевную взаимосвязь в ее существенных деталях, требуется включать элементарные логические процессы: различать, находить общее, определять степень различий, разделять, абстрагировать, связывать в одну многие взаимосвязи, из многих фактов извлекать общее...» (там же, s. 168). При понимании речь ни в коем случае не идет о субъективном произволе, а лишь о сигналах чувств, о неконтролируемом интуитивизме. Понимающие приемы предполагают и дискурсивное мышление: имеет место абстрагирование, обобщение, увязывание.

Третья особенность психологического метода понимания представляется Дильтеем следующим образом: «Отдельные душевные процессы, объединения душевных фактов, которые мы воспринимаем внутренне, выступают в нас с различным осознанием их ценности для общего. Так отделяется во внутреннем понимании существенное от несущественного» (там же, s. 168). Познание сущности является главной целью понимающих приемов. Оно обозначается Дильтеем как акт непосредственного сознания. Познание сущности является особенностью метода понимания не только в психологии, которая стремится к сущности личности, развивающегося гештальта и т.д., но также и в философии, и в гуманитарных науках. Сущность же есть нечто большее, чем взаимосвязь фактов, она выходит (трансцендирует) за существующее; она является, в конце концов, результатом творческого акта, который вырастает из исходного понимания, что задается изначально человеческому бытию в этом мире.

Дильтей характеризовал свой метод как «раскладывающий на части» и «описательный». Раскладывается или анализируется данная комплексная действительность, и другие науки — логика, химия, физика — тоже анализируют, ищут факторы действительного. Особенность же психологического анализа состоит в том, что его предмет — это действительность переживания и что «без формулирования в промежутке каких-либо гипотез» из этой взаимосвязи звенья как бы вынимаются и помещаются обратно (там же, s. 166).

Как анализ, так и описание не являются особенностью психологии. Естественные науки тоже описывают. Мы сегодня понимаем под описанием языковую фиксацию данных, наблюдаемых нами случайно или систематическим образом. Так экспериментальная психология описывает порядок, процесс и результаты своих исследований. От описания

следует строго отличать интерпретацию как особый акт. Для Дильтея описание означает большее: «Я понимаю под описательной психологией изображение представленных в каждой развитой душевной жизни одинаковых по форме составных частей и взаимосвязей, увязанных в одну-единственную взаимосвязь, которые не выдумываются и не открываются, а переживаются» (там же, s. 152). Описательная психология «рассматривает, анализирует, экспериментирует и сравнивает. Она использует любое вспомогательное средство для решения своей задачи». Ее главной задачей являются «дефиниции, четкие определения имен и классификация». Описание для Дильтея означает, соответственно, уже научное представление результатов анализа. Он дает в связи с этим следующее разъяснение: «Исходят из развитого культурного человека. Описывают взаимосвязь его душевной жизни, пытаются, как только можно яснее, увидеть с помощью всех вспомогательных средств художественного воображения главные явления, как можно точнее анализируют содержащиеся в этой взаимосвязи отдельные связи. В этом раскладывании (анализе) идут как можно дальше, оставляя то, что сопротивляется анализу, таким, каково оно есть; дают объяснение происхождения того, во взаимосвязь чего мы можем заглянуть поглубже, однако с той степенью уверенности, которая присуща этому объяснению, привлекают повсюду понимающую психологию, историю развития, эксперимент, анализ исторических продуктов...» (там же, s. 157). Поэтому в данном случае не может быть и речи о запланированном, произвольном методе. И не удивительно, что Герман Эббингаус в своей критической статье против Дильтея (Ebbinghaus, 1896) не обнаружил слишком уж заметных различий между понимающей и объясняющей психологией, которые оправдывали бы претензии на две разные психологии.

Обратимся в этой связи к Ясперсу, который писал: «Он, понимающий психолог, исходит из понятной общей ситуации. Она раскладывается, объясняются один за другим: выражения, содержания и феномены, с одной стороны, внесознательные механизмы — с другой, и предполагается возможность экзистенции как эмпирически неисследуемого основания» (Jaspers, 1948, s. 259). Ясперс различает познание общих взаимосвязей, которое он считает собственно задачей понимающей психологии, и применение этих взглядов к отдельному факту. Я еще вернусь к этому различию чуть позже, когда надо будет прояснять ответ на вопрос о критериях надежности понимания. По своей базовой структуре предлагаемые Дильтеем и Ясперсом методы совпадают: они предполагают необходимость исходить из целого, тщательный анализ, обогащенное понимание целого; сходными

являются и главные пункты герменевтического метода³², который был предложен Шляйермахером в 1829 г. и далее развит Дильтеем и Хайдеггером (Heidegger, 1963). Ясперс, по сути дела, выходит за пределы психологического понимания, принимая его как путь «прочувствования» экзистенции, «как эмпирически неисследуемое основание».

Теперь скажем несколько слов о третьей модели понимающего метода, предложенной Шпрангером (Spranger, 1930). Духовно-научное (гуманитарное) понимание, согласно Шпрангеру, тесно связано с мировой культурной философией. Он исходит из объективного духа, ценностных и чувственных ориентаций культуры. На первом этапе процесса понимания отдельные ценности культуры (теоретическая, эстетическая, социальная, экономическая, политическая, религиозная ценность) «изолируются», им ставятся в соответствие определенные способы поведения и размышления. На втором этапе полученная таким образом психическая структура возводится к типу, т.е. «идеализируется». Тип следует рассматривать как своего рода категориальный остов, с помощью которого открывается конкретная психическая действительность; он является не самоцелью, но «конституирующим звеном» в процессе понимания. Он служит масштабом, нормой, которой конкретная психическая структура «измеряется». Например, если выясняется, что в жизни человека доминирует теоретическая ценность, то эта ценностная ориентация опять может быть увидена в целом культурной системы ценностей: «теоретический» человек руководствуется не исключительно лишь ценностью правды, его активность определяют также и другие ценностные ориентации. Этот третий этап или шаг в познавательном процессе Шпрангер называет «тотализирование». Четвертый и последний шаг или этап — это «индивидуализирование»: на фоне типического узнается индивидуальное.

Шпрангер декларировал свой метод как научный метод познания. У многих психологов раньше и теперь возникает вопрос: имеем ли мы здесь все еще дело с психологическим методом, с методом психологии, которая понимает себя как опытная наука? В связи с этим сегодня мы можем сказать следующее. Шпрангер справедливо считал, что отдельный человек является не только неповторимым, единственным существом, *individuum ineffabile*, но также и, как бы мы сегодня сказали, запечатленным продуктом культуры, результатом различ-

³² О герменевтическом методе см.: М.С. Роговин, Г.В. Залевский (1988, с. 77–88).

ных детерминант культурной среды. Поэтому вопрос о социальном характере легитимен и исключительно необходим при рассмотрении индивидуального характера. В том, как человек приспосабливается к действующим в его культурном кругу нормам, уже лежит свидетельство его индивидуальности.

Итак, мы познакомились с тремя важнейшими моделями понимающего метода (метода понимания) и задаем правомерный вопрос о том, для каких предметных областей психологии они применимы. Уже из этого вопроса следует, что понимание не может, скорее всего, рассматриваться как универсальный метод психологии.

Дильтей считал, что анализирующей и описательной психологии открыта тотально вся душевная жизнь. Но, как справедливо пишет Понграц (Pongratz, 1967, s. 270), с этим вряд ли можно согласиться. Большая область «физиологической психологии» не поддается пониманию. Связи между психическим переживанием и коррелирующими телесными процессами объясняются, — может быть, не строго каузально, а кондиционально, — но не понимаются. То же самое касается психофизики, которая исследует психические реакции на внешние раздражители, не являющиеся предметом понимания. В то же время мы можем нередко понять результаты экспериментальной зоопсихологии. Тот факт, что собака Павлова в ответ на условный сигнал — звук колокольчика — выделяет слюну, следует принять. Но когда крыса-мама, услышавшая писк своих детенышей, преодолевает угрожающую ей преграду до появления чувства голода, это мы можем понять. О «границах понимания и безграничности объяснения» писал и К. Ясперс (Ясперс, 1997, с. 371).

Названные психологические дисциплины и по сегодняшний день остаются основным исследовательским полем естественнонаучной, объясняющей психологии. Другие области вплоть до последнего времени находились в рамках понимающей психологии: в первую очередь, психология выражения (Ausdruckspsychologie — экспрессивная психология) и психология личности. Дильтей придавал большое значение экспрессии переживания, поскольку через нее мы узнаем больше, чем посредством интроспекции. И самопонимание, по его мнению, тоже осуществляется через выражение. Психология выражения и сегодня не очень признаваема естественнонаучно ориентированными психологами, несмотря на ее долгую и богатую историю (Роговин, 1970; Bühler, 1933; Kirchhoff, 1964; Rohrer, 1975). Психология личности является предпочитаемой областью исследования также и для поведенческой психологии. Свойства / черты выявляются из способов поведения пос-

редством характерологических тестов и «конструируются» с помощью количественных методов. Названные приемы способствуют пониманию сущности, но они не достаточны для ее конституирования.

Под сущностью, в психологическом смысле, понимается не платоновская идея, она также не предполагает этическую оценку, но представляется как нечто «окончательно своеобразное, только этому феномену присущее, предлагающее себя в конечном итоге при аналитическом описании» (Gruhle, 1948, s. 8). Сущность личности, фазы развития, эмоционального возбуждения и т.д. представляют собой не общее, а внутреннее понятие (Inbegriff), для которого все выделяемые существенные признаки являются определяющими. Конечно, познание сущности может осуществляться как донаучно, интуитивно, так и благодаря плановым усилиям.

Предпочитаемый предмет понимающей психологии — это, прежде всего, тип. Согласно указаниям Дильтея, душевные взаимосвязи представлены в типичном человеке. Для этого автора любой портрет уже был типом. Он полагал, что в каждом индивиде есть что-то от сущности человека. Один из последователей Дильтея выразил эту мысль следующим образом: «Когда я понимаю, я типизирую» (Langrebe, 1928, цит. по: Pongratz, 1967). Каждый тип представляет собой констелляцию признаков идеального характера. Чистые типы в реальности не существуют. Отдельный человек не есть тип, но он в большей или меньшей степени подпадает под определенный тип (Allport, 1949, s. 297). С методической позиции различают «идеальные типы» и «частотные, или средние типы» (Häufigkeits- oder Durchschnittstypen). Первые из них как бы «высмотрены» из реального многообразия, очищены от всего случайного и идеализированы как чистые типы; в гештальт-психологическом смысле они представляют собой «хорошие или выразительные» гештальты, поэтому их называют еще «прегнантными типами» (Weber, 1922; Gruhle, 1948). Вторые определяются посредством факторного анализа (Q-техники). В целом эти типологии строятся по старой схеме: дух, душа, тело. Соответственно этому различают ноологические (духовно- или культурно-научные), психологические (функционально-психологические) и соматологические (конституциональные) типы. Характерным предметом рассмотрения понимающей психологии являются ноологические типы. Дильтей вывел из истории философии типы натуралистического и идеалистического мировоззрения. Шпрангер, идя от объективного духа, сформулировал шесть «жизненных форм», которым соответствуют шесть человеческих типов (Spranger, 1930). Ясперс рассматривал свои мировоззренческие типы

как следствие развития гегелевского закона движения духа: вначале доминирует привязанность к традициям («нахождение в скорлупе / раковине»), затем следует скепсис, сомнение в преходящих ценностях («Hang ins Nichts»), наконец, развивается «демонический» человек, который представляет собой синтез обоих первых типов; он создает новые ценности и имеет «свое место в бесконечном» (Jaspers, 1954).

Понимающая психология видит в типе главную цель своего анализа (Pongratz, 1967, s. 271). Она должна ставить при этом, согласно Дильтею, антропологическую задачу. В типе должно высветиться что-то от сущности человека, от общей человеческой природы. Характерологи, напротив, видят в типе не самоцель, а рассматривают его как вспомогательное средство, инструмент анализа индивидуальности. Оба взгляда, по мнению ряда авторов, не противоречат друг другу: типы имеют как теоретическую ценность, так и служебную функцию. При типизировании проявляется общечеловеческая тенденция к попытке обозреть всю полноту и многообразие отдельных явлений. Поэтому нас не должно удивлять, что типологическое мышление имеет такую длительную историю. Она восходит корнями к Платону, который в своей *Politeia* (Политике) выделил пять типов, к псевдоаристотелевской «Физиогномике», к очеркам по характерам ученика Аристотеля Теофраста, к созданному Гиппократом и Галеном учению о темпераментах. Позднее появились портреты характеров французского моралиста Лабрюера, типология Канта, «наивные» и «сентиментальные» люди Шиллера, дионический и аполлинический человек Ницше, вплоть до духовно-научных типов Дильтея, с которых мы и начали.

Наряду с экспрессией, характером и типом к специальным предметам понимающей психологии относят мотивационные и смысловые связи. Мотивационные взаимосвязи отличаются от причинных взаимосвязей. Механическую причинность (одинаковые причины — одинаковые последствия) нельзя понять, ее нужно принять к сведению. Но то, как психическое следует из психического, можно лишь понять. То, что вода при ста градусах кипит, при нуле градусов замерзает — это закономерная причинная взаимосвязь. То, что ребенок сосет палец из орального сопротивления следует скорее из понимания, чем из статистических доказательств (Jaspers, 1948; Kirchhoff, 1964).

Мотивационные взаимосвязи являются и смысловыми взаимосвязями. Познав мотив какого-либо действия, мы можем затем понять и его смысл. Так, оппозиционное поведение подростка приобретает смысл, когда мы смотрим на него с позиции развития самостоятельной личности, берущей на себя ответственность. Наконец, какой-либо

феномен приобретает для нас смысл, если мы видим его в качестве звена чего-то целого: например, экономического человека как форму проявления ценностной системы нашей культуры, акт личностной структуры в целом.

В теорию понимания нас вводит вопрос о ее актовой структуре. Основывается понимание на вчувствовании либо на интуиции, на непосредственной наглядности, является ли оно, по сути своей, схватыванием смысла? Означает оно то же самое, что и интерпретация? Как отвечают на эти вопросы Дильтей и другие теоретики понимающей психологии?

Согласно Дильтею, понимание покоится на «проникновении, постпереживании и постобразовании». Проникновению в другого должно предшествовать собственное переживание, которое «транспонируется, переносится в чужую душевную жизнь». При этом постпереживание — это нечто большее, чем просто проникновение. Это продуктивный акт, в котором собственное переживание расширяется за счет присоединения чужого переживания. А когда расширяется собственное переживание, то расширяется и горизонт понимания. Переживание и понимание, как уже говорилось, составляют феномен взаимной связи (Dilthey, 1924; Binswanger, 1922). Карл Ясперс, Ганс Груле и Теодор Липпс говорят о вчувствовании. Согласно Липпсу (Lipps, 1907), автору этого термина, вчувствование есть «внутреннее соделание», внутреннее подражание, часто также двигательное, т.е. выражения, движения совершаются с большей или меньшей степенью заметности. Олпорт, вслед за Фрейдом, говорит в этой связи о «кинестетическом выводе». Кроме того, как считал Липпс, в акте понимания субъект и объект образуют некоторое единство. Можно, например, полностью погрузиться в переживания акробата, со страхом наблюдая за его кунштшюками (трюками), хотя сам акробат может и не испытывать страха. В таком случае мы имеем дело, скорее, с непониманием. С позиций этой теории понимания мы можем понять душевное состояние другого только в том случае, если мы сможем сделать его своим состоянием, если его радость станет нашей радостью, его печаль — нашей печалью.

Теория вчувствования поднимает вопрос о конгенитальности (сходстве, сродстве) между понимающим и понимаемым. Является ли гомология их структуры *conditio sine qua non*? Дильтей полагал, что она необходима. Он даже считал, что понимание предполагает симпатию — совершенно несимпатичных нам людей мы не можем понять. Это не согласуется с данными о том, что симпатия, как и антипатия, могут исказить объективность понимания. Однако это не отменяет

понимания на основе общностей. Известно, что представители одного пола, статуса, современники, представители одной и той же культуры и т.д. понимают друг друга лучше.

И Дильтей, и Груле приходят к выводу, что понимание не есть односторонний процесс делающего выводы ума / сознания, как не есть и односторонний эмоциональный процесс. Понимание есть целостный акт. Понимает — не функция, понимает весь человек. Тем самым делается вывод о том, что без личностного участия понимающего нельзя прийти к истинному и полному пониманию. В этом видится отличие понимания от объяснения: при объяснении ученый может сохранять роль «незаинтересованного зрителя», а при понимании он выступает в качестве «понимающего свидетеля». В немецкоязычной литературе можно найти следующее описание различий познавательных позиций ученого-естественника и ученого-гуманитария: «Предмет и метод естественника позволяют ему осуществлять редукцию к экзистенциальному минимуму наблюдателя. От гуманитария, напротив, требуется полное включение личности со всей ее резонантной поверхностью» (Strasser, 1964, s. 141). Понимающий метод означает отказ от позиции незаинтересованного зрителя в науках о человеке и представления о человеке как лишь научном объекте познания. Понимание происходит в напряженном пространстве между дистанцией и участием, на языке античности — между теорией и эросом / жизнью.

Шпрангер придерживается несколько иного взгляда на структуру акта понимания. Научное понимание становится возможным только тогда, когда исследователем берется во внимание, что между субъективным и объективным духом, между отдельными и принятыми в культуре нормами и ценностями существуют «смысловые связи». Понимание, по Шпрангеру, это, по существу, понимание смысла. Мы понимаем только то, что имеет смысл. Мы понимаем какого-то человека, если мы знаем, какими ценностями он руководствуется в жизни и соизмеряем его ценности с объективно значимыми ценностями. Структурно речь идет здесь о понимании через нахождение места отдельного в общей смысловой связи.

Третья теория предполагает, что понимание опирается на интуицию. Не есть интуиция нечто субъективное, полностью неконтролируемое? Ученый-естественник, стремящийся к объективности, не допустит в науку понимание как интуицию. Его аргументы будут таковы: интуиция относится к искусству, это прерогатива гениальных людей. Действительно, понимание нередко связывают с гениальностью. В этой связи Понграц несколько утрирует ситуацию: «Если понимающие ученые

являются избранными, аристократами духа, тогда объясняющим ученым отводится роль бюргеров и рабочих, которые несут на себе груз и жару будней и не в состоянии достичь такого уровня познания, как элита духа. Я умышленно несколько утрировал ситуацию, чтобы напомнить, что с теорией интуиции следует быть осмотрительным. Способностями и даром божьим должен обладать каждый исследователь, каким бы он образом не исследовал. Мы не должны, тем не менее, забывать, что большие изобретения в естественных науках и в психологии также были получены интуитивно, а затем подвергнуты испытанию огнем эксперимента и статистики» (Pongratz, 1967, s. 275).

Что понимают разные авторы под интуицией? Оллпорт (Allport, 1949) противопоставляет интуитивное понимание личности дискурсивному. Дискурсивное понимание идет через умозаключение и аналогию. Вчувствование тоже ставится на эту сторону. Но интуиция рассматривается Оллпортом в очень широком смысле и как понятие обращена к следующим теориям: 1. Прямое восприятие; 2. Врожденное знание и идентичность (Платон, Гегель, понимание через общности); 3. Непосредственное знание (Бергсон, Лосски, симпатическое единение с реальностью); 4. Восприятие индивидуальности (Кроц, неповторимое исходит из естественнонаучного обобщения); 5. Понимание (специально человека). Оллпорт рассматривает понимание как одну из пяти форм «интуитивизма», в то время как Страссер (Strasser, 1964, s.143–165) и Понграц (Pongratz, 1967, s. 276–277) интерпретируют «интуицию» как одну из теорий понимания. Но они считают необходимым дифференцировать интуицию, во-первых, по уровням или слоям, и, во-вторых, «интуицию любого» от «гениальной интуиции», которую «искусство и наука должны благодарить за свои самые большие достижения».

Четвертая теория представляет акт понимания не как интуитивное зрелище, а как наглядность (воззрение, взгляд). Здесь интересные мысли были высказаны Бинсвангером с опорой на Brentano, Джемса, Бергсона: «Психологическое понимание... предполагает всегда наглядность (презентативную и репрезентативную)» (Binswanger, 1922, s. 264). Согласно Бинсвангеру, мы и душевные взаимосвязи усматриваем / наблюдаем непосредственно. Например, мы понимаем ребенка, который безуспешно пытается достать яблоко и поэтому плачет, наглядно / непосредственно; здесь налицо единица переживания, а не свидетельство, которое мы затем как-то интерпретируем. Взаимосвязь здесь дана как целое. Ребенок таким образом учится понимать психические взаимосвязи: например, его мама грозит ему пальчиком, когда она им недовольна: «Я смотрю на чужую душев-

ную жизнь и при этом вижу, как она постоянно меняется, находится в постоянном течении, выпуская из себя волну за волной» (там же, s. 285). С этой теорией можно согласиться, считает Понграц (Pongratz, 1967, s. 277): например, наблюдая за поведением агорафобика, мы видим, что он боится переходить улицу. Но видны ли нам мотивы его страха переходить улицу? На этом вопросе, считает он, «заканчивается наивное “наглядное” понимание и начинается критически проверяющее, научное». По этому поводу довольно метко высказался Оллпорт: «Прямое восприятие никогда не раскрывает связь между отдаленными причинами и актуальными явлениями, в то время как понимание человека требует знания такого рода связей. Для понимания необходимы знакомство, запас опыта, причинный и структурный анализ — все это требует, очевидно, ассоциативной активности. Коротко говоря, умозаключения также необходимы, как и “сенсорное поле”» (Allport, 1949, s. 550).

Следующей темой теории понимания является отношение между пониманием и интерпретацией. Дильтей определяет толкование, или интерпретацию, как искусство понимания повторяющихся «выражений жизни»; речь здесь идет, прежде всего, о речевых фиксациях. Наука, где понимание строится по всем правилам искусства, — это герменевтика. Применение и развитие герменевтического метода начинались с толкования исторических источников и текстов. Перенесенный в психологию, в толкование психологических феноменов, этот метод предполагает, прежде всего, наличие определенного материала, который следует добыть каким-то методом. Это могут быть поведенческие наблюдения, тестовые данные, экспрессивные данные, сны / сновидения, экспериментальные данные и т.п. Во всех случаях вначале должно иметь место описание, а затем интерпретация. Но описание — это тоже научный акт. А до описания должен быть осуществлен сбор материала. Затем при описании происходит упорядоченное отделение несущественного от существенного, проникновение в него и «счастливое формулирование», которое, однако, не следует смешивать с интерпретацией — она идет следом. Но надо помнить, указывал Дильтей и др., что описание — это первый акт понимания. Он состоит в выборе способа и образа сравнения, различения, отнесения и взаимосвязывания. И при этом очень важным представляется выбор слов и понятий.

Интерпретация же необходима, когда имеющийся материал не может полностью или частично быть понятым. Она применяется к непонятому. Страссер (Strasser, 1964) выделяет две формы интерпретации: антиципирующее толкование, или гипотеза, и толкование

в узком смысле, или герменевтика. Гипотеза обычно формулируется до эксперимента — это так называемая доэкспериментальная гипотеза (или нулевая гипотеза, которая опровергается статистическими данными). Страссер же считает, что существует и «послеэкспериментальная» гипотеза. Действительно, интерпретация результатов исследования может проводиться в форме гипотезы. Послеэкспериментальная интерпретация является одновременно и доэкспериментальной гипотезой для следующего исследования. Герменевтическая интерпретация первоначально была духовно-научным / гуманитарным методом толкования. И психология также уже не может обойтись без герменевтического толкования (Роговин, Залевский, 1988). Движение от части к целому и опять к части, упорядочение предмета интерпретации через смысловые связи и соотнесение двух раздельных факторов — все это существенные акты герменевтического понимания. В пределах нашей науки — психологии — этот метод применяется преимущественно в рамках психологии личности, экспрессивной психологии, психодиагностики, психологии развития, социальной психологии, психопатологии.

Итак, при рассмотрении актструктур понимания мы выделили различные их особенности. Как можно их привести в некоторый порядок? Попытаемся сделать это, прибегнув к материалу, предложенному, прежде всего, Понграцом в его «Проблемной истории психологии» (Pongratz, 1967).

1. Хайдеггер (Heidegger, 1963) тематизировал эту проблему следующим образом: понимание есть экзистенциальное базовое определение человеческого бытия. Понимание и бытие, по Хайдеггеру, — явления «одного и того же происхождения». Происходят они из «первичного понимания», или наивного понимания, свойственного человеку изначально. Дело в том, что в любом нашем вопросе как бы уже имеет место некоторое предпонимание. Это первичное понимание включает в себя теории «вчувствования», «интуиции» и «наглядности», которые происходят дорефлексивно и непосредственно.

2. На основе изначального, имманентного относительно жизни понимания, человека в особенности, строится научное, критическое понимание как метод. Но следует видеть и помнить, что из этого первичного понимания тянутся корни как понимающего, так и объясняющего методов. Правда, не стоит отрицать их специфичность. Между этими методами существуют определенные отличия.

Прежде чем мы рассмотрим различия и общее в объяснении и понимании, мы должны поставить в отношении понимающего метода вопрос о критериях достоверности высказываний и заключений, сде-

ланных на его основе. Только в случае их наличия он может выступать на равных с методом объяснения.

Наука, как правило, должна довольствоваться вероятностями, так как истина — это идеал, а вероятность — это реальность. В этих рамках функционирует и понимание. Понимающий метод — это не эзотерическая процедура, это не занятие для аристократии духа. Он отвечает критериям науки. Он может делать свои методические шаги опосредствованно и подвергаться контролю. Консенсус опытных и объективно доказательных фактов — основание также и для метода понимания.

В заключение сравним понимание и объяснение, еще раз подчеркнув то, что их отличает и объединяет. Понграц для большей наглядности строит схему (см. с. 218) (Pongratz, 1967, s. 281–282):

Двусторонность психологии, с которой мы встречаемся во многих учениях о душе, выступила перед нами и в дискуссии о методах. Идеи Дильтея спровоцировали критику классической психологии и ее метода как насильственного, неадекватного переноса в нее естественнонаучной процедуры. Понграц считает (Pongratz, 1967), что Эббингаус своей «Репликой на идеи Дильтея» (Ebbinghaus, 1896) хорошими аргументами постарался защитить естественнонаучную психологию. Правда, он увидел не все: больше сосредоточившись на общем, он не заметил различий. Представители же понимающей психологии слишком заострили внимание на различиях, дуалистически разведя эти методы. Здравые голоса звучали раньше, звучат и сейчас, не абсолютно противопоставляя эти подходы и не указывая, какой из них «лучше», а утверждая, что они, скорее всего, дополняют друг друга. Эту позицию отстаивал уже Вундт, когда считал свою «Психологию народов» необходимым дополнением своей же «Физиологической психологии». Кюльпе (Вюрцбургская школа) говорил о «двусторонней психологии», а не о двух психологиях. Так же как и В. Джемс, К. Бюлер видел в них две ступени познавательного процесса: «интуиция — это первый шаг, но последнее слово все же за индукцией» (Bühler, 1933). К. Ясперс считал, что «мысль о том, что сфера психического предполагает понимание, а физический мир — объяснение в терминах причинности, должна быть признана поверхностной и ложной. Любое событие — независимо от того, происходит ли оно в физическом или психическом мире, — в принципе открыто для причинного объяснения; психические процессы могут поддаваться такому объяснению... Понимание ведет к причинному объяснению не само по себе, а только в тех случаях, когда оно сталкивается с тем, что недоступно пониманию» (Ясперс, 1997, с. 371–372). А некоторые психологи — уже наши современники — справедливо считают, что

ОБЪЯСНЕНИЕ И ПОНИМАНИЕ

Объяснение

Понимание

А. Профиль различий

Исходные аспекты

1. Гипотеза (ы)	1. Нечто данное/случай/событие (переживание и поведение)
2. Части (элементы)	2. Целое (структурные связи)

Образ действия

3. Конструктивный, синтетический (психические образования и взаимосвязи объясняются как соединения элементов)	3. Раскладывающий, аналитический (из данных целостностей выделяются «составные части, звенья»)
4. Экспериментальный, количественный	4. Интерпретирующий, качественный

Методологическая характеристика

5. Каузальная редукция (или регрессивная редукция)	5. Эйдологическая редукция к сущностям и идеальным типам
6. Верификация гипотез через эксперимент и статистику	6. Интерпретация на основании «объективностей»
7. Операциональный	7. Феноменологический
8. Номотетический	8. Идеографический

Цель

9. Законы, статистические значения	9. Смысловые связи, сущности, типы

Критерии

10. Прогностичность, статистически надежные подтверждающие реакции, повторяемость/воспроизводимость	10. Очевидность, согласие специалистов, объективные данные

Познавательная позиция

11. Дистанцированная «Незаинтересованный зритель»	11. Включенная/энгажированная «Понимающий свидетель»

В. Общее

Непосредственное, дорефлексивное понимание как корень познания.

Объективные данные как основа научных выводов.

Контролируемость выводов.

«в психологии познания понимание рассматривается как мыслительная процедура, направленная не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности» (Знаков, 1994).

В XX в. много раз поднимался вопрос о методологическом / методическом кризисе психологии (Выготский, 1982), о необходимости уйти от «методического монизма» (Wellek, 1959). Эта тема благополучно перевалила через границу столетий и остается острой предметом дискуссии и в XXI в. Сегодня, как отмечают многие психологи, наблюдаются признаки нового / старого методического / методологического кризиса психологии (Залевский, Залевский, 2000; Юревич, 1999, 2000). Но способы разрешения этого кризиса, на наш взгляд, принимают даже не радикальный, но экстремистский характер. Предпринимаются попытки уйти от естественнонаучного методического монизма, предав его анафеме, к монизму гуманитарно-научному. Нередко имеет место такая претензия на монополию «незамутненного взгляда», на порождение «новой парадигмы и революцию в психологии». Так и хочется сказать: господа, «тщательнее» читайте не только своих кумиров и самих себя, но и «проблемную историю психологии». А.А. Ухтомский, исходя из учения о доминанте, в этой связи писал, что в подобных случаях «действительность усекается ради прекрасных глаз собственной теории» (Ухтомский, 1973). К. Ясперс тоже обращал внимание на проблему философских, теоретических и прочих предрассудков, которые «отягощают и парализуют нашу мысль» (Ясперс, 1997, с. 41). История науки, в том числе и психологической, знает множество примеров проявления учеными предрассудков, догматизма и многих других «фиксированных форм поведения» (Залевский, 2004).

На 65-летнем юбилее Американского психологического общества в 1957 г. Ли Кронбах в своей президентской речи обратился к психологам с призывом покончить со «схизисом» между экспериментальными и коррелятивными направлениями с помощью их интеграции. Джон Коэн на Международном психологическом конгрессе в Бонне (1961) доктринерскую исключительность в методических вопросах обозначил как «циклопную, одноглазую психологию». Годом раньше при своем основании Ассоциация экзистенциальной психологии и психиатрии объявила, что «хотела бы видеть в одном ранге экзистенциальный подход (Мэй), экзистенциальную тенденцию (Роджерс), позицию дисциплинированной наивности (Маклеод) с лабораторным исследованием, объективной тенденцией, методом условных рефлексов» (Pongratz, 1967, s. 284). В 1962 г. отделение Философской психологии

Американского психологического общества в результате дискуссии о бихевиоризме и феноменологии пришло к мнению о том, что «операциональный и феноменологический подходы можно принять в качестве комплементарной базы современной психологии». Следствием такой методической / методологической толерантности является возможность интегрировать в одну науку о человеке различные теории и результаты отдельных исследовательских направлений (May, 1965; Pongratz, 1967; Wann, 1964). Эти мысли, остаются актуальными и 30 лет спустя, в эпоху нового «системного кризиса психологии», «перенапряжения позитивизмом», «усталости от рационализма» (Юревич, 2000). Тем более что этот кризис, разумеется, далеко не последний, о чем шли острые дискуссии на 3-м Съезде психологов России в Санкт-Петербурге (июнь, 2003 г.), на Всемирном психологическом конгрессе в Пекине (Китай, август, 2004 г.) и на Сибирском психологическом форуме (сентябрь, 2004 г., Томск) (Сибирский Психол. журн. 2004).

ЛИТЕРАТУРА

- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 291–436
- Желеско П.С., Роговин М.С.* Исследование отрицания в практической и познавательной деятельности. Кишинев, 1985.
- Залевский Г.В.* Фиксированные формы поведения. Иркутск, 1976.
- Залевский Г.В.* Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: ТГУ, 1993.
- Залевский Г.В.* Теория субъекта и фиксированные формы поведения // Психол. журн. 2003. Т. 24. № 3.
- Залевский Г.В.* Фиксированные формы поведения индивидуальных и групповых систем. М.–Томск, 2004. С. 372–386.
- Залевский Г.В.* Понимание как метод наук о психике // Сибирский психологический журнал. 2004. № 20. С. 12–22.
- Залевский Г.В., Залевский В.Г.* Психология и психологи на пороге XXI века // Сибирский психологический журнал. Вып. 13. 2000. С. 8–12
- Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. М., 1994.
- Знаков В.В.* Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Сибирский психологический журнал. Вып. 12. 2000. С. 9–17.
- Пиаже Ж.* Психология, междисциплинарные связи и система наук. М., 1966. С. 36.
- Пиаже Ж.* Характер объяснения в психологии и психофизический параллелизм // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса, Ж.Пиаже.

- Вып. 1–2. М.: Просвещение, 1966а. С. 157–194.
- Роговин М.С. Проблема понимания. Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1956.
- Роговин М.С. Введение в психологию. М., 1969.
- Роговин М.С. Проблема экспрессии и ее место в психопатологии // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1970. Т. 70. Вып. 1. С. 137–143. Вып. 2. С. 280–289
- Роговин М.С. Психологическое исследование. Ярославль: ЯрГУ, 1979.
- Роговин М.С. Динамика соотношения понимания и перевода в познании // Вопросы философии. 1981. № 2. С. 132–143.
- Роговин М.С. Изменение семантико-логической структуры психологического исследования // Вопросы философии. 1983. № 11. С. 76–87.
- Роговин М.С. Значение психологической теории понимания в различных видах познавательной деятельности // Психологические проблемы диагностики. Ярославль: ЯрГУ, 1985.
- Роговин М.С., Соловьев А.В., Урванцев Л.П. Психологическая природа неопределенности // Проблемы экспериментальной психологии и ее истории. М., 1973. С. 37–59.
- Роговин М.С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1974. С. 187–230.
- Роговин М.С. Структурно-уровневые теории в психологии. Ярославль: ЯрГУ, 1977.
- Роговин М.С., Соловьев А.В., Урванцев Л.П., Шотемор Ш.Ш. Структура психики и проблема познания // Вопросы философии. 1977. № 4. С. 75–87.
- Роговин М.С. Научные критерии психической патологии. Ярославль: ЯрГУ, 1981.
- Роговин М.С., Урванцев Л.П., Иванов Л.М. Структурно-уровневый анализ соотношения субъективных и объективных компонентов процесса познания (при исследовании восприятия, представлений и мышления) // Вопросы философии. 1985. № 2. С. 48–61.
- Роговин М.С., Залевский Г.В. Теоретические основы психологического и психопатологического исследования. Томск, 1988.
- Роговин М.С., Залевский Г.В. Верифицируемое и интуитивное познание психического // Сибирский психологический журнал. № 14–15. С. 8–13.
- Сеченов И.М. О предметном мышлении с физиологической точки зрения // Физиология нервной системы. Т. 1. М., 1952. С. 411–417.
- Сибирский психологический журнал / Гл. ред. Г.В. Залевский. 2004. № 20.
- Урванцев Л.П. Формирование суждений и условий неопределенной визуальной стимуляции. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1974.
- Ухтомский А.А. Письма. Пути в незнаемое. М., 1973. С. 371–435.
- Фресс П. Экспериментальный метод // Экспериментальная психология. Вып. 1. М.: Прогресс, 1966. С. 99–156.

- Юревич А.В.* Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Юревич А.В.* Психология и методология // Психол. журн. Т. 21. № 5. Сентябрь–октябрь 2000. С. 35–45.
- Ясперс К.* Общая психопатология. Практика. М., 1997.
- Allport G.W.* Persönlichkeit. Stuttgart, 1949.
- Binswanger L.* Probleme der allgemeinen Psychologie. 1922.
- Bransford J.D., Franks J.J.* Abstraction of linguistic ideas // Cognitive Psychology. 1971. V. 2. P. 331–350.
- Brooks L.R.* Spatial and verbal components of the act of recall // Canadian J. Psychol. 1968. V. 22. P. 349–368.
- Bruner J.S., Goodnow J.J., Austin G.A.* A study of thinking. New York, 1956.
- Bühler K.* Ausdruckstheorie. Jena, 1933.
- Dilthey W.* Ideen über eine beschreibende und zergliedernde Psychologie. GS 5. 1924.
- Ebbinghaus H.* Über erklärende und beschreibende Psychologie // Zschr. für Psychologie. 1896. Bd. 9.
- Gruhle H.W.* Verstehende Psychologie. Stuttgart, 1948.
- Heidegger M.* Sein und Zeit. Frankfurt a. M., 1963.
- Heiss R.* Die Lehre vom Character. Berlin, (1936) 1949.
- Jaspers K.* Allgemeine Psychopathologie. Heidelberg, (1913) 1948.
- Jaspers K.* Psychologie der Weltanschauungen. Berlin, (1919) 1954.
- Kirchhoff R.* Allgemeine Ausdruckslehre. Göttingen, 1957.
- Kirchhoff R.* (Hrsg.) Ausdruckspsychologie // Handbuch der Psychologie, Bd. 5. Göttingen, 1964.
- Lewin K.* Principles of Typological Psychology. New York, 1936.
- Lipps Th.* Vom Fühlen, Wollen und Denken. 2 Aufl. Leipzig, 1907.
- May R.* (Hrsg.) Existential Psychology. (1961) 1965.
- Morin R.E., DeRosa D.V.* Recognition memory and reaction time // Acta Psychologica. 1967. V. 27. P. 298–305.
- Pongratz L.J.* Problemgeschichte der Psychologie. München, 1967.
- Rohracher H.* Charakterkunde. München-Berlin-Wien, 1975.
- Spranger E.* Lebensformen. Halle, 7 Aufl., 1930.
- Strasser S.* Phänomenologie und Erfahrungswissenschaft von Menschen. Berlin, 1964.
- Wann T.W.* (Hrsg.) Behaviorism and Phenomenology. London, 1964.
- Weber M.* Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Heidelberg, 1922.
- Wellek A.* Der Rückfall in die Methodenkrise der Psychologie und ihre Überwindung. Berlin, 1959.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

И.Н. Карицкий

В 1996 г. Ф.Е. Василюк поставил диагноз взаимоотношениям психологической науки и психологической практики: схизис — расщепление этих сфер психологии на независимые области существования (Василюк, 1996)³³. С тех пор мало что изменилось: психологическая наука слабо прививается на ниве психологической практики и настороженно смотрит в ее сторону, практика не понимает академической теории и не заинтересована в развитии собственных теоретико-методологических изысканий, в ее недрах что-то происходит и это «что-то» ее полностью устраивает, ей недосуг рефлексировать по поводу собственной полноты жизни. Академическая психологическая наука обладает развитым самосознанием и имеет отчетливое представление о себе, достаточно элитарное, чтобы смотреть свысока, и все же с некоторым испугом, на вдруг забредшую в ее корпуса, если не с парадного подъезда, то с заднего двора, не очень-то жалуюмую черную девку — психологическую практику, но которая очень уверенно экспандирует социальное пространство и, вероятно, уже прошла период «первоначального накопления капитала» и теперь тихой сапой подвигает психологическое дворянство на задние дворы, самоуверенно претендуя на его место. Откуда она взялась и кто она такая? Кто те, кто подвизался на поприще практической психологии: случайные люди, мошенники, психотики, коммерсанты, профессионалы психопрактического жанра, мастера жизни или академические психологи, оторвавшиеся от своих исследований и рискнувшие окунуться в зыбкие и переменчивые волны психопрактического действия? Чем они занимаются? Какие цели ставит психологическая

³³ А.В. Юревич, говоря о трех фундаментальных разрывах в структуре психологического знания, назвал это явление «диагональным разрывом» (Юревич, 2005, с. 19, 25–26, 28).

практика, и ставит ли? Какими средствами эти цели достигаются? Какова сущность, содержание, структура психопрактики, какие виды психопрактик существуют? Эти и множество других вопросов может быть задано в сторону практической психологии, и будет получено не так уж много ясных ответов. Специальные исследования в этой области крайне редки, даже не очень-то понятно, сколько сегодня на территории России осуществляют свою деятельность люди, называющих себя психологами, кто они по образованию, каковы основания их деятельности в качестве психологов? А всякий, соприкоснувшийся с этой сферой, имеет свое субъективное суждение о ней, основанное на случайном опыте, и эти мнения весьма разнообразны и противоречивы: от восторженно-ослепленных до скептически-осторожных и уничижительно-презрительных со всеми возможными переходными вариациями.

Может ли академическая наука и дальше игнорировать психологическую практику как вид практической деятельности, как реальность, которая вдруг возникла почти «из ничего» в России и за последние 20 лет превратилась в обширную социальную сферу со многими формами и направлениями приложения? Психология случается совсем не так как ожидается ее оракулами, в ней, как и в жизни, заранее ничего неизвестно, и основной прирост психологии, свершившийся за последние годы, если не качественно, то количественно произошел именно за счет психологической практики. Этот колоссальный рост психопрактической сферы отвечает некой социальной и личностной потребности, до конца неясной по своему истоку, но связанной и с крушением былой социальной, идеологической и нравственной устойчивости, и с неутолимой жадой установления собственной идентичности, с самопознанием, с внезапно открывшейся свободой, с необходимостью постоянно решать множество неожиданных и сложных проблем и, наверное, многое еще с чем. Так или иначе, эта сфера нуждается в своем научном освещении, поскольку если наука своими средствами не обратится к исследованиям в этой области, ей будут даны, и уже даются, весьма вольные трактовки, далекие от строгих научных изысканий, а больше похожие на мифотворчество, ловко скрывающее чьи-то своекорыстные интересы. Ниже предложена попытка такого теоретико-методологического исследования в практической психологии.

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Вглядываясь в социальное пространство практической психологии можно обнаружить множество практических видов деятельности, одни из которых достаточно уверенно ей принадлежат, другие с большой вероятностью, третьи — вполне могут быть отнесены к ней, четвертые уже принадлежат пограничным областям, имея не только психопрактическое содержание, но в существенной части — и иное, а пятые находятся в этой сфере, скорее, по недоразумению. Кроме того, психопрактическую деятельность можно обнаружить и за пределами области практической психологии. Проблема состоит в том, что конкретные эмпирические явления, которые могут быть обозначены как психологические практики, названы тем или иным образом их создателями и представителями не вследствие строгого логического анализа их содержания в соответствии с явными и развернутыми теоретико-методологическими основаниями, а на основе интуитивных критериев, часто произвольных и случайных, но именно самоназвания практик являются исходным моментом их исследования. Поэтому, на первом этапе, пока не проделана соответствующая теоретическая и методологическая работа, отнесение тех или иных социальных практик к психопрактикам и их видам остается в известной мере условным, без ясных и достаточных базовых посылок.

Таким образом, можно полагать, что к полю практической психологии в соответствии с самоназваниями практик и с определенной долей неопределенности относятся: психотерапия, психологическая коррекция, психологическое консультирование, психотренинг, психологическая помощь, психологическая профилактика, практики личностного и духовного роста, практики саморазвития, саморегуляции, практики обучения психологическим практикам, психологическое просвещение, психологические игры, психологическое управление и манипулирование, психодиагностика и еще целый ряд практик. Сюда же могут быть отнесены некоторые виды эзотерических (окультиных, духовных, целительских, религиозных) практик, политических и рекламных технологий и т.п., по крайней мере, они тесно смыкаются с пространством практической психологии и проникают в него. Приведенный список основных видов эмпирически обнаруживаемой психопрактической деятельности указывает, в частности, что одни из них включают в себя другие или трудноразличимы: психологическая помощь, по мнению ряда специалистов, охватывает все пространство практической психологии;

психокоррекция является другим названием психотерапии; граница между психотерапией и психологическим консультированием размыта; психологические игры, вероятно, не являются самостоятельным видом психопрактики и т.п. (подробнее см.: Карицкий, 2002, с. 55–84; Карицкий, 2003).

Часть перечисленных практик существует в значительном числе подвидов, определяемых по разным основаниям. Например, имеются психотерапии – медицинская, поведенческая, психосоматическая, психоаналитическая, глубинная, гуманистическая, экзистенциальная, клиент-центрированная, недирективная, позитивная, когнитивная, когнитивно-бихевиоральная, гештальт-терапия, патогенетическая, биологическая, юнгианская, рациональная, рационально-эмотивная, суггестивная, трансперсональная, каузальная, телесно-ориентированная, проблемно-ориентированная, танцевально-двигательная, игровая, креативная, провокационная, эклектическая, синтетическая, интегративная, трудотерапия, логотерапия, музыкотерапия, имаготерапия, сказкотерапия, этнотерапия, танатотерапия, психотерапия мирозерцанием, психотерапия по А. Адлеру, арт-терапия, психотерапия характера, психотерапия в особых состояниях сознания и т.д., и т.д., и т.д. (здесь они перечислены случайным образом), и каждый из этих подвидов психотерапии ветвится дальше и дальше. Аналогичная ситуация с тренингами, существуют психологические тренинги: поведенческий, социально-психологический, развития, изменений, самораскрытия, духовного роста, духовных странствий, ролевой, умений, разного рода телесно-ориентированные, ассертивности, мотивационный, жизненных целей, развития эмоциональной сферы, эмоциональной устойчивости, влияния, противостояния влиянию, оперативный, управленческий, имиджевый, победителя, лидерства, разума, интеллекта, интуиции, навыков консультирования, тренинг тренеров, множество тренингов с собственными именами и т.п. Это верно и для ряда других психопрактик.

При этом пространство психотерапии, психокоррекции и консультирования больше тяготеет к апробированным и научно обоснованным методам, в них, по преимуществу, работают специалисты, имеющие профессиональное образование в данной сфере, тогда как психотренинг, практики личностного и духовного роста, практики саморазвития и, тем более, эзотерические практики представлены зачастую странным смешением научного и обыденного, рационального и мистического, духовного и коммерческого, а зачастую им свойственен откровенный непрофессионализм, профанация и лукавство их ведущих, и не всегда

здесь можно говорить о серьезной их подготовке. Но, так или иначе, все это и составляет реальное содержание эмпирического пространства практической психологии.

ПОНЯТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ

Эмпирическое исследование психологических практик позволяет ввести ряд исходных теоретических определений, которые составляют основу дальнейших исследований. Каждая такая практика обнаруживает свой субъект, саму психопрактическую деятельность (активность субъекта) и объект практики (момент приложения субъектной активности)³⁴. Это три исходных элемента психологической практики.

Психологическая практика является видом практики (практической деятельности) вообще, и в своем историческом и социальном генезисе восходит к исходной форме социальной практики, которая включает в себя как свои отдельные моменты то содержание, которое в ее дальнейшем развитии порождает все формы и виды человеческой деятельности путем генерализации этого содержания, превращения его в ведущий момент деятельности, подчиняющий себе другие. Практика вообще включает в себя: субъект, объект, взаимодействие. Субъект конституируется как момент активности в отношении своего объекта, а объект представляет собой сторону взаимодействия, на которую эта активность направлена. Субъект и объект являются взаимосвязанными категориями, определяемыми друг через друга. Взаимодействие связывает субъект и объект практики, и в нем выделяются четыре существенные аспекта: субъект действует на объект, субъект воспринимает объект, субъект относится к объекту, в этом взаимодействии проявляются свойства субъекта и объекта (подробнее см.: Карицкий, 2004). Эти четыре составляющие в разных видах человеческой деятельности представлены в разном соотношении. Во всех видах практики ведущим является действие, воздействие, изменение, трансформация субъектом объекта; отражение (восприятие) и отношение имеют подчиненный, обслуживающий характер (см. рисунок 1). В познании — определяющая роль принадлежит

³⁴ Здесь могут быть поставлены известные возражения в отношении применения понятия объект в психологической практике. Этот вопрос рассмотрен нами в работе: Карицкий, 2004.

отражению; в идеологических видах деятельности — отношению. Таким образом, самым общим определением практики будет следующее: практика — это деятельность, в которой ведущим является воздействие субъекта на объект. Но это воздействие в практике всегда осуществляется с определенной целью и с использованием некоторых средств. Особенность субъекта и объекта практики, взаимодействия (особенность которого определяется спецификой используемых средств), а также ее целей формирует вид практики, в том числе — вид «психологическая практика». При этом субъект, объект, взаимодействие и цель практики являются взаимосвязанными и взаимоопределяемыми.

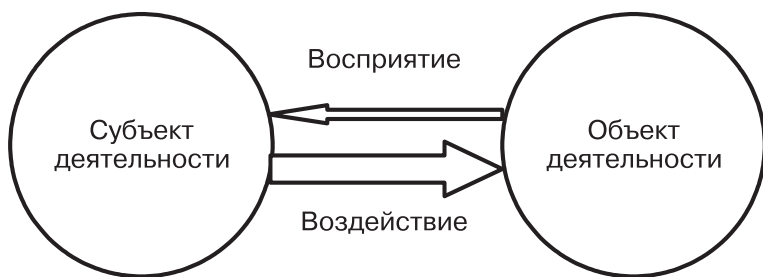

Рис. 1. Общая структура практической деятельности

Всякая практика имеет в себе в явном или неявном виде психологическую составляющую. Психологическая практика вырастает из практики вообще (точнее, из исторически исходно производственной практики) через усиление этой психологической компоненты и элиминации ее других сторон как несущественных в данном отношении. Ее субъектом выступает психолог-практик (не по образованию, а по причастности этому виду деятельности). Ее объектом является социальный объект: индивид, группа, общество. Взаимодействие субъекта с объектом осуществляется с использованием психологических средств. Цели такой практики носят психопрактический характер (более подробно ниже). Таким образом, психологическая практика — это деятельность по воздействию психолога-практика на социальные объекты с психопрактическими целями и с помощью психологических средств.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ, ЕЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Помимо указанного все психологические практики имеют и другое общее им содержание. Его можно подразделить на четыре основные группы: 1) предпосылки и 2) основания психологических практик, 3) психопрактические аспекты и 4) динамическое содержание. Это содержание соотносится с субъект-объектной структурой практики и включается в нее.

Предпосылки психологических практик — это те методологические, теоретические, практические и иные представления и схемы действия, социальные или личностные потребности, а также наблюдаемые явления (ставшие объектом внимания) и разного рода наличные ресурсы, которые инициировали появление этих практик и предшествуют им по времени. Соответственно, предпосылки психопрактических систем подразделяются на социальные, личностные, потребностно-целевые, концептуальные, методологические, практические, орудийные, феноменальные и иные.

Социальные предпосылки — это тот комплекс социальных условий, который инициирует появление данной психологической практики. В целом он может быть охарактеризован как социальная потребность, или социальный заказ. Помимо социальной востребованности, он включает в себя готовность социума (или его части) в силу идеологических, культурных, актуальных (например, в ситуации социального кризиса) или иных социальных причин принять данную практику. А также достаточный для понимания и освоения практики уровень соответствующих знаний, умений в обществе, наличие специалистов, способных и готовых пройти соответствующую переквалификацию и т.д. Личностные предпосылки — это те особенности личности создателя (создателей) системы, которые обуславливают ее возникновение. Они определяются личностными проблемами и потребностью их разрешения, способностью конструктивного разрешения этих проблем, готовностью к их разрешению. Личностные предпосылки психопрактических систем могут становиться частью их содержания, придавая им соответствующую авторскую окраску. Тогда они становятся личностными основаниями психологической практики. Потребностно-целевые, концептуальные, методологические, практические, орудийные, феноменальные и ряд других предпосылок психопрактических систем по содержанию аналогичны соответствующим основаниям, которые рассмотрены далее.

Предпосылки психологической практики составляют необходимый элемент ее формирования и развития и относятся к структуре ее генезиса и дальнейшего развития.

ПСИХОПРАКТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Основания психологических практик — это те теоретические, методологические, практические представления и схемы действия, социальные и личностные факторы, потребности, мотивы и цели, ценности, нормы и оценки, психологические средства, а также наблюдаемые явления, которые в явном или неявном виде существенно в них используются или существенным образом влияют на них. Часть оснований и предпосылок конкретной психопрактической системы может совпадать, т.е. они могут выступать и ее генетической предпосылкой, и составлять логически и содержательно ее основание. Конкретная психопрактическая система может эксплицировать в том или ином объеме свои предпосылки и основания, либо содержать их имплицитно, в том числе и для автора системы. Развитые психологические практики, в первую очередь те, в основании которых лежат определенные психологические научные теории, обычно имеют явно представленный и хорошо концептуализированный уровень оснований.

В целом основания психологической практики подразделяются на социальные, личностные, потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические, практические, орудийные (инструментальные) и феноменальные. Потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические, практические, орудийные и феноменальные основания составляют условно вертикальную структуру практики. Социальные и личностные — представляют собой другой срез психопрактики (или ее другое измерение), т.е. в них в той или иной степени представлены прочие основания психологической практики.

Потребностно-целевые основания психологической практики составляют совокупность тех общественных, групповых и личностных (индивидуальных) потребностей, мотивов и целей, которые актуально инициируют данную практику, формируют ее и задают ее прочее содержание, в том числе содержание других оснований, аспектное и динамическое содержание. Концептуальные основания представлены совокупностью всех дескрипций, концептов и их систем, которые

обосновывают данную практику, используются в ней или существенно с ней связаны. Например, определенная психологическая концепция или теория может составлять существенную часть концептуальных оснований психопрактики. Реляционные основания представляют собой множество ценностей, норм и оценок, которые формируют отношение к феноменальному пространству данной психологической практики, а также сами эти отношения. Реляционные основания психопрактики тесно связаны с концептуальными и часто трудно отделимы от них, поскольку всякое представление о реальности уже есть и отношение к ней: «чистых» описаний реальности не существует. Методологические основания психологических практик — это знания о том, как действовать для достижения целей этих практик и чем руководствоваться в этих действиях. Практические представляют собой реальные навыки и умения, необходимые для практических действий в данной системе. Инструментальные (или орудийные) основания — это психологические и иные средства, которые используются в психопрактике для достижения ее целей (результатов). Феноменальные основания психологической практики — это совокупность психических, психологических, психосоматических и социально-психологических явлений, которые психологическая практика выделяет, с которыми непосредственно работает, на которые воздействует, которые интерпретирует (концептуализирует) и т.п. Потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические и практические основания относятся к уровню субъекта. Орудийные — частично к субъекту, частично занимают пространство между субъектом и объектом, опосредуя их взаимодействие. Феноменальные — к объекту.

Представленная последовательность оснований психопрактик: потребностно-целевые, концептуальные, реляционные, методологические, практические, орудийные и феноменальные, — отвечает критерию близости к практике. Потребностно-целевые основания — это уровень существующих потребностей и целей психопрактики. Концептуальные — уровень представления о реальности. Реляционные — уровень отношений к феноменам реальности. Методологические — уровень представления о практическом взаимодействии с реальностью. Практические — уровень практических навыков и умений взаимодействия с реальностью. Орудийные — уровень используемых средств при взаимодействии с реальностью. Феноменальные основания — это уровень непосредственной данности реальности, ее предметной стороны субъекту психологической практики (см. рисунок 2).

Рис. 2. Основания психологических практик

Основания психологической практики соотносимы с теми или иными сферами личности. Потребностно-целевые основания психопрактики коррелируют в основном с потребностно-мотивационной и волевой сферами личности. Концептуальные и методологические — с когнитивной. Реляционные — с когнитивной и эмоциональной. Практические и орудийные — с действенно-операциональной.

Каждый уровень оснований, в свою очередь, подразделяется на подвиды оснований по тем или иным критериям. В частности, концептуальные и реляционные основания делятся, во-первых, на научные

и вненаучные. Научные основания восходят к тем или иным комплексам научного знания, психологическим или другим научным школам, шире — к научным парадигмам своей эпохи. Вненаучные основания включают в себя представления здравого смысла, обыденное знание, системы верований, в том числе религиозные, культурные нормы, ценности, в том числе моральные, отрывочные концептуальные элементы утраченных психопрактических систем, псевдонаучные концепции, мифологемы, идеологии, традиционные и этнические элементы и т.п. Научные основания составляют три-пять основных групп. Это — философские основания (если философию рассматривать как науку). Это — общенаучные (общетеоретические) основания. Это — частнонаучные основания (в основном, психологические). Это — основания, восходящие к тем или иным научным школам (в первую очередь, в психологии), а также основания, опирающиеся на конкретные психологические (и иные) представления, концепции и теории. В свою очередь, философские основания подразделяются на онтологические, антропологические, гносеологические, праксеологические, аксиологические, логические, этические, эстетические, экзистенциальные и т.д. Их содержание можно уточнять и далее. Философские основания являются наиболее общими, предельными основаниями психологических практик. Общенаучные основания представляют собой те теоретические построения, которые общи всем (или большинству) научным дисциплинам и на которые также опирается данная психопрактика. Частнонаучные основания восходят к определенным наукам (например, психопрактическая система может опираться на лингвистические, физические, биологические, географические или иные теории) и среди них самым существенным являются психологические основания. Психологические основания далее подразделяются на основания конкретных психологических школ, учений, концепций, теорий разного уровня.

Методологические основания психологической практики задают ее структуру. Существенным элементом методологических оснований психологической практики являются ее собственно методологическое (в узком смысле, прикладное), психотехнологическое, психотехническое и методическое содержание. Вопрос о понимании психотехнологии и, особенно, психотехники является крайне дискуссионным в отечественной психологии (Василюк, 1996; Карицкий, 2002; Олешкевич, 2002 и др.). Мы в настоящей статье ограничимся позитивным изложением только нашей точки зрения.

Метод — это способ осуществления той или иной теоретической или практической деятельности человека, заданный системой опре-

деленных требований, правил, предписаний, порядком действий. Известно, что метод тесно связан с концепцией (теорией), лежащей в его основе, выражением которой он и является (в нашем случае, концептуальные основания). В то же время помимо объективного содержания (знание о реальности, выступающее методологическими принципами организации деятельности) метод имеет субъективное (и субъектное) содержание, связанное с организацией самой деятельности субъекта, обусловленное его природой (практические основания) (более подробно внешние связи метода освещены в работе: Карицкий, 2005). Метод практической психологии получает свою конкретизацию в таких понятиях как психопрактическая методика, т.е. подробное, поэтапное описание метода, а также психотехнология и психотехника. В понятиях методика, психотехнология и психотехника выражается структурное содержание метода как способа психопрактической деятельности.

Психотехническое содержание психологической практики представлено совокупностью психологических приемов воздействия, на которые она может быть подразделена. Поскольку это подразделение может быть выполнено с разной степенью детальности, то психотехникой может быть обозначен психопрактический процесс в целом, рассмотренный как конкретный способ (прием, метод) психологического воздействия; но также как психотехники могут быть рассмотрены относительно завершенные отдельные его части, если они выделяются в качестве отдельных действий. Другими словами, психотехника коррелирует с понятием метода психологической практики, составляя его структурную основу. Определяющим в рассмотрении психопрактического процесса со стороны его психотехнического содержания является выделение его способа (или способов) действия. Тогда он может быть обозначен как психотехника и она, в свою очередь, конкретизирована через этот способ. В самом названии конкретной психотехники или их разновидностей обозначен способ их действия: гипнотические техники, техника самовнушения, психоаналитические техники, техника рациональной терапии, техника гештальт-терапии, техника психосинтеза, танцевально-двигательные техники, телесно-ориентированные техники, игровые техники и т.п. Также видно, что во всех перечисленных случаях термин «техника» без искажения смысла может быть заменен терминами «метод» или «методика». Возражение может быть поставлено только в аспекте привычности одних сочетаний и непривычности других.

Если психотехника — это прием или совокупность приемов психологического воздействия, то психотехнология — это выстроенная

последовательность применения этих приемов. Такое понимание отвечает и первоначальному значению термина «технология». При этом между понятиями психотехника и психотехнология обнаруживается ясная диалектика взаимопереходов. Психотехнология является определенной последовательностью использования психотехник. Если конкретную психотехнику разложить на относительно самостоятельные части, которые в свою очередь могут быть рассмотрены как психотехники (приемы, способы психологической работы), то она предстает в своем психотехнологическом содержании. Если говорить о психотехнике в целом, не разделяя ее на части, то в таком предельном случае понятия психотехники и психотехнологии совпадают в том смысле, что существует только одно звено (технология) в использовании техники. Это позволяет и практически употреблять указанные термины как синонимичные (см. рисунок 3).

Рис. 3. Соотношение психотехники и психотехнологии

Практические основания подразделяются по уровням и сферам практических действий. Это умения и навыки: телесные, в том числе психомоторные, сенсомоторные, идеомоторные, эмоционально-моторные, дыхательные, тонко-телесные, перцептивные, вербальные, чувственно-эмоциональные, ментальные, духовные, регуляционные умения разных уровней и систем, навыки влияния и воздействия на других и т.д. В тех или иных видах психологических практик они проявляются в разной степени и в разных сочетаниях, составляя существенный и своеобразный узор психопрактического процесса.

Орудийные основания психологических практик различаются на: 1) внутренние, органические, неотделимые от субъекта и 2) внешние средства. Соответственно, первые тесно сливаются с практическими основаниями и различаются с ними по ракурсу рассмотрения: «слово» является и вербальным умением (и тогда это практические основания) и средством (орудием, инструментом) воздействия (орудийные основания). Это же касается и всех других навыков и умений: они имеют и практическое и орудийное содержание. К внешним средствам

относится все то, что не является непосредственной принадлежностью индивида (индивидов) как субъекта практики, но используется в целях психопрактического воздействия (музыка, ритмы, ароматические вещества, цвет, световое воздействие, инструменты для механического воздействия, видео, химические и биологические вещества и пр.). При этом использование всяких внешних средств также предполагает определенные практические навыки и умения.

Как уже говорилось, феноменальные основания психопрактики — это сама реальность, с которой взаимодействует субъект практики, в которой выделяет отдельные элементы (предметную сторону), соотносит их с уровнем концепции, диагностирует, прогнозирует их развитие, планирует воздействия и осуществляет их. Существенно, что это не уровень описания психической реальности (тогда бы было правомерно его называть феноменологическими основаниями), а непосредственно сама реальность как она открывается в конкретном психопрактическом процессе, живая, подвижная и ускользающая.

В развитых психологических практиках существует единство между различными уровнями их оснований и внутри самих оснований. Потребностно-целевые основания определяющим образом влияют на другие. Различные концептуальные основания логически взаимоувязаны и отражают феноменальные основания практики. Реляционные основания связаны с концептуальными и феноменальными. Существует единство концепции (теории) и метода, единство практических, орудийных и методологических оснований. То, что наблюдается на уровне эмпирических явлений, определенным образом отвечает концептуальным построениям, должно быть объяснено ими, интерпретировано. То, что присутствует на уровне концепции, должно являться опытно. Концепция, преломленная в методе, практически выражается в определенных действиях и используемых средствах (орудиях), которые приводят к описываемым концепцией феноменам и т.п.

ПСИХОПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Следующее содержание психопрактики, общее всем ее разновидностям — это психопрактические аспекты. Психопрактический аспект — это существенная, относительно самостоятельная часть психологической практики как деятельности, в которой она (часть) выступает как ее (деятельности) действие, подчиненное определенной цели.

Выше были перечислены различные эмпирически наблюдаемые виды психологической практики: психотерапия, консультирование, тренинг, личностный рост, диагностика и пр. В то же время любой внимательный исследователь или психолог-практик знает, что в психотерапию необходимым образом включены психодиагностика, элементы консультирования, тренинга, личностного и группового развития, саморегуляции и т.д. То же самое можно сказать о психологическом консультировании, тренинге, личностном росте, практиках саморегуляции. В них имеются и составляют неотъемлемое содержание элементы других видов психологической практики. Помимо этого все психопрактики также имеют в себе следующее общее им всем содержание: контекстуальное, компенсационное, концептуализирующее, управляюще-регулирующее, исследовательское, игровое, интеграционное, духовное, экзистенциальное, обучение жизни и другое. Это содержание представлено на всех уровнях психопрактики (уровнях оснований) и является ее аспектным содержанием.

В качестве основной цели психотерапии выступает послабление или избавление от тех или иных субъективных и объективных симптомов страдания, которые испытывает личность. Психологическое консультирование представляет собой профессиональную помощь клиенту в поиске решения проблемной ситуации, обусловленной субъективными трудностями и особенностями личности. Хотя вопрос об основном содержании тренинга довольно запутан различными подходами и специалистами, мы в качестве такового выделяем деятельность по тренировке тех или иных психических функций, навыков, умений. В практиках личностного, профессионального или духовного роста ведущим моментом является развитие тех или иных свойств, качеств, способностей личности либо личности в целом. В практиках саморегуляции ставится цель актуального самоуправления текущими психическими состояниями и процессами. Под психологическим просвещением понимают распространение психологических знаний. Под практиками обучения психологическим практикам мы понимаем обучение практикам профессионалов, тех, кто в свою очередь ведет психологические практики. Под психологической диагностикой обычно имеют в виду распознавание психологического состояния того или иного психологического объекта (индивида, группы, организации) или отклонения от некоторого нормативного состояния. Важно, что психодиагностика не является самостоятельным видом психологической практики, а обслуживает ее другие виды. Еще точнее, является только элементом тех или иных психопрактик, так как сама по себе не является средством

воздействия, в ней момент познания объекта является доминирующим (см. выше критерии различения практики и познания). Как уже было сказано, указанное содержание (терапевтическое, консультационное, тренинговое, развивающее) либо характеризует какую-либо практику в целом, является в ней ведущей деятельностью, либо входит в нее как один из ее компонентов, подчиненных ведущей деятельности. Во втором случае в конкретном психопрактическом процессе это содержание может быть совершенно явным, менее явным или латентным, но это его скрытое состояние, как показывают наблюдения, будет проявлено в другом аналогичном процессе.

Контекстуальное содержание практики задается суммой ее контекстов, в которых она разворачивается. Компенсационное — проявляется в случае реализации в ней неудовлетворенных в обычной жизни потребностей, например, в общении, в телесном контакте, в открытости, в экспрессии, в движении, и т.д., оно тесно связано с различного рода социальными запретами и жесткими нормами, часто неадекватно усвоенными в раннем детстве и ставшими особенностями личности и поведения, а также с разного рода внутренними амбивалентностями. Концептуализирующее содержание выражается в отнесении тех или иных психопрактических феноменов к определенной концептуальной области, характерной для данной практики (понимание их). Всякая практика имеет управляюще-регулирующее содержание, которое проявляется многообразно: ведущий управляет психопрактическим процессом, группой, отдельными индивидами, собственными состояниями, каждый участник оказывает управляюще-регулирующее воздействие на ведущего, на группу, на других участников, на собственные состояния, группа в целом управляет собой, ведущим, отдельными участниками. Практика — это не только трансформация психического содержания, но и процесс самопознания, познания группы, других людей, познание психопрактического процесса, новых реальностей, т.е. в ней наличествует исследовательский компонент. Но это не специальная деятельность познания и самопознания, а вторичный, хотя и необходимый элемент психопрактики. Для многих практик характерен игровой элемент, посредством которого можно промоделировать ситуации повседневной жизни вне их актуальной и зачастую опасной напряженности. Всякая успешная практика осуществляет интеграцию личности в целом или ее отдельных компонентов. Для многих видов психологической практики или отдельных процессов характерно духовное содержание — практики духовного и личностного развития, трансперсональные практики, некоторые психотерапевтические процессы экзистенционального содер-

жания и т.п. Существенным компонентом эффективной психопрактики является обучение жизни. Психотерапевту и консультанту часто приходится выступать в роли мудрого учителя жизни, дающего прямо или косвенно (метафоры, притчи) советы как жить, как разрешить ту или иную ситуацию, какой сделать выбор. Психопрактики имеют и другое, общее им всем содержание.

Перечисленное содержание практики (терапевтическое, консультационное, тренинговое, развивающее и т.д. И контекстуальное, компенсационное, концептуализирующее, игровое, интеграционное, жизнеобучающее и т.д.) и обозначенное нами как ее психопрактические аспекты, характерно для всех видов психологической практики и составляет ее условно горизонтальную структуру (рисунок 4). Некоторые из психопрактических аспектов, если они становятся мотивом психологической практики, формируют ее определенный вид, тогда другие аспекты становятся его подчиненными моментами. Когда акцент делается на определенной стороне психопрактического процесса, то говорят о психологическом тренинге, психотерапии, личностном росте, саморегулировании, профилактике, консультировании, просвещении, обучении и т.п. Таким образом, разные психологические практики могут быть близкими по форме и содержанию, но в зависимости от мотивов, лежащих в их основе, одна из них может являться тренингом, другая — профилактикой, третья — терапией, четвертая — иметь тестирующий характер и т.д. В то же время в любой психологической практике присутствуют все ее психопрактические аспекты, более или менее выражено, иногда латентно. Но их всегда можно обнаружить, проявить и при необходимости исследовать.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА														
Деятельностнообразующие аспекты										Дополнительные аспекты				
Другие	Терапевтический	Консультационный	Тренинговый	Развивающий	Просветительский	Обучающий	Регуляционный	Профилактический	Диагностический	Концептуализирующий	Компенсационный	Интеграционный	Исследовательский	Контекстуальный
													Игровой	Другие

Рис. 4. Горизонтальная структура психологической практики — ее психологические аспекты

Генерализация того или иного психопрактического аспекта, т.е. превращение его в ведущую деятельность практики, является, во-первых, механизмом образования вида (основного вида, в отличие от подвидов) психопрактики (психотерапии, тренинга, консультирования, личностного роста и т.д.), во-вторых, механизмом преобразования одного вида психопрактики в другой. Если генерализован, стал ведущей деятельностью практики терапевтический аспект, то перед нами психотерапия; если ведущей деятельностью является консультационная, то мы имеем дело с психологическим консультированием; если тренинговая — то с психотренингом и т.д. При этом генерализованный психопрактический аспект, формирующий вид психологической практики, является также и частным, подчиненным аспектом в ряду других психопрактических аспектов, т.е. выступает целью-действием по мере необходимости в числе аналогичных целей-действий: терапевтической, консультационной, развивающей, регулирующей, контекст-задающей, жизнеобучающей и т.п.

Поскольку только часть психопрактических аспектов способны образовывать виды психологических практик, то они являются деятельностнообразующими. Это — терапевтический, консультационный, тренинговый, развивающий, саморегуляционный, профилактический, диагностический, просветительский, обучающий и другие аспекты. Аспектное содержание практики, которое не образует видов деятельности, нами обозначено как ее дополнительные психопрактические аспекты. Это — контекстуальный, управляюще-регуляционный, концептуализирующий, компенсационный, игровой, исследовательский, интеграционный, духовный, жизнеобучающий и другие аспекты (рисунок 4).

Предложенная квалификация части психопрактического содержания как аспектов и предложенный механизм образования вида практики через генерализацию одного из деятельностнообразующих аспектов позволяют по-новому дать определения видам психологических практик, исходя из общего представления о структуре и содержании психологической практики. Психотерапия — это вид психологической практики, ведущей деятельностью в которой является психотерапевтическая, т.е. деятельность, направленная на облегчение психологических страданий личности, группы. Психологическое консультирование — это вид психологической практики, ведущей деятельностью в которой является профессиональная помощь клиенту в поиске решения проблемной ситуации. Тренинг — это вид психологической практики, в котором ведущей деятельностью является тренирующая

деятельность. Личностный рост — это вид психологической практики, в котором ведущей деятельностью является развитие личности. Практика саморегуляции — это вид психологической практики, в котором ведущей деятельностью выступает регуляция личностью собственных психических процессов и состояний. Аналогично можно определить и другие основные виды психологической практики.

Психопрактические аспекты связаны между собой в развертывании конкретного психопрактического процесса — составляют существенную часть его динамики. Они также определенно связаны с основаниями психологической практики: существует единство между

		ПСИХОПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ																
		Другие	Терапевтический	Консультационный	Развивающий	Просветительский	Обучающий	Игровой	Профилактический	Тренинговый – Генеральный аспект	Диагностический	Концептуализирующий	Компенсационный	Интеграционный	Исследовательский	Контекстуальный	Регуляционный	Другие
Субъект	П-ЦО																	
	КО																	
	РО																	
	МО																	
	ПО																	
	ОО																	
ОПВ		↕	↕	↕					↕			↕	↕			↕		
Объект	ФО																	

П-ЦО – потребность-целевые основания;
КО – концептуальные основания;
РО – реляционные основания;
МО – методологические основания;

ПО – практические основания;
ОО – орудийные основания;
ОПВ – область практического взаимодействия;
ФО – феноменальные основания.

Рис. 5. Модель психологической практики – генерализован тренинговый аспект

психопрактическими аспектами и основаниями практики. Все аспекты представлены на всех уровнях оснований. С уровня потребностно-целевых оснований психопрактики задается ее аспектное содержание. Всякая конкретная психопрактическая система имеет уровень теории, определяет отношение к наблюдаемым феноменам, располагает своим методом, специалист также должен владеть определенными навыками и умениями, располагать инструментарием психологического воздействия и данная психопрактика апеллирует к своим специфическим феноменам, с которыми работает и которые интерпретирует. Если конкретный аспект психопрактической системы является в ней частным, подчиненным другим (например, терапевтический аспект в тренинге), то и в этом случае он представлен на всех уровнях. Сказанное справедливо и в отношении других аспектов — консультационного, тренингового, просветительского, образовательного, обучающего, диагностического, развивающего, профилактического, коррекционного, интеграционного, жизнеобучающего и т.д. Это единство психопрактических аспектов и оснований позволяет реконструировать на теоретическом уровне модель психологической практики как психопрактической системы (рисунок 5).

ПСИХОПРАКТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА

Помимо оснований и аспектов психологическая практика имеет также динамическое содержание. Оно составляет еще одно измерение психопрактики — динамическое и делает ее модель полной. Сюда входят личностная и групповая динамика, а также своеобразная динамика взаимного соотношения аспектов в ходе психопрактического процесса, или его системная динамика. Личностная динамика представляет собой систему изменений личности, являющуюся результатом психологической практики. Она может быть отслежена как в процессе одного сеанса, так и на протяжении многих сеансов или более длительных периодов. Эта динамика может быть охарактеризована либо как устойчивые позитивные изменения (прогрессивное развитие), либо как временные флуктуации позитивного характера без устойчивой сохранности, в отдельных случаях — как негативные процессы. Таким же образом в отношении группы можно говорить о групповой динамике, в частности, выделяя динамику взаимоотношений специалиста и клиента, специалиста и группы, самой группы, отдельных

подгрупп. Динамика психопрактических аспектов представляет собой процесс их проявления, развития, выхода на первый план, латентного существования и взаимодействия. В отдельных психопрактических процессах те или иные аспекты могут не проявляться, хотя об их скрытом наличии говорит их манифестация в других сеансах. Личностная и групповая динамика достаточно подробно описана специалистами отдельных видов психопрактик (психотерапия, консультирование, тренинг, личностный рост и т.д.) и в социальной психологии. Рассмотрение динамического содержания психологической практики позволяет строить ее многомерную модель, отражая на теоретическом уровне еще более точно это сложное явление.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРАКТИК

Предложенная модель также дает возможность производить различные классификации психологических практик, сравнивать практики между собой, давать им оценки. Классификация основных видов практик на основе их целевой составляющей (ведущей деятельности, или генерализованного психопрактического аспекта), по сути, уже приводилась. Это — психотерапия, психологическое консультирование, тренинг, личностный рост, профилактика, просвещение, обучение практикам, диагностика, саморегуляция и другие.

На пересечении деятельностнообразующих и дополнительных психопрактических аспектов образуются классы подвидов психопрактик. Психотерапия (генерализованный деятельностнообразующий психопрактический аспект) может быть контекстной (сказкотерапия), интеграционной, исследовательской, компенсационной, игровой, экзистенциальной, исследовательской, концептуализирующей и т.д. Игровой аспект может присутствовать во всех видах психопрактик: игровая психотерапия, игровое консультирование, игровой тренинг, развитие через игру, обучение через игру и пр. Аналогично можно заполнить все клеточки, образованные пересечением деятельностнообразующих и дополнительных аспектов, формируя матрицу возможных подвидов психопрактик.

Множество классификаций можно осуществить по критерию концептуальных оснований. Правда, такого рода классификации, в свою очередь, требуют подробного исследования существующих и возможных концептуальных оснований. Поэтому здесь такого рода

классификации приведены как примеры. Так, для американской практической психологии можно выделить следующие типы психопрактик по основным направлениям в психологии, которые сегодня характерны для США. (Частично это деление верно для европейской и российской практической психологии. Но российская практическая психология сегодня представляет довольно сложное явление, в котором непросто определить исчерпывающим образом ведущие концепции.) Психопрактики подразделяются на бихевиоральные (поведенческие), психоаналитические, гуманистического направления, когнитивные и трансперсональные. Далее возможно подразделение по школам каждого из основных направлений, которые получили развитие в США. Так, для психоаналитического направления основными школами будут: классический психоанализ З. Фрейда, аналитическая психология К.Г. Юнга, индивидуальная психология А. Адлера, психосоматика В. Райха, психоанализ К. Хорни, гуманистический психоанализ Э. Фромма, психоанализ Э. Эриксона, – каждая из которых сформировала свою практику, и т.д. (рисунок 6). Подобное подразделение выполнимо и для других направлений. Так, Л. Крэснер в 1971 г. выделял пятнадцать различных школ поведенческой психотерапии (это будет верно и для поведенческих практик в целом).

По аксиологическим основаниям психологические практики разделяются на манипулятивные и гуманистические (практики самоактуализации). По экзистенциальным — на просоциальные и трансцендентные (трансцендирующие). По степени научной обоснованности — на научно-обоснованные и вненаучные. По наличию внутренней логики — на рациональные и интуитивные (иррациональные) и т.д. С уровня методологических оснований можно произвести следующие классификации психопрактик. По базисным уровням воздействия (и трансформации): 1) телесно-ориентированные; 2) энергетические, дыхательные; 3) экспрессивные, эмоционально-образные, ролевые; 4) вербальные, ментальные; 5) духовные. По степени вовлеченности психических структур: фрагментарные, интегральные. По глубине проработки психического содержания: поверхностные, глубинные. По основной направленности процесса: адаптирующие, развивающие. По степени структурированности практики: структурированные, аморфные (слабоструктурированные). По уровню осознанности: рефлексивные, спонтанные. По уровню активности клиента: клиент-активные, клиент-пассивные. По наличию игрового элемента: игровые, неигровые. По частоте использования: спорадические, перманентные. По степени воздействия на личность: комфортные,

Рис. 6. Классификация психологических практик по направлениям и школам в психологии

гуманские, шоковые и др. На уровне практических оснований классификации возможны по необходимым умениям: психомоторные, сенсомоторные, идеомоторные, эмоционально-моторные, дыхательные, тонко-телесные, перцептивные, вербальные, чувственно-эмоциональные, ментальные, духовные, регуляционные, воздействия на других и т.д. В то же время надо учитывать взаимосвязь и единство оснований разного уровня, это позволяет говорить о корреляции не только оснований, но и классификаций, опирающихся на разные уровни оснований (Психотерапевтическая энциклопедия, 2000; Карицкий, 2002; Козлов, 2001).

ЛИТЕРАТУРА

- Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
- Карицкий И.Н.* Теоретико-методологическое исследование социально-психологических практик. М.–Челябинск: Социум, 2002.
- Карицкий И.Н.* Методология практической психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 1: Методология психологии / Под ред. В.В. Новикова и др. Ярославль: МАПН, 2003. С. 135–158.
- Карицкий И.Н.* Методологический анализ понятий субъекта в психологических исследованиях // Вестник университета (ГУУ). Серия: Социология и управление персоналом. М., 2004. № 3 (10). С. 53–61.
- Карицкий И.Н.* Специфический и всеобщий метод психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3: Метод психологии / Под ред. В.В. Новикова и др. Ярославль: МАПН, 2005. С. 111–135.
- Козлов В.В.* Психотехнологии измененных состояний сознания. Личностный рост. Методы и техники. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001.
- Мазилев В.А.* Методология психологической науки. Ярославль: МАПН, 2003.
- Олешкевич В.И.* История психотехники. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
- Психотерапевтическая энциклопедия / Гл. ред. Б.Д. Карвасарский. СПб.: Питер, 2000.
- Юревич А.В.* Интеграция психологии: утопия или реальность? // Вопросы психологии. 2005. № 3. С. 16–28.

Часть II

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ
ТЕОРЕТИКО-
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
НАПРАВЛЕНИЯ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ПСИХОЛОГИИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОСТИ

И.А. МИРОНЕНКО

Современное состояние мировой психологической науки отмечено выраженной тенденцией к интеграции. Информационный обмен и нужды практики, необходимость разработки единых стандартов профессий уже изменили то состояние мировой психологической науки, в котором она пребывала с конца XIX в. на протяжении более ста лет — состояние «феодалной раздробленности» школ, фактического отсутствия единого общенаучного контекста. На смену замыканию школ, их самоизоляции, что было типично для так называемого периода борьбы школ (третьего периода кризиса психологии) и составляло основную тенденцию этого периода, пришел поиск диалога. Смена основной тенденции позволяет заключить, что в 1980-х годах мировая психологическая наука вступила в новый период своего развития — посткризисный.

Необходимость соотнести различные подходы в контексте единой психологической науки становится актуальной. Закономерно возникают попытки обобщения и соотнесения психологических теорий, разработки «теории теорий» психологии, по выражению А.В. Петровского. Так, Л. Хьелл и Д. Зиглер для сопоставления различных теорий личности предлагают использовать систему биполярных шкал, отражающих аксиоматические представления о личности авторов, имплицитно заложенные в основания этих теорий (Хьелл, Зиглер, 1997). Система биполярных шкал для сопоставления ряда школ зарубежной психологии и школы А.Н. Леонтьева предложена В.Ф. Петренко (Петренко, 1999). В целях разработки единого стандарта психологического образования в Европе над проблемой соотнесения в едином контексте подходов, развиваемых весьма многочисленными и разнообразными научными направлениями, существующими в современной психологической науке, работает Европейская федерация профессиональных объединений психологов (EFPPA) (Lunt, 2000; Newstead, Makkinen, 1997).

Для отечественной психологии вхождение в формирующийся единый контекст мировой науки осложняется особенностями предшествующего периода, когда общая тенденция раскола и относительной изоляции школ усугублялась политическими и идеологическими особенностями развития нашей страны, а также языковым барьером. А.В. Петровский об этом пишет так: «Если до начала 30-х гг. все еще сохранялись контакты российских психологов с их зарубежными коллегами, то сразу же после года “великого перелома”³⁵ эти связи стали очень быстро истончаться. “Железный занавес” опустился в середине 30-х гг., наглухо закрыв возможность включения трудов психологов, физиологов, социологов в контекст развития мировой науки... Только со второй половины 80-х гг. оказался возможным кардинальный поворот, снявший идеологическое табу, столько лет перекрывавшее путь к включению отечественной психологии в общий поток мировой психологической науки» (Петровский, 2000, с. 43–44).

В сложившейся ситуации современный процесс интеграции мировой науки для отечественной психологии оказался вызовом самому ее существованию в качестве самобытной школы.

В сознании **зарубежных коллег** отечественная психология представлена скорее в форме географического понятия: есть огромная Россия (раньше был СССР), там живут психологи, они чем-то занимаются — малозначимым, судя по представленности результатов их трудов в зарубежных энциклопедиях. Там жили гениальные И.П. Павлов и Л.С. Выготский, теории которых интегрированы в мировую науку и ведут там собственное существование. Еще там жили такие ученые, как С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев и некоторые другие, имена которых особо сведущие зарубежные коллеги могут назвать, но практически никто не может сказать, чем именно они прославились, и это не вызывает ни малейшего интереса.

В изданной в США Психологической энциклопедии (Encyclopedia..., 1994) развитие психологии личности в СССР после С.Л. Рубинштейна не только не освещается, но даже не упомянуто. Статья о психологии в СССР в другом энциклопедическом издании (Concise Encyclopedia of Psychology, 1987) также оставляет впечатление, что после Выготского и Рубинштейна ничего существенного психологической наукой в СССР достигнуто не было. Отечественные авторы практически не цитируются, не упоминаются в известных периодических изданиях.

³⁵ 1929.

Показательно, что в многотомной американской психологической энциклопедии (Encyclopedia..., 1994) в специальной статье, посвященной опыту выращивания детенышей обезьян в человеческой семье, отсутствует упоминание о первом в мире исследовании такого рода, выполненном Н.Н. Ладыгиной-Котс (Ладыгина-Котс, 1935). Статья начинается непосредственно с соответствующих американских исследований, проведенных на двадцать лет позже.

О недостаточной известности отечественной школы за рубежом говорит и такой факт: накануне XXVII Всемирного психологического конгресса 2000 г. журнал «European Psychologist» (Tele-interviews, 2000) провел опрос среди 30 крупнейших психологов Европы. Их просили назвать основные достижения психологической науки XX в., основные вехи ее современной истории, те новые тенденции в развитии психологии, которые, по их мнению, будут определяющими в XXI в. В числе опрошенных был только один человек из России — А.В. Брушлинский, ответы которого на вопросы анкеты разительно отличались от остальных. А.В. Брушлинский, характеризуя психологию XX в., говорил прежде всего об отечественной школе, ее теориях и концепциях. Остальные мэтры не видели места и роли отечественной школы в развитии мировой науки. Упоминались лишь имена И.П. Павлова и Л.С. Выготского.

Так что в глазах мирового научного сообщества отечественная школа, по всей видимости, — не более чем «позитивизм, обросший марксистской фразеологией» (Юревич, 2004, с. 12)³⁶. Как собственно научная школа она не воспринимается, ее не только нет, но и не было. Отсюда «миссионерское» отношение к нам западных коллег, стремление просветить и приобщить, но отнюдь не научиться у нас чему-либо.

В сознании отечественного профессионального сообщества существование отечественной психологии как самобытной школы сегодня тоже не является фактом.

Для **молодых** ученых причиной этого состоит в том, что вся ситуация, в которой происходит их профессиональное становление, настраивает их, прежде всего, на активное усвоение опыта зарубежной психологии. Отечественная наука все больше сростается с западной, и процесс этот имеет односторонний характер. А.В. Юревич с беспощадной честностью пишет о том, что в условиях современности «отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм транс-

³⁶ Отметим, что в числе наиболее ярких и устойчивых традиций, сложившихся в отечественной психологии советского периода, В.А. Кольцова называет высокую теоретичность и отсутствие позитивистских тенденций (Кольцова, 2002).

ляции знания (а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т.д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» (Юревич, 2004, с.13). Отечественные ученые переводят, излагают, цитируют и включают в образовательные программы концепции западных авторов. Встречное же движение фактически отсутствует. Отечественный книжный рынок сегодня заполнен переводной зарубежной литературой, в том числе прекрасными современными учебными изданиями, которые все шире используются в российских университетах как студентами, так и педагогами. В этих учебниках тот или иной раздел психологической науки представлен широко и разносторонне, описан понятным языком. К сожалению, в них отечественные теория и методология не только не представлены, но обычно даже не упомянуты. Соотнести их с содержанием зарубежных учебников — непростая задача, требующая хорошего владения зарубежной и отечественной теорией.

Ситуация усугубляется тем, что в отечественной науке в настоящее время в основном развиваются прагматические, прикладные направления. Переводятся и воспринимаются преимущественно теории из области прикладной же психологии, причем тех ее областей, которые в силу отсутствия социального заказа и идеологических запретов в отечественной психологии советского периода развиты были не достаточно. Соответствующие зарубежные концепции воспринимаются некритично и не соотносятся с положениями отечественной теории и методологии.

Утрата целостности, общей теоретико-методологической основы, ослабление связей между направлениями и отраслями отечественной психологии происходят на фоне ослабления авторитета естествонаучного направления, приоритетного в советской психологии, и интереса к нему (Психологическая..., 1997).

В результате уже складывается ситуация, зеркально повторяющая ту, которая имела место в период «нормального» развития советской науки. Если двадцать лет назад молодой специалист-психолог знал отечественную теорию и умел ею оперировать, а в дополнение к этому имел некоторые представления о том, что есть еще какие-то иные теории за рубежом, то теперь молодой профессионал, особенно практик, может в доступной ему мере, — т.е. в рамках того, чему можно научиться, развиваясь вне целостного контекста научной школы, по отдельным переводным изданиям, — владеть аппаратом зарубежной науки, имея некоторые представления о том, что были (или есть?) и какие-то отечественные школы.

У наших **ученых старшего поколения** существует определенное внутреннее сопротивление тому, чтобы воспринимать отечественную психологию как школу. Долгое время мы не воспринимали себя как

школу, потому что считали себя чем-то большим, — вообще психологической наукой, внутри которой существуют школы: школы Леонтьева, Ананьева, Мерлина и др. В определенной мере это общая тенденция, присущая развитию всех школ в период затухания кризиса психологии. Однако в отечественной психологии эта тенденция проявилась с особой силой по причине парадигмального статуса нашей науки в советский период. Признание наличия парадигмы в советской психологии само по себе вызывает сильное сопротивление у существенной части старшего поколения отечественных психологов, привычно фиксирующих внимание на различиях между «внутренними» школами нашей науки и нежелающих за деревьями увидеть лес. Однако можно считать убедительно доказанным исследованиями ученых ИП РАН (Психологическая..., 1997), что в результате многолетней работы в русле единой системы в советской психологии сложился общий методологический каркас, который выступал в качестве парадигмы, задающей направления развития, нормы и стратегию проведения исследований. Этот каркас обеспечивал интеграцию и систематизацию данных, полученных учеными, представляющими различные подходы и отрасли. Методологическое единство и системность организации советской психологии не только не исключали разнообразия теоретико-эмпирических подходов и концепций и их полемику, но наоборот, обеспечивали возможность сопоставления данных, полученных в рамках разных школ, существующих в едином методологическом пространстве.

Думать, что мы — вся психологическая наука, больше уже невозможно. Тем не менее, «геоцентризм», идущий из эпохи парадигмального развития отечественной школы, препятствует сегодня осознанию ею себя как одной из великих школ психологии, уникальной, но не единственной по своим подходам и разработкам. В то время как оценка самобытности отечественной школы, ее отличий от других, ее полемического потенциала по отношению к положениям других школ необходима для того, чтобы разработанные ею в советский период теория и методология заняли достойное место в формирующемся контексте мировой психологической науки.

Является ли отечественная психология советского периода самобытной школой? Представляется, что есть основания считать ее одной из великих школ XX в., школой, которая обладает уникальной изощренной теорией и методологией и потрясающим опытом экспериментирования и эмпирического доказательства.

Задавшись целью показать самобытность отечественной школы в контексте различных направлений мировой психологической науки,

в поисках общих оснований для соотнесения теорий целесообразно обратиться к биосоциальной проблематике, так как именно она стала центральной для исследований человека и для практической психологии в XX в. Ускорение исторического процесса к XX в. привело к быстрым и радикальным изменениям в культуре. Биосоциальная проблема, традиционно понимаемая как вопрос о соотношении в человеке вечного (биологического) и изменяющегося с течением поколений (социального), обрела новое измерение — вопрос о соотношении сравнительно устойчивой человеческой психики с изменчивым социумом и новую актуальность. Каждый период в развитии науки имеет своего рода «визитную карточку» — основную проблему, вокруг которой концентрируются усилия ученых, в русле решения которой появляются максимальные научные достижения своего времени. «Нервом» психологических исследований и теорий XX–начала XXI в. является проблема биосоциальная (Мироненко, 2002, 2003б, 2005).

Почти все важнейшие достижения психологии последнего столетия могут быть соотнесены с постановкой и решением биосоциальной проблемы. Например, в модели Фрейда четкое разделение и противопоставление биологического и социального является центральным моментом и понимается как источник и причина развития и функционирования человеческой психики. Из неприятия представлений Фрейда об антагонизме биологического и социального возник неопрейдизм во всех его вариантах и затем гуманистическая психология, в контексте которых были предложены неантагонистические модели взаимоотношений биологического и социального. Непосредственное и прямое отношение к проблеме биологического и социального в человеческой психике имеют практически все крупные разработки в области общей, возрастной, педагогической, дифференциальной, клинической психологии XX в. Таким образом, представления о биологическом и социальном в детерминации человеческой психики, развиваемые различными школами, можно использовать в качестве базиса для их сопоставления.

Биосоциальная проблема обрела высокую идеологическую значимость в условиях бурных социальных конфликтов двадцатого столетия. С нею теснейшим образом связаны три вопроса:

- о роли наследственности и среды в формировании личности;
- об отношениях индивидуума и общества;
- о свободе и необходимости в регуляции поведения человека;

Эти три вопроса идеологически значимы, так как непосредственно связаны с политическими и государственными принципами органи-

зации общества. Здесь, как нигде сильно проявляется влияние так называемого социального заказа. Важнейшим фактором, который необходимо учесть, является антагонизм в мировой политике двух социальных систем, капиталистической и социалистической, на протяжении XX в. Соответственно двум ведущим вариантам социального заказа можно выделить два основных подхода к биосоциальной проблеме, которые определяли исследования в ее русле на протяжении данного периода. В таблице 1 в краткой форме представлены результаты сопоставления этих подходов.

Таблица 1

Тенденции в особенностях постановки биосоциальной проблемы и понимании «социального», определяемые социальным заказом и культурной традицией в XX в.

		Отечественная психологическая наука	Североамериканская и западноевропейская наука
Соотношение факторов	Среда – наследственность	Идеология требовала научного обоснования биологического равенства всех людей, а практика грандиозного социального эксперимента диктовала развитие исследований влияния социума на личность человека	Социальный заказ сводился к оправданию сложившейся практики ничтожно малой социальной мобильности и, по существу, наследственной передачи права принадлежности к привилегированным социальным группам на фоне декларирования «общества равных возможностей»
	Коллективизм – индивидуализм	В основе марксистской философии, служившей теоретико-методологической основой советской психологии, лежал идеал коллективизма Идеи общинности, коллективизма, сильны и в традиционной российской культуре	Идеал независимого, свободного, самостоятельно принимающего решения и проводящего их в жизнь одиночки Личность от природы обладает общечеловеческими ценностями и программой развития, развертыванию которой социум может лишь помешать
	Свобода – необходимость (человек – животное)	Эсхатологический характер российской культуры обострил внимание ученых к проблемам внутренней свободы человека, понимаемой, прежде всего, как свобода духа и сознания от страстей и низших потребностей, от принципа необходимости	Прагматизм и рационализм, пронизывающие западную культуру, служили фактором принятия модели «естественного» человека, дитяти природы, для которого свобода – лишь отсутствие внешнего принуждения

Отечественную психологическую науку отличает уникальная, исторически сложившаяся в силу социокультурных особенностей России, обусловленная достижениями российской физиологической науки рубежа XIX–XX вв., традиция четкого различения, разведения социального и биологического в человеке, рассмотрения социализации как запрета природного и естественного поведения, подход к культуре как к силе, выводящей человека за пределы власти законов природы. Это традиция подлинно диалектического подхода к проблеме развития человека, построенного на понимании развития как разрешения внутренних противоречий, заложенных в самой природе человека, а не являющихся результатом каких-либо дефектов социального окружения.

Основу такого подхода составило открытие И.М. Сеченовым центрального торможения как механизма задержки непосредственной реакции индивида на воздействие среды. Понятие центрального торможения позволило материалистически объяснить произвольность человеческого поведения, «способность личности противостоять непосредственным стимулам и мотивам, с тем чтобы следовать собственной программе» (Ярошевский, 1996, с. 376). Большое значение для понимания закономерностей человеческого поведения имело открытие Павловым второй сигнальной системы. Слово как особый вид социально-условного сигнала становится главным регулятором человеческой психики, подчиняя человеческое поведение и сознание уже не законам природы, а социуму и запечатленной в языке культуре. «Учение о борьбе за существование, — писал К.А.Тимирязев, — останавливается на пороге культурной истории. Вся разумная деятельность человека — одна борьба — с борьбой за существование» (Тимирязев, 1949, с. 596).

Подход к социальному как к силе, отменяющей биологическую детерминацию поведения человека, ярко проявляется в работах классиков отечественной психологии. В.А. Вагнер, основоположник отечественной сравнительной психологии, усматривает зачатки разумного поведения у животных именно в их способности действовать вопреки инстинкту: «О способности разума до известных пределов подавлять деятельность инстинктивную у животных нам свидетельствуют многочисленные факты» (Вагнер, 1998, с. 184). У человека социальная детерминация психики выступает как сила, противостоящая инстинктам: «...способности разумные подавляют инстинкты тем легче... чем выше культура того общественного круга, к которому данный субъект принадлежит» (там же, с. 185). Вагнер трактует человека как существо, находящееся в едином ряду с другими живыми организмами, но это единство диалектическое. Оно содержит в себе противопоставление,

противоречие как источник внутреннего развития: «На земле человек только один, пользуясь силою своих разумных способностей, преступил железный закон отбора, противопоставил силе биологических законов силу законов социальных» (там же, с. 77).

Рассуждая об эволюционном развитии человека, Б.Ф. Поршнев пишет: «Социальное нельзя свести к биологическому. Социальное не из чего вывести, как из биологического» (Поршнев, 1974, с. 17) — вот антиномия, которую он решает. Решение основано на идее инверсии, когда некоторое качество дважды превращается в свою противоположность, подпадая под формулу Фейербаха «выворачивание вывернутого». Возникновение человека, следуя этой логике, надо представлять как «перевертывание» животной природы в ту, с которой люди начали свою историю. Затем начинается собственно человеческая история, которая может быть представлена как «перевертывание» природы этого промежуточного звена. Проблему соотношения и генетического перехода между биологическим и социальным Поршнев называет великой темой философии и естествознания, «загадкой человека».

Касательно приоритета духовного начала в человеке в контексте отечественной теории стоит отметить, что, хотя в официальной советской науке декларировался атеизм, как только официальный запрет на религиозность был снят, соответствующая ориентация отечественной психологии проявилась в полной мере. В русле отечественной духовной традиции сейчас защищаются докторские диссертации, пишутся монографии серьезными специалистами, работавшими и получившими образование при советской власти. Можно полагать, что духовно-нравственное направление, которое с 1920-х годов было под запретом, скрыто развивалось в контексте так называемого естественнوناучного направления и во многом придало последнему его уникальный в мировой науке характер — обращенность к духовной стороне человеческого бытия. Сама идея о том, что сознание проявляется как запрет на инстинктивное поведение, т.е. в принципе сознательное поведение уже не подчинено принципу выживания, свидетельствует, что, хотя нельзя было открыто декларировать религиозность, человеку приписывались духовные, по сути, устремления.

Хьелл и Зиглер (Хьелл, Зиглер, 1997) справедливо полагают, что теоретики психологии личности, подобно всем людям, имеют определенные аксиоматические представления о человеческой природе. Эти базисные представления, не всегда осознаваемые, глубоко влияют на восприятие людьми себя и друг друга, а также на теоретические представления ученых о личности. Ни одна теория не может быть полно-

стью понята и соотнесена с другими безотносительно к имплицитно заложенной в ней системе положений о человеческой природе. По мнению Хьелла и Зиглера, корень этих аксиоматических представлений следует искать в личном опыте авторов теорий. В их монографии изложению каждого из теоретических подходов к личности поэтому предшествует биография автора, детали которой должны послужить ключом к пониманию особенностей его теории.

Не отрицая влияния личного индивидуального опыта на становление взглядов человека и формирование им теоретических представлений о личности, можно предположить, что еще более значимым оказывается влияние фактора культуры и социального заказа, в контексте которых создается та или иная теория (Мироненко, 2004). Диалектическое представление о биосоциальной природе человека, которое развивалось отечественной школой в условиях специфического социального заказа, во многом является уникальным и радикально отличным от представлений о «естественном» человеке, от природы наделенном общечеловеческими ценностями и добродетелями, лежащих в основании большинства классических зарубежных теорий (см. таблицу 2).

Таблица 2
Система постулатов, положенная в основу классических теорий

Теории отечественной психологии	Теории западноевропейской и североамериканской психологии
Человек просоциален, он коллективист, лучшее в нем создается обществом и служит обществу	Культ индивидуализма
Человеческая психика в ее важнейших особенностях формируется прижизненно, в процессе социализации и индивидуализации, наследственность не является определяющим фактором	Преимущественное значение придается фактору наследственности
Человек безусловно подчиняется законам природы, необходимости. Благодаря сознанию инстинкты не играют определяющей роли в человеческом поведении	Понимание инстинкта как основы человеческого поведения
Человек активен, он не только приспосабливается к миру, но преобразует, переделывает его	Активность человека в отношениях с миром ограничивается поиском способов достижения целей, которые однозначно определены контекстом ситуации и наличием «общечеловеческих ценностей»

В отечественной науке сложилось представление об индивидуальном развитии человека как о процессе, построенном на взаимодействии двух потенциально противоречивых программ: биологической (видовой) и социальной (заложенной в культуре и усваиваемой путем интериоризации). Такое понимание природы человека и законов его развития воплощено, например, в концепции индивидуальности Б.Г. Ананьева (Ананьев, 1968). Интегратором биологической и социальной программ развития является сам человек, индивидуальность, которая выстраивает собственный уникальный вариант жизненного пути и психофизиологического развития. Этот взгляд альтернативен общепринятому в традиционных европейских и американских теориях представлению о единой видовой программе развития человека, на реализацию которой социум может лишь влиять, способствуя либо (чаще) препятствуя ее воплощению тем или иным образом. Теории У. Джемса, Э. Фромма, Э. Эриксона, А. Маслоу, — при всех их различиях — имеют в своей основе общую систему постулатов о биосоциальной природе человека (Мироненко, 2000, 2002, 2005).

Признание человека существом активным так называемой гуманистической психологией не означает еще раскрытия его истинной природы, присущего ему творческого, созидającego начала. В контексте гуманистической психологии проблема качественного отличия человека как существа, изменяющего мир, от животного, приспособляющегося к миру, не только не решена, но и не поставлена (Мироненко, 2000, 2002, 2005).

В рамках подходов, односторонне трактующих человека как существо или полностью биологическое, или обладающее социальностью, которой ничто не противопоставлено и которая, по сути, является лишь новой формой общевиового, личность рассматривается как нечто, существующее и развивающееся по единым для всех законам, присущим либо биологическому виду в целом, либо некоторой культурно-исторической общности как его разновидности. Соответственно, смысл жизни человека определяется стремлением к единой для всех цели, сводится к решению общечеловеческих задач. При такой постановке вопроса индивидуальное человеческое сознание ставится в общий ряд прочих уровней психической регуляции и лишается самостоятельного смысла и значения. По сути дела, рефлексия становится лишь средством выполнения индивидом программы служения общности. Парадоксальным образом в западной психологии, с ее культом индивидуального бытия, индивидуальная свобода приобретает статус эпифеномена, оказывается свободой в выборе средств, но не целей (Мироненко, 2001).

Только в контексте отечественной теории биосоциального развития человека подлинный смысл и значение приобретает сознание человека, механизм рефлексии. Оказавшись в зоне пересечения двух потенциально противоречивых законов: природы и общества, человек обретает статус подлинного хозяина своей судьбы. Индивидуальное сознание здесь уже не только рассматривается в ряду прочих форм психического отражения, но обретает собственную важнейшую функцию, определяя контекст бытия, в котором существует и самореализуется личность: «Детерминизм не есть предопределенность, детерминация... не дана изначально в готовом виде, а напротив, формируется субъектом как самоопределение в ходе деятельности, поведения и т.д. ... детерминизм человеческой активности не исключает, а предполагает свободу» (Брушлинский, 2000, с. 46).

В свете отечественной теории новое звучание приобретает и проблема ответственности человека за свой выбор, свои поступки. Самоопределяющийся субъект, будь то отдельный человек или человечество в целом, уже не застрахован ни от ошибок, ни от ответственности за них — ни известной безошибочностью инстинктивного природного поведения, ни безальтернативностью социальных ролей и культурных норм (Мироненко, 2003а).

В русле развития отечественной теории, основываясь на принципах субъектно-деятельностного подхода С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинский предложил модель механизма функционирования человеческой психики, отличного от функционирования психики животного. Активная борьба животного за существование под контролем естественного отбора осуществляется на основе обратных связей, «подкрепления» механизмов поведения, соответствующих наследственно фиксируемым эталонам выживания, размножения и т.п.: «...механизм обратных связей непосредственно основан на изначальной заданности эталона, заранее устанавливающего способ прямого сравнения промежуточных и конечных составляющих регулируемого процесса» (Брушлинский, 1999, с. 119). Саморегуляция человека, в отличие от животного, «осуществляется безотносительно к любому заранее выбранному масштабу, эталону, критерию и т.д.» (там же). Мыслительная деятельность человека, регулирующая его поведение и определяющая поступки, представляет собой не столько поиск средств для достижения поставленных целей, сколько определение целей и их корректировку в процессе деятельности (Мироненко, 2003а, 2003в).

Для соотнесения теорий, развиваемых различными школами, и общего продвижения в исследовании проблемы соотношения биоло-

гического и социального в психическом развитии человека оказалось необходимым уточнить содержание понятия «социальное» в современной науке. Для этого мы воспользовались методом «раздвоения единого» (Ганзен, 1984), т.е. дихотомий. Можно утверждать, что искомое понятие определяется в различных психологических теориях:

- либо как противоположность «индивидуальному», т.е. дихотомия «индивидуальное – общественное»;
- либо как противоположность «животному», т.е. дихотомия «человек – животное».

Существенное различие в содержании понятия «социальное» при его определении через дихотомию «животное – человек» либо через дихотомию «индивид – сообщество» явно проявилось лишь на современном этапе развития психологической науки, в первую очередь благодаря достижениям биологических наук последних десятилетий XX в., прежде всего генетики, которые перевели проблему отношения индивида и природного сообщества из области идеологизированных стереотипов и вероятностных рассуждений в область экспериментов и точных расчетов.

Важнейшее реформирующее значение для понимания биосоциальной природы личности человека имело открытие генетиками механизмов так называемого группового наследования во второй половине 1970-х годов. Тот факт, что носителем целостного комплекса генов является не отдельный индивид, но группа, связанная родственными узами, позволил объяснить как биологически целесообразные те виды поведения, которые традиционно противопоставлялись биологически обусловленному индивидуальному эгоистическому поведению — различные проявления альтруизма и самопожертвования.

Эти открытия сделали возможным и необходимым разведение двух вышеназванных значений понятия «социальное», определяемого либо как противоположность «индивидуальному», либо как противоположность «животному». До этого времени существовала сильная тенденция к отождествлению областей этих значений. Так, А.Н. Леонтьев в своей классической монографии «Проблемы развития психики» (Леонтьев, 1972), говоря о различии между психикой животного и человека, доказывает, что животное всегда действует само по себе, в одиночку, даже когда несколько особей действуют вместе, воспринимая других как элементы окружающей среды, объекты. Феномен взаимодействия и взаимопонимания между членами сообщества в соответствии с его концепцией возникает лишь на уровне человеческой психики.

Сегодня благодаря успехам биологии мы можем с точностью говорить о наличии «социального» фактора в животных сообществах, что позволяет на новом уровне поставить проблему специфичности человеческой психики по сравнению с психикой животного. Разведение дихотомий «животное – человек» и «индивид – сообщество» как независимых в контексте определения понятия «социальное» позволяет выделить следующие психические феномены:

- животные, существующие на уровне индивида;
- животные, существующие на уровне сообщества;
- специфические человеческие, существующие на уровне индивида;
- специфические человеческие, существующие на уровне сообщества.

Многие вопросы биосоциальной природы человека ставятся по-разному в зависимости от того, в контексте которой из вышеназванных дихотомий понимает социальное автор теории, а в некоторых случаях вообще не могут быть поставлены. Так, понимание «социального» как противоположного индивидуальному уводит проблему свободы воли человека в зону слепого пятна научной школы. В русле биологизаторских направлений не могут быть предложены никакие варианты теорий свободы воли человека, понимаемой как «свобода от страстей», так как в основе этих направлений лежит модель человека, лишенная соответствующих свойств и проявлений. Свобода здесь может быть понята лишь как свобода от постороннего принуждения. В качестве своеобразного защитного механизма научного самосознания возникает неоправданное отождествление дихотомий «свобода – необходимость» и «детерминизм – индетерминизм».

Итогом описанного влияния социального заказа на разработку школами биосоциальной проблемы стало смещение ее предметной области: для западной психологической науки — в область отношений индивида и общности, для отечественной школы — в область специфических особенностей психики человека, проблем сознания, воли и т.п. (см. таблицу 3).

На протяжении периода идеологического противостояния ученые отечественной школы, часто в силу необходимости, выстраивали критику западных теорий, пытаясь, часто не вполне обоснованно, представить взгляды отечественной школы как альтернативные западным. Иногда оспаривали суждения, игнорируя существеннейшие различия в содержании используемых понятий. После падения «железного занавеса»

Таблица 3
Значение понятия «социальное»
и предметные области исследований «социальности»

	<i>Отечественная психологическая наука</i>	<i>Североамериканская и западноевропейская наука</i>
<i>Значение понятия «социальное»</i>	Определяется в дихотомии «человек – животное»	Определяется в дихотомии «индивид – общность»
<i>Предметная область исследований «социальности»</i>	Специфичность человеческой психики в дихотомии «человек – животное» (Интраиндивидуальный подход)	Взаимоотношения противопоставленных друг другу индивидуума и общности (Интериндивидуальный подход)

веса» эта тенденция сменилась тенденцией некритического принятия западных теорий, жадной слияния, декларированием, часто также не обоснованным, сходства подходов. Теперь нередко подчеркивается сходство суждений на фоне игнорирования различий в содержании понятий.

Представляет ли интерес отечественная теория в контексте актуальных проблем и дискуссий современной зарубежной психологии?

Можно утверждать, что исследования, выполненные в русле отечественной биосоциальной теории, не повторяют выводы ведущих зарубежных школ и не противоречат им, но заполняют существенно иное предметное пространство, которое ранее на западе практически не исследовалось, а сегодня является областью интенсивных разработок и бурного роста теорий в силу их востребованности и актуальности. На рубеже XX–XXI вв. политика и идеология в мире изменились. Мир уже не строится на антагонизме двух систем, что снизило идеологическое напряжение в области биосоциальных теорий. Это делает перспективным налаживание конструктивного диалога и формирования научного контекста, общего для отечественной науки и новейших направлений, как теоретических, так и конкретно-психологических, возникших на Западе в посткризисный период.

Это, прежде всего, такие теоретические направления, как эволюционная психология и социобиология, социальный конструктивизм, кросскультурная психология, а также такие области конкретно-психологических исследований, как:

- life-span human development,
- развитие человека в период взрослости,

- личность как определяющий фактор и интегратор психических процессов и состояний,
- кросс-культурная психология,
- самореализация личности.

Общность предметного пространства и отсутствие идеологического пресса в рамках данных направлений позволяют прогнозировать возможность их конструктивного диалога с отечественной теорией (Мироненко, 2000, 2002, 2005).

Отметим, что и культурно-историческая теория Л.С. Выготского, признанная зарубежными коллегами, воспринимается ими не во всей своей полноте. Она принята ими лишь в части описанного им механизма овладения культурой, но не в части понимания роли и места культуры в формировании личности, революционного пафоса этой теории: «...культурно-историческую концепцию Выготского мог создать только человек, живший в эпоху революционных перемен, атеист, свято веривший в возможность “формирования нового человека” в рамках марксистской психологии, т.е. исповедовавший иудейско-христианскую идею мессианства в ее новой сайентистской форме» (Петренко, 2002, с. 16).

Так что и здесь имеется основа для разворачивания диалога с позиций отечественной школы.

Отечественная теория, несомненно, самобытна, и, как это присуще великим теоретическим школам, обладает большим потенциалом интеллектуального вызова оппонентам, потенциалом для разворачивания полемики. **Почему смелость, радикальность и острая полемичность отечественной теории нуждаются в доказательствах и не являются очевидными?**

А.В. Петровский называет способ существования отечественной психологии при советской власти тактикой выживания (Петровский, 2000). Возможно, как один из аспектов этой тактики следует рассматривать ту своеобразную маскировку «острых углов», затушевывание полемического потенциала работ, которые закрепились в нашей науке в советский период. «Позитивизм, обросший марксистской фразеологией», действительно составлял внешнюю поверхность советской психологии. Внимание цензоров, привлеченное яркими, полемически заостренными положениями, оборачивалось запретом, если не уничтожением работ — по всей видимости, «на всякий случай», чтобы не пропустить что-нибудь опасное. Вспомним судьбу таких «смелых», как Л.С. Выготский, В.А. Вагнер, Б.Ф. Поршнев. Эти ученые не грешили против официальной идеологии марксизма, напротив, они были даже

слишком последовательными марксистами в использовании диалектического метода, в своем подходе к человеческой психике как к явлению изначально внутренне противоречивому, развитие которого потому и происходит с неизбежностью, что основано на внутреннем противоречии. Они не были репрессированы, но их труды фактически не публиковались прижизненно, игнорировались официальной наукой, уже набранными исчезали в типографиях.

А.В. Юревич говорит об утрате современной отечественной социогуманитарной наукой претензий на «самобытность», о том, что отечественные ученые «как “интеллектуальные посредники”... играют очень важную и вполне творческую роль, однако свое традиционное предназначение в качестве производителей нового знания они начинают утрачивать.

И это — возможно, главный результат “адаптации” отечественной социогуманитарной науки к тому социальному контексту, который сложился в современной России (курсив мой.— И.М.)» (Юревич, 2004, с. 13) .

Школа в науке — явление временное. Возможно, наступает естественный конец той школы, которая сложилась в СССР. В то же время есть основания думать, что возможно возрождение этой школы — в новом облике, соответствующем реалиям современности, в чем-то радикально отличной от советского периода, но что-то главное в традиционной парадигме развивающей. Отечественная теория, в том числе, и прежде всего, теория биосоциального единства человека — при условии необходимой герменевтики — представляется остроактуальной в контексте тенденций развития мировой психологической науки и имеет все основания войти в психологию XXI в. в качестве самобытной школы.

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
- Брушлинский А.В. Субъектно-деятельностная концепция и теория функциональных систем // Вопросы психологии. 1999. № 5.
- Брушлинский А.В. Гуманистичность психологической науки // Психол. журн. 2000. Т. 21. № 3.
- Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч. М., 1982. Т. 1.
- Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984.

- Кольцова В.А. Системный подход и разработка проблем истории отечественной психологической науки // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 2.
- Ладыгина-Котс Н.Н. Дитя шимпанзе и дитя человека. М., 1935.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
- Мироненко И.А. Теория Б.Г.Ананьева в контексте современной зарубежной психологии развития личности // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 4. СПб.: СПбГУ, 2000.
- Мироненко И.А. Современные взгляды на биосоциальную природу личности и самореализация // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 5. СПб.: СПбГУ, 2001.
- Мироненко И.А. Биосоциальная проблема в контексте современной психологической науки // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 6. СПб.: СПбГУ, 2002.
- Мироненко И.А. О свободе и ответственности человека в контексте актуальных проблем и тенденций развития психологической науки // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 1 (17). 2003а.
- Мироненко И.А. Биосоциальная проблема и кризис психологической науки // Труды III Съезда РПО. СПб. Ежегодник российского психологического общества. 2003. Т. 5. СПб., 2003б.
- Мироненко И.А. Модульная теория мышления в контексте проблемы опосредованности человеческого познания // Труды III Съезда РПО. СПб. Ежегодник российского психологического общества. Т. 5. СПб, 2003в.
- Мироненко И.А. Об интеграции психологического знания // Вопросы психологии. 2004. № 3.
- Мироненко И.А. О философских основаниях интеграции психологического знания // Философские науки. 2004. № 10.
- Мироненко И.А. Биосоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психол. журн. 2005. № 1.
- Петренко В.Ф. Школа А.Н.Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии / Под ред. А.Е. Войtkунского, А.Н. Ждан, О.К. Тихомирова. М., 1999.
- Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. Т. 23. № 3.
- Петровский А.В. Психология в России. XX век. М., 2000.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Теоретическая психология. М., 2001.
- Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997.
- Тимирязев К.А. Избр. соч. в 4-х т. Т. 3. М., 1949.

- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1997.
- Юревич А.В. Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2.
- Юревич А.В. Психология и методология // Психол. журн. 2000. № 5.
- Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5.
- Юревич А.В. Структура психологических теорий // Психол. журн. 2003. № 1.
- Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. М.: ГУ ВШЭ. Препринт WP6/2004/02. Серия WP6.
- Ярошевский М. Г. Наука о поведении: русский путь. М., 1996.
- Concise Encyclopedia of psychology. New York, 1987.
- Encyclopedia of Psychology / Ed. by R.J. Corsini. V. 1–4. New York, 1994.
- Lunt I. EuroPsych Project // European Psychologist. 2000. V. 5. № 2.
- Newstead S., Makkinen S. Psychology teaching in Europe // European Psychologist. 1997. V. 1. № 14.
- Tele-interviews // European Psychologist. 2000. V. 5. № 2.

ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В.А. БАРАБАНЩИКОВ

Согласно принципу системности, изучаемые явления рассматриваются с точки зрения целого и обладают свойствами, которые невозможно вывести из его фрагментов или частей. На передний план выдвигается логика целостности, синтеза, взаимопереходов и взаимовключений.

Представление о системной природе психических явлений все чаще выступает в качестве итога развития знания о психике. Включаясь во всеобщую взаимосвязь событий материального мира, психические явления выражают уникальное единство разнообразных свойств живых существ. В совокупности они образуют «функциональный организм», позволяющий животным (человеку) гибко ориентироваться, коммуницировать и действовать в перманентно меняющейся среде (мире). Психическое открывается и как отражение действительности, и как отношение к ней, и как функция мозга, и как регулятор поведения, деятельности и общения, как природное и социальное, как сознательное и бессознательное. Возникая как феномен жизни, оно достигает высот творчества, самосознания и духовности. Психика объективно выступает в виде многомерного, иерархически организованного, развивающегося целого или *органической системы*, функциональные компоненты которой имеют общий корень и онтологически неразделимы.

Другой причиной обращения к идее системности являются высокие темпы дифференциации психологического знания и связанная с этим методологическая и теоретическая разобщенность исследований. Именно эта тенденция порождает проблему когерентности психологии, т.е. возможности ее существования как единой науки (Giorgi, 1992; Koch, 1992). Чрезвычайное разнообразие подходов к исследованию психического (им соответствует многообразие принципов, понятий, методов исследования, эмпирических данных) обостряет проблему предмета психологии и ее метода. Первостепенное значение приобретает вопрос о способах объединения разнородного психологического знания и осуществлении концептуальных синтезов более высокого порядка.

Наконец, нельзя не учитывать непрерывного втягивания психологии в решение задач различных сфер общественной жизни (управления коллективами, бизнеса, сферы обслуживания, обучения и воспитания, охраны здоровья, политики и многих других). Психология все больше превращается в область профессиональной *практической* деятельности, которая формирует собственные нормы и принципы работы, понятийный аппарат, методы и задачи. Складывается основание научно-практического направления системного подхода, связанного, с одной стороны, с идентификацией психологических проблем в разных сферах деятельности человека, а с другой стороны — с использованием психологических знаний в реальных жизненных ситуациях.

Как известно, попытки прямого внедрения концепций человеческой психики и поведения в различные сферы практики наталкиваются на непреодолимые трудности. Встает задача разработки понятийного аппарата и соответствующей методологии, которые позволили бы конкретизировать научное знание применительно к реальной жизни и деятельности людей. Ее решение невозможно вне системного анализа самой практической сферы — «реального объекта», способов его соотнесения с теоретической моделью и связи психологии с другими научными дисциплинами.

Таким образом, обращение к принципу системности в психологии отражает актуальное состояние и генеральную тенденцию развития этой науки. Воплощение данного принципа в «материал» психологической науки является самостоятельной проблемой, вернее, «деревом проблем», решение которых требует специальных усилий.

Отметим, что системный подход, как и любая методология высокого уровня, не предназначен для решения собственных проблем психологии. Его функция заключается в том, чтобы обеспечить работу по построению предметного содержания науки средствами данной методологии. В зависимости от того, насколько это содержание оказывается адекватным исследуемой реальности, можно судить об эффективности используемого подхода.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

В общем плане под системным подходом понимают методологическое направление, разрабатывающее средства познания и конструирования сложноорганизованных объектов. Исторически этот подход противо-

стоит механистической методологии, ориентированной на изучение отдельных, как правило, неизменных элементов действительности, движение которых подчинено законам классической механики. В отличие от внешнего соединения частей, система представляет собой качественное единство, или совокупность, обладающую интегральными свойствами. «В определенном смысле системный подход и есть методологическое средство изучения интеграции, точнее, интегрированных объектов и интегральных зависимостей и взаимодействий» (Кузьмин, 1980, с. 258).

Хотя предпосылки системного мышления (например, представление о несводимости целого к сумме частей, идея иерархии и др.) появились в философии и науке сравнительно рано, их оформление в методологический принцип потребовало существенного накопления эмпирических данных и разработки понятийного аппарата решаемых проблем. Логика развития познания такова, что первоначально изучаемый предмет берется в отдельности, сам по себе. Его качество лишь констатируется, свойства выводятся из него же самого, а сопоставление разных предметов осуществляется внешним образом. На более высокой ступени познания предмет описывается как часть некоторого целого, закону существования которого он подчиняется. Целое, или система, играет роль основания родового качества предмета, которое вне или помимо системы не проявляется. Поскольку в действительности любой предмет принадлежит не одной, а многим системам, он обнаруживает разные качественные определенности и оказывается многомерным. Наконец, существует еще одна, высшая ступень познания, на которой предмет воспроизводится в знании целиком, во всей полноте его связей и отношений. Здесь осуществляется высший гностический синтез, восхождение от абстрактного к теоретически конкретному изображению реального предмета. Это предельно широкое видение действительности, которое предполагает оперирование всей совокупностью систем, учет многообразия взаимодействий, разнотипности связей и разноплановости отношений, а также преимущественное использование генетического или конкретно-исторического способа исследования.

С рассматриваемой точки зрения, чем сложнее и глубже оказывается человеческое знание, тем более системным оно становится. При этом системный подход включает в себя средства как анализа (например, объективация/выделение систем, спецификация механизмов интеграции или разведение уровней, планов и измерений изучаемых явлений), так и синтеза: разные аспекты знания собираются в единое

целое, а все возрастающее число срезов и измерений раскрывает действительность в ее конкретной полноте.

Как общенаучная методология системный подход получил распространение в 1960-е годы в связи с успехами научно-технической революции. Его наиболее известная форма, названная Л. Бергаланфи общей теорией систем (ОТС), была ориентирована на поиски универсальных закономерностей сложно организованных объектов и решала задачу интеграции разнородного научного знания. Исследователей интересовали устройство систем и механизмы, обеспечивающие их функционирование, т.е. равновесие со средой (Блауберг, Юдин, 1973; Садовский, 1974). Именно в таком виде системный подход проник в западную, прежде всего американскую психологию, затронув не только прикладные области типа Human factors, но и ее общетеоретическое ядро. Представления и установки ОТС использовались при изучении поведения (Б. Скиннер), личности (Г. Оллпорт), процессов познания (У. Найссер), организации и динамики социальных групп и других явлений. В какой-то степени этот методологический шаг был подготовлен яркими достижениями гештальтпсихологии и школы К. Левина, показавшими, что представление психических явлений и поведения в качестве систем открывает исследователю весьма широкие перспективы (Левин, 2000; Koffka, 1935).

История психологической науки во многом выступает как история поиска альтернатив атомистической, по существу, асистемной точке зрения на природу психики и поведения. Наиболее последовательно эта точка зрения реализовывалась эмпирической психологией сознания и классическим бихевиоризмом, которые постулировали существование исходных элементов (ощущений, реакций), объединяемых внешними связями (ассоциациями), а также обусловленность психики и поведения жесткими каузальными зависимостями. Следствием такого подхода стало распространение редукционизма (физиологического, логического, социологического, кибернетического, информационного), опасность утери специфики предмета психологии и кризис методологических основ психологической науки. Преодоление этого кризиса, собственно, и связано с освоением (большой частью неосознанным) системного взгляда на предмет психологического познания. Критерии научности все больше ассоциируются не столько с аналитическим, сколько с синтетическим, целостным подходом, вписывающим психическое в систему жизненных связей и отношений человека и подчеркивающим самостоятельность целого относительно образующих его компонентов. Существенные шаги в раскрытии системной природы психики в отечественной науке

сделаны Б.Г. Ананьевым, В.М. Бехтеревым, Л.С. Выготским, А.Р. Лурия, В.С. Мерлиным, С.Л. Рубинштейном, Б.М. Тепловым, А.А. Ухтомским и др. Системный анализ поведения и деятельности устойчиво связан с именами П.К. Анохина, А.Н. Леонтьева, Н.А. Бернштейна и др.

В отличие от теоретиков ОТС, Б.Ф. Ломов подчеркивал специфичность и многообразие проявлений целостных образований психики, их зависимость от сферы бытия, уровня организации и развития (Ломов, 1984; Ломов, 1995). Моносистемный взгляд на природу целостностей, с его вниманием к компонентам и структуре, Ломов дополнил *полисистемным*, выделив объективные основания интегральных качеств и свойств. На конкретном эмпирическом материале было показано, что человек (его психика, поведение), включаясь в разные системы отношений, разворачивается в различных планах и обнаруживает качества, которые отсутствуют в других системах. Поскольку объемлющих (макро-) систем оказывается несколько, психические явления всегда выступают как своеобразные «качественные узлы».

Принцип системности распространялся Ломовым на психологию в целом и полагался ведущим регулятивом исследования. Ломов одним из первых обратил внимание на собственную организацию предметного поля науки, попытался уйти от его внешней гомогенности, и, следовательно, «лобового столкновения» теорий, концепций и методов. Предметное поле психологии выступило в его работах как многомерное, многоуровневое, подвижное образование. Этот методологический шаг подводил к принципиально новой стратегии познания. Важным становились не только обоснование, подтверждение или опровержение конкретной концепции, полученных данных и т.п., но и указание их места в сложнейшей системе знания, установление их «ипостасей» или форм проявления, поиск множественных путей их взаимосвязей и взаимопереходов. Эпоха классических теорий, претендующих на объяснение любых психических явлений на основе проработки какой-либо одной из областей науки, заканчивалась.

Исследования, проведенные в психологии во второй половине ушедшего столетия, позволяют заключить, что обращение к идеям системности — не просто дань времени или моде. Системный подход вводит в психологию максимально широкий взгляд на изучаемые явления, возможность разработки конкретной логики их взаимопереходов и взаимовключений, а также конструирование интегративного знания, которое не только глубоко отражает сущность явлений (их гетерогенность, текучесть, недизъюнктивность), но и наиболее приспособлено для решения практических задач. Раскрывая недостаточность (узость,

односторонность, ограниченность) концептуальной базы и традиционных средств исследования, системный подход создает предпосылки для формирования более адекватных теоретических построений, объяснительных принципов и способов организации знания. Системный подход позволяет наиболее точно ставить проблему и намечать стратегию ее решения, ориентирует исследователя на изучение психики как дифференцированного целого, выявление многообразия его связей и отвечающих им планов, уровней и измерений, обеспечивает создание предельно широкой многомерной картины психических явлений. Необходимо, однако, иметь в виду (и это вытекает из самой сути системного подхода как грани диалектики), что он не дает исчерпывающе полной методологической характеристики исследований психики и предполагает другие методологические ориентации. Более того, он эффективен именно тогда, когда наполняется конкретным психологическим содержанием.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В качестве ориентиров развития системного подхода в психологии на сегодняшний день выступают две задачи: 1) построение на основе принципа системности *предмета* и 2) разработка системного метода познания психических явлений. Полнота и эффективность решения названных задач определяют уровень развития системных **исследований в целом**.

Строго говоря, изучение интегральных образований психики (либо их производных), выявление их состава, структуры, способов функционирования, иерархической организации и т.п. является скорее правилом, чем исключением. К такого рода объектам относятся: поведенческий акт (П.К. Анохин), доминанта (А.А. Ухтомский), гештальт (К. Коффка), психологическая система (Л.С. Выготский), интегральная индивидуальность (В.С. Мерлин), интеллект (Ж. Пиаже), познавательная сфера (Д. Норман), перцептивный цикл (У. Найссер) и др. Особенность текущего этапа состоит в том, что наряду с организацией (структурой, уровнями) и функционированием целостных образований на передний план выдвигается изучение их *становления и развития*. Доминирующим оказывается генетическое направление системного подхода. В качестве ключевых рассматриваются вопросы конкретных механизмов порождения целостностей, соотношения стадий и уровней развития, его видов, критериев, взаимоотношений

актуального и потенциального в психическом развитии и т.п. (Барabanщиков, 2000; 2002; 2003; Идея системности в современной психологии, 2005; Барабанщиков, Носуленко, 2004; Системные исследования..., 2000; Психологическая наука в России..., 1997; Принцип системности в психологических исследованиях, 1990).

Как известно, проблема психического развития занимает в психологии одно из центральных мест и имеет глубокое общепсихологическое содержание. К развитию способны лишь целостные образования, находящиеся в перекрестии системы детерминант. Поэтому обратной стороной психического развития выступает закономерное движение этой системы: изменение состава, структуры и способов детерминации психики и ее компонентов. При данном условии само развитие приобретает очертания органического целого, т.е. системы. Это позволяет более дифференцированно подойти к решению ряда фундаментальных проблем психологии и акцентировать не всегда выделяемые измерения детерминационных процессов: их динамичность, нелинейность и опосредствованность. По этой линии прослеживается, в частности, связь психологии с синергетикой (Пригожин, Стенгерс, 2000; Хакен, 1980).

При изучении психического развития нередки случаи, когда исследователи пытаются установить некоторую универсальную детерминанту, якобы ответственную за этот процесс и обеспечивающую переход новообразования с одной стадии на другую. Действительная же картина психического развития оказывается более сложной. Любой результат развития (когнитивный, личностный, операциональный), достигнутый на той или иной его стадии, включается в совокупную детерминацию психического, выступая в роли внутреннего фактора, предпосылки либо опосредствующего звена по отношению к результату следующей стадии. Тем самым складывается новая ситуация, обеспечивающая возможность перехода на следующую ступень психического развития. По существу, динамика стадий (этапов, фаз, ступеней) развертывания психического отражает движение всей системы детерминант, которая непрерывно доопределяется в процессе развития и потому никогда не может быть предсказана полностью.

Целостные (интегральные) образования возникают, функционируют и преобразуются в процессе развития некоторой объемлющей системы, качествами которой они наделены. Соответственно, развитие целостных образований может быть понято только в контексте законов развития порождающей системы (основания). Поскольку и субъект, и объект психической активности включаются в разные системы отно-

шений, развитие выступает как полисистемный процесс. Он выражает единства дискретного и непрерывного, стабильного и изменчивого, тождественного и различного, репродуктивного и продуктивного, актуального и потенциального, необходимого и случайного, которые обеспечиваются лишь определенным соотношением (мерой) типов детерминант. В нем можно выделить уровни (микро-, мезо-, макро-) организации, качественно различные ступени или этапы, смены ведущего основания и ключевых детерминант.

С точки зрения системного подхода психическое развитие не только многосторонне, но и многовариативно. В рамках единого процесса различные психические образования (свойства, функции) развиваются неравномерно и имеют собственную «траекторию движения». Новая система (качество) может возникнуть как в результате интеграции, так и дифференциации целостных образований (их функций). Источником же развития оказываются противоречия между разными измерениями, уровнями организации, свойствами или функциями одного и того же целого. Психическое развитие представляет собой полиморфный процесс, включающий прогрессивные и регрессивные качественные преобразования, возможность стагнации и тупиковых линий движения. Это не только рождение нового, но и трансформация или же разрушение неэффективных форм психической организации и поведения человека. Источник развития, пути, средства и формы его осуществления носят системный характер.

Еще одна черта современных исследований — акцентуация оснований интегративности и целостности психических явлений. Эта тенденция связана с усилением *субъектного подхода* к анализу психики (С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский), в соответствии с которым и психические процессы, и деятельность (либо поведение, общение, игра) рассматриваются в конкретной отнесенности к тому, кому они принадлежат. Как показывают исследования, даже самый простой психический акт представляет собой акт конкретного субъекта жизни и включен в общий контекст его развития. Субъект выполняет роль стержня, или интегрирующего звена, объединяющего различные проявления (компоненты, модальности) психики и уровни ее организации. Анализ субъекта, следовательно, открывает возможность выявления механизмов образования и развития целостностей и оказывается *внутренним моментом* системного исследования психики. Очевидно, что в рамках системного подхода субъект также должен рассматриваться как дифференцированное многомерное целое (система).

Онтологически (конкретно) понятый субъект выражает основу многообразных отношений человека к действительности. Вступив в эти отношения, индивид не просто подчиняется действительности — воплощает в ней самого себя. Реализуя разные отношения, один и тот же индивид оказывается субъектом разных жизненных проявлений, в частности, восприятия, мышления, эмоциональных переживаний, общения, деятельности, и реализует соответствующие функциональные возможности (свойства, качества, роли и т.п.). Человек как субъект способен распоряжаться собственными ресурсами и благодаря этому строить отношения с действительностью. Активность, самодетерминация, саморегуляция, самосовершенствование — ключевые характеристики субъекта жизни (Абульханова, 1973; Брушлинский, 1994; Проблема субъекта в психологической науке, 2000; Психология индивидуального и группового субъекта, 2002).

Анализ субъекта заставляет всерьез обратиться к еще одной реальности — к *объекту* жизнедеятельности. Чаще всего его отождествляют либо с эмпирическим объектом (вещью, событием), либо со стимуляцией. При таком понимании индивид (или группа) оказывается изначально «отрезанным» от условий своего существования и развития и, как показывает исторический опыт, никакие логические ухищрения не способны обеспечить затем их внутреннего единства. Объект, или совокупность обстоятельств жизни и деятельности человека представляет собой функциональное целое, которое включает не только элементы (свойства, вещи, события) и отношения среды, но и самого субъекта жизнедеятельности, объединяющего их в систему. Подобное единство человека и его среды известно в психологии как «ситуация» или «мир» (Левин, 2000; Рубинштейн, 1973; Magnusson, 1981). В отличие от среды в любых ее формах, объект-ситуация (объект-мир) противоречив и парадоксален: включая в себя субъекта, он одновременно противостоит ему; одной его стороной являются условия жизни, другой — их отражение человеком, включенным в ситуацию. Ситуация (мир) оказывается и сложнейшей системой детерминант активности субъекта, и, одновременно, результатом этой активности. Без анализа объекта (выделения его образующих, структуры, норм и правил, которым он подчиняется, уровней организации, динамики и т.п.) невозможно ни понять содержание психических феноменов, ни охарактеризовать субъекта и формы его активности. Хотя представления об объекте активно используются в рамках праксиологического и средового (экологического) подходов в психологии, проблема объекта как системы ждет своего решения.

Ситуация складывается на основе разнородных элементов среды (физико-географической, экологической, социальной) как целостность, соотнесенная с интересами, требованиями и возможностями субъекта. При этом активным оказывается не только человек, но и элементы его окружения: они могут быть «враждебными» (противостоять или мешать субъекту), «дружественными» (содействовать субъекту, его намерению), или нейтральными. Соответственно, и способы разрешения ситуации оказываются различными, принимая вид борьбы, сотрудничества или сосуществования.

Жизнь человека соткана из ситуаций, в которые он вовлечен с первых секунд самостоятельного существования и в которых он не только реализуется, но и развивается. Ситуации чрезвычайно разнообразны по содержанию, способам разрешения, роли в личностном развитии и в жизненном пути. Они имеют как реальные, так и виртуальные способы организации, принадлежат различным сферам бытия, могут неожиданно прерываться или оставаться принципиально неразрешенными. Ситуация редко выступает в чистом виде: это всегда клубок событий разного уровня, разного времени жизни, разного содержательного и смыслового наполнения. При этом каждая ситуация предполагает особую позицию субъекта, соответствующий опыт, пути и способы выхода из нее. Остается удивляться универсальности и гибкости человека, его способности планомерно и достаточно успешно справляться с грузом многочисленных забот.

Ситуация — это «атмосфера» субъекта, наполняющая его жизнь предметным содержанием и смыслом. Поэтому анализ любого психологического феномена с необходимостью предполагает выход за его собственные границы в то объемлющее целое, в котором он возникает и развивается. Деятельность, общение, игра, учение — суть способы разрешения ситуаций, которые не только стереотипно повторяются, следуя степенному течению жизни, но могут радикально меняться и требовать новых подходов и оригинальных решений.

И субъект, и объект жизнедеятельности органически взаимосвязаны и выступают как компоненты одного и того же *фрагмента бытия*, или *события* жизни, включающего психические явления в единстве с условиями их существования и развития. Данная система может иметь различное содержание, способ организации, масштаб (микро-, мезо-, макро-), подчинена определенной логике развития. По существу, это и есть онтологическое основание психического как системы. Понятие события позволяет выделить важнейшие характеристики психических явлений — целостность и развитие, вписав их

в естественный поток жизни. Изучение законов движения подобных систем, их развития, взаимопереходов, координаций и трансформаций представляется одной из центральных задач психологической науки (Барабанчиков, 2002).

Долгое время онтология психических явлений относилась к проблемам «второго плана» и нередко отдавалась на откуп смежным дисциплинам — физиологии, социологии или информатике. Исследователей больше интересовал гносеологический аспект — механизмы и способы отражения действительности в психике человека. Сегодня становится все более очевидным, что без учета способа существования психических явлений, их бытия психологическое знание остается принципиально неполным, а в практическом отношении — весьма ограниченным. Обращение к онтологической парадигме является необходимой предпосылкой разработки системно-генетического представления о психике.

В рамках рассматриваемого подхода то или иное психическое явление открывается исследователю (и должно быть изучено) в нескольких ракурсах. Во-первых, в контексте определенного фрагмента бытия, в который включен данный индивид либо группа, т.е. ситуации. Здесь лежат основания предметного содержания и динамики изучаемого феномена. Во-вторых, с точки зрения субъекта определенной формы активности. Здесь изучаемое явление берется в единстве внутренних условий своего существования, образующих разномодальное целое (в его состав входят: мотивационно-оценочный, когнитивный, диспозиционный, рефлексивный и другие компоненты). В-третьих, в плане той модальности психического, к которой непосредственно принадлежит изучаемое явление. Здесь фиксируется специфика и уникальность феномена, который выступает как сторона или момент унимодального целого. Таким образом, в каждом из ракурсов исследователь имеет дело с разными (хотя и связанными друг с другом) интегральными образованиями, а действительная природа явления реконструируется путем синтеза его различных «проекций».

Из вышесказанного вытекают главные требования к системному методу исследования психики: а) чувствительность к интегральным (системным) качествам изучаемой реальности и б) возможность внутреннего синтеза (сопряжения) выделяемого плана (измерения) с другими планами (измерениями) объекта познания.

С этих позиций далеко не каждое изучение даже системных модусов психического оказывается системным. Например, классическая процедура исследования микрогенеза чувственного образа (Ланге,

1893; Krugh, Smith, 1970) не может быть безоговорочно отнесена к системным методам потому, что вырывает изучаемое явление из контекста реальной жизнедеятельности субъекта и ограничивается искусственно выделяемым фрагментом (пусть и очень важным) целостного перцептивного процесса. Микроразвитие чувственного образа рассматривается здесь «с нуля», так, будто бы до его возникновения с воспринимающим субъектом ничего не происходило, и заканчивается появлением некоторого устойчивого (зрелого) состояния. Что происходит с образом (а также с субъектом восприятия) потом, когда он уже выполнил свою функциональную роль, остается загадкой. С точки зрения системного подхода микрогенез восприятия должен быть исследован как система, включающая полный цикл жизнедеятельности чувственного образа: его возникновение, становление, функционирование и преобразование, а это требует более адекватных теоретических представлений и методических средств (Барабанщиков, 2002).

Методологическая квалификация исследования как системного связана в первую очередь с характером постановки научной проблемы и, следовательно, с организацией его предметного содержания. Все определяется тем, рассматривается ли это содержание в качестве целостного образования или нет. В эмпирическом исследовании системный объект всегда выступает перед исследователем опосредствованно. Фиксация наблюдаемых характеристик объекта необходимо дополняется *представлением* о его системной организации и развитии, а это требует специальной методологической работы.

В зависимости от поставленной задачи один и тот же предмет может изучаться и как системный, и как несистемный. Если, например, необходимо выявить черты характера человека, то можно обойтись традиционными средствами психологического анализа; если же требуется установить структуру характера, то без привлечения системных представлений не обойтись. Отметим, что использование традиционных (несистемных) средств исследования не означает обращения к чему-то устаревшему и неэффективному. Эти средства и адекватны, и эффективны там, где требуется описать сложный предмет и разложить его на части (свойства, функции, способности, процессы и т.п.). Хотя исторически такая задача появляется в науке достаточно рано, она сохраняет свое значение и по сегодняшний день.

В настоящее время собственный арсенал системных технологий психологической науки и практики очень скромнен, а его развитие представляет собой непростую исследовательскую задачу. Главная трудность состоит в том, чтобы изучать то или иное явление, не теряя

(не обрубая), а учитывая его системные (интегральные) качества, связи с другими явлениями жизни и деятельности субъекта, целостный характер его развертывания во времени и разноразмерность организации. Это условие предполагает разработку концептуальных схем, позволяющих интегрировать эмпирические данные, методы исследования и понятия, принадлежащие к разным научным парадигмам. Их появление открывает возможность новых путей движения в теоретическом пространстве предмета.

Таким образом, на данном этапе развития психологической науки и практики наиболее привлекательным и многообещающим предметом исследования выступает системогенез психики и разнообразных ее проявлений. Движение в этом направлении позволяет более тесно увязать психические процессы, свойства и состояния с характеристиками субъекта, акцентировать внимание на процессуальной стороне, усилить тот аспект исследований, который ведет к интеграции психологического знания.

ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЙ

Признавая несомненные достижения психологической науки, практики и образования в ушедшем столетии, трудно все же согласиться с утверждениями, что человечество вступает в «психозойскую эру», а XXI в. станет «веком психологии». На сегодняшний день замечание В.И. Вернадского остается всего лишь метафорой, льстящей самолюбию психологов и подогревающей их исследовательский энтузиазм. Предстоит сделать еще очень многое, чтобы красивая форма наполнилась глубоким научным и практическим содержанием.

Обычно «веком» той или иной области знания, например, «веком физики», «веком химии» и т.п. называют столетия, в которых совершались принципиальные открытия, в частности, формулировались фундаментальные законы, утверждавшие новый способ мышления и влиявшие на организацию жизни общества в целом. С этой точки зрения XXI в. представляется «веком биологии и информационных технологий» — т.е. тех дисциплин, которые стоят на пороге крупных достижений и радикальных перемен. Сегодня есть все основания ожидать, что и та, и другая области знания окажут существенное влияние на психологию, создав предпосылки фундаментальных открытий в будущем. Более того, психология сможет эффективно проявить свой

научно-практический потенциал внутри биологии и информатики, решая задачи этих наук. Обратим внимание, что именно в этих дисциплинах системный подход получил наибольшее распространение.

Нельзя недооценивать и общего влияния на развитие психологии физических наук. Физика как феномен культуры, а не только как область позитивного знания, создает и поддерживает атмосферу научности, определяет представления о предназначении науки и типе ученого, формирует мировоззренческий климат эпохи. В физическом способе познания находят отражение существенные черты современного стиля мышления, который остается непоколебимым, несмотря на прогрессивно возрастающие объемы социо-культурного познания и гуманитаризацию жизни в целом.

Расширение и углубление междисциплинарных связей психологии является одним из наиболее мощных факторов ее развития. Это касается и гуманитарных наук, которые также находятся в поиске предмета и метода, периодически погружаясь в кризисные состояния. Значительное, хотя и не решающее влияние на развитие психологии могут оказать религия (особенно по линии практического опыта), искусство и литература, которые несут целостный взгляд на человека, а по глубине раскрытия внутреннего мира личности и способам воздействия на него существенно опережают академическую науку и строящуюся на ее основе общественную практику. Изображение человека средствами искусства и литературы является идеалом, конечной целью, напоминанием, а иногда и укором научной психологии и рациональному познанию как таковому. В этом ключе большие ожидания связываются с развитием собственной практики психологии (психопрактики), пытающейся учитывать целостность человеческой индивидуальности. Несомненно, что роль психологического знания в постиндустриальном обществе, к которому движется человечество, будет монотонно возрастать, а темпы дифференциации психологической науки — по крайней мере, не уменьшаться. Прогрессирующая глобализация общественной жизни (экономики, политики, финансов, коммуникаций, здравоохранения и др.) с необходимостью утверждает системный способ мышления и отношения к действительности.

Вряд ли кто-либо сегодня всерьез отважится предсказывать судьбу направлений и тем более отдельных школ. Можно обсуждать лишь наиболее общие требования к науке XXI в. И условия их выполнения. С точки зрения логики ее предшествующего развития, будущее — за теми течениями, которые, раскрывая определенные свойства, связи и отношения психического, смогут осуществить синтез разномерного

знания и преодолеть односторонность (моноцентризм) в рассмотрении своего предмета. Будущее — за системно-ориентированной *мультипарадигмальной психологией*.

Глубинный смысл методологических кризисов, перманентных в психологии, заключается в неспособности науки охватить разнокачественные основания психических явлений единой системой понятий. Методологическая и теоретическая разобщенность исследований, усиленная высокими темпами дифференциации и гетерохронностью развития психологического знания, остается благодатной почвой не только для редукционизма и эклектики, но и для псевдонаучных представлений о психике и человеке в целом. Крайним выражением разобщенности психологии выступает противостояние естественнонаучной и гуманитарной (социо-культурной) парадигм. Соответственно, вопрос о выходе психологической науки из кризиса в значительной степени касается способов интеграции разнородного знания, его взаимопереходов и взаимовключений.

Хотя решение проблемы когерентности психологии во многом зависит от принимаемого типа рациональности, есть все основания ожидать, что «логика целостности» усилит и разовьет свои позиции. Особый интерес в этом плане представляют принципы *взаимовключения* и *дополнительности*.

Взаимовключение психических явлений — обратная сторона их взаимосвязи. Единство внутреннего мира человека оборачивается взаимопроникновением психических процессов, свойств и состояний. Это предполагает не хаос и беспорядочность включений, а их организованность в рамках и на «территории» локального целого — организованность, выступающую непременным условием возникновения и развития конкретного психического явления. Соответственно, любое психическое образование носит двойственный характер. Оно выражает, одновременно и момент психики (например, образ или понятие), и психику как таковую, обеспечивающую его существование. Конкретная модальность психического опирается на все другие модальности, «втягивая» их в себя и распространяя на них свое влияние. Целое заключено в своей части. Принцип Анаксимандра «все состоит из всего», привлекающий внимание современной физики, сулит немало перспектив и психологии.

С данной точки зрения психические феномены не могут не рассматриваться как проявления интегральных образований (целостностей, молярных единиц), вписанных в контекст жизни. Только при этом условии они получают опору как во внешнем, так и во внутреннем

мире человека, выражают формы, проявления и порождения бытия. Это, в свою очередь, открывает возможность их эффективного исследования, формирования, диагностики и коррекции.

На сегодняшний день «логика целостности» не может обойтись без «логики дополнительности». Рассматриваемый в широком значении принцип дополнительности (Н. Бор) предполагает многообразие не только феноменов, но и *оснований* психического. Имеются в виду разные измерения самой сущности феноменов, не сводимые в общем случае к противоречию сторон. Это означает, что выделяемые стороны достаточно самостоятельны, но не разобщены. Отсюда следует постнеклассический познавательный норматив, допускающий альтернативное описание объекта по отношению к *любой* его теории: поскольку теория призвана вырабатывать целостное представление об объекте, ее познавательная ценность как целостной теории всегда оказывается ограниченной. Подобная картина наблюдается не только в современной физике (Гейзенберг, 1987), но и в математике, предмет которой также начинает осознаваться как многомерный (Клайн, 1984).

Представление о многомерности природы психического позволяет по-новому взглянуть на взаимоотношения альтернативных течений и парадигм. Дух конфронтации уступает место диалогу, новому пониманию истины и новому типу мышления, раскрывающему отношения между различными измерениями психического. Появляется возможность формирования иной методологической культуры и способов профессиональной работы психологов. «Единство в многообразии» — фундаментальное требование познания сложно организованных развивающихся целостностей (органических систем) — выступает как принцип сотрудничества, взаимопонимания и связи научных традиций, теории и практики, прошлого, настоящего и будущего психологии.

Проникновение идей системности в мышление психологов и конструирование на их основе новых задач, предметного содержания и методов психологического познания стало важным достижением философии и науки XX в. Оказавшись в благоприятной среде, эта идея не могла не получить своего развития. Есть все основания полагать, что в XXI в. произойдет дальнейшее распространение системного подхода на специальные и прикладные области психологической науки, причем наибольший эффект можно ожидать при изучении комплексных (междисциплинарных) объектов. Существенно обогатится и расширится арсенал логико-методологических средств системных исследований. Упрочится значение системных идей в выработке стратегии психо-

логической науки и практики. Вместе с тем в общепсихологическом плане автономность (но не эффективность!) системного подхода будет все более ограничиваться полагающим его и сливающимся с ним предметным содержанием науки. «Логика органической системы» все чаще будет представляться как собственный механизм организации, развития и функционирования психики и поведения человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К.А.* О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973. 287 с.
- Анохин П.К.* Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978. 400 с.
- Барабанников В.А.* Системогенез чувственного восприятия. М.-Воронеж: МПСИ, 2000. 460 с.
- Барабанников В.А.* Восприятие и событие. СПб.: Алетейя, 2002. 512 с.
- Барабанников В.А.* Системная организация и развитие психики // Психол. журн. 2003. № 1. С. 29–46.
- Барабанников В.А., Носуленко В.Н.* Системность. Восприятие. Общение. М.: ИП РАН, 2004.
- Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М., 1973. 270 с.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003. 270 с.
- Выготский Л.С.* Психология развития как феномен культуры. М.-Воронеж: АПСН, 1996. 512 с.
- Гейзенберг В.* Шаги за горизонт. М.: Мысль, 1987. 243 с.
- Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанникова. М.: ИП РАН, 2005.
- Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. М., 1997. 173 с.
- Клайн М.* Утрата определенности. М.: Мир, 1984. 304 с.
- Костюк В.Н.* Изменяющиеся системы. М.: Наука, 1993. 374 с.
- Кузьмин В.П.* Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М.: Политиздат, 1980. 312 с.
- Ланге Н.Н.* Психологические исследования. Закон восприятия. Теория внимания. Одесса: Психологическое общество, 1893. 432 с.
- Левин К.* Теория поля в социальных науках. СПб.: Речь, 2000. 365 с.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 445 с.

- Митькин А.А. О самоорганизации систем: критический анализ // Психол. журн. 1998. № 4. С. 117–131.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 310 с.
- Принцип системности в психологических исследованиях / Под ред. Д.Н. Завалишиной, В.А. Барабанщикова. М.: Наука, 1990. 184 с.
- Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. 320 с.
- Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. М.: Пер Сэ, 2002. 368 с.
- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М.: ИП РАН, 1997. 576с.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957. 327 с.
- Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Наука, 1973. 423 с.
- Садовский В.Н. Основы общей теории систем: логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974. 203 с.
- Системные исследования в общей и прикладной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова, М.Г. Рогова. Набережные Челны: Институт управления, 2000. 262с.
- Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 237 с.
- Giorgi A. Toward the articulation of psychology as a coherent discipline // A century of psychology as science. Washington: APA, 1992. P. 46–59.
- Koch S. The nature and limits of psychological knowledge: lessons of a century qua “science” // A century of psychology as science. Washington: APA, 1992. P. 75–97.
- Koffka K. Principles of gestalt psychology. N.Y.: Brace, 1935. 720 p.
- Krugh U., Smith G. Percept-genetic analysis. Lund: Gleerup, 1970. 217 p.
- Magnusson D. Wanted: A psychology of situations // Towards a psychology of situations and interactional perspective. Hillsdale (N. J.): Erlbaum, 1981. P. 9–32.
- Magnusson D., Torestad B. A holistic view of personality: a model revisited // Annual review of psychology. V. 44. 1993. P. 3–28.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО CONTRA ПЛЮРАЛИЗМ: ШКОЛА А.Н. ЛЕОНТЬЕВА ПРОТИВ СОВРЕМЕННОЙ ДИХОТОМИЗАЦИИ ПСИХОЛОГИИ

Е.Е. Соколова

К проблеме путей выхода из психологического кризиса
(«системный плюрализм» — оксюморон)

Если пригласить современных отечественных психологов поучаствовать в ассоциативном эксперименте, одним из ключевых слов которого будет слово «монизм», то у большинства испытуемых оно, скорее всего, вызовет негативные ассоциации (будет ассоциироваться с «давлением», «властью», «авторитаризмом», «тоталитаризмом», «марксизмом» и пр.). Слово «плюрализм», напротив, будет вызывать положительные эмоции и ассоциироваться со словами «толерантность», «демократия», «постнеклассический идеал рациональности», «постмодернизм» и т.п. Несомненно, существующее в современной отечественной психологической литературе отрицательное отношение к монизму и подчеркнутое обоснование необходимости методологического плюрализма является эмоциональной реакцией на ситуацию, сложившуюся в советской психологии, которая всегда заявляла о необходимости монизма, — об этом пишет, в частности, П.А. Мясоед (Мясоед, 2004). Однако подобный отказ от монизма наблюдается и в зарубежной психологии (и в гуманитарных науках вообще). Как отмечает один из современных исследователей, в мировой науке в сфере гуманитарных знаний уже с конца 50-х — начала 60-х годов

Работа выполнена в рамках исследований по гранту РГНФ (код проекта 04-06-00183а).

XX в. нарастало убеждение в том, что многие элементы традиционной профессиональной интеллектуальной деятельности, такие как «генерирующая идея», «мнение большинства», «объективное знание» и другие, — не просто часть необходимой научности, а проявление и воплощение культа «силы» в сфере интеллектуальной деятельности (см.: Кравцов, 2001, с. 179–180), и поэтому от них необходимо отказаться. В 70-е годы XX в. это убеждение нашло свое отражение в концепции «знания–власти» французского постмодерниста М. Фуко. Согласно Фуко, именно власть организует получение и накопление знания, которое, в свою очередь, является опорой власти.

Парадоксальность современной ситуации в психологии состоит в том, что ее самой актуальной задачей, как отмечают методологи, является интеграция психологического знания (см., например: Мазиллов, 2003; Юревич, 2004). Как же совместить интеграцию и плюрализм? Некоторым исследователям выход видится в эклектическом соединении разных подходов. Такую позицию защищает, например, М.С. Гусельцева, утверждая, что в современную эпоху, представляющую собой качественно новое состояние мира, полное неоднозначности, неопределенности, фрагментарности и хаотических процессов, требуется постнеклассическая методология, которая, по ее мнению, предполагает отказ от методологического монизма и признание «системного плюрализма» и сетевого принципа организации знаний, где каждая концепция связана с каждой и не отдается предпочтения ни одной из них (см.: Гусельцева, 2004, с. 98)³⁷. Другие авторы говорят о том, что магистральный путь развития психологической науки — ее построение как многоуровневого образования с различными стандартами организации знания на разных уровнях (Кричевец, 2005). Так понимаемая психология неизбежно не может иметь единый предмет изучения и единый способ обращения с научными психологическими понятиями. Предлагается выделить три уровня («этажа») психологических исследований и практик. На первом (нижнем) уровне находятся понятия и теории, трактуемые так, как это происходит в естественных науках, т.е. как соответствующие некоторым неизменным

³⁷ Впрочем, заявляя о равной допустимости отдельных подходов, М.С. Гусельцева все же пытается показать имеющиеся в истории психологии попытки «снятия» некоторых дихотомий. В частности, она говорит о снятии дихотомии «сознания и деятельности» в трудах С.Л. Рубинштейна, «растворении» противоречия между культурно-историческим и деятельностным подходами в рассуждениях о символе П.А. Флоренского и пр. Однако «снятия» подобного рода — это не дополнения одного другим, а «переплавка» того и другого в третьем.

сущностям в объективном мире (например, понятийные конструкции «возбуждение нейронов», «зрительная стимуляция» и т.д.). Второй уровень — уровень гуманитарных теорий. Здесь человек рассматривается как развивающаяся система, как единичное, т.е. уникальное и неповторимое целое, которое можно лишь истолковать, а не объяснить. К третьему уровню относятся «психологические дискурсы» (которые, по мнению авторов статьи, имеют право называться теориями в минимальной степени), рассматривающие человека в перспективе вопросов о смысле его деятельности и бытия вообще. При этом приветствуется взаимодействие разных уровней (этажей) психологической науки, приводящее к «смешанным образованиям».

На наш взгляд, **интеграция** требует **системности**, которая, строго говоря, невозможна на основе «методологического плюрализма». Об этом, как известно, почти 80 лет назад писал Л.С. Выготский, предостерегавший психологов от эклектического соединения разных подходов: нельзя строить концептуальную работу в психологии, взяв «голову» одной системы и приставив к ней «хвост» другой, — требуется тщательнейшая «критика понятий» и преобразование скрытой за ними методологической основы. Спустя несколько десятилетий после Выготского, на закате своей жизни о существующем плюрализме в психологии с тревогой говорил А.Н. Леонтьев. Незадолго до кончины, собрав у себя дома сотрудников возглавляемой им кафедры, он резко раскритиковал столь модную ныне позицию «пусть расцветают все цветы» и выразил обеспокоенность тем, что отсутствие методологического единства и отстаивания «позиции факультета как школы» может привести психологов «в никуда», в бесцельное блуждание без каких-либо ориентиров.

Вслед за Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым мы настаиваем на том, что психологии, если признавать ее наукой, требуется не системный плюрализм (на наш взгляд, это оксюморон), а системный монизм (то есть не «сетевой», а «стержневой» принцип организации знания)³⁸. А.Н. Леонтьев по этому поводу говорил в свое время, что психология должна расти не «не в куст», а «в ствол». Связь интеграции с систематизацией (наведением элементарного порядка в «психологическом хозяйстве») подчеркивает в последнее время А.В. Юревич (2004). Эта

³⁸ Естественно, не следует понимать «монизм» упрощенно: он вовсе не предполагает один-единственный принцип познания, — монизм вполне допускает существование *системы* взаимосвязанных принципов, имеющей, однако, единый «системообразующий» фактор, «ядро» теории.

систематизация, на наш взгляд, требует сложнейшей методологической работы, предполагающей действительно критический анализ имеющихся концепций и понятий с целью не эклектического их объединения, а построения новой теоретической структуры психологического знания. Подобная работа может продолжаться не одно десятилетие, но сформулировать ее необходимость как сверхзадачи теоретиков и методологов психологии нам представляется совершенно необходимым. Этого требует даже не логика развития науки. Этого требует практика.

Приходящий к психологу-практику человек не эклектичен, а целостен (системен), и он вправе получить от психолога более или менее однозначное решение своей проблемы (или «наведение» на таковое). Между тем принадлежащие к разным школам психологи-практики могут решать одну и ту же психологическую проблему своего клиента прямо противоположным образом. Известный пример на данную тему приводит в своей книге «Иметь или быть?» Э. Фромм (Фромм, 1990, с. 270–271). Молодой двадцатичетырехлетний человек пришел на прием к психоаналитику с жалобами на то, что работа (он работает в фирме отца) не доставляет ему никакого удовольствия, он чувствует себя несчастным, ему трудно принимать решения. Все началось за несколько месяцев до окончания колледжа: он увлекся физикой и хотел впоследствии поступить в аспирантуру. Однако, поддавшись уговорам отца, занялся бизнесом, после чего все его проблемы и начались. Психоаналитик, основываясь на своих представлениях о сути данного конфликта, стал бы выстраивать дальнейшую жизнь этого человека в контексте примирения с отцом (поскольку увидел бы в конфликте лишь глубоко затаенный с детства антагонизм сына и отца, который необходимо устранить путем проникновения в его причины). Однако представитель экзистенциальной психологии, напротив, посчитал бы в этом случае необходимым помочь этому молодому бизнесмену построить его жизнь так, чтобы он мог свободно осуществлять свои стремления, перестав бояться отца. Таким образом, стратегии выхода молодого человека из жизненного тупика выстраиваются психоаналитиком и представителем экзистенциальной психологии прямо противоположным образом. Так что же делать этому человеку? Профессиональные практические психологи дают ему взаимоисключающие решения одной и той же проблемы. И он, скорее всего, пойдет к какому-нибудь житейскому психологу (другу, подруге, бабе Маше и пр.), у которого нет подобного плюрализма, и который, может быть, гораздо лучше решит проблемы своего «клиента» — хотя бы и на уровне житейской психологии и здравого смысла.

Для целостного человека нужна столь же целостная (и не эклектичная, а системная) научная теория, которая была бы способна в научных понятиях отразить многомерность его конкретного существования. Такой теории в психологии еще нет, но возможности построения подобной теории, как нам представляется, имеются. Однако подобной работой надо специально заниматься теоретикам и методологам психологической науки — короче говоря, общим психологам. Аналогичная ситуация имеет место и в других науках, однако там скепсиса в отношении создания единой общенаучной теории гораздо меньше. Мы имеем в виду, например, ситуацию с созданием общей теории рака. Каких только гипотез (в том числе так или иначе эмпирически обоснованных) нет в онкологии по поводу причин и механизмов возникновения раковых заболеваний (известны, например, вирусная, тканевая, мутационная и другие гипотезы)! Однако подавляющее большинство теоретиков медицины не только не сомневается, что когда-нибудь будет создана общая теория рака, но и работает в этом направлении. Почему же психологи отказываются от работы по созданию столь же всеобъемлющей общепсихологической теории, способной вывести психологию из затянувшегося кризиса?

Многие психологи, вероятно, не преминут заметить, что психология — в отличие от онкологии — имеет дело с гораздо более сложной реальностью — человеческой душой, а не телом. Однако глубоко мыслящий онколог скажет, что он лечит не тело или тем более не больной орган, а целостного человека, и построение стратегии борьбы его пациента с болезнью невозможно без учета его психологии и образа жизни. И желая помочь такому больному, медик не может не размышлять о необходимости целостного, системного представления о человеке. Почему же и психологам не подумать о такой же системной работе в психологии и о возможном основании для объединения всех имеющих точки зрения?

Не в последнюю очередь наведение элементарного порядка в психологической науке требуется входящим в нее новичкам, которые просто «тонут» в имеющемся в психологии плюрализме. Когда, читая лекции по курсу «Введение в психологию», рассказываешь, например, о том, как понимали предмет психологии в разных школах, как представляли себе сознание в интроспективной психологии, почему Л.С. Выготский считал это представление ограниченным и предлагал свои подходы к сознанию, не отождествляя с ним явления, изучаемые интроспективной психологией, и тому подобное, обязательно находится студентка или студент, который задает сакраментальный вопрос: «А как правильно?» Этот вопрос не столь бессмыслен, как

может показаться. На ранних этапах обучения психологии хочется получить более или менее однозначное представление о главных психологических проблемах. Психолог, отказываясь от работы над согласованием разных точек зрения на многомерную, но все же, как нам представляется, одну реальность, изучаемую множеством разных психологических школ (которые описывают ее в различных терминах и по-разному пытаются объяснять или понимать), рискует получить у входящих в психологическую науку (и практику) кусочно-эклети-ческое представление об этой реальности.

Наконец, еще одним основанием для того, чтобы работать над построением единой общепсихологической теории, является для нас убеждение в том, что психология — при всем ее особом положении в системе наук³⁹ — является конкретной наукой (хотя, как говорил Л.С. Выготский, о «самом сложном, что есть в мире») и поэтому механизмы ее развития должны быть аналогичны механизмам развития других дисциплин. Как ни красиво звучат слова о непарадигмальности (допарадигмальности, внепарадигмальности и пр.) психологии, магистральный путь любой конкретной науки — нахождение оснований интеграции разных точек зрения на изучаемую ею реальность. Возможное основание интегративной работы в психологии видится нам в теории деятельности школы А.Н. Леонтьева, которая антидихотомична и антиплюралистична по своей сути, при условии ее дальнейшей разработки. В следующих разделах нашей статьи мы постараемся это доказать. И начнем мы наш анализ с обсуждения чрезвычайно модной ныне темы — противопоставления естественнонаучного и гуманитарного подходов в психологии.

СНЯТИЕ ДИХОТОМИИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО И ГУМАНИТАРНОГО ПОДХОДОВ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЫ А.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Проблема различий между «естественнонаучным» и «гуманитарным» стала обсуждаться еще в конце XIX в. Пионером подобного разведения, как известно, выступил неокантианец В. Виндельбанд, разделивший науки на «номотетические» (законополагающие) и «идиографические» (описывающие особенное). Аналогичные идеи применительно к пси-

³⁹ Во многих имеющихся классификациях психология занимает центральное положение в системе наук.

хологии разрабатывал немецкий философ и психолог В. Дильтей, который различал объяснительную номотетическую психологию (понимая под ней, прежде всего современную ему интроспективную экспериментальную психологию) и описательную идиографическую психологию (имеющую в качестве своего предмета целостную душевную жизнь, в том числе в ее высших проявлениях, недоступных экспериментальному изучению, методами постижения которых являются описание и понимание душевной жизни в ее целостности, уникальности и смысловой связи с ценностями культуры).

В XX в. идея двух психологий становится очень популярной: возможность сосуществования естественного и гуманитарного подходов, противопоставляемых друг другу, обсуждается до сих пор. Рассмотрим, по каким возможным основаниям они разводятся мыслителями, придерживающимися подобной точки зрения. При этом мы опираемся на идеи М.М. Бахтина (см., напр.: Бахтин, 1979) и наши предыдущие работы (Соколова, 2003).

Согласно Бахтину, естественнонаучный подход к человеку предполагает рассмотрение его как «вещи», тогда как гуманитарный ориентирован на изучение человека как «личности». Это означает, что в первом случае игнорируется субъектность человека. Он рассматривается как пассивный объект нашего исследования, который мы можем изучать отстраненно, не вступая с ним в диалог, — более того, мы пытаемся устранить наше влияние на испытуемого в процессе его исследования. При этом считается возможным предсказать поведение изучаемого человека, т.е. исследователь, ориентированный на естественные науки, в основном придерживается принципа причинного детерминизма. Главным предметом интереса такого исследователя являются «общие» законы существования «вещи» — уникальная неповторимость ее существования игнорируется.

Напротив, гуманитарно ориентированного психолога другой человек интересует как личность, то есть полноправный субъект, познать которого (раз он не безгласная вещь) можно только диалогическим путем. Этот субъект постоянно изменяется, развивается (в том числе благодаря диалогам с ним психолога) и ведет себя весьма непредсказуемо. При этом в процессе нашего диалога с ним мы, как психологи-гуманитарии, не можем вывести за скобки себя как наблюдателя: в процессе взаимодействия с другим человеком, с другим субъектом мы так же изменяемся и развиваемся как субъекты. Наконец, в центре внимания психолога-гуманитария стоит не столько то, что роднит одного человека с другим (общее), сколько уникальное и неповторимое в личности.

Соответственно предмету различается и методология двух типов психологического познания. В естественнонаучной психологии преобладает объяснение (подведение наблюдаемого факта под общий закон), в гуманитарной как метод постижения субъекта предлагается понимание. Причем под этим последним подразумевается не понятийное, рациональное понимание, которое имеет место в естественно ориентированной психологии и естественных науках вообще (предполагающее также «подведение под общее правило»), а, как правило, понимание как «вчувствование», интуитивное схватывание уникального душевного склада другого человека. При этом подчеркивается, что, в отличие от монологического объяснения, понимание всегда диалогично.

Следует также упомянуть, что если для естественнонаучной психологии более характерен принцип элементаризма (стремление расчленить изучаемую реальность на «элементы» как части целого и затем собрать из выделенных элементов целое), то для гуманитарно ориентированной психологии более характерен целостный подход, направленный на понимание и описание душевной жизни во всей ее полноте,— так, как это представлено в описаниях диалектики души у великих писателей и философов⁴⁰.

⁴⁰ Надо отметить, что выделение двух стратегий научного познания характерно не только для психологии, но и для многих других наук. Отслеживающие этот процесс философы и науковеды замечают, что в последнее время гуманитарный идеал научного познания (которому соответствуют неклассический и постнеклассический идеалы рациональности) постепенно вытесняет естественнонаучный тип мышления даже в естественных науках (см.: Розин, 2000). Некоторые наблюдатели выражают опасение, что наука может вообще исчезнуть как особый способ освоения действительности, поскольку научная истина все больше и больше теряет объективность, приобретая зависимость от ценностей, целей, установок, интересов и пр. живущего в мире человека, сближаясь поэтому с искусством и религией, а научные концепции все больше напоминают мифы, образы, метафоры, созданные человеком для решения личностных задач. Эта точка зрения особенно отстаивается сторонниками постмодернистского взгляда на мир. На наш взгляд, несмотря на изменение типа рациональности, наука все-таки останется как способ более рационального освоения действительности, чем искусство и религия. Как бы ни был заинтересован исследователь в создании отвечающей именно его потребностям и установкам «картины мира», она все же определяется не только этими потребностями или установками, но и законами мира, в который включен и сам человек. Если воспользоваться терминологией школы А.Н. Леонтьева, то можно сказать, что наука занимается построением в коллективном сознании системы значений как обобщенных способов познания и деятельности человечества в созданном им мире, усваивая которые, индивид приобретает большую мощь и свободу в овладении этим миром, тогда как искусство и религия в большей степени имеют дело со смысловыми структурами психики человека.

Вышеуказанная дихотомизация психологии приводит к неразрешимой при данных условиях проблеме, которая со всей остротой однажды была сформулирована В.П. Зинченко: как посредством единого языка описания совместить несовместимое — физиологию и душу?

В психологической теории деятельности школы А.Н. Леонтьева дихотомия «естественнонаучного» и «гуманитарного» исходно снята. По нашему мнению, обе стратегии исследования потому противоположают себя друг другу, что абсолютизируют какую-то одну сторону человеческой деятельности, которая, однако, всегда представляет собой единство субъекта и объекта, человека и мира. Естественно, что деятельность разных субъектов (животных разных видов, человека как индивида, социального субъекта и личности) и, соответственно, их психология требуют выделения разных единиц их анализа. Здесь мы рассмотрим лишь единицу анализа психологии человека на высшем уровне его развития — когда он становится личностью в самом узком смысле слова. В школе А.Н. Леонтьева в ряде работ (как самого создателя школы, так и его учеников и последователей) доказывается, что наиболее адекватной единицей анализа на этом уровне является поступок (подробнее см.: Соколова, 1999). Именно выделение в теории деятельности поступка в качестве единицы анализа личности позволяет снять поставленную В.П. Зинченко проблему разных языков описания человека как субъекта (к постижению которого стремится гуманитарный подход) и как объекта (изучаемого с позиций естественнонаучного подхода). При анализе поступка с позиций теории деятельности они вполне совмещаются, а точнее, превращаются в единый язык описания весьма сложной, многоуровневой, но все же одной реальности.

Определяемый как полимотивированное личностное действие, поступок требует для своего анализа выделения и специального исследования всех известных нам по работам школы А.Н. Леонтьева компонентов структуры деятельности, т.е. поступок можно анализировать «через призмы» деятельности, действия, операции и психофизиологических функций. Рассмотрение поступка через призму деятельности означает выделение и анализ лежащих в его основе мотивов. Анализ поступка через призму действия (подчиненного цели — осознанно предвосхищаемому результату деятельности) требует анализа реальных и идеальных целей, стоявших перед субъектом поступка. Не менее важную роль играют операционально-техническая сторона поступка (способы совершения действия в определенных конкретных условиях) и даже его «психофизиологическая» составляющая. Ведь

поступок осуществляется человеком, имеющим определенную телесную организацию (конституцию, особые свойства нервной системы и т.п.), и эта телесная организация вносит свой вклад в адекватную или неадекватную реализацию поступка.

Применимы ли при анализе столь разнородных составляющих поступка единые принципы, например, принцип детерминизма? В психологической литературе последнего времени (см., напр.: Кричевец, 2005; Улановский, 2005) появилась тенденция отказа от детерминизма в понимании выбора человеком оснований его свободного действия (каковым и является поступок), поскольку они зачастую не являются результатом усвоения культурно закрепленных смыслов, а выбираются личностью вопреки этим смыслам. На наш взгляд, последовательное проведение данной позиции означает отказ от научного объяснения способности человека совершить тот или иной поступок — она начинает пониматься как результат «игры» неизвестных и не изучаемых наукой сил. Слишком сложная и нелинейная обусловленность совершения личностью данного действия вовсе не должна приводить к допущению индетерминизма в понимании поступка даже на самом верхнем уровне его анализа. В школе А.Н. Леонтьева с опорой на идеи Л.С. Выготского уже давно доказано, что индивидуально-неповторимая деятельность человека («реальная форма поведения») всегда имеет свои «надындивидуальные образцы» («идеальные формы»), и человек совершает свой уникальный поступок всегда «в лоне предшествующих поступков» (М.К. Мамардашвили). Для изучения специфики этих образцов в разные исторические эпохи психолог может воспользоваться, например, известными трудами Ю.М. Лотмана (см., напр.: Лотман, 1994). Так, анализируя поступок жен декабристов, последовавших за своими мужьями в Сибирь, Ю.М. Лотман утверждал, что для подобного рода поступков в русской культуре уже существовали свои «образцы». Во-первых, следование за мужем в Сибирь было вполне традиционной нормой поведения для простонародья, а в допетровское время — для семей ссылаемых бояр, что, кстати, вовсе не рассматривалось как подвиг. Во-вторых, в военное время многие дворянки, будучи женами офицеров, следовали за своими мужьями и отцами, участвовавшими в военных походах.

Однако образец является лишь «приглашающей к развитию силой» (В.П.Зинченко), т.е. наличие в культуре образца еще не означает присвоения этого образца конкретным индивидом. Психология поэтому стоит перед проблемой научного исследования механизмов подобного присвоения. На наш взгляд, одним из таковых является

«эстетизация» совершенного другими поступка в произведениях литературы и искусства. Так, свою поэтическую биографию приобрел подвиг Н.Н. Раевского в войне 1812 г.; опоэтизировать можно даже слова умирающего (реально им произнесенные или приписанные ему почитателями его деяний), которые могут повторяться с восторгом и упоением в детской, где в сюжетно-ролевых играх и происходит усвоение стоящих за поступком ценностно-нравственных норм, и вспоминаться в подростковом возрасте, когда ребенок ищет точку опоры для совершения уже своего уникального поступка. Особая роль искусства в своеобразном «программировании» будущих поступков обуславливается тем, что подлинное искусство, согласно А.Н. Леонтьеву, всегда ставит «задачи на смысл» и предлагает читателю либо конкретные пути («образцы») их решения, либо побуждает к соответствующему смыслостроительству. Особенности процесса трансляции смыслов зависят также от используемого транслятором языка. Один и тот же поступок, будучи по-разному «поименован», может сыграть прямо противоположную роль в «культурном строительстве» и воспитании (ср. «разведка» — «шпионаж»).

Психологу осталось решить еще одну научную задачу — понять на основе биографических исследований, как именно и когда произошла трансляция «образцовых» смыслов и их индивидуальное присвоение данным конкретным человеком. Часто говорят о том, что большую роль в этом процессе играет Его Величество Случай (случайно попала в руки книга, стал неожиданным свидетелем подвига другого и пр.). Однако в психологии давно известно, что «внешние причины действуют через внутренние условия» (С.Л. Рубинштейн). Одна и та же случайность может оказать совершенно разное влияние на человека в зависимости, например, от сформированной у него ранее, в предыдущей деятельности готовности воспринять имеющуюся в книге информацию и т.п. Одним из впечатляющих примеров тому является реальный случай, происшедший с В. Франклом, столетие со дня рождения которого недавно отметили психологи разных стран мира. Решая экзистенциальную проблему: уехать из Австрии, оккупированной гитлеровцами, оставив без поддержки родных, или остаться с родными в Вене, рискуя погибнуть, Франкл колебался до тех пор, пока, придя домой, не увидел подобранный его отцом обломок стены разрушенной гитлеровцами синагоги. На нем сохранился текст, имеющий отношение к заповеди: «Чти отца своего...». Именно это обстоятельство помогло Франклу принять окончательное решение: остаться в Вене со своими близкими и разделить их судьбу.

Обратимся теперь к самому низшему уровню анализа поступка — к обеспечивающим его реализацию физиологическим механизмам. В отличие от высшего (смыслового) уровня поступка, детерминация этих механизмов признается всеми исследователями без исключения. Однако многие из них отрицают необходимость изучения данных механизмов для понимания поступка. Между тем в деятельностной психологии школы А.Н. Леонтьева и в неклассической физиологии Н.А. Бернштейна прекрасно показана диалектическая связь между «психологической» и «физиологической» составляющими поступка. По мнению А.Н. Леонтьева, разные мотивы, лежащие в основе поступка, могут «настраивать» и различные физиологические механизмы. Согласно Н.А. Бернштейну, важнейшим фактором, определяющим характеристики движения (в том числе его амплитуду), является двигательная задача, которая имеет свое физиологическое представительство, но поставлена перед субъектом его жизнью в мире объектов. С другой стороны, физиологические процессы, не являясь причиной поступка, могут поставить определенные границы «свободе» человека при его совершении (так, например, в случае опасности человек с так называемыми слабыми нервными процессами может впасть в запретное торможение и стать неспособным к активным действиям).

Таким образом, поступок представляет собой многомерную и многоуровневую реальность, системно описываемую на языке психологической теории деятельности, в рамках которой снимается дихотомия естественнонаучного и гуманитарного подходов, препятствующая интегративной работе в психологии.

ПСИХИКА КАК ОРИЕНТИРОВОЧНАЯ ФУНКЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СНЯТИЕ ДИХОТОМИИ МЕЖДУ ВНУТРЕННИМ И ВНЕШНИМ

Разведение естественнонаучной и гуманитарной парадигм — не единственный вариант современной дихотомизации психологической науки. Многие авторы говорят о существующих в психологии разрывах между прошлым и настоящим, между исследованием и практикой (Юревич, 1999), а также о не исчезнувшем до сих пор (хотя и не столь острым, как в предшествующие времена) противостоянии основных «базовых» психологических идеологий — таких, как бихевиоризм, когнитивизм и психоанализ (см.: Юревич, 2004, с. 39). В настоящем разделе статьи мы рассмотрим еще одну дихотомию — противопо-

ставление «внутреннего» и «внешнего». Несмотря на то, что данная проблема возникла очень давно — с момента появления психологии как науки о сознании в XVII в., — она до сих пор однозначно не решена. Мы рассмотрим попытки снятия данной дихотомии в школе А.Н. Леонтьева, развенчав попутно устойчивый миф о соотношении данных категорий в деятельностном подходе.

Как известно, для так называемой классической психологии сознания была характерна дихотомия «внешнего» (предметов и процессов внешнего мира) и «внутреннего» (явлений и процессов сознания), которые не имели между собой (в соответствии с интроспективной установкой) ничего общего (об этом когда-то говорил еще Декарт) и тем не менее были связаны следующей простой связью: как только происходит воздействие на рецепторные аппараты субъекта, тут же возникает «ответ» на данное раздражение в виде субъективных явлений (это, как известно, называется «постулатом непосредственности» в психологии). Постулат непосредственности был характерен и для бихевиоризма, несмотря на существенное изменение в нем предмета психологии. Соответственно, предполагалось выявить закономерную и непосредственную взаимосвязь каких-либо объективно констатируемых параметров внешних раздражителей, с одной стороны, и свойств субъективных элементов сознания (в интроспективной психологии) или реакций как столь же элементарных составляющих поведения (в бихевиоризме), — с другой.

Надо отметить, что эта схема в свое время сыграла большую роль в повороте психологии от умозрительной «науки о душе» к эмпирической психологии сознания, потому что душа исходно была тем самым таинственным «опосредствующим звеном», которое невозможно было познать научными средствами (ведь на те или иные раздражители душа отвечала «как хотела»). Поэтому введение постулата непосредственности было важнейшим шагом к победе в психологии, как и в любой другой науке, принципа детерминизма, хотя форма этого детерминизма, воплощенная в схеме «стимул – реакция», была еще механистической, то есть для психологии примитивной. Именно примитивность механистического детерминизма заставила многих исследователей осознать принципиальную недостаточность постулата непосредственности. «Неудовлетворительность этой схемы, — писал А.Н. Леонтьев, — заключается в том, что она исключает из поля зрения исследования тот содержательный процесс, в котором осуществляются реальные связи субъекта с предметным миром, его предметную деятельность... (нем. Tätigkeit — в отличие от Aktivität).

Такая абстракция от деятельности субъекта оправдана лишь в узких границах лабораторного эксперимента, имеющего своей целью выявить элементарные психофизиологические механизмы. Достаточно, однако, выйти за эти узкие границы, как тотчас обнаруживается ее несостоятельность» (Леонтьев, 1975, с. 75–76).

Осознание принципиальной недостаточности постулата непосредственности даже вызвало в конце XIX–начале XX в. обратное движение «назад к душе» — представителями этого движения были, например, в Германии Лейпцигская психологическая школа, в России — Л.М. Лопатин, С.Л. Франк и др. Предпринимались и другие попытки найти опосредствующие звенья между стимулом и реакциями (как субъективными, так и объективными). По этой линии, например, пошло развитие бихевиоризма в направлении необихевиоризма, в котором вводилось понятие промежуточных переменных (когнитивные карты, потребности и др.). В психоанализе таким опосредствующим звеном выступали те или иные бессознательные процессы, в грузинской школе психологии установки — установка.

По мнению А.Н. Леонтьева, введение понятия промежуточных переменных, несомненно, обогащает анализ поведения, но оно вовсе не снимает упомянутого постулата непосредственности, поскольку промежуточные переменные представляют собой лишь состояния субъекта и поэтому противопоставленность субъекта и объекта все еще имеет место (даже с учетом «обогащенного» субъекта). Главная же проблема состоит не просто в поиске опосредствующих звеньев, а в том, где именно нужно искать эти опосредствующие звенья: в мире замкнутой в себе субъективности или же в реальных отношениях субъекта психических явлений с миром, которые «размыкают» замкнутый круг этих явлений и устраняют существовавшую в психологии дихотомию: объективный, существующий независимо от субъекта мир, изучаемый одними методами, и субъективный «внутренний» мир психических явлений, который открыт лишь субъекту сознания и поэтому должен изучаться якобы совершенно иными средствами, а для этого нужно заменить двучленную схему анализа другой, в которой данная противопоставленность субъекта и объекта исходно бы устранялась. Это было сделано в «трехчленной» схеме Леонтьева, где опосредствующим связью субъекта и объекта «звеном» выступала человеческая деятельность. Однако в данном случае слово «звено» кажется нам чрезвычайно неудачным (хотя оно использовалось и самим Леонтьевым), ведь деятельность — это вовсе не то, что просто «вставляется» между двумя другими звеньями (субъектом и объектом), а то, что объединяет

их в единое целое. В деятельности и происходит переход объекта в его субъективную форму, в образ; вместе с тем в деятельности совершается также ее переход в объективные результаты, в ее продукты. Деятельность, таким образом, есть реальная и конкретная связь субъекта и объекта, это процесс, в котором осуществляются взаимопереходы между полюсами «субъект – объект».

Деятельностный подход в психологии, следовательно, предполагает совершенно иной взгляд на происхождение образа мира человека, который всегда интересовал психологию как науку. Образ мира субъекта не определяется автоматически окружающими условиями среды и заданными генетическими программами, а обусловлен жизнью субъекта в среде, его деятельностью в ней. Таким образом, человек не стоит перед миром как реактивный аппарат, он активно строит отношения с ним благодаря разнообразной деятельности, и в его образе мира фактически отражается **не мир как таковой, а опыт общения субъекта с миром посредством деятельности** (некоторые аспекты подобного «конструктивного отражения» мира субъектом рассмотрены нами в последнем разделе настоящей статьи). Как мы видим, именно деятельность является формой, в которой осуществляется двуединый процесс интериоризации (превращение внешнего во внутреннее) и экстериоризации (превращение внутреннего во внешнее).

Однако суть процесса интериоризации в варианте школы А.Н. Леонтьева часто понимают неадекватно. Так, например, в докладе на Методологическом семинаре факультета психологии МГУ 12 ноября 2003 г. профессора И.И. Ильясова, названного им «Интериоризация как объяснительный принцип теории деятельности А.Н. Леонтьева», были озвучены следующие тезисы:

- 1) психическое порождается внешней деятельностью в процессе интериоризации и является дериватом внешней деятельности;
- 2) психика сама является разновидностью деятельности;
- 3) структура психики (психики как внутренней деятельности) изоморфна (в основных своих звеньях) структуре внешней деятельности, из которой она произошла.

Нетрудно заметить, что «ядром» этих положений является отождествление психической и внутренней деятельности. Между тем осуществленный нами ранее анализ различных работ представителей школы А.Н. Леонтьева (см., напр.: Соколова, 2003) привел нас к прямо противоположному выводу — о разведении (не всег-

да, впрочем, отчетливым⁴¹) в этой школе понятий «психическое» и «внутреннее». В своем докладе И.И. Ильясов настаивал на том, что вышеперечисленные представления о сути интериоризации он не один раз слышал в выступлениях самого А.Н. Леонтьева и что их также можно найти в известных текстах Алексея Николаевича. Другими словами, данные представления об интериоризации не раз были опубликованы (в устных и письменных текстах). Однако мы не должны забывать, в какое время подобные тексты создавались: представленные для публикации работы в советское время всегда проходили отбор и цензуру, а поэтому в них, на наш взгляд, оказался искаженным сам «дух» деятельностного подхода в пользу «буквы» — общепринятых официальных установок идеологизированной философии, которая называла себя марксистской, а на самом деле не была таковой в подлинном смысле слова. «Дух» же деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева — настолько революционный, что он действительно не вписывался в утвердившиеся в официальной литературе догмы, — был представлен в иных работах, не предназначенных для печати: дневниках, записках для себя, в материалах устных выступлений в кругу соратников и друзей и т.п. Особую роль играют в этом отношении материалы «домашней» научной дискуссии 1969 г., которая состоялась в доме у А.Р. Лурии. В ней приняли участие А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, Д.Б. Эльконин, В.П. Зинченко. Стенограммы сохранившихся в записи выступлений были впервые опубликованы в 1990 г. (Деятельностный подход в психологии..., 1990) и совсем недавно — в переиздании книги А.Н. Леонтьева «Деятельность. Сознание. Личность» (см.: Леонтьев, 2004, с. 303–338). По нашему мнению, в наибольшей степени «дух» деятельностного подхода школы А.Н. Леонтьева при решении ею проблемы интериоризации выражен в выступлении на этой дискуссии Д.Б. Эльконина. В нем совершенно отчетливо разводятся понятия «психическая деятельность» и «внутренняя деятельность». К этому выступлению идейно примыкают опубликованные совсем недавно выдержки из научных дневников Д.Б. Эльконина (Эльконин, 2004).

⁴¹ Это особенно касается творчества П.Я. Гальперина, который в ряде своих статей говорил о превращении внешней «непсихической» деятельности в деятельность внутреннюю, психическую. В то же время в «домашней» дискуссии 1969 г. (о ней см. ниже) он подчеркивал необходимость разведения понятий «психическое» и «внутреннее», определяя психику как внешнюю деятельность (подробнее см.: Дискуссия о проблемах деятельности..., 2004).

В упомянутой дискуссии 1969 г. Д.Б. Эльконин обращает внимание присутствующих на происшедшее в ходе разработки деятельностного подхода смешение двух проблем, которое до той поры не было отрефлексировано: разделение двух форм деятельности — внешней, практической, и внутренней, теоретической — смешалось с разведением в каждой форме деятельности ее исполнительной и ориентировочной частей. «Мы представляли себе дело так, — говорил Эльконин, — что мы имеем дело с так называемой умственной деятельностью, деятельностью в образах, посредством логических операций, т.е. таким образом “психической”, т.е. *всякую умственную деятельность мы представляли себе как психическую деятельность* и главным образом думали в то время над отделением ее от этой внешней практической деятельности, пытаюсь выяснить ее возникновение... в свете того, что мы сделали за последние годы, мне представляется это положение неправильным» (Дискуссия о проблемах деятельности..., 2004, с. 337). Оно было верным, замечает далее Эльконин, тогда, когда представители школы А.Н. Леонтьева, борясь с идущим еще от Декарта дуалистическим противопоставлением психического как «внутреннего» и практической деятельности как «внешнего», пытались показать генетическое единство двух видов деятельности — внутренней умственной и внешней практической. Однако на данный момент, считает Эльконин, отождествление внутренней умственной деятельности с психической деятельностью является важной методологической ошибкой.

Впрочем, сам Д.Б. Эльконин не раскрывает подробно, каковы могут быть последствия такой ошибки. Нам представляется, что одним из таковых может быть неадекватное понимание самой сути деятельности, которая была главным объектом исследования в школе А.Н. Леонтьева. Отождествление психики с внутренней деятельностью приводит к невозможности адекватного ответа на критику деятельностной концепции со стороны других школ и направлений в психологии, в частности, школы С.Л. Рубинштейна. В одной из своих последних работ С.Л. Рубинштейн (надо отметить, совершенно справедливо) писал: «Всякая внешняя материальная деятельность человека уже содержит внутри себя психические компоненты (явления, процессы), посредством которых осуществляется ее регуляция. Нельзя, сводя действие человека к одной лишь внешней исполнительной ее части, вовсе изъять из внешней практической деятельности человека ее психические компоненты и вынести “внутренние” психические процессы за пределы “внешней” человеческой деятельности — как это сознательно или бессознательно, эксплицитно или имплицитно

делается, когда утверждают, что психическая деятельность возникает в результате интериоризации внешней деятельности. На самом деле, интериоризация ведет не от материальной внешней деятельности, лишенной внутренних психических компонентов, а от одного способа существования психических процессов — в качестве компонентов внешнего практического действия, — к другому способу их существования, относительно независимому от внешнего материального действия» (Рубинштейн, 1959, с. 253–254).

Очевидно, что Рубинштейн был бы абсолютно прав в своей критике концепции школы А.Н. Леонтьева, если бы психическое понималось в ней действительно тождественным внутреннему. Из приведенных нами ранее положений доклада И.И. Ильева следует, что это вроде бы так. Однако Эльконин резко протестовал против понимания психической деятельности как внутренней деятельности, возникающей в результате интериоризации. Он определяет психическую деятельность как ориентировочную часть и практической, «внешней», и умственной, «внутренней», деятельности (см.: Леонтьев, 2004, с. 339). При этом, по его же мнению, нельзя также говорить о том, что в результате обратного интериоризации процесса — экстериоризации — психическая деятельность превращается в какой либо «внешний» продукт культуры или техническое средство. Психическая деятельность вообще не имеет какого-либо экстериоризированного продукта подобного рода — ее продуктом является лишь ориентировочная сфера, то есть «само движение исполнительной части», а именно упорядоченность и логика внешней практической деятельности (там же).

Правота С.Л. Рубинштейна в критике суженного понимания психической деятельности в школе А.Н. Леонтьева (при условии ее отождествления с внутренней) не означает, однако, что позиции двух оппозиционных школ при решении проблемы природы психического сближаются. Когда Рубинштейн говорил о совершенно необходимом включении во внешнюю деятельность психических компонентов, он считал психическое процессом **недеятельностной** природы, — по его мнению, психика есть активность, основной функцией которой является отражение мира как такового, мира как объективной реальности. В школе А.Н. Леонтьева в подобной позиции усматривался отказ от деятельностного материализма К. Маркса и, напротив, функцией деятельности всегда считалась психика. По мнению ее представителей, в силу деятельностной природы психики в образе мира (как одной из ее ипостасей) отражается не мир как таковой, а его смысл для субъекта, определяемый его деятельностью в мире.

Если психика является функцией деятельности субъекта в мире объектов, то деятельность — субстанцией психического. Таким образом, ни в какой форме кроме деятельностной психика не существует. В силу этого при интериоризации психика лишь меняет форму своего существования, а не возникает в результате этого процесса. Психика как функция деятельности появляется, вообще говоря, одновременно с деятельностью, которая исходно существует лишь во внешне-практических своих формах.

Выше мы говорили, что позиция Д.Б. Эльконина больше соответствует «духу» деятельностного подхода, а не его «букве». Между тем внимательный анализ последних работ А.Н. Леонтьева, где по большей части представлены канонические положения деятельностного подхода, заставляет думать, что и в них этот дух присутствует, — более того, нет в них тех идей, которые считаются «буквой» этого подхода. Нам, в частности, не удалось найти в книге «Деятельность. Сознание. Личность» четко прописанного положения о тождественности психической и внутренней деятельности. Когда А.Н. Леонтьев говорит о «размыкании» круга внутренних психических процессов как бы навстречу объективному предметному миру (Леонтьев, 1975, с. 73), о признании им тождественности психического и внутреннего могла бы свидетельствовать запятая между терминами «внутренних» и «психических». Между тем ее нет, и на последующих страницах говорится вовсе не о соотношении внешне-практической и «внутренней, психической» деятельности, а о соотношении внешней и внутренней деятельности вообще. Таким образом, и у самого А.Н. Леонтьева нет четко прописанного утверждения о том, что в результате интериоризации из, якобы, непсихической внешне-практической деятельности возникает внутренняя, психическая. В одном лишь месте рассматриваемой книги нам удалось найти уточняющую запятую между понятиями «внутренняя деятельность» и «деятельность сознания» (см.: Леонтьев, 1975, с. 71). Однако и в этом случае речь шла о критике понятия сознания в интроспективной психологии, которая рассматривала явления сознания исключительно как внутренние образования. Напротив, в школе А.Н. Леонтьева всегда стремились показать, что сознание имеет в качестве своей субстанции деятельность, а это означает, что сознание (и психика вообще) является функцией деятельности как в ее внешних, так и внутренних формах, причем эти последние возникают в результате интериоризации первых. Таким образом, психическое (в том числе сознательное психическое) не

возникает в результате интериоризации, — оно всегда является функцией какой-либо формы деятельности субъекта, и поэтому ее характеристики меняются в зависимости от свойств соответствующей ему (психическому) деятельностной «субстанции», которая первоначально действительно представлена в своей «внешней» форме. Поэтому завершаем мы данный раздел нашей статьи словами Д.Б. Эльконина, которые выражают эту мысль в краткой афористичной форме: «Надо понять саму психическую деятельность как внешнюю. Это единственный путь ее изучения. Надо снять с нее мистические покровы!» (Эльконин, 2004, с. 22).

ПСИХИКА КАК СМЫСЛ: СНЯТИЕ ДИХОТОМИИ «ОТРАЖЕНИЯ» И «КОНСТРУКЦИИ»

В последнем разделе нашей статьи мы затронем еще одну активно обсуждаемую в последнее время проблему — соотношение отражательной и конструктивистской парадигм в психологии. В настоящее время базовая метафора отражения, которая лежала в основе многих отечественных психологических концепций, подвергается суровой критике. Так, в одной из своих недавних работ В.Ф. Петренко (Петренко, 2004) говорит о том, что эта метафора, сыгравшая позитивную роль в решении А.Н. Леонтьевым проблемы эволюции психики, стала тормозом развития психологии, так как содержит элемент вторичности, реактивности психики. Поэтому автор указанной статьи обосновывает необходимость конструктивистской парадигмы, согласно которой психология как гуманитарная наука, по преимуществу, сама конструирует изучаемую ею реальность и, в частности, порождает конструкты расширяющегося сознания. Подтверждая идею о том, что для психологии наиболее продуктивен гуманитарный путь, М.С. Гусельцева полагает, что принцип отражения должен быть дополнен принципом искажения действительности, иначе, по ее мнению, за пределами психологического анализа останутся все феномены человеческого творчества (см.: Гусельцева, 2004, с. 95).

Нам представляется, что в деятельностном подходе школы А.Н. Леонтьева с самого начала содержалось диалектическое «снятие» и этой дихотомии, разрешение противоречия между «отражением» и «искажением». Если понимать психику как смысл, т.е. как процессы и результаты смыслового отражения реальности, осуществляющегося

в процессах деятельности субъекта и посредством нее⁴², вопрос о противопоставлении двух парадигм (отражательной и конструктивистской) снимается. Ведь смысл, как подчеркивал А.Н. Леонтьев в «Методологических тетрадах», не есть категория самой действительности, взятой абстрактно, отвлеченно от субъекта, но она не является и категорией чисто субъективной. Это субъективно-объективная категория. Отражая мир посредством деятельности, а значит, на смысловом уровне, субъект получает знания о мире настолько объективные, насколько это потребно живущему в нем и изменяющему его субъекту, и настолько субъективные, насколько это помогает данному субъекту с его потребностями, устремлениями и целями строить свою жизнь в изменяющемся мире. О смысловом характере психики говорил еще Л.С. Выготский: назначение психики состоит вовсе не в том, чтобы зеркально отражать, а в том, чтобы субъективно искажать действительность в пользу организма. Деятельность и является аппаратом такого смыслового искажения мира и средством конструирования потребной субъекту картины (образа) мира.

Мы настаиваем на том, что любое психическое явление может быть рассмотрено как форма существования или результат смыслового отражения мира субъектом посредством его деятельности в этом мире. В последние годы в психологической литературе, говоря о смысле, в основном имеют в виду человеческие (личностные) смыслы. Между тем мы не должны забывать, что уже на самых первых ступенях филогенетического развития психическое отражение (искажение) действительности имеет смысловой характер. Первые элементарные ощущения отражают не собственно абиотический раздражитель, как это иногда утверждается, а его (биологический) смысл для субъекта. Если выразиться еще точнее, ощущение есть переживание субъектом биологического смысла абиотического раздражителя (который открывается субъекту лишь в его деятельности), а не отражение физических свойств стимула как таковых. Так, к примеру, собака обычно не реагирует на запахи наркотических веществ (молекулы пахучего вещества лишь раздражают ее обонятельные рецепторы, т.е. отражаются на физиологическом уровне, но психического — смыслового — отражения абиотического раздражителя еще нет, поскольку при данных условиях

⁴² Именно это и призывал сделать А.Н. Леонтьев, главным образом, в ранних своих работах — в частности, в недавно опубликованном (Леонтьев, 2003) тексте доклада в ВИЭМ'е, подготовленном еще в 1935 г., и в «Методологических тетрадах», созданных на рубеже 30-х и 40-х годов XX в. — их первую публикацию см. в: Леонтьев, 1994.

оно не имеет смысла для субъекта, обладающего этими рецепторами). Однако при построении у собаки специальной деятельности по нахождению наркотических веществ с соответствующими «наградами» за удачный поиск запахи отдельных наркотиков начинают ощущаться животным, поскольку приобрели для него биологический смысл награды. Поэтому, заметим в скобках, А.Н. Леонтьев, рассматривая проблемы развития психики, подчеркивал активность и пристрастность (и тем самым конструктивность) психики даже на элементарном сенсорном и перцептивном уровнях ее развития, то есть, строго говоря, не использовал метафору реактивного («зеркального») отражения.

Таким образом, если любые психические явления выступают смысловыми конструкциями, психологической науке следует стремиться к построению многоуровневой системы исследований этих конструкций у разных субъектов (например, у животных различных видов, у человека как индивида, социального субъекта и личности). И эта многоуровневая система вовсе не предполагает различных стандартов организации знания на разных уровнях («этажах») психологической науки, отсутствия единого предмета исследования и единого способа обращения с научными понятиями, как утверждают некоторые современные психологи. Категория «смысл» (которая, в свою очередь, неотделима от категории «деятельность») вполне может послужить основой интегративной работы в научной психологии и тем самым противостоять ее дихотомизации (разведению или эклектическому объединению естественнонаучного и гуманитарного, отражательного и конструктивистского подходов).

При рассмотрении смысловой природы психики возникает еще одна важная проблема, затрагивающая возможность научного исследования этой реальности. На одном из секционных заседаний состоявшейся в Москве 19–21 мая 2005 г. Международной конференции «Проблема смысла в науках о человеке: к 100-летию Виктора Франкла» часто звучала мысль о том, что наука о смысле невозможна, ибо смысл невыразим в каких-либо научных понятиях (Лукьянов, 2005, с. 113), а постигается лишь как «категория жизни» благодаря ее «изначальной и имманентной герменевтике» (В. Дильтей). Категории жизни, — утверждает вслед за В. Дильтеем В.В. Архангельская, — вырастают из жизни и оказываются «встроенными в ее осуществление» и посему всегда ситуативны (Архангельская, 2005, с. 100). Здесь мы опять возвращаемся к рассмотренной выше дихотомии естественнонаучного и гуманитарного в психологии, выраженной в других терминах. Говоря словами А.Н. Леонтьева, речь идет теперь о противопоставлении «значений» и «смыслов».

На наш взгляд, отказ от научного изучения смыслов равнозначен отказу от научной психологии вообще, поскольку, как мы говорили только что, любое психическое явление имеет смысловую природу. Парадокс заключается в том, что в психологической науке ученому требуется рационально (то есть на уровне значений) понять чужие смыслы. Как мы видели, многие психологи высказывают убеждение, что это вообще невозможно, так как мы все находимся в оболочке своих смыслов, и в лучшем случае познание (точнее: понимание, постижение) другого человека возможно лишь через их призму. Таким образом, никаких объективных критериев «точности» познания этого Другого нет.

Подобная позиция является одним из вариантов чрезвычайно распространившихся в последнее время в психологии и других гуманитарных науках постмодернистских идей невозможности объективного знания о чем-либо. В частности, постмодернисты настаивают на равноправном существовании самых разных — в том числе прямо противоположных — исторических, психологических (и любых иных) интерпретаций текстов и при этом не требуют от данных интерпретаций каких-либо обоснований, кроме констатации «неповторимого истолкования» исследователем того или иного текста, которое может определяться даже не идеологически, а эстетически (см.: Тош, 2000, с. 173). Поскольку поведение человека тоже можно рассматривать, как утверждал еще Ю.М. Лотман, в качестве текста, постольку заранее предполагается плюрализм смыслового прочтения «поведенческих текстов». Это прекрасно вписывается в бурно развивающуюся в современной России психологическую практику, плюралистичную по своей сути. Однако, на наш взгляд, при таком подходе теряется грань между действительно научно обоснованными формами практической психологии и «симптоматической» терапией нерелефлексированных «практиков», существование которой в нашей стране напрямую определяется дремучей психологической безграмотностью населения.

В школе Л.С. Выготского—А.Н. Леонтьева уже в 20–30-е годы XX в. понимали опасность абсолютизации субъективной пристрастности психологического исследования и психологической практики. Более того, даже рассматривая человека в неклассических традициях как «говорящее бытие» (М.М. Бахтин), в его конкретной деятельности, снимающей противопоставление «объективного и субъективного», в указанной школе настаивали на необходимости строго научного изучения психологии человека. Это означало не игнорирование возможности субъективно-пристрастного его рассмотрения, а исследование

источников данной пристрастности, которые коренятся, в частности, в идеологии. Уже тогда деидеологизация марксизма как возможной философской основы научной психологии, столь ярко заявленная Л.С. Выготским в «Историческом смысле психологического кризиса» как одна из главных задач методологов, намечала пути выхода из неправомерно идеологизированной (и поэтому пристрастно-смысловой) психологической науки (по сути, антинауки).

По нашему мнению, свобода интерпретации, как и любая свобода вообще, всегда имеет свои исторически обусловленные ограничения. Мы не должны забывать о строгой культуре научного исследования, которая, несомненно, изменяется со временем, однако всегда опирается на традиции, ограничивающие произвольность толкования. Не могу не привести замечательные слова Ю.М. Лотмана, сказанные им по поводу культуры вообще, однако, на мой взгляд, вполне подходящие и к культуре научного исследования: «С чего начинается культура? Исторически — с ограничений... и людям, угнетенным своей серостью или своей социальной униженностью, очень хочется сбросить все это, и тогда появляется толкование свободы как полной свободы от ограничений. Это и есть хамство» (Лотман, 2002, с. 5). Другой вопрос, что в гуманитарных науках объективность надо понимать иначе, чем в естественных науках. Здесь можно сказать спасибо постмодернистам за то, что они обозначили действительно имеющуюся в гуманитарных исследованиях любого типа проблему невозможности оторвать факт от его интерпретации, которая зависит в том числе от смыслов постигающего этот факт субъекта. Но постмодернисты абсолютизируют субъективность и многозначность прочтения текстов, тогда как это прочтение — каким бы субъективным оно ни было — исторически обусловлено целым комплексом разных факторов, и данную обусловленность надо, как бы это ни было сложно, пытаться вскрыть в объективных исследованиях, отрефлексировав свои смыслы и в известном отношении отказавшись от них.

Примечательно, что даже в искусстве (которое, вообще говоря, в отличие от науки, занимается трансляцией смыслов, а не значений) возникает подобного рода задача. Как отмечают современные представители школы Л.С. Выготского—А.Н. Леонтьева, произведение искусства открывается реципиенту только при условии его временного отказа от своей уникальной личностно-пристрастной позиции в мире, слияния с позицией художника, взгляда на мир его глазами (Леонтьев Д.А., 1998, с. 22). Парадокс художественного восприятия заключается в том, что «только отказавшись от восприятия произведения через призму

моих смыслов, я оказываюсь в состоянии обогатить мои смыслы теми, которые заложены в произведении автором» (там же). Перефразируя это очень важное для психологии искусства высказывание в контексте решения психологом задач понимания поведенческого текста, можно сказать, что только отказавшись (временно) от своей «правды», от своих смыслов, я смогу попытаться понять смыслы этого текста, т.е. его «правду». Известно также, что русский актер М. Щепкин определял существо актерской игры как отказ от себя (т.е. отказ от своих смыслов с целью понять и выразить смыслы изображаемого им персонажа). Подобного рода задача ставится и наукой, которая, как система с постоянной, должна совершать рациональный анализ используемых в научном исследовании методов и различать их объективно-беспристрастное операциональное содержание, с одной стороны, и смысловое наполнение (обусловленное мотивами и целями ученого), с другой.

Именно к этому призывали, на наш взгляд, психологов Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев уже на рубеже 20-х и 30-х годов XX в.; в более позднее время в указанной школе были разработаны научно обоснованные методы вполне объективного исследования смысловой сферы личности. Задача «рационально понять иррациональное» («поверить значениями смыслы») не всегда должным образом решается, на наш взгляд, в современной столь же идеологизированной (как и в советское время) психологии. Только теперь идеологическое наполнение психологии (особенно психологической практики) определяет другая идеология — рыночная. Самый распространенный тип личности, по Э. Фромму, во второй половине XX в. (и, добавим, до сих пор) — как раз рыночный тип, который говорит всякому, кто готов его купить: «Я таков, каким ты хочешь меня видеть». Поэтому, на наш взгляд, сохраняется актуальность требования наших великих соотечественников: психология, как и любая наука, должна стремиться к объективности, что вовсе не исключает деятельного характера психологического познания и его смыслового наполнения (пристрастности), — важно всегда рефлексировать используемые в науке методы с точки зрения очень трудного, но необходимого отделения в психологическом познании значений от смыслов. Как и способы познания и возможного изменения мира (и человечества как его части), значения могут наследоваться и использоваться новыми поколениями людей в известном отношении независимо от породивших их смыслов (и стоящих за ними мотивов), — так обеспечивается преемственность научных традиций и кумулятивный характер психологического знания.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельская В.В. Смысл как «категория жизни» и путь к феноменологической психологии // Проблема смысла в науках о человеке (К 100-летию Виктора Франкла). Материалы Международной конференции (Москва, 19–21 мая 2005 г.). М.: Смысл, 2005. С. 100–101.
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- Братусь Б.С., Кричевец А.Н., Умрихин В.В. Многоэтажная психология. Эскизный проект // Ученые записки кафедры общей психологии. Вып. 2 / Под ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой (в печати).
- Гусельцева М.С. Методологические предпосылки и принципы развития культурно-исторической психологии // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 82–101.
- Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы / Под ред. В.В. Давыдова, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во АПН СССР, 1990.
- Дискуссия о проблемах деятельности // Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2004. С. 303–338.
- Кравцов В.Н. Трансформации оснований профессионализма исторического знания в современном историографическом процессе // Образы историографии. М.: РГГУ, 2001. С. 173–198.
- Кричевец А.Н. Внутренние условия развития и психофизическая проблема // Вопросы психологии. 2005. № 1. С. 3–18.
- Кричевец А.Н. Многомерная психология. Эскизный проект // Мир психологии, 2005. № 3. С. 218–233.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2004.
- Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2003.
- Леонтьев А.Н. Философия психологии. М.: Изд-во МГУ, 1994.
- Леонтьев Д.А. Введение в психологию искусства. М.: Смысл, 1998.
- Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века). СПб.: Искусство, 1994.
- Лотман Ю.М. Искусство дает опыт неслучившегося // Новая газета. 2002. 4–6 марта 2002. С. 5.
- Лукьянов О.В. Необратимость изменений в научной психологии при постановке проблемы смысла жизни // Проблема смысла в науках о человеке (К 100-летию Виктора Франкла). Материалы Международной конференции (Москва, 19–21 мая 2005 г.). М.: Смысл, 2005. С. 113–116.
- Мазилев В.А. Методология психологической науки. Ярославль, 2003.
- Мясоед П.А. Психология в аспекте типов научной рациональности // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 3–18.

- Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Постнеклассическая психология: Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 71–87.
- Розин В.М.* Типы и дискурсы научного мышления. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Соколова Е.Е.* Идеи А.Н. Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии (школа А.Н. Леонтьева). М.: Смысл, 1999. С. 80–117.
- Соколова Е.Е.* К проблеме непротиворечивого определения предмета психологии в школе А.Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2003. № 2. С. 32–49.
- Соколова Е.Е.* Тринадцать диалогов о психологии. 4-е изд. М.: Смысл, 2003.
- Тош Дж.* Стремление к истине: Как овладеть мастерством историка. М.: Велмир, 2000.
- Улановский А.М.* Синергетическая метафора сознания // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2005. № 1. С. 17–29.
- Фромм Э.* Иметь или быть? М.: Прогресс, 1990.
- Эльконин Д.Б.* Выдержки из научных дневников (1960–1962) // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 9–22.
- Юревич А.В.* Системный кризис в психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Юревич А.В.* Состав и структура психологического знания // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 37–60.

ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕТАСИСТЕМНОГО ПОДХОДА В ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.В. КАРПОВ

Как известно, в настоящее время вокруг системного подхода как методологического принципа психологических исследований сложилась достаточно неоднозначная и противоречивая ситуация. Более того, общая тональность его оценок все явственнее приобретает негативную окраску, отражающую известный скепсис в отношении его эвристических возможностей. В связи с этим достаточно значимой в методологическом плане является задача специального анализа сложившейся ситуации и определение возможных перспектив выхода из нее. В данной работе мы предпримем попытку решения указанной задачи, которая, в свою очередь, предполагает необходимость ответа на следующий, основной вопрос: отражает ли данная ситуация объективную логику развития психологического познания или является своего рода «методологической аберрацией» и индикатором некоторых *переходных* явлений? Имеет ли системный подход будущее и, если да, то каковы его контуры?

Безусловно, сложившаяся ситуация имеет многофакторную обусловленность, она порождена целым комплексом причин; некоторые из них хорошо и давно известны — они как бы «лежат на поверхности», другие же имеют более имплицитный характер и нуждаются в специальном анализе. Так, к числу первых можно отнести следующие основные причины:

1. Подмена адекватной трактовки системного подхода именно как методологического *подхода* его неадекватной трактовкой как *метода* исследований. В результате этого он понимается как достаточное средство (а в действительности — квазидостаточное) для организации

и проведения конкретно-научных исследований. Это не приводит, как правило, к получению конструктивных результатов, что, в свою очередь, стимулирует развитие негативного отношения к нему.

2. Недостаточная методологическая культура исследований, в которых предпринимались попытки реализации принципа системности. В результате они приобретали достаточно поверхностный характер, а системный подход, реализующийся (точнее — квазиреализующийся) в них, дискредитировал сам себя.

3. Неполная, а потому — неадекватная, а лишь частичная, так сказать, «парциальная» реализация системного подхода. Часто в исследованиях реализовывался лишь какой-либо его отдельный аспект (причем нередко — в достаточно корректной форме). Однако весь арсенал методологических средств и истинный потенциал данного подхода оставался все же нереализованным.

4. Абсолютно неправомерное применение системного подхода по отношению к проблемам, которые не только не требуют этого, но и могут быть более эффективно решены иными методологическими и методическими средствами. При этом нарушается одно из основных методологических требований, согласно которому любая теория и любой подход должны иметь свою меру обобщенности, свою сферу действия. В результате этого достаточно часто проводились исследования, которые Л.С. Выготский в свое время охарактеризовал как пришивание «методологического пальто» к «экспериментальной пуговице»; широкое распространение получило явление «системного редукционизма».

Следует подчеркнуть, что все отмеченные выше причины связаны не столько с «дефектами» самого системного подхода, сколько ошибками в его *применении*. Между тем, сводить детерминацию современного состояния системных исследований только к ним было бы недопустимым упрощением. На наш взгляд, существует еще одна группа причин, имеющих более имплицитный и вместе с тем более принципиальный характер. Они связаны не с «ошибками применения», а с недостаточным уровнем развития самого системного подхода. Системный подход — в его современном виде — не есть нечто «полностью сформировавшееся» и «окончательно развившееся»; напротив, значительно более конструктивным является, по нашему мнению, его трактовка как *развивающегося* принципа. В силу этого многие недостатки, проявившиеся в ходе его реализации, должны быть поняты не как порожденные его *атрибутивными* ограничениями, а как обусловленные недостаточным *уровнем* его развития.

В связи с этим необходимо сформулировать проблему, которая является основной и критически значимой для методологической рефлексии принципа системности, а также для определения перспектив его дальнейшего развития. Может ли быть развит и усовершенствован сам системный подход (а не только способы его применения) по отношению к его нынешнему состоянию? Если да, то как именно? Содержатся ли в нем самом определенные внутренние предпосылки и условия для его дальнейшего развития? При этом не только не исключено, но, напротив, очень вероятно, что его дальнейшее совершенствование будет носить отнюдь не «косметический» характер, а потребует достаточно существенной его трансформации.

Безусловно, все эти вопросы чрезвычайно сложны и требуют большого комплекса специальных методологических исследований. Показательно, что именно к ним, так или иначе, приводят наиболее серьезные современные попытки развития системного подхода. Это, например, введение понятия «полисистемности» (Завалишина, 1995, с. 32–42); обоснование «межсистемного» подхода (Голиков, Костин, 1996); комплексное методологическое развитие базовых положений системного подхода в работах В.А. Барабанщикова (Барабанщиков, 2004); попытки синтеза базовых положений системного подхода с основными положениями синергетики (Крылов, 1998; Хакен, 1980; Пригожин, 1985); разработка новых версий системного подхода с точки зрения недавно возникшей дисциплины — меметики (Айзербит и др., 2002).

Ниже мы предпримем собственную попытку рассмотрения некоторых из этих вопросов, предельно четко осознавая тот факт, что современный уровень представлений в данной области допускает возможность лишь предварительного и по необходимости гипотетического ответа на них.

Есть основания допустить, что дальнейшее развитие системного подхода возможно при условии более полного, точного и адекватного учета им важнейшей, фундаментальной и основополагающей категории особенностей систем — особенностей их *структурной* организации. В этом плане необходимо, на наш взгляд, обратить особое внимание на очень важное «системное понятие» (и, соответственно, на реальность, обозначаемую им) — понятие *метасистемного уровня*. Уже в ранних работах по общей теории систем (Берталанфи, 1974) данный уровень дифференцируется от иных уровней и указывается, что метасистемный уровень является не только высшим, но и «открытым». Это, в частности, означает, что через него система взаимодействует

с иными системами и развивается в таком взаимодействии. Вместе с тем приходится констатировать, что понятию метасистемного уровня явно «не повезло» в плане внимания к нему и, соответственно, в плане степени его изученности. Этому, конечно, в значительной степени способствовала его сложность, противоречивость, а в чем-то — даже парадоксальность. Причем эта противоречивость и двойственность заложена даже в самой этимологии понятия «метасистемный»: оно указывает на то, что некая сущность (в данном случае — уровень) *и* принадлежит системе, *и* лежит вне ее. Но тогда возникает вопрос: где же «на самом деле» локализуется данный уровень? Обычно принимается второй из указанных вариантов, причем в упрощенной форме, когда понятие метасистемности фиксирует лишь факт *включенности* той или иной системы в иные системы более высоких порядков (т.е. в метасистемы), а также ее взаимодействия с ними. Такая, повторяем, упрощенная трактовка, по нашему мнению, не исчерпывает собой всей сложности и специфичности понятия метасистемного уровня и тем более никак не объясняет его, а лишь отражает тривиальный факт взаимодействия системы и метасистемы.

Развитию представлений в области системной методологии может способствовать также исследование довольно своеобразного феномена, который можно обозначить как «парадокс высшего уровня системы». Его суть заключается в следующем. С одной стороны, высший уровень в иерархической организации любой системы, находясь внутри нее, но не исчерпывая ее содержание (по определению), является тем самым *частью* этой системы. Это важнейшая, решающая, доминирующая и пр., но все же именно часть системы. Она осуществляет координирующие, организующие и управляющие функции по отношению к остальным частям системы. С другой стороны, любая система (в особенности — сложная) может быть эффективно организована лишь в том случае, если ее «координирующий и управляющий» центр имеет в качестве своего объекта не какую-либо часть системы, а *всю* ее, *все* ее содержание — в том числе, разумеется, и все уровни, включая и высший. Тем самым, складывается внутренне противоречивая ситуация, при которой высший уровень системы должен входить в ее состав, но одновременно быть как бы «за» и «вне» ее, точнее — «над» ней. Это, впрочем, достаточно давняя и традиционная трудность, попытки преодоления которой приводят, например, к выделению в той или иной системе некоторой «управляющей суперсистемы» (которая, однако, сама нуждается в «верховном управлении»), в результате чего возникает типичная ситуация «дурной бесконечности». В психологии

эта же трудность является в конечном итоге главной причиной появления «идеи гомункулуса». На наш взгляд, наиболее естественным, хотя и достаточно радикальным способом снятия указанного парадокса может быть предположение, согласно которому в самом содержании систем (в том числе — и психики) может существовать такой уровень, который *одновременно* является и ее собственным уровнем, и уровнем, выходящим за ее пределы (метауровнем), т.е. в определенном смысле локализованным вне ее⁴³.

Итак, можно предположить, что раскрытие природы метасистемного уровня может способствовать дальнейшему развитию принципа системности. Вместе с тем, повторяем, это понятие остается до сих пор одним из самых противоречивых, «непонятных» и отчасти даже парадоксальных. Эта парадоксальность связана, прежде всего, с тем, что метасистемный уровень, рассматриваемый как принадлежащий той или иной системе, и, более того, трактуемый как *ее* «высший и ведущий» уровень (по определению), обычно не включается в состав и содержание этой системы, а локализуется *вне ее* в плане ее взаимодействий с более общими целостностями — метасистемами. В рамках исторически сложившихся, традиционно закрепившихся и ставших своего рода аксиоматическими, «каноническими» представлений в данной области предпочитают «не замечать» (для сохранения концептуального комфорта) эту противоречивость и парадоксальность понятия метасистемного уровня. Вместе с тем, как следует из вышесказанного, эти представления не только могут, но и должны быть существенно уточнены, а частично — и скорректированы. Без такой коррекции вряд ли возможно развитие самого системного подхода в целом.

Сущность этих «канонических» представлений может быть резюмирована следующим образом. При изучении некоторого объекта с позиций принципа системности в нем дифференцируется ряд иерархически соподчиненных уровней. Кроме того, система характеризуется двумя классами взаимодействий — внешне- и внутрисистемными. Первые обеспечивают ее включенность в контекст более общих по отношению к ней систем, обозначаемых понятием метасистем. Эти взаимодействия составляют содержание, своего рода «ткань» ме-

⁴³ На первый взгляд, данное предположение может показаться не вполне обоснованным и даже неправдоподобным. Не будем, однако, торопиться с оценками и выводами, помня, например, о том, какую роль сыграли в психологии еще менее очевидные в свое время представления о механизме «опережающего отражения» (Анохин, 1978).

тасистемного уровня. Они, а следовательно, и сам метасистемный уровень, по определению, представлены поэтому в так сказать «экстрасистемном» плане. Иначе говоря, эти представления фиксируют, в основном, *факт* существования взаимодействий системы с более общими метасистемами и их определяющую роль для функционирования самой системы. В связи с этим возникает вопрос о корректности и универсальности, о «всеобщности» указанных представлений, об их достаточности для характеристики всего многообразия существующих систем в целом и психики в частности.

По нашему мнению, для того, чтобы попытаться ответить на сформулированный выше вопрос, его целесообразно намеренно заострить и сформулировать в следующем виде. Является ли положение о том, что метасистемный уровень может локализоваться только *вне* самой системы, всеобщим и универсальным для всех типов реально существующих систем? Или же такая «экстрасистемная» локализация является хотя и наиболее типичной и распространенной, но все же *частной*, а не *общей* закономерностью организации систем?

Предпринимая попытку ответа на данный вопрос, мы считаем необходимым подчеркнуть следующее. Вся история развития психологии, ее наиболее общие положения, а также сама атрибутивная природа психики указывают на существование базового и фундаментального, а не исключено, — и наиболее общего принципа ее организации. Более того, этот принцип является настолько общим, его проявления и воплощения настолько многообразны, а сам он настолько «привычен и обычен», что подробно раскрывать его нет необходимости, а достаточно лишь указать на его смысл: внешняя объективная реальность как метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, получает в ней своего рода «удвоенное» существование в виде субъективной реальности, в форме так называемого «отраженного» (если пользоваться традиционной терминологией). Эта субъективная реальность может принимать очень разные формы, она может по-разному обозначаться и трактоваться в плане ее механизмов, структур и процессов, но сам факт ее существования неоспорим и непреложен⁴⁴. В психологии существует очень много понятий для обозначения этой реальности, а также ее разновидностей, форм, аспектов, проявлений и т.д. Приведем лишь некоторые из них: «внутренняя информация», «знания»,

⁴⁴ Более того, как известно, степень его неоспоримости и очевидности даже выше, нежели очевидность существования объективной реальности, что послужило основанием для целого ряда философских направлений и доктрин.

«ментальные репрезентации», «когнитивные схемы», «опыт», «образ мира», «внутренний мир», «модель ситуации», «субъективные репрезентации», «скрипты» и др.

Иными словами, атрибутивная природа психики, а одновременно ее уникальность (раньше это обозначалось как ее «отражательная природа») такова, что в ней объективная реальность получает свое «удвоенное бытие» в форме реальности субъективной. Более того, чем полнее и адекватнее последняя будет соответствовать объективной реальности, тем большие предпосылки обеспечиваются и для решения общеадаптивных задач. Следовательно, можно констатировать, что та метасистема, с которой исходно взаимодействует психика, в которую она объективно включена и которая ей «внешнеположена», оказывается определенным образом представленной в структуре и содержании самой психики. Она транспонируется в психику, хотя и в очень специфической форме — в форме реальности субъективной (которая, однако, по самой своей сути и назначению *должна* быть максимально подобной в аспекте своих информационных и содержательных характеристик объективной реальности). Естественно, что наиболее сложный и главный гносеологический вопрос состоит в том, *как* именно это происходит? Как порождается субъективная реальность во взаимодействии с внешней, объективной реальностью? По существу, это и есть основной вопрос психологии, и она пока не готова дать на него удовлетворительный ответ. Однако сам факт порождения и, соответственно, существования субъективной реальности как «удвоенной» объективной реальности не вызывает сомнений. Причем «не вызывает» в такой степени, что этот фундаментальный факт очень часто просто принимается как данность, но не учитывается в должной мере при решении тех или иных исследовательских задач. В частности, он явно недостаточно учитывается в исследованиях, базирующихся на принципе системного подхода, а также, что еще хуже, — в содержании самого системного подхода.

Итак, сама *сущность* психического такова, что в *его собственном* содержании оказывается представленной, получает свое существование та метасистема, которая является по отношению к нему исходно «внешнеположенной» и в которую оно объективно включено. Подчеркнем, что речь идет, разумеется, именно об определенной *форме существования* этой объективной реальности, а не о ее онтологической представленности в психике. Причем чем более полным, адекватным и, так сказать, «глобальным» является такое представительство метасистемы в собственном содержании психики, тем «лучше для нее самой» — тем выше ее адаптивные и все иные возможности.

Прямым логическим следствием этого является то, что взаимодействие психики (как системы) с метасистемами, в которые она исходно включена, первично может осуществляться и при *отсутствии актуального* контакта с ними. Реальность, которую очень трудно оспаривать, такова, что любое взаимодействие с внешним миром многократно опосредствуется «внутренними представлениями» о нем. Человек взаимодействует не столько с «миром» непосредственно, сколько со своими представлениями о нем, с его субъективной моделью. Вместе с тем данный факт обычно не осознается и субъективно не репрезентируется. Как отмечал А.Н. Леонтьев, «перед человеком — мир, а не “мир” и “картина мира”» (Леонтьев, 1983). Понятно, что системы, которые могут взаимодействовать со средой и вне актуального контакта с ней, получают огромные преимущества. В частности, оказывается возможной «подготовка» к тем или иным вариантам реальных взаимодействий, ориентации в общей ситуации вероятных взаимодействий, получения временного ресурса для обработки больших массивов информации и др. Известные феномены «рефлексивной паузы», а также уже упомянутого выше «опережающего отражения» — одни из наиболее показательных и известных примеров сказанного.

Все рассмотренные выше вопросы являются очень общими и базируются на фундаментальных, отправных общепсихологических представлениях. Вместе с тем все они в очень слабой степени ассимилированы в настоящее время методологией системности. Представляется парадоксальным и даже удивительным тот факт, что системный подход, то есть методология, ориентированная на решение наиболее *общих* вопросов, до сих пор не уделяет должного внимания этим, повторяем, фундаментальным вопросам, тогда как попытка синтезировать их с методологией системного подхода позволяет сделать ряд значимых, на наш взгляд, заключений. Причем, следует особо подчеркнуть, что этот синтез отнюдь не является формальным, «механическим» и внешним. Он, напротив, обусловлен внутренней логикой системного подхода и основными тенденциями развития общепсихологических представлений о структурно-функциональной организации психики. Об этом свидетельствует уже самый первый, но одновременно и главный, наиболее общий вывод, который оказывается возможным сделать на основе такого синтеза: следует признать, что структурно-функциональная организация психики предполагает *включенность* метасистемного уровня в само ее содержание, в ее собственную структуру.

По отношению к психике метасистемный уровень имеет не только «экстрасистемную» (как по отношению практически ко всем иным

известным в настоящее время системам), но и «интрасистемную» представленность. Метасистема, в качестве которой по отношению к психике выступает в конечном итоге вся «внешнеположенная» ей объективная реальность (а также взаимодействия с этой реальностью), получает в содержании самой психики свое «удвоенное бытие», свое «второе существование». Оно, разумеется, нетождественно онтологической представленности, а принимает качественно иные формы. Кардинальное отличие всех этих форм от «исходного бытия» метасистемы состоит в том, что они носят противоположный по отношению к нему характер — имеют не материальную, а *идеальную* природу. Для их обозначения, как мы уже отмечали, в психологии выработано множество понятий, и наоборот, метасистемный уровень синтезирует в себе все эти важнейшие психические образования, а само понятие метасистемного уровня является *родовым* по отношению к каждому из них как *видовому*.

Следует обязательно иметь в виду, что интенсификация изучения этих форм субъективной репрезентации объективной реальности по праву является в настоящее время одной из *главных* тенденций развития общепсихологических исследований, особенно явно представленной в современной когнитивной психологии и в метакогнитивизме. Эти исследования направлены на раскрытие механизмов и закономерностей структурно-функциональной организации «ментальных репрезентаций», «систем знаний» и т.п. Вместе с тем важно понимать не только эти механизмы и закономерности, но и общий смысл, психологический *статус* указанных образований в общей структуре психического. А статус их как раз и определяется принадлежностью к особому, метасистемному уровню, представляющему по своему содержанию «инобытие» объективной реальности в форме реальности субъективной, идеальных моделей и репрезентаций. Отсюда вытекает важное следствие: знания, «субъективная информация», «ментальные репрезентации», вообще все содержательно-информационные образования психики, являясь отражением объективной реальности, не есть чисто информационные образования; они имеют в своей совокупности статус *структурного уровня* в общей организации психики. Этот уровень взаимодействует со всеми иными ее иерархическими уровнями. Тем самым система знаний (повторяем — в широком смысле, т.е. все информационное содержание психики) сама начинает подчиняться общим структурно-уровневым закономерностям. Несколько упрощая данное заключение, можно сказать, что знания оказываются в состоянии управлять структурой, а содержание получает статус детерминанты функциональной динамики.

С позиций сформулированных представлений могут быть преодолены и некоторые другие теоретические трудности — в частности, та, которая была обозначена выше как «парадокс ведущего уровня систем». Нетрудно видеть, что предложенная выше трактовка метасистемного уровня как принципиально *двойственного* и имеющего две основные формы существования позволяет дать вполне естественное и даже необходимое разрешение указанного парадокса. Действительно, с точки зрения организации психики, данный уровень «встраивается» в ее собственную структуру и, более того, обретает в ней статус ведущего, высшего. Тем самым он получает в ней свое внутрисистемное бытие, выступает именно как уровень в общей структурно-уровневой организации психики. В этом своем статусе он представлен, как мы уже отмечали выше, в форме многих образований, давно и подробно изучающихся в психологии, особенно в когнитивной психологии и в метакогнитивизме. Вместе с тем по своим содержательно-информационным характеристикам, по своей, так сказать, «наполненности», данный уровень является своего рода «дубликатом» объективной реальности, продуктом и результатом ее «отражения», точнее, воссоздания, порождения. Причем, подчеркнем еще раз, чем более точным и полным является соответствие этих содержательно-информационных характеристик объективной реальности, тем эффективнее функционирует и сам этот уровень, и все иные, соподчиненные ему уровни, и вся психика в целом. Будучи локализованным, разумеется, в «интрапсихической» плоскости, данный уровень локализуется самим субъектом вне ее — в объективной реальности⁴⁵. Таким образом, данный уровень субъективно «выносится» за пределы психического, оставаясь, естественно, внутри него.

Итак, и «парадокс высшего уровня организации», и проблема неопределенности понятийного и концептуального статуса термина «метасистемный уровень» могут быть разрешены, на наш взгляд, лишь в том случае, если привлечь для этого общенаучный *принцип дополнительности*. Как было продемонстрировано выше, сущность, специфика и атрибутивная природа метасистемного уровня таковы, что он не может быть понят по принципу «или — или» (т.е. как локализованный *или* вне психики, *или* внутри нее). Он может быть

⁴⁵ Одним из проявлений этой общей особенности, раскрытым Л.М. Веккером на материале изучения перцептивных процессов, является, как известно, сформулированный им «онтологический парадокс психики»: то, что реально (онтологически) представлено в содержании психики — например, перцептивный образ, — субъективно вынесено за ее пределы и локализуется там, где расположен объект (Веккер, 1974).

адекватно и корректно раскрыт и объяснен лишь по принципу «и – и», т.е. как имеющий «двойную локализацию». Это означает, кроме того, существование двух основных форм метасистемного уровня, модулей — материального и идеального.

На наш взгляд, сформулированные представления должны обязательно учитываться в психологических исследованиях, базирующихся на принципе системного подхода. Они приводят к постановке множества вопросов, позволяя сформулировать и наиболее общий из них. К каким следствиям ведет включение в структурно-уровневую организацию психики метасистемного уровня именно как *ее собственного* уровня, а не только как уровня, локализованного вне ее — в ее взаимодействиях с метасистемами, в которые она сама объективно включена? Главное из этих следствий состоит, по нашему мнению, в том, что именно благодаря такой «встроенности» метасистемного уровня в саму систему создаются предпосылки для возникновения качественно новых и своеобразных механизмов, принципов структурной организации и функционирования психики. Так, благодаря данному уровню (как уровню, одновременно и включенному в содержание системы, и «вынесенному» за ее пределы) открывается принципиальная возможность для своего рода *объективации* системой самой себя в качестве *предмета* организации и управления. Система, не нарушая рамок своей целостности и «онтологической замкнутости», в то же время оказывается в состоянии выйти за свои собственные границы и сделать саму себя предметом своих же собственных воздействий, своей активности. Наиболее четким и несомненным феноменологическим «индикатором» этой особенности является вся совокупность так называемых «рефлексивных явлений». Другими словами, возникновение «встроенного» метасистемного уровня означает не только появление в структуре целого (психики) «еще одного», пусть даже и высшего, важнейшего уровня. Дело еще и в том, что данный уровень атрибутивно связан с *новым принципом* функциональной организации психики (и даже базируется на нем). Он состоит в том, что именно благодаря метасистемному уровню (как уровню, одновременно локализованному и внутри системы, и вне ее) система обретает возможность делать (посредством выхода на этот внешний по отношению к ней уровень) саму себя *в целом* объектом своего же собственного воздействия, управления, своей собственной организации⁴⁶.

⁴⁶ В связи с этим можно видеть, что сформулированный в данной работе подход по-новому ставит (и в определенной мере решает) традиционную проблему *самоорганизации*.

Все сказанное можно обозначить как *метасистемный принцип функциональной организации психики*. Он, повторяем, сопряжен с включением в ее структуру метасистемного уровня и, более того, является его основой. При этом следует иметь в виду, что сам статус понятия «принцип» предполагает достаточно *общий* характер его действия и множественность сфер существования. Следовательно, есть основания считать, что он характеризует не только отношения метасистемного уровня с иными уровнями организации системы *в целом*, но и пронизывает собой многие другие, также важные, хотя и *более частные* аспекты ее организации. Эту же мысль можно сформулировать по-другому: психика как суперорганизованная система, придя в результате своей эволюции к метасистемному принципу организации как к общему, может вместе с тем мультиплицировать его и в своих частных проявлениях. Этот достаточно важный, по нашему мнению, вывод подтверждается многими общепсихологическими данными и результатами, в том числе, и полученными нами. Остановимся лишь на одном из результатов такого рода.

В ряде наших работ была сформулирована концепция структурно-уровневой организации системы психических процессов, включающей пять основных уровней (Карпов, 2003, 2004). Данная концепция позволяет реально включить в эту систему те процессуальные образования, которые несводимы к традиционно выделяемым классам психических процессов (т.е. к так называемым «первичным процессам»), прежде всего, рефлексии, интегральные психические процессы, «метапроцессы» и др. Тем самым преодолевается одна из основных трудностей, состоящая в том, что представления, традиционно сложившиеся в области изучения психических процессов (в первую очередь, – когнитивных), препятствуют ассимиляции этих максимально сложных и комплексных процессуальных образований в общую систему. Эти комплексные по составу и синтетические по строению процессы «не укладываются» в традиционную систематику и сложившиеся структурно-уровневые представления, а нередко и отторгаются ими. Вместе с тем развитые выше представления о специфике метасистемного уровня, о его роли в организации психики позволяют в значительной мере преодолеть эти трудности.

Действительно, именно благодаря метасистемному уровню и его «встроенности» в саму систему (психику) обеспечивается возможность существования фундаментального феномена (точнее – механизма), который можно условно обозначить как механизм *метасистемной обратимости*. Его суть столь же проста и понятна феноменологически,

сколь трудна для конкретно-научного объяснения, и состоит в следующем. Благодаря ему система со «встроенным» метасистемным уровнем оказывается в состоянии объективировать себя для своей же собственной активности (регуляции, организации, координации и пр.). В самой системе (психике) складывается такой «функциональный орган» и такие механизмы, которые позволяют ее *части* (то есть метасистемному уровню) как бы оппозиционировать себя по отношению к ней *в целом*, относиться к самой себе как к «целостности». В результате этого любой процесс, протекающий в психике, будучи транспонированным на метасистемный уровень, оказывается направленным не на «внешнюю среду», а на внутреннее содержание психики (а часто — и сам на себя). В результате этого возникают известные явления и процессы, которые обозначаются, например, как «мышление о мышлении» (метамышление), «память о памяти» (метапамять), «вторичное внимание», «метакогнитивный мониторинг», т.е. как метакогнитивные процессы (Flewell, 1979; Metcalf, Shimamura, 1996; Nelson, Narens, 1990), а более традиционно — как рефлексивные процессы и феномены. Другими словами, те процессы и механизмы, которые заложены в психике исходно и реализуются на всех иных уровнях, могут переноситься и на метасистемный уровень. Но тогда они как бы оппозиционируются и объективируются по отношению к ней; они направлены на *всю систему* психики в целом, а также на ее отдельные компоненты. В результате этого все внутрисистемные процессы, механизмы, закономерности и феномены сами становятся объектами активных воздействий со стороны их же самих, а также объектом «отражения» (если использовать традиционную терминологию) с их стороны, но уже на метасистемном уровне. Очевидно поэтому, что механизм метасистемной обратимости является главным средством, обеспечивающим возможность рефлексивных процессов как таковых, возможность рефлексии как фундаментального и уникального психического феномена в целом.

На наш взгляд, рефлексия — это и есть процесс, обеспечивающий связь общесистемного уровня организации психических процессов (т.е. максимально обобщенного уровня, на котором представлена *вся их совокупность*) и метасистемного уровня организации психики. По своим механизмам и процессуальным средствам рефлексия как бы «повторяет» всю систему психических процессов (особенно когнитивных) и воплощает ее в себе. Эта система является «реализатором» рефлексивных явлений и процессов. В то же время уже тот факт, что совокупность психических процессов транспонируется на

метасистемный уровень, означает, что их объектом, предметом (т.е. тем, на что именно они направлены) становится собственное содержание самой системы психического. Следовательно, именно метасистемный уровень, его наличие в структуре психики делают возможными рефлексивные явления, рефлексивность как способность, уникально присущую человеку. Рефлексия — и в этом состоит ее атрибутивная, важнейшая особенность — приводит к своеобразному «выходу за пределы» системы психических процессов, к тому, что сама эта система становится доступной для субъективной репрезентации и частичного произвольного управления. Психика тем и уникальна, что в ней заложен механизм, позволяющий ей преодолевать свою собственную системную ограниченность, постоянно выходить за свои собственные пределы, делая саму себя предметом своего же собственного функционирования. Иначе говоря, в самой организации психики, в самом ее содержании предусмотрен и реализован высший из известных уровней — метасистемный. Рефлексия же представляет собой процессуальное средство реализации данного уровня. Результативным проявлением данного средства выступает вся феноменология сознания, сознание как таковое. И именно поэтому сознание в его собственно процессуальном аспекте соотносится с высшим, метасистемным уровнем организации психических процессов.

Итак, предложенная в данной работе трактовка понятия «метасистемный уровень», а также сформулированные представления о принадлежности психики к системам со «встроенным» метасистемным уровнем показывают, что современные варианты системного подхода пока еще не в полной мере конгруэнтны действительной сложности психики, ее атрибутивной природе. Кроме того, на основе этих представлений открываются реальные и вполне конкретные перспективы развития самого системного подхода, а также определения главного «вектора» его эволюции. Этот «вектор» предполагает необходимость существенного расширения традиционно сложившихся концептуальных положений системного подхода и его дополнения метасистемным подходом. Метасистемный подход выступает по отношению к системному не только как закономерный продукт его развития, как его новый этап, но и как его своеобразное «диалектическое снятие»: ряд достаточно общих закономерностей, описанных в системном подходе, представлен, как показывают наши исследования (Карпов, 2004), в метасистемном подходе существенно иначе. Отметим лишь одно, но достаточно репрезентативное направление такого рода трансформаций.

Так, если в системном подходе явный акцент традиционно делается на поиске метасистемы для изучаемого объекта, а затем — на раскрытии закономерностей его включения в эту метасистему и выявлении дополнительных особенностей, которые он обретает в ней, то по отношению к рассматриваемым здесь системам дело обстоит иначе и существенно сложнее. С одной стороны, безусловно, психика, личность в целом объективно, онтологически являются «частью мира», т.е. выступают как подсистемы по отношению к метасистеме объективной реальности. В ней они обретают свои многообразные качественные особенности, характеристики, свойства и пр. С другой стороны, психика представляет собой систему со «встроенным» метасистемным уровнем. Она порождает «внутри» своего содержания модели, «дубликаты» объективной реальности, «удваивает» эту реальность, а потому сама метасистема в значительной степени включается в состав, содержание и структуру психики. Следовательно, суть вопроса и основная «плоскость» исследования проблемы определяются уже не тем, как, по каким закономерностям та или иная система «встраивается» в метасистему, а наоборот — тем, как онтологически представленная в качестве исходной метасистема сама «встраивается» в систему психического. Как *онтологически* первичная по отношению к психике метасистема объективной реальности *гносеологически*, субъективно сама «встраивается» в систему психического и приобретает в ней свое «удвоенное бытие»? Имеет место своеобразная *инверсия* «классических» соотношений системного и метасистемного модусов. Не система «встраивается» в метасистему, а наоборот, метасистема включается в систему (подчеркнем — лишь в определенном *аспекте*, но не *онтологически*). Следовательно, предметом анализа и поиска должны стать не только закономерности включения системы в метасистему, но и закономерности включения метасистемы в систему. «Встроенность» метасистемы в систему (пусть и лишь в определенном аспекте, в определенной форме) приводит к тому, что сама метасистема в некотором смысле начинает выступать как локальная «составляющая» психики. В результате этого складываются не вполне обычные и отчасти парадоксальные отношения между ними. Метасистема, не переставая быть таковой, одновременно становится частью, компонентом, подсистемой для системы, которая была (и продолжает оставаться) ее собственной «составляющей»; метасистема становится *субсистемой*. Кроме того, система, включая в себя метасистему как свой компонент, сама начинает выступать как метасистема (не утрачивая, однако, своего исходного, т.е. системного статуса). Проще говоря, метасистема, оставаясь таковой, *одновременно* выступает и как система; система же, также

оставаясь таковой, *одновременно* выступает и как метасистема. Эту же мысль можно сформулировать и по-другому. Некоторая реальность может *одновременно* выступать и как метасистема, и как система; и поэтому сами эти понятия (и реальность, которая ими обозначается) не являются абсолютными — они *относительны*: по отношению к системам со «встроенным» метасистемным уровнем они могут описывать и реально описывают, характеризуют *одну и ту же* реальность. И наоборот, эта реальность для своего полного описания и раскрытия с необходимостью должна быть одновременно представлена и как система, и как метасистема, то есть с позиций *принципа дополнительности*.

Итак, на уровне психического понятия системы и метасистемы не абсолютны, а относительны; психическое может выступать и в том и в другом статусе и, более того, соединять в себе оба этих статуса. Такое соединение и такая *обратимость* составляют действительную сложность и реальную основу для развертывания системных закономерностей в сфере психического. Эту сложность во всем ее объеме еще только предстоит понять и объяснить, однако уже сейчас ее можно и нужно хотя бы осознать.

В заключение подчеркнем еще одно обстоятельство. Результаты проведенного выше анализа подтверждают одну из наиболее общих гносеологических закономерностей (что является дополнительным аргументом в пользу их обоснованности): старая теория (классический системный подход) отнюдь не отменяется новой (метасистемным подходом), а входит в последнюю как ее частная, хотя, разумеется, и очень важная составляющая. Вместе с тем, «новая теория», будучи непосредственным результатом и органическим продуктом развития «старой» теории, показывает, как конкретно могут быть преодолены присущие последней ограничения и создает необходимые перспективы для этого.

ЛИТЕРАТУРА

Анохин П.К. Избранные труды. М.: Наука, 1978.

Барабаничиков В.А., Носуленко В.Н. Системность. Восприятие. Общение. М.: ИП РАН, 2004.

Берталанфи Л. История и статус общей теории систем // Системные исследования, 1973. М.: Наука, 1974.

Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 1. Л.: ЛГУ, 1974.

- Голиков Ю.Я., Костин А.Н. Проблемы и принципы исследования межличностных взаимодействий в сложных человеко-машинных комплексах // Системные исследования, 1992-1994. М.: Эдиториал УРСС, 1996.
- Завалишина Д.Н. Полисистемный подход к решению мыслительных задач // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 6. С. 32–42.
- Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология рефлексии. М.: ИП РАН, 2002.
- Карпов А.В. Психология принятия решений. М.: ИП РАН, 2003.
- Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004.
- Карпов А.В. Метасистемная организация уровневых структур психики. М.: ИП РАН, 2004.
- Крылов В.Ю. Психоминергетика как возможная новая парадигма психологической науки // Психол. журн. 1998. Т. 19. № 3. С. 57–63.
- Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. Т. 1. М.: Педагогика, 1983.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Ментальная репрезентация: динамика и структура. М.: ИП РАН, 1998.
- Пригожин И. Порядок из хаоса. М.: Наука, 1985.
- Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980.
- Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.
- Flewell J.H. Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. 34. P. 906–911.
- Metacognition: Cognitive and Social Dimensions / Ed. By V. Yzerbyt et al. N.Y., 2002.
- Metcalf J., Shimamura A. Metacognition. MIT Press. England, 1996.
- Nelson T., Narens L. Metamemory: a theoretical framework and new findings // The Psychology of Learning and Motivation / Ed. by G. Bower. V. 26. N.Y., 1990. P. 125–141.

ОТ ПСИХОЛОГИИ СУБЪЕКТА — К ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

В.В. ЗНАКОВ

В современной психологической науке все возрастающее значение придается изучению целостных проявлений психики человека как субъекта бытия. Человеческое бытие невозможно понимать абстрактно, т.е. не будучи включенным в него. Поскольку человек сам является участником событий, социальных ситуаций, его бытие представляет собой субъектность, объективированную в процессах, явлениях, предметах человеческого мира. Субъект живет, понимая, осмысливая события и ситуации, ту среду, в которую он физически или мысленно включен.

Динамика формирования научных представлений о субъекте и бытии в психологии отражает их эволюцию в методологии науки. XX в. показал, что психология, как и другие науки, эволюционировала от классической парадигмы к неклассической, а затем — к постнеклассической (Степин, 2000).

Классическая парадигма воплощалась в идее постижения объективных законов природы, в пристальном внимании ученых к проблеме детерминизма и в поиске причинно-следственных связей преимущественно естественнонаучными методами.

На *неклассическом* этапе на первый план выходит учет субъективного угла зрения наблюдателя. Ученые отчетливо осознали, что объекты и события, происходящие в мире, не могут быть определены независимо от контекста понимания того, кто их наблюдает. Понятия должны предшествовать наблюдениям, а не вытекать из них. Следовательно, понятия и научные теории являются следствием не наблюдения, а понимания. Язык теоретических терминов служит исследователю для того, чтобы определить, что следует принимать

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, грант 07-06-00059а.

за данность (объективную реальность) в этом мире. В результате на неклассическом этапе развития науки было поставлено под сомнение положение о том, что научные теории могут точно и однозначно описывать происходящее в мире и существующее в нем (Gergen, Gergen, 1986).

Наконец, *постнеклассическое* понимание мира и человека в мире характеризовалось ростом рефлексии ученых над ценностными и смысловыми контекстами человеческого бытия. На этом этапе развития науки решающее значение приобретают те культурные и ценностно-смысловые контексты, с которыми субъект соотносит познаваемую и понимаемую реальность. Иначе говоря, наряду с естественнонаучными методами познания все большее значение приобретают социогуманитарные.

Одна из причин пристального внимания ученых к социальному и культурному контекстам человеческого бытия заключается в том, что образцом для неклассической науки в определенной мере явилась теоретическая физика, а на становление постнеклассической наиболее существенное влияние оказывает культурология (Гусельцева, 2003). В последние годы в человекознании все чаще проявляется тенденция сочетания пространственных, энергетических, механических метафор с метафорами, ранее применявшимися исключительно в гуманитарных дисциплинах: игра, роли, ритуал, драма и т.п. Типичный тому пример — драматургический подход И. Гофмана, изучающего, как презентация субъекта себя другим людям, принятие на себя разных ролей в разнообразных ситуациях осуществляется в непрерывном процессе воспроизводства личного самосознания в социуме (Гофман, 2000).

Но еще более значимым для развития психологии субъекта я считаю то, что постнеклассический тип рациональных рассуждений дает возможность ученым избежать противопоставления номотетического и идиографического способов исследования и реализовать естественнонаучные и гуманитарные методы понимания изучаемых явлений в их единстве. Показательным примером могут служить исследования Ю.И. Александрова в области системной психофизиологии. Они демонстрируют, что культура, общественные формы жизни, способствующие формированию функциональных систем, заставляют мозг работать по-новому. Проводя аналогию между системной структурой субъективного опыта и системной структурой культуры, Александров доказывает тезис о том, что в каждой культуре структура опыта индивида комплементарна структурам других индивидов. Взаимодействие культуры и процесса специализации нейронов приводит к тому, что

человек *формирует свой опыт* в культуре, а не *усваивает, ассимилирует* ее содержание (Александров, Александрова, 2004).

Следовательно, тип культуры, в которой живет человек, влияет не только на поведенческие проявления психики, но и на ее мозговую организацию. Для меня эти исследования очень важны для доказательства положения о том, что предметом психологии субъекта и формирующейся на ее основе психологии человеческого бытия могут быть такие проблемы, которые для своего решения требуют привлечения не только гуманитарных, но и естественнонаучных методов. Да и сами решаемые проблемы могут относиться не только к так называемой «вершинной психологии», но и затрагивать биологические основания психики.

Описанные выше три способа рациональных рассуждений в нашей науке интегрировались в той области психологического знания, которая получила название «психология субъекта». Эта область психологической науки стала закономерным воплощением, вершинным проявлением синтеза знаний, полученных на каждом из этапов ее развития. Важно обратить внимание на то, что названные парадигмы представляют собой не только исторические этапы человеческого познания, но и элементы целостной системы современного научного мышления. Следовательно, они могут не противоречиво, а, наоборот, системно сосуществовать в сознании, целостном научном мировоззрении конкретного ученого. Ярким примером такого ученого является А.В. Брушлинский.

Психология субъекта сформировалась на основе представлений о взаимной дополняемости психических закономерностей *отражения* действительности и *порождения* человеком новой реальности (недостаточность только категории «отражения» для описания психических явлений, «исчерпанность ее эвристического потенциала» сегодня отчетливо осознается и даже, можно сказать, остро экзистенциально переживается методологически мыслящими психологами; см.: Петренко, 2002). Вследствие этого психология субъекта адекватно описывает и законы *бытия*, характеризующие то, что есть, и законы *долженствования*, предписывающие, как именно должны происходить те или иные события и явления в мире человека.

Проблема субъекта является одной из ключевых в психологической науке, как западной, так и российской. Как отмечает Л.И. Анцыферова, «в западной психологии, в теориях личности, построенных на основе психоаналитической практики (А. Адлер, А. Маслоу, К. Роджерс, К. Юнг, К. Хорни и др.), понятие “субъект” занимает одно из

центральных мест. Оно обозначает способности человека быть иницилирующим началом, первопричиной своих взаимодействий с миром, с обществом; быть творцом своей жизни; создавать условия своего развития; преодолевать деформации собственной личности и т.д.» (Анцыферова, 2000, с. 29–30). Аналогичные соображения высказывает Л.В. Алексеева: «В теориях личности А. Адлера, А. Маслоу, К. Роджерса, К. Хорни, К. Юнга понятие “субъект”, по сути, занимает одно из центральных мест. В качестве антитезы внешней детерминации психического в исследованиях Дж. Мида (G.H. Mead, 1912; 1975), Г. Олпортом (G. Allport, 1960), Х. Кохутом (H. Kohut, 1971) выдвигались на первый план такие понятия, как “самость” (“self”); в исследованиях Э. Эриксона (1996) — понятия “эго” и “Я”» (Алексеева, 2004, с. 74).

Для формирования научного понятия о понимающем субъекте принципиальной является точка зрения выдающегося мыслителя и психолога В. Франкла. Он подчеркивал, что субъектная сущность человека проявляется, прежде всего, в направленности его активности не на себя, а на внешний мир, ценности, ситуации и смысл, который они ему раскрывают. По его мнению, самопознание ведет к утрате «чистой субъективности». Человек «не может сделать себя “объектом” рассмотрения, не прекращая быть “субъектом”. Субъект образует “место”, из которого наблюдают; “однако где есть это место, там не может быть предмета, и, таким образом, субъект не может до конца стать собственным объектом” (Frankl, 1959, S. 676)» (цит. по: Лэнгле, 2002, с. 155).

В российской психологической науке категория субъекта сейчас играет системообразующую роль и привлекает внимание многих ученых. Неудивительно, что в течение последнего десятилетия проблема субъекта обсуждалась на конференциях, в статьях, монографиях, диссертациях, учебных пособиях (Проблема субъекта..., 2000; Психология индивидуального..., 2002; Психология субъекта..., 2002; Брушлинский, 2003; Селиванов, 2003; Алексеева, 2004; Богданович, 2004; Личность и бытие..., 2004; Субъект и объект..., 2004; Тарасова, 2004; Субъект, личность..., 2005). Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что в последние десять-пятнадцать лет, главным образом благодаря целенаправленным и даже, можно сказать, подвижническим усилиям А.В. Брушлинского, в отечественной психологии сформировалась новая область психологических исследований — психология субъекта.

В современной психологии субъекта фактически представлена история главных проблем российской психологической науки двадцатого столетия, которые в течение почти полувека занятий научной

деятельностью были в фокусе внимания Брушлинского. Это проблемы соотношения биологического и социального, сознательного и бессознательного, внешних причин и внутренних условий в детерминации психики. Психология человеческого бытия представляет собой то направление развития, ту сторону психологии субъекта, которая возникла с появлением постнеклассической парадигмы.

Перечислю характерные особенности психологии человеческого бытия, которые, по моему мнению, сегодня позволяют назвать ее новой областью психологической науки.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

В психологии человеческого бытия одновременно реализуются, дополняя и обогащая друг друга, когнитивная и экзистенциальная исследовательские парадигмы. В современной науке сосуществование когнитивной и экзистенциальной парадигм отчетливо проявляется в том, что одни и те же психологические проблемы могут изучаться под разными углами зрения. Для меня показательным примером оказались собственные исследования понимания, в которых отчетливо наблюдался переход от анализа этого феномена с позиций психологии познания (Знаков, 1994) к его рассмотрению в контексте бытийного слоя сознания субъекта (Знаков, 2000).

Когнитивный план изучения психической реальности характеризуется акцентом на *познании* и *поведении* человека, стремлением ученых выявить общие закономерности психического развития, большим интересом к фактам и правилам, чем к исключениям. Когнитивные исследования в основном имеют отражательно-познавательную направленность, т.е. ориентированы на изучение того, как субъект отражает и познает окружающую действительность и свой внутренний мир.

Когнитивные психологи ищут, прежде всего, новое знание. Например, изучая мышление субъекта, они много *знают* об этом психологическом феномене. Когнитивного психолога, получающего в эксперименте новое знание о психике, прежде всего, интересует вопрос: «Истинно ли оно?». Ученого, находящегося на позиции психологии человеческого бытия, больше занимает ответ на другой вопрос: «Какой смысл это знание имеет для субъекта?» Это не значит, что для него не существенна проблема истинности, просто анализ ценностно-смысловой стороны знания является для него приоритетным.

В экзистенциальной психологии приоритеты иные. Большинство современных психологов используют понятие «экзистенция» как синоним слова «бытие». Напомню, что В. Франкл использовал термин «экзистенциальный» для реализации трех целей: во-первых, с целью описания специфики человеческого бытия; во-вторых, для характеристики смысла существования человека; в-третьих, для обозначения стремления к нахождению смысла своего существования, т.е. воли к смыслу (Франкл, 1990). Воля нужна человеку для преодоления препятствий, извечного расхождения между «не хочу» и «надо». В человеческом бытии реализация волевого начала всегда предполагает напряжение, усилия субъекта, направленные на преодоление не только внешних препятствий, но и себя. Вероятно, именно это имел в виду Р. Мэй, когда писал, что понятие «экзистенция» (существование), образованное от латинского корня *exsistere*, в переводе с английского буквально означает «не сдаваться, подниматься на борьбу» (Мэй, 2004, с. 51).

В экзистенциальной плоскости анализа психической реальности акцент делается на проявления психической активности субъекта, отличные от когнитивных. Это, прежде всего, *созерцание* и *переживание*. Известно, что человеческое бытие не исчерпывается познавательным отношением к миру. Применительно к переживанию неуместно говорить об отражении, о данности в переживании предметного мира. Переживания страдания, восторга, любви, приобретая в сознании субъекта оценочный ценностный характер, становятся воплощением экзистенциальной наполненности человеческого бытия. Они предотвращают человека от так называемого «экзистенциального вакуума», ощущения пустоты и бессмысленности жизни.

Экзистенциальный план исследования психической реальности проявляется в направленности ученых на анализ вариантов *порождения опыта*, имеющего смысл для субъекта. Экзистенциально ориентированные психологи предпочитают специфические детали обобщенным признакам, а индивидуальные, например, характерологические, отличия людей — чертам их сходства и подобия. Их исследования направлены не столько на поиск фактов, событий, явлений, сколько на то, какой *смысл* они имеют для субъекта. Это, конечно, не означает, что в данном случае психологи концентрируются исключительно на интрапсихических проблемах и отказываются от обращения к объектам и людям, окружающим субъекта. Просто главную цель исследования они видят в определении того, как испытуемый структурирует свою идентичность в соответствии с системой конструкторов, отражающих

субъективное отношение «Я – мир». Иначе говоря, цель заключается в выявлении ценностно-смысловой позиции субъекта, оказывающей решающее влияние на видение им смысла фактов, событий и т.д.

Различие в углах зрения психологов на то, что является наиболее важным для ученого, изучающего психику субъекта, обуславливает разницу в целях *постановки вопросов* и ожиданий, связанных с ответами. Когнитивные психологи ставят вопросы и формулируют гипотезы для того, чтобы, узнав ответы, получить новые знания. С экзистенциальной точки зрения очень часто оказывается, что вопросы нужно задавать вовсе не для того, чтобы получить на них однозначные ответы. Задача психолога — показать, что в психической реальности человека одновременно существует бесконечное множество различных состояний, событий, ситуаций. Неудивительно, что при исследовании психики человека, в общем и целом, вопросы скрывают в себе больший потенциал развития, обладают большей силой, чем ответы на них. Вопросы нужны для более отчетливого *осознания тех значимых для субъекта ценностно-смысловых контекстов*, в которые он может оказаться включенным и которые впоследствии могут существенно повлиять на его жизнь. Иначе говоря, речь идет об осознании возможности реализации разнообразных жизненных сценариев, которые В.Н. Дружинин называл вариантами жизни — жизнь как предисловие, жизнь как творчество, жизнь как достижение и др. (Дружинин, 2000).

Задача ученого, изучающего субъекта с позиций психологии человеческого бытия и учитывающего не только когнитивные, но и экзистенциальные компоненты психики, заключается главным образом в *постижении*. Постижение включает в себя не только безличное знание об объекте, но и ценностно-смысловое понимание, соотношенное с личностным знанием понимающего субъекта. Отличительная особенность постижения как способа понимания мира заключается в гармоничном сочетании *отражения* воспринимаемых фрагментов объективной действительности и *порождения, конструирования* субъектом новых реальностей.

В основании психологии человеческого бытия лежат не только изложенные выше конкретно-научные традиции: ее описание невозможно без обращения к более широкому философскому контексту решаемых в ней проблем. Как известно, категория «бытия» принадлежит к основополагающим понятиям философии. Под бытием понимается сущее: то, что существует сейчас, существовало в прошлом и будет существовать в будущем. Несмотря на такой всеобъемлющий и, казалось бы, вневременный характер бытия, с гносеологической точки

зрения в нем надлежит различать два главных периода — до и после возникновения человека и человечества. Такое различие принципиально важно, потому что человек являет собой новый уровень сущего в процессе его развития: при соотнесении с ним выявляются новые свойства в бытии всех прежних уровней. Как убедительно показал С.Л. Рубинштейн, с появлением человека, «возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как “мир”, соотносительный с человеком как частью его, продуктом его развития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого» (Рубинштейн, 1997, с. 63).

Введение Рубинштейном в контекст психологического анализа соотношения бытия и сознания новой категории «мир» стало важной вехой в развитии методологических оснований психологии. «Мир» как философско-психологическое понятие может быть понят только сквозь призму высшего продукта развития бытия — человеческого бытия. Мир — это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя человека и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений. Вследствие человеческой активности мир представляет собой такое бытие, которое изменяется действиями в нем субъекта. Сознание и деятельность, мысли и поступки оказываются не только средствами преобразования бытия — в мире людей они выражают подлинно человеческие способы существования, и одним из главных способов является специфика понимания субъектом мира.

Современные психологи сами живут в человеческом мире и потому, изучая субъекта, вольно или невольно вторгаются в пределы психологии человеческого бытия. К основателям психологии человеческого бытия следует отнести, прежде всего, С.Л. Рубинштейна и В. Франкла. Несмотря на принадлежность к совершенно различным социальным мирам и научным школам, Франкл и Рубинштейн высказывали поразительно сходные суждения о психологии человека. Основой этого сходства являются, прежде всего, почти одинаковые представления этих ученых о должном — морально-нравственном императиве, регулирующем поступки субъекта, его представления о подлинно человеческом отношении к себе и другим. Этическую категорию долженствования можно сравнить с компасом, не только

помогающим человеку выбирать способы ориентации в житейских ситуациях, но и адекватно понимать их.

Сходство научных взглядов Рубинштейна и Франкла проявилось и том, что в центре их внимания неизменно оказывались три группы проблем психологии человеческого бытия. Рубинштейн говорит о проблемах взаимодействия субъекта с объектом, человека с объективной действительностью, отношениях субъекта с другими людьми и его отношении к себе. Франкл интерпретирует эти проблемы в терминах ценностей — смысловых универсалий, обобщающих опыт человечества. Он описывает три класса ценностей, позволяющих сделать жизнь человека осмысленной: ценности труда (творчества), переживания и отношения (Франкл, 1990). Этим классам ценностей соответствуют три типа смысла: «Хотя Франкл подчеркивает, что у каждого индивида есть смысл в жизни, которого никто другой не может воплотить, все же эти уникальные смыслы распадаются на три основные категории: (1) состоящие в том, что мы осуществляем или даем миру как свои творения; (2) состоящие в том, что мы берем у мира в форме встреч и опыта; (3) состоящие в нашей позиции по отношению к страданию, по отношению к судьбе, которую мы не можем изменить» (Тихонравов, 1998, с. 498).

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Предметом исследования в этой области психологической науки являются не психические процессы или свойства (познание, эмоции, переживания и т.п.), а *смысловые образования, выражающие ценностное отношение субъекта к миру*. Основной акцент здесь делается на анализе ценностных, *аксиологических* аспектов бытия человека. В мире человека объективно истинные описания и объяснения обязательно включают в себя аксиологические факторы: соотносённость получаемых знаний о мире не только со средствами познавательной деятельности, но и с ценностно окрашенными представлениями субъекта о *должном*. Психология человеческого бытия стала новым шагом в направлении расширения ценностно-смысловых контекстов, в которые включались классические проблемы так называемой вершинной психологии: смысла жизни, свободы, духовности, гуманизма. Вместе с тем в рамках этого направления изучаются и классические экзистенциальные проблемы: одиночества, осмысленности или абсурдности бытия, отношения субъекта к жизни и смерти — т.е. то, «как

человеческая судьба зависит от отношения человека к жизни и смерти» (Дружинин, 2000, с. 5). Наиболее общей проблемой психологии человеческого бытия, прямо или косвенно включающей все названные выше, является *проблема понимания*. Я имею в виду понимание субъектом мира и себя в мире.

Из сказанного следует, что для психологии человеческого бытия, в частности, важно исследовать ценности и ценностные ориентации людей. Я обосную это утверждение на примере одной из названных проблем психологии человеческого бытия — проблемы гуманизма и гуманистического мышления.

Мы живем в такое время, когда в российском общественном сознании происходит формирование новых ценностей и переосмысление старых. Изучение генезиса и природы общечеловеческих и индивидуальных ценностей, например, ценностей образования, является фундаментальной проблемой гуманитарного познания. Междисциплинарность проблемы ценностей, без которой невозможно ее серьезное рассмотрение, проявляется, в частности, в том, что ею занимаются философы, социологи, психологи, педагоги и ученые других специальностей. Субъективно ценности переживаются людьми как идеалы — ориентиры желательного состояния дел. Сегодня, особенно у молодежи, наблюдается рост интереса к получению знаний, умений и навыков, способствующих росту материального благосостояния человека и общества. Вместе с тем люди задумываются и о том, какое место в их жизни занимают гуманистические ценности. В образовании статус гуманистических приобретают ценности, реализованные в профессиональной деятельности и общении педагога ради ученика, направленные на его развитие, становление как личности, образование и воспитание (Кулюткин, Бездухов, 2002).

Под гуманизмом обычно понимается признание наивысшей ценности человека, его права на свободное развитие, проявление своих потребностей и способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений (Брушлинский, 2000). Ценностный подход в образовании связан с выявлением и формированием системы ценностей человека, фактически представляющей собой совокупность осознанных смыслов его жизни, и ценностных ориентаций — направленности субъекта на реализацию ценностей. Ценностные ориентации ученика направлены на мировоззренческое осмысление мира, понимание своего отношения к окружающей действительности и взаимоотношений с людьми. С точки зрения этого подхода предметом изучения педагогики и педагогической психологии

является ценностно-смысловая сфера личности ученика и, в первую очередь, его индивидуальные способы понимания бытия, интерпретации смыслов жизни. Ценностный подход направлен на анализ понимания учащимися смыслов, развитие их способностей к такому осмыслению получаемых знаний, которое включает осознание их гуманистической ценности. Следовательно, понимание как компонент гуманистического мышления позволяет ценностно опосредствовать познавательную деятельность. Сущность гуманистического мышления заключается в ценностном осмыслении бытия, его понимании (Кулюткин, Бездухов, 2002).

ЕДИНИЦЫ АНАЛИЗА ПСИХИЧЕСКОГО, ИХ ИНТЕРГАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР

В рамках этой парадигмы психологами признается безусловная необходимость приоритетного изучения не отдельных составляющих психики (памяти, мышления, эмоций и т.п.), а целостных единиц. Такими единицами являются *события, ситуации*. Я имею в виду такие ситуации, в которые субъект попадает при взаимодействии с другими людьми и которые отражаются в его внутреннем мире. Рассматривая жизнь человека как череду событий и ситуаций, психология человеческого бытия не только расширительно трактует деятельностные основания детерминации психики, но и раскрывает новые источники формирования субъектности человека.

С этих позиций деятельность, направленная на достижение конкретной цели в определенный момент времени, имеет для психологического анализа более частное значение, чем *дело*, которому человек служит и считает смыслом своей жизни. Дело становится ценностно-целевым фактором, не только устремляющим жизнь субъекта в будущее, но и формирующим его способ видения мира, понимания окружающей действительности. «Дело — то, чему человек предан по жизни, то, что выше, больше него, длиннее, чем его жизнь. У дела есть продолжатели и предшественники. Оно имеет историю. Культурные проблемы решаются годами, десятилетиями, веками. У тех, кто включен в этот процесс,— общее дело, общий смысл. Жизнь, таким образом, становится воплощением этого смысла, способом утверждения своего видения мира, своего понимания добра, своей ценности» (Зарецкий, 2004, с. 39). Таким образом, целостная жизнь субъекта полнее и адекватнее описывается понятием «дело», чем категорией «деятельность».

Однако при рассмотрении единиц анализа психического с позиций психологии человеческого бытия категория «дело» по своему содержанию тоже нередко оказывается узкой, недостаточно полно выражающей движущие силы развития и формирования новых граней субъектности. По Брушлинскому, субъект всегда является активным творцом, преобразующим себя и окружающую действительность (Брушлинский, 2003). Разумеется, человек живет в реальном мире, в котором все совершается по законам необходимости, в том числе биологической целесообразности. Осознание существования таких законов можно назвать горизонтальной, так сказать, приземленной плоскостью измерения человеческой жизни. Но подлинно человеческое в человеке, субъектное в субъекте определяется все-таки, прежде всего, вертикальным измерением. Я имею в виду ориентацию человека на идеалы, его устремление к высшим духовным ценностям, основанное на соединении интеллекта и нравственности. Одним из таких идеалов является творчество, контролируемое совестью.

В канун 200-летия А.С. Пушкина В.С. Непомнящий писал о поэте: «Автор помещает себя не в субъектную позицию (характерную для большинства литературных произведений, особенно лирического рода), а в то же *объектное пространство Творения*, где находятся его герои; “субъектность” же автора носит инструментальный характер — это “субъектность” орудия, находящегося в руках высшей творческой силы (всем известно религиозное отношение Пушкина к своему творческому дару как к чуду), высшей Правды» (Непомнящий, 1999, с. 99).

Приведенный пример не относится исключительно к нашему национальному гению и является не только историко-литературным. На мой взгляд, выраженная в нем глубокая мысль выходит далеко за пределы литературной критики и позволяет читателю отвлечься от «запредельных» трансцендентных аспектов благоговения человека перед дарованными ему судьбой творческими возможностями. С позиций психологии человеческого бытия в нем можно и нужно усмотреть «обратное» влияние творческого начала и нравственных идеалов человека на формирование индивидуально-неповторимых субъектных качеств его личности.

В предельных случаях идеалы воплощаются в том, что человек считает своим *призванием*, путем, с которого он не сможет свернуть, даже если в минуту слабости сам этого захочет. Хрестоматийным выражением упорного следования призыванию может служить фраза, приписываемая Мартину Лютеру: «На том стою и не могу иначе». (На самом деле, когда 18 апреля 1521 г. Лютер выступал перед рейх-

стагом в Вормсе в защиту своих религиозных взглядов, он закончил речь как обычно: «Да поможет мне Бог. Аминь». Но восторженным поклонникам Лютера этого показалось недостаточно, и впоследствии они добавили к речи знаменитую концовку. Впервые она появилась в трудах великого немецкого реформатора, изданных в Виттенберге между 1539 и 1558 г.).

Какое отношение «дело» или «призвание» имеют к единицам анализа психического? Самое непосредственное. В деле, которому субъект будет служить всегда, или в жизненном призвании ежедневно и, может быть, ежечасно проявляется его отношение к событиям и ситуациям, в которых он оказывается. В категориях «дело», «призвание» есть постоянная устремленность в будущее. Это означает, что избранный путь, линия жизни направляют поведение человека в конкретных обстоятельствах, кристаллизуя и шлифуя новые грани его субъектных качеств. Другими словами эту мысль выразил В.Н. Дружинин: «Принятие решения о варианте жизни является “точкой бифуркации”. После выбора обратного пути нет, и личность человека должна модифицироваться под влиянием нового образа жизни» (Дружинин, 2000, с. 64).

В целом же дело и призвание, во-первых, можно считать такими *целенаправленными структурами, в которых интегрируются единицы психического*. Во-вторых, как уже было сказано, дело и призвание всегда основаны на нравственности, неразрывно связаны с совестью и ориентацией на высшие духовные ценности. Вследствие этого обретение нового совокупного опыта, когда-то воплощенного в конкретных событиях и ситуациях, означает *восхождение на новую ступень субъектности, качественное изменение субъекта*. Следовательно, дело или призвание, ставшие для человека смыслом жизни, осмысленной целью бытия, являются индикаторами индивидуальных характеристик субъектности человека.

МЕТОДЫ ПОЗНАНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В психологии человеческого бытия используются традиционные методы психологического исследования: опросники, метод микросемантического анализа, методика определения гендерной идентичности и другие. Главная цель выбора методик для проведения конкретного исследования (например, изучения оптимизма) состоит в том, чтобы их набор

давал психологу возможность делать выводы о сочетании *отражения* субъектом воспринимаемых фрагментов объективной действительности и *порождения, конструирования* им новых реальностей.

Наиболее полно и точно этой цели соответствует *нарративный принцип*. Он является одним из основных методов психологии человеческого бытия, позволяя объединить усилия когнитивных и экзистенциальных психологов. В современной психологии представления о нарративе как организующем принципе, лежащем в основе человеческих действий и поступков, развиваются Т.Р. Сарбином, К.Дж. Гергеном и другими учеными (Gergen, Gergen, 1986; Sarbin, 1986). Нарратив — это такой способ организации эпизодов, действий и описаний действий, который включает как смыслы поступков людей, так и причины происходящих событий (Сарбин, 2004).

Применительно к человеческому познанию нарративы можно сравнить с гермами, стоявшими вдоль дорог и указывавшими путь древним грекам. Нарративные описания субъектом различных ситуаций фактически являются внутренне присущими ему способами упорядочивания опыта, придания ему смысла, получения знания, которое структурирует его восприятие и понимание мира и себя в мире.

Нарративный принцип основан на многократно доказанном в психологии факте: там, где отсутствуют четкие связи между эмпирическими событиями, человек сознательно или неосознанно организует их в целостные структуры, соответствующие культурным нормам. Рассказываемая субъектом история и конкретная ситуация, в которой происходит рассказ, всегда связаны с базовыми культурно-историческими структурами. Имеющийся у субъекта репертуар фреймов, сценариев, нарративных форм, переплетающийся с культурными нормами, определяет, какую историю, где, когда и кому можно и нужно рассказать. «Другими словами, не только нарратив опосредует, выражает и формирует культуру, но и культура в свою очередь определяет нарратив» (Брокмейер, Харре, 2000, с. 33). По моему мнению, сказанное выше подтверждает продуктивность попытки Ю.И. Александрова найти содержательную аналогию между системной структурой субъективного опыта и системной структурой культуры, а также его утверждения о том, что человек формирует свой опыт в культуре, а не просто усваивает, ассимилирует ее содержание.

Итак, почему нарративный принцип оказывается важнейшим методом психологии человеческого бытия?

Во-первых, нарративный принцип всегда предполагает взаимодействие субъекта и объекта, он основан на убеждении, что любую ситуацию

человеческого бытия можно интерпретировать многими способами. Из-за этого у психологов возникает обоснованное сомнение в существовании «объективных», не зависящих от точки зрения рассказчика историй, происходящих с людьми. Следовательно, «веру в то, что здесь существует некая реальная история, ждущая своего раскрытия, лишенная аналитической конструкции и существующая до нарративного процесса, мы можем охарактеризовать как *онтологическое заблуждение*» (Брокмейер, Харре, 2000, с. 35). Нарративные структуры человеческого опыта, безусловно, определяют и направляют понимание субъектом событий и ситуаций. Вместе с тем в процессе понимания нарратив тоже изменяется в зависимости от свойств описываемого. Таким образом, способ познания изменяется в результате взаимодействия внешних и внутренних условий психического развития субъекта.

Во-вторых, в рамках нарративного принципа, как и в психологии человеческого бытия, отвергается предположение, что при обсуждении многомерных ситуаций человеческого бытия существует одна и только одна реальность, с которой обязательно должны согласовываться все нарративные описания. Иначе говоря, нельзя «объективно отразить» ситуацию, потому что реальность, к которой она принадлежит, отчасти является результатом порождения, конструирования, домысливания субъектом некоторых ее сторон. «Следует постоянно помнить о том, что может существовать множество различных историй, которые говорят о таких сложных вещах, как, скажем, человеческая жизнь. Из исследований феномена автобиографии широко известно, что любая история жизни обычно охватывает несколько жизненных историй, которые, к тому же, изменяют сам ход жизни. Ошибочно полагать, что разнообразные автобиографические нарративы различаются по тому, что некоторые из них являются “верными”, а другие “не (или менее) верными”. Лежащая в основании этой ошибки идея состоит в том, что существует некоторый тип градации значений истинности историй, начинающийся от истинной истории, базирующейся на документальных фактах, и кончающийся неверной историей, часто основывающейся на лжи или самообмане. Реальность, таким образом, рассматривается как некоторый сорт объективного, квази-документального критерия, на основании которого можно судить об истинности нарративной репрезентации. Но если и есть такого типа “реальная” жизнь, которую некто уже ведет, как мы узнаем об этой предзаданной реальности? Она, конечно же, не дана нам, потому что все, что служит жизни, становится ее частью» (там же, с. 36).

В-третьих, нарративная структура описания мира принципиальна для психологии человеческого бытия вследствие необходимости учета

целенаправленности человеческого поведения и взаимной детерминации описываемых в истории событий и поступков. Нарративное повествование всегда развивается по направлению к цели, смысловому конечному результату. Кроме того, логика нарративных структур основана на правдоподобию: последующие события не должны противоречить предыдущим (Gergen, Gergen, 1986). Это дает психологу возможность выявлять смысловые и причинно-следственные связи, лежащие в основе понимания мира субъектом. При этом понимание оказывается центральной проблемой, в которой, как в фокусе, сходятся большинство проблем психологии человеческого бытия.

В-четвертых, нарративные способы описания существуют в нашем сознании не в виде шаблонов, которые нужно только заполнить конкретным содержанием описываемой ситуации. Нарративы и сами ситуативно изменчивы: они видоизменяют свои формы под влиянием требований ситуации, к описанию которых они применяются. Иначе говоря, в них потенциально содержатся умственные действия, соответствующие познавательной деятельности субъекта, направленной на структурирование, упорядочивание опыта. Неудивительно, что Й. Брокмейер и Р. Харре считают, что нарратив следует рассматривать как модель: «Мы утверждаем, что, вместо того чтобы быть онтологической сущностью или способом репрезентации, нарратив действует как особо гибкая *модель*. Любая модель в очень общем смысле слова является аналогией. Она связывает неизвестное с известным, используется для объяснения (или для интерпретации) ряда явлений путем отсылки к правилам (или схемам, структурам, сценариям, рамкам, сравнениям, метафорам, аллегориям и т.п.), которые так или иначе включают в себя обобщенное знание» (Брокмейер, Харре, 2000, с. 39–40).

Из «модельной метафоры» следует вывод: «Рассмотренные под таким углом зрения нарративы являются одновременно моделями мира и моделями собственного “я”. Посредством историй мы конструируем себя в качестве части нашего мира» (там же, с. 40). Ту же мысль иначе выражал Дж. Брунер, писавший о том, что, понимая мир, человек имеет дело не с определенной формой его репрезентации, а со специфическим способом конструирования и установления реальности. Психологи, анализируя этот способ, должны, прежде всего, обращать внимание на методы познания людьми себя и осмысления своего опыта (Bruner, 1986).

Эти рассуждения имеют принципиальное значение для психологии человеческого бытия, так как они в явном виде подчеркивают

неразрывную связь понимания с самопониманием. Без самопознания и самопонимания субъекта реализация нарративного принципа становится невозможной.

РЕФЛЕКСИЯ ТИПОВ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Современное постнеклассическое понимание мира человека характеризуется ростом рефлексии его ценностных и смысловых аспектов. Рефлексия научных типов рациональных рассуждений — это *не осознание их, а преобразование*. Преобразование проявляется в том, что субъект не только осознает типы знания и правила действий с ними, но и порождает их смысл. А в смысле потенциально содержится возможность его понять. Понимающий субъект не дистанцирован от изучаемого мира, а находится внутри него, погружен в природную и социальную действительность. Мир оказывается таким, каким субъект его видит, какие методы познания он применяет, какие вопросы ставит. Постнеклассическая психология человеческого бытия предполагает не только новые способы осмысления мира, но и рефлексии над основаниями рациональных типов познания. Как отмечает В.А. Лекторский, сегодня сама рациональность начинает пониматься по-другому. Только в простейших случаях рациональные рассуждения можно свести к действиям по фиксированным правилам, следование которым приводит к заранее намеченной цели. В более широком и глубоком смысле рациональность предполагает пересмотр, изменение и развитие самих правил (Лекторский, 2001).

С позиций психологии человеческого бытия одну из главных причин переосмысления рациональных типов познания следует искать в неразрывной связи понимания субъектом мира и его самопонимания. Известно, что любое понимание всегда включает в себя самопонимание. Самопонимание дает человеку возможность обратиться к своим истокам, ответить на вопросы о том, какой он и что с ним происходит. Вместе с тем углубление в себя одновременно означает постепенное удаление от ясных и логичных схем рассуждений. В результате порождаются новые типы рациональных рассуждений, парадоксальным образом включающие в себя иррациональные и бессознательные компоненты.

Исследования показывают, что самопонимание является одновременно и целостным, интегративным, и неоднородным, многомерным

психологическим феноменом. Пытаясь описать и определить самопонимание, психологи обычно обращают преимущественное внимание на какую-либо одну сторону самопонимания — когнитивную, познавательную, либо экзистенциальную, бытийную. *Когнитивная* составляющая самопонимания представлена, прежде всего, способностью и склонностью субъекта к рефлексии, сознательному самоанализу. Однако современный психолог не может удовлетвориться изучением только этой составляющей анализируемого феномена, потому что большие и подлинно экзистенциальные решения в жизни человека, как правило, не рефлексированы и тем самым не осознаны. *Экзистенциальная* составляющая самопонимания воплощается не столько в научно достоверных знаниях и познавательной деятельности, сколько в смыслах человека и его приобщении к разнообразным ценностям.

Таким образом, самопонимание неразрывно связано с рефлексией. Самопонимание (в отличие от самосознания) всегда основано на рефлексивном анализе субъектом своего опыта, который в результате умственных операций и действий приводит к переструктурированию, переосмыслению, т.е. *преобразованию* его внутреннего мира. В этом нет ничего удивительного. Рефлексия онтологически представлена в структуре психики человека как особый метасистемный уровень ее организации. Специфика данного уровня состоит в том, что на нем психика как бы преодолевает собственную «системную ограниченность», поскольку делает саму себя предметом собственной регуляции. Современные исследования показывают, что рефлексии следует рассматривать одновременно и как процесс, и как состояние, и как свойство. Процессуальная динамика рефлексии способствует изменению человека, формированию у него новых субъектных качеств (Карпов, 2004).

ДИАЛОГИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В рамках рассматриваемого направления подчеркивается, что взаимодействие людей является не только частью картины внутреннего мира субъекта, но и неотъемлемой составляющей человеческого бытия. Психология человеческого бытия исходно направлена на анализ существования субъекта в мире с позиции «Я и другой человек». Соответственно, в психологическом исследовании «человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни. Такой подход

предполагает другое понятие и объекта, соотносящегося с субъектом: бытие как объект — это бытие, включающее и субъекта» (Рубинштейн, 1997, с. 64–65). Подлинное существование субъекта как сознательного человеческого существа обязательно предполагает его выход за собственные пределы, умение отнестись к себе со стороны той реальности, которую он осознает, иначе говоря, умение субъекта взглянуть на себя глазами других людей, с которыми он вступает во внешние и внутренние диалоги. Взаимодействие субъектов-участников диалога (одновременно являющееся их взаимоизменением) всегда основано на понимании как результате коммуникации. Именно поэтому проблема понимания оказывается центральной для психологии человеческого бытия.

Причину этого следует искать не только в эмпирической плоскости, т.е. необходимости анализа психологических механизмов понимания людьми конкретных жизненных ситуаций. Не менее важны теоретические основания психологии человеческого бытия, изначально не направленной на утверждение уникальности, исключительности своих методологических оснований. Эта область психологического знания, во-первых, возникла на базе психологии субъекта и, во-вторых, развивается во взаимодействии, «общении» с другими областями, в частности экзистенциальной психологией. Стремление к нахождению взаимопонимания с представителями смежных дисциплин отвечает постнеклассическому взгляду на методологию современной психологии. Для постнеклассической психологии характерны интенции к динамическому единству знания, пониманию его сетевой природы в сочетании со стремлением к взаимосогласованности психологических теорий. Это означает, что любая психологическая теория должна учитывать другие концепции и, конечно же, преимущества междисциплинарного дискурса (Гусельцева, 2003). Иначе говоря, сетевая парадигма построена на том, что продуктивное развитие теории возможно лишь при условии ее соотнесения, взаимодействия и согласования с другими равноправными теоретическими конструктами. Отсюда следует, что помимо познавательной «методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, то есть способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической науки» (Мазилов, 2003, с. 419). В этой связи построение коммуникативной методологии, к разработке которой призывает В.А. Мазилов, представляется мне очень значимым и для психологии человеческого бытия.

* * *

Итак, категория субъекта, исследованию которой так много усилий и таланта посвятил Андрей Владимирович Брушлинский, действительно занимает особое место в современной психологии. Психология субъекта в наше время представляет собой фундаментальную область психологической науки. Формирующаяся на основе психологии субъекта психология человеческого бытия тоже постепенно обретает ясно очерченные контуры. Она имеет не только убедительные теоретико-методологические доказательства, но и вполне ощутимые эмпирические следствия. Последние представлены в экспериментальных исследованиях субъект-субъектных и субъект-объектных типов понимания высказываний, половых и гендерных различий в понимании моральной дилеммы, когнитивных и экзистенциальных составляющих самопонимания, понимания ситуации эвтаназии и других (Знаков, 2002, 2004, 2005а, 2005б).

ЛИТЕРАТУРА

- Александров Ю.И., Александрова Н.Л.* Системная структура субъективного опыта и системная структура культуры // Материалы международного научного симпозиума «Системно-синергетическая парадигма в культуре и искусстве». Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2004. С. 82–88.
- Алексеева Л.В.* Психология субъекта и субъекта преступления: Монография. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2004.
- Анциферова Л.И.* Психологическое содержание феномена субъект и границы субъектно-деятельностного подхода // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000. С. 27–42.
- Богданович Н.А.* Субъект как категория отечественной психологии. Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2004.
- Брокмейер Й., Харре Р.* Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
- Брушлинский А.В.* Гуманистичность психологической науки // Психол. журн. 2000. № 3. С. 43–48.
- Брушлинский А.В.* Психология субъекта СПб.: Алетейя, 2003.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
- Гусельцева М.С.* Культурно-историческая психология: от классической – к постнеклассической картине мира // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 99–115.

- Дружинин В.Н.* Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. М.: ПЕР СЭ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000.
- Зарецкий В.К.* Творчество. Рефлексия. Самоопределение // 2 Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004. С. 32–40.
- Знаков В.В.* Понимание в познании и общении. М.: ИП РАН, 1994.
- Знаков В.В.* Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психол. журн. 2000. № 2. С. 7–15.
- Знаков В.В.* Субъект-объектный и субъект-субъектный типы понимания высказываний в межличностном общении // Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А.В. Бушлинского, М.И. Воловиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 144–160.
- Знаков В.В.* Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психол. журн. 2004. Т. 25. № 1. С. 41–51.
- Знаков В.В.* Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема // Психол. журн. 2005а. Т. 26. № 1. С. 18–28.
- Знаков В.В.* Понимание экзистенциального выбора: жизнь в страданиях или экзистенциальной свободы // Вопросы психологии. 2005б. № 6.
- Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: ИП РАН, 2004.
- Кулоткин Ю.Н., Бездухов В.П.* Ценностные ориентиры и когнитивные структуры в деятельности учителя. Самара: Изд-во СамГПУ, 2002.
- Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Личность и бытие: субъектный подход. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. В 3-х т. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2004.*
- Лэнгле А.* Значение самопознания в экзистенциальном анализе и логотерапии: сравнение подходов // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 4. С. 150–168.
- Мазилев В.А.* Проблема интеграции психологического знания // Психология. Современные направления междисциплинарных исследований / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.В. Тарабриной. М.: ИП РАН, 2003. С. 417–432.
- Мэй Р.* Открытие Бытия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2004.
- Непомнящий В.С.* Пушкин: Проблема целостности подхода и категория контекста (методологические заметки) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 91–104.
- Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. № 3. С. 113–121.
- Проблема субъекта в психологической науке // Под ред. А.В. Бушлинского, М.И. Воловиковой, В.Н. Дружинина. М.: Академический проект, 2000.*

- Психология индивидуального и группового субъекта // Под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Володиковой. М.: ПЕР СЭ, 2002.
- Психология субъекта профессиональной деятельности / Под ред. В.А. Барabanщикова, А. В.Карпова. Вып. 2. Москва-Ярославль: Аверс-Пресс, 2002.
- Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
- Сарбин Т.Р.* Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология: Журнал конструкционистской психологии и нарративного подхода. 2004. № 1. С. 6–28.
- Селиванов В.В.* Мышление в личностном развитии субъекта. Смоленск: Универсум, 2003.
- Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Субъект и объект практического мышления. Монография / Под ред. А.В. Карпова, Ю.К. Корнилова. Ярославль: Ремдер, 2004.
- Субъект, личность и психология человеческого бытия // Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: ИП РАН», 2005.
- Тарасова Л.Н.* Основы психологии субъекта. Саранск: Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2004.
- Тихонравов Ю.В.* Экзистенциальная психология. Учебно-справочное пособие. М.: ЗАО «Бизнес-школа Интел-Синтез», 1998.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Bruner J.* Two Modes of Thought // Actual Minds, Possible Worlds. London: Harvard University Press, 1986. P. 11–43.
- Gergen K.J., Gergen M.M.* Narrative Form and the Construction of Psychological Science // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct / Ed. by Th.R. Sarbin. Westport, Connecticut. London: Praeger, 1986. P. 22–45.
- Sarbin T.R.* The Narrative as a Root Metaphor for Psychology // Narrative Psychology. The Storied Nature of Human Conduct / Ed. by Th. R. Sarbin. New York: Praeger, 1986. P. 3–22.

АКМЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

А.А. ДЕРКАЧ

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ АКМЕОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ

Понятие «акмеология» впервые было введено Н.А. Рыбниковым в 1928 г. для обозначения особого раздела возрастной психологии — психологии зрелости, или взрослости. Символично, что этот термин появился в период бурного интеллектуального и социального поиска 1920-х годов, когда возникли такие отрасли научно-практического знания, как эврилогия (П. Энгельмейер), эргонология (В.Н. Мясищев), рефлексология (В.М. Бехтерев). Если социокультурным прототипом возникновения акмеологии было такое течение в русской поэзии начала XX в., как акмеизм (Н. Гумилев, С. Городецкий, А. Ахматова и др.), то ее естественнонаучной предпосылкой стали исследования Ф. Гальтона и В. Освальда о возрастных закономерностях творческой деятельности, а также работы И. Пэрна, изучавшего зависимость ее продуктивности от различных психобиологических факторов.

Б.Г. Ананьев в своей книге «Человек как предмет познания» указал таким образом понимаемой акмеологии место в системе наук о человеке, поместив ее в ряд: «педагогика — акмеология — геронтология».

Последовательно применяя принцип развития при анализе психофизиологических функций, психических процессов, психических свойств и состояний человека, особенно глубоко Б.Г. Ананьев опирался на него в своей концепции онтопсихологии, сутью которой являлось психологическое исследование бытия человека как индивида и личности, субъекта и индивидуальности в онтогенезе (Ананьев, 2001).

Конечным продуктом онтогенетического развития человека, полагал Б.Г. Ананьев, является обретение им собственной индивидуальности,

когда он становится субъектом своего жизнетворчества, самостоятельного, глубоко осознанного выстраивания своего жизненного пути. Такая индивидуальность фактически представляет собой полисистемное образование, интегрирующее важнейшие свойства личности, субъекта и индивида, присущие определенному конкретному человеку.

Индивидуальное развитие Б.Г. Ананьев рассматривал как внутренне противоречивый процесс, зависящий от множества факторов: наследственности, среды воспитания, собственной практической деятельности и т.д. Сложность структуры и факторность объясняют неравномерность и гетерохронность развития человека как индивида, личности и субъекта деятельности.

Имея в виду неравномерность и гетерохронность развития человека как индивида и множественность факторов, которые определяют конкретные характеристики этого процесса и его результат, представляя неравномерность и гетерохронность развития человека как личности и обусловленность его действием широкого спектра специфических причин, а также фиксируя неравномерность и гетерохронность развития человека как субъекта деятельности в сопряжении со всеми факторами, которые характерны для этого случая, нетрудно заключить, насколько сложным оказывается целостное рассмотрение всех этих аспектов развития индивидуальности и насколько поэтому непросто изучать как сам процесс индивидуализации, так и его результат.

Комплексно решая эту чрезвычайно трудоемкую задачу, потребовавшую выявления громадного числа взаимосвязей между индивидуальными, личностными и субъектно-деятельностными особенностями человека и широко используя для достижения этой цели математические методы обработки данных (особенно корреляционный и факторный анализ), Б.Г. Ананьев и его ученики эмпирически обосновали теоретические представления об индивидуальности как конкретном воплощении психо-биосоциальной целостности человека.

В результате человек предстал как структурированное целое. Полученные в этих исследованиях эмпирические данные показали, что в любом компоненте структуры личности обнаруживаются корреляционные связи между ее разнородными свойствами, функциями, соматическими и психическими особенностями. По предположению, высказанному Б.Г. Ананьевым, эти корреляционные связи являются конкретной формой выражения внутренних условий, детерминирующих психические процессы, а в конечном счете — поведение.

Фактически этими работами Б.Г. Ананьев положил начало новой науки — акмеологии (Ананьев, 1980). В качестве ее предмета он

рассматривал закономерности процесса достижения человеком вершины в своем индивидуальном, личностном и субъектно-деятельностном развитии: как правило, это происходит, когда человек поднимается на ступень зрелости (Ананьев, 2001).

В серии работ, выполненных под руководством Б.Г. Ананьева с применением комплексного метода, было выяснено, что на этапе зрелости жизнь человека полна динамичных и противоречивых изменений, изобилует моментами повышения и понижения психофизиологических функций и продуктивности психических процессов.

Сам Б.Г. Ананьев, опираясь на полученные его сотрудниками экспериментальные данные, делал вывод о том, что противоречивое сочетание разнородных процессов образует сложную структуру развития психофизиологических функций взрослого человека в период не только ранней, но и средней зрелости. Эта структура видоизменяется от периода к периоду, о чем свидетельствует соотношение моментов развития в различные микропериоды зрелости. Наименьшая частота относится к стабилизации функционального уровня. Наибольшая частота относится к положительным сдвигам (повышению функционального уровня). Обращают на себя внимание и значительные отрицательные сдвиги (моменты понижения). Однако некоторые отрицательные сдвиги предшествуют оптимумам, являясь, таким образом, скрытыми периодами перестройки функций, подготавливающим их подъем (Ананьев, 2001).

В исследованиях было обнаружено, что определенные количественные накопления изменений (например, в памяти) выступали необходимым условием для качественных изменений (например, в процессе мышления). Такие же тенденции наблюдались и при изучении индивидуальных, личностных и субъектно-деятельностных свойств взрослого, зрелого человека. Например, положительные изменения в мотивационной сфере личности при выполнении конкретной деятельности выступали условием более быстрого развития способностей, необходимых для успешного выполнения этой деятельности.

Оценивая обнаруженные феномены, закономерности и механизмы развития человека как целостной системы, Б.Г. Ананьев сделал обоснованный вывод о том, что активная опора на них позволит более успешно, чем раньше, управлять развитием: точнее выявлять периоды, оптимальные для формирования той или иной функции, прицельнее корректировать проявления того или иного свойства с более тесной привязкой к индивидуальным, личностным и субъектно-деятельностным характеристикам человека и их взаимосвязям, строить процесс обуче-

ния и воспитания, предотвращать раннее старение, выводить развитие каждого человека на уровень акме.

Констатируя современное ему состояние разработки этой проблемы, Б.Г. Ананьев отмечал, что изучение взаимосвязей между формированием и развитием различных свойств у человека пока преимущественно было сосредоточено на изучении однородных (гомогенных) связей между определенными аспектами воспитания и соответствующими им сторонами развития. По его утверждению, опираясь на получаемые таким путем знания, можно прогнозировать получение лишь локально-однолинейных эффектов в воспитании. И только изучение внутренних взаимосвязей между основными сторонами развития человека позволит выявить другой ряд зависимостей между частями воспитания и отдельными сторонами развития — разнородных, перекрестных (гетерогенных) связей, что даст возможность планировать, прогнозировать и получать более мощные и отдаленные во времени от момента воздействия на личность изменения в ее структуре (Ананьев, 2001).

В методологическом плане комплексные исследования, проведенные Б.Г. Ананьевым и его учениками, представляют собой явный прорыв к системному синтезу, который обусловлен целенаправленным изучением основных «ипостасей» человека — индивида, личности, субъекта деятельности и взаимосвязей между ними как целостно трактуемой структуры, детерминирующей психические явления «изнутри» (Ананьев, 2001).

Идеи Н.А. Рыбникова и Б.Г. Ананьева были развиты в работах Н.В. Кузьминой. Осуществляя исследования в области педагогической психологии, она впервые предложила понимание труда учителя (преподавателя) как целостной динамичной системы (и соответственно ввела новое понятие «педагогическая система»), разработала понятие «продуктивность педагогической деятельности» и описала модели высокопродуктивной и малопродуктивной деятельности (педагога, руководителя, учащихся). Она также разработала научно-методический инструментарий оценивания продуктивности педагогической деятельности, предложила понятие «педагогический маршрут» в системе народного образования и определила место в нем педагогической системы. Выделенные на этой основе закономерности педагогической деятельности позволили Н.В. Кузьминой наметить пути решения важнейших научно-практических проблем, остающихся остро актуальными и до сегодняшнего дня — оценки результативности труда учителя и преемственности между отдельными учебными заведениями внутри

педагогического маршрута. Таким образом, ею был переброшен мост от положений педагогической психологии к дидактике и методикам обучения, психологии управления, школоведению (Кузьмина, 1989).

На основе понятия продуктивности педагогической деятельности Н.В. Кузьмина сформулировала ряд положений для обоснования новой науки — акмеологии. В качестве предмета акмеологии Н.В. Кузьмина определила изучение целостного человека в период самореализации его зрелости, процесса создания человеком самого себя посредством выработанных в опыте субъективных интегральных схем. Она рассматривает акмеологические закономерности как устойчивые связи между уровнем продуктивности специалиста, результатами, которых он достигает в той или иной области, и факторами, которые обуславливают этот уровень (Кузьмина, 2002).

Параллельно с Н.В. Кузьминой проблемами акмеологии начал заниматься видный отечественный психолог, доктор психологических наук, действительный член шести академий А.А. Бодалев.

Предметом акмеологии А.А. Бодалев считает «феноменологию, закономерности и механизмы развития человека на ступени его взрослости и особенно при достижении им наиболее высокого уровня в этом развитии» (Бодалев, 1998, с. 5).

И.Н. Семенов, впервые осуществивший методологическую рефлексию акмеологии, выделил четыре основных этапа ее развития (Семенов, 1993, с. 21–27). На первом, латентном этапе, складывались исторические, культурологические, социальные, философские, научные, практические, педагогические предпосылки выделения в научном познании такой сферы человековедения, как акмеология. На втором этапе, номинационном, социальная потребность в знании такого рода была осознана и обозначена путем введения в 1927 г. специального термина «акмеология». Третий этап — инкубационный, его начало датируется возникновением концептуальной идеи о необходимости выделения исследований акмеологической проблематики в качестве новой области человекознания. Завершился этот этап выдвижением программы развертывания акмеологии в качестве особой дисциплины. Четвертый, институциональный этап связан с созданием ряда социальных структур: акмеологической кафедры, лабораторий в вузах и, наконец, Международной академии акмеологических наук. В рамках этих научно-учебных структур ведутся исследования, разрабатываются акмеологические технологии и осуществляется обучение.

В совместной с В.Г. Зазыкиным и А.К. Марковой монографии мы предложили несколько иную периодизацию становления акмеологии

как науки, выделяя в этом процессе следующие этапы: имплицитный (развитие представлений о совершенствовании человека в истории, философии, других науках, культуре; на данном этапе особо выделялись методологические проблемы в психологии, педагогике и других областях знаний, имеющих акмеологическое содержание), эксплицитный (становление акмеологии как области знания, связанное с определением специфики ее предмета) и рефлексивный (осмысление содержания, связи общих и специальных методологических принципов) (Деркач, Зазыкин, Маркова, 2000). Впрочем, при разнице терминологии в главном эти периодизации не расходятся.

В любом случае необходимо констатировать, что становление акмеологии завершено. Сейчас можно говорить о новом периоде развития этой науки. Это период, во-первых, ее реального взаимодействия с психологической наукой и психологами, «концентрации» основных ценных с акмеологической точки зрения идей и исследований вокруг акмеологии (К.А. Абульханова, В.Г. Асеев, А.А. Бодалев, Е.А. Климов, А.К. Маркова, В.А. Пономаренко, В.Д. Шадриков и др.). Во-вторых, это период проведения конкретных акмеологических исследований, направленных на проверку и доказательство правомерности основных принципов и средств акмеологии, а также обогащение ее новыми проблемами, данными, моделями, технологиями. В-третьих, в этот период во взаимосвязи с проводящимися исследованиями была осуществлена операционализация акмеологического аппарата, средств акмеологической поддержки (А.А. Бодалев, О.С. Анисимов, С.А. Анисимов, А.С. Гусева, Г.И. Марасанов, Л.Э. Орбан, А.Ю. Панасюк, А.П. Ситников и др.). Акмеология выделилась в самостоятельную науку, доказав свою практическую значимость для решения современных социальных, профессиональных, образовательных, педагогических и других проблем.

Своеобразным социальным заказом для развития акмеологии как науки о ценности личности, о ее совершенствовании и способности высокоэффективно осуществлять свою профессиональную деятельность и социальную роль, жить полноценной жизнью стала острая социальная ситуация в обществе. Перед личностью возникают сложные проблемы, для которых не существует готовых решений. Личность должна проявлять способность действовать в условиях высокой неопределенности и риска, способность мыслить и действовать, что возможно только в том случае, если человек достиг в своем развитии высшего уровня.

Таким образом, цель акмеологии — совершенствование человека, достижение им акме — вершин своей жизни и развития. В соответствии с этой целью выделяются объект и предмет акмеологии.

В первые годы становления этой науки наиболее интенсивно развивались те ее направления, которые были связаны, главным образом, с профессиональными достижениями зрелой личности. Стремительное развитие этого русла исследований побуждали идущие навстречу друг другу социальный запрос, теоретические идеи о вершинах и достижениях личности в ее жизненном пути и практика решения профессиональных, кадровых проблем общества во всех его сферах. В связи с этим объектом акмеологии на начальном этапе ее развития являлась прогрессивно развивающаяся зрелая личность, самореализующаяся, главным образом, в профессиональных достижениях, а предметом — закономерности, психологические механизмы, условия и факторы, содействующие прогрессивному развитию зрелой личности и ее высоким профессиональным достижениям (Деркач, Зазыкин, 2003).

Очевидно, что данные определения объекта и предмета науки отражали конкретную ступень ее становления и в содержательном отношении были несколько узки, если исходить из сущности акмеологии как науки о прогрессивном развитии зрелой личности. Но это было связано с естественной гетерохронностью развития акмеологического знания, обусловленной общественной потребностью.

По мере накопления акмеологического знания, расширения объектного поля, обобщения полученных эмпирических фактов, развития теоретико-методологических основ акмеологии научное содержание объекта и предмета акмеологии стало уточняться.

Современная акмеология ориентируется на решение проблемы *соразмерности социальных и жизненных изменений личностным свойствам человека*. В соответствии с этим строятся ее теоретико-методологические основы. Проведенные теоретические и эмпирические исследования позволили определить и описать предмет и объект акмеологии на нынешнем этапе ее развития.

Объектом исследования и формирования в акмеологии является достигающий наиболее высокого уровня развития человек как индивид, личность, субъект деятельности и как индивидуальность, а также «совокупные субъекты», достигшие своего акме, то есть малые и большие социальные общности.

Предметом акмеологии являются объективные и субъективные факторы, содействующие или препятствующие прогрессивному развитию зрелого человека, а также закономерности и механизмы, обеспечивающие возможность достижения им высшей ступени развития — акме. Акмеология исследует также факторы достижения высшей

ступени зрелости малыми и большими социальными общностями, что выражается в приобретении ими качественной определенности, выраженной в соответствующих атрибутах. Поскольку прогрессивное развитие и саморазвитие человека взаимосвязано с процессами познания, общения и деятельности в рамках различных организационных структур, указанные явления также закономерно оказываются в зоне внимания исследователей.

МЕСТО АКМЕОЛОГИИ В СИСТЕМЕ НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ

Первоначально акмеология понималась и развивалась как раздел возрастной психологии. Однако эта наука приобрела совершенно иной научный статус, как только ее объектом перестал быть широкий спектр всевозможных характеристик зрелого человека как таковых, а на первый план вышло мастерство его профессиональной деятельности, его профессионализм. Именно с этой точки зрения акмеология привлекала к рассмотрению и исследовала различные стороны жизни взрослого человека, характеристики его психики, условия его воспитания и образования, способы и развернутые технологии осуществления им своей профессиональной деятельности, способы овладения и уровень владения ими и т.д. Это исследование было ориентировано на выявление, изучение и дальнейшее практическое использование различного рода факторов, способствующих повышению профессионального мастерства, достижению вершин профессионализма. Понимаемая таким образом акмеология уже не могла рассматриваться только как раздел возрастной психологии. Она вышла за рамки чисто психологической науки, обращаясь к результатам научных исследований, полученных в других областях знания, например, в социологии и педагогике, а также изучая теории и технологии конкретных производств и видов профессиональной деятельности. Эти данные интегрировались акмеологией на основе применения собственных понятий, реализации собственного методологического основания, нацеленного на достижение специфических теоретических и практических целей, не свойственных тем отдельно взятым наукам, данными которых пользуется акмеология.

Профессиональную деятельность изучают, кроме акмеологии, и другие науки. Общая психология, например, исследует механизмы мотивации деятельности, особенности аффективного поведения,

закономерности различных психических функций человека: мышления, восприятия, памяти и т.д. Отдельные направления психологии труда выявляют особенности психических процессов, наблюдаемые у людей, занятых разными видами профессиональной деятельности, и формулируют рекомендации по оптимизации этих процессов, а также требования, предъявляемые к системе обучения будущих профессионалов, касающиеся степени развития различных способностей. Технологии и теории различных областей профессиональной деятельности направлены на изучение и разработку предметно-процессуальных аспектов профессиональной деятельности. Полученные в этих исследованиях данные являются исходными для педагогики профессионального обучения, которая занята разработкой способов и конкретных методик обучения специалистов при широком применении данных различных психологических наук. Социология труда исследует складывающиеся в процессе профессиональной деятельности социальные отношения, их закономерности и развитие, способы их диагностирования и воздействия на процесс их протекания.

Акмеология занимает в этом комплексе наук свое особое место. Выдвигая в качестве главной своей задачи изучение факторов, влияющих на повышение профессионализма, и их дальнейшее применение на практике, акмеология проводит собственные исследования и синтезирует данные всех перечисленных выше научных дисциплин на основе ключевого понятия «профессионализм». Так, если предметом психологии труда является профессиональное мышление, то акмеология рассматривает последнее с точки зрения уровня профессионализма и выявления способов его повышения, основывающихся на использовании не только психологического, но и педагогического, социологического, медицинского и технологического знаний. С этой целью акмеологами анализируются различные технологии конкретных видов профессиональной деятельности, выявляются наиболее продуктивные из них, разрабатываются методологические основания и различные методики внедрения наиболее продуктивных технологий в различные сферы профессиональной деятельности людей, при этом широко используются данные психологии и педагогики. Таким образом, акмеология предоставляет практикам не просто рекомендации относительно того, какие параметры различных характеристик профессиональной деятельности, выявляемые самой акмеологией, наиболее желательны, но и собственно акмеологический продукт — способы достижения их соответствия таким параметрам. Эти способы реализуются акмеологами-практиками, а также передаются в распоряжение обучаемых ими

профессионалов для дальнейшего самостоятельного использования с целью повышения уровня своего профессионализма.

В целом можно говорить об акмеологии как о науке, находящейся на стыке естественных, общественных и гуманитарных дисциплин. Первичность акмеологии по отношению к уже сложившимся наукам о человеке заключается в том, что она исследует весь жизненный путь человека. Это позволяет синтезировать накопленные ряды факторов из области генетики, физиологии, медицины, всех отраслей психологии, педагогики, геронтологии, философии, социологии и выявить «пересечение» жизненной и профессиональной вершин, установить новые закономерности жизненного пути человека. На основании этих закономерностей можно моделировать рациональные технологии деятельности и саморазвития и обучать им профессионалов, будущих и настоящих, формируя и перестраивая их мышление.

Акмеология исследует реальность, в которой имеются специалисты разных уровней профессионализма и эффективности деятельности: отличные, хорошие и посредственные учителя, врачи, инженеры, техники, рабочие, деканы, ректоры, учащиеся, исследователи и др. При этом она стремится ответить на следующие вопросы: что отличает способы решения учебно-познавательных или профессиональных задач специалистами разной степени продуктивности? За счет каких факторов (почему) им удастся решать задачи на том или ином уровне продуктивности? Это и позволяет выявить новые объективные закономерности.

Акмеология обобщает достижения смежных наук: философии и теории познания, социологии, психологии (общей, дифференцированной, педагогической), психологии труда (педагогического, медицинского, инженерного, военного и т.д.), педагогики высшей школы и той специальной области знаний, которую человек использует при решении профессиональных задач. Само появление акмеологии связано с возможностями сбора и обработки первичных материалов исследования, обучения, совершенствования и коррекции профессиональной деятельности с помощью компьютера.

Свою онтологическую определенность акмеология приобретает вследствие центрированности на выявлении, описании, анализе феноменологии акме-форм в жизнедеятельности человека, его становления не просто как профессионала, но как индивидуальности, его психологически творческого и социально успешного движения по жизненному пути.

Полученное в результате акмеологических исследований научное знание о закономерностях и способах достижения вершин профессио-

нализма (Деркач, Зазыкин, Маркова, 2000) и творчества (Пономарев, Семенов, Степанов, 1990) характеризует такой интегративный по своей социокультурной природе и системообразующий по методологическому значению онтологический атрибут, как «акмеологичность» социокультурного бытия человека.

Сформированные акмеологией методологические принципы, концептуальные подходы и исследовательские стратегии, а также разработанные ею практически ориентированные технологии позволили встроить эту дисциплину в систему современных наук, конституировать ее категориально-методологически как науку, выявить конкретные дисциплинарные особенности, которые характеризуют ее как специфическую отрасль предметно-методического знания, обеспечить внедрение полученного ею знания в социальную практику (Деркач, 1999–2001).

Конкретным акмеологическим исследованиям присущи три основные ориентации: естественнонаучная, технологическая и гуманитарная (Семенов, 1998).

Естественнонаучная ориентация акмеологии выражается, во-первых, в том, что она, стремясь оформиться в качестве самостоятельной науки, методологически во многом следует дисциплинарным стандартам (в виде изучения в эксперименте фактов, механизмов, закономерностей, их статистической достоверности и т.п.), которые сложились еще в классическом естествознании. Во-вторых, при анализе ряда акмеологических проблем (природы одаренности, генетических и психофизиологических компонентов способностей, психологических предпосылок становления профессионализма и т.п.) имеет место апелляция к естественнонаучным знаниям из сферы возрастной физиологии, психофизиологии труда.

Гуманитарная ориентация акмеологии проявляется еще более многообразно. Принадлежа к наукам о человеке, она обретает свою онтологическую определенность, с одной стороны, на базе генетического взаимодействия с этими науками в ходе исторического развития, а с другой — в предметном обособлении от них в качестве формирующейся самостоятельной дисциплины.

Разумеется, и до возникновения акмеологии психологи, социологи, педагоги исследовали вопросы профессионализма, творчества, образования взрослых, которые во многом сходны с акмеологической проблематикой. Однако именно особый акцент на изучение созревания мастерства, на культивирование его акме-форм привел сначала к зарождению специфически акмеологической проблематики, затем

к концептуально-методическому построению оригинальных акмеологических технологий и, далее, — к возникновению и оформлению особой науки со своими специфическими предметом и методами.

Технологическая ориентация акмеологии проявляется не столько в непосредственном взаимодействии с техническими науками (кибернетикой, системотехникой, теорией информации и т.п.), сколько в использовании присущих им алгоритмически четких стандартов практически ориентированного прикладного знания. При этом, с одной стороны, важно иметь в виду, что акмеология взаимосвязана с техническими дисциплинами не напрямую, а опосредована, в частности, эргономикой, которая направлена на оптимизацию человеческого фактора в технике (например, в автоматизированных человеко-машинных системах управления и т.п.). С другой стороны, необходимо учесть двустороннее влияние на акмеологию современной праксиологии как технологизации гуманитарного знания, например, в форме психотехники и игротехники, инноватики и рефлексии, так и гуманитаризации технических наук (возникновение бионики, соционики, синергетики и т.п.).

Конкретные исследования, проводимые специфическими для акмеологии методами, носят комплексный, междисциплинарный характер, ибо предполагают системное использование знаний, полученных в смежных с ней науках о человеке — как традиционных (философии, генетике, экологии, культурологии, педагогике), так и недавно возникших (эргономике, эвристике, рефлексике и др.).

В акмеологическом плане в качестве системообразующего фактора интеграции указанных типов научных знаний выступает тот их аспект, который определяет возможности их конструктивного использования в качестве «знаниевых средств» решения важнейшей практической задачи культивирования человеком своего профессионализма вплоть до его высших, собственно «акме-форм», которые в пределе подлежат дальнейшей трансляции в культуре.

Как конкретная научная дисциплина акмеология характеризуется тем, что она:

— в *онтологическом* плане охватывает такую сферу человеческой реальности (прогрессивное развитие зрелой личности), которая специально не рассматривается другими областями человековедения и, тем самым, в своей специфически акмеологической сущности, не может быть выведена чисто теоретически или эмпирически охарактеризована путем простого истолкования и последующей интеграции знаний из смежных с акмеологией наук;

– в *гносеологическом* плане познает собственно акмеологический аспект человеческой реальности специфическими для себя методами, представляющими собой технологии как проведения экспериментальных и эмпирических исследований, так и внедрения их результатов в социальную практику в виде соответствующих приемов саморазвития профессионализма и его формирования у партнеров по профессиональной деятельности;

– в *аксиологическом* плане выражает ту ценность, согласно которой одной из целей жизни человека является его направленность на достижение вершин в различных сферах жизнедеятельности;

– в *методологическом* плане представляет собой новую самостоятельную научную дисциплину: междисциплинарную по своему происхождению, комплексную по форме существования, системную по способу организации знания, фундаментальную по общенаучным параметрам и прикладную по практической направленности своих технологических разработок.

Таким образом, можно говорить о становлении и самоопределении акмеологии как особой области науки и практики, по существу, обладающей статусом метанауки и метапрактики.

ХАРАКТЕРИСТИКИ АКМЕОЛОГИИ КАК КОМПЛЕКСНОГО ЗНАНИЯ НОВОГО ТИПА

Акмеологию как науку отличают фундаментальность, гуманистическая направленность и интегративность.

Фундаментальность акмеологии проявляется в том, что она сразу четко и непротиворечиво обозначила свой объект, предмет и проблематику, при этом не занимая ничьей «научной ниши», как это нередко случается с другими науками: исследования прогрессивного развития зрелой личности в силу каких-то причин не стали центральными в психологии и смежных с ней науках и осуществлялись бессистемно, в известной мере стихийно и эскизно. Акмеология быстро прошла этапы, необходимые для становления любой науки. В результате теоретико-методологических исследований, объединенных общей идеей прогрессивного развития личности и поиска соразмерности социальных и жизненных изменений личностным свойствам человека, была создана система методологических принципов акмеологии. Обоснованы и описаны общеметодологические принципы, сущес-

твенные для акмеологии: комплексный, системный и субъектный подходы; принципы детерминизма и социальной детерминации личности, развития и гуманизма. Выявлены и описаны конкретные методологические принципы: личностный, субъекта, деятельности, жизнедеятельности, активности, потенциальности, психосоциальный, оптимизации (Деркач, 1999).

Общие и конкретные методологические принципы определили проблемное пространство, специфику ориентации акмеологии в ее подходе к человеку, социальную и личностную потребность в данной области знания. Они позволили выявить специфику ее объекта — развивающейся личности и подчеркнуть субъектный характер этого развития.

Разработана методологическая модель предмета акмеологии, позволяющая проследить переход от реального состояния, качества и уровня развития личности (и ее профессионализма) к будущему идеальному (Деркач, 2004). Модель включает интегральную характеристику наличного состояния и потенциала личности, алгоритмов и способов его развития, образа будущего состояния, описания контрольных механизмов и принципов функционирования обратных связей.

В акмеологии успешно разрабатывается собственный методический инструментарий. Наряду с общенаучными методами (анализ, обобщение, структуризация и факторизация и др.), в акмеологии активно используются методы ее родовой науки, психологии — опрос, наблюдение, анкетирование, тестирование, моделирование и пр. В настоящее время разработаны и собственно акмеологические методы: акмеографические описания и построение акмеограмм, — которые показали свою перспективность и «доводятся» до широкого применения в научных исследованиях и практике (Анисимов, Деркач и др., 2000).

Фундаментальность акмеологии как науки подтверждается разработанными в ее рамках теоретическими концепциями, среди которых следует выделить концепции личностно-профессионального (Дьячков, 1997) и гуманитарно-технологического развития (Гусева, Деркач, 1997), концепцию развития нравственной культуры (Корниенко, 2003), акмеологическую концепцию профессионализма деятельности в особых и экстремальных условиях (Деркач, Зазыкин, 1998), концепцию рефлексивной самоорганизации творческого мышления (Степанов, 1998), концепцию акмеологического воздействия (Кириченко, 1999), концепцию аутопсихологической компетентности (Степнова, 2000), концепцию акмеологической культуры (Селезнева, 2004) и др.

Теоретическая акмеология вплотную подошла к описанию *акмеологических законов и закономерностей*, для которых характерен ряд особенностей.

Акмеологические законы и закономерности являются выражением устойчивых связей и отношений. Примером тому могут служить связи и отношения между уровнем одаренности личности и ее движением к профессионализму. Очевидно, что при равных «стартовых» возможностях эта связь в общем виде прямо пропорциональна — чем выше одаренность, тем больших вершин профессионализма можно достичь. На определенных этапах развития эта зависимость может иметь различный характер: линейный или экспоненциальный, — но тенденция всегда сохраняется. Другой пример устойчивой связи — связь между уровнем самоорганизации и динамикой движения к профессионализму. И здесь связь также в общем виде прямо пропорциональна.

В акмеологических законах и закономерностях интегрируется субъективное и объективное, внешнее и внутреннее. С одной стороны, акмеология следует строжайшим критериям объективности и при диагностическом исследовании личности, и при определении алгоритмов и стратегий оптимизации ее развития, деятельности и жизни в целом. Акмеология должна располагать точностным знанием и на «выходе». С другой стороны, акмеология едва ли не в большей степени, чем психология, ориентируется на личность как субъекта, на ее самостоятельность, активность в процессе совершенствования, а потому не может не учитывать индивидуальный, произвольный, субъективный характер этого процесса. Можно говорить о том, что объективность акмеологических законов и закономерностей обусловлена действующими условиями, относящимися к «достартовому» периоду развития личности. Субъективность же связана с индивидуальными особенностями, с «преломлением» объективных факторов сквозь призму внутренних условий.

Акмеологические законы и закономерности характеризуются повторяемостью. Именно повторяемость позволяет «тиражировать» акмеологические методы и технологии развития профессионализма.

Акмеологические законы и закономерности имеют социально-антропологический характер. Это значит, что экзистенциально-природные особенности человека, сущностные характеристики его внутренних сил должны быть интегрированы по субординационному или координационному принципу с социальными условиями его жизнедеятельности. На современном уровне знания возникает проблема *цивилизированной* природы человека, предполагающая учет

множества механизмов достижения этой *цивилизованности* и выявления препятствующих этому факторов. Акмеология выросла на основе синтеза ананьевских разработок человекознания и акмеологических идей педагогики, разработанных Н.В. Кузьминой и нами в методолого-теоретическом и операциональном планах. Ананьевская парадигма была парадигмой *знаний* о человеке, ориентированной на междисциплинарные исследования. Парадигма Деркача–Кузьминой содержала оперативно-моделирующий, *практически содействующий развитию* аспект. Таким образом, в акмеологии соединились два звена одного замысла — *знание о человеке и его изменение, развитие*. На этапе институционализации акмеологии выявилась социальная потребность в науке, которая *отвечала бы прогрессу общества*. К этому моменту идея социально-исторического прогресса дискредитировала себя. Обнаружилось, что технический прогресс, столь многое давший человечеству, пришел в противоречие с человеческим фактором и привел к возникновению экологических проблем. Отсюда возникла тенденция поисков прогресса не в совершенствовании социальных систем и их управления, не в бесконечном улучшении техники, а в *согласовании социальных и технических систем с человеком на основе оптимизации их соотношения и деятельности человека как субъекта*. Именно поэтому мы говорим, что законы и закономерности акмеологии носят не чисто антропологический, а социально-антропологический характер.

Акмеологические законы и закономерности являются критериальными. Это не описательные и не объяснительные законы, как в других науках, тем более, это не законы «понимающей психологии» (по Дильтею). Говоря о критериальности, мы имеем в виду, что при диагностике наличного состояния объекта (личности, «оригинала») необходимы сопряженные с ее целями критерии — критерии определения уровней, по которым будут распределяться респонденты, критерии дефицитов и потенциалов их данного состояния, критерии для привлечения акмеологических, т. е. развивающих, оптимизирующих средств.

Для акмеологии принципиальное значение имеет ломовское суждение об изменчивости, вариативности психического и возникающей отсюда сложности обнаружения инвариантности, устойчивости (Ломов, 1999). На наш взгляд, это противоречие разрешается в акмеологии следующим образом: должны быть выявлены, с одной стороны, критерии целевого направления развития, критерии желательного качества, а затем, в соответствии с ними — выделены уровни его настоящего, данного состояния, классифицированы средства, содействующие развитию, и факторы, ему препятствующие. Но глав-

ным, однако, оказывается все же определяемая в качестве закона зависимость достижения желательного состояния самим субъектом. Желательные качества, их критерии приобретают свою конкретность и определенность в понятиях «профессионализм», «компетентность», «личностно-профессиональный потенциал», «акмеологическая культура» и т.д. Этот закон проявляется в конкретных закономерностях, которые каждый раз подлежат изучению и моделированию — в этом и состоит задача акмеологов как исследователей.

Законы психологии сходны с законами акмеологии еще в одном, отмечаемом Б.Ф. Ломовым аспекте: они раскрывают разные измерения психического (Ломов, 1999). Как уже говорилось выше, модель предмета акмеологии включает разные модальности — наличного состояния объекта, способа его изменения и идеального состояния, однако общий закон акмеологии должен состоять в учете их интегральности, неразрывной связи.

Акмеологические законы и закономерности относятся к классу «законов-тенденций», отличающихся «нежесткостью», вариативностью относительно устойчивого общего. В их числе находятся отмеченные Б.Г. Ананьевым «резервы», «зона ближайшего развития» Л.С. Выготского и др. С этой особенностью законов связана ориентация и психологии, и акмеологии на *временные* характеристики личности, психики, развития. Для акмеологии представляются существенными параметры *темпов развития* при учете его прогрессивного, нелинейного характера, а также понятие «*своевременность*», близкое понятию «сензитивность», но носящее принципиальный для соотношения личности и социума характер. Оптимизация деятельности должна достигаться за счет своевременности действий, решений, поступков личности, их соответствия событиям и задачам деятельности.

К числу законов Б.Ф. Ломов относит те закономерности, которые определяют *структуру* психических явлений. Однако в акмеологии понятие структуры, на наш взгляд, уступает место понятию модели. Понятие «моделирование» употребляется не только применительно к общей методологической модели самого предмета акмеологии, но и к отдельным частным случаям, например, к моделированию ситуаций, содействующих развитию личности, моделированию акмеологических средств и т.д., внешних условий оптимизации деятельности.

Вариативность законов проявляется в частных *закономерностях*, во-первых, и в различии ведущих *системных способов связи составляющих* в разных акмеологических исследованиях, во-вторых. В одних случаях системообразующим фактором выступает *готовность* к де-

тельности — когда выявляются закономерности готовности к той форме деятельности в тех ситуациях, готовность к которым носит решающий характер, т.е. строится специфическая система или модель. В других случаях системообразующим и центральным для исследования понятием оказывается *оптимизация* той или иной, например, управленческой деятельности, и тогда выявляется существенный, необходимый и достаточный набор составляющих, который становится определяющим для осуществления данной деятельности в будущем и входит в нормативные рекомендации.

Благодаря огромному числу проведенных исследований выявленные акмеологические законы и закономерности носят уже не проблемный, а аксиоматический характер.

Наконец, акмеологические законы и закономерности носят *целевой* характер, т.е. и процедуры объективного диагностирования, и технологии развития, и субъективные способы совершенствования самого субъекта имеют *единую целевую направленность на оптимальность, высший уровень совершенствования*.

Фундаментальность акмеологии также проявляется и в ее обширных междисциплинарных связях. Прогрессивное развитие личности осуществляется в процессе деятельности, общения и взаимодействий, поэтому акмеология, на первом этапе заявившая о себе как о направлении возрастной психологии, тесно связана с такими направлениями общей психологии, как психология личности, дифференциальная психология, психология творчества. У акмеологии весьма тесные связи с психологией труда и социальной психологией, особенно в разработке проблем профессионализма личности и деятельности. Междисциплинарные связи с науками, не входящими в психологический комплекс, привели к возникновению специальных направлений акмеологии, таких как педагогическая (Н.В. Кузьмина), военная (П.А. Корчемный, Л.Г. Лаптев, В.Г. Михайловский), политическая (В.М. Герасимов), медицинская (В.А. Храпик), юридическая (А.В. Кириченко). Отмечено, что разработка проблем профессионализма в какой-то конкретной области деятельности приводит к движению научного знания по траектории «отдельное — особенное — общее», что стимулирует выделение новых направлений акмеологии. Процесс дифференциации знания является естественным для науки, но необходимо, чтобы он сопровождался интеграцией, проявляющейся в углубленной разработке теоретико-методологических основ акмеологии.

Проанализируем теперь такую характеристику акмеологии, как ее *гуманистическая направленность*. В исследованиях Н.В. Кузьминой

(Кузьмина, 1985, 1995) было показано, что профессионалами высокого класса становятся около 5% тех, кто занят в том или ином виде профессиональной деятельности. У остальных успехи существенно скромнее, а следовательно, ниже самореализация в профессии и жизни, что в конечном счете сказывается на самооценке личности и приводит к негативным для нее последствиям. Заметим, что потребности в самореализации являются у подавляющего большинства людей наименее удовлетворенными, а следовательно, всегда остро актуальными. Акмеология, в силу своей объектной и предметной направленности, стратегических целей, сформулированных и решаемых научно-практических задач, призвана изменить сложившуюся негативную ситуацию. Акмеологическое знание помогает людям в личностной и профессиональной самореализации, в профессиональных и жизненных достижениях.

Гуманистическая направленность акмеологии определяется также ее сугубо личностной ориентированностью, проявляющейся в определении акмеологических условий и факторов, способствующих прогрессивному развитию личности на индивидуальном и отдельном уровнях, а не только на уровне общего и особенного. То есть все разработки акмеологии направлены в первую очередь на благо конкретной, а не абстрактной личности, гармонизацию ее развития и отношений. Акмеологические методы и технологии всегда ориентированы на проблемы конкретной личности. Данный аспект делает акмеологическое знание практически направленным и практически востребованным.

Наконец, акмеология развивается как наука *интегративная*. Все ценное и значимое, что накоплено в человекознании, аккумулируется акмеологией и направляется на прогрессивное развитие личности и ее творческую самореализацию. Это интегративное качество акмеологии не противоречит наметившимся тенденциям ее дифференциации.

Сегодняшняя акмеология является наиболее интегративной наукой, которой удалось за сравнительно короткое время не формально-логически, а содержательно объединить множество смежных наук и областей знания, целенаправленно используя их данные в своем предмете. Каждая наука, имея свой предмет исследования, естественно, дифференцирует его от предметов других наук. В силу комплексного характера акмеологии она, напротив, соотносится с другими науками и взаимодействует с ними. Именно поэтому столь важную роль играет в ней методология, на уровне которой осуществляется целенаправленное преобразование данных других наук с помощью методологических

принципов, носящих более универсальный характер. Одновременно методологические принципы акмеологии задают операциональные направления, по которым должны интегрироваться и использоваться различные знания.

Методология познания субъекта жизнедеятельности, сложившаяся в рамках традиционной парадигмы, как свидетельствует практика, не обеспечивает качественно новых возможностей. Более того, в новой ситуации не все стереотипы познания отвечают социальным требованиям. Как следствие такого подхода, каждая наука в отдельности получает частичное знание о феноменологии субъекта жизнедеятельности. Соответствующие учебные дисциплины тоже отчасти доносят эти парциальные знания до практиков. Не получив изначально целостного конструктивного оформления, фрагментарные знания о субъекте труда и жизни на практике нередко и, можно утверждать, в значительной мере оказываются не востребованными. Все это привело к необходимости поиска принципиально нового подхода, обеспечивающего синтез сведений, получение целостной картины субъекта жизнедеятельности и при этом учета его включенности во все реальные связи и отношения. Именно такой подход и предложила акмеология. Его суть состоит в следующем.

Использование в акмеологическом познании философских теоретико-методологических положений позволяет выбрать общее направление выработки интегративного подхода. Эти положения также указывают, где и как найти оптимальные точки сопряжения интересов различных наук в исследовании и решении проблемы.

Таким образом, акмеология, не оспаривая функции философии, но используя ее возможности, первой приняла на себя роль «интегратора», призванного изучать, развивать и оптимально содействовать целостному самовыражению человека. Для реализации избранного акмеологией целостного подхода потребовалось не только соучастие философии, но и активное сотворчество со многими другими науками и сферами человекознания и человековедения.

Особую фундаментально-прикладную роль для акмеологии играет психология, в рамках которой она получила признание и успешно развивается.

Последователи и ученики акмеологической школы Б.Г. Ананьева в последние годы успешно применяют акмеологический подход для исследования проблем различного характера — профессиональной деятельности, личностного развития, творческой самореализации, оптимизации в различных сферах социальной практики и других.

В центре акмеологического исследования неизменно оказывается целостный социальный субъект, индивидуальный или групповой, который включен во все многообразие реальных связей и отношений.

Сущность акмеологического подхода заключается в осуществлении комплексного исследования и восстановлении целостности субъекта, проходящего ступень зрелости, когда его индивидуальные, личностные и субъектно-деятельностные характеристики изучаются в единстве, во всех взаимосвязях и опосредованиях, для того, чтобы содействовать достижению им высших уровней развития. Интеграция данных, получаемых при таком подходе к изучению человека, — процесс необычайно трудный, требующий создания особой методологии, а также техники их научно-корректного сопряжения друг с другом.

Для акмеологии немаловажно, что сегодня психология проходит этап переосмысления своих основ, взаимоотношений с другими отраслями знания и реальной практикой, утверждается в качестве силы, способной изменять мир, а во многом и самого человека во имя его блага. Представляется конструктивной традиция отечественной психологии опираться на картину мира, в которой ведущие позиции отданы человеку-деятелю, созидающему себя и окружающий мир. Сегодня все настойчивей звучат голоса о необходимости новых подходов, представлений, парадигм, все большее число психологов ставит вопрос о смещении акцентов с объяснения на описание, с всеобщности — на уникальность и неповторимость, с фрагментарно-парциального изучения — на целостно-интегративное познание и преобразование.

Новая ситуация в психологической науке порождает проблемы, связанные с уточнением предмета, выявлением в науке соотношения теоретико-методологического и прикладного, определением взаимосвязей психологии с естественными, общественными и техническими науками. В частности, важно выделять не только философский или общенаучный уровни методологии, но и ее конкретно-научный и процедурно-методический уровни. Именно в рамках такой методологии стала возможной реализация целостно-интегративного подхода. Кроме того, акмеологический подход предполагает целостность и интеграцию знания в рамках единой системы не только исследовательских, но и деятельностных, развивающих моделей, алгоритмов и технологий.

Акме — это многомерное состояние человека, которое хотя и охватывает значительный по временной протяженности этап его жизни,

но всегда реально показывает, насколько он состоялся как гражданин, как профессионал-деятель, как бедная или богатая своими связями с окружающей действительностью личность. Вместе с тем оно никогда не является статичным, отличаясь большей или меньшей вариативностью и изменчивостью.

Чтобы целостно понять человека как «субъекта», как «носителя» всех этих «ипостасей» и осмыслить всю сложность зависимостей между ними, необходимо свести в единую «картину» результаты изучения конкретного человека, полученные в исследованиях, проведенных с позиций разных наук.

Построение целостной «картины» человека, проходящего ступень зрелости, предполагает, что его индивидуальные, личностные, субъектно-деятельностные и неповторимо-индивидуальные макрохарактеристики постигаются и развиваются в единстве, во всех их взаимосвязях и опосредованиях. Они выявляются акмеологией в ходе осуществления ею взаимосвязанных исследовательских и развивающих функций. Интеграция данных, получаемых при таком подходе к изучению человека как социального субъекта, — процесс необычайно трудный. Он потребовал создания особой методологии, процедур, а также техники их научно-корректного сопряжения друг с другом.

Таким образом, в *методологическом* плане акмеология по своему общенаучному статусу является современной комплексной наукой фундаментально-прикладного характера.

Фундаментальность акмеологии проявляется в том, что она познает закономерности такой сферы реальности, которая в своей онтологической определенности не схватывается никакой другой существующей ныне наукой.

Прикладной дисциплиной акмеология является в том смысле, что она разрабатывает на базе познанных фундаментальных закономерностей практически ориентированные технологии, которые не могут быть выведены из уже существующих социологических процедур, психологических методов и педагогических приемов. Акмеологические методы или технологии должны обеспечивать такие общепринятые виды деятельности, как диагностика, коррекция, развитие. Причем собственно акмеологические технологии нацелены на создание акмеологической инфраструктуры для экологически-комплексного культивирования творческих способностей, обеспечивающих саморазвитие человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Акмеология: итоги, проблемы, перспективы: Материалы научно-практической конференции, посвященной 10-летию кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности / Под ред. А.А. Деркача. М.: РАГС, 2004.
- Акмеология: Учебник / Под общ. ред. А.А. Деркача. М.: РАГС, 2002.
- Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.
- Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды / Под ред. А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова. В 2 т. М.: Педагогика, 1980.
- Анисимов О.С. Акмеология и методология: проблемы психотехники и мыслетехники. М., 1998.
- Анисимов С.А., Деркач А.А., Котохов Н.И., Павлов Б.С. Методы акмеологических исследований. Учебное пособие. М.: РАГС, 2000.
- Бодалев А.А., Рудкевич Л.А. Как становятся великими и выдающимися. М.: Квант, 1997.
- Бодалев А.А. Актуальные проблемы акмеологии // Вопросы акмеологии. Вып. II. Саратов, 1998.
- Бодалев А.А. Вершина в развитии взрослого человека, характеристики и условия достижения. М.: Флинта: Наука, 1998.
- Бодалев А.А., Ганжин В.Т. Основные акмеологические закономерности человеческой жизни // Мир психологии. 1999. № 2. С. 11–23.
- Бранский В.П., Пожарский С.Д. Социальная синергетика и акмеология. СПб.: Политехника, 2002.
- Вишнякова Н.Ф. Креативная акмеология. Минск, 1998.
- Волков И.П. Спортивная психология и акмеология спорта. СПб., 2001.
- Гусева А.С., Деркач А.А. Оптимизация гуманитарно-технологического развития государственных служащих. М.: Агентство «Квант Т», 1997.
- Деркач А., Зыскин В. Акмеология: Учебное пособие. СПб.: Питер, 2003.
- Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. М.: МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2004.
- Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 1–5 // Кн. 3: Акмеологические резервы развития творческого потенциала личности. М.: РАГС, 2000.
- Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 1–5 // Кн. 4: Развитие ценностной сферы профессионала. М.: РАГС, 2001.
- Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 1–5 // Кн. 2: Акмеологические основы управленческой деятельности. М.: РАГС, 2000.
- Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 1–5 // Кн. 5: Акмеологические технологии диагностики и актуализации личностно-профессионального роста. М.: РАГС, 2001.

- Деркач А.А. Методолого-прикладные основы акмеологических исследований. Монография. М.: РАГС, 1999.
- Деркач А.А., Зазыкин В.Г. Профессионализм деятельности в особых и экстремальных условиях // Деркач А.А., Зазыкин В.Г., Маркова А.К. Психология развития профессионала. М.: РАГС, 2000.
- Дьячков В.М. Психологические особенности госслужащих регионального управления и их профессиональный рост. М.: МААН, 1997.
- Дьячков В.М. Психологические условия и факторы оптимизации личностно-профессионального развития госслужащих регионального управления. М.: МААН, 1997.
- Психолого-акмеологические основы. М.: РАГС, 1998.
- Кириченко А.В. Акмеологическое воздействие в профессиональной деятельности: теория, методология, технология. М.: РАГС, 1999.
- Корниенко Н.А. Новые исследования эмоционально-ценностной сферы личности. Новосибирск: СибАГС, 2003.
- Кузьмина-Гаршина Н.В. Предмет акмеологии. СПб., 2002.
- Кузьмина Н.В. Профессионализм деятельности преподавателя и мастера производственного обучения профтехучилища. М.: Высшая школа, 1989.
- Кузьмина Н.В. Способности, одаренность, талант учителя. Л., 1985.
- Кузьмина Н.В. Творческий потенциал специалиста: Акмеологические проблемы развития // Гуманизация образования. 1995. № 1.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1999.
- Марищук В.Л. Акмеология: общая, спортивная, военная. СПб., 2001.
- Основы общей и прикладной акмеологии / Под ред. А.А. Деркача. М.: РАГС, 1995.
- Пономарев Я.А., Семенов И.Н., Степанов С.Ю. и др. Психология творчества: общая, дифференциальная и прикладная. М.: Наука, 1990.
- Селезнева Е.В. Развитие акмеологической культуры личности / Под ред. А.А. Деркача. М.: РАГС, 2004.
- Семенов И.Н. Акмеологический подход к развитию духовных ценностей и творческих способностей в игрорефлексике // Духовная деятельность и ее специфика. Запорожье, 1993. С. 21–27.
- Семенов И.Н. Акмеология – новое направление междисциплинарных исследований человека // Общественные науки и современность. 1998. № 3. С. 134–135.
- Степанов С.Ю. Психолого-акмеологические основы изучения и развития рефлексивной культуры госслужащих. Монография. М., 1998.
- Степнова Л.А. Акмеологические методы диагностики и развития аутопсихологической компетентности государственных служащих. М.: Эдельвейс, 2000.

ОБЩАЯ ПЕРСОНОЛОГИЯ: КОНТУРЫ И КОНТЕКСТ

В.А. ПЕТРОВСКИЙ

Не составляет какого-либо открытия тот факт, что «психология личности» сегодня — это не одна дисциплина, а две: фундаментальная психология (ее называют еще «академической») и практическая психология (практика психологического консультирования). Каждая из них занимает свою нишу в общественном сознании и жизни общества. Проблемы, подходы, критерии достоверности, категориальный аппарат этих двух психологий принципиально различаются. «Объективность», «Истина», «Детерминизм», «Гипотеза», «Операционализация терминов», «Статистические методы», «Интерпретация результатов», «Научение» и т.п. — таковы понятия фундаментальной науки. «Субъективность», «Свобода — Ответственность — Выбор», «Психотехнический миф», «Метафора», «Уникальность», «Понимание и приятие», «Рост личности изнутри» и т.п. — так «позиционирует» себя практическая психология. Психологи-исследователи и психологи-практики публикуют свои работы в разных журналах, имеют разную читательскую аудиторию. В России различия затрагивают даже уровень материального благосостояния тех и других (быть успешным практикующим психологом — значит, худо-бедно, иметь средства к жизни, что отчасти объясняет волну репрофилирования академических психологов, которые буквально хлынули в практику).

К факту сосуществования двух психологий можно относиться по-разному. Его можно игнорировать (психологи-практики и психологи-исследователи порой как бы не замечают присутствия друг друга⁴⁷). Его можно принять как должное и, более того, — как веление времени. Но можно усмотреть в этом факте также и симптомы некоего

⁴⁷ Словом, классическое: «Там жили поэты, и каждый встречал // другого надменной улыбкой».

серьезного кризиса, — быть может, одного из самых серьезных за всю историю существования психологии⁴⁸. Симптомы кризиса, последовавшего за тем, о котором писал Л.С. Выготский в «Историческом смысле психологического кризиса». И в самом деле, разве не очевидна для нас преемственность сегодняшнего кризиса «двух психологий» с дуализмом «объяснительной» и «описательной» психологии начала XX в.? Очередной раз целостность психологии как науки оказывается под ударом.

Из двух возможных вариантов исхода этого кризиса: раскола психологии или синтеза ее направлений — рассмотрим вторую возможность. И заключается она, на наш взгляд, в том, чтобы содействовать рождению особого направления в психологии, которое мы назовем «общей персонологией» (в развитие проекта «общей психологии» Л.С. Выготского и раскрывая в ней новые грани).

Термин «персонология» уже существует в науке. Генри Мюррей называл свою психологическую теорию «персонологией». «Психологический словарь» Артура С. Ребера предлагает также еще одно значение этого термина: «изучение личности» (Ребер, 2003). Говоря об общей персонологии, мы имеем в виду нечто большее, чем психологическое исследование личности, резюмируемое в той или иной научной теории: общая персонология есть мета-теория по отношению к теоретико-экспериментальным исследованиям, центрированным на личности, а также фактам и наблюдениям из области многоплановой психологической практики развития и поддержки личности. «Общая персонология», в отличие от «персонологии» Мюррея и всех других ныне существующих теорий личности, *тестирует* себя, свою ценность, в качестве инструмента практической и духовной жизни людей, источника развития и саморазвития человека; тестирует принципы фундаментальной психологии и, таким образом, «заставляет психологию перестраивать свои принципы так, чтобы они выдержали высшее испытание практикой» (этой цитатой из Л.С. Выготского мы подчеркиваем преемственность «общей психологии» и «общей персонологии»).

Итак, «общая персонология», если иметь в виду замысел ее построения, это: психологическая теория личности, выступающая со стороны эффектов своего воздействия на личность; практическая психология как прикладная психология личности. Теория и практика — лицом к лицу.

⁴⁸ Ф.Е. Василюк говорит — «схизис» (см. Post Scriptum).

Контекст формирования новой персонологии — это:

- Человекознание.
- Социальная практика.
- Педагогическая антропология (осуществляющая связь первого и второго — см. рисунок 1).

Разумеется, *человекознание* — это нечто большее, чем психология: это философия, религия, наука, литература, искусство, свидетельства сознания субъектов истории (идеологов, политиков, духовных наставников). *Социальная практика* — это все то, что относится к сфере «человеко-созидания» (в отечественной науке ранее это было принято обозначать как «духовное производство», «производство человека человеком»). Таково образование в самом широком смысле — как личностно-образовательное движение. *Педагогическая антропология* — это нечто базовое по отношению к «обучению», «воспитанию», «педагогической поддержке»... Это определенным образом организованное и предъявленное совокупное знание человека о человеке; оно как бы «высвечивается» на экране общественного сознания и может

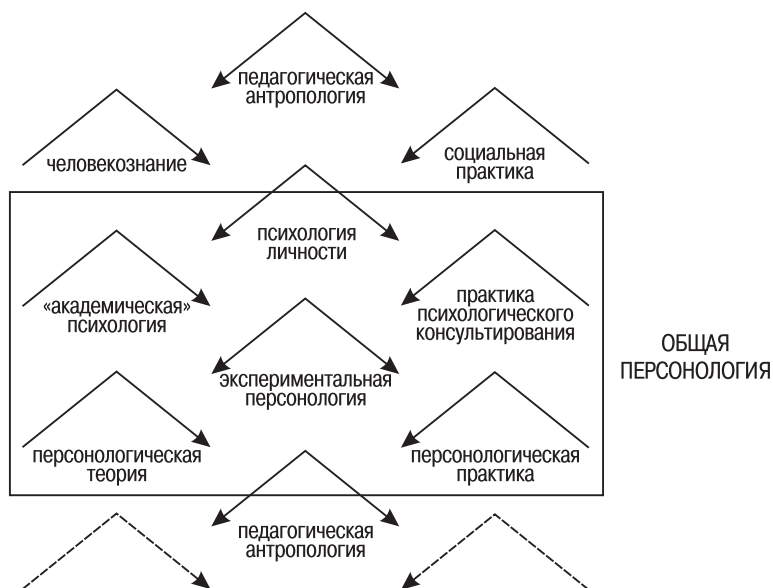

Рис. 1. Общая персонология в контексте науки и практики

быть свободно присвоено (или отторгнуто) человеком в процессе его жизнедеятельности.

Общая персонология намеренно ограничивает источники своего воздействия на людей фактами и построениями, существующими в психологии как науке, отделяя их от психотехнических мифов, интуитивных догадок, убеждений обыденного сознания, личного опыта, паранаучных воззрений, научных, однако, «не-психологических», не ассимилированных психологией как наукой данных (что отличает ее, как часть более общей системы — педагогической антропологии — от «работающего инструментария» современной практической психологии и психотерапии).

Таким образом, факты персонологии — это, прежде всего результаты психологического исследования личности. Но не только. Это феномены, затрагивающие саму личность, «цепляющие» ее за живое.

Поясним сказанное примером (впрочем, совершенно гипотетическим): «Проверялась гипотеза о наличии связи между произвольными движениями глаз при восприятии движущихся в поле зрения объектов (виды, открывающиеся в окне движущегося поезда) и актуальным содержанием сознания испытуемых (воспоминания, мысли, намерения, ощущения, чувства, — все то, что может быть названо «поток сознания»). Испытуемые — пассажиры пригородных электричек, согласившиеся ответить на вопросы интервьюера. Время проведения — день. Люди в вагонах могут свободно рассаживаться, выбирая место у окна. Подтвердилось, что пассажиры, сидящие по ходу движения поезда у окна по правую руку, чаще фантазируют о будущем, в то время как пассажиры, сидящие спиной к движению поезда у окна по правую руку (это место у другого окна, наискосок от первого в нашем примере) чаще предаются воспоминаниям. В двух оставшихся случаях также выявились определенные различия. В одном случае (место спиной к движению, окно по левую руку) человек как бы расстается со своим прошлым, освобождается от воспоминаний, испытывая облегчение (прошлое отдаляется). Во втором случае (место по ходу движения, окно по левую руку) человек погружается в размышления, вступает во внутренний диалог с собой» («Прошлое» и «Будущее» в электричках // Персонология. № 1. 200...)

Предположим, что все так и есть... Но может ли рассматриваться это исследование как пример собственно *персонологического* исследования? Если «да», то только — отчасти. Мы еще не знаем, насколько интересны и полезны результаты этого исследования для людей. Но, положим, мы продолжили исследование. Теперь каждый входящий

в вагон электрички человек получает «памятку для пассажира», где изложены результаты этого психологического исследования. Скрыто понаблюдаем за поведением людей (Многие ли из них начнут пересаживаться, как бы проверяя достоверность выводов, о которых только что прочитали? Многие ли оторвутся от книги, чтобы «просто» смотреть в окно?). Могут ли пассажиры, совершающие ежедневные поездки, обнаружить новые предпочтения при выборе места? Если нам при этом удастся показать, что информация, содержащаяся в «Памятке», способна повлиять на поведение людей, оживить их интерес к себе, помочь им сделать для себя что-то, то в этом случае мы признаем проведенное исследование *персонологическим*, а добытые факты — *фактами персонологии*. В противном случае — перед нами один из сотен и тысяч фактов, вполне вероятно, представляющих интерес для психологов, но и только для них.

Эмпирического исследования, на которое ссылается автор этой статьи, проведено не было. Журнала «Персонология» не существует. Мы привели этот пример для того, чтобы прояснить для читателя суть ситуации, в которой персонолог находится, принимая решение о проведении персонологического исследования. Вот вопросы, на которые заранее он хотел бы знать ответ: «Захочет ли кто-нибудь — кроме его коллег — узнать о фактах подобного рода? (А Вы, читатель?) Может ли кто-нибудь предсказать, что получится бы у исследователя в ходе такого эксперимента? Как повлияли бы факты, если бы они были именно таковы, на поведение людей? (А на Ваше?)» Эти вопросы персонолог предварительно обсуждает с самим собой, и судьей тут выступает его интуиция. Но дальнейшее требование состоит в проверке принятых допущений.

Итак, проблема состоит в том, что, возможно, не любое знание фактов значимо в плане существования и изменения человека, и что заранее, до проведения специальных исследований, невозможно предсказать, чем обернется для личности сам факт наличия подобного знания. Для того, чтобы персонология в целом, как система «работающего знания», состоялась, «засуществовала», необходимо предъявлять совершенно особые требования к собираемым фактам: они должны быть нетривиальны, информативны, экзистенциально значимы («вдохновляющи», «предостерегающи» и т.п.). Всего лучше, если все это сочетается в них (нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость), но об этом, пожалуй, можно только мечтать — как о чуде, по аналогии с воскрешением Лазаря (это есть нечто такое, что возвышается над здравым смыслом, разрешает сомнения, глубоко затрагивает

лично каждого). Но если факты и построения персонологии и не столь чудесны, как воскрешение Лазаря, то они, как минимум, должны отвечать хотя бы одному из перечисленных выше условий.

Все эти «параметры» фактов и их подачи могут быть определены **эмпирически**⁴⁹.

Нетривиальность (*атривиальность*). Под нетривиальностью научного факта понимается мера несоответствия полученного в исследовании результата предположениям и ожиданиям, исходящим из житейских наблюдений, здравого смысла, традиционных представлений и т.д. Понятие «нетривиальности» операционализируется следующим образом. Ряд экспертов (из числа пользователей этой продукции), независимо друг от друга, должны выдвинуть свой прогноз, описывающий исход некоторого эксперимента (условия проведения этого эксперимента известны экспертам в подробностях). Далее должны быть сопоставлены средняя оценка исследуемого параметра согласно прогнозам экспертов и средняя его оценка согласно данным проведенного эксперимента. Статистически значимое расхождение между средними $M_{\text{эксп.}}$ и $M_{\text{эмп.}}$ свидетельствует об атривиальности факта (можно было бы сказать — «феноменальности феномена»), а сближение средних говорит в пользу его тривиальности.

Информативность. Информативность научного факта может быть осмыслена как мера неопределенности, устраняемая в ходе эмпирической проверки гипотезы. Вполне возможно, что результаты прогнозов, касающихся исхода эксперимента, будут соответствовать последним по критерию совпадения выборочных средних значений ($M_{\text{эксп.}} = M_{\text{эмп.}}$); в то же время разброс экспертных оценок существенно превосходит разброс реальных эмпирических данных. Эмпирической мерой информативности научного факта в таком случае может служить статистически значимое различие между выборочными дисперсиями ($D_{\text{эксп.}} - D_{\text{эмп.}}$) или, соответственно, между выборочными стандартными отклонениями прогнозируемого и реального положения дел ($\delta_{\text{эксп.}} - \delta_{\text{эмп.}}$). Если окажется, что разброс экспертных оценок *меньше* разброса оценок эмпирических (при равенстве средних), то статистически достоверная разница выборочных дисперсий (стандартных отклонений) свидетельствует о *неоднозначности* научного факта.

Экзистенциальная значимость. Этот параметр оценки научного факта характеризует уровень заинтересованности научного сообщества

⁴⁹ Петровский, 1996.

в получении достоверной информации об исследуемом объекте. Понятие «значимость научного факта» операционализируется следующим образом. Эксперты, ранее уже высказавшие свое мнение относительно возможных исходов каких-либо испытаний, касающихся различных сфер действительности, имеют теперь возможность ознакомиться с реальным положением дел, то есть с подлинными результатами соответствующих исследований. Необходимо при этом, чтобы число экспериментов, результаты которых прогнозировались экспертами (обозначим это число разнородных экспериментов как N), существенно превышало число экспериментов, с результатами которых разрешено ознакомиться экспертам (примем это число за n): $N \gg n$. В случае, если в число первых n выборов попадает оцениваемое явление (вывод, зависимость, закономерность и т.п.), это свидетельствует о значимости научного факта в глазах сообщества (Петровский, 1996).

Остановимся на примере исследования *нетривиальности* факта (напомним, что это «расстояние» между точкой зрения здравого смысла и результатами эмпирического исследования).

Совместно с О.В. Митиной мы протестировали «на нетривиальность» знаменитый эффект Зейгарник (более высокие показатели запоминания прерванного задания по сравнению с завершенным) и феномен ролевой жестокости Милгрема. Напомним, что С. Милгрем создал ситуацию, в которой «ассистенты» под давлением экспериментатора должны были наказывать своих «учеников» за ошибки в работе электрическим током непереносимой болезненности; испытуемыми были актеры, а подлинными испытуемыми были ассистенты экспериментатора. Экспериментально был выявлен фантастически высокий процент испытуемых, назначавших «высшую меру» за промахи своих «учеников»: 65–85% (!).

В нашем исследовании приняло участие 812 человек; из них 231 психолог (дипломированные и студенты-старшекурсники). Задача, поставленная перед испытуемыми («независимыми экспертами»), заключалась в предсказании исходов «некоторых психологических экспериментов». «Экспертам» подробно рассказывали об экспериментальных ситуациях Зейгарник и Милгрема. Имена создателей экспериментальных ситуаций, «Зейгарник» и «Милгрем», при этом не упоминались. Нас интересовало, насколько точны будут «эксперты» в своих прогнозах: догадаться ли они (или хотя бы вспомнят) о том, какое задание — прерванное или завершенное — сохраняется в памяти испытуемых лучше (в экспериментах Зейгарник), а также о том, каков был процент людей, проявивших «ролевую жестокость» и насколько

они были жестоки (в экспериментах Милгрема). Нас интересовало также, будут ли отличаться экспертные оценки психологов и не-психологов.

Процитирую выводы:

1. Усредненные ответы-прогнозы исходов экспериментов Зейгарник и Милгрема, полученные в подвыборке психологов и не-психологов, значимо отличаются от средних показателей, полученных в обоих экспериментальных исследованиях; тем самым не только подтверждается нетривиальность феноменов Зейгарник и эффекта Милгрема, согласно принятому критерию, но и оправданность предложенного подхода к измерению нетривиальности научного факта.

2. Обе категории респондентов, психологи и не-психологи, по обоим задачам в большинстве своем дали неправильные ответы.

3. Статистических различий в ответах психологов и не-психологов не выявлено.

4. В то время как нетривиальность феномена Зейгарник и эффекта Милгрема — факт, на наш взгляд, вполне тривиальный (этого и следовало ожидать!), феномен отсутствия различий между экспертными прогнозами психологов и не-психологов относительно исходов названных экспериментов — явление, на наш взгляд, нетривиальное. О том, что это действительно так, читатель может судить, сопоставляя собственные прогнозы относительно экспертных прогнозов психологов с реальными данными, полученными в нашем эксперименте. Возникает впечатление, что психологи, несмотря на знание работ Зейгарник и Милгрема, в своих ответах забывали об этом и вели себя как «наивные» испытуемые (не-психологи), руководствующиеся обыденными житейскими представлениями (Митина, Петровский, 2001).

Нетривиальность, информативность, экзистенциальная значимость факта — все это характеристики субъективной ценности факта.

Но может быть установлена и объективная ценность фактов, полученных экспериментально — это их действенность, влиятельность, эффекты, порождаемые психологическим знанием (знанием психологии). Между «фактами» и «эффектами» при этом могут складываться противоречивые отношения.

Вот, например, известная «дилемма узника». Испытуемые в экспериментах Рапоппорта, дают показания о мере своей виновности и виновности другого в ситуации условного тюремного заключения. Выясняется, что обычно они готовы «подставить» другого, выгораживая себя, и в итоге получают гораздо больший срок, чем тот, который получили бы, будь они альтруистичнее. Данные этих исследований

ошеломили публику: оказывается, наше себялюбие и недоверие к другому таково, что мы без зазрения совести готовы действовать себе во вред,—соображения разума не работают... После опубликования результатов эксперимента провели повторные замеры. Вопрос состоял в том, изменилось ли число таких «индивидуалов», действующих вопреки своим интересам, и если изменилось, то в какую сторону? Впрочем, на этот вопрос я, по сути, ответил вначале. Да, изменилось. Их стало *больше*! Недоверие друг к другу выросло, люди стали еще менее разумны, чем были...

Справедливости ради должен сказать, что знания, полученные в ходе психологических экспериментов, могут быть и позитивно значимыми. В экспериментах Милгрема тем, кто наказывал, раскрывали существо эксперимента, в частности, тот факт, что все было подстроено: актеры показывали, что им больно, а подлинными испытуемыми были ассистенты экспериментатора. Многие из них горячо осуждали себя, утверждая, что никогда больше не поведут себя так; другие, впрочем, ссылались на требования экспериментатора, не испытывая смущения — они были готовы повторить все сначала во имя науки.

Бывают случаи, когда знание об условиях испытания парадоксальным образом не воздействует на человека вообще — хотя, как представляется, могли бы привести к пересмотру им своей позиции. Примером может служить некорректируемость установок людей под влиянием информации, разоблачающей происхождение этих установок. Назовем этот феномен: «Сердце подскажет». В экспериментах Валенса мужчины должны были оценить привлекательность молодых женщин на фотографиях; во время разглядывания фотографий в наушнике они слышали биение своего сердца: при предъявлении некоторых фотографий оно учащается или замедляется. Выяснилось: мужчины считают более привлекательными те изображения, при предъявлении которых слышно, как ускоряется или замедляется сердцебиение (все, разумеется, подстроено). Самое поразительное: эффект сохранялся, даже если перед окончательной оценкой испытуемым сообщалось об имитации.

Еще один факт — мы называем его «эффектом Эдипа» (Петровский, Тунгусова, 1985). Человеку говорят: мы расскажем тебе, что думаешь о тебе психолог, он знает тебя, он догадывается о том, как ты ответишь на эти вопросы — и предъявляют испытуемому заранее заполненную форму опросника. «Сверхчеловеческая проницательность» психолога имеет под собой вполне прозаическую причину. После заполнения испытуемыми первой формы опросника им предъявляется параллельная

форма. Она-то и заполнена психологом в соответствии с ответами, которые испытуемый дал на вопросы первой формы опросника. Иными словами, испытуемым показывают их собственные суждения о себе — под видом прогнозов, которые осуществляет в отношении их оценок компетентный психолог. Выяснилось, что в этих условиях испытуемые обнаруживают тенденцию отмежеваться от своих старых решений, в частности, на статистически достоверном уровне значимости у них повышаются показатели интраверсии (словом, «счастье — когда тебя понимают», но несчастье — когда тебя раскусили...). Перед нами аналог известного в философии «парадокса Эдипа», заключающегося в том, что прогноз оказывает влияние на прогнозируемые события. В данном случае человек не хочет подчиняться прогнозу, он отстаивает свою самость: он сам себе мера, он никому не позволит думать иначе... Таким образом, проявляя защитные тенденции, испытуемые обнаруживают тенденцию опровергать чужие прогнозы, затрагивающие их лично, даже если они соответствуют истине.

Я привожу все эти примеры для того, чтобы подчеркнуть неоднозначность связи между фактами психологии личности и эффектами влияния этих фактов на личность: усугубление негативных закономерностей (дилемма Узника), частичная «реабилитация» себя (феномен Милгрема), упорствование в своих предпочтениях (эксперименты Валенса), факты также могут стимулировать защитные тенденции («парадокс Эдипа»). Но, по-видимому, и это еще не все. От большинства фактов, пылящихся, по выражению Фресса и Пиаже, в шкафах лабораторий, людям, по-видимому, «ни жарко, ни холодно».

Вот почему мы подчеркиваем: факты и построения персонологии развития должны быть не просто значимы *статистически*. Они должны быть *личностно*-значимы: должны обладать субъективной и объективной ценностью для человека.

Особая проблема, о которой мы здесь только упоминаем, — это форма предъявления психологических сведений аудитории «пользователей психологическим знанием» (термин А.С. Огнева). Достояния фундаментальной науки должны быть особым образом предъявлены, иначе они окажутся деструктивными, или, по меньшей мере, совершенно незначимыми для людей. Одно следует подчеркнуть сразу: сведения, «предъявляемые» персонологом, не имеют самодовлеющего характера, они вплетены в общение, опосредствуют взаимоотношения в системе «персонолог — пользователь психологического знания». Факты, при всей «упрямости» этой вещи, не есть инструмент внушения. В психологии личности неоспоримых выводов нет. Даже если выводы основаны,

бесспорно, на фактах. Каждый такой вывод, каждое положение психологии личности, включают в себе элемент неопределенности, как бы окружены ею. Неопределенность, сопутствующая рождению фактов (пробелы при обосновании сбора эмпирических данных — где и как их искать, каковы способы операционализации теоретических переменных, что представляют собой пути построения эмпирических гипотез и т.д.) и неопределенность в процессе освещения фактов (эллипсы в описании, неполнота в интерпретации), то есть все то, что образует неустранимый фон научного знания, персонология превращает в фигуру. И, таким образом, осуществляется «поворот» опытных данных к личности, превращение их в инструмент самостроительства⁵⁰.

Иными словами, любой факт психологии личности открывает собой личности «фронт работ» — осмысления. «Пускай Вы не можете как ученый безукоризненно обосновать ответ — нутром Вы же чувствуете?» — вопрошает один из собеседников в книге Скиннера «Семья и как в ней уцелеть» (Скиннер, Клииз, 1995, с. 229). И другой собеседник отвечает: «Моя единственная “догадка” близка к уже “запатентованной”...». Персонология имеет дело не только с «запатентованными» данными, но и с примыкающими к ним «догадками». Но это не мифы. Это *идеи* (т.е. в данном случае, допущения, истинность которых предполагает логику самообоснования: «если мы *допустим* это, *то...*»). Персонология — субъектна. Она находится на острие движения *научной* мысли и мысли «пользователей».

Общая персонология в той ее форме, которая рисуется нам сегодня,—это не застывшая, а постоянно строящая себя система. В ней

⁵⁰ В настоящее время нами готовится к публикации статья, в соавторстве с Ю.Д. Бабоевой и О.В. Митиной (факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова), где описывается один из фактов, прошедших «персонологическое тестирование» и доказавший свою нетривиальность: уровень развития интеллекта младшего ребенка в семье отличается от соответствующего показателя старшего (оставляем читателя в состоянии задумчивости, кто из них обнаруживает более высокий интеллект — быть может, так мы могли бы лучше проиллюстрировать идею «экзистенциальной значимости» научного факта). Теперь легко вообразить следующий «тур» экспериментов — с варьированием стилия предъявления этого факта старшим и младшим детям в семье — и последующим замером уровня их интеллектуального развития. Вполне вероятно допустить, что директивный характер предъявления этого факта может усугубить различия (так ли это?). (Здесь перед нами повод к новому витку персонологического исследования). При ином способе предъявления этого факта, не говоря уже о перестройке внутрисемейного взаимодействия с учетом этого факта, допустимо предположить, что эти различия будут сглаживаться (так ли это?). Любой факт персонологии — при разумной его подаче — оставляет место для самоопределения личности, переопределения ситуации и т.п.

постепенно оформляет себя персонологическая теория (я называю этот процесс построения «Персонология-1») и, соответственно, складывается персонологическая практика (процесс построения персонологической практики я называю «Персонология-2»).

...Перед нами как бы лодка на две персоны, лодка-двойка — на два весла. *Персонолог-теоретик*, будем считать, сидит у весла слева. Налегая на весло теории, он следит за тем, чтобы лодка шла прямо. Он рассуждает так: «Теория, конечно, теорий, но она должна быть практико-ориентированной» — и строит практико-ориентированную теорию. А *персонолог-практик* — будем считать, что он сидит у весла справа — налегая на весло практики, также следит за тем, чтобы лодка шла прямо. Он строит теоретико-ориентированную практику, отбирая для себя то, что всерьез применимо... Персонология-1 и Персонология-2 должны быть синхронизированы, синергичны (а иначе лодка будет вращаться волчком). Кто в этой лодке обеспечивает сочетание интересов, синергию усилий? Возможный ответ: некий виртуальный субъект, равным образом представленный, «живущий» в голове обоих гребцов. Он олицетворяет собой фигуру *персолога-экспериментатора*, позволяющего каждому оказаться «по ту сторону» своей собственной роли, — в терминах Ж. Пиаже, децентрироваться, «превращаясь» в партнера. Итак:

Схема построения Персонологии-1:

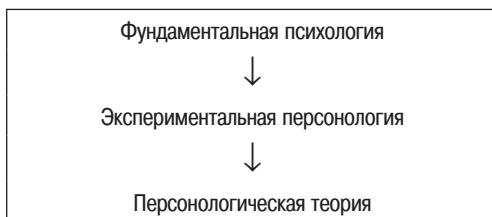
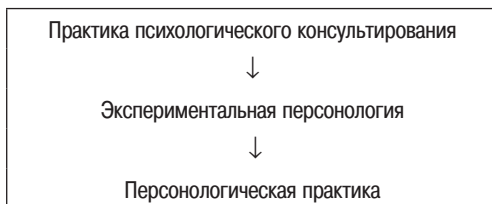

Схема построения Персонологии-2:

(на рисунке 1 эта логика переходов символизирована диагональными стрелками)

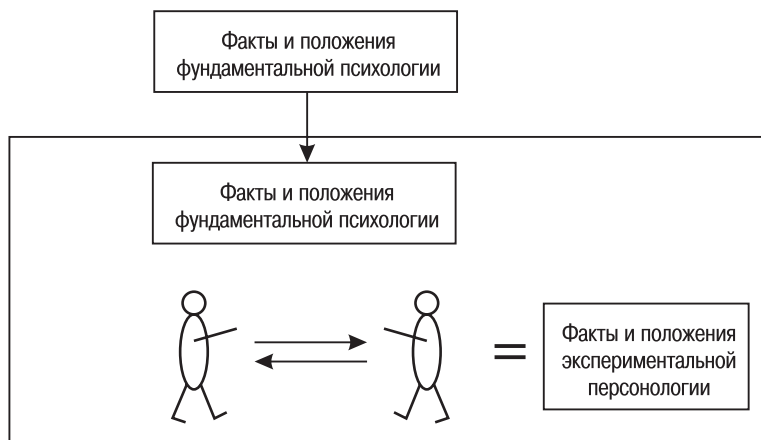

Рис. 2. Схема построения экспериментальной персонологии

На рисунке 2 изображена схема построения экспериментальной персонологии.

Персонология-1 и Персонология-2 в целом образуют то, что мы называем «Общей персонологией» — условием синтеза фундаментальной и практической психологии. Общая персонология позволяет фундаментальной психологии рефлексировать эффекты своего воздействия на личность, видеть себя в зеркале самой личности (вопросая при этом: значимы ли добытые в исследовании факты и положения? представляют ли они интерес? какой в них прок? и т.д.). Прикладная психология личности (персонологическое консультирование), не подменяя собой практику психологического консультирования и психотерапии, предоставляет людям возможность взглянуть в лицо реальности, увидеть себя на фоне других, опереться на факты, с которыми трудно не считаться.

Сказанное выше дает основание сделать следующие выводы.

1. Общая персонология — это новое направление в психологии, исходящее из задачи объединения фундаментальной и практической психологии личности; психологическая теория личности, предъявляющая свои конструкты и факты людям и рефлексивная, таким образом, свое влияние на поведение и сознание людей; практика психологического консультирования, ориентированная на психологическую теорию личности; теория и практика лицом к лицу.

2. Возникновение общей персонологии — реакция исследователей на происшедший в мире раскол психологии на «академическую» и «практическую», интенция синтеза «двух психологий». Общая персонология, таким образом, — это не только теория, имеющая своим предметом личность, но также и практика «ращения» личности: свод знаний, идей, техник, содействующих становлению личности, ее росту, развитию. Последнее подразумевает, что общая персонология, если иметь в виду перспективы ее собственного становления, является инструментом саморазвития личности, *«психологическим орудием», принадлежащим личности*. С этой точки зрения общая персонология не есть только наука о личности, но есть также наука для личности — «наука личности».

3. Общая персонология — не застывшая, а постоянно строящая себя система. В ней постепенно складываются и обуславливают друг друга персонологическая теория и, соответственно, персонологическая практика. Персонологическая теория — это *практико-ориентированная теория* личности. Персонологическая практика — это *теоретико-ориентированная практика* развития личности⁵¹. Процессы их взаимопостроения должны быть синхронизированы, синергичны.

4. Согласование двух ветвей общей персонологии осуществляет *экспериментальная персонология*. По отношению к фундаментальной психологии личности она должна играть ту же роль, что и метаанализ Гравве по отношению к психотерапевтическим системам и технологиям (неожиданная, а в чем-то и обескураживающая по своим выводам экспериментально-психологическая экспертиза эффективности их воздействия на пациентов).

5. Формулируются следующие требования к фактам персонологической теории: *нетривиальность* (возвышаются над точкой зрения «здорового смысла»), *информативность* (снижают неопределенность представлений аудитории о тех или иных психологических явлениях), *экзистенциальная значимость* (вызывают живой интерес, ориентируют поведение).

6. Все эти «параметры» *субъективной* ценности фактов персонологии могут быть определены эмпирически.

⁵¹ Идея построения «научно-ориентированной практики» в сочетании с практико-ориентированной наукой и стратегия ее развертки была впервые высказана автором на орг-деятельностной игре под водительством Н.Г. Алексеева, организованной ИПИ РАО в 1990 г. В 1991 г. я возглавил Институт персонологии в составе Российского открытого университета. В Институте персонологии развивались идеи «науки личности» как единства научно-ориентированной практики и практико-ориентированной теории.

7. Персонологическое знание должно обладать также *объективной* ценностью, предоставляя личности действенные инструменты и ориентиры развития; эмпирическое определение не только субъективной, но и объективной ценности фактов — необходимое условие построения персонологии.

8. Парадокс состоит в том, что между фактами фундаментальной психологии личности и эффектами их влияния, как показывают уже проведенные психологами эксперименты, могут складываться *противоречивые отношения*. Факты могут стимулировать, наряду с позитивными, также и негативные тенденции; факты могут побуждать людей упорствовать в своих установках; факты могут стимулировать защитные тенденции; и, наконец, факты могут оставлять людей вполне равнодушными.

9. Помимо требований, предъявляемых к научным идеям и фактам, общая персонология призвана исследовать *способы предъявления* данных психологической теории людям — развивающие техники общения персонолога с аудиторией.

P.S. С работой Ф.Е. Василюка «Методологический смысл психологического схизиса» (1996) и его более ранней работой «От психологической теории к психотехнической практике» (1992) (см.: Василюк, 2003) я познакомился совсем недавно — к сожалению, уже после того, как были опубликованы мои статьи об общей персонологии. «Элементы» общей персонологии — науки личности — складывались медленно и освещались нечасто. Пальма первенства в систематической разработке проблемы «сосуществования» двух психологий и исторически первая попытка ее принципиального разрешения, вне всяких сомнений, принадлежит Ф.В. Василюку, — я бы сказал, последнему из могижан психологии традиционной («чистой») на пороге возникновения новой («психотехнической»). Если иметь в виду выбранное этим автором направление разработки «новой психологии», то трудно было бы представить себе попытку более изящную, психологически достоверную и экзистенциально значимую, чем эта. О проекте Василюка, конечно, нельзя говорить мимоходом, тем более, что его размышление о схизисе двух психологий — часть общего подхода, представленного им в более поздней книге «Методологический анализ в психологии» (Василюк, 2003), а она заслуживает особого прочтения и внимания. Я ограничусь лишь тем, что приведу, как говорят управленческие консультанты, «vision» автора психотехнической теории, содержащее в себе «главную прогностическую методологическую гипотезу» будущей психологи-

ческой парадигмы, какой она открывается автору. Категории общения, согласно этой гипотезе, суждено стать не только общепсихологической категорией, завершающей парадигму отечественной психологической мысли XX в., но и выступить в качестве первичной категориальной формы, вокруг которой будет кристаллизоваться новая парадигма. Причем сам статус этой категории в новой парадигме изменится, она станет не только понятийной фиксацией основного содержания исследования, но будет выражать еще и суть новой формы исследования, в соответствии с которой субъект и объект психологического познания изначально связаны не только гносеологическим отношением, но объединены всегда реальной формой общности и общения, так что психологическое познание человека «в третьем» лице становится периферическим и подчиненным методом, а в центр становится познание человека в форме Ты (Василук, 2003).

В свете этой идеи может быть рассмотрен вопрос о соотношении проектов «общей персонологии» и «психотехнической теории». Совместимы ли они? (В констатации раскола психологии «на две» — очевидно, что «да, совместимы»; а вот в том, что касается выхода из сложившейся ситуации?)

Конечно, в постнеклассическом пространстве современной науки, почти как в детской игре, «все может стать (совместимым со-) всем». Но я говорю сейчас о сущностной совместимости.

Допускаю, что это возможно. Все дело в сути «психологического орудия», о котором идет речь в «общей персонологии» — здесь это психологическое знание, опосредствующее жизнедеятельность человека во всех сферах его бытия (витальность, деятельность, общение, *cogito*). Психологическое орудие объединяет в себе, казалось бы, необъединимое, например, «дух» и «материю»; ни для кого не секрет, что «психологическое орудие» в культурно-исторической теории Выготского — не только «от Маркса», но и «от Флоренского». Обратимся теперь к М. Буберу, его «основным словам» «Я – ТЫ» и «Я – ОНО (ОН, ОНА)» (Бубер, 1995). Они кажутся исключаящими друг друга, их гипотетическое объединение в рамках чего-то единого мнится совершенно невозможным. Но «психологическое орудие» может принять на себя важную роль миротворца — именно в качестве *психо-логического* орудия. Представим себе диалог двух начал, образующих имя нашей науки:

Логос (уверенно): «Нет, невозможно! Я – ТЫ и Я – ОНО несовместны; каждое способно *мгновенно* сменяться другим (ссылки на Бубера); но там, где сейчас одно, не место другому».

Психея (с вызовом): «Невозможного — нет!»

Логос: «Я не могу *помыслить* подобного».

Психея: «Попробуй *пережить* это!»

Пересказываю одно из возможных продолжений этого диалога (написанное, впрочем, за десять лет до появления в данной статье): «Специфика мира переживаний состоит в том, что именно в нем существует несуществующее, обретает себя *немыслимое*. За этот счет, например, только в переживании истинно существует геометрия невозможного (психологически, кстати сказать, совершенно не освоенная), объекты парадоксального знания», в переживаниях нам дано пережить «актуальную бесконечность», полноту бытия (= эфемерность *выбора* из альтернатив); впрочем, открывающаяся в переживаниях актуальная бесконечность явленного «пленительна и капризна. Она существует вспышками, открывается на мгновение. Будучи дана разом, она открывается лишь на раз. В этом, как мы отмечаем, оборотная сторона актуальности открывшегося; переживания оплачивают своей скоротечностью вечность, живущую в них» (Петровский, 2003, с. 276–277).

Итак, если искать путь сущностного соотнесения двух проектов выхода из состояния кризиса (схизиса) психологии, то таковым может стать формирование психологических орудий, обеспечивающих человеку *переживание* мгновенного тождества или мгновенного растождествления отношений «Я – ТЫ» и «Я – ОНО (ОН, ОНА)». Это возможно, когда искомые психологические орудия сконцентрируют в себе результаты *психологического* познания — событийные истины — независимо от того, в какой логике они были впервые получены (в логике «естественной причинности», «объектности», «ОНО [ОН, ОНА]» и т.п., или в логике «свободной причинности», «субъектности», «Ты»). Поэтическими символами-метафорами таких психологических орудий-знаний может быть пушкинское «я ей — не *он*» и множество других примеров подобного рода. В играх-перевертышах, означающих и означаемых, в знаках — разрушителях знаков (Бороденко, 1995) и в знаковых отождествлениях неотождествимых знаков «живут» и сосуществуют субъектные и объектные ипостаси работающего психологического знания.

Иначе говоря, психологические орудия-знания могут быть разными по своему происхождению: знания-«корпускулы» (объективность, объектность) и знания-«волны» (субъективность, субъектность), однако, в любом случае, это именно *знания*. Неслучайно у Ф.Е. Василюка речь идет о *понятиях* и *категориях*, а не о мифах (в том числе, и мифах «психотехнических»).

Психологическое знание как инструмент понимания и переживания человеком своих новых возможностей, а также «преодоления невозможностей», представленное в теории переживания Ф.Е. Василюка, я думаю, и является общим смысловым вектором осуществления обоих проектов.

Акцентирую: знание, а не фантом мнящего себя знатоком человеческих душ «психотерапевта из дома напротив» (В. Добрович), даже в том случае, если вывеска на этом доме гласит: «Центр психопрактик».

Начав эту статью тезисом о сосуществовании «двух психологий», я должен добавить, что, строго говоря, существуют не одна, не две, а три психологии: академическая, практическая и «жизненная». Первая (академическая) — о том, как исследовать человека (диадку, группу), — «вот к чему мы приходим». Вторая (практическая) — о том, как содействовать человеку, — «вот что *у нас* с ним (*с тобой*) получается». Жизненная психология — о том, как человек живет, когда строит свою жизнь сам (без соглядатаев в лице пытливых исследователей, и без соучастников в лице ангажированных терапевтов и консультантов). Это психология, присущая каждому конкретному индивидууму. Психология его личного опыта. Каждый в той или иной мере «психолог по жизни», «психолог себе самому». Конечно, здесь есть свои великие психологи и «никакие не психологи». Иногда к категории последних относятся профессиональные психологи — теоретики и практики. Тем не менее, у каждого человека есть некое «ноу-хау». Конечно, интуитивные концепции мира привлекают внимание профессионалов, но для того, чтобы приступить к исследованию, нужно иметь некий пропуск в мир другого. А получить этот пропуск не просто. Жизненная психология — это особая сфера, чаще всего закрытая для посетителей. Открытия в области жизненной психологии — это, прежде всего, достояние самого индивида, они не являются предметом научных трактатов, независимо от их возможного жанра, будь то номотетическое или идиографическое сочинение, и обычно не привносятся в инструментарий практической психологии (если только это не открытие самого практического психолога). Критерий истинности открытий, сделанных «психологом по жизни» — это его личная состоятельность, понятая в самом широком смысле (как состоятельность его отношений с собой, с миром, окружающими людьми, или, в других терминах, — как состоятельность его деятельности, общения, в конечном счете его судьбы). Когда профессиональный психолог-исследователь пытается понять мир «жизненной психологии», он зашифровывает его содержание в терминах своей научной доктрины,

изображает этот мир как бы снаружи. Знания, приобретенные таким образом, обычно не возвращаются в мир, откуда они родом. Они превращаются в «чужое знание обо мне». Когда же психологи-практики предлагают «психологу по жизни» свои решения, они вторгаются в его мир, иногда незаметно перестраивая его (например, убеждая человека, что происходящее с ним — это просто «рост его личности изнутри»). Другое дело — автономные механизмы трансляции и ретрансляции традиционного и благоприобретенного опыта «психологов по жизни» из поколения в поколение. Монолог отца, по Жванецкому: «Я не стал этим и не стал тем и я передам тебе, сын, свой опыт!...» «Жизненная психология», хочу сказать я, это совершенно особая культура, противостоящая «культурам» двух других психологий.

В общем случае субъект академической психологии (теоретик и экспериментатор), субъект практической психологии (психолог-консультант, психотерапевт или коуч), субъект жизненной психологии («психолог по жизни», «сам себе психолог») — это разные субъекты. Но иногда они объединены в одном лице, как, например, в авторе этих слов (и во многих моих читателях).

Лучший ответ на вопрос о возможности синтеза академической, практической и жизненной психологии — это надежные данные о том, как работает в каждом из нас, носителей «трех психологий» (с оттенком самоиронии будем называть себя «посвященными»), имеющееся у нас психологическое знание (будь то научный факт, психотехническое открытие или живое свидетельство личного опыта).

И в частности, зададимся вопросами: «Что происходит с детьми, детско-родительскими отношениями, в семье “посвященного”?» «В чем состоит специфика его супружеского общения, межличностных контактов?», «Чем “посвященные” отличаются от “непосвященных” в бизнесе, общении с коллегами?» и т.д. — словом: «Как работает (и работает ли) психологическое знание в жизнедеятельности работающего психолога и к каким последствиям для него и для его близких оно приводит?»

И это — одна из будущих тем общей персонологии (и, быть может, психотехнической теории?).

ЛИТЕРАТУРА

- Бороденко М.В.* Двуликий Янус смеха. Ростов-на-Дону, 1995.
Бубер М. Два образа веры. М., 1995.

Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003.

Петровский В.А., Тунгусова Т.А. Влияние прогноза на развитие событий. Экспериментальные методы исследования личности в коллективе. Ч. 1. Даугавпилс, 1985.

Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. 1996.

Петровский В.А. Научное знание сквозь призму обыденного (три ответа на вопрос «ну и что?») // Модели мира. М., 1996.

Митина О.В., Петровский В.А. Нетривиальность научного факта и психологическая экспертиза психологов как экспертов // Мир психологии. № 3. 2001.

Петровский В.А. Общая персонология: наука личности // Известия самарского научного центра Российской академии наук. 2003.

Ребер А. С. Большой толковый психологический словарь. М., 2003.

Скиннер Р., Клииз Д. Семья и как в ней уцелеть. М.: Класс. 1995.

ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ЦЕННОСТНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

В.И. КАБРИН

Целью данной работы является поиск и анализ релевантного подхода к изучению ценностного измерения жизненного мира человека, который позволил бы преодолеть хроническую тенденцию слишком утилитарного и упрощенного взгляда на феноменологию человеческих ценностей. Однако автор данной работы не ставил перед собой цели дать сколь-либо репрезентативный обзор теоретических и эмпирических исследований человеческих ценностей по нескольким причинам.

Междисциплинарный масштаб проблемы ценностей настолько обширен, что охватывает не только все гуманитарные науки, но неизбежно и ощутимо обнаруживается в естественных науках, а также не может быть искусственно ограничен от области теологического опыта (Шарден, 1987; Бейтсон, 2000; Капра, 1994). Это становится особенно заметным в основных направлениях постнеклассической науки (Асмолов, 2002; Братусь, 1997; Знаков, 2005; Клочко, 2005; Мазилев, 2006; Нюттен, 2004).

Трансцендентальный аспект ценностного измерения жизни человека все чаще заявляет о себе не только как недоступная прежней науке проблема (Юнг, 1997), но и как возможность выйти за пределы возможного, т.е. найти метапарадигмальный системообразующий фактор ценностного мира в его необъяснимом многообразии. Вездесущность ценностного процесса в жизненном универсуме человека сравнима с движением нейтрино в физическом универсуме. Это обостряет проблему и задачу поиска релевантного подхода к пониманию и исследованию собственно ценностного мира человека, даже если при этом приходится выходить в *постпарадигмальное и постметодологическое пространство* исследования. Необходимости и возможности такого подхода в контексте рождения «аксиологической психологии» посвящена данная работа.

ПАРАДОКСЫ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Не углубляясь в историю самой аксиологии с ее теологическими, философскими, этическими и эстетическими аспектами, попробуем схематично представить особенности освоения проблемы человеческих ценностей в современной психологии.

Возможно, большая часть психологов обходится без этого понятия, понимая важность данной реалии, но отдавая предпочтение психологически более «нагруженным», ощутимым категориям, таким как потребности и мотивы, смыслы и цели и т.п. (Эммонс, 2004 и пр.).

К другой группе можно отнести психологов, которые уже дифференцируют ценностный аспект душевной жизни, но не рассматривают его как относительно самостоятельный, а изучают в контексте и как разновидность вышеуказанных категорий. Так появляется множество «составных понятий»: ценностно-потребностный; ценностно-мотивационный; ценностно-когнитивный; ценностно-целевой; ценностная ориентация, ценностная позиция, ценностная направленность и т.д. (Оллпорт, 1999; Журавлева, 2006; Тихомандрицкая, 1999 и пр.)

О вездесущности и беспредельности ценностного

Если мы поставим простой вопрос: а есть ли какое-либо психологическое явление, не имеющее ценностного аспекта?, то поймем, что список составных психологических понятий может быть бесконечен, расширяя пределы всей известной феноменологии. Аналогичная участь ожидает составителей списков ценностей и их классификаций, кластеризаций и факторизаций (Kluckhohn, 1951; Rokeach, 1973; Schwartz, Bilsky, 1990; Тихомандрицкая, 1999; Ядов, 1975; Донцов, 1974; Волочков, 2004; Ермоленко, 2004; Низовских, 2005). Остановить этот процесс может лишь директивно-коммуникативная научная конвенция, однако это было бы похоже на капитуляцию. Поэтому доведем данную тенденцию до абсурда, чтобы выделить хоть одно универсальное свойство человеческих ценностей. Это бесполезно, поскольку, наряду с вышеочерченной тенденцией «мягкой редукции» ценностей к близким феноменам, существует и практическая тенденция или просто привычка сводить ценности к спискам действий, событий и вещей.

Обобщая, подчеркнем, что из всех психологических теорий и практик вытекает, что человеку свойственно реализовывать и обозначать только то, что имеет для него какую-то ценность, неважно, осознает он

ее или нет. Тогда все языки мира с бесконечным множеством текстов, все виды искусства, архитектуры, производства, потребления, поведения, культуры в целом и отраженные в них аспекты мира образуют ценностный универсум человечества. Поэтому ценности проявляют свою *вездесущность* во всех аспектах человеческой жизни. С этим, видимо, связана их поразительная *реверсивность* как бесконечное «отзеркаливание» в других явлениях и друг в друге. Поэтому нам не трудно понять друг друга, когда один говорит о какой-то *ценности* смысла (любого), а другой — о *смысле* этой ценности.

Эти следствия важны для понимания ценности как специфической психологической реальности, не сводимой к другим.

«Ценно то, не знаю что», или о трансцендентности

Психологи, рассматривающие ценность как особую специфическую реальность, как правило, обнаруживают ее в качестве предельного (главного) основания всех душевных процессов, т.е. в качестве идеального основания — «реального идеала» (Эйкен, 1911; Асмолов, 2002; Пископсель, 2001; Будинайте, Корнилова, 1993; Волочков, Ермоленко, 2004 и пр.). Я хотел бы обратить внимание на нечто большее. Например, сами вышеупомянутые авторы, да и представители других наук часто спонтанно и неосознанно пользуются *запредельными* возможностями аксиологических высказываний. Для убедительности «стоит» (!) привести несколько примеров.

Так, Р. Эммонс, корифей целевого (телеологического) подхода, пытающийся даже духовность понять сквозь призму «предельных» целей и стремящийся разработать «целевые теории счастья», с удовольствием «присоединяется» к высказыванию Кэрролла (психолога когнитивно-бихевиоральной направленности): «статус цели как мотивационной переменной *чрезвычайно возрос...*» (Эммонс, 2004, с. 35). Такая нерелевантная аксиологическая позиция при игнорировании собственно ценностного измерения исследуемых явлений приводит к неконтролируемому (и поэтому неумеренному) редукционизму. Релевантная задача понять цели через интересы как более интегрированные психические образования влечет за собой парадоксальное (если не забавное) определение последних: «Интересы есть гипотетические бессознательные *мозговые* процессы, которые сохраняют *преследование* целей...» (Эммонс, 2004, с. 51). В этом контексте уже не выглядит курьезным сведение смыслов к целям: «конструкт “смысл” не имеет личных смыслов помимо личных целей...» (Эммонс, 2004, с. 61). Этим

примером я хотел показать, что игнорирование аксиологического измерения в жизни и науке приводит к определенным последствиям.

Интересно, что нерефлексируемые аксиологические высказывания психологов, не игнорирующих ценностную модальность в предмете своего исследования, свободны от подобных ошибок.

Ф.Л.К. Хсю, специалист по системе американских ценностей с научно-прагматической направленностью и человек широкого кругозора, спокойно позволяет себе множество спонтанных аксиологических высказываний в оценке научных подходов. Вот одно из них: «Уильямс (социолог) пытается *обесценить* “доктрины этического превосходства и т.д.”, *ошибочно* относя их к категории “частных, отдельных или локальных ценностей”» (Хсю, 2001, с. 227). При этом весьма симптоматично, что свой насыщенный спонтанными «метаоценками» научный анализ он завершает следующей декларацией: «Но законы науки таковы, что мы должны размышлять, вне зависимости от того, *приятны* нам выводы из нашей реальности или нет» (Хсю, 2001, с. 227).

Дж. Хендерсон, известный последователь юнгианской школы, специалист по теоретическим и практическим проблемам культурных установок, склонен к более «изящным» (!), чем в предыдущих примерах, спонтанным аксиологическим высказываниям относительно анализируемых теорий: «Экзистенциальные аналитики... не избежали широкой групповой идентификации, которая в итоге в 60-х–70-х годах кристаллизовалась в Движение Человеческого Потенциала с его *холистическими ценностями и предрассудками* (курсив мой.— В.К.)» (Хендерсон, 1997, с. 9). Знаменательно, что аксиологическое высказывание относительно собственной психологической практики выглядит уже как рефлексируемая ценностная метапозиция: «Когда я *ухожу от признания ценности* доминирующей культурной позиции в моих пациентах... я могу позволить им взять из моей психологической позиции что-то, что могло бы обогатить и *изменить их в лучшую сторону*» (Хендерсон, 1997, с. 18). Это редкий случай, когда рефлексивность собственной метапозиции в профессиональной практике оказывается выше, чем в теоретическом анализе.

М. Балинт, «классик постнеклассического анализа», основатель теории первичных отношений, теории базисного дефекта и практики известных «балинтовских групп» буквально «сыпет соль на раны» моей постметодологической ориентации своим спонтанным, но остроактуальным и сегодня аксиологическим высказыванием: «В науке часто случается так, что *неудачный* выбор термина либо является причиной недоразумения, либо создает препятствия на пути *не-*

предвзятого исследования проблемы... Полагаю, что другой уровень должен обладать своим собственным именем и *не должен* называться “до-чего-то-там-еще” (уровень первичных отношений.— В.К.). Он *не должен* называться “доэдиповым”...Я предлагаю называть его уровнем базисного дефекта (курсив мой.— В.К.)» (Балинт, 2002, с. 28). Примечательно, что здесь ключевая идея новой психоаналитической теории аксиологически звучит как проблема *релевантности* языка вопреки «фатальному» редукционизму в науке.

И последний пример. З. Луиджи, один из оригинальных представителей юнгианской психологии, кажется, уже понимает переходный характер постмодерна, в частности, постнеклассическую «взбудораженность» науки избыточностью открывающихся степеней свободы, и поэтому предчувствует ренессанс интереса и внимания к *вечному*, я бы сказал *ноэтическому* (Ильин, 1998; Гусельцева, 2005; Ключко, 2005). В этом контексте может стать понятной его вполне осознанная рефлексивная аксиологическая позиция, выраженная в названии последней главы его книги — «Хвала отсутствию выбора» (Луиджи, 2004, с. 195). «Миф о выборе — это недавняя коллективная ценность. Это кредо начало обретать очертания в эпоху Просвещения, но только в нашем веке стало действительно частью системы ценностей, разделяемых обществом: *американского образа жизни*» (Луиджи, 2004, с. 196). «Голливудский герой примечателен тем, что... делает выбор и безупречно ему следует... это представление о человеке, которое ничем не обусловлено и в которое *с трудом верится*... человек, полный противоречий, парадоксов, амбивалентный... в античном эпосе, Священном писании и в великой литературе любого времени имеет плотность и глубину; часто он видит зло, в которое его затягивает, и хотел бы его избежать. Почти всегда, однако, он обнаруживает, что у него нет выбора... он знает, что ничего не может изменить. Он ведет себя соответственно и с достоинством. Он хрупок и велик одновременно. Он искренен: он хотел бы выбирать, но признает, что все уже решено высшими силами» (Луиджи, 2004, с. 197). Я привел эту несколько пространную цитату, чтобы показать, что рефлексивная аксиологическая метапозиция по отношению к самим научным ценностям позволяет весьма креативно антиципировать изменение масштаба науки будущего, в частности, аксиологической психологии.

Приведенный здесь набор примеров далеко не репрезентативен, но и не случаен. В них представлены достаточно известные авторы, которые в своих исследованиях, так или иначе, коснулись проблемы ценностей. Тем более ценной оказывается наличие в этих работах

спонтанных *аксиологических метапозиций*, подтверждающее их естественную эвристическую и трансцендентальную природу.

Если учесть, что в исследованиях они проявляются бессознательно, сознательно, сверхсознательно, интуитивно как исходные предельные и запредельные источники всех переживаний и действий, то их *трансцендентное качество* можно рассматривать как основополагающее, несмотря на парадоксальную простоту его проявлений.

Для контраста приведу пример того, как проявляет свою аксиологическую позицию один из известнейших ученых постнеклассической ориентации с чрезвычайно широким междисциплинарным спектром научной продуктивности, не скованный пониманием аксиологических ловушек, Грегори Бейтсон: «Горе — бихевиористу, не слышавшему о базовой структуре науки, не знающему истории скрупулезной философской мысли о человеке за последние 3000 лет, не способному определить ни энтропию, ни таинство, лучше бы ничего не делать, чем множить несуществующие джунгли недоиспеченных гипотез» (Бейтсон, 2000, с. 30). Этой цитатой я хочу не только проиллюстрировать *свободу* научных аксиологических высказываний. *Ценность тайного, непостижимого, невозможного* для человека — это уже не трансцендентность ценности, а ценность самой трансцендентности для жизни и самотрансценденции самого человека (Франкл, 1990).

Но есть ли кто-либо, переживающий все это непосредственно и кому это даже вредно объяснять? Думаю, что *дети*, еще не испорченные взрослыми. Оставим пока в недоумении теоретиков социализаций. Здесь я лишь еще раз процитирую З. Луиджи: «Возвратимся к Шекспиру: “Мы сделаны из того же материала, что сны”. Мы — не наш выбор, мы — наши сны» (Луиджи, 2004, с. 200).

Доступность идеала и непостижимость вещи

Догадка о том, что ценность несет в себе *идеал*, существует с незапамятных времен. Две с половиной тысячи лет назад уже существовало понимание его трансцендентной, ноэтической, эйдетической сути (Анаксагор, Платон и пр.). Сейчас чаще всего ограничиваются его социокультурной интерпретацией. Но даже при «приземленном» понимании идеала как, по сути, виртуального феномена, якобы «идеально» якобы существующего в самой культуре, его переход в реальное личностное бытие мыслится и декларируется весьма абстрактно, в лучшем случае — через интериоризацию (реже — на базе его экстериоризации другими персонами).

Такая, по сути, плачевная картина анализа трансцендирования ценности как идеала связана с игнорированием большинством аналитиков сложных коммуникативных и, тем более, *транскоммунитивных* процессов, пространств, миров (социальных, групповых, личных), в которых только и возможны актуализация, жизнь и метаморфозы *ценностей как идеалов*, ибо они представляют собой не просто вещи и их образы, а *отношения*. Они транзитивны по способу существования и смыслообразующи только в коммуникативном процессе на интра-, интер-, и трансперсональном уровнях.

Конечно, многие известные мыслители понимали и отчасти анализировали коммуникативную природу ценностей вообще и научных ценностей — в частности. Среди них и классики, и современники (Бахтин, 1986; Франкл, 1990; Гадамер, 1988; Хабермас, 2003; Василюк, 2003; Буякас, Зевина, 1997; Гусельцева, 2005; Мазиллов, 2006 и пр.). Однако многомерный дифференцированный *транскоммунитивный анализ* ценностного мира человека как наиболее релевантный трансцендентной природе ценностей — это дело будущего. И если мы хотим учесть рассмотренную нами парадоксальную природу ценностного мира, то это задача постпарадигмальная или даже *постметодологическая* (Кабрин, 2005б).

Здесь же имеет смысл обобщить парадокс, указанный в подзаголовке: почему в межличностной коммуникации люди достаточно легко обмениваются самыми различными идеалами-ценностями и очень легко идентифицируются с ними, тогда как идеалы, идеи, эйдосы вещей, событий, явлений видят лишь избранные, а выразить могут в основном люди искусства?

Интуитивно понятно, что человек, способный *встретиться* (а не просто взаимодействовать) с деревом, рекой, облаками, звездами и другими людьми, будет встречаться с ними *иначе*, чем человек, который может встречаться только с людьми, «усвоивший», что природа с ним общаться не может. «Встреча» человека с человеком и с миром вообще в жизненном, экзистенциальном и научном смысле (в отличие от взаимодействия) — это не просто коммуникация в силу сходства (по многим характеристикам), но это и транскоммуникация как общение, сообщаемость и соответствие *разнопорядковых* субъектов, сущностей и миров в силу их *инаковости* (Кабрин, 1992, 2002, 2005а).

В контексте транскоммуникации, существующей лишь в *динамике трансцендирующей встречи* человека с самим собой, другим, ситуацией, миром, конвенциональная нормативная коммуникация выглядит коллективной (и индивидуальной) иллюзией, или мягче — стереоти-

пом (Кабрин, 1999, 2005в). Однако реальная, или трансцендирующая коммуникация (транскоммуникация) всегда уникальна, несамостоятельна, и в то же время универсальна. В этом я вижу основание релевантности транскоммуникативного подхода к анализу ценностного мира человека, поскольку, как показано выше, он обладает теми же незаурядными особенностями.

ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД КАК ПОСТМЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА РЕЛЕВАНТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО МИРА ЧЕЛОВЕКА

На основе анализа специфических качеств ценности как особой психологической реальности, не сводимой к более простым характеристикам всех других душевных явлений (как показано в первой части статьи), можно предположить, что ценностный план душевного мира человека является его «трансцендентной аурой», чувствительной к собственно духовному миру.

Общеизвестно, что духовный мир (по определению) непосредственно не представлен в душевных процессах. И если не опускаться до слишком вульгарных редукций, то можно понять интуитивную чувствительность человека к его соприсутствию в жизни как символическую, синхронистическую и ценностную (Юнг, 1997; Франкл, 1990). Следовательно, для релевантного понимания ценностного мира необходим адекватный, как минимум, холистический подход к пониманию специфики психического в контексте духовно-душевно-телесного *соответствия*. Принимая во внимание разнопорядковость (разноуровневость) духовного, душевного и телесного миров человека, следует понимать, что соответствие и гармония в созвездии этих миров — это результат не детерминизма, а именно их транскоммуникабельности, что и мотивирует выход в постметодологическое пространство анализа.

Интересно, что уже в начале и середине прошлого столетия такие несоизмеримо разные психологи, как К. Юнг и Ж. Пиаже, отмечали некорректность и неадекватность использования менее «вульгарных» (в отношении душевной жизни) заимствований из физики, таких как «сила», «энергия», «работа» и даже «детерминизм» (Юнг, 1996, 1997; Пиаже, 1966).

Предмет психологии слишком необычен по сравнению с предметами большинства наук.

Естественные науки «вещественно» изучают вещество и допускают психологию в качестве науки, изучающей душевную жизнь лишь в качестве свойства высокоорганизованной материи.

Гуманитарные науки рассматривают семиотические, символические, смысловые «продукты» душевной активности как данность (естественно, в чем-то воплощенную), а вопрос об их природе часто молчаливо переадресовывается психологии.

Сама психология, находясь между этими главными сферами научного знания, видимо, уже давно страдает хроническим «комплексом неполноценности», от которого, правда, всего один шаг до мании величия. И то, и другое уже отрефлексировано в современной психологии — комплекс неполноценности предрасполагает к «физикализму», мания величия — к магии. Последний комплекс преодолевается проще, так как он легко вытесняется за рамки *научности*; первый — сложнее. Механицизм неизбежно ориентировал психологию на метод, методологию и технологию. Естественная наука механика начинается с измерения. Механицизм требует «объективности», и это требование, естественно, было ассимилировано в качестве главного требования к методам ранней психологии. Современная наука и ее методология, принявшая моделирование как универсальный метод, неизбежно признала фатальность редукции как полезного упрощения. Если модель не проще или сложнее моделируемой реальности, она теряет смысл. Конечно, имеется в виду редукция, сохраняющая и акцентирующая существенное. Но здесь, как правило, и кроется камень преткновения и «поле брани» научных школ (Юревич, 2006).

При этом ключевым является вопрос о качестве научного знания. Некоторые школы (преимущественно в области психофизиологии и бихевиоральных наук) удовлетворяются «метафорой» *объективного знания* (объективность приравнивается к критерию истинности), игнорируя стоящую за этим определением почти неразрешимую проблему его *субъективной* сущности. Определенный прогресс наметился при переходе к анализу парадигмального знания, в контексте работ Т. Куна. «Призрак объективности» перестает быть навязчивым в связи с тем, что в относительности и множественности парадигм явно просматривается субъективный фактор. Поэтому закономерным является динамичный переход к личностному знанию, когда субъективно-личностное измерение становится определяющим (Полани, 1985). Этот переход, в свою очередь, породил постмодернистский

кризис гуманитарных наук, позитивной стороной которого явилась потребность в новом качестве знания более высокого порядка. На этом этапе сама *субъективная суть знания* нуждалась в переосмыслении в принципиально более широком контексте (Ильин, 1998). При этом наука неизбежно сталкивается с непривычными и неожиданными качествами знания, связанными с его трансперсональностью, транссубъективностью, трансцендентальностью. Это новое качество научного знания в последние годы анализируется отечественными психологами нового поколения на уровне методологической рефлексии как существенная особенность постнеклассической психологии (Василюк, 2003; Гусельцева, 2005; Знаков, 2005; Мазилов, 2006; Юревич, 1999).

На этом этапе *ноэтическая, духовная компонента* знания хорошо осознается не только в области философско-гуманитарных наук, но и наук естественных, принимавшихся ранее за эталон объективности (Капра, 1994; Вульф, Ректор, 1995 и пр.). Психологическое знание также неизбежно трансформировалось в контексте указанных общенаучных тенденций. Однако, в силу необычности (трансцендентности) самого предмета психологического исследования, последнее уже не уместается в рамках известных методологий, что оборачивается, на мой взгляд, проблемой постметодологии.

Немногие психологи осознали всю трагичность этой ситуации именно для психологии, имеющей дело с *субъективной реальностью*. Основатели научной психологии старались следовать требованиям естественнонаучного метода, что привело к созданию тысяч психологических тестов и изобретению изощренного факторного анализа (Ф. Терстоун), уже успешно ассимилированного другими науками. При этом некоторые из них, преодолевая «комплекс интроспекционизма» (в связи с обвинением Огюста Конта), даже решились редуцировать душевный процесс до поведения (бихевиоризм). Попытка хотя бы частично реабилитировать самостоятельность душевной жизни породила соблазнительное для многих «мифотворчество психоанализа», как, видимо, другую крайность. Тем не менее, многие выдающиеся психологи понимали неадекватность и нерелевантность объективирующей редукции применительно к душевной реальности. Поэтому они достаточно смело обращались к древним источникам знания, еще не скованным жесткими научными парадигмами, на основе современного мировоззрения (Бейтсон, 2000). Я имею в виду линии развития, прежде всего, экзистенциальной и, особенно, трансперсональной психологии — от работ К. Юнга, Р. Ассаджиоли до современных трудов К. Уилбера в духе холистической и Х. Феррера в духе эпистемологии

ческой трансперсональной психологии (Юнг, 1997; Ассаджиоли, 2002; Уилбер, 2004; Феррер, 2004).

В таких работах часто имплицитно начинается пересмотр принципиальных основ психологического исследования и практики. *Целостное, нередуктивное понимание душевной жизни возвращается как главная ценность психологической науки* — холистическая психология обретает особое значение. Восстанавливается уверенность ученых в возможностях непосредственного понимания живого психологического опыта и непосредственной работы с ним (медитация, управляемое воображение, различные виды рефлексии в альтернативных состояниях сознания). Возвращаются представления о «тонкой» — эйдетической, смысловой, ноэтической — организации мира и интимной причастности ей человека.

Со стороны академической психологии существуют серьезные претензии к трансперсональной психологии в связи с вроде бы легкомысленной ассимиляцией ею оккультных знаний, начиная с шаманизма... Я абсолютно уверен, что исключительное достоинство научного знания — это его стремление к ясности (объяснению, прояснению и т.д.) в сравнении с эзотеричностью других знаний (например, астрологических). В то же время я согласен с трансперсональными психологами в том, что необходимо преодолеть методологическую редуктивную объективацию, не релевантную специфике психологической реальности (Уолш, 1996; Гроф, 2001; Ван Каам, 1998; Уайт, 1996).

Я обнаружил *ноэтическое направление* в этой пограничной области, существующее не менее *трех тысяч лет*: от Анаксагора, Платона и неоплатоников до современных представлений о ноосфере П.Т. Шардена и В.И. Вернадского (Кабрин, 1999, 2000). Важно, что этот луч знания оказался даже выше противопоставления теологического и светского знания. В этом направлении работали не только богословы, философы, но и ученые естественнонаучной ориентации (вышеназванные П.Т. Шарден, В.И. Вернадский). «Светлый взгляд» (К. Уилбер, 2004) на жизнь Вселенной предполагал существование мирового ума (Анаксагор), его эйдетическую активность (Платон), пробуждающую в человеке «умное делание» (мистическое и святоотеческое христианство), изначальную ноэтическую интенциональность сознания (Э. Гуссерль) в контексте ноосферы как трансперсональной реальности (Юнг, 1997). Эта реальность характеризуется весьма дифференцированным *спектром альтернативных состояний сознания*, естественным образом преодолевающим примитивную дихотомию психоанализа: сознание — бессознательное (Уилбер, 2004; Кабрин, 1999).

Я с приятным удивлением обнаружил, что давно изучаемый мной феномен «транскоммуникации» (Кабрин, 1992), выводящий человека из состояния самодостаточности для настоящего взаимопонимания с Другим через трансцендирование, имеет непосредственное отношение к такому ноэтическому пониманию душевной жизни. Транскоммуникативный подход предполагает, что человек может общаться как с «иными» (другими по-настоящему) не только с людьми, но и с разнопорядковыми сущностями — как с более простыми («братьями меньшими»), так и с более сложными (группа, культура, нация, космос).

«Светлый взгляд», образующийся благодаря пониманию тонкой духовной организации космоса (Уилбер, 2004), который не так давно открыл К. Уилбер у Г. Фехнера и который мы, в силу своей невнимательности или узости сознания, воспринимаем в качестве грубо материального конденсата (Ясперс, 1991), может быть развит и переведен в научную область с помощью *концепции транскоммуникации*. Важный аспект сообщаемости разнопорядковых миров акцентировал В. Франкл в рамках своей «димензиональной онтологии» в контексте примера о том, что простой стакан может выглядеть и восприниматься в двухмерном пространстве как круг или прямоугольник (Франкл, 1990). Интересно, могли бы «виртуальные» двухмерные человечки, видящие этот стакан в разных ракурсах как НЛО, догадаться или договориться, что эти круг и прямоугольник — это «одно и то же». Когда мы сталкиваемся с более N-мерной реальностью, чем наш физический четырехмерный мир, в лучшем случае мы чувствуем символы или «знамения» присутствия чего-то важного, но непостижимого. К. Юнг пытался «объять» такие события с помощью понятий синхронистичности и трансцендентальной функции (Юнг, 1997).

Я предположил, что здесь мы сталкиваемся не просто с более сложными свойствами «тонкого мира», а с активным живым *процессом сообщаемости разнопорядковых миров, как процессом транскоммуникации*. Иначе, каким образом мы можем понять реальную холистичность мира?

Древние мудрецы чувствовали, что человек — это микрокосм т.е. подобие макрокосмоса. Строгим наукам пришлось об этом забыть. Феномен, или, точнее, сквозной космический фактор транскоммуникации позволяет понять — по крайней мере, на уровне микрокосма — как это происходит в человеке. Нередуктивный целостный взгляд на человека предполагает понимание его как *духовно-душевно-телесного соответствия* (т.е. сообщаемости) в духе «холархии» (Уилбер, 2004). Это же касается проблемы «собственно человеческого» в человеке,

акцентированной гуманистическими и экзистенциальными психологами, возмущившимися доминированием «зоологизма» в традиционной психологии (психофизиология, бихевиоризм, психоанализ и пр.). Феноменология транскоммуникации показывает, как тело может (!) соответствовать духу (т.е. общаться с ним). Во многих своих статьях я упоминал в этом контексте об уникальности человеческих слез и улыбки (Кабрин, 2000). В отличие от звериного оскала, человеческая улыбка связана не только с радостью, но и с юмором, восприятием переносного смысла метафоры, т.е. *трансмысла*. Человеческие слезы (физиологическая функция которых — очищение глаза от инородных тел) воплощают духовное очищение (катарсис) и при чтении книг, и на спектаклях, и в сложных человеческих отношениях. Смех и слезы часто образуют динамичное единство: способность смеяться до слез и способность перейти от слез к улыбке. Заторможенность таких способностей означает ослабление транскоммуникации между телом и духом, что ведет к возникновению соматических и психических расстройств. Здесь я лишь замечу, что К. Роджерс любил напоминать нам о великой мудрости человеческого тела и предостерегал от возможной утраты контакта с ним (Роджерс, 1997). Оно искренне отзывчиво и к «хорошим», и к «плохим» образам, мыслям, чувствам! в этом — великий потенциал и великая опасность саморазрушения (специалисты по психосоматике привели бы нам тысячи примеров).

Чтобы на основе уже представленного выше контекста вывести главный принцип ноэтической транскоммуникативной психологии (благодаря которому производность ценностей от эйдосов-идей станет понятнее), необходимо обратить внимание еще на одну странную иллюзию, незаметно превращающуюся в постулат во многих работах, где говорится о душевной жизни, о сознании как «*внутреннем мире*». Создается впечатление, что употребляющие такую метафору представители гуманитарных наук и, прежде всего, психологи не удосуживаются осмыслить ее противоречие. Собственно о каких «внутренностях» идет речь? Когда задается такой вопрос, и студенты, и специалисты почти инстинктивно, автоматически указывают пальцем на голову, реже — на сердце. Парадоксальность данной метафоры начинает осознаваться только в юмористическом контексте, когда спрашиваешь: «А может ли душевный мир уйти в пятки?»

Психофизиологический миф нескольких столетий о том, что именно мозг рождает образы, мысли, чувства (как печень выделяет желчь), постепенно превратившись в аксиому «материалистической психологии», так и не смог претерпеть ни одну верификацию. Король

оказался голым. «Внутри нас» ни в одном органе тела нет никаких образов, мыслей, чувств. Но душевная реальность существует. Не все, но большинство как специалистов, так и простых людей в этом не сомневаются. Тогда как же существует эта реальность? Вот здесь мы и возвращаемся к нозетическому лучу древней мудрости. Истина или что-то близкое к ней — всегда проста. Если мы понимаем, что бесполезно искать наш тонкий мир в наших внутренностях, то почему бы по древнему обычаю не попробовать наоборот? Почему бы не предположить, что не образы, эйдосы содержатся внутри нас, а *мы — внутри эйдосов*? Нужна определенная скромность, что бы признать (после хронической мегаломании), что мы — не самая совершенная реальность Вселенной, что вокруг нас — незримые тонкие оболочки эйдетических сфер. Правда, то, в каких образах мы будем пребывать, зависит от нашего состояния, «настроения души» и т.д. Синхронистичность тонких миров поддерживается симпатией, тропностью, резонансом. Древнейшая профессия актера состоит в том, чтобы быть в образе. А я вспоминаю еще не очень забытую юмореску В. Винокура и Л. Оганезова (ноты ... рыба) с ключевой фразой: «Не мешайте мне! Я — в образе». Кстати, эту «тонкую мысль» дети постоянно пытаются донести взрослым, сопротивляясь их «правильности». Эйдетическая природа душевной жизни человека, так ярко заявляющая о себе в искусстве, сновидениях, аутогенной тренировке, медитации, воображении, удивительно трудно ассимилируется академической психологией. Может быть, все дело в дисциплинированном отношении к «узаконенным» научным парадигмам?

В этом контексте можно перейти к ключевому понятию данного раздела — к *постметодологии*. Это понятие может характеризовать тот новый тип знания, которое было обозначено как трансперсональное, нозетическое, трансцендентальное, явно ориентированное на преодоление традиционных форм редукционизма, считавшихся неизбежными для науки. Стоит уточнить, что сама проблема постметодологии связана с поиском путей преодоления неизбежного редукционизма любых методологий, традиционно реализующихся в методах, призванных поддерживать иллюзию объективации. Возможно ли решить такую необычную задачу с помощью феномена и концепта транскоммуникации?

Прежде всего, следует вспомнить о том, что физика оказалась в авангарде наук, научившись «мерить подобное подобным», и психологии пришлось искать изощренное решение аналогичной задачи на основе теорий изоморфизма, чтобы придумать наукообразное мо-

делирование психических процессов (Веккер, 1976). Конечно, удобнее работать с тестами не просто как с процедурами или технологиями, но как с *моделями* «черного ящика» — души.

Однако столь опосредованный маневр «действия в обход» не снимает проблему *аутентичности* и *релевантности* получаемой информации. Принцип «подобное — подобным!» возвращается к нам сейчас уже как научный укор. Что может быть «подобным» измерителем души? Очевидно, душа другого человека или своя собственная. Как это возможно? Ценнейшая зацепка для нас — это загадочная способность души понимать саму себя и душу другого. Традиционно эта способность описывалась как «рефлексия» и «децентрация». До сих пор научное проникновение в эти процессы было слабым. Посмотрим на них сквозь призму транскоммунитивного подхода. Общась, мы действительно выходим за пределы себя, т.е. *транскоммуницируем*, но происходит это, видимо, эйдетически, ментально, нозтически. При этом коммуникация и тем более транскоммунитация — это общение душ. Только преодоление конвенциональных трафаретов, ограничивающих традиционную коммуникацию, приводит нас к более аутентичной экзистенциальной коммуникации (Ясперс, 1991) и далее — к *транскоммунитации*, которая уже открыта «трансперсональной реальности».

В предыдущих работах мы описали иллюзорность конвенциональной коммуникации, порождающей у человека множество психологических проблем (Кабрин, 1999).

Здоровье и личностный рост фактически являются результатами транскоммунитивности тела — души — духа. Повторимся, что транскоммунитация — это выход за любые трафареты, нормы, схемы, парадигмы. Таким образом, чтобы избавиться от фатальной редукции, необходимо выйти за рамки метода и методологии, снабжающих нас спасительными процедурами и определенными схемами интерпретаций. Получается, что если я описываю свой уникальный опыт (импринтинг) *своим* вербально-невербальным языком другому или себе, я решаюсь на *наименьшую* редукцию. В этом смысле транскоммунитация дает нам *непредвзятый* уникальный опыт друг о друге и нечто *уникальное третье* — что-то общее для нас как результат взаимного преодоления барьеров.

Таким образом мы делаем первые шаги в постметодологию, где сталкиваемся с кардинальным вопросом — как сохранить для *интегральной психологии* (Уилбер, 2004) нередуктивный опыт, появляющийся в транскоммунитации. Прежде всего, стоит избавиться от комплекса неполноценности относительно обязательности объективации. Понять

или смириться с тем, что «субъективная реальность» может как-то «отражаться» только в «субъективной реальности». А это, опять же, возможно только в транскоммуникативном процессе, поскольку, в отличие от обычной коммуникации, где укрепляются конвенции, нормы, стереотипы, транскоммуникация явно тяготеет к *метафорам*, содержащим переносный смысл, т.е., по-сути, *трансмысл*. Часто именно благодаря метафорам и юмору в живом общении можно уловить моменты перехода в транскоммуникативные состояния. Отсюда вытекает переосмысление известного суждения Г. Оллпорта о том, что художественная литература пока лучше описывает живую психологию живого человека, чем научная психология. Эстетика транскоммуникации, например, психолога и клиента могла бы стать нередуктивным материалом психологических описаний. Что-то близкое можно наблюдать в свободных описаниях «психологических историй» И. Ялома (Ялом, Элкин, 2002, 2003, 2005)

При этом остается и обостряется *проблема сохранения научности на постметодологическом уровне*. Я вовсе не считаю, что постметодологическая перспектива желательна для других наук — в этом я сомневаюсь. Свое мысленное экспериментирование с постметодологией я начал не просто так. Конечно, с точки зрения простых критериев наукообразия соблазнительно свести душу к «психике», а последнюю к поведению; будучи первокурсником ЛГУ, я был «уверенным бихевиористом». Сейчас я задаю себе вопрос: а встречались ли мне «неуверенные бихевиористы»? — и не могу припомнить таковых. Тип методологии, избираемый ученым, и тип его личности определенно связаны. А я чем дальше, тем больше сомневался в релевантности признанных методологических подходов.

Прогресс же здесь естественных наук очевиден. Например, если в конце XIX в. мозг ассоциировался с телефонным коммутатором, в XX в. — с компьютером, то в XXI в. микробиологи допускают сравнение с микрокомпьютером *отдельного нейрона*. Тогда какое же «Интернет-пространство» могут образовать миллиарды нейронов при триллионах их потенциальных связей? Таким образом, древняя метафора о том, что человек как микрокосм подобен космосу, уже подтверждается физиологически. Но это только один из уровней. С точки зрения холистического ноэтического подхода тело — это «конденсат» и «проводник» более тонких духовных N-мерных свойств универсума, которыми во многом потенциально обладает душа. Однако человек, развивая свое *личностное измерение* и Я-концепцию, не часто осознает безграничность или свободу душевного процесса вследствие, по сути,

основных физических ограничений, на которые неизбежно обречено его тело. Здесь обнаруживаются кардинальные *различия между физической и психической энергиями, информацией, пространствами и временами*.

Трансцендентальный характер этих аспектов душевной жизни с какой-то неотвратимой регулярностью отмечается мыслителями всех эпох, начиная с древних мудрецов вплоть до современных трансперсональных психологов. Однако простую емкую систему их анализа мне обнаружить не удалось. В своих последних работах я попытался свести эти аспекты в единую схему на основе теории транскоммуникации.

Так, по *нисходящему лучу* транскоммуникации (душевное → телесное: катарсис) психическая энергия обнаруживает свою *первичность*, или предшествование физической, телесно-энергетической динамике (идеомоторный акт, аутотренинг и др.).

По *импрессивному лучу* транскоммуникации (душевное ← телесное: импринтинг) обнаруживается латентность, сокровенность, *недостигаемость* душевной информации по сравнению с информацией физической (Рубинштейн, 1946; Веккер, 1998). Не только студентам, но и профессионалам трудно принять простой «коан»: где находится образ, мысль, чувство и т.п.? — нигде не находится! (в системе координат — измерений физического универсума).

По *экспрессивному лучу* транскоммуникации (душевное → телесное: экстаз) обнаруживается безразмерность, или *сверхмерность* психологического пространства (мотивационного, воображаемого, мысленного) в отличие от пространства физического.

По *восходящему лучу* транскоммуникации (душевное → духовное: инсайт) обнаруживается собственно *трансцендентность* психологического времени (взаимной трансформации прошлого, настоящего, будущего, предвосхищения и чувство вечности) по сравнению с «измеряемым» физическим временем.

Для получения опытного знания об этих особых психологических степенях свободы мною был разработан специальный *ноэтический практикум*, основанный на трансовых состояниях (Кабрин, 2005). Транс — это сквозное базисное корневое свойство души (об этом догадывался З. Фрейд, имея в виду первичное «океаническое чувство» младенца). Однако до сих пор понятие транса не прописано даже хрестоматийно не только в отечественных словарях, но и в относительно свежей психологической энциклопедии (Психологическая энциклопедия, 2003). В лучшем случае приводится слишком узкая его интерпретация в рамках практики гипноза. (Зато вместо универ-

сального психологического понятия транса во всех психологических словарях присутствует важный «психологический» термин — транквилизатор). Поэтому радикальную психику ребенка (какова она у самого ребенка) мы до сих пор понимаем слишком по-взрослому, эгоцентрично и поверхностно.

Получается, что методологически ориентированная психология, с трудом проникая в базовые психические процессы (транс), испытывает серьезные затруднения, и в результате избегает исследования наиболее сложных свойств *духовной психологии просветленного человека*. Я рассматриваю эти затруднения как прямое следствие «методологизма», заимствованного психологией у слишком «иных» наук. Вот почему, например, нозтический практикум, в ходе которого участники обнаруживают свойства души, совершенно не соответствующие принятому в науке детерминизму, я считаю *постметодологической практикой*. Ибо мне неизвестны другие науки (кроме психологии и теологии), где бы трансцендентальный фактор оказывался более значимым, чем другие. Поразительно, что этот факт чаще всего игнорируется основными психологическими школами, кроме трансперсональной.

Постметодология, сохраняющая научность — это, так или иначе, достижение ясности, в противовес оккультизму. Этот критерий, по сути, объединяет в себе все более конкретные требования верификаций или фальсификаций классической, неклассической и постнеклассической науки. В постметодологии можно увидеть даже возвращение к зерну научности — подобное познавать подобным. В сфере психологии это реализуется через очень простой, вроде бы давно известный принцип симпатии, тропности: сознание релевантно познается сознанием, душа — душой, переживание — переживанием (эмпатия).

Основные транскоммуникативные лучи, описанные в прежних моих работах, проявляются в «пиковых переживаниях» (Маслоу, 1997) — *катарсисе, импринтинге, экстазе, инсайте*. С другой стороны, лучи нисходящей (катарсис), импрессивной (импринтинг), экстенсивной (экстаз) и восходящей (инсайт) транскоммуникации обнаруживают универсальное стратегическое значение для нередуктивного понимания душевной жизни в целом (от момента зачатия до смерти). На этом макроуровне им соответствуют *нозтические сезоны душевной жизни*.

Эта глобальная метафора подробно представлена в последних моих работах (Кабрин, 2002, 2005). Здесь я возвращаюсь к ней, чтобы сделать новый акцент в понимании именно человеческой психологии. Мы привыкли к линейной модели жизни, принятой в ботанике, биологии,

позитивистской психологии, социологии и акмеологии. Согласно этой модели, все живое зарождается, растет, расцветает, переживает апогей и с той или иной скоростью увядает. В этом ряду, пожалуй, исключением является концепция Б.Г. Ананьева о двух контурах регулирования развития человека в онтогенезе — вертикальном и горизонтальном. Под вертикальным контуром регулирования имеется в виду система спинного мозга, управляющая иерархией простейших сенсомоторных функций. Горизонтальный, или билатеральный контур регулирования развивается на основе формирования межполушарных связей коры головного мозга в связи со становлением высших психических функций. В рамках этой концепции оказывается, что низшие психические функции по вертикальному контуру регулирования регрессируют уже в достаточно молодом возрасте, тогда как высшие психические функции, формируясь на основе межполушарного взаимодействия, могут развиваться интенсивно довольно долго, все более компенсируя регресс по вертикальному контуру. Следовательно, в рамках этой концепции на психофизиологическом уровне сделана попытка понять общее психологическое развитие человека как постоянный рост за счет вышеуказанных трансформаций соотношения разных контуров регулирования (Ананьев, 1969). Знаменательно, что Б.Г. Ананьев подтвердил эту гипотезу своей жизнью и смертью.

Я заинтересовался ноэтикой и нооологией, столкнувшись с понятием *метанойя* в трансперсональной психологии (Уайт, 1996). Оно уходит своими корнями в далекие христианские традиции, где под метанойей понимали просветление, объединяющее озарение и покаяние, интуицию и совесть. Святоотеческий опыт, отраженный в текстах о добротолубии, показывает возможность перехода такого пикового переживания момента в длительное состояние и даже в последний сезон жизни как подготовку к чему-то большему — жизни в духе. Еще Л. Толстой в «Холстомере» писал, что есть два вида старости — гадкая и величественная. Именно последняя описана выше, что прямо говорит о том, что метанойя может быть не только результатом специальных практик, существующих во всех мировых религиях (не только в христианстве), но и *естественным* последним периодом земной жизни. Я имел счастливую возможность наблюдать такую старость у своей бабушки, конечно, не задумываясь вовсе об этой проблеме. Сейчас из всех наук об увядании мне ближе всего «гипотеза», сформулированная в предисловии К.Г. Юнга к «Тибетской книге мертвых»: чем сильнее, точнее, яснее выпущена «стрела духа» умирающего человека, тем значительнее его результат жизни в трансцендентальном смысле.

Путь к метаноюе труден, поскольку лежит через *параноюю* (не в узком медицинском значении этого), полную опасностей, страхов и рисков, начиная с подросткового бунта, «потери головы» от любви, непонимания, одиночества вплоть до христианской «пустыни» или репрессивной социальной изоляции. Примечательно, что эти прорывы за рамки правильного разума — *ортонойи* — в сферу сомнений и понимания условностей и фальсифицированности большинства норм, правил, ценностей социокультурного устройства происходит регулярно и естественно, несмотря на более чем двадцатилетний период директивной социализации (семья, детский сад, школа, армия, ВУЗ). Но протекают эти процессы у каждого слишком по-разному, потому что «ортонойяльное образование» начинается не с чистого листа, и речь здесь идет не просто о критической оппозиции генетической психологии ортодоксальному бихевиоризму во взглядах на ребенка. В ноэтической психологии должна получить право на существование и осмысление гипотеза о том, что суть *одаренности* ребенка намного глубже и тоньше: каждый рождается в уникальной «колыбели духа». Ее мы в соответствии с принятой схемой называем *протонойей*. Именно благодаря этой «протонойяльной колыбели» младенец обладает еще и важной автономией от прямого диктата наследственности. Ранее я упоминал о том, что первичные эйдосы младенца защищают его от традиционной нормативности ортонойи взрослого. Если этот «протонойяльный кокон» взламывается взрослыми или обстоятельствами раньше времени, судьба растущего человека становится причудливой и плохо предсказуемой...

Такая *схема* (не модель, не структура и т.п.) сезонов жизни человека (протонойя — ортонойя — параноия — метаноия), в отличие от традиционных моделей «взлета — падения», выглядит скорее как экспоненциальная функция духовного роста, который может «набирать скорость» вплоть до конца жизни человека. Эта схема содержит внутри себя *ориентацию на нередуктивность духовного становления человека* и в этом смысле может стать основой развития нередуктивных подходов постметодологического плана, в качестве одного из которых я рассмотрел транскоммуникативный подход. В контексте этого подхода постметодологическая схема исследования может выглядеть следующим образом:

- интуитивное понимание предмета исследования (душевного в ином измерении) на основе синтеза вербально-невербальных и понятийно-метафорических средств в более широком семиозисе;

- непосредственная релевантность теории предмету исследования (аутентичная синтонность теории и предмета);
- создание транскоммунитивной ситуации, непосредственно релевантной теории и предмету;
- инициирование транскоммунитивного процесса, соответствующего ситуации, теории и предмету.

Предполагается, что реализация этой схемы может привести к получению нередуктивного релевантного аутентичного психологического знания.

Заканчивая очерк о первых шагах в постметодологию исследования душевной жизни, я не удивлюсь, если она будет воспринята как поиск черной кошки в темной комнате на пути к еще какой-то методологии. Однако именно постметодология позволяет иначе и более релевантно посмотреть на потенциал ценностного мира человека.

ЦЕННОСТНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА В ЕГО КОММУНИКАТИВНЫХ И ТРАНСКОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

В первой части данной статьи мною была показана коммуникативная природа и транскоммунитивная сущность ценностей как особых психологических реалий. Вторая часть была посвящена проблеме поиска релевантного подхода к исследованию ценностного мира человека как трансцендирующего в масштабе духовно-душевно-телесных соответствий транскоммунитивного процесса.

Следуя принципам холистического подхода, *ценностный луч* (драйв, жажда) или измерение психологического универсума человека можно понять как сквозное, голографическое, фрактальное трансцендирование и синтез его *ноэтического* (духовного, трансперсонального), *ментального* (интерперсонального, «психологического»), *эйдетического* (образного) и *телесного* (сенсомоторного) миров (Уилбер, 2004; Тихоплав, Тихоплав, 2003). *Ценностный мир* здесь может быть представлен метафорически как «*духовный ореол*», аура, свечение *транскоммунитивного потенциала человека* в «созвездии» обозначенных миров. Именно поэтому в непосредственно наблюдаемой *телесности* человека можно интуитивно почувствовать символично, синхронистично представленные эйдетические, ментальные и ноэтические качества его ценностного мира.

Таким образом, ценностный мир олицетворяет «холархию» психологического универсума человека, воплощающегося в холархии его транскоммуникативных отношений с собой и миром. Рассматривая транскоммуникабельность душевной жизни человека, я в свое время попытался упорядочить все многообразие человеческой коммуникации относительно четырех уровней ее самоорганизации. При этом *контакт* оказывался единицей анализа и воплощением преимущественно интракоммуникативных (внутренне заданных) процессов; *беседа — разговор* — соответственно, экстракоммуникативных (ситуативно обусловленных) процессов; *диалог — дискуссия* — интеркоммуникативных (проблемно — «противо-речивых») процессов; коммуникативное *отношение* — транскоммуникативных (ценностно-смысловых) процессов. На этом последнем уровне иерархии (шире — холархии) процессов общения я обнаружил *коммуникативный мир личности* (как созвездие транскоммуникативных отношений) в качестве самостоятельной реальности, соразмерной душевной жизни человека.

На этой основе мною был создан метод моделирования коммуникативных миров (ММКМ), позволивший моделировать *транскоммуникативный потенциал* самотрансцендирования человека (Кабрин, 1992). Метод содержал открытые (незадействованные) возможности. После обнаружения «стресс-транс-формации» в качестве «динамизирующего ядра» транскоммуникативного потенциала душевной жизни человека оказалось возможным интерпретировать ММКМ в постметодологическом ключе (Кабрин, 1999, 2005б). Все это позволяет предполагать перспективу исследования релевантных качеств ценностного мира человека с помощью ММКМ, построенного не на основе статистической стандартизации, а на принципах индивидуальной вариативности и ценностно-смыслового качественного анализа и синтеза (Кабрин, 2005а).

Так, коммуникативная природа ценностей означает, что последние действительно «живут» в реальных жизненных коммуникативных ситуациях, а не в *искусственных тестовых инструкциях* «принятия–отвержения» или ранжирования заранее заготовленного «авторского» списка исследователя, который к респонденту может и не иметь отношения. При этом, просто желая «угадать и угодить» ($У^2$) интенциям исследователя, респондент может выдать ему любые искусственные «реакции», которые тот захочет воспринять как «аутентичные данные».

Проективные психосемантические методы — существенный шаг в преодолении таких плачевных «исследовательских ситуаций», но и они, за случайными исключениями, не воссоздают ни коммуни-

кативную ситуацию респондента в его жизненном мире, ни коммуникативную ситуацию исследователь–респондент.

Транскоммуникативная же постметодология позволяет воссоздавать и анализировать соотнесенность разнопорядковых коммуникативных миров: 1) интенционального «герменевтического» мира исследователя; 2) экзистенциального мира респондента и 3) собственно «исследовательского мира» как транскоммуникативного.

Кстати, модный ныне ренессанс феноменологического и экзистенциального анализа может быть релевантен в той мере, в какой удастся реализовать обозначенные выше условия, поскольку любая несхоластическая теория сознательно или стихийно воплощается в исследовательской стратегии. Поэтому имеет смысл (и «ценность») осознание этого *перехода* как варианта транскоммуникации в постметодологической концептуализации транскоммуникабельности ценностного мира человека.

Акцентируем два исходных момента транскоммуникативной концептуализации ценностей. Первый из них состоит в том, что любые ценности обнаруживают свое актуальное существование, «оживают» как минимум во *Встрече* (контакте). Нет встречи — нет переживания *ценностной модальности* жизни, но есть переживание или индифферентности, или потери «вкуса жизни». «Человек не встречающийся» ни с собой, ни с другими, ни с миром — долго ли он может просуществовать в таком жизненном ступоре? Оставим этот вопрос клиническим психологам. Вторым исходным моментом является «стресс-транс-формация» как глубинный фактор, индуцирующий транскоммуникативный процесс и соответствующие пиковые переживания, рассмотренные выше.

Стресс → удивление → восхищение → очищение → обновление → преобразование... Если встреча наполнена такими процессами, можно ли потерять вкус жизни?

Тот факт, что ценностная динамика вызывается этим транс-фактором, подтверждается простым жизненным опытом. Если обозначенные процессы не происходят, то привычное неизбежно обесценивается, а ценность возвращается лишь через стресс опыта утраты. А любовь уходит и не возвращается из-за предательского опустошения. В таких ситуациях транскоммуникативные состояния (прорывы, поступки) предвосхищаются человеком как *высшие запредельные ценности*.

Следовательно, иерархия и холархия транскоммуникативных процессов в жизненном мире человека может открыться ему как иерархия его высших ценностей. Таким образом, холархическая теория транскоммуникации может служить непосредственной системой координат анализа

ценностного мира человека, и в ММКМ, и в живом непосредственном транскоммуникативном опыте, минуя косвенные, обходные способы опосредования, присущие любому методу (одно из следствий постметодологической ориентации). Эти координаты следует, видимо, рассматривать как иерархию метаценностей, в пространстве которых может быть обнаружено их трансцендентальное «напряжение», «тяга», латентная устремленность человека в конкретном коммуникативном отношении к конкретному явлению, действию, событию, к себе, другому...

Если, следуя холистическому принципу, двигаться от высшего целого к более простым универсалиям, мы получим следующую иерархию уровней в ценностном мире человека:

А. Ноэтический уровень — ценность духовной стресс-транс-формации (преображение, «рождение в духе»):

- а) *метанойя* — преображенное, просветленное, благоговейное, вдохновенное принятие жизни и сопричастности универсуму как ценности;
- в) *паранойя* — освежающая ценность стихии, время экстрима, болезненных преодолений формальных ограниченностей жизни, прорывов в свободное творчество;
- с) *ортонойя* — ценность ясности, определенности и правильности сознания, чувств и разума;
- d) *протонойя* — ценность чистоты, открытости, первородности, неповторимости впечатлений, образов, чувств.

В. Уровень транскоммуникативных переживаний — пиковые душевные переживания как ценности:

- а) *жажда инсайта* — хотя бы на уровне оргазма или чувства юмора;
- в) *возможность экспрессии* — свободное экстенсивное самовыражение вплоть до экстаза;
- с) *жажда впечатлений* — возможность импринтинга и острых ощущений;
- d) *возможность катарсиса* — очищающий транс.

С. Уровень «простых» коммуникативных ценностей:

- а) ценность *дружбы — любви* (в отношениях);
- в) ценность *доверия* (в диалогах);
- с) ценность *понимания* (в беседах);
- d) ценность *встреч* (в контактах).

Стоит подчеркнуть, что принцип иерархичности ценностей предполагает их обратную кумулятивность. Верхний уровень ценностей воплощается через остальные, более простые, поэтому последние оказываются включенными в ценности более высокого порядка. Такое взаимопроникновение ценностей и образует их многомерную холатию, в противовес механистической расчлененности и элементарной дифференциации.

Постметодологическая перспектива исследований предполагает не только бесконечность неповторимых ценностных конфигураций каждого человека, но и аналогичную бесконечность возможностей концептуально-метафорических схематизаций представлений об уникальных ценностных мирах людей (групп, культур), одной из которых является рассмотренная здесь схема. Отсюда также следует и бесконечное разнообразие вариаций постметодологических стратегий исследования, даже если последние вытекают из единой теории, например, теории коммуникативных миров и ММКМ. Рассмотрим такую перспективу.

Исходным условием постметодологических исследований является вовлечение респондентов в ситуацию самоанализа своего жизненного мира. Исследователь актуализирует у них ценность аутокоммуникации и ценность коммуникативного мира.

Основанием активности респондента является не столько «инструкция», сколько индукция свободного смыслов творчества:

- 1) сказать что-то о *проблемах*, темах, интересах, которые обсуждаются с собой и в своем круге общения;
- 2) сказать что-то о *партнерах*, с которыми обсуждаются указанные проблемы;
- 3) далее производится невербальное субъективное оценивание *интенсивности* переживаний и общения в обозначенных выше контекстах.

Стандартизировать такой материал не составляет большого труда. Так, материал, уместающийся на одной странице и соотнесенный по всем названным аспектам, даст минимум сто невербальных показателей (Кабрин, 2005а). Однако гораздо важнее понять основной ценностный вектор анализа смыслового пространства-времени коммуникативного мира. Он задается на первом этапе самоанализа каким-то определением исходной проблемной ситуации. Предполагается, что таких определений может быть великое множество. Я и мои коллеги применяли данную исследовательскую схему к анализу внутреннего мира личности,

коммуникативного мира личности в семье, в компании, учебной группе или организации и т.п. Любое метаценностное основание может ориентировать наше внимание на различные ценностные субмиры. Например, мы получали специфическую информацию о субмирах студентов и их родителей, предлагая им следующее определение исходной ситуации: «Ради решения каких проблем и ради кого Вы готовы изыскивать и резервировать свои жизненные ресурсы?» Эта ситуация ориентирована на выявление метаценностей и метамотивации. Аналогично исследуются «коммуникативные миры образования» глазами студентов и преподавателей, реальные образовательные ценности и т.д.

В постметодологической перспективе мы намерены переадресовать определение основного ценностного вектора коммуникативного мира самому субъекту этого мира, как бы доверить ему «чистый лист» или дать полную свободу самотрансцендирования. Таким образом мы осуществляем постметодологическое расширение исследовательской ситуации. Для достижения полной релевантности *ситуации и процесса* исследования в качестве вариантов можно предложить такие принципы его организации, как «Группы встреч», «Группы экзистенциального опыта», «Практикум ноэтического опыта».

Главный критический вопрос постметодологии — не аналогична ли такая стратегия намерению горе-исследователя, умерщвляющего лягушку чтобы понять, что же ею движет, или вытаскивающего рыбу из воды, чтобы она увидела свой жизненный мир со стороны и тем самым пробудилась к самосознанию?

ЛИТЕРАТУРА

- Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.
- Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002.
- Ассаджоли Р. Психосинтез. Изложение принципов и руководство по технике. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
- Балинт М. Базисный дефект: Терапевтические аспекты регрессии / Пер. С англ. М.: «Когито-Центр», 2002.
- Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники / Под ред. И.Т. Фролова. М.: 1986.

- Бейтсон Г.* Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.
- Белинская Е.П.* Взаимосвязь ориентаций и образа социального мира // Мир психологии. 2004. № 3 (39). С. 97–102.
- Братусь Б.С.* Образ человека в гуманитарной, нравственной и христианской психологии // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 67–91.
- Будинайте Г.Л., Корнилова Т.В.* Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 99–105.
- Буякас Т.М., Зевина О.Г.* Опыт утверждения общечеловеческих ценностей — культурных символов — в индивидуальном сознании // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 44–56.
- Ван Каам А.* Трансцендентная терапия // Журнал практического психолога. 1998. № 6. С. 3–20.
- Василюк Ф.Е.* Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
- Веккер Л.М.* Психика и реальность: единая теория психических процессов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.
- Волочков А.А., Ермоленко Е.Г.* Ценностная направленность личности как выражение смыслообразующей активности // Психол. журн. 2004. Т. 25. № 2. С. 17–33.
- Вульф В., Ректор К.* Холодинамика вашей жизни. М., 1995.
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. М.: Прогресс, 1988.
- Гроф Ст.* За пределами мозга: рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М.: АСТ, 2002.
- Гусельцева М.С.* Постнеклассическая рациональность в культурной психологии // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 6. С. 5–15.
- Донцов А.И.* О ценностных отношениях личности // Советская педагогика. 1974. № 5. С. 67–76.
- Журавлева Н.А.* Динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях социально-экономических изменений // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 1. С. 35–53.
- Знаков В.В.* Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. М.: Изд-во «ИП РАН», 2005.
- Ильин И.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.
- Кабрин В.И.* Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни человека. М.: Смысл, 2005а.
- Кабрин В.И.* Личность как встреча // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность — коммуникация — толерантность. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2002.
- Кабрин В.И.* Ноэтическое измерение в психологии: новое и вечное // Сибирский психологический журнал. 2000. Вып. 12. С. 23–28.

- Кабрин В.И.* Психологический универсум человека ноэтического // Психологический универсум образования человека ноэтического. Томск: Водолей, 1999.
- Кабрин В.И.* Транскоммуникативная холодинамика психологического универсума личности (стресс-транс-формация) // Вестник Томского университета. 1999. № 268. С. 115–120.
- Кабрин В.И.* Транскоммуникативный подход как постметодология современной психологии // Вестник Томского государственного университета. Серия «Психология». № 286. 2005б. С. 15–20.
- Кабрин В.И.* Транскоммуникация и личностное развитие. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1992.
- Кабрин В.И.* Современная система психологических парадигм как основание комплексных методов развития человеческих отношений в духе толерантности // Модернизм в психологии. Новосибирск: НГУ, 2005в. С. 87–99.
- Капра Ф.* Уроки мудрости. Киев: София, 1994.
- Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2005.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Луиджи З.* Сознание души / Пер. с итал. М.: ПЕРСЭ, 2004.
- Мазюков В.А.* Методологические проблемы в психологии в начале 21-го века // Психол. журн. 2006. Т. 27. № 1. С. 23–34.
- Маслоу А.* Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Смысл, 1997.
- Низовских Н.А.* Психосемантическое исследование ценностно-мотивационных ориентаций личности // Психол. журн. 2005. Т. 26. № 3. С. 25–37.
- Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.
- Оллпорт Г.* О психологии личности. М.: Смысл, 1999.
- Пиаже Ж.* Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1966. Вып. 1, 2. С. 157–194.
- Пископтель А.А.* От традиционных ценностей к уникальным смыслам // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 103–119.
- Поланьи М.* Личностное знание. М., 1985.
- Психологическая энциклопедия* / Под ред. Р. Корсина, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2003.
- Пути за пределы эго. Трансперсональная перспектива.* М.: Изд-во трансперсональной психологии, 1996.
- Роджерс К.* Клиентоцентрированная терапия. М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 1997.
- Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.
- Тихомандрицкая О.А.* Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы // Мир психологии. 1999. № 3. С. 80–90.

- Тихоплав В.Ю., Тихоплав Т.С.* Гармония Хаоса, или Фрактальная реальность. СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2003.
- Уайт Дж.* Просветление и иудейско-христианская традиция // Что такое просветление? Исследование цели духовного пути. М.: Изд-во трансперсональной психологии, 1996. С. 181–193.
- Уилбер К.* Интегральная психология. М.: Изд-во трансперсональной психологии, Изд-во К. Кравчука, 2004.
- Феррер Х.* Новый взгляд на трансперсональную теорию. Человеческая духовность с точки зрения соучастия. М.: Изд-во трансперсональной психологии, Изд-во К. Кравчука, 2004.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003.
- Хендерсон Дж.* Психологический анализ культурных установок / Пер. С англ. М.: «Добросвет», 1997.
- Хсю Ф.Л.К.* Базовые американские ценности и национальный характер / Пер. Н.М. Лебедевой // Личность, культура, этнос: современная психологическая антропология / Под общей ред. А.А. Белика. М.: Смысл, 2001.
- Шарден П.Д.* Феномен человека. М., 1987.
- Эммонс Р.* Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности. М.: Смысл, 2004.
- Эйкен Р.* Смысл и ценность жизни. Харьков, 1911.
- Юнг К.Г.* Синхронистичность. М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 1997.
- Юревич А.В.* Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 89–105.
- Ялом И.* Лечение от любви. Психотерапевтические новеллы. М.: Эксмо, 1994.
- Ялом И.* Мамочка и смысл жизни. Психотерапевтические истории / Пер. С англ. Е. Филиной. М.: Эксмо-Пресс, 2002.
- Ялом И., Элкин Дж.* Хроники исцеления: Психотерапевтические истории / Пер с англ. С. Артемова. М.: Эксмо, 2005.
- Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
- Gluckhohn C.* Values and Value Operations in the theory of action // Toward a General Theory of action / Ed. by T. Parsons, E. Shils. Cambridge: Harvard UP, 1951. P. 388–433.
- Rokeach M.* The nature of human values. N.Y.: The Free Press, 1973.
- Shwartz S.H., Bilsky W.* Toward a theory of the universal content and structure of values: Exstensions and cross-cultural replications // J. of Personality and Social Psychology. 1990. V. 58. P. 878–891.

Часть III

ПЕРСПЕКТИВЫ
ИНТЕГРАЦИИ
ПСИХОЛОГИИ

ИНТЕГРАЦИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

В.А. МАЗИЛОВ

ИНТЕГРАЦИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

В самом начале статьи «Методы интеграции психологического знания», на которую нам неоднократно придется ссылаться в настоящем тексте, А.В. Юревич (Юревич, 2005) пишет о «призраке» интегративной психологии, «бродящем» по психологической науке. Действительно, появился и соответствующий манифест, а, как хорошо известно, в добром манифесте всегда найдется место «призраку» — и не только в эпиграфе. Хочется надеяться, что «призрак интеграции», по меньшей мере, такой же добрый, как и его мультяшный собрат Каспер, и намерения у него благие (и ничего разрушать он, кстати, не собирается не только «до основания», но и в принципе). Впрочем, нам кажется, что этот «призрак» — не что иное, как материализация всегдашней психологической мечты о целостности или, если угодно, «тоски по целостности». Об этом писал в своей «Автобиографии» Джером Брунер: «Я надеялся, что психология сохранит целостность и не превратится в набор несообщающихся поддисциплин. Но она превратилась. Я надеялся, что она найдет способ навести мосты между науками и искусствами. Но она не нашла» (цит. по: Зинченко, 2003, с. 117–118). Каждое новое поколение психологов приходит в науку с детской мечтой перестроить эту прекрасную науку с тем, чтобы ее представители достигли хотя бы взаимопонимания. Но они не находят, и не остужают энтузиазма адептов целостности предостережения методологических плюралистов, полагающих, что не

надо никакой интеграции... Впрочем, достаточно шуток, обратимся к собственно интеграции⁵².

Понятие «интеграция», как сообщает словарь иностранных слов, происходит от латинского *integratio* (восстановление, восполнение) и означает «объединение в целое каких-либо частей, элементов». Представляется, что для психологии это глубоко символично, так как в конечном счете интеграция имеет своей целью восстановление изначальной целостности психического⁵³. В целостности психики никто и никогда серьезно не сомневался, просто эта целостность и ее устройство представлялись разным психологам существенно по-разному.

Как хорошо известно, научная психология была конституирована во второй половине XIX в. В. Вундтом. Он обосновал физиологическую психологию как эмпирическую дисциплину, использующую метод эксперимента, что отвечало формальным требованиям «двойной программы» Канта (см. об этом: Мазилев, 1998). Элементаризм научной психологии определялся именно кантовской критикой — Вундт создавал свою систему физиологической психологии, пытаясь устранить ее недостатки, зафиксированные в основных положениях этой критики. Кантовские положения, напомним, частично пытались учесть и предшественники Вундта (например, И. Гербарт, использовавший математику, но полагавший, что психология «не смеет экспериментировать»). Однако полностью кантовскую «двойную программу» осуществил именно создатель научной психологии В. Вундт. Нам важно отметить, что научная психология мыслилась Вундтом как позитивистская наука: ему представлялось, что как только будут выполнены требования (исследовать факты), законы психологии «откроются», и она превратится в столь же достойную науку, как химия (которая, напомним, служила этому ученому идеалом научности: именно по ее образцу он строил психологию). Вундтовская концепция стала образцом психологии атомистической и элементаристской, за что критиковалась представителями многих направлений в последующей психологии.

⁵² Подчеркнем, что в данной статье речь будет идти о когнитивной интеграции, т.е. интеграции психологического знания. Другие важные аспекты проблемы интеграции в психологии: личностная, социальная, организационная интеграция и т.д. остаются за рамками настоящей публикации.

⁵³ Поэтому важно обозначить два аспекта проблемы целостности: проблема «целостности психического» (выбор таких способов исследования, которые не нарушают целостности) и проблема «взаимодействия подходов» (построение комплексного исследования, которое позволило бы в теории «воссоздать» эту целостность). Эти аспекты, несомненно, взаимосвязаны. О первом аспекте мы писали в другой работе (Мазилев, 2005), второму посвящена настоящая статья.

Это настолько хорошо известно, что стало «общим местом». Куда менее известно другое: Вундт вовсе не был (как это часто представляют) противником целостности. Приведем в подтверждение небольшую цитату из работы самого Вундта: «Какой бы процесс среди тех, которые мы называем “психическими соединениями” в широком смысле слова, или — так как все душевные процессы сложны, т.е. являются соединениями — какое бы психическое явление вообще мы не взяли, всюду и всегда мы натолкнемся на следующую яркую, характерную черту: продукт, возникший из определенного числа элементов, представляет собою нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам: нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно несравнимое по своим наиболее существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза» (Вундт, б/г, с. 118). И далее: «С этим принципом в его простейшем виде мы встречаемся при образовании чувственных представлений. Звук есть нечто большее, чем сумма его частичных тонов. При слиянии их в единство, обертоны, вследствие своей малой интенсивности, обычно исчезают как самостоятельные элементы, зато основной тон получает, благодаря им, звуковую окраску, делающую его гораздо более богатым звуковым образованием, чем простой тон. Благодаря бесконечному многообразию продуктов, которые могут получиться из таких соединений, на основе простых тонов, отличающихся лишь высотой и глубиной, поднимается бесконечно разнообразный мир звуковых окрасок» (там же, с. 118). Аналогичные явления имеют место в процессе восприятия: «В процессах ассимиляции, соединяющихся с каждым процессом восприятия, воспроизведенные элементы входят в состав вновь образовавшегося продукта: из прямых впечатлений и многообразных отрывков прежних представлений создается синтетическое воззрение» (Вундт, б/г, с. 118–119). Согласимся, что автора этих высказываний трудно считать противником целостности. Заметим, что когда мы говорим о целостном подходе, на первый план чаще всего выходят вопросы методологические. Современник Вундта Ф. Brentano, развивавший целостный подход и отстаивавший целостность психического акта, критиковал создателя научной психологии не за невнимание к целому, а за путь к его постижению. По мысли Brentano, есть целостные образования, которые принципиально несводимы друг к другу. Идти в их исследовании нужно *от целого*.

Этапом в развитии целостного подхода явилась работа В. Дильтея, известная у нас под названием «Описательная психология» (Дильтей, 1996). Значительная часть этой книги посвящена критике конструктивного подхода в психологии, образцом которого является вундтовская психология. Решение Дильтея также широко известно — психология должна развиваться как описательная, расчленяющая наука. За основу берется целое, оно расчленяется по особым правилам, не нарушающим важнейших связей.

Если говорить о развитии идеи целостности в психологии, нельзя не упомянуть исследования школы «качества формы» и, конечно же, гештальтпсихологии, для которой проблема целостности стала центральной. Впрочем, объем настоящей публикации не позволяет подробно остановиться на анализе работ этого любопытнейшего направления в психологической науке. Тем не менее отметим, что вклад в разработку проблемы целостности, внесенный гештальтпсихологией, переоценить невозможно.

Заметим, что важнейший методологический вопрос состоит в том, как трактовать причины целостности психического. Вундт полагал, что объяснением является сформулированный им «закон творческого синтеза»: существует особая сила — апперцепция, которая может объединять элементы опыта в произвольном порядке. Австрийская школа полагала, что «качества формы» создаются за счет факторов «более высокого порядка». Заслуга гештальтпсихологов состояла в первую очередь в том, что они не удовлетворились фиксацией целостных феноменов, не ограничились каким-либо «псевдообъяснением» (указанием на какие-либо субъективные факторы), но попытались выяснить их природу. Они стремились обнаружить универсальные законы гештальта, для чего Келер, например, проводил свои известные исследования по коллоидной химии. Нацеленность на обнаружение общих законов (и нежелание удовлетвориться «квазиобъяснениями») и делала эту школу, по нашему убеждению, образцом научности в глазах современников.

Начальные этапы развития научной психологии, как хорошо известно, были связаны с разработкой «простых» подходов: как уже отмечалось, Вундт полагал, что эмпирическое исследование само по себе обеспечит результативность психологического исследования (впоследствии он пересмотрел свои взгляды и в 1913 г. утверждал, что психология не может существовать без философии, отделение от которой он сам четырьмя десятилетиями ранее и обосновал). Достаточно быстро возникли структурные, функциональные, процессуальные

подходы к изучению психического. Они были дополнены уровневым и генетическим подходами.

Другая линия размежевания психологии состояла в том, что возникли различные ее *предметы*: одни школы продолжали изучать сознание, другие стали исследовать поведение, третьи сделали своим предметом глубинные пласты психического, обычно не осознаваемые самим человеком. Как справедливо отмечал М.Г. Ярошевский, различные направления в психологии сосредоточились на разработке отдельных категорий: образа, действия, мотива (Ярошевский, 1974).

Появление множества различных подходов привело к возникновению так называемого «открытого» кризиса в психологии, фундаментальный смысл которого состоял в том, что психологи отчетливо осознали: «простых» подходов для адекватного понимания психического недостаточно.

Напомним, что особенно интенсивно интегративные процессы происходили в начале XX в., когда стало ясно, что «простые», «одномерные» подходы не оправдали возлагавшихся на них ожиданий. Впоследствии эти процессы интеграции то усиливались, то ослабевали. Мощная волна интеграционного движения произошла в связи с возникновением системного подхода, получившего широкое распространение в психологии⁵⁴. Но в целом реализация системного подхода не дала ожидаемых результатов (во многом это было связано с «модой» на него, что привело к тому, что во многих исследованиях он или использовался некорректно, или вообще лишь провозглашался, т.е. оставался декларацией). Отметим, кстати, что история системного движения в психологии в полном объеме еще не написана, что представляется серьезным упущением историков новейшей психологии.

Новая волна интеграционного движения началась совсем недавно. Остановимся на ней несколько подробнее. В 2003 г. в Ярославле начал издаваться журнал «Вестник интегративной психологии» (главный редактор — проф. В.В. Козлов). Ежегодно в Ярославле проводятся конференции, посвященные обсуждению проблем интегративной психологии. Идеи интеграции широко обсуждались на последнем съезде РПО и на Международном психологическом конгрессе в Пекине. Как справедливо указывает А.В. Юревич, интегративные настроения «явно отражают не личные ощущения и намерения тех или иных психологов,

⁵⁴ В связи с ограниченностью объема публикации мы не станем здесь останавливаться на истории проблемы. Заметим только, что это, на наш взгляд, представляет собой исключительно интересную тему историко-психологического исследования.

а внутреннюю потребность современной психологической науки и неудовлетворительность ее многолетнего развития по “конфронтационному” пути» (Юревич, 2005, с. 377).

А.В. Юревич отмечает, что в системе интегративных установок современной психологии можно различить несколько различающихся между собой позиций. По мнению С.Д. Смирнова (Смирнов, 2004, с. 280–281), могут быть выделены четыре позиции:

1. Методологический нигилизм.
2. «Методологический ригоризм» или «методологический монизм».
3. «Методологический либерализм».
4. «Методологический плюрализм».

А.В. Юревич, сформулировавший позицию методологического либерализма, интерпретирует различия между методологическим либерализмом и методологическим плюрализмом следующим образом: «Четвертую позицию С.Д. Смирнов называет “методологическим плюрализмом”, отмечая, что сам он разделяет именно ее. Она состоит в том, что психологическим теориям следует признать друг друга (подобно “методологическому либерализму”), но (в отличие от него) не следует стремиться к “наведению мостов” между ними, оставив психологию в ее нынешнем раздробленном состоянии и признав ее “полипарадигмальность” в качестве неизбежной» (Юревич, 2005, с. 380).

Позиция методологического либерализма представляется более конструктивной, так как, по нашему мнению, интеграция психологического знания представляет собой одну из важнейших стратегических задач, стоящих перед психологической наукой в начале XXI столетия.

Действительно, решение вопросов интеграции тесно связано с методологией психологии. В самое последнее время опубликовано весьма значительное число работ, посвященных этой теме, высказано много продуктивных идей.

Не имея возможности предпринять здесь сколь-нибудь полный обзор методологических исследований, проведенных в отечественной психологии в последние годы, остановимся на принципиальном для современной методологии психологической науки вопросе: какой должна быть методология современной российской психологии? Необходимо реставрировать (или восстановить в правах) традиционную советскую методологию психологии (естественно, освободив ее от

очевидно устаревших или идеологизированных положений) или же следует разработать принципиально новую методологию психологической науки?

Прежде, чем обсуждать, какой должна быть новая (или обновленная) методология, полезно вспомнить, какой была старая (советская) методология. Конечно, было бы неоправданным упрощением полагать, что методология отечественной психологической науки была единой. В советской психологии работали замечательные ученые, которые, несмотря на идеологический прессинг, разрабатывали важнейшие методологические положения. Методологические работы классиков советской психологической науки (С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, М.С. Роговина и др.) никоим образом не утратили своего значения (подробнее см. об этом: Мазиллов, 1998, 2003). В данном случае для нас важно отметить то общее, что было характерно для методологии психологической науки в советскую эпоху.

В советский период было распространено уровневое представление о методологии. Чаще всего выделялись философский, общенаучный, конкретно-научный и методический уровни. В качестве философского уровня выступала марксистско-ленинская философия (диалектический и исторический материализм). Этот уровень был идеологизированным, что накладывало определенные «рамки» на возможности психологического исследования. Разрабатывался этот уровень философами, психология использовала преимущественно результаты таких разработок. Философия диалектического и исторического материализма выступала также основой для общенаучного уровня (законы и категории диалектики). Этот уровень был «обязательным» по идеологическим соображениям, без него обойтись было просто невозможно. Общенаучный уровень вытекал из «философского». Здесь также содержались определенные «ограничения» для развития психологической науки. Дело в том, что общенаучный уровень методологии разрабатывался по стандартам естественных дисциплин. На наш взгляд, существенным препятствием для разработки психологией собственной методологии являлась ее ориентация на те методологические установки, которые сложились в философии науки на основе реализации естественнонаучного подхода, претендующего на статус общенаучного. Такой подход не учитывал специфики психологии и уникальности ее предмета. Вместе с тем нельзя не согласиться с позицией Л. Гараи и М. Кечке, в соответствии с которой попытки построить всю психологию на «герменевтической» логике истори-

ческих наук бесперспективны, поскольку на язык герменевтической психологии невозможно перевести наработки естественнонаучной психологии (Гарай, Кечке, 1997). Попытки решить вопрос «силовым» путем за счет «логического империализма» естественнонаучной или герменевтической парадигмы ни к чему, как убедительно показала история психологии XX в., не привели. Сегодня совершенно ясно, что подобная конфронтация лишь углубляет кризис в психологии. В таких условиях становится чрезвычайно актуальной разработка такой общепсихологической методологии, которая предполагала бы возможность взаимного соотнесения психологических концепций, исходящих из различного понимания предмета психологии.

Наибольший интерес психологов, естественно, вызывала собственно психологическая методология, соответствующая конкретно-научному уровню. Ее обычно представляли через совокупность методологических принципов (детерминизма, единства сознания и деятельности, развития, системности и т.д.). Конкретным воплощением психологической методологии обычно выступал деятельностный подход: методологический анализ категории деятельности представлял собой парадигму, в которой должна была работать отечественная психология. Еще раз подчеркнем, что подобное представление является схематичным, но оно в целом отражает характер методологических разработок отечественной психологии в советский период.

Вернемся к сегодняшним представлениям о том, какова должна быть методология современной психологии. По этому поводу в последние годы было высказано несколько различных позиций. Рассмотрим их более подробно.

Первую позицию можно условно определить как *радикальную*. Она состоит в том, что старая методология не годится совершенно, поэтому необходимо разрабатывать новую, соответствующую современным задачам психологии. Примером реализации первой позиции являются работы И.П. Волкова. По мнению этого автора, под методологией следует понимать «непротиворечивую, логически цельную систему философских и теоретических принципов, отражающих понимание сущности психики как основного предмета исследований в психологии и управляющих на основе этой гносеологической конструкции мыслями и действиями психологов в их научных исследованиях и в научно-практической, в том числе педагогической, профессиональной деятельности» (Волков, 2003, с. 81). Такой методологии в настоящее время пока еще нет, она находится в состоянии становления. И.П. Волков отмечает, что «состояние научной психологии действительно достойно ее несостоя-

тельной методологии, порожденной не просто наукой или обществом, а сознанием психологов. Отказаться от старой марксистской методологии было легко, но вот создать новую методологию ох как трудно: разрушать всегда легче, чем строить» (Волков, 2003, с. 81).

Вторую позицию можно определить как *консервативную*. Она состоит в том, что традиционная методология вполне успешно выполняла свои функции. О наличии такой позиции можно судить по тем положениям, которые составляют содержание методологии психологии в представлении того или иного автора. В качестве примера приведем работу В.И. Тютюнника. «Методология — область научной деятельности, в ходе которой изучаются и применяются общие и частные методы научных исследований, а также принципы подхода к определению предмета, объекта и методов исследования действительности и к решению целого класса исследовательских задач» (Тютюнник, 2002, с. 8). В методологии выделяются четыре уровня — уровень философской методологии; уровень общенаучных диалектических принципов; уровень частнонаучных методов; уровень конкретной методики и процедуры исследования (там же, с. 9). Уровень философской методологии представлен основными законами и категориями диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого познания. Основные законы диалектики: закон единства и борьбы противоположностей; закон отрицания отрицания и закон прехода количественных изменений в качественные. Основные категории диалектики: сущность и явление; содержание и форма; причина и следствие; возможность и действительность; единичное, всеобщее и особенное; свобода и необходимость; необходимость и случайность; качество и количество; мера. Уровню общенаучных принципов соответствуют: принцип восхождения от абстрактного к конкретному и наоборот; принцип единства исторического и логического; принцип единства логики, диалектики и гносеологии; принцип относительности; принцип дополнительности; принцип системности. Таким образом, можно видеть, что уровень философской методологии рассматривается в работе В.И. Тютюнника в традиционном ключе. Для этого, заметим, вполне достаточно оснований, так как в советской психологии, которая, как хорошо известно, базировалась на такой философской методологии, было много замечательных достижений.

Третья позиция может быть охарактеризована как *умеренная*. Она состоит в признании того, что старая методология во многом непригодна в новых условиях, но при формировании основ новой методологии

необходимо учитывать и использовать накопленные ранее наработки. Здесь (впрочем, как и всегда в подобных случаях) наблюдается достаточно широкий диапазон расхождений во взглядах: одни авторы тяготеют к радикализму, другие к консерватизму.

Как нам представляется, весьма полезно прислушаться к мнению одного из классиков отечественной психологии В.П. Зинченко. Осуществляя анализ методологии отечественной психологии, он отмечает, что «методология была связана не столько с теорией и философией, сколько с идеологией, находившейся *над* всем. Последняя была крайне агрессивна, претенциозна и самозванна» (Зинченко, 2003, с. 98). Автор замечает, что в отечественной психологии были сформулированы методологические принципы, которые сохраняются в виде недостаточно отрефлексированных схематизмов профессионального сознания. «Беда в том, — пишет В.П. Зинченко, — что они излагаются именно в форме постулатов, а не проблем, что сковывает свободу мысли и исследования» (там же, с. 98–99). Он предпринимает детальный анализ методологических принципов (постулатов), которые составляли ядро методологии отечественной психологической науки: принципа системности, принципа детерминизма, принципа отражения, постулата о рефлекторной природе психики, принципа деятельности, принципа единства сознания и деятельности, постулата социальности (личность есть совокупность всех общественных отношений). В результате В.П. Зинченко приходит к выводу, что налицо «недостаточность, а то и неполноценность, неадекватность так называемых методологических принципов советской психологии. Иначе и не могло быть, поскольку навязываемая “самозванцами мысли” идеология выполняла служебные функции контроля за развитием науки и средства направлять это развитие в нужном направлении (хотя что такое нужное направление никому, кроме самих ученых, не может быть ведомо). Но как известно, на всякого мудреца довольно простоты. Ученые, лукаво прикрываясь идеологическими стандартами и штампами, обеспечивали себе хотя бы относительно безопасные условия для развития науки. И нужно сказать, что такую защитную функцию методология выполняла, если не становилась самоцелью» (там же, с. 114). В.П. Зинченко заключает: «Жизнь сложна, и мы меньше всего склонны призывать к ее упрощению. Его предела, кажется, уже достигла методология, которая, к несчастью, претендовала и на роль теории... Абсолютизация любого методологического подхода препятствует теоретической работе. Например, системный подход выдавался за последнее слово именно в теории психологии, и тем самым он мог породить только бессистемную эмпи-

рию. Но теоретическая работа шла как бы под сурдинку методологии и для ее выявления нужно проведение специальной работы» (там же, с. 115). Нельзя не согласиться с суждением классика отечественной психологии: «Едва ли целесообразно призывать к полному разоблачению методологических мифов. Прямая борьба с догматами бессмысленна. Более уместна их конструктивная критика, ограничение их влияния, выдвижение разумных оппозиций. В итоге они сами постепенно сойдут со сцены или трансформируются из непреложных постулатов и принципов в возможные подходы. Другими словами, некоторые из методологических принципов займут скромное место научных и методических подходов» (Зинченко, 2003, с. 100).

Сформулируем нашу точку зрения на проблему методологии. Мы полагаем, что дискуссии по поводу методологии психологической науки во многом связаны с эмоциональными оценками («методологическими эмоциями», по А.В. Юревичу). Конечно, когда идеология пытается подменить собой науку, это плохо и совершенно недопустимо. Вместе с тем вряд ли стоит отрицать, что к психологии применимы общие стандарты научного мышления и логики научного познания. Поэтому философский и общенаучный уровни методологии, задающие основные правила рассуждения, обоснования, доказательства, несомненно должны присутствовать в сознании научного психолога. Но наиболее важными для психологии все же являются собственно психологические методологические представления, собственная методология психологии. Подчеркнем, что крайне опасно полагать, что для психологии безоговорочно подходят разработки, полученные на материале естественных наук. Очень часто делаются обобщения, представляющиеся совершенно неоправданными (ибо за ними не стоит конкретных специальных исследований), согласно которым естественнонаучные стандарты распространяются на область *всей психологии*. Уровень собственно психологической методологии (как нам представляется, важнейший среди всего методологического психологического знания) подменялся в советской психологии набором принципов и постулатов, о которых писал в цитированной выше работе В.П. Зинченко. Можно согласиться с этим автором в том, что абсолютизация принципов неперспективна. Вместо «приговаривания» принципов методологии стоит обратить более пристальное внимание на разработку проблем предмета, метода, объяснения в психологии, обеспечение интеграции психологического знания и др.

Очень важно подчеркнуть, что необходимо различать собственно *методологию* и *теорию* психологии — несомненно, методология не

должна подменять собой теории. Те или иные психологические теории, безусловно, могут иметь методологическое значение и выступать в качестве методологии при осуществлении конкретного психологического исследования, однако должна существовать *собственная методология психологической науки* в узком смысле, обеспечивающая выполнение определенных функций.

Методология психологической науки, по нашему глубокому убеждению, пока еще не является устоявшейся, сформировавшейся теорией. Напротив, она представляет собой (и, по-видимому, должна в обозримом будущем представлять) совокупность идей, понятий, принципов, схем, моделей, концепций и т.д., причем в каждый момент времени на первый план выходят те или иные ее аспекты, и если перед психологией встают новые задачи, то методология должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели. Иными словами, методология психологии имеет конкретно-исторический характер.

Приступая к циклу методологических исследований и намечая контуры новой методологии психологической науки, мы отмечали (Mazilov, 1997), что, вероятно, она должна складываться из следующих составляющих, соответствующих трем основным группам задач, стоящих перед этой областью знания:

1. Когнитивной (познавательной) методологии, описывающей принципы и стратегии исследования психического.
2. Коммуникативной методологии, обеспечивающей соотнесение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.
3. Методологии психологической практики (практико-ориентированной психологии).

Одной из составляющих современной методологии психологической науки, таким образом, является, по нашему мнению, коммуникативная методология (о ней мы будем говорить подробнее ниже). Впрочем, вернемся к проблеме интеграции.

Характеризуя перспективы интеграции в современной психологии, А.В. Юревич отмечает, что «современные психологи осознают потребность в интеграции психологической науки в качестве одной из ее главных задач, однако ищут более “мягкие”, “либеральные” варианты интеграции, нежели их монистически настроенные предшественники, игнорировавшие или “поедавшие” концептуальные построения

друг друга. В этих условиях первостепенной задачей становится не только сама по себе интеграция, но и выработка ее модели, которая, во-первых, была бы действительно “либеральной”, позволяющей избежать издержек “насильственной” или искусственно форсированной интеграции, характерной для прежних времен, во-вторых, — была бы все-таки моделью именно интеграции, а не легализации анархии и раздробленности, весьма характерной для постмодернистских программ, в-третьих, — не выглядела бы как набор объединительных призывов, построенных по принципу “психологи всех стран и направлений, объединяйтесь!» (Юревич, 2005, с. 381). А.В. Юревич отмечает, что для того, чтобы выработать или хотя бы представить себе модель интеграции, необходимо задаться естественным вопросом о том, что вообще могла бы представлять собой интеграция современной психологии. Отвечать на него логически целесообразно от противного, т.е. отталкиваясь от основных видов разобщенности, или «разрывов» психологического знания, препятствующих его интеграции. «В структуре психологического знания (точнее, в довольно аморфном массиве, который лишь условно или как дань традиции может быть назван “структурой”) можно усмотреть три фундаментальных “разрыва”. Во-первых, разрыв “горизонтальный” — между основными психологическими теориями и соответствующими психологическими “империями” — бихевиоризмом, когнитивизмом, психоанализом и др., каждая из которых предлагает свой образ психологической реальности, свои правила ее изучения и т.п. Во-вторых, разрыв “вертикальный”: между различными уровнями объяснения психического — внутриспихическим (феноменологическим), физиологическим (физическим), социальным и др., порождающий соответствующие “параллелизмы” — психофизический, психофизиологический и психосоциальный. В-третьих, “диагональный” — “разрыв” или, говоря словами Ф.Е. Василюка, “схизис” между исследовательской (академической) и практической психологией» (там же, с. 381–382). Согласно А.В. Юревичу, именно три обозначенных «разрыва» являются основными и порождают общую дезинтегрированность психологии, соответственно, их преодоление или хотя бы сокращение могут стать основными направлениями ее интеграции.

Интеграция в современных условиях представляется вполне реальной: «существующие в психологии теории не так уж непримиримы и “несоизмеримы” (в терминах Т. Куна) друг с другом, нынешнее психологическое сообщество не поделено на фанатичных адептов этих теорий, большая часть исследований строится на кросс-теоретической

основе и воздает должное различным аспектам психического. Все это — проявления *естественной* “горизонтальной” интеграции психологического знания, которая, в отличие от его искусственной интеграции путем декларирования объединительных программ и попыток создания соответствующих теорий, выглядит не броско, происходит незаметно, но обусловлена внутренней логикой развития психологического знания и дает зримые плоды» (там же, с. 387).

По нашему мнению, важно различать стихийную (естественную, по А.В. Юревичу) интеграцию, которая происходит «самопроизвольно» в ходе развития психологического знания, и целенаправленную интеграцию, являющуюся результатом специальной деятельности психологического сообщества. Рассмотрению этих разновидностей психологической интеграции будут посвящены соответственно второй и третий разделы настоящей статьи.

СТИХИЙНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Представляется полезным рассмотреть на конкретном историческом материале реальные стратегии и способы, использовавшиеся психологами для усовершенствования своих концепций, которые неизбежно «сближают» различные подходы. Это один из возможных путей практической «стихийной» интеграции в психологии. Об этом хорошо написал А.В. Юревич: «Все реже можно встретить психолога, который считал бы себя (и реально был бы) “чистым” бихевиористом, когнитивистом или сторонником психоанализа, равно как и, скажем, теории деятельности, да и какой-либо другой психологической теории. Большинство из них не является адептом какой-либо “одной отдельно взятой” теории, а реализует комплексный взгляд на психологическую реальность, впитавший в себя элементы разных концепций. И данная, отчетливо проявляющаяся в психологии тенденция, характерна для всей современной науки, переживающей как социальную, так и когнитивную глобализацию» (Юревич, 2005, с. 386). «Одним из проявлений социальной глобализации науки служит “размыкание” научных школ (которые Т. Кун называл “боевыми единицами допарадигмальной науки”, акцентируя, что они выполняют не столько научные, сколько политические функции), их слияние, постепенное вытеснение “незримыми колледжами” и прочими, более современными, нежели научные школы, видами объединения ученых... Соответствующую

тенденцию каждый из нас легко может уловить в себе, задавшись вопросом: “Кто я — бихевиорист, когнитивист, адепт психоанализа, теории деятельности или какой-либо другой психологической концепции?” Наверняка, большинство из нас выберет характерный для подобной постановки вопроса ответ “другое”, осознав себя как не принадлежащего ни к одной из психологических школ, а реализующего более общую “над-школьную” перспективу. (Исключениями служат “закоренелые адепты”, к которым преимущественно принадлежат ученые старшего поколения, а также ситуации, в которых выгоднее определяться в качестве адепта одной из школ.) Большинство из нас, будь он психолог-исследователь или психолог-практик, наверняка использует в своей работе знания, добытые и бихевиористами, и когнитивистами, и психоаналитиками, идеи и Выготского, и Рубинштейна, и Леонтьева, и других выдающихся отечественных психологов, опирается на разные концепции и применяет разнообразные методики. Да и в тех случаях, когда психолог тяготеет к определенной теории или объявляет себя ее адептом, он неизбежно реализует исследовательскую перспективу, выходящую далеко за пределы этой теории. А “чистого” бихевиориста, когнитивиста, представителя теории деятельности или психоанализа, который вообще не использовал бы знания, наработанные в рамках других концепций, можно представить себе разве что в абстракции, да и то для этого надо иметь очень богатое и оторванное от реальности воображение» (там же, с. 386–387). Представляется интересным рассмотреть (причем на конкретном примере, а не на уровне общих деклараций) те возможности, которые открываются при развитии научной школы в плане совершенствования ее первоначальной концепции и приводят к ее сближению с другими научными направлениями. Рассмотрим такую эволюцию на примере гештальтпсихологии⁵⁵ — одного из наиболее «целостных» и «бескомпромиссных» направлений в истории мировой психологии.

Гештальтпсихология как самостоятельное научное направление оформилась в Германии в 1912 г. По праву считаясь одним из основных направлений в мировой психологии первой половины XX в., гештальтпсихология внесла крупный вклад в решение проблем восприятия,

⁵⁵ За рамками настоящей статьи остается очень интересный вопрос о взглядах на целостность К. Левина, одного из замечательных представителей гештальтпсихологии. Работы Левина двадцатых годов выполнены в методологическом русле гештальтпсихологии. В известной работе о переходе от аристотелевского мышления к галилеевскому (Lewin, 1931) намечена методологическая программа построения новой психологии. Этому вопросу будет посвящена специальная статья.

мышления, личности. По точной оценке Поля Фресса, «гештальтисты были блестящими экспериментаторами, их плодотворное влияние сказалось не только на исследованиях восприятия, но и памяти, обучения и мышления. Следы этого влияния мы находим повсюду, хотя гештальтпсихология почти уже не существует как школа» (Фресс, 1966, с. 81). М.Г. Ярошевский справедливо отмечал, что гештальтпсихология – «направление в западной психологии, возникшее в Германии в первой трети XX в. И выдвинувшее программу изучения психики с точки зрения целостных структур (гештальтов), первичных по отношению к своим компонентам. Гештальтпсихология выступила против выдвинутого структурной психологией (В. Вундт, Э.Б. Титченер и др.) принципа расчленения сознания на элементы и построения из них по законам ассоциации или творческого синтеза сложных психических феноменов» (Ярошевский, 2005, с. 44). Остановимся более подробно на некоторых моментах, характеризующих это направление в психологической науке. Для того, чтобы анализ основывался на конкретном материале, необходимо выбрать конкретную предметную область. Рассмотрим, как развивались в гештальтпсихологии представления о мышлении.

Фактически мышление явилось в этой научной школе стержневой проблемой исследований (как теоретических, так и экспериментальных) практически на всем протяжении ее самостоятельного существования. Выбор именно этой проблемы не случаен: мышление не получило сколь-нибудь удовлетворительного объяснения в традиционной психологии, поэтому гештальтпсихологи со всей присущей им решительностью приступили к исследованию продуктивного творческого мышления. Объяснение этого сложнейшего проявления человеческого сознания должно было подтвердить справедливость претензий гештальтистов на создание подлинно научной психологии.

Неверно было бы считать, что гештальтпсихология являлась единой теорией, основные положения которой разделялись всеми представителями данного направления. Вскоре после оформления гештальтпсихологии как самостоятельного научного направления между ее адептами стали возникать разногласия, которые в дальнейшем значительно углубились, а отдельные представители этой школы (М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Келер, Н. Майер, Л. Секей и др.) зачастую оспаривали справедливость положений, выдвинутых коллегами. Существенно также, что представления гештальтпсихологов о мышлении исторически претерпели серьезные изменения. Работы гештальтпсихологов неоднократно публиковались на русском

языке, теоретические и экспериментальные исследования мышления в гештальтпсихологии многократно анализировались в отечественной литературе, что избавляет нас от необходимости изложения здесь концепций гештальтистов. Представляется интересным зафиксировать комплекс исходных представлений о мышлении в гештальтпсихологии и попытаться проследить хотя бы в самых общих чертах направление эволюции этих представлений.

Как хорошо известно, первым объектом изучения в гештальтпсихологии было восприятие, однако довольно скоро в сферу ее интересов попало и мышление. Возникнув как реакция на ассоцианизм и функционализм, протестуя против подхода к исследованию мышления, сложившегося в формальной логике и используемого многими психологами для описания мыслительного процесса, продолжая традиции феноменологии (в первую очередь, Э. Гуссерля), на первых этапах гештальтпсихология развивалась в острой полемике с Вюрцбургской школой и бихевиоризмом. Традиционно главными чертами гештальтпсихологии считаются целостность (принцип гештальта) и физикализм, что, безусловно, справедливо. Справедливо также и то, что новизна этой теории состоит не столько в декларации принципа целостности и его экспериментальном обосновании, сколько в ином объяснении характера этой целостности. Главный результат классического исследования М. Вертгеймером стробоскопического эффекта (Вертгеймер, 1912) состоял в экспериментальном обосновании реальности феноменального поля, что послужило основой для формирования гештальтской теории. Полагая в качестве образца подлинной науки физику, гештальтпсихологи предприняли попытку построения психологии «как строгой науки». С помощью понятия феноменального поля (в котором должно происходить «слияние» субъекта и объекта) они попытались снять противопоставление субъекта и объекта, что позволяло уйти от произвола, неизбежно вытекающего из активности субъекта. Повторим, что пафос гештальтпсихологии состоял в том, чтобы создать подлинно научную психологию. Справедливости ради следует отметить, что гештальтпсихология именно так и воспринималась современниками: как направление, которое отвечало канонам научности. Не случайно Л.С. Выготский, разрабатывая собственные концепции, постоянно «сравнивался» с исследованиями гештальтистов (Мазилов, 2005в).

Феноменологические традиции, методологические установки и основные оппозиции гештальтпсихологии (в первую очередь В. Вундту, Вюрцбургской школе, О. Зельцу, формальной логике и бихевиоризму) обусловили исходные представления этой школы о мышлении.

В основных чертах они могут быть сведены к следующему:

1. Мышление есть продуктивный, творческий процесс.
2. «Асубъектность» мышления, вытекающая из идеи феноменального поля (как протест против гипотетических тенденций, возникающих у субъекта, и способных направлять процесс мышления), отказ от объяснения избирательного и направленного характера мышления действием факторов «более высокого порядка».
3. Мышление есть трансформация, переструктурирование ситуации (в соответствии с феноменологической традицией мышление может быть раскрыто через его содержание).
4. Переход от одного структурирования ситуации к другому (от одного гештальта к другому) достигается с помощью инсайта (противопоставление бихевиористам, утверждавшим в качестве основного способа такого структурирования постепенность решения задачи через пробы и ошибки).
5. Ситуативность мышления и отрицание роли прошлого опыта (противопоставление ассоциативной психологии, Вюрцбургской школе и бихевиоризму).
6. «Визуальность» мышления (влияние феноменологических традиций и предшествующих исследований восприятия, реакция на «безобразное» мышление и логицизм).
7. Независимость мышления от культуры, невербальный характер мышления (традиции феноменологии, реакция на логицизм).
8. «Сознательность» мышления, отрыв его от реального поведения, ограниченность сферой сознания (традиции феноменологии, вообще психологии сознания)⁵⁶.
9. «Нерефлексивность» мышления — мышление как принципиально одноуровневый процесс, совершающийся в мыслительном поле.

Итак, исходно мышление рассматривалось гештальтпсихологами исключительно с его содержательной стороны как переструктурирование ситуации путем инсайта, как переход от одного гештальта к другому.

Как уже отмечалось, гештальтистские представления о мыш-

⁵⁶ В этом отношении несколько особняком стоит известная работа В. Келера, посвященная изучению интеллекта человекообразных обезьян, где в силу специфики объекта исследования принималось во внимание поведение.

лении в историческом развитии школы претерпели значительные изменения. Условно в эволюции гештальттеории мышления можно выделить три этапа:

- I. «Классическая» гештальттеория мышления (работы М. Вертгеймера, К. Коффки, В. Келера и др., выполненные в 1920-х годах).
- II. «Неогештальттеория» мышления (исследования К. Дункера, Л. Секея, Н. Майера и др., посмертно опубликованная работа М. Вертгеймера «Продуктивное мышление», 1930-е – 1940-е годы).
- III. «Постгештальттеория» мышления (последующие работы Л. Секея, Н. Майера, А. Лачинса и др., 1950–1970-е гг.).

Если на первом этапе большинство исходных характеристик мышления принимается, то уже на втором наблюдается отчетливый отход от целого ряда принципиальных положений. Третий этап вообще представляет собой попытки формирования «гибридных» теорий, синтеза с другими научными направлениями.

Первый и второй этапы развития гештальтистских представлений о мышлении в отечественной литературе получили достаточно подробное освещение, тогда как третий отражения практически не нашел. Поэтому остановимся на некоторых моментах, характеризующих второй и третий этапы.

Развитие гештальтпсихологической концепции мышления шло в направлении отказа от исходных ограничений и принятия положений, противоречащих первоначальным установкам. (Здесь мы не имеем возможности проанализировать два крайне важных взаимосвязанных вопроса: 1) причины, обложившие принятие тех или иных положений; 2) изменение взглядов на методы, методики и стратегии исследования мышления. Сколь-нибудь подробное освещение этого вопроса требует специальной статьи.)

Уже в работах К. Дункера (1926, 1935) содержится отчетливое признание роли прошлого опыта в мышлении, решении задач (что, в частности, дало толчок для проведения целого цикла специальных исследований, направленных на изучение феномена функциональной фиксированности в решении мыслительных задач), находят отражение операционные и мотивационные характеристики мышления.

Характеризуя книгу М. Вертгеймера (1945), В.П. Зинченко отмечает, что «автор выходит за границы гештальттеории» (Зинченко, 1987, с. 11), «Вертгеймер существенно трансформировал исходные

понятия гештальтпсихологии» (там же, с. 22), использует «непривычный для классической гештальтпсихологии концептуальный аппарат, относящийся к описанию деятельности и действий. Здесь и понятия (или их аналоги) предметных значений или предметных обобщений, функциональных или операциональных значений, здесь есть и прототип описания функциональной структуры действий и даже ее модель, выраженная в абстрактных логических понятиях» (там же, с. 23).

Таким образом, работы, относящиеся ко второму этапу развития гештальттеории мышления, сильно отличаются от исходных представлений об этом процессе. Остановимся на концепции Лайоша Секея, одного из наиболее интересных представителей гештальтпсихологии, поскольку его работы (особенно последние) у нас малоизвестны. Первое исследование Л. Секея (1940) посвящено центральному моменту в решении задачи, который особенно интересовал гештальтпсихологов, — возникновению идеи. Секей отмечает, что важнейшим достижением современной психологии мышления является признание того, что решение задачи состоит в переструктурировании материала (Szekely, 1940, s. 79). Подход Л. Секея к исследованию мышления явно следует традиции, заложенной К. Дункером (1926, 1935). Это следует специально подчеркнуть, так как представляется совершенно неоправданным мнение (основанное, вероятно, на обстоятельствах жизненного пути ученого), высказываемое некоторыми зарубежными историками психологии, согласно которому Секея не считают принадлежащим к этой научной школе. Секей, вслед за Дункером, полагает, что решение задачи представляет собой ряд последовательных фаз, которые закономерно вытекают одна из другой. Он выделяет (впервые описанные Дункером) эвристические приемы мышления: анализ ситуации и анализ цели, выявляет роль направления, которое принимает мышление (в зависимости от того, идет оно как анализ цели — «что мне нужно, чтобы ее достичь?» или как анализ ситуации — «что нужно изменить в данном?») в решении (или нерешении) задачи. Важно отметить, что, по Секею, мышление не представляет собой «единообразного» во всех случаях процесса: переструктурирование мыслительного материала происходит не всегда, более того, эта переорганизация нужна для протекания не каждого мыслительного процесса. В этой работе Секея есть еще один крайне важный момент, ставящий проблему роли прошлого опыта в решении задач. «Окружающие нас предметы имеют определенное значение и ряд закрепленных за ними свойств» (Szekely, 1940, s. 87). «За предметом в нашем понимании (на нашем уровне культуры, в нашем обществе) закреплены определенные функции, но в зависимос-

ти от специальных требований могут обнаруживаться новые свойства и возможности его применения. Обнаружение новых возможностей применения по-разному затруднительно в различных ситуациях. Это зависит от разных факторов, из которых только немногие известны сейчас» (Szekely, 1940, s. 88). Для решения задачи часто необходимо обнаружить именно новое, неявное, латентное свойство предмета. Каким образом возможно обнаружение этого нового латентного свойства? По Секею, переструктурирование связано с бессознательным: «Этот вид переструктурирования... принадлежит собственно к арсеналу бессознательных и предсознательных механизмов» (Szekely, 1940, s. 94). Отметим, что в цитированной статье имеются ссылки на публикации Фрейда, в частности, на известную работу об остроумии и его отношении к бессознательному, имеющие, впрочем, чисто вспомогательное значение, но, как мы увидим, даже это обстоятельство оказывается важным для понимания логики развития концепций Секея.

Проанализируем основные положения этой работы в интересующем нас контексте. Несомненно, что Секей исходит из традиций гештальт-психологии, непосредственно продолжая исследования К. Дункера. Исходное положение, согласно которому мышление – продуктивный процесс, представляющий собой переструктурирование, сохраняется. Но по остальным «позициям» происходит весьма радикальное изменение взглядов:

- признается роль прошлого опыта, причем опыт не только является необходимым моментом в мышлении, но, в свою очередь, обусловлен культурой, общественным опытом;
- признается роль действий субъекта (эвристические приемы, анализ ситуации, анализ цели);
- мышление выступает как обслуживающее реальное поведение, является средством решения в том числе жизненных, практических задач;
- происходит отказ от понятия феноменального поля (в работе речь идет о мысленных образах предметов, в которых должны выявляться новые свойства);
- происходит отчетливое выделение различных уровней мыслительного процесса (осознаваемых и неосознаваемых).

Таким образом, можно видеть, что большинство выделенных исходных характеристик мышления оказались подвергнутыми пересмотру. В цикле последующих работ Секея (1940-е – начало 1950-х годов) разрабатываются проблемы, поставленные в первых экспери-

ментальных исследованиях: соотношение знания и мышления, влияние способа обучения на возможности продуктивного применения полученного знания и т.п. Эти исследования соответствуют второму этапу гештальттеории мышления.

На третьем этапе (1950-е – 1970-е годы) теория мышления трансформируется за счет заимствования объясняющих понятий, выработанных в других научных школах. Л. Секей предпринимает попытку соединить традиции гештальтпсихологии с положениями психоанализа и генетическими концепциями Жана Пиаже и Джерома Брунера. При этом традиционная проблематика гештальтпсихологии сохраняется. Ставится цель объяснить переструктурирование мыслительного содержания, в результате которого достигается решение задачи. Наиболее интересной представляется работа Л. Секея «Творческая пауза» (1968) (Szekely, 1976), посвященная рассмотрению центрального момента в творческом мышлении — зарождения новой идеи, приводящей к открытию, нахождению решения задачи. Фактически эта работа выполнена на ту же тему, что и обсуждавшаяся выше статья 1940 г. Однако их разделяют почти тридцать лет. Каковы же основные отличия в их понятийном аппарате и подходе к изучению мышления?

В последней статье Л. Секей различает следующие характеристики решения задачи: 1) содержание мышления; 2) фазы (этапы) мышления; 3) механизмы мышления, в которых различаются манипуляции и операции (абстракция, аналогия, обобщение, отрицание и т.д.); 4) уровни организации мышления (терпимость или нетерпимость к противоречиям, нереалистическим предположениям и т.п.) (Szekely, 1976, s. 142). По Секею, во время творческой паузы различный опыт актуализируется и анализируется в общем мыслительном поле, не связанные между собой по времени и по смыслу мысли и впечатления приводятся в соприкосновение (Szekely, 1976, s. 149). Процесс мышления во время творческой паузы протекает на ином уровне организации, нежели сознательный процесс. Вместо недостаточно определенного понятия «прошлый опыт» используется понятие «репрезентация», заимствованное у Джерома Брунера. Репрезентация, по Секею, — это гипотетическая структура, с помощью которой человек организует опыт для будущего употребления. Эти структуры организуются и строятся в раннем детстве на основе впечатлений об окружающем мире и соматических ощущений. Во время сознательной работы с проблемой зона поиска способа решения определяется через знания о причинно-следственных структурах действительности, во время паузы учет рациональных возможностей отступает на задний план, зона поиска

смещается на инфантильные области репрезентации (Szekely, 1976, s. 167). Изучение мыслительного процесса во время творческой паузы происходит с помощью сеансов психоанализа, на которых, в частности, проводится аналитическое толкование сновидений.

В случае (который подробно анализируется в цитируемой статье) с инженером Тэта, работающем над кристаллографической проблемой, нахождению решения препятствуют инфантильные конфликты. Мышление оказывается втянутым в сферу инфантильных конфликтов, и лишь их психоаналитическая проработка позволяет мышлению освободиться и стать способным двигаться дальше (Szekely, 1976, s. 166).

Таким образом, творческое мышление, согласно Секею, не только включает действия и операции субъекта, но и представляет собой интимно-личностный процесс, непосредственно связанный с разрешением личностных конфликтов, имеющий сознательные и бессознательные фазы и протекающий на различных уровнях. Заметим, что мышление, по Секею, фактически включает в себя и рефлексивные компоненты (хотя сам этот термин автор не использует). Вероятно, можно считать, что гештальтпсихология (в лице Л. Секея), ассимилировав достижения психоанализа и генетических концепций Ж. Пиаже и Дж. Брунера, перестала существовать как самостоятельное научное направление. Показательно, что сам Секей в своих последних работах причисляет себя к сторонникам когнитивной психологии (Szekely, 1976, s. 141). Заметим кстати, что в книге Нормана Р.Ф. Майера, другого представителя «постгештальтпсихологии», опубликованной в 1970 г., излагаются результаты исследований процесса группового решения задач, что совершенно чуждо гештальтистским традициям в изучении мышления (Maier, 1970).

Изменения взглядов гештальтпсихологов на процесс мышления закономерны. Будучи в начале своего развития «чистым» направлением, не признававшим влияния «посторонних» факторов, гештальтпсихология столкнулась с существенными трудностями в объяснении избирательного и направленного течения мыслительного процесса. Полученный ею экспериментальный материал оказался значительно богаче исходных схем, что заставило вносить коррективы в концепции. Поворот к практике, в первую очередь к вопросам обучения, также обусловил изменение представлений гештальтпсихологии о мышлении и его основных характеристиках. Направление эволюции гештальтистских представлений о мышлении свидетельствует, на наш взгляд, о тенденции к стихийной интеграции: к использованию комплексных описаний, предполагающих заимствования и тесное «взаимодейст-

вие», кооперацию, коммуникацию с другими исследовательскими подходами⁵⁷. Подобная стихийная интеграция приводит к тому, что психологическая концепция выходит за «рамки» научной школы. Это неизбежно, так как постижение психического во всей его реальной сложности вступает в противоречие с «узкими» теоретическими установками. На наш взгляд, это один из путей развития психологического знания.

В заключение отметим, что стихийной интеграции явно недостаточно. Чтобы обеспечить интеграцию психологического знания в полном объеме, необходимы специальные усилия психологического сообщества, специальная методология и технология интеграции. Примером такой специальной работы может служить разрабатываемая концепция коммуникативной методологии психологии (Мазиллов, 2003).

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Формы целенаправленной интеграции психологического знания, известные по истории психологии, достаточно многообразны.

Как мы уже отмечали в первом разделе данной статьи, в психологии появилось множество различных подходов, что привело к возникновению так называемого «открытого» кризиса, фундаментальный смысл которого состоял в том, что психологи отчетливо осознали: «простых» подходов для адекватного понимания психического недостаточно.

Было обозначено три основных пути выхода из этого кризиса, которые, естественно, представляли собой пути интеграции психологии:

- 1) осуществление «синтеза»;
- 2) построение «сложных» теорий психического;
- 3) построение теории психологии (правильнее это было бы называть разработкой новой методологии психологии).

Несколько позже возник четвертый путь — системное движение и системный подход в психологии, который также решал задачу построения адекватной модели психического, которая позволила бы объяснить психические реалии лучше, чем «одномерные» подходы.

⁵⁷ Заметим, кстати, что это не единственный механизм стихийной, непреднамеренной интеграции. Описанию других механизмов будет посвящена специальная работа.

Остановимся на обозначенных выше направлениях лишь в самых общих чертах. История психологии дает нам массу примеров первого пути — осуществления т.н. «синтеза». В качестве примера можно привести известную работу Бюлера, в которой предлагалось реализовать «синтез» интроспективной психологии сознания, поведенческой психологии и культурологических исследований психического развития детей. Много примеров можно обнаружить в известной книге Вygотского, посвященной анализу методологического кризиса в психологии. Этот путь, как известно, к успеху не привел.

Второй путь — разработка сложных психологических теорий, где приведшие к возникновению кризиса подходы «снимались» за счет «вписывания» в структуру целого (примером могут служить концепция деятельности и деятельностный подход или необихевиоризм в которых нашлось место для сознания и поведения, объективного и субъективного и т.д.).

В качестве примера третьего пути можно назвать разработку К. Левина новой методологии психологии, предполагающей переход от аристотелевского способа мышления к галилеевскому (Lewin, 1931).

Системный подход также с успехом использовался в психологии (см. известные работы Б.Ф. Ломова и др.).

Вышеназванные подходы (второй — четвертый) внесли значительный вклад как в психологическую науку в целом, так и в разработку проблемы интеграции психологического знания в частности, но проблемы интеграции в полном объеме не решили. В этом одна из причин возрождения надежд на интеграцию в психологии на современном этапе и развертывания новых исследований по данной проблематике.

Достоин упоминания и интегративный подход К. Уилбера, в рамках которого максимально широкий трансперсональный взгляд на психику позволил соотнести различные концепции психологии развития. Автору удалось обнаружить огромное количество совпадений (в существенных моментах) концепций психического развития, сформулированных различными авторами. Могут быть названы и другие перспективные работы, направленные на интеграцию в психологии⁵⁸.

⁵⁸ Мы здесь не имеем возможности дать обзор различных подходов, реализующих интеграцию в психологии. Назовем лишь работу М.С. Роговина (Роговин, 1969), где была поставлена проблема интеграции психологических понятий, работы К.К. Платонова по разработке системы психологии, многолетние исследования М.Г. Ярошевского и Б.Ф. Ломова. Наконец, нужно назвать работу А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского, посвященную разработке теоретической психологии. На наш взгляд, значительный вклад в разработку проблемы интеграции вносит принцип методологического либерализма (Юревич, 2001).

Как свидетельствует опыт (и история психологии), одного стремления к пониманию мало. Необходимы специальные инструменты, обеспечивающие взаимопонимание (и на этой основе — интеграцию). Таких инструментов в готовом виде нет, студентов-психологов этому не учат. И в этом состоит главная трудность на пути интеграции психологического знания. Коммуникативная методология психологической науки представляет собой попытку создания такого инструмента.

КОММУНИКАТИВНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ

Итак, главная трудность на пути интеграции — отсутствие специального аппарата, позволяющего ее осуществлять. Главный вопрос, который предстоит решить: *как* именно она будет осуществляться. Иными словами, на повестке дня стоит проблема разработки методологии, теории и конкретной технологии интеграции.

Необходимость разработки коммуникативной методологии определяется тем, что в современной психологии накоплен богатейший материал: огромное количество фактических данных, гипотез, обобщений, концепций и теорий разного уровня. Вместе с тем (ввиду отсутствия общепринятых универсальных теорий) не складывается общей картины психического, которая удовлетворила бы потребность психологического сообщества в адекватной общей теории. Психологи вынуждены пользоваться *совокупностью* концепций, каждая из которых имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому требуется инструмент, позволяющий соотносить различные психологические теории и в перспективе производить интеграцию психологического знания.

Современная традиционная методология психологии занимается почти исключительно исследованием процедур добывания и обоснования психологического знания. Коммуникативная методология нацелена на сопоставление психологических концепций, на установление взаимопонимания. Подчеркнем специально, что в течение многих десятилетий методология психологии была направлена исключительно на разработку средств, позволяющих осуществлять процесс познания психического (когнитивная функция методологии). Методология психологической науки должна выполнять и коммуникативную функцию, т.е. способствовать установлению взаимопонимания между разными направлениями, подходами внутри психологической

науки. Для этого необходимо сопоставление научных концептуальных систем, выполненных в разных научных традициях. Необходимо коммуникативная методология, направленная на улучшение взаимопонимания между различными научными школами, между различными традициями. Без этого невозможна реальная интеграция психологического знания.

Цель коммуникативной методологии состоит в разработке теоретической модели, обеспечивающей соотнесение психологических концепций и осуществление на этой основе интеграции психологического знания.

Задачи коммуникативной методологии: 1) разработать конкретную модель соотнесения психологических концепций; 2) разработать вспомогательный методологический аппарат; 3) разработать конкретную технологию интеграции; 4) осуществить конкретную интеграцию. (на специально выбранных «полигонах»). Перспективной задачей следует полагать выход за пределы научной психологии и осуществление интеграции между научным и практико-ориентированным психологическим знанием; между научным знанием, с одной стороны, и ненаучным (внеаучным) — с другой.

Теоретическую основу коммуникативной методологии составляет концепция соотношения теории и метода в психологии (Мазиллов, 1998).

К коммуникативной методологии сегодня предъявляются следующие требования: это должна быть методология на исторической основе, т.е. учитывающая исторический путь, пройденный психологией; это должна быть деидеологизированная методология; это должна быть методология плюралистическая (не ориентированная на единый универсальный научный стандарт); это должна быть методология, учитывающая возможность существования различных целей получения психологического знания (познавательных или практических); наконец, это должна быть содержательная методология, т.е. рассматривающая вопросы реального предмета психологической науки (Мазиллов, 2001).

Важно точно понимать, каковы (на сегодняшний день) реальные возможности коммуникативной методологии. Наибольшую трудность, как показывает развитие психологии в XX в., являет собой «несоразмерность», «несопоставимость» различных психологических концепций, что подчеркивается многими авторами, которым это препятствие представляется вообще непреодолимым: по их мнению, различные подходы, парадигмы являются несоотносимыми.

По-видимому, дело обстоит не так безнадежно, и соотнесение все-таки возможно. Назовем основные положения, составляющие фундамент концепции коммуникативной методологии, направленной на реальное соотнесение различных психологических теорий. В данном случае мы ограничимся лишь формулировкой некоторых предварительных соображений.

Во-первых, это представление о том, что предмет психологии является сложным и многоуровневым. Как было показано в предшествующих работах (Мазилов, 1998), предмет психологии имеет сложное строение: можно говорить о «декларируемом», «рационализированном» и «реальном» уровнях. Различение уровней предмета позволяет избежать многих недоразумений, поскольку соотнесение концепций должно происходить на уровне «реального» предмета. Отметим здесь, что разработка концепции предмета представляет собой сложнейшую задачу (как ни удивительно, научная работа над этой проблемой еще только началась), но она совершенно необходима, так как является обязательным условием для продвижения в этом магистральном направлении.

Во-вторых, как было показано ранее, многие недоразумения в психологии возникают из-за неоднозначного понимания ряда терминов. Множественность определений и трактовок была и остается «фирменным» знаком психологии. Покажем это на примере понятия «метод». История психологии дает массу примеров того, как различные авторы давали противоположные характеристики одним и тем же методам. Парадоксально, но для этого имелись определенные основания. Разработанный нами подход позволил дать однозначный ответ на вопрос о причинах такого положения вещей. Специальное исследование показало, что метод имеет уровневое строение: можно говорить, по меньшей мере, об идеологическом, предметном и операциональном уровнях метода (Мазилов, 1998). Естественно, что характеристики метода на разных уровнях будут существенно различаться. При сопоставлении психологических концепций важно иметь в виду, что на разных уровнях метод выступает существенно по-разному, поэтому необходимо строго учитывать данное обстоятельство. Отметим здесь, что подобного рода проблемы возникают при обращении едва ли не к каждому психологическому понятию, что, несомненно, затрудняет работу по интеграции психологического знания. Выявление подлинного и мнимого спектра значений того или иного понятия — еще одна актуальная задача методологии психологической науки.

В-третьих, при соотнесении должна использоваться рабочая схема, определяющая технологию соотнесения (с помощью которой будут производиться конкретные операции соотнесения). Главная сложность состоит в том, что такая схема должна представлять собой инвариант, характеризующий любую психологическую концепцию. Поскольку многообразие психологических теорий общеизвестно, задача кажется практически невыполнимой. Однако наши предшествующие исследования показали, что путь решения и этой проблемы существует: может быть выделена универсальная проблема, с которой сталкивается любой исследователь-психолог (подчеркнем, вне зависимости от того, осознает он это или действует интуитивно), — проблема соотношения теории и метода. Первоначально на основе историко-методологических исследований нами была разработана исходная схема, которая в последующих исследованиях была уточнена и подвергнута проверке на универсальность (Мазилов, 1998, 2001).

Разработанная нами схема соотношения (см. рисунок 1) получена на основе историко-методологического анализа развития психологической науки (как концептуальной системы и как деятельности). Эта схема характеризует научную концепцию в ее целостности — от первоначального замысла (предтеория) до получения итогового продукта (научной теории). Главным ее достоинством является то, что она, как

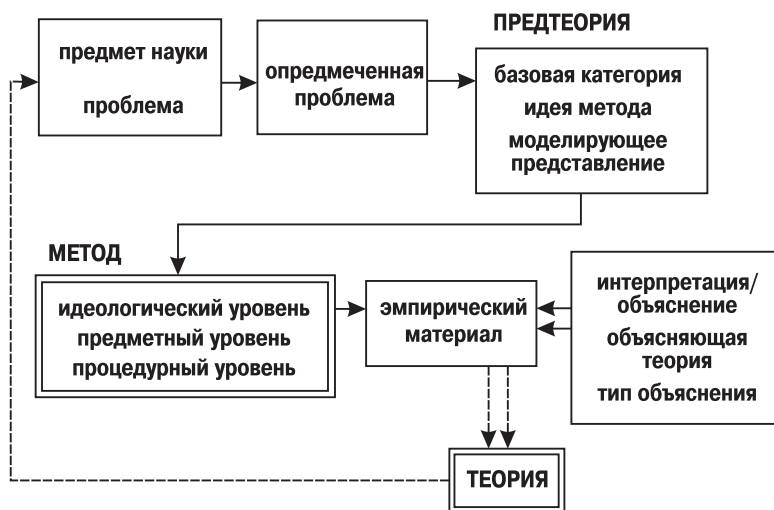

Рис. 1. Модель соотношения теории и метода в психологии

показали наши исследования (Мазиллов, 1998, 2001), представляет собой структурный инвариант, и, следовательно, может выступать в качестве основы для сопоставления различных концепций. Схема является «замкнутой», т.е. позволяет понять, каким образом полученные результаты одного исследования порождают гипотезы, подлежащие проверке в следующем авторском исследовании.

Таким образом, опираясь на данную модель, возможно разработать коммуникативную методологическую модель, позволяющую реально соотносить различные психологические концепции, обнаруживая в них как совпадающие элементы, так и те, в которых сопоставляемые концепции различаются.

Остановимся несколько подробнее (в силу особой важности этого аспекта) на главной характеристике предлагаемой модели — ее универсальности. Универсальность данной модели обеспечивается тем, что:

- В ней задан предмет психологии. Таким образом (напомним, предмет многоуровнев, исходное понимание максимально широкое — «площадка для сборки») любые психологические концепции (которые действительно являются психологическими по предмету своего исследования) оказываются реально соотносимыми.
- В ней задан метод. Любая психологическая концепция предполагает использование тех или иных методов (принципиально схема не изменяется даже в случае чисто теоретической концепции — в данном случае она лишь модифицируется; здесь мы не будем специально анализировать подобную ситуацию). Поскольку метод многоуровнев, появляется реальная возможность поуровневого соотнесения различных психологических концепций.
- Предтеория является важнейшим понятием в процедуре соотнесения. Моделирующие представления, к примеру, обычно не только не вербализуются, но и вообще не эксплицируются исследователем. Тем не менее, этот элемент является чрезвычайно важным (нами было показано, что различные теории мышления, к примеру, отличаются в первую очередь тем, что используют различные моделирующие представления) (см., например: Мазиллов, 1998). Естественно, то же самое можно сказать и о базовой категории, и о других компонентах предтеории.
- Создается возможность для реального соотнесения различных типов и способов объяснения.

Мы не будем специально останавливаться на других характеристиках предлагаемой модели. Отметим лишь, что единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство его осуществления имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется один вариант метода, тогда как в другом случае — иной. Становится понятно, почему один и тот же метод может иметь совершенно различные характеристики в глазах разных исследователей. Наличие уровней в структуре метода позволяет по-новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода и т.д.

Предложенная нами схема соотношения теории и метода в психологии является основой для одного из вариантов коммуникативной методологии. Достоинством этой схемы является ее достаточно универсальный характер. Важно подчеркнуть, что она учитывает специфику именно психологического исследования (поскольку предполагает включение реального предмета). Не подлежит сомнению, что задача реального освоения богатства, накопленного психологической наукой, требует практических шагов, направленных на разработку средств и конкретных методологических процедур, которые позволили бы способствовать более эффективной коммуникации психологических концепций. Реальной становится интеграция психологического знания на уровне концептуальных структур — ее осуществление представляется одной из первоочередных методологических задач психологии нового века.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков И.П. Какая методология нужна отечественной психологии, кому и зачем? // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003.
- Вундт В. Основы физиологической психологии. Естествознание и психология. Вып. 1. СПб.: Типогр. П.П. Сойкина, 6/г.
- Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии. № 4. 1997. С. 86–96.
- Дильтей В. Описательная психология. СПб., 1996.
- Зинченко В.П. Вступительная статья // Вертгеймер М. Продуктивное мышление. М., 1987. С. 5–26.

- Зинченко В.П.* Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 98–134.
- Мазиллов В.А.* Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
- Мазиллов В.А.* Методология психологической науки. Ярославль, 2003.
- Мазиллов В.А.* Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001.
- Мазиллов В.А.* Целостность и интеграция в психологии (Некоторые методологические проблемы психологического исследования) // Вестник интегративной психологии: Журнал для психологов. Вып. 1 (3). 2005в. С. 38–40.
- Мазиллов В.А.* Интегративные тенденции в психологии: гештальтпсихология и проблема целостности // Человеческий фактор: Социальный психолог. Вып. 1 (9). 2005а.
- Смирнов С.Д.* Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С. 276–291.
- Тютюнник В.И.* Основы психологических исследований. М., 2002.
- Уилбер К.* Проект Атман: Трансперсональный взгляд на человеческое развитие. М., 1999.
- Фресс П.* Развитие экспериментальной психологии // Экспериментальная психология / Ред. П. Фресс, Ж. Пиаже. Вып. 1, 2. М., 1966. С. 15–98.
- Юревич А.В.* Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–19.
- Юревич А.В.* Методы интеграции психологического знания // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005. С. 377–397.
- Ярошевский М.Г.* Психология в XX столетии: Теоретические проблемы развития психологической науки. Изд. 2-е, доп. М., 1974.
- Ярошевский М.Г.* Гештальтпсихология // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах: Общая психология. М., 2005.
- Lewin K.* The Conflict between Aristotelian and Galilean Modes of Thought in contemporary Psychology // J. Gen. Psychol. 1931. P. 141–177.
- Mazilov V.A.* About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of Modern Russia. Moscow-Jaroslavl, 1997. P. 126–134.
- Szekely L.* Die Schöpferische Pause // Szekely L. Denkverlaufs, Einsamkeit und Angst: Experimentelle und Psychoanalytische Untersuchungen über das Kreative Denken. Bern u. a.: Hüber, 1976. S. 140–170.
- Szekely L.* Studien zur Psychologie des Denkens: Zur Topologie des Einfalls // Acta Psychologica. 1940. V. 5. № 1. P. 79–96.
- Wertheimer M.* Productive Thinking. Enl. ed. (First Ed., 1945). L., 1966.

ИЗ ОПЫТА ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Н.И. ЧУПРИКОВА

В современной экспериментальной психологии накоплено много хорошо обоснованных фактов и установлен целый ряд закономерностей. Но на сегодняшний день этот материал представляет собой весьма пеструю мозаичную картину. Многие факты, закономерности и теории выступают как рядоположенные, не группируются в более или менее крупные блоки, не образуют сколь бы то ни было упорядоченных систем, складывающихся вокруг немногих ключевых системообразующих психологических феноменов и описывающих их понятий. Однако при внимательном взгляде на обширную фактологию экспериментальной психологии складывается впечатление, что некоторые системы фактов и закономерностей, полученные независимо друг от друга в рамках разных теоретических подходов и даже разнесенные по разным рубрикам психологических классификаций, на самом деле объективно гораздо ближе друг другу, чем это кажется на первый взгляд. А теоретическая и экспериментальная работа по «объективации» этого впечатления приводит к выводу, что под различными системами фактов и закономерностей имеются некоторые единые общие глубинные психологические и психофизиологические основания, позволяющие осуществить их интеграцию и объединение в некоторые новые крупные системные блоки фактов, понятий и закономерностей. Таким образом, на этом пути задача интеграции психологических знаний непосредственно смыкается с задачей их более глубокого теоретического осмысления, поскольку найденное глубинное единое основание множества различных фактов и закономерностей начинает выступать как центральная категория и центральный феномен нового научного обобщения, новой научной теории (Юревич, 2004).

Цель настоящей статьи — показать это на двух конкретных примерах, которые подтверждают одно глубокое теоретическое предсказание С.Л. Рубинштейна. В труде «Бытие и сознание» он заметил в одной из

подстрочных сносок, что сложившаяся в психологии традиция разводит по разным рубрикам явления, выражающие одни и те же психологические закономерности, и что «в дальнейшем основная часть психологии должна будет строиться как система закономерностей, общих для явлений, относимых к разным функциям, к разным процессам» (Рубинштейн, 1957, с. 279).

Казалось бы, что может быть общего между такими явлениями и закономерностями, как, например, избирательность произвольного внимания и восприятия, произвольное запоминание простых стимулов, «магическое число 7 ± 2 », «закон Хика», роль слова в образовании понятий у детей и в процессах наглядного мышления, зависимость эффективности непроизвольного запоминания от активности субъекта и глубины обработки материала, саморегуляция уровня активации коры мозга в зависимости от трудности осуществляемого ею анализа сигналов и, наконец, уровень психометрического интеллекта? Однако все перечисленные закономерности и феномены, как это ни удивительно, образуют некоторую внутренне связанную систему. Рассмотрим, как последовательный анализ фактов позволяет выявить центральный феномен и центральную категорию этой системы.

ПЕРВАЯ ГРУППА ФАКТОВ

Коснемся таких проблем, как измерение интенсивности «светлого пятна сознания», механизмы произвольного внимания, памяти и произвольных движений, избирательность и оперативность восприятия, роль слова в процессах мышления, «магическое число 7 ± 2 », рост времени реакций различения и выбора и его прекращение, когда число альтернативных сигналов достигает 7 ± 2 .

Известна метафора И.П. Павлова о «светлом пятне сознания». Он говорил, что если бы мы могли заглянуть в черепную коробку человека, то могли бы увидеть, как по коре его больших полушарий передвигается некоторое «светлое пятно», высвечивающее то одни, то другие содержания его сознания.

В отечественной психологии в школе Е.И. Бойко был разработан метод исследования, позволивший не только выявить действительное, реальное существование в коре мозга человека таких «светлых пятен», но и измерить их интенсивность в разных условиях. Метод получил название «метода тестирующего стимула», или «метода тестирующих

реакций». Он был разработан и первоначально применялся с целью выявления и количественной оценки состояний локальной возбудимости в корковых проекциях точечных зрительных раздражителей в условиях, когда они служили объектами разного рода аналитико-синтетических операций, содержание которых предписывалось даваемыми испытуемым словесными инструкциями. В дальнейшем он был применен также для изучения локальных состояний возбудимости в отдельных участках вербально-семантических сетей при осуществлении разного рода операций с вербальными стимулами. Метод был описан во многих публикациях (Пограничные проблемы психологии и физиологии, 1961; Бойко, 1964, 2002; Чуприкова, 1967, 2004; Познавательная активность в системе процессов памяти, 1989). Его принципиальный смысл применительно к зрительному анализатору человека состоит в следующем.

Корковые области зрительного анализатора человека представляют собой своего рода экран, каждой точке которого соответствуют сетчатки (топический принцип проекции сетчатки на кору) и определенные точки объективного пространства. Поэтому если поместить перед глазами человека большую панель с вмонтированными в нее маленькими электрическими лампами, то, зажигая определенные лампы, мы получаем возможность точно, локально, избирательно возбуждать определенные пункты его коркового зрительного экрана. Теперь представим, что человек осуществляет с зажигаемыми лампами (одиночными или составляющими одновременные или последовательные комплексы) разного рода операции, предписанные словесной инструкцией — выделяет вниманием все или некоторые из ламп, запоминает их местоположение, сравнивает комплексы ламп между собой и т.п. Поскольку каждая лампа адресуется к определенным пунктам зрительной коры, то в коре по ходу и после осуществления такого рода операций должны складываться разного рода «мозаичные узоры» локальных функциональных состояний так, что проекции каждой лампы будет отвечать свое функциональное состояние. Разработанный в школе Е.И. Бойко метод тестирующего стимула направлен как раз на то, чтобы выяснить, каковы эти «узоры» в условиях разных операций с сигнализируемыми лампами. С этой целью после того, как испытуемый выполнил предписанное ему задание, экспериментатор вновь зажигает одну из ламп панели, адресуя ее к заведомо известному определенному пункту зрительной коры. По физиологическому эффекту действия вспышки данной лампы можно судить о функциональном состоянии того пункта коры, куда она адресована. В школе Е.И. Бойко в качестве показателя

физиологического эффекта зажигаемой лампы использовалось время простой двигательной реакции (ВР), осуществляемой испытуемым в ответ на ее предъявление. Чем это время короче, тем выше локальная возбудимость в данном пункте коркового зрительного экрана, чем оно длиннее — тем ниже. Если на одном и том же интервале времени после подачи сигналов к осуществлению определенной операции зажигать одиночные лампы, расположенные в разных местах панели, и, следовательно, адресуемые к разным пунктам коркового зрительного экрана, то, сравнивая ВР на разные вспышки, можно выявить пространственную картину сложившейся в нем корковой мозаики, состоящей из более возбудимых и менее возбудимых пунктов. Таким образом, вспышки одиночных ламп выступают как стимулы, время реакций в ответ на которые позволяет оценить функциональное состояние тех пунктов коры, которым они адресуются. В выявленной методом тестируемого стимула пространственной картине корковой мозаики обнаруживаются пункты с разной степенью повышения и понижения локальной возбудимости по сравнению с ее фоновым уровнем. В терминах метафоры И.П. Павлова, мы получаем картину, состоящую из «светлых пятен» разной степени интенсивности и «темных пятен», локальная возбудимость которых ниже фоновой.

Результаты большого цикла исследований, представленные в названных выше публикациях, свидетельствуют о том, что функциональная мозаика, состоящая из более «светлых» и более «темных пятен», складывается в пространстве коркового зрительного экрана человека в соответствии с содержанием выполняемых им операций со зрительными сигналами. Она определяется содержанием инструкций, а не характером самих по себе зрительных раздражителей, и представляет собой результат взаимодействия и синтеза возбуждений со стороны словесной инструкции и со стороны поступающих в кору непосредственных зрительных афферентаций.

Поэтому «светлое пятно» может складываться в тех пунктах коркового зрительно экрана, куда вспыхивающие лампы вообще не адресовывались, а «темное пятно» — в пунктах адресации вспыхивавших ламп большой интенсивности. Например, если испытуемый, согласно инструкции, выделяет вниманием и запоминает местоположение не горящих ламп, расположенных посередине между двумя вертикально или горизонтально вспыхивающими лампами, то локальная возбудимость в корковых пунктах адресации этих не горящих ламп значительно выше возбудимости всех остальных пунктов зрительного коркового экрана. С другой стороны, в условиях, когда испытуемому предъявляются

пары ламп, составленные одной яркой и одной тусклой вспышкой, а он запоминает местоположение только тусклых вспышек, в проекциях ярких вспышек часто имеет место состояние локально пониженной возбудимости.

На основании системы фактов такого рода Е.И. Бойко сформулировал положение о существовании в коре работающего мозга человека особого рода межцентральных нервных импульсов, инициируемых содержанием словесных инструкций, названных им второсигнальными управляющими импульсами — положительными и тормозящими. Под их влиянием возбуждения, вызываемые в коре мозга одними непосредственными раздражителями, усиливаются, а вызываемые другими — подавляются. Поэтому при одних и тех же внешних воздействиях при выполнении разных заданий, обусловленных словесной инструкцией, картина итоговой мозаики в корковом зрительном экране оказывается существенно различной: в коре мозга усилены и ослаблены возбуждения со стороны разных раздражителей. Поэтому в фокусе внимания и сознания каждый раз оказываются разные предметные содержания. Таким образом, можно говорить о едином глубинном механизме произвольного избирательного внимания, избирательного восприятия и произвольного избирательного запоминания (поскольку в памяти запечатлеваются предметные содержания, находящиеся в «светлом пятне» сознания, в то время как даже весьма сильные внешние воздействия могут не оставлять следов, если возбуждения с их стороны подавляются тормозящими второсигнальными импульсами).

Тот же механизм должен лежать в основе формирования и осуществления произвольных движений. Комплекс исследований А.В. Запорожца и его сотрудников показал, что главным звеном, компонентом или условием формирования произвольных движений у детей является наличие ориентировочно-исследовательской деятельности по отношению к определенным объектам во внешней среде и по отношению к собственным двигательным актам. Причину такого влияния ориентировки А.В. Запорожец видел в том, что она *усиливает* действие на нервную систему слабых и малозаметных раздражителей, чем облегчает их выделение, анализ и связывание с другими раздражителями и ответными реакциями организма (Запорожец, 1960). Его заключение о том, что ориентировка усиливает действие определенных раздражителей, было вполне логично, но все же не имело каких-либо прямых доказательств. В том случае, если именно факты локального повышения возбудимости в корковых проекциях слабых сигналов, обнаруженные методом тестируемого стимула, афферентируют деятельность субъекта,

они могут рассматриваться как одно из прямых доказательств справедливости мысли А.В. Запорожца.

Локальное повышение возбудимости и усиление возбуждений в определенных пунктах корковых проекций воспринимаемых раздражителей, являющееся эффектом действия второсигнальных управляющих импульсов, должно быть также одним из ключевых механизмов образования понятий в детском возрасте. Как известно, Л.С. Выготский считал участие слова необходимым условием образования понятий потому, что слово — это необходимое средство активного выделения вниманием, абстрагирования и вычленения отдельных признаков воспринимаемых объектов. Без такого выделения и абстрагирования отдельных признаков объектов, в простом восприятии которых эти признаки слиты и не отчленены друг от друга, никакое понятие в подлинном смысле слова не может быть сформировано (Выготский, 1956, с. 161, 170, 210). Но как можно выделить вниманием из многих свойств объекта то единственное свойство, которое названо определенным словом? Как показали эксперименты с тестирующим стимулом, это может происходить благодаря второсигнальным управляющим импульсам, избирательно повышающим возбудимость и усиливающим возбуждение в проекциях называемых словом признаков объектов.

Тот же механизм должен действовать в процессах наглядного мышления, которое на самом деле в большинстве случаев является не чисто наглядным, но наглядно-словесным (Соколов, 1968, с. 208). А.Н. Соколов, регистрируя скрытые речевые кинестезии, обнаружил, что они имеют место более чем в 90% случаев при решении матричных задач Равена. Их появление он связал со скрытой вербализацией во внутренней речи определенных признаков сравниваемых фигур, а именно тех из них, которые неконтрастно выделяются и не сразу замечаются среди других признаков. Наглядное мышление, писал он, основано на необходимости перевода слабых компонентов воспринимаемых объектов из незамечаемых в замечаемые, что и достигается посредством их словесного обозначения (там же, с. 205). В этом пункте А.Н. Соколов прямо соотнес свою позицию с представлением Е.И. Бойко о положительных второсигнальных управляющих импульсах, избирательно повышающих возбудимость и усиливающих возбуждения в проекциях очень слабых раздражителей, когда они становятся объектами сознательной аналитико-синтетической деятельности человека.

Метод тестирующего стимула позволяет не только выявить систему более возбудимых и менее возбудимых пунктов в пространстве коркового зрительного экрана при разного рода операциях со зрительными

стимулами, но и измерить и количественно оценить степень локального повышения возбудимости в его отдельных пунктах. Один из наиболее впечатляющих результатов такого измерения состоит в том, что при увеличении числа активных корковых пунктов, к которым одновременно адресуются положительные второсигнальные управляющие импульсы, величина локального повышения возбудимости в каждом из них прогрессивно уменьшается и при пяти-шести пунктах становится ничтожно малой и уже экспериментально не обнаруживается. (Регистрировалась локальная возбудимость в проекциях отдельных ламп панели, когда испытуемый запоминал местоположение одновременно вспыхивающих ламп, число которых варьировалось от двух до пяти.) Отсюда становится понятным, почему объем произвольного внимания и кратковременной памяти ограничен пределом 7 ± 2 раздражителя. Когда число одновременно второсигнально возбуждаемых корковых пунктов превышает 7 ± 2 , локальное повышение возбудимости в каждом из них практически сходит на нет, поэтому соответствующие сигналы не выделяются из окружающего фона и не запечатлеваются в памяти. По-видимому, причиной уменьшения степени локального повышения возбудимости при увеличении числа подлежащих выделению вниманием и запоминанию сигналов является индукционное торможение, нарастающая и суммирующаяся интерференция между потоками второсигнальных управляющих импульсов и пунктами их адресации. Таково должно быть свойство нервной сети с латеральным и реципрокным торможением между ее активирующимися элементами.

Пределом в 7 ± 2 альтернативных сигнала ограничен также рост времени реакций различения и выбора при увеличении числа альтернатив (Чуприкова, 1967; 1969; 1971; 1979; 1997). Рост времени реакций различения и выбора описывается в когнитивной психологии широко известными моделями В. Хика и С. Стернберга, которые предполагают сличение каждого поступающего сигнала со всеми хранящимися в памяти эталонами — поэтому, чем больше эталонов, тем больше сличений требуется, тем длиннее время реакции. Но эти модели несовместимы с тем, что известно о работе мозга по запечатлению и извлечению из памяти запоминаемой информации, на что я всегда обращала внимание в своих работах. Сейчас это, наконец, признано самими когнитивными психологами (Андерсон, 2002, с. 25). Кроме того, эти модели не предсказывают и не объясняют прекращение роста времени различения и выбора, когда количество альтернатив достигает 7 ± 2 , что также обсуждалось в моих работах. Удивительно, что в течение нескольких десятков лет никто не обратил внимания на фактическое числовое

совпадение двух пределов — предела объема внимания и кратковременной памяти и предела роста времени реакций различения и выбора, что могло бы навести на мысль об определенной общности лежащих в их основе причин. А такая общность действительно существует.

Применение одной из модификаций метода тестирующего стимула к исследованию механизмов произвольных двигательных реакций человека позволило выявить три важных факта (Чуприкова, 1967; 1969; 1971; 1979).

Первый факт состоит в том, что после восприятия предварительной словесной инструкции, предписывающей, как следует реагировать на предъявляемые сигналы, и подачи предупредительного раздражителя в коре мозга человека складывается функциональное состояние готовности к осуществлению определенных реакций на определенные стимулы (тем более что инструкция предписывает осуществлять реакции «как можно быстрее»). Это состояние заключается в том, что в нервных путях, связывающих определенные сигналы с определенными ответами, складывается состояние тонически локально избирательно повышенной возбудимости. Поэтому каждый афферентно-эфферентный путь оказывается в состоянии готовности к восприятию определенного «своего» сигнала и к совершению определенного «своего» ответа на данный сигнал.

Второй факт заключается в том, что при увеличении количества находящихся в состоянии готовности афферентно-эфферентных путей степень избирательного локального тонического повышения возбудимости в каждом из них прогрессивно уменьшается.

А когда количество нервных путей достигает числа 7 ± 2 , тоническое состояние готовности в каждом из них практически сходит на нет и экспериментально не обнаруживается. Таков третий факт.

Если принять, что время реакций различения и выбора тем короче, чем выше готовность к совершению реакций, т.е. чем выше локальная возбудимость в нервных путях, связывающих определенные сигналы с определенными ответами, то становится понятным и рост времени реакции при увеличении числа альтернатив и его прекращения, когда это число достигает и превышает 7 ± 2 . При большом числе альтернатив разные афферентно-эфферентные пути уже не могут одновременно находиться в состоянии повышенной возбудимости. Таким образом, можно говорить об идентичности причин, определяющих ограниченность объема внимания, кратковременной памяти и предел роста времени реакций различения и выбора при увеличении числа альтернативных сигналов.

Подводя итог сказанному, можно заключить, что целый ряд психологических феноменов и закономерностей, которые до сих пор не рассматривались как внутренне взаимосвязанные, может быть представлен в единой понятийной системе с единым концептуальным ядром. Таким ядром выступает состояние локальной избирательно повышенной возбудимости в отдельных пунктах коры мозга или в отдельных афферентно-эфферентных путях, которое определяется влиянием второсигнальных управляющих импульсов со стороны словесных отделов коры. Выделенное концептуальное ядро позволяет перекинуть мост от рассмотренной системы фактов к, казалось бы, совсем другой их системе, касающейся влияния умственной активности человека на эффективность непроизвольного и произвольного запоминания.

ВТОРАЯ ГРУППА ФАКТОВ

Рассмотрим далее представления о памяти и деятельности в отечественной психологии, теорию «глубины обработки» Ф. Крэйка и Р. Локхарта, анализ силы и длительности локальных следов кратковременной памяти на психофизиологическом и нейрофизиологическом уровне, а также роль активирующих систем мозга в усилении следов памяти.

В отечественной психологии хорошо известны экспериментальные исследования П.И. Зинченко, А.А. Смирнова, А.Н. Леонтьева и Т.В. Розановой, которые убедительно показали, что лучше всего непроизвольно запоминается тот материал, который является целью деятельности, а что эффективность непроизвольной и произвольной памяти при прочих равных условиях тем выше, чем более активную мыслительную деятельность осуществляет человек по отношению к воспринимаемому. Однако возникает вопрос: почему активная мыслительная деятельность повышает эффективность запоминания, почему лучше всего запоминается материал, который является целью деятельности? Ясного ответа на этот вопрос дано не было, и сам он, в сущности, не ставился, поскольку считалось достаточным указание на решающую роль деятельности в процессах памяти.

В том же направлении работали Ф. Крэйк и Р. Локхарт — авторы широко известной и популярной на Западе теории «уровней обработки» материала как решающего фактора его эффективного запоминания. Многие экспериментальные факты, на которые опирались авторы этой

теории, по существу, повторяли или были аналогичны фактам, полученным П.И. Зинченко, А.А. Смирновым и Т.В. Розановой (Познавательная активность в системе процессов памяти, 1989), хотя никаких ссылок на их работы не давалось. Но объяснялись эти факты в теории Ф. Крэйка и Р. Локхарта по-другому. Авторы не ограничились простым указанием на необходимость активной деятельности человека для эффективного запоминания материала, но и выдвинули тезис о важности того, на каком психологическом уровне он обрабатывается. Материал может обрабатываться на самом поверхностном сенсорном уровне, на уровне перцепции и на самом глубоком семантическом уровне: чем глубже уровень обработки материала (и чем шире его обработка на этом уровне), тем лучше запечатление и сохранение его в памяти. Эта теория стимулировала появление множества новых экспериментальных исследований и неизменно получала подтверждение. Результаты, описанные ранее П.И. Зинченко, А.А. Смирновым и Т.В. Розановой, также легко поддаются объяснению в ее понятиях и терминах: действительно, во всех случаях, где в их экспериментах обнаруживалось лучшее запоминание материала, всегда можно увидеть его более глубокую психологическую обработку.

В рамках теории Ф. Крэйка и Р. Локхарта обсуждался вопрос о глубинных причинах влияния уровня и широты обработки материала на эффективность памяти. Было сделано предположение, что, чем глубже и шире обработка воспринимаемого, тем более разработанными и богатыми по содержанию являются его следы в памяти, тем лучше они различаются между собой, и тем более эффективным является их воспроизведение. Не отвергая данного предположения, мы выдвинули вторую гипотезу о внутренних причинах и механизмах влияния глубины и широты обработки материала на эффективность его запоминания. Эта гипотеза, во-первых, позволяла интегрировать в единой системе психологические факты и некоторые физиологические данные о работе мозга и, во-вторых, допускала прямую экспериментальную проверку. Она вытекала из двух систем физиологических фактов. 1. В ряде исследований было показано, что следовые разряды нейронов коры в последствии адресуемых к ним стимулов становятся более продолжительными на фоне приходящих в кору активирующих подкорковых импульсаций. 2. В исследованиях Ю.Г. Кратина и ряда других авторов было установлено, что, чем более тонкий анализ раздражителей требуется для осуществления адекватных реакций на них, тем выше уровень активации коры, обеспечивающийся запуском активирующих систем подкорки (механизм саморегуляции уровня функционального состояния коры мозга).

Сопоставление этих систем физиологических фактов с системой результатов психологических исследований привело к формулировке нами гипотезы о том, что, чем активнее деятельность человека в отношении воспринимаемого материала, чем более глубокому и всестороннему анализу он подвергается, тем выше уровень активации коры, тем более выражены и длительны должны быть следы соответствующих раздражителей в коре мозга. Отсюда лучшее сохранение материала в кратковременной, а затем и в долговременной памяти. Поскольку мы располагали методом тестирующего стимула, позволяющим количественно оценить уровень и длительность локального следового повышения возбудимости в проекциях зрительных и вербальных раздражителей в условиях разной глубины их перцептивного и смыслового анализа, выдвинутая гипотеза могла быть экспериментально проверена. И она полностью подтвердилась. Во всех случаях, когда зрительные и вербальные раздражители подвергались более глубокому и всестороннему анализу, выраженность и длительность локальных следов кратковременной памяти в их корковых проекциях была выше, чем при более поверхностном и грубом анализе (Познавательная активность в системе процессов памяти, 1989; Локалова, 2004).

В эту систему фактов удалось включить также нейрофизиологические данные о длительности следовых процессов в последствии вербальных раздражителей, полученные в исследовании Н.П. Бехтеревой с сотрудниками (Память в механизмах нормальных и патологических реакций, 1976). В глубоких структурах мозга регистрировались паттерны нейронной активности, воспроизводящие некоторые акустические характеристики предъявляемых испытуемым вербальных сигналов, которые они должны были запоминать. Предъявлялись хорошо известные слова (русские) и слова неизвестные (иностранные). В первом случае акустические нейронные паттерны после прослушивания слов быстро — в течение нескольких секунд — затухали, а во втором случае — стабильно удерживались в импульсной активности вплоть до сигнала к воспроизведению. Таким образом, нейрофизиологические данные также свидетельствуют о том, что следовые процессы в последствии вербальных раздражителей, требующих активного развернутого акустического анализа (иностранные слова), более длительны, чем в случае свернутого и автоматизированного анализа (русские слова).

Итак, в целом выстраивается достаточно стройная и разноуровневая система фактов и закономерностей, интегрирующая результаты психологических, психофизиологических, физиологических и нейрофизиологических исследований, раскрывающих условия

и механизмы связи активности человека как субъекта деятельности и эффективности его памяти.

Как уже отмечалось, данная система концептуально связана с предыдущей. В обеих системах центральным является понятие о локальных функциональных состояниях возбудимости в мозговых проекциях воспринимаемых объектов. В обеих системах выступают одни и те же условия и механизмы формирования таких локальных функциональных состояний. Это интеграция и синтез трех потоков возбуждений — со стороны самих действующих раздражителей, со стороны словесных инструкций, определяющих содержание выполняемых человеком заданий, и со стороны активирующих подкорковых структур мозга. А корковая мозаика таких локальных функциональных состояний определяет как особенности восприятия действующих раздражителей, так и выраженность и длительность оставляемых ими следов памяти.

Из полученной системы фактов следует одно очень интересное предсказание. Характеристики «светлого пятна сознания», если их измерить и оценить, — скорость его формирования в «нужных» пунктах коры полушарий, степень сфокусированности (концентрированности или размытости) и контрастности по сравнению с состоянием других пунктов коры — должны иметь самое прямое отношение к успешности умственной деятельности. Некоторые факты, подтверждающие это предположение, хотя и косвенные, уже имеются.

В одном из экспериментов измерялось время возникновения локально повышенной возбудимости и концентрированность этого состояния в пунктах коркового зрительного экрана, соответствующих проекциям незагорающихся ламп, расположенных посередине между двумя вспыхивающими, когда местоположение этих незагорающихся ламп должно было запоминаться испытуемыми. Обнаружились большие индивидуальные различия и в скорости возникновения соответствующего очага повышенной возбудимости, и в его концентрированности (Чуприкова, 1972). А Г.Ю. Айзенком был описан следующий эксперимент (Айзенк, 1995; Чуприкова, 1997). Перед испытуемым на приборной доске зажигаются одновременно три лампочки — две рядом, а третья в отдалении от них, задача испытуемого — нажать как можно быстрее на находящуюся возле нее кнопку. Полученные данные показали, что время реакций в этих условиях высоко коррелирует с интеллектом. Очевидно, причина в том, что время реакций тем короче, чем быстрее складывается очаг локально повышенной возбудимости в корковых пунктах адресации сигнальной лампы, чем он сильнее и концентриро-

ваннее. А если это так, то данные Г.Ю. Айзенка делают высоко вероятным справедливость сформулированного предсказания.

Представленные результаты интеграции выбранного фрагмента психологических знаний базируются на центральном понятии о состояниях избирательной локальной возбудимости в корковых проекциях воспринимаемых раздражителей, которые складываются как результат интеграции возбуждений из трех источников: со стороны самих действующих раздражителей, со стороны словесных отделов коры в соответствии с содержанием выполняемых человеком заданий и со стороны активирующих (и тормозящих) структур подкорки. Это новое для психологии и психофизиологии понятие, которое явилось результатом обобщения экспериментальных фактов, полученных методом тестирующего стимула. Оно относится к психофизиологическому уровню психологического знания. Поэтому можно сказать, что складывающаяся на его основе система психологических фактов, понятий и закономерностей строится «снизу», обретая общее единое психофизиологическое основание.

Но интеграция и систематизация психологических знаний могут осуществляться также и «сверху» — на основе некоторых общих принципов, выработанных в науке и философии.

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ «СВЕРХУ»

Далее рассмотрим проявление действия общего универсального закона развития сложных систем в умственном развитии человека и дифференционно-интеграционную теорию умственного развития.

В настоящее время не существует сколько-нибудь общепринятой теории умственного развития, которая могла бы достаточно ясно осветить его главные линии, механизмы и закономерности, способствовала бы обобщению и систематизации множества накопленных эмпирических фактов. Вместе с тем эмпирический материал психологии умственного развития очень богат, поэтому его систематизация и обобщение насущно необходимы.

Но как приступить к решению такой кажущейся непосильной и невыполнимой задачи? Ясно, что дальнейшее накопление фактов или выдвижение каких-то новых теорий не может помочь делу, но лишь усугубит существующее положение вещей. Охватить все эмпирическое содержание данных об умственном развитии в современной детской

и возрастной психологии с целью вывести из этого какие-то общие закономерности тоже невозможно, так как этот материал практически необозрим, и именно для того, чтобы сделать его обозримым, нужна адекватная теория. Получается заколдованный круг, хотя ясно, что начинать все же нужно с теории. Так возникла мысль обратиться для начала к другим областям, где наука уже заложила твердые основы изучения процессов органического развития, а также посмотреть, не сформулированы ли какие-либо всеобщие универсальные принципы или законы развития, которые могли бы послужить своего рода маяком или путеводной нитью для первоначального наведения порядка в области психологии умственного развития. Иначе говоря, представлялось наиболее правильным начинать не с создания какой-то новой теории, а с поиска чего-нибудь подходящего в истории философской, биологической и психологической теоретической мысли. Оказалось, что, по крайней мере, один всеобщий универсальный закон развития действительно давно сформулирован, и более того — многие выдающиеся мыслители видели его действие также в сфере умственного развития ребенка и в развитии научного познания. Этой традиции уже более 300 лет.

Универсальный всеобщий закон развития, который так или иначе звучал в трудах многих авторов, состоит в том, что всякое развитие, где бы оно ни происходило, идет от целого к частям, от общего к частному, от состояний и форм мало определенных, примитивных, глобально-диффузных и недифференцированных к состояниям и формам все более определенным, внутренне расчлененным и дифференцированным. Этот закон подразумевает, что развивается всегда некоторое исходное целое, которое по мере развития становится все более внутренне дифференцированным и иерархически упорядоченным. Он указывает также на базисную роль процессов дифференциации целого в развитии. В современной формулировке Ф. Берта LANFI, в процессах органического развития «первичное целое подразделяется на подсистемы». Параллельно этому идут процессы интеграции, обеспечивающие, во-первых, удержание исходной целостности и, во-вторых, формирование в ней новых, более высоких иерархических уровней.

На базе общего универсального закона развития оказалась возможной интеграция четырех до сих пор мало связанных массивов теоретических представлений и фактов. Это:

1. Теоретико-философские представления о существовании общего универсального плана развития всех сложных органических систем, о существовании общих универсальных принципов развития — дифференциации и интеграции. Их обоснование в биологии.

2. Ряд крупных психологических теорий умственного развития и теорий познания, в рамках которых закон развития от общего к частному, от целого к частям и принципы дифференциации и интеграции выступают как ведущие и основополагающие.

3. Ряд частных теоретических обобщений фактических экспериментальных данных о ходе развития отдельных психических процессов и функций (восприятия, речи, психомоторики, понятий и др.).

4. Фактические результаты многих исследований по развитию самых разных психических процессов и функций, полученные в рамках разных теоретических подходов.

Результаты проведенной нами работы отражены в других публикациях (Чуприкова, 1997; 2000; 2003, 2007). Здесь они будут изложены в предельно кратком, конспективном виде.

1. Теоретико-философские представления.

- Я.А. Коменский (природа начинает свою образовательную деятельность с самого общего и кончает наиболее частным).
- Г. Гегель (всякий предмет определяется сначала в своей общности, затем разлагается на множественность разных моментов и через это саморазличение становится развитым целым).
- Г. Спенсер (общие законы эволюции: рост дифференцированности, выделение различного в первоначально однородном, рост связанности частей, рост определенности).
- Вл.С. Соловьев (великий логический закон развития — три обязательных момента любого развития: первичная, мало определенная целостность, дифференциация, расчленение первичной целостности, свободное органическое единство всех элементов внутри целого).
- А.А. Богданов (всеобщая организационная наука: развитие систем — это дифференциация исходного первичного однородно-простого состояния, закон расхождения частей целого, процессы контрдифференциации и системной консолидации).

2. Общие универсальные законы развития в биологии.

- К. Бэр (правило эмбрионального развития, согласно которому оно идет от гомогенного и общего к гетерогенному и частному).
- Э. Мильн-Эвартс (принцип физиологического разделения труда: в процессе филогенеза целое, несущее определенную

общую функцию, расчленяется на части, обладающие разными, более специфическими функциями).

- Ч. Дарвин (все организмы произошли от одной или очень немногих простейших родоначальных форм благодаря усложнению их организации, которая происходит путем прогрессивной дифференциации тканей, органов, функций. В результате естественного отбора происходит дифференциация популяций, расхождение признаков соответственно частным условиям среды и возникновение многообразия форм на месте прежнего однообразия).
- И.И. Шмальгаузен (в процессе естественного отбора имеет место поднятие организации живых организмов на более высокую ступень, что происходит за счет внутренней дифференциации строения и функций организма с одновременной интеграцией, т.е. усложнением системы связывающих их зависимостей).
- Формирование морфологической структуры и интегративной деятельности центральной нервной системы в фило- и онтогенезе протекает по общему принципу: от диффузных неспециализированных форм структурной организации и функционирования к более специализированным дискретным формам (Дж. Джексон, Л.А. Орбели, А.А. Заварзин, А.И. Карамян, Н.И. Филимонов, Дж. Когхилл, П.К. Анохин, М.М. Кольцова, Д.А. Фарбер с сотрудниками).

3. Крупные целостные дифференционно-интеграционные теории умственного развития.

- Дифференционная теория умственного развития И.М. Сеченова, изложенная в труде «Элементы мысли» (эволюционное учение Г. Спенсера открывает возможность разрешить с удовлетворительной ясностью философский спор о развитии зрелого мышления из исходных детских форм. Умственное развитие должно начинаться с формирования сравнительно небольшого числа слитных форм и заключаться в большем и большем их расчленении с параллельно идущим группированием в разнообразных направлениях).
- Теория Х. Вернера (ортосенетический принцип: везде, где есть развитие, оно идет от состояний относительной глобальности и отсутствия или слабой дифференцированности к состояниям большей дифференцированности, расчлененности,

иерархической интеграции. Обобщение и упорядочивание большого числа фактов и закономерностей, накопленных в детской психологии, патопсихологии, психологии народов примитивной культуры, общей и дифференциальной психологии в соответствии с этим принципом).

- Дифференционная логико-гносеологическая теория развития знаний Н.О. Лосского (развитие знаний — это многократная, многоаспектная и бесконечная дифференциация действительности, данной субъекту в целостном и нерасчлененном виде в его созерцании).

4. Формулировки мыслителей и ученых о действии общего универсального закона в умственном развитии ребенка и в развитии познания.

- Я.А. Коменский (природный ход развития познания ребенка можно сравнить с ростом и развитием дерева, на котором, хотя бы оно росло сотни лет, вовсе не вырастают новые ветки, а только разрастаются уже существующие).
- Г. Гегель (вначале имеется чистая чувственность, которая бесконечно богата и бесконечно бедна, затем познание «отнимает» у вещей отдельные свойства и отношения, между которыми далее устанавливаются родовидовые отношения. Развитие понятий от абстрактного к конкретному).
- Т. Рибо (умственное развитие движется от мало определенных «протоплазматических» состояний познавательной сферы к состояниям все более определенным).
- Э. Клапаред (ввел в психологию понятие синкретизма. Определяющая черта детской психики — это восприятие вещей «в их целом», а путь психического развития — это путь от целого к частям).
- К. Коффка (сущность психического развития состоит в «усовершенствовании структур», которое идет по линии их все большего внутреннего расчленения).
- В.Н. Ивановский (к эволюции человеческого познания приложим общий закон развития — закон перехода от несвязной однородности к связной разнородности. Для первобытного мышления характерна, прежде всего, полная недифференцированность основных категорий умственной деятельности).
- С.Л. Рубинштейн («разительное сходство» между законом перцепции Н.Н. Ланге и схемой саморазвития понятий Г. Гегеля).

5. Частные дифференционные теории умственного развития, основанные на обобщении фактических данных.

- Дифференционная теория раннего перцептивного обучения и развития Э. Гибсон.
- Теория Г. Фолькельга о генетической первичности целостных переживаний.
- Дифференционная теория раннего концептуального развития К. Нельсон и дифференционная теория развития значений слов Е. Кларк.
- Теория канализированного развития категорий Ф. Кэйла.
- Теория Л. Смит и Д. Кемлер о переходе в младшем школьном возрасте от целостной интегральной репрезентации разных свойств воспринимаемых объектов к их когнитивной отделимости.
- Дифференционные теории фонетического развития Р. Якобсона и В.И. Бельтюкова.
- Возрастной рост полнезависимости и артикулированности всей психической сферы в теории полнезависимости/полнезависимости Х. Уиткина.

Все вышеизложенное приводит к заключению, что в психологии имеются все предпосылки для того, чтобы сформулировать обобщающую многие ее фактические и теоретические достижения дифференционно-интеграционную теорию умственного развития, вписанную в универсальную междисциплинарную системно-эволюционную парадигму современной науки.

Эта теория позволяет достаточно удовлетворительно обобщить с единой точки зрения и систематизировать большое количество фактов и закономерностей, относящихся к развитию самых разных познавательных процессов и функций, представлявшихся до сих пор разрозненными и не связанными между собой. Причем не только тех фактов и закономерностей, которые послужили основой упомянутых общих и частных теорий, но также и большого числа других. В эти теоретические рамки удастся без особых натяжек вписать, по существу, все наиболее известные фактические данные, полученные Ж. Пиаже (у самого Ж. Пиаже понятия синкретизма, схем целого, глобальности, недифференцированности и дифференциации красной нитью проходят через многие работы).

К общему плану развития всех познавательных процессов и функций хорошо подходят термин системогенез в том смысле, который вкладывает в него П.К. Анохин. Возникает кардинальный вопрос: поче-

му системогенез самых разных познавательных процессов и функций, независимо от их конкретных характеристик и содержания, подчиняется одним и тем же принципам? Поскольку психические процессы протекают не в «безвоздушном» пространстве, а разыгрываются на определенных глубинных психофизиологических структурах мозга, можно предположить, что все структуры, несущие функцию познания и регуляции поведения и деятельности, обладают некоторой формальной общностью своего системного строения и системного развития. Таким образом, дифференциально-интеграционная теория развития смыкается, с одной стороны, с одним из центральных понятий когнитивной психологии — с понятием внутренних когнитивных структур субъекта, а с другой — с проблематикой реализации в онтогенезе генетических программ развития психики. Отметим также, что из этой теории вытекает целый ряд следствий и предсказаний, доступных прямой экспериментальной проверке. Они рассматриваются в книге: Чуприкова, 2007.

К ПОСТРОЕНИЮ СИСТЕМЫ ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

В отечественной психологии (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, А.А. Смирнов, Б.Г. Ананьев, Б.Ф. Ломов, К.К. Платонов и многие другие) сложилось понимание психики как специфической функции мозга, состоящей в обеспечении отражения живым существом мира, в котором оно живет, его собственного тела и его состояний, а также результатов (положительных или негативных) его взаимодействий с миром (включая других живых существ) и регуляции на этой основе своего поведения и деятельности. Основываясь на этом понимании психики, можно попытаться построить в первом приближении систему психологических понятий, традиционно употребляющихся для классификации психических процессов и свойств личности и составляющих основной каркас общей психологии. Эта система может рассматриваться как первый набросок общей теории о психической регуляции поведения и деятельности, которая, по своей сути, совпадает с теорией функциональной системы организации поведенческих актов П.К. Анохина. Более подробно эта проблематика рассматривается в: Чуприкова, 2006.

Система строится как ответ на вопрос, что должно найти отражение в психике, чтобы поведение было адаптивным, а деятельность — успешной.

1. Должна быть отражена предметная объективная действительность. Это осуществляется системой *познавательных процессов*, включающей *ощущения, восприятие, воображение, мышление, память и внимание*.

Познавательные процессы направлены не только в сторону внешнего мира, но и на собственное тело человека и его состояния, на его поведенческую и вербальную активность. На уровне чувственного познания это интероцептивные и проприоцептивные ощущения, а на уровне мышления — рефлексия.

2. Должны быть отражены нужды организма и степень их удовлетворения. На высших этапах развития сюда добавляются нужды человека как личности. Это своеобразная форма отражения находит выражение во *влечениях, потребностях, желаниях, мотивах*.

3. Должно быть отражено значение для организма и личности (положительное или негативное) тех или иных внешних воздействий, внутренних состояний, а также результатов взаимодействия человека с миром, его поведения и деятельности. Это *эмоции и чувства*, своеобразная форма отражения, проявляющаяся в непосредственной чувственной оценке пользы или вреда для человека того, с чем он сталкивается и что он делает.

Если процессы, рассмотренные в рубриках 2 и 3, носят длительный характер, они могут быть обозначены как *психические состояния*, хотя границы здесь в высшей степени условны и мало определены.

4. Необходимо иметь сведения о результатах отражательной деятельности других людей, об их целях и намерениях, сообщать им о результатах собственной отражательной деятельности, о содержании и состояниях своей психики. Для обмена результатами психической отражательной деятельности (пункты 1, 2, 3) в человеческом обществе служат *язык и речь*, а также множество средств *невербальной коммуникации*.

Вербализация является механизмом *осознания* отраженных в психике внешних воздействий и внутренних состояний организма и личности. Если же регулирующие поведение воздействия не вербализуются, они не осознаются, принадлежат к сфере *бессознательного* отражения действительности и *бессознательной регуляции* поведения.

Жизненная задача психики — осуществлять адекватные внешней и внутренней среде жизнедеятельность и поведение. Поэтому результаты отражения ведут к выработке целей и моторных программ поведения (включая программы голосовых актов) и программ, изменяющих работу внутренних органов. Иногда для формирования таких программ

бывает достаточно какого-либо одного из четырех рассмотренных выше каналов отражения, но чаще всего в конкретных актах поведения результаты отражательной деятельности разных каналов должны интегрироваться и согласовываться между собой. Вся эта сложнейшая совокупность интеграционных процессов, ведущая к принятию решений и к формированию планов, целей и программ поведения, может быть обозначена традиционным термином *воля*. К этим процессам понятие отражения неприменимо, они ничего не отражают. Это те процессы, которые на основе интеграции результатов отражения осуществляют регуляцию поведения и деятельности.

Правомерность предложенной классификации психических процессов подкрепляется в определенной степени тем, что для каждой их группы могут быть указаны области мозга, с функциями которых они по преимуществу связаны. Для познавательных процессов это анализаторы и ассоциативные зоны коры, для потребностей и влечений — гипоталамус и ряд подкорковых образований, для эмоций и чувств — лимбическая система, для речи — речевые области коры, для интегративно-регуляторных волевых процессов — прецентральные и лобные ее отделы.

Разделение психических процессов на пять основных групп (познание; эмоции и чувства; влечения, потребности и мотивы; речь; воля), сложившееся в истории философской и психологической мысли, традиционно сохраняется во всех учебниках общей психологии, но оно до сих пор не базировалось на каком-то определенном логически ясном основании. В предложенной системе понятий это логическое основание указано.

Представленная система психических процессов имеет иерархическое строение. В ней *воля* не рядоположна с другими процессами, но занимает место центра, к которому все они сходятся, в котором формируются цели, планы и программы поведения и деятельности, адресованные к исполнительным органам, а также обратные управляющие влияния в отношении работы всех каналов отражения.

На предложенную систему понятий можно посмотреть еще с одной точки зрения: ее можно рассматривать как схематическое описание основных блоков процессуальной динамической организации поведения и деятельности. Это система тех внутренних психических процессов, взаимодействие и интеграция которых в каждом конкретном акте (или цикле) поведения и деятельности субъекта опосредствуют влияние на его поведение и деятельность внешних и внутренних условий ее осуществления. При таком взгляде легко обнаруживается, что данная

система представляет собой модифицированный и расширенный вариант обобщенной схемы функциональной системы организации поведения П.К. Анохина. Из схемы видно, что психика — это не сумма отдельных психических процессов (ощущения + восприятие + чувства + мышление + речь + воля), а единая целостная система, выполняющая определенную функцию и состоящая из нескольких подсистем. При этом каждая из основных подсистем в свою очередь подразделяется на определенные более частные подсистемы, функционирующие совместно. Поэтому, например, познавательная деятельность человека — это не ощущения + восприятие + воображение + мышление + память + внимание, а совместное функционирование всех этих подсистем в конкретных актах познания, поведения и деятельности.

В предложенной схеме функциональной системы психологической организации поведения и деятельности легко находят свое ясное место процессы опережающего отражения и акцептора результатов действия, которым отвечают проявления многочисленных установок разных типов и уровней.

Но каждый человек — это неповторимая индивидуальность и неповторимая личность с определенными устойчивыми особенностями отражения действительности и поведения. В истории философской и психологической мысли сложилась определенная классификация таких устойчивых характеристик, в которых ярко выражены индивидуальные различия между людьми: это способности, темперамент, характер, устойчивые черты эмоциональной сферы, система потребностей и мотивов, волевые качества личности. Эти понятия также традиционно рассматриваются в отечественных курсах общей психологии, составляя ее второй большой раздел.

Если посмотреть на перечень понятий, которые обычно представлены в разделе о психологии личности, то можно увидеть, что он до некоторой степени вполне сопоставим с процессуальной системой понятий, описывающей источники и механизмы динамической психологической регуляции поведения и деятельности субъекта.

Способности — это характерные устойчивые особенности по преимуществу блока познавательных процессов, блока восприятия речи (включая восприятие текстов) и отчасти — блока волевой регуляции.

Характер и волевые качества личности — это проявление устойчивых особенностей блока регуляции поведения и деятельности.

Устойчивые особенности эмоций, потребностей и мотивов — это характерные устойчивые черты *эмоциональной и потребностно-мотивационной* сфер личности.

При взгляде на основные, традиционно выделяемые индивидуальные и личностные особенности человека с точки зрения понятия отражения можно заключить, что они представляют собой устойчивые индивидуальные особенности тех основных групп динамических психических процессов, которые осуществляют отражение действительности и регуляцию на этой основе поведения и деятельности. В терминах П.К. Анохина, это более или менее устойчивые характерные индивидуальные особенности основных составляющих функциональной системы психической регуляции поведения и деятельности. Правда, в получившейся функциональной системе нет такой подструктуры, как темперамент. И это закономерно, так и должно быть. Темперамент не имеет и не может иметь аналога в системе психических процессов, обеспечивающих отражение действительности и регуляцию на этой основе поведения и деятельности, потому что та реальность, которую называют темпераментом, не осуществляет никаких процессов отражения, в ней ничто не отражается и она не участвует прямым содержательным образом в выработке программ поведения и деятельности. Темперамент участвует в организации поведения и деятельности по-другому.

Темперамент — это система устойчивых динамических и энергетических характеристик всех психических процессов, которая определяется свойствами нервной и нейрогуморальной систем организма. Свойства темперамента откладывают отпечаток на протекание всех без исключения психических процессов и на индивидуальные устойчивые особенности всех подструктур личности (особенно велика роль темперамента в подструктуре волевых процессов). Поэтому подструктура темперамента не рядоположна другим подструктурам личности, а представляет собой глубокий физиологический уровень ее иерархической организации, общий для всех остальных подструктур.

Ведущим решающим фактором формирования устойчивых структур личности должно быть, как это постулируется теорией П.К. Анохина, достижение в каждом конкретном акте (или цикле) поведения и деятельности конечного позитивного результата работы динамических функциональных систем.

Таким образом, проблематика психологии личности теоретически смыкается с проблематикой психологии психических процессов. А если это так, то сложившееся в отечественной психологии понимание психики как отражения действительности, необходимого для регуляции поведения и деятельности, создает также серьезные предпосылки для концептуального сближения двух пока еще почти не связанных между

собой областей психологии — психологии психических процессов и психологии личности.

Представленная система психологических понятий и схема функциональной системы психической регуляции поведения и деятельности характеризуют психику современного взрослого человека, которая является продуктом длительного эволюционного, исторического и онтогенетического развития. На самых ранних этапах возникновения психики никаких отдельных каналов отражения еще не существовало, они формировались и дифференцировались из первоначально слитного мало определенного состояния лишь в процессе длительной эволюции. Начальные этапы развития психики на ранних этапах онтогенеза современного ребенка также характеризуются значительно меньшей дифференцированностью психической сферы, чем это имеет место у взрослого человека. Поэтому в рамках развиваемых представлений проблема развития системы психической регуляции поведения и деятельности ясно вписывается во всеобщий универсальный дифференционный закон развития всех органических процессов природы и общества.

Наконец, в представленной системе находят законное ясное место механизмы центрального управления афферентацией. При их посредстве из всего комплекса наличных воздействий человек осуществляет конечный выбор только тех из них, которые необходимы для достижения позитивного поведенческого результата складывающейся функциональной системы — «нужные» воздействия усиливаются и участвуют в организации движений и вербальных ответов, а «ненужные» тормозятся.

ЛИТЕРАТУРА

- Айзенк Г.Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 111–131.
- Андерсон Дж.Р. Когнитивная психология. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
- Бойко Е.И. Время реакции человека. М.: Медицина, 1964.
- Бойко Е.И. Механизмы умственной деятельности. М.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002.
- Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Избр. психол. исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.
- Запорожец А.В. Развитие произвольных движений. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.

- Локалова Н.П.* Нейродинамические изменения возбудимости корковых пунктов зрительного анализатора как показатель сложности аналитико-синтетической деятельности субъекта // Психология высших когнитивных процессов / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.И. Чуприковой. М.: ИП РАН, 2004. С. 76–95.
- Память в механизмах нормальных и патологических реакций / Под ред. Н.П. Бехтеревой. Л.: Наука, 1976.
- Пограничные проблемы психологии и физиологии / Под ред. Е.И. Бойко. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961.
- Познавательная активность в системе процессов памяти / Под ред. Н.И. Чуприковой. М.: Педагогика, 1989.
- Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Соколов А.Н.* Внутренняя речь и мышление. М.: Просвещение, 1968.
- Чуприкова Н.И.* Слово как фактор управления в высшей нервной деятельности человека. М.: Просвещение, 1967.
- Чуприкова Н.И.* О причинах роста латентных периодов реакций при увеличении числа альтернативных сигналов // Вопросы психологии. 1969. № 1. С. 60–74.
- Чуприкова Н.И.* О стабилизации времени реакций при большом числе хранящихся в памяти эталонов // Вопросы психологии. 1971. № 1. С. 50–62.
- Чуприкова Н.И.* О скорости развития и степени концентрированности локального очага повышенной возбудимости при выделении объекта из фона // Проблемы дифференциальной психофизиологии / Под ред. В.Д. Небылицына. М.: Педагогика, 1972. Т. VII. С. 156–175.
- Чуприкова Н.И.* Предпусковая интеграция в опытах с измерением времени реакций человека // Системный анализ механизмов поведения / Под ред. В.Б. Швыркова. М.: Наука, 1979. С. 42–56.
- Чуприкова Н.И.* Психология умственного развития: принцип дифференциации. М.: Столетие, 1997.
- Чуприкова Н.И.* Идеи общих законов развития в трудах русских мыслителей конца XIX — начала XX вв. // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 109–125.
- Чуприкова Н.И.* Умственное развитие и обучение: К обоснованию системно-структурного подхода. М.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2003.
- Чуприкова Н.И.* Метод тестирующего стимула в изучении механизмов аналитико-синтетической деятельности мозга человека // Психология высших когнитивных процессов / Под ред. Т.Н. Ушаковой, Н.И. Чуприковой. М.: ИП РАН, 2004. С. 10–32.
- Чуприкова Н.И.* Теория отражения, психическая реальность и психологическая наука // Методол. И история психологии. 2006. Т. 1. Вып. 1. С. 174–192.
- Юревич А.В.* Структура психологических теорий // Методологические проблемы современной психологии / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2004. С. 20–36.

МЕТАПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИНТЕГРАЦИИ ПСИХОЛОГИИ

И.Е. ГАРБЕР

Надо только честно оценить успехи (а их немало!),
понять имеющиеся слабости (которые, конечно же,
не хочется замечать), и признать, что теоретическая
психология может быть построена только по канону
естественных наук

(Аллахвердов, 2003).

Много лет назад ярославский методолог М.С. Роговин с сожалением констатировал, что подавляющее большинство попыток создания единой психологической теории было сделано с позиций идеалистической философии (Роговин, 1969, с. 6). В годы перестройки и гласности была названа причина: во всем виновато единственно верное вероучение — марксизм, знавший ответы на все вопросы. Когда он сошел с арены, неожиданно для многих обнаружилось, что вместе с ним исчез и единый язык, на котором психологи разговаривали друг с другом (Аллахвердов, 2003, с. 9).

Цель данной работы состоит в том, чтобы на основе междисциплинарных аналогий наметить контуры подхода, позволяющего от современной методологии психологии, основанной на философии и изначально, со времен И. Канта, деструктивной по отношению к науке (Мазилов, 1998, с. 148), перейти к четко структурированной психологической дисциплине «метапсихологии» с явно разделенными эмпирическим и теоретическим языками описания психологической реальности и ориентированной конструктивно, на синтез различных, как правило, противоречащих друг другу концепций, сохранение основных полученных в них результатов и устранение артефактов, кочующих из учебника в учебник.

СЕМЕЙСТВО МЕТАНАУК: ИСТОРИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Попытки психологов решить проблемы поиска оснований своей дисциплины в «семейном кругу», без обращения к опыту других наук, напоминают сизифов труд. Интеллектуальных усилий при решении «вечных» вопросов затрачено немало, а продвижение вперед по «особому» пути отсутствует в вопросах, затрагивающих основы психологических исследований.

Так, в начале ХХI в. дискутируют о том, «где находится внутренний мир?» и «где граница между внешним и внутренним?» (Вересов, Агафонов, 2004). Вопросы разумные и не праздные, но по форме и содержанию напоминают задававшиеся в средние века теми, кто штудировал космологию Аристотеля: «А что находится вне мира?», «А что будет, если проткнуть палкой самую крайнюю оболочку небесного свода?» (Койре, 1985, с. 17). Спорящие «не замечают» Дж. фон Неймана, уничтожившего границу между «внутренним миром» компьютера и «внешним миром», представленным входными данными, и обеспечившего беспрецедентный успех информатики.

Примеры из истории науки показывают, что прогресс, понимаемый как *качественно-количественное изменение описания картины мира*, возможен и при неверных исходных посылах, но не в результате бега «на месте». Ответы на многие «вечные» психологические вопросы не нужны ни для практики, ни для теории, а потому их лучше не задавать, оставив для обсуждения философам. Вряд ли редакция компьютерного журнала выделит место для обсуждения вопроса о том, где находится операционная система Windows. *Слабым местом методологии психологии является то, что она задает не те вопросы, что ведут к успеху.* Поиск «единицы психического», например, сродни поиску философского камня или вечного двигателя и по затраченным усилиям, и по достигнутым результатам.

Прогресс астрономии, механики, физики, да и естественных наук в целом связан с рассмотрением *заведомо не существующих идеальных объектов* (материальных точек, не имеющих размеров, но обладающих массой; гладких поверхностей, по которым можно двигаться без трения и т.д.) и *постулатов, связывающих их между собой и противоречащих здравому смыслу, жизненному опыту и интуиции* (тяжелое тело в отсутствие сопротивления среды падает с такой же скоростью, как и легкое; два никак не связанных между собой тела притягиваются друг к другу и т.д.). Может быть, и успех З. Фрейда частично обусловлен введением таких объектов («Я», «Оно», «Сверх-Я») и опорой

на постулаты, противоречащие здравому смыслу (эдипов комплекс, детская сексуальность)?

Успешная наука агрессивно навязывает свою точку зрения большинству и противоречит житейским представлениям и стереотипам:

- «науку занимает не то, что думают люди о мире, и не то, как они в связи с этим себя ведут, а то, что им следовало бы думать» (Хайек, 2003, с. 39);
- «из двух форм знания более объективной мы должны считать ту, которая в большей мере полагается на теорию, нежели на более непосредственное чувственное восприятие» (Полани, 1985, с. 21).

Систематический анализ начнем с терминологии. Префикс греческого происхождения «мета» имеет множество значений, среди которых *о, вне, среди, после, между, позади, через, изменения в*. Первое из этих значений, возможно, является наиболее распространенным, особенно в философски ориентированных работах, другие используются свободно в различных контекстах (Ребер, 2003).

Например, отечественные и зарубежные психологи, занимающиеся методологическими проблемами, охотно используют термины типа «метаоткрытие» (Ярошевский, 1996, с. 23) или «метамотивация» (Маслоу, 1999, с. 313), не утруждая себя точными определениями. Напротив, термины «метатеория», «метасистема», «метауровень», «метаязык» и им подобные допускают единообразное истолкование. Например, *метатеорией* принято называть теорию, анализирующую другую теорию, обычно называемую *объектной* или *предметной*. При этом исходный язык теории называется *объектным (предметным)*, а язык метатеории — *метаязыком* или *языком-объектом*.

Истоки подобного употребления префикса «мета» находятся в математике и логике. Термины «язык-объект» и «метаязык», точнее, их польские и немецкие аналоги, были введены А. Тарским и Р. Карнапом (Черч, 1960, с. 370). Соотношение между метаязыком и предметным языком можно пояснить на примере человека, родным языком которого является русский, изучающего иностранный язык. Все начальные сведения в учебниках и словарях он воспринимает на русском языке (на метаязыке), но его конечная цель состоит в том, чтобы овладеть иностранным (предметным) языком. В теоретических исследованиях, как правило, предполагается, что если в качестве метаязыка взят русский язык, то фактически будет использоваться лишь некоторый весьма узкий его фрагмент. Это делается для того, чтобы избежать появления логических парадоксов, речь о которых пойдет ниже.

Ситуация меняется, когда префикс «мета» добавляется к названиям наук. Даже далекий от методологии ученый помнит, что под «метафизикой» понимается нечто отличное от «науки о физике». Отчасти это объясняется историей термина. Утверждается, что, пытаясь расположить произведения Аристотеля в соответствии с их внутренними связями, александрийский библиотекарь Андроник Родосский в 1 в. до н. э. озаглавил одну из его книг «метафизика», имея в виду, что она следует после физики.

Есть и более сложные версии. Автор концепции о диалогическом «новом мышлении» Ф. Розенцвейг считает, что приставка «мета» в терминах «метафизика», «металогика» и «метаэтика» предназначена для обозначения выхода бога, мира и человека за пределы традиционной философской целостности, конкретными моделями и символами которой служат физис, логос и этос (Наместникова).

Вместе с тем многие науки пришли к идее метанауки, понимаемой как логическая рефлексия о собственных основаниях. Первоначально в переписке З. Фрейда с В. Флиссом в 1896 г. под метапсихологией понимали психологию, ведущую за пределы сознания. Противопоставление для того времени естественное, но неточное. Скорее, речь шла о «метасознании». В опубликованных работах термин «метапсихология» впервые появился в 1901 г. в «Психопатологии обыденной жизни», где использовался для того, чтобы пояснить стремление психоанализа заменить метафизику метапсихологией (Фрейд, 1989, с. 297).

Предлагается вернуть термин «метапсихология» научной психологии, наполнить его адекватным содержанием (предмет, структура, методы) и использовать для решения актуальных теоретических проблем.

Для определения смысла термина «метапсихология» обратимся к родовому имени «метанаука» и рассмотрим «жизнеописания» ближайших «родственников» по виду.

Психологи любят говорить о перманентном кризисе оснований своей науки и видят в нем одну из ее специфических особенностей. Между тем и более благополучные науки, такие, как математика и физика, знали периоды, когда их будущее представлялось сомнительным, но, в отличие от психологии, успешно преодолевали возникшие трудности.

После многих веков успешного развития своей науки математики, уверенные, что они доказывают *истинные* утверждения, столкнулись с противоречащими здравому смыслу неевклидовыми геометриями и примерами функций с патологическими свойствами. К этому времени

им удалось заложить фундамент современной математики — теорию множеств. Именно в ней они встретились с парадоксами, затронувшими основания науки и потребовавшими отказа от многих классических результатов, вызывавших их профессиональную гордость. Наибольшее впечатление на современников произвел парадокс Б. Рассела, независимо от него обнаруженный Э. Цермело и восходящий к парадоксу «лгущего критянина» Эпименида (Клини, 1957, с. 39–42).

В ответ Д. Гильберт заявил, что «никто не может изгнать нас из рая, который создал нам Кантор» и «отнять у математиков закон исключенного третьего — это то же, что забрать у астрономов телескоп или запретить боксерам пользование кулаками» (Гильберт, 1948, с. 350, 383). Для спасения математики от парадоксов и критики он разработал программу, названную им метаматематикой, или теорией доказательств.

Для построения метапсихологии важно, что метаматематика:

- *возникла для разрешения кризиса оснований*, грозившего лишить науку важнейших результатов;
- *потребовала разработки новой терминологии* (метаязык, язык-объект, метатеория);
- *рассматривала предметные теории как системы бессодержательных предметов*, аналогичных позициям в шахматной игре;
- *допускала применение только финитных методов рассуждений*, т.е. использующих интуитивно представляемые объекты и операции;
- *получила статус математической, а не философской дисциплины*;
- *заменила требование истинности утверждений на условие непротиворечивости теории*. Несогласный с этим шагом интуиционист Л. Брауэр писал: «Неправильная теория, не натолкнувшаяся на противоречие, не становится от этого менее неправильной, подобно тому, как преступное поведение, не остановленное правосудием, не становится от этого менее преступным» (Клини, 1957, с. 56–57).

Проблемы, волновавшие математиков сто лет назад, не чужды современной психологии. При изучении патологий общения и шизофрении Г. Бейтсон описал ситуации двойного принуждения («double bind»), в которых один из партнеров посылает другому противоречащие друг другу сигналы, не оставляющие ему никакого приемлемого выбора, ситуации, в которых человек, что бы он ни делал, «не может

победить» (Бейтсон, 2000, с. 226). Чаще всего сигнал принимает форму приказа, который нужно выполнить, но выполнение которого состоит в том, чтобы проявить неповиновение. В отличие от компьютера, лишённого эмоций, человек тем или иным способом расшифровывает направленное ему послание.

Бейтсон прямо апеллирует к теории логических типов Б. Рассела, запретившего в своей теории возникновение таких парадоксальных ситуаций (Бейтсон, 2000, с. 228). При общении людей или в случае ввода противоречивых команд в компьютер такой запрет невозможен или нежелателен. М. Ротенберг насчитал в библейской литературе свыше 180 описаний ситуаций двойного принуждения и предложил психологический принцип *парадоксальной интерпретации* такого текста: не читать его так, как написано, а, немного изменив его, искать альтернативный смысл. Может быть, этот принцип когда-нибудь пригодится психологам и математикам.

А.В. Карпов приходит к парадоксу Рассела, анализируя понятие метасистемного уровня и связанный с ним *парадокс высшего уровня системы*. Он считает, что «наиболее естественным, хотя и достаточно радикальным способом снятия указанного парадокса может быть предположение, согласно которому в содержании системы (в том числе — и психики) может существовать такой уровень, который *одно-временно* является и ее собственным уровнем, и уровнем, выходящим за ее пределы (метауровнем), то есть в определенном смысле — локализованным вне нее» (Карпов, 2004, с. 156). Апелляция к принципу дополнительности, простоте и феноменологической понятности не снижает, по его мнению, трудность конкретно-научного объяснения (Карпов, 2004, с. 161, 163). Добавим — и формально-логического объяснения тоже.

Идеи, предложенные математиками для спасения своей науки, были приняты не всеми представителями других наук. Условно их можно распределить вдоль спектра с двумя полюсами. На одном из них находятся те, кто более или менее последовательно, с тем или иным успехом, с учетом специфических особенностей развивал метанауку — этики, социологи, географы. Ко второму полюсу относятся те, кто «подарил» префикс «мета» философам, теологам, параученым и специалистам оккультных наук, любителям трансцендентальности и мистики — физики, историки и психологи.

Среди гуманитариев наибольших успехов в области метатеории добились специалисты по этике (Максимов, 1998). Для построения метапсихологии важно, что метаэтика:

- поставила под сомнение взгляды почти всех предшественников;
- со временем выработала специальную терминологию;
- на начальном этапе в качестве основного метода использовала *логико-лингвистический анализ*, точнее, *логико-семантический анализ* быденного языка и *этических текстов* и апеллировала к «здравому смыслу»;
- развивалась несмотря на то, что научный статус этики был и остается спорным;
- охватывает сегодня основные методологические вопросы этики: о ее предмете, структуре, методах, функциях, а также — в силу традиционного неразличения этики и морали — о структуре и механизмах морального сознания в целом (включая его психологические компоненты);
- допускает исследования на двух уровнях — «теоретическом» и «прикладном»;
- вызывает устойчивую неприязнь этиков к метаэтической «формалистике», освоение которой требует значительных усилий, в то время как обнаруживаемые с ее помощью формальные ошибки игнорируются сообществом специалистов по этике (Максимов, 1998).

В отличие от математиков, преследовавших при создании метаматематики созидательные цели, основатель метаэтики Дж. Мур (Мур, 1984) и его последователи заложили в ее основание критические тенденции поиска логических ошибок, а не сохранения важнейших результатов. В.А. Мазиллов отмечает сходный феномен применительно к психологии: «Кант был одним из первых методологов психологии, а методология (в этом проявились особенности самого Канта как личности) приняла форму критики» (Мазиллов, 1998, с. 148).

Как важный контекстный фактор отметим, что из-за непримиримых споров в социогуманитарной сфере в XX в. трудно обнаружить фигуру, обладающую бесспорным авторитетом среди современников, таким, как Д. Гильберт среди математиков.

Специфика гуманитарных наук проявляется также в использовании *психоллингвистического анализа*, позволяющего, в силу укорененности многих терминов в быденном языке, получать нетривиальные выводы о сложных социально-психологических феноменах. Они противостоят мнению представителей естественных наук, отвергающих, что «идеи» вещей «обладают некой трансцендентальной реальностью и что, анализируя идеи, мы можем узнать нечто, если не все, о свойствах реальных вещей» (Хайек, 2003, с. 34).

Подведем итоги междисциплинарного анализа.

1. Значительное количество ученых, в том числе обществоведов и гуманитариев, обнаружив кризис оснований своей науки, пришло к идее метанауки, понимаемой как *логическая рефлексия* о собственных теориях и используемых методах в рамках исходной дисциплины.
2. Часть из них, например, математики, увидели в метанауке инструмент сохранения важнейших результатов.
3. Другие, например, этики, рассматривали метанауку, прежде всего, как инструмент обнаружения ошибок и противоречий.
4. Разные науки использовали специфические методы мета-анализа.

Для построения метапсихологии как психологической, а не философской дисциплины желательно, исходя из опыта других наук, разработать подход, в рамках которого возможен, с одной стороны, синтез различных, как правило, противоречащих друг другу психологических концепций, сохранение основных полученных в них результатов и, с другой стороны, устранение устаревших и ошибочных положений, переписываемых авторами учебников друг у друга. Релевантной поставленной задаче представляется концепция метасистемного перехода В. Ф. Турчина (Турчин, 2000).

МЕТАСИСТЕМНАЯ ДИНАМИКА

Физик и специалист в области информатики В.Ф. Турчин подвел итоги кибернетического бума в сфере метанауки. Многие исследователи-социогуманитарии не без оснований не скрывают своего разочарования ими, поэтому имеет смысл кратко оценить достоинства и ограничения кибернетического подхода.

Напомним его основные положения в трактовке Турчина. Термин «кибернетика» (от греческого слова «кормчий») ввел Н. Винер, определив его как теорию управления и связи в живых организмах и машинах.

Систему, состоящую из управляющей подсистемы X и управляемых и порождаемых ею однородных или сходных в каком-то отношении подсистем A_1, A_2, A_3, \dots Турчин называет *метасистемой* по отношению к системам A_1, A_2, A_3, \dots , а переход от систем A_1, A_2, A_3, \dots

к метасистеме — *метасистемным переходом* (далее МСП). Турчин рассматривает его как квант эволюции и претендует на объяснение структуры скачков в эволюции сложных систем, в частности, науки и на указание их «точек роста».

МСП создает высший уровень организации — *метауровень* по отношению к уровню организации интегрируемых подсистем. С функциональной точки зрения МСП состоит в том, что активность, являющаяся управляющей на низшем этапе, становится управляемой на высшем этапе и появляется качественно новый вид активности, ассоциируемый с высшим уровнем управления и наиболее характерный для него.

Обозначим исходную высшую активность А, а активность, возникшую в результате МСП,— А'. Тогда функциональное описание МСП может быть представлено символически как «Управление $A = A'$ ». В этих терминах эволюция описывается В.Ф. Турчиным следующим образом:

1. Управление положением = движение.
2. Управление движением = раздражимость (простой рефлекс).
3. Управление раздражимостью = (сложный) рефлекс.
4. Управление рефлексамии = ассоциирование (условный рефлекс).
5. Управление ассоциированием = человеческое мышление.
6. Управление человеческим мышлением = культура.

Первый МСП, согласно Турчину, заключается в возникновении движения. Интегрируемыми подсистемами являются части клетки, обеспечивающие обмен веществ и размножение. Положение этих частей в пространстве до поры до времени случайно, неуправляемо. Но вот появляются органы, соединяющие остальные части клетки и приводящие их в движение, и происходит МСП, определяемый формулой: *управление положением = движение* и т.д.

МСП создает *специализацию* интегрируемых подсистем. Некоторые из них до МСП имели функции, необходимые для самостоятельной жизни, но ставшие ненужными и утрачиваемые в сообществе, ибо они лучше выполняются другими подсистемами. МСП не может совершиться под воздействием одних лишь внутренних факторов интегрируемых подсистем, но всегда требует вмешательства извне, «сверху».

Современному психологу модель Турчина, основанная на утративших (ассоцианизм) и утрачивающих (бихевиоризм) популярность идеях, может показаться устаревшей или наивной. Однако его идеи

о том, что, развиваясь, культура порождает внутри себя следующий уровень иерархии — критическое мышление, которое в свою очередь порождает современную науку — построение моделей действительности с помощью знаковых систем, допускают представление в виде формул, отсутствующих в издании 2000 г. И в более современной англоязычной версии в Интернете:

7. Управление культурой = критическое мышление.
8. Управление критическим мышлением = наука.
9. Управление наукой = метанаука.

Мысль Турчина о том, что метанаука может рассматриваться как результат МСП, представляется плодотворной для психологии. Перед тем, как вернуться к ней, сформулируем два ограничения данной модели. Они состоят в том, что она является:

1. *Феноменологической* и основана на концепции «черного ящика», в который, в случае его сложного внутреннего устройства, необходимо постучаться и посмотреть, что внутри (Ф. Крик).

2. *Дескриптивной*, а ее *прогностическая* и *эвристическая* ценность нуждается в проверке.

Далее с помощью концепции В.Ф. Турчина строится *многоуровневая* структура метапсихологии.

МЕТАПСИХОЛОГИЯ: ПРЕДМЕТ, СТРУКТУРА И МЕТОДЫ

Как уже отмечалось выше, метаподход, предлагаемый в данной работе, исходит из того, что психологами накоплен ценный экспериментальный и теоретический материал, принадлежащий различным школам и направлениям, идейно противоречащим друг другу, и имеющий смысл только с учетом соответствующих контекстных факторов (исторических, культурных, экономических). Речь идет о создании многоуровневой теории, способной сохранить значительную часть имеющихся достижений и отбросить ряд старых ошибок и заблуждений, а также, в отличие от традиционной методологии, созданной классиками (Л.С. Выготским, С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым), доступной для разработки студентам-психологам старших курсов.

Таким образом, *под метапсихологией предлагается понимать психологическую дисциплину, изучающую научную психологию. Преимущественно эмпирический язык других психологических дисциплин,*

возникший для описания феноменологического «фасада» психической реальности, является для метапсихологии объектным (предметным), а метатеории предлагается излагать на *теоретическом метаязыке*. Его психологам предстоит разработать в XXI в., что не исключает существования общих терминов в эмпирическом языке-объекте и теоретическом метаязыке.

Рассмотрим некоторые примеры исследований, иллюстрирующие структуру и методы метапсихологии. Е.В. Сидоренко считает, что «интерпретации результатов сложных обсчетов несут в себе лишь видимость научной объективности, поскольку мы по-прежнему субъективно интерпретируем, но уже не реальные результаты наблюдений, а результаты их математической обработки» (Сидоренко, 2001, с. 7) и на этом основании не рассматривает в своей книге многомерные методы статистического анализа.

С позиции метапсихологического подхода ситуация видится по-другому. В рамках отдельного психологического исследования МСП подлежащим изучению является, как показывает Ю.Н. Толстова, «*анализ данных*», рассматриваемый как «специфичный процесс, не сводящийся ни к какому набору математических приемов и органично вписывающийся в содержательную ткань» социального исследования (Толстова, 2000, с. 9). Социологи давно осознали важность проблемы интерпретации и анализа данных (Интерпретация..., 1987).

Необходимость синтезировать результаты независимых исследований (рассматриваемая нами также как МСП) привела во второй половине XX в. к созданию мощного статистического метода — *мета-анализа* (Мартин, 2002, с. 372). В России его «монополизировали» медики для оценки клинической эффективности терапевтических вмешательств. На Западе у психологов популярен *качественный* мета-анализ, и на его основе, создан новый вид публикаций — *систематический обзор* (systematic review, systematic overview).

В общем случае мета-аналитический процесс состоит из пяти шагов (Handbook, 2002, с. 200–202): определение основной цели анализа; поиск релевантных публикаций; выбор критериев их оценки; сбор информации по каждому исследованию, удовлетворяющему критериям; ее анализ, как правило, математическими средствами.

Таким образом, основным инструментом метапсихологических исследований «нижнего» уровня является, с некоторыми оговорками, касающимися качественных оценок, *статистический* метод. Пропуская, в силу ограниченности объема работы, «средний» уровень, например, проблему построения метатеории мотивации и метамоти-

вации (Хекхаузен, 2003; Маслоу, 2003, с. 313–353), перейдем сразу на самый «верх», где решаются проблемы предмета, объекта и метода психологии.

В.А. Лефевр пытается осуществить синтез ментализма и бихевиоризма с помощью рефлексивных моделей (Лефевр, 2004) и «не замечает» пока ассоцианизм, гештальтизм, когнитивизм и прочие «измы», созданные поколениями психологов.

Одним из первых отечественных психологов, попытавшихся свести в единую концепцию основные теории XX в., был М.Г. Ярошевский, назвавший свой метод *категориальным анализом* (Ярошевский, 1974, с. 21). В частности, он выделил и связал с отдельными теориями систему базисных, ведущих категорий, однако оставил нерешенной проблему их полноты (все ли важнейшие категории уже обнаружены исследователями?), независимости и, главное, не описал метатеорию, основанную на них.

Ф.Е. Василюк выделил в советской психологии три теории, сумевшие свой предмет до одной категории: *отношений* В.Н. Мясищева, *установки* Д.Н. Узнадзе и *деятельности* А.Н. Леонтьева (Василюк, 2003, с. 142). Он показал, что каждая из них может претендовать на роль *общей* психологии и, исходя из того, что «синтез теорий может быть плодотворен только в том случае, если всем им присуще глубинное родство, общность базовых методологических и онтологических представлений» (Василюк, 2003, с. 150), утверждает, что завершающей парадигму категорией должно стать *общение*.

История психологии показывает, что родство и общность представлений о психической реальности являются исключением из правила, согласно которому новая психологическая концепция появляется в результате критики и отвержения всех предыдущих. С учетом этого замечания блестящим и, вероятно, незавершенным представляется *логико-содержательный* анализ, осуществленный Л.М. Веккером (Веккер, 2000, 1974) и схематически представленный ниже в таблице.

Рассматривая классические психологические концепции (исключая их культурно-исторический контекст и социальную детерминацию психических явлений) с позиций теории психических процессов, Веккер показывает, что каждая из них сложилась закономерным образом, исходя из феноменологического фасада психических явлений, выделила отдельные их аспекты в виде небольшого числа категорий и, абстрагируясь от остальных, не менее существенных характеристик, доказала свою эвристическую ценность, но в конечном счете из-за отброшенных категорий не смогла свести концы с концами и оказалась в тупике.

Таблица 1

Мета-анализ классических психологических концепций по Л.М. Веккеру

Концепция	Главный аспект исследования	Побочный аспект исследования	Субстрат и мозговой механизм	Тупик
Ассоциативная Психология	Способ связи психических феноменов	Отсутствует	Учитывается (Гартли)	Параллелизм нервного и психического
Структурализм и гештальтизм	Структура, предметная целостность	Изоморфизм психических, нейрофизиологических и физических явлений	Не учитывается	Параллелизм психического, физиологического и физического
Функциональная психология	Функция	Отсутствует	Не учитывается	Стимул зависит от организма и его реакции
Бихевиоризм	Поведение	Вероятностная организация поведения	Не учитывается	Отсутствие внутренней структуры
Психологический энергетизм	Мотивация	Энергия	Не учитывается	Специфика психической энергии
Психология деятельности	Движение, действие, операция	Энергия (П. Жане)	Не учитывается	Психические структуры замещают субстрат

Веккер отмечает, что общей чертой всех концепций является то, что «эмпирический и теоретический языки в них еще не разведены, и, соответственно, не сформулированы проблемы, с необходимостью требующие перехода к конкретно-научной метатеории» (Веккер, 2000, с. 52).

В ранних работах он, с одной стороны, утверждал, что средствами внутрипсихологического понятийного аппарата синтез главных аспектов психической деятельности принципиально неосуществим и требует выхода за пределы психологической теории (Веккер, 1974, с. 110), а, с другой стороны, в качестве искомой чудо-теории, органически включающей даже понятие материала, предлагал *общую теорию*

сигналов (Веккер, 1974, с. 115). Время поставило под сомнение первое утверждение, а второе дополнило *синергетическим* подходом.

Метод Л.М. Веккера, условно названный выше логико-содержательным анализом, представляется образцом мета-анализа концепций высокого уровня. Он позволил выделить главный и побочные аспекты исследования и показать, что введение категории «целостности» естественно привело гештальт-психологов к *принципу изоморфизма* психических, нейрофизиологических и физических явлений (Веккер, 2000, с. 33), а бихевиористов отказ от рассмотрения внутренней психической структуры и необходимость объяснения адаптации организма к окружающей среде заставили ввести *принцип вероятностной организации поведения* (Веккер, 2000, с. 37; см. также: Лефевр, 2004). Это позволяет, вопреки внешней видимости, считать бихевиоризм психологической теорией (Веккер, 2000, с. 39).

Подведем итоги проделанного анализа.

1. Идея метанауки закономерно возникает в кризисной для науки ситуации. Она может служить как конструктивным (сохранение важнейших результатов), так и деструктивным (обнаружение ошибок и противоречий в основаниях) целям. С учетом специфики исторического развития психологии при построении метапсихологии представляется реальным преследовать обе эти цели.

2. Развитие метапсихологии как психологической дисциплины, «науки о психологии», требует разработки специальной терминологии, теоретического метаязыка, для которого эмпирический язык современной психологии послужит языком-объектом, что не исключает наличия общих терминов в эмпирическом языке-объекте и теоретическом метаязыке.

3. Многоуровневую структуру метапсихологии можно сформировать на основе концепции метасистемного перехода В.Ф. Турчина. Она схематически описывает динамику развития научного знания, отсутствующую в статичных определениях методологии.

4. Метапсихологию отличают специфические методы анализа. Основными инструментами метапсихологических исследований низшего уровня являются модификации статистического метода и содержательного анализа данных, не сводимого к математическим процедурам. На высших уровнях мета-анализа преобладают логико-содержательный анализ, синтаксический и семантический анализ психологических теорий. Возможно применение контент-анализа, психолингвистических (дискурсных) и архивных методов работы с текстами.

5. Такое построение метапсихологии позволяет заниматься ее проблемами не только университетским профессорам, но и студентам-психологам старших курсов. Оно укладывается в концепцию *точной методологии науки* (Бургин, Кузнецов, 1994) и может привести к созданию парадигмы психологии вопреки сомнениям скептиков и критиков.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ

Современная академическая психология является подчеркнуто внеисторической наукой. На протяжении длительного времени ее идентифицировали как естественнонаучную экспериментальную дисциплину, изучающую исторически инвариантные феномены природы, а не исторически детерминированные социальные феномены (Danziger, 1997, с. 9). Предложение В. Дильтея взять за исходную точку исследования «развитого культурного человека» (Дильтей, 1996, с. 36) вместо привычного «нормального взрослого человека» приобрело сравнительно немного сторонников в научном сообществе.

Следствием принятия такой модели явилось бы, например, изменение состава испытуемых: вместо привычных студентов-психологов ими стали бы люди, освоившие более широкий репертуар социальных ролей: «родитель», «служащий», «потребитель» и т.д. Изменилось бы и отношение психологов к анализу документов и архивным исследованиям (Мартин, 2002, с. 40—43), прекратилось бы игнорирование того очевидного обстоятельства, что человек, живущий в век компьютерных и сетевых технологий, отличается от жившего в эпоху книгопечатания в не меньшей степени, чем последний — от жившего во времена рукописных текстов и устной передачи информации.

Принятие психологами правил игры математиков и физиков было формальным и неполным. Отметим мысль В.А. Лефевра о том, что *развитие психологии задержалось из-за отсутствия моделей, которые включали бы в себя «внутренний мир» человека*. Нередко высказывается мнение, что уникальная специфика психологического исследования не укладывается в естественнонаучную модель и потому требует принципиально иных подходов и методов.

В течение длительного времени инструментарий, использовавшийся в психологических исследованиях, соответствовал современному научно-техническому уровню. На начальном этапе развития психоло-

гии приборы способствовали получению новых результатов. Одним из первых психологических приборов стал метроном, с помощью которого В. Вундт оценил объем сознания. Хроноскопу в учебнике экспериментальной психологии Г.И. Челпанова (Челпанов, 1918) посвящены две главы, 34 страницы! Стробоскоп позволил М. Вертгеймеру открыть фи-феномен и заложить основы гештальт-психологии и т.д.

Использование механических приборов, а затем и автоматизация психологических исследований не сопровождалась столь заметным научным прогрессом, как в естественных и инженерных науках. Данные точных измерений внесли немного ясности в то, что происходит, когда человек думает или учится, общается или спит, фантазирует или занимается спортом, однако не позволяли надежно прогнозировать его социальное поведение, мало соответствовали потребностям практики.

С другой стороны, познание глубинной психологии оказалось возможным безо всяких технических приспособлений, если не относить к таковым кушетку, на которой располагался клиент З. Фрейда. Его вклад состоит, в частности, в том, что он вернул душу как объект изучения в психологические исследования, привлек внимание всех мыслящих людей к тому, что мы не знаем самих себя, что мы не хозяева собственных душ. Не меньшее значение имело и то, что в отличие от других корифеев психологии, мало известных за ее пределами, Фрейду удалось снискать популярность среди самых широких слоев читающей публики.

Однако его работы противопоставили психологию остальным наукам и, прежде всего, физике, как главной науке о внешнем мире. Опытный ученый, Фрейд допускал значительные отклонения от общепринятых научных процедур: искал данные, которые подтверждали бы его теорию, и отбрасывал все, что шло с ней вразрез, демонстративно избегал статистической проверки гипотез, черпал уверенность в своей интуиции и апеллировал в конфликтных ситуациях к своему старшинству по возрасту. Сегодня многие конкретные положения теории Фрейда опровергнуты, некоторые подвергаются сомнению, однако его *безмашинный и безприборный подход остается привлекательным и плодотворным.*

Принципиальные возражения против использования экспериментальных процедур высказал А. Маслоу. После того как было показано, что крыса может ориентироваться в лабиринте не хуже человека, следовало, по его мнению, отказаться от лабиринта как от инструмента научения: «Мы не сомневаемся в том, что человек обладает лучшими,

чем у крысы, способностями к научению. Любая техника, которая не может продемонстрировать этого, сродни измерению роста людей, которые стоят, согнувшись, в комнате с низким потолком. При этом мы измеряем высоту потолка, а не людей. Лабиринт — своего рода низкий потолок, не позволяющий оценить способности испытуемых к мышлению и научению, даже если это крысы» (Маслоу, 2003, с. 239).

Так началось отставание психологии от естественных и инженерных наук. Разрыв непрерывно увеличивался, и сегодня психолог оснащен технически значительно хуже не только физика, химика или биолога, но и врача, что существенно ограничивает его возможности. Это не мешало Фрейду позиционировать себя в одном ряду с естествоиспытателями Коперником и Дарвином, нанесяшими наиболее значительные удары по коллективному самолюбию и самоуважению человечества. Может быть, точнее всего его вклад оценил лидер герменевтического психоанализа Ж. Лакан, поместивший З. Фрейда в партию врагов среднего класса вместе с К. Марксом и Ф. Ницше: Маркс разработал теорию пролетарской революции, которая должна была уничтожить капитализм; Ницше отвергал буржуазную мораль как неподходящую для сверхчеловека, а Фрейд, третий лидер «Партии Подозрения», раскрыл глубины сексуальной развращенности, скрывавшиеся за ширмой респектабельности среднего класса (Лихи, 2003, с. 169).

В данной статье представлена одна из возможных программ, направленных на выход из перманентного теоретического кризиса и интеграцию психологии в научное сообщество. Ее первый шаг состоит в *инвентаризации* теоретического наследия, а слова, вынесенные в эпиграф статьи, не исключают, а предполагают сотрудничество со сторонниками герменевтического подхода.

Современный этап развития общества дает психологии уникальный шанс сократить разрыв с естественными и инженерными науками. Настаивая на своем особом пути, противопоставляя методы изучения и технологии преобразования внутреннего мира тем, что успешно применяются во внешнем мире, психологи рискуют остаться в изоляции от других ученых, в одной компании с астрологами и знахарями.

Использование исторических и текстуальных методов, предполагаемых данной программой, сопряжено с рядом сложностей: большим объемом работы, труднодоступностью многих текстов и отсутствием четко разработанной и общепринятой методологии исследования. Однако такая работа необходима для понимания науковедами и методологами истории и логики развития психологии, прогнозирования перспективных направлений и избавления от ложных мифов

и иллюзий (Tracy, Robins, Gosling, 2003, p. 105–130). В условиях ограниченности ресурсов государства и общества она, помимо теоретического интереса, приобретает и практическую значимость, так как дает ориентиры для организаторов науки и профессионального психологического образования.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллахвердов В.М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб.: Речь, 2003.
- Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000.
- Большой толковый психологический словарь. Т. 1 (А–О) / А. Ребер. М.: АСТ; Вече, 2003.
- Бургин М.С., Кузнецов В.И. Введение в современную точную методологию науки: Структуры систем знания. М.: Аспект Пресс, 1994.
- Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ; Смысл, 2003.
- Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл; ПЕР СЭ, 2000.
- Веккер Л.М. Психические процессы. Т. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
- Вересов Н.Н., Агафонов А. Ю. «Внутреннее» – это где? // Журнал прикладной психологии. 2004. № 3. С. 64–71.
- Гильберт Д. Основания геометрии. М.–Л.: ОГИЗ Гостехиздат, 1948.
- Дильтей В. Описательная психология / Под ред. Г.Г. Шпета. СПб.: Алетейя, 1996.
- Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях. М.: Наука, 1987.
- Карпов А.В. О метасистемном подходе в психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Т. 2: Предмет психологии. Ярославль: МАПН, 2004. С. 153–174.
- Клини С.К. Введение в метаматематику. М.: Иностранная литература, 1957.
- Койре А. Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М.: Прогресс, 1985.
- Лефевр В.А. Ментализм и бихевиоризм: слияние? // Психол. журн. 2004. № 2. С. 116–127.
- Лихи Т. История современной психологии. СПб.: Питер, 2003.
- Мазилев В.А. Теория и метод в психологии: Период становления психологии как самостоятельной науки. Ярославль: МАПН, 1998.

- Максимов Л.В. Очерк современной метаэтики // Вопросы философии. 1998. № 10. С. 39–54.
- Мартин Д. Психологические эксперименты. Секреты механизмов психики. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002.
- Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб.: Евразия, 1999.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2003.
- Мур Дж. Принципы этики. М.: Прогресс, 1984.
- Наместникова Л. Философия Франца Розенцвейга: между временем и мета-историей // plexus.org.il/texts/namestnikova_filos.htm.
- Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985.
- Роговин М.С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969.
- Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2001.
- Толстова Ю.Н. Анализ социологических данных: Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. М.: Научный мир, 2000.
- Турчин В.Ф. Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. М.: ЭТС, 2000.
- Фрейд З. Психология бессознательного: Сборник произведений. М.: Просвещение, 1989.
- Хайек Ф.А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. М.: ОГИ, 2003.
- Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. СПб.: Питер; М.: Смысл, 2003.
- Черч А. Введение в математическую логику. Т. 1. М.: Иностранная литература, 1960.
- Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь. М.: Институт практической психологии, Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
- Ярошевский М.Г. Психология в XX столетии. Теоретические проблемы развития психологической науки. М.: Политиздат, 1974.
- Danziger K. Naming the Mind. How Psychology Found its Language. London: SAGE Publications, 1997.
- Handbook of Research Methods in Industrial and Organizational Psychology. Malden, USA; Oxford, UK, 2002.
- Tracy J.L., Robins R.W., Gosling S.D. Tracking Trends in Psychological Science: An Empirical Analysis of the History of Psychology // The Life Cycle of Psychological Ideas: Understanding Prominence and the Dynamics of Intellectual Change (Path in Psychology) / Eds. T.C. Dalton, R.B. Evans. Kluwer Academic / Plenum Pub Corp., 2003. P. 105–130.

ИНТЕГРАЦИЯ ПСИХОЛОГИИ: УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

А.В. ЮРЕВИЧ

КУРС НА ИНТЕГРАЦИЮ

Перефразируя некогда популярное высказывание, можно констатировать, что «призрак бродит по психологической науке — призрак интегративной психологии». Свидетельства тому — наблюдения известных психологов о том, что в этой науке начинает реализовываться «конвергентная модель», мы движемся к «единству психологии при всем разнообразии проблем» (цит. по: Мазилов, 2003, с. 222), проблемы, обсуждавшиеся на последних Международных психологических конгрессах, знаковые события в отечественной психологии, такие как издание Манифеста интегративной психологии и т.д.

Все это — явления одной природы, обусловленные закономерной реакцией психологической науки на долгие годы разобщенности на «государства в государстве» (такие как бихевиоризм, когнитивизм, психоанализ), каждое из которых жило по своим собственным законам, включавшим правила производства знания, критерии его верификации и т.п. (см.: Юревич, 2000). Очевидно, сказалось и распространение в психологии, как и во всей современной науке, постмодернистской методологии, утверждающей принципы «равной адекватности теорий», их трактовку как интерпретаций, которые не могут быть неверными (см.: Юревич, 2001), а, стало быть, побуждающей к легитимизации соперничающих психологических концепций и к переходу от «парадигмы» взаимного непризнания и конфронтации к «парадигме» сотрудничества и объединения.

Так или иначе, на страницах психологических трудов все чаще можно встретить решительные утверждения о том, что «самая актуальная проблема психологии на современном этапе — это интеграция психологического знания» (Мазиллов, 2003, с. 218). Подобные интегративные настроения явно выражают не личные ощущения и намерения тех или иных психологов, а внутреннюю потребность современной психологической науки и неудовлетворительность ее многолетнего развития по «конфронтационному» пути.

Разумеется, нынешний интегративный запал не является чем-то принципиально новым для психологии, да и вообще в любой науке каждое тотальное методологическое стремление всегда обнаруживает некоторые корреляты в ее прошлом. В истории психологической науки тоже можно разглядеть немало попыток интеграции.

Так, в американской психологии 1970–1980-х годов прошлого века доминировала «мода» на интегративные теории, которые, по замыслу их создателей, должны были объединить психологическую науку, покончить с ее раздробленностью, эклектизмом и прочими методологическими пороками (см.: Юревич, 1981). В роли таких теорий последовательно выступали теория каузальной атрибуции, теория справедливости и другие теории, как правило, создававшиеся в социальной психологии, а впоследствии значительно расширявшие свой объяснительный потенциал и выражавшие претензии на объяснение всей психологической реальности и интеграцию психологической науки (там же).

Вместе с тем нетрудно разглядеть принципиальное различие между прежними попытками объединения психологического знания и тем вариантом интеграции, который прорисовывается в настоящее время. Одной разновидностью прежних попыток служило создание некоей новой теории, перераставшей в глобальную систему психологического знания на фоне игнорирования всех прочих теорий или использования их в качестве коллекций поучительных ошибок (Юревич, 1999). Второй разновидностью были попытки «поедания» концепций-соперниц путем включения их объяснительных схем в некоторую более общую схему и использование в качестве «кладбищ феноменологии» (там же). В обоих случаях закономерным и, по-видимому, неизбежным результатом было искусственное «натягивание» некоторой частной объяснительной схемы (и соответствующей психологической категории) на всю психологическую реальность или, по крайней мере, на ее значительную часть, в результате чего исходный объяснительный потенциал этой схемы выхолащивался, и она уже практически ничего не объясняла. Когда вся психика представляла в качестве разновид-

ностей, например, образа, деятельности, каузальной атрибуции или чего-то еще, она не становилась более понятной, а тем более, более подверженной целенаправленным воздействиям и более предсказуемой (основные задачи любой науки), и при этом понятия об образе, деятельности, каузальной атрибуции и др. оказывались предельно размытыми и утрачивали свое исходное содержание.

Закономерный результат интеграции психологической науки путем «натягивания» на психологическую реальность какой-либо одной категории описал еще Л.С. Выготский «...когда объем понятия растет и стремится к бесконечности, по известному логическому закону его содержание столь же стремительно падает до нуля» (Выготский, 1982, с. 308). Он же объяснил и главную причину настойчивости, с которой современная ему психология шла подобным путем: «...путь этот предопределен объективной потребностью в едином объяснительном принципе, и именно потому, что такой принцип нужен и что его нет, отдельные части принципа занимают его место» (там же, с. 309).

Современные попытки интеграции психологической науки строятся по-другому, что, по-видимому, обусловлено как плачевными результатами ее интеграции путем «игнорирования» или «поедания», так и отмечавшимся выше распространением постмодернистской методологии, требующей от научных теорий не игнорирования, дискредитации и «поедания» друг друга, а равноправного взаимодействия на основе взаимопризнания.

Тем не менее, и здесь — в системе интегративных установок современной психологии — можно различить несколько их видов. С.Д. Смирнов, например, выделяет четыре основные позиции. Первая — «методологический нигилизм», обобщаемый идеей, особенно характерной, как отмечает автор, для практикующих психологов, о том, что «всякая методологическая рефлексия уводит от сути дела в дурную бесконечность бесплодного философствования и вербализма» (Смирнов, 2004, с. 280). Второй позиции С.Д. Смирнов дает двойное название — «методологический ригоризм» и «методологический монизм» — и видит ее в убежденности в том, что «должна существовать единственно “подлинно научная” методология, строгое следование которой является критерием научности» (там же, с. 280), отмечая, что «на уровне конкретно-научной методологии сторонники этой позиции стремятся к построению “единой теории психического”» (там же, с. 280), в то время как «современные концепции природы и сущности научного знания... оставляют все меньше надежд на то, что построение такой теории в принципе возможно» (там же, с. 281). Третью позицию он ассоциирует с личностью автора

этих строк и вслед за ним называет «методологическим либерализмом», согласно которому равно легитимны и равно адекватны все глобальные психологические подходы, прошедшие естественный отбор в истории психологической науки (стало быть, теории, подобные теории флогистона, не в счет), но надо искать «переходы», «мосты» между ними, которые и послужили бы «каркасами» единой системы психологического знания. Четвертую позицию С. Д. Смирнов называет «методологическим плюрализмом», отмечая, что сам он разделяет именно ее. Она состоит в том, что психологическим теориям следует признать друг друга (подобно «методологическому либерализму», но (в отличие от него) не следует стремиться к «наведению мостов» между ними, оставив психологию в ее нынешнем раздробленном состоянии и признав ее «полипарадигмальность» в качестве неизбежной (там же).

Нетрудно заметить, что даже отстаиваемый С.Д. Смирновым «методологический плюрализм» — это не только легитимизация раздробленности психологической науки в качестве методологически неизбежной, но и *вариант ее интеграции*, напоминающий отношения в феодальном государстве. Соответственно, монистический вариант объединения психологии может быть уподоблен унитарному государству, а вариант, предполагаемый «методологическим либерализмом» — федеративному⁵⁹. Причем характерный для прежних времен монистический вариант теряет сторонников, а его противники в качестве главного аргумента в пользу его неосуществимости указывают на то, что предполагаемая им «психологическая монархия» в свою очередь предполагает «монарха», т.е. некую глобальную, единую и общеразделяемую психологическую теорию (или мета-теорию), которая стала бы вершиной психологического знания, придав ему вид пирамиды, в то время как такая теория *в принципе невозможна*. Исследователи, анализирующие эту проблему, пишут, что «психическое — чрезвычайно сложное явление, поэтому на современном этапе исчерпывающая теория невозможна» (Мазилов, 2004, с. 219), «перспективы появления такой теории даже в отдаленной перспективе представляются нереальными» (Смирнов, 2004, с. 281) и т.п. Те, кто отстаивают ее невозможность, систематически апеллируют к опыту естественных наук, в первую очередь, физики, подчеркивая, что и здесь единая теория отсутствует, а, скажем, единая теория поля остается несбыточной мечтой. Например: «перспективы появления

⁵⁹ Автор, естественно, очень далек от того, чтобы проецировать на оценку соответствующих способов интеграции психологической науки свое отношение к тем видам социальных систем, с которыми проводятся аналогии.

такой теории в ближайшем будущем нулевые, скорее всего она вообще невозможна, поскольку аналогичных теорий нет даже в гораздо более развитых науках» (там же, с. 282).

В результате, как было отмечено выше, современные психологи осознают потребность в интеграции психологической науки, однако ищут ее более «мягкие», «либеральные» варианты, нежели их модернистически настроенные предшественники, игнорировавшие или «подававшие» концептуальные построения друг друга. В этих условиях первостепенной задачей становится не только сама по себе интеграция, но и выработка ее модели, которая, во-первых, была бы действительно «либеральной» и позволяла избежать издержек «насиловственной» или искусственно форсированной интеграции, практиковавшейся в прежние времена, во-вторых, была бы все-таки моделью именно интеграции, а не легализации анархии и раздробленности, весьма характерной для постмодернистских программ, в-третьих, не выглядела бы как набор объединительных призывов, построенных по принципу «психологи всех стран и направлений, объединяйтесь».

Для того, чтобы выработать или хотя бы представить себе такую модель, необходимо задаться естественным вопросом о том, как вообще могла бы выглядеть интеграция современной психологии⁶⁰. Отвечать на него логически целесообразно от противного, т.е. отталкиваясь от основных видов разобщенности или разрывов (Юревич, 2000) психологического знания, которые препятствуют его интеграции.

В структуре психологического знания (точнее, в довольно аморфном массиве, который лишь условно или как дань традиции может быть назван «структурой») можно усмотреть три фундаментальных разрыва. Во-первых, разрыв «горизонтальный» — между основными психологическими теориями⁶¹ и соответствующими психологическими «империями» — бихевиоризмом, когнитивизмом, психоанализом и др.,

⁶⁰ Автор говорит о когнитивной интеграции — об объединении психологического знания, не задаваясь в данном контексте очень существенным, но имеющим иной смысл вопросом о социальной интеграции психологического сообщества — об объединении многочисленных и конкурирующих друг с другом психологических ассоциаций и т.п.

⁶¹ Подчеркнем, что теории в психологии — «это больше, чем теории». Они, как правило, представляют собой ядро, на которое наслаиваются соответствующие объяснительные принципы, способы накопления эмпирического опыта, результаты исследований, выполненных в русле данных теорий, и т.д., которые постепенно срастаются с этим ядром. Симптоматично, что, например, И. Франклин определяет психологические теории как «правила, которые предписывают, что и как делать исследователю» (Franklin, 1982), т.е. фактически наделяет их парадигмальными функциями.

каждая из которых предлагает свой образ психологической реальности и свои правила ее изучения. Во-вторых, разрыв «вертикальный»: между различными уровнями объяснения психического — внутрипсихическим (феноменологическим), физиологическим (физическим), социальным, порождающий соответствующие «параллелизмы» — психофизический, психофизиологический и психосоциальный. В-третьих, «диагональный» разрыв или, говоря словами Ф.Е. Василюка, «схизис» между исследовательской (академической) и практической психологией (Василюк, 1996). Конечно, в структуре психологического знания можно разглядеть немало и других разрывов и «белых пятен», однако именно три обозначенных вида ее разобщенности представляются основными, порождающими общую дезинтегрированность психологии, и, соответственно, их преодоление или хотя бы сокращение выглядят как основные направления ее интеграции.

«ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ» ИНТЕГРАЦИЯ

Разделение психологической реальности между тремя наиболее влиятельными психологическими «империями» — бихевиоризмом, когнитивизмом и психоанализом, а также их «колониями» на территории специальных разделов психологической науки, например, социальной психологии (в виде трех глобальных социально-психологических ориентаций — бихевиористской, когнитивистской и психоаналитической [Андреева и др., 1978]), сопровождалось «натягиванием» на нее соответствующих категорий — соответственно, поведения, образа и мотива. В рамках бихевиоризма психика виделась как поведение, в рамках когнитивизма — как трансформация образов, в рамках психоанализа — как борьба мотивов⁶². Подобные попытки интеграции психологического знания можно назвать «редукцией по горизонтали» (Юревич, 1992) или «горизонтальной редукцией», т.е. сведением всей психологической реальности к чему-то одному, что объявляется в ней самым главным⁶³.

⁶² См. работы М.Г. Ярошевского (Ярошевский, 1985; и др.), выделившего в этих системах психологического знания «центральные» категории.

⁶³ Метод выделения «единиц» психологической реальности, ставший очень популярным в отечественной психологии, в общем, имеет тот же смысл: вся эта реальность «стягивается» к одному своему фрагменту, например, к переживанию, в котором пытаются разглядеть ее всю. В принципе, этот методологический прием не так уж

Богатый исторический опыт подобных попыток породил два фундаментальных методологических результата. С одной стороны, он показал несостоятельность идеи обозреть всю психологическую реальность из какой-либо одной точки, свести ее к какой-либо одной психологической категории, т.е. категориальный монизм потерпел в этой науке полный провал, естественной реакцией на который явились системный подход к построению психологического знания (Ломов, 1999), выстраивание комплексных систем равноправных психологических категорий (Петровский, Ярошевский, 1998) и др. С другой стороны, психологическая реальность показала себя как многомерная, но не безмерная, а ее когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты зарекомендовали себя как основные составляющие психического, что породило представления о т.н. «фундаментальной психологической триаде»⁶⁴. Эти два результата слились в «умеренную» интегративную установку, состоящую в том, что психологическую реальность из одной точки обозреть невозможно, поэтому на нее надо смотреть не из одной, а из разных точек, но не из всех возможных, а только из ключевых, поскольку из всех точек сразу смотреть невозможно. Набор таких ключевых точек варьируется в зависимости от тех факторов, которые определяют разнообразие методологических установок в любой ситуации их проявления⁶⁵. Например, в «фундаментальную психологическую триаду» иногда включают или присоединяют к ней волю, душу или что-либо еще. Но все же, как правило, именно когниции, эмоции и поведение — во всех их разнообразных проявлениях — рассматриваются в качестве основных слагаемых психологической реальности, и именно на опорных точках, сформированных совместно, хотя и в конфронтации друг с другом, бихевиоризмом, когнитивизмом и психоанализом, выстраивается интегративная перспектива.

порочен, поскольку в любом элементе психики запечатлеваются ее родовые качества (в этой связи уместно вспомнить один из ключевых принципов биологической науки: достаточно разрезать одного кролика, чтобы узнать многое о всех кроликах). Вместе с тем в качестве *универсального* методологического принципа психологической науки он имеет очевидные изъяны, поскольку явно не вся психика и не все в ней сводимы к тем же переживаниям.

⁶⁴ Иногда выделяются и несколько иные компоненты этой «триады». Например, Л.М. Веккер выделяет эмоции, волю и интеллект (Веккер, 1998). Но все же намного чаще психическое «раскладывают» именно на три описанных выше компонента.

⁶⁵ П. Фейрабенд, например, пишет по этому поводу: «Теория, выдвигаемая ученым, зависит не только от фактов, имеющихся в его распоряжении, но и от *традиции*, представителем которой он является, от математического аппарата, которым случайно владеет, от его вкусов, его эстетических взглядов, от мнения его друзей и других элементов, которые существуют не в фактах, а в мышлении теоретика, и, следовательно, носят субъективный характер» (Фейрабенд, 1986, с. 54).

Соответствующий вид «горизонтальной» интеграции давно провозглашен (и не только провозглашен, но во многом и реализован), хотя и в несколько других терминах, на уровне базовых методологических принципов отечественной психологии, таких как принципы единства сознания и деятельности, аффекта и интеллекта и др. (см.: Рубинштейн, 1946; Леонтьев, 1975; и др.), хотя, наверное, давно пора осуществить взаимоналожение этих принципов и призывать не к «парным союзам» соответствующих локусов психологической реальности, а к их объединению в триаду, т.е. провозгласить единство когнитивных, аффективных и поведенческих процессов. Еще чаще это единство проявляется не в провозглашаемых общих принципах психологической науки, а в траекториях и результатах изучения конкретных психологических феноменов. Особенно яркий пример — изучение социальных установок в зарубежной социальной психологии. Эмпирические исследования регулярно порождали парадоксы типа феномена Лапьера и противоречивые результаты — «головоломки» в терминах Т. Куна (Кун, 1975), пока установку не «размежевали», выделив в ней когнитивный, социальный и поведенческий компоненты, после чего все стало на свои места — в той мере, в какой это вообще возможно в такой науке, как психология. Похожую эволюцию проделали и другие психологические понятия, практика эмпирического изучения которых вынуждала ученых отказываться от монистического (читай: однобокого) взгляда на них и выделять в их структуре три обозначенных компонента. Это побуждает сформулировать представление о триединой структуре как об универсальном принципе построения психологической реальности, причем за данным принципом стоит простая идея: мы действуем, мыслим, переживаем, и это, наверное, главное в нашем существовании, а вопрос о том, что в нем Самое главное — действия, мысли или переживания, видимо, лишен смысла.

Здесь, конечно, можно возразить, что не все компоненты психики сводимы к действиям, мыслям и переживаниям — например, воля, что, возможно, и служит одной из причин настойчивых попыток вообще элиминировать ее из категориального репертуара психологической науки, объявив иллюзией или артефактом. Но, во-первых, все зависит от способа сведения или выведения: например, личность, привычно возвышающаяся над «триадой» и всеми прочими психологическими конструктами, за исключением разве что души⁶⁶, можно представить

⁶⁶ Труднее дела обстоят с самой душой, о которой пишут, что «не исключено, что этим генеральным предметом интегральной психологии может снова стать именно душа,

как уникальный для каждого человека результат соединения трех базовых психологических компонентов, украсив его всей характерной для разговоров о личности патетикой. Во-вторых, все-таки любая интегративная методология должна обладать минимально необходимым уровнем сложности (вспомним Бритву Оккама), превышение которого делает ее эффектной, но невыполнимой — как желание объять необъятное или построить систему психологического знания, включающую *все* более или менее значительные психологические категории. Кроме того, ни к одной интегративной перспективе не следует относиться как к окончательной, интеграция любой науки — постоянный (пока наука развивается, она интегрируется) и многоступенчатый процесс. На первом шаге интеграции психологии, озаглавленном «триадическим» видением психологической реальности, решаются лишь первые, а далеко не все проблемы интеграции, попытки же вскочить сразу на верхние ступени «лестницы интеграции» чреваты опасностью с нее свалиться. В результате обозначается наиболее простой и естественный вариант «горизонтальной» интеграции психологии: «наверху» — на уровне общей картины психологической реальности — она видится как единство когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов, а «внизу»⁶⁷, т.е. на уровне исследовательской практики, в каждом изучаемом феномене вычленяются когнитивный, аффективный и поведенческий аспекты.

Надо отметить, что подобные методологические установки уже давно реализуются в исследовательской практике и пустили в психологическом сообществе глубокие корни. Да и вообще в данной связи уместно подчеркнуть, что «форсированные методологии», предписывающие научному сообществу делать то, чего оно еще не делает, мало жизнеспособны и выглядят как «методологические мифы». Жизнеспособные же методологии, как правило, формируются путем обобщения и вынесения на методологический уровень того, что уже давно вызрело и существует в реальной исследовательской практике, а не предписывается ей.

Даже самый поверхностный взгляд на эту практику не оставляет сомнений в том, что «горизонтальная интеграция» уже достаточно давно реализуется в психологической науке. Все реже можно встре-

но уже в ее научном понимании» (Зацепин, 2004, с. 95). Впрочем, это «научное понимание» души тоже открывает богатые возможности — в том числе и ее «разложения» на вполне «земные» элементы.

⁶⁷ Да простят психологи-эмпирики такую «топографию».

тить психолога, который считал бы себя (и реально был бы) «чистым» бихевиористом, когнитивистом или сторонником психоанализа, равно как и, скажем, теории деятельности, да и какой-либо другой психологической теории. Большинство психологов не является адептом какой-либо «одной отдельно взятой» теории, а реализует комплексный взгляд на психологическую реальность, впитавший в себя элементы разных концепций. И данная, отчетливо проявляющаяся в психологии тенденция, характерна для всей современной науки, переживающей как социальную, так и когнитивную глобализацию (см.: Юревич, 2004). Последняя состоит в том, что «замкнутые на себя» и самодостаточные системы знания (или заблуждений), подобные истмату и диамату, уходят в прошлое, и даже такие его глобальные системы, как Западная наука и традиционная Восточная наука ассимилирует элементы друг друга. А одним из проявлений социальной глобализации науки служит «размыкание» научных школ (которые Т. Кун называл «боевыми единицами допарадигмальной науки», подчеркивая, что они выполняют не столько научные, сколько политические функции [Кун, 1975]), их слияние, постепенное вытеснение «незримыми колледжами» и прочими, более современными, нежели научные школы, видами объединения ученых (см.: Мирская, 2002).

Соответствующую тенденцию каждый из нас легко может уловить в себе, задавшись вопросом: «Кто я — бихевиорист, когнитивист, адепт психоанализа, теории деятельности или какой-либо другой психологической концепции?» Наверняка большинство из нас выберет характерный для подобной постановки вопроса ответ «другое», осознав себя как не принадлежащего ни к одной из психологических школ, а реализующего более общую, над-школьную перспективу. (Исключениями служат «закоренелые адепты», к которым преимущественно принадлежат ученые старшего поколения, а также ситуации, в которых выгоднее определяться в качестве адепта одной из школ)⁶⁸. Большинство из нас, будь он психолог-исследователь или психолог-практик, наверняка использует в своей работе знания, добытые и бихевиористами, и когнитивистами, и психоаналитиками, идеи и Вygотского, и Рубинштейна, и Леонтьева, и других выдающихся отечественных психологов, опирается на разные концепции и применяет разнообразные методики. Да и в тех случаях,

⁶⁸ В подобных случаях важно не разделить участь отца Планше — оруженосца Д'Артаньяна, который католикам говорил, что он — католик, гугенотам — что он гугенот, однако плачевно закончил свою жизнь, однажды оказавшись на узкой тропе между католиком и гугенотом.

когда психолог тяготеет к определенной теории или объявляет себя ее адептом, он неизбежно реализует исследовательскую перспективу, выходящую далеко за пределы этой теории. А «чистого» бихевиориста, когнитивиста, представителя теории деятельности или психоанализа, который вообще не использовал бы знания, наработанные в рамках других концепций, можно представить себе разве что в абстракции, да и то для этого надо иметь очень богатое воображение.

Соответствующим образом построено и психологическое образование, предполагающее ознакомление студентов, обучающихся психологии, с самым разным концепциям, снабжение их знанием, полученным в рамках самых различных концептуальных оснований. «Чисто» бихевиористское, когнитивистское и т.п. преподавание психологии тоже трудно себе представить, а если и можно, то только как систему подготовки «профессиональных кретинов». Любой современный психолог — это своего рода «стихийный интегратор» психологического знания, а первый шаг к «горизонтальной» интеграции психологической науки уже давно сделан и запечатлен в том знании, которое дают психологические вузы, в его строении и соединении в мышлении каждого из психологов.

Практика изучения конкретных психологических феноменов, как было показано на примере социальной установки, тоже неизбежно порождает интеграцию, в данном случае имеющую когнитивный (внутреннюю логику изучения соответствующих психологических проблем), а не социальный источник (хотя разделять когнитивные и социальные источники интеграции тоже возможно лишь в абстракции).

Таким образом, хотя единая психологическая теория, о которой психологи прошлого вождели как о главном интеграторе психологического знания, так и не создана и едва ли будет создана, по крайней мере, в обозримом будущем (еще раз подчеркнем, что такой теории нет ни в одной науке), существующие в психологии теории не так уж непримиримы и «несоизмеримы» — в терминах Т. Куна — друг с другом, нынешнее психологическое сообщество не поделено на фанатичных адептов этих теорий, большая часть исследований строится на кросс-теоретической основе и воздаст должное различным аспектам психического. Все это — проявления *естественной* «горизонтальной» интеграции психологического знания, которая, в отличие от его искусственной интеграции путем декларирования объединительных программ и попыток создания соответствующих теорий, выглядит не броско, происходит незаметно, но обусловлена внутренней логикой развития психологического знания и приносит зримые плоды.

ДИАГОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Разрыв между исследовательской (или академической) и практической психологией уже долгие годы фигурирует в «истории болезни» психологии как один из ее главных симптомов.

Так, по наблюдениям Р. Ван дер Влейста, исследовательская и практическая психология фактически представляют собой две разные науки, использующие разные языки, разные единицы анализа и различную логику его построения. Язык исследовательской психологии пестрит специальными терминами, в то время как язык практической психологии мало отличается от обыденного языка. В исследовательской психологии единица анализа — отдельный психологический процесс или феномен, искусственно отделенный от целостной личности и помещенный в специальные лабораторные условия, а в практической психологии такой единицей служит «индивидуальная история» личности. Логика исследовательской психологии состоит в выделении 2–3 независимых переменных и измерении корреляций между ними, в то время как практическая психология стремится не количественно описать отдельные связи, а качественно осмыслить целостную детерминацию личности и ее состояний. В результате всех этих различий знание исследовательской и знание практической психологии плохо состыкуются друг с другом, в результате чего практическая психология недостаточно научна, а исследовательская психология — недостаточно практична (Van der Vleist, 1982).

В конце истекшего века регулярно констатировались не только сохранение, но и расширение разрыва между академической психологией и профессиональной практикой, причем, по мнению ряда авторов, это было связано с тем, что психологическая практика охотно и активно впитывает методологию и культуру постмодернизма, в то время как консервативная и неразворотливая академическая психология все еще носит давно устаревшую «позитивистскую одежду». Например, Д. Полкинхорн выделил такие общие черты постмодернизма и психологической практики, как нефундаментальность, фрагментарность, конструктивизм, понимание знания как динамичного, социально конструируемого и зависимого от контекста, «неопрагматизм». Полкинхорн подчеркивает, что психологи-практики охотнее применяют постмодернистскую методологию, чем академические психологи, однако он признает, что «близкие к практике» психологи-исследователи тоже преуспевают в освоении и распростра-

нении этой методологии⁶⁹, таким образом констатируя появление в психологическом сообществе нового слоя, служащего связующим звеном между двумя его полярностями — «чистыми» практиками и «чистыми» исследователями (Polkinhorne, 1994). Он же констатирует «практический переворот» в психологии, результаты которого очевидны и в нашей стране, где на 30 тыс. (если не больше) психологов приходится лишь два исследовательских института.

Л. Сасс улавливает в современной психологической, особенно в психоаналитической, практике такие постмодернистские черты, как релятивизм, скептицизм, вымысленность, акцентируя их в качестве ее ключевых отличий от академической психологии (Sass, 1994).

К. Герген отмечает, что, в противовес общим тенденциям развития академической психологии, современная психологическая практика развивается в русле постмодернистской мысли, имеет дело с развивающейся индивидуальностью человека и сосредоточивается на контекстуальных смыслах человеческой деятельности. В результате теоретическое знание академической психологии часто вступает в конфликт с эмпирическим знанием современности, а психологическая практика предпочитает теоретическому знанию гетерогенные и качественные знания повседневной жизни, приобретающие достоверность в личном опыте (Gergen, 1994).

Подвергать сомнению существование больших и принципиальных различий между исследовательской и практической психологией было бы нелепо. Они, безусловно, имеют место, препятствуя интеграции двух основных форм психологического знания, однако, обращаясь к изложенным выше констатациям, следует отметить, что, во-первых, эти различия иногда преувеличиваются, во-вторых, реально существующие различия постепенно сокращаются. К примеру, признание значимости «единичных случаев» и их изучения, акцент на анализе уникальных жизненных ситуаций и т.д., в которых обычно видится одна из главных специфических черт практической психологии, отличающая ее от психологии исследовательской, можно обнаружить и в ряде исследовательских установок последней. Скажем, такой ее представитель, как Л.С. Выготский, стремился вывести законы психологии искусства из «анализа одной басни, одной новеллы и одной трагедии» (Выготский, 1982, с. 405), при этом констатируя, что

⁶⁹ Отметим, что в данной связи высказываются и опасения. Например, Л. Сасс полагает, что релятивизм и фикционализм постмодернизма способны нанести вред терапевтической практике (Sass, 1994).

«засилие индукции и математической обработки и недоразвитие анализа значительно погубили дело Вундта и экспериментальной психологии» (там же, с. 402). Впрочем, в современной исследовательской психологии метод анализа конкретных случаев (case studies), а также сопутствующий его применению качественный анализ, получают все большее распространение. (Отметим, что это происходит также в социологии и других смежных с психологией науках.)

Целый ряд направлений исследовательской психологии, например, психоаналитическая ориентация в социальной психологии, выросли из психоаналитической практики, да и, вообще, психоанализ служит ярким примером того, что единство практической и исследовательской психологии возможно.

В современной психологии можно разглядеть и встречный вектор развития знания — погружение сюжетов, традиционно изучавшихся в контексте исследовательской психологии, в практический контекст со всеми сопутствующими этому изменениям самих сюжетов. Например, Дж. Шоттер отмечает тенденцию к изучению таких традиционных тем когнитивной психологии, как восприятие, память, научение и мотивация, в контексте постмодернистской социальной практики, а также доминирование в контексте их изучения опыта повседневной жизни над теоретическими знаниями (Shotter, 1994).

Одним из главных лейтмотивов сближения академической и практической психологии служит постмодернистская методология, которая, давно будучи характерной для практической психологии, распространяется и в академической психологии. Например, такие атрибуты практической психологии, как качественный анализ, изучение единичных случаев, признание значимости уникального опыта, полученного в обход репрезентативных выборок и без подсчета коэффициентов корреляции, становятся все более распространенными и в исследовательской психологии, в которой происходит также легализация личного опыта психолога в качестве источника психологического знания (см.: Юревич, 2000), в результате чего практическая психология все увереннее выполняет характерные для академической психологии исследовательские функции.

Наметились и другие направления сближения. Например, теории, ставшие одним из символов академической психологии, которые практическая психология традиционно отвергала как чрезмерно «академические», сейчас тоже адаптируются к потребностям практики. В частности, не трудно заметить, что на психологических конференциях, в особенности на «научно-практических» (которые сами

по себе стали знаковым явлением, знаменуя стремление объединить психологическую науку и практику), «большие» психологические теории упоминаются довольно редко, однако активно эксплуатируются «малые» теории и теории «среднего ранга», позволяющие упорядочить ту или иную сферу изучаемой реальности. Нередко подобные теории и зарождаются в практической деятельности психологов, стремящихся не только воздействовать на эту реальность, но и осмыслить, упорядочить ее.

Налицо также тенденция к развитию методологического самоанализа практической психологии, традиционно ассоциировавшегося с академической наукой, явившаяся естественной реакцией на разрастание и усложнение психологической практики (см.: Карицкий, 2003; Вачков, 2003; и др.).

Таким образом, исследовательская психология осваивает направления работы, традиционно характерные для практической психологии, а практическая психология — характерные для исследовательской психологии, что неизбежно порождает их когнитивное сближение.

Но, пожалуй, еще более заметно «наведение мостов» между академической и практической психологией в *социальной* плоскости, т.е. сближение соответствующих страт психологического сообщества. Ф.Е. Василюк писал в 1990-е годы: «...психологическая практика и психологическая наука живут параллельной жизнью как две субличности диссоциированной личности: у них нет взаимного интереса, разные авторитеты (уверен, что больше половины психологов-практиков затруднились бы назвать фамилии директоров академических институтов, а директора, в свою очередь, вряд ли информированы о «звездах» психологической практики), разные системы образования и экономического существования в социуме, непересекающиеся круги общения с западными коллегами» (Василюк, 1996, с. 26). И эта, несколько утрированная (хотя бы потому, что такие психологи, как сам Ф.Е. Василюк, знали и тех, и других) оценка была в целом справедлива для того времени.

Но впоследствии многое изменилось, причем в духе известной формулы: «не было счастья, да несчастье помогло». Зарплаты наших академических психологов опустились на уровень бесконечно малых величин, и большинству из них не оставалось ничего другого, кроме как подрабатывать практикой (или преподаванием). Результат не заставил себя должно ждать: сейчас на основе большинства наших академических подразделений созданы коммерческие фирмы, сотрудники которых обладают двойной профессиональной идентичностью,

выступая в роли и психологов-исследователей, и психологов-практиков. А та «диссоциированность», о которой писал Ф.Е. Василюк, может носить внутриличностные формы, выступая в виде внутреннего «раздвоения» наших психологов или выполнения ими непрофильных функций на рабочих местах, но теперь в гораздо меньшей степени относима ко всему нашему психологическому сообществу, вынужденному, причем не от хорошей жизни, интегрировать научную деятельность с коммерциализацией ее результатов. Таким образом, и в нашем отечественном психологическом сообществе разрастается тот слой «близких к практике» исследователей, о которых пишет Д. Полкинхорн (Polkinhorne, 1994). Обобщая соответствующие когнитивные и социальные тенденции, можно констатировать, что *хотя «разрыв» между практической и академической психологией по-прежнему существует, он уже не выглядит как непреодолимая пропасть, и наблюдается их интенсивная и разноплановая конвергенция.*

«ВЕРТИКАЛЬНАЯ» ИНТЕГРАЦИЯ

Но все-таки, наверное, самая заветная мечта и одновременно главная методологическая проблема психологической науки — это объединение различных уровней проявления и детерминации психического.

В ее истоках — попытки найти «взаимопереходы» между этими уровнями, например, путем установления количественных соответствий между физической величиной стимула и интенсивностью вызываемой им психической реакции, что дало бы возможность вписать психическое и физическое в единое «пространство». Малоудовлетворительные результаты подобных попыток породили представление о «параллелизмах» — психофизическом, психофизиологическом, психосоциальном — как об одном из главных свойств предмета психологии и, соответственно, одной из главных «головоломок» (вновь в терминах Т. Куна) психологической науки, которую психологи до сих пор безуспешно пытаются разрешить.

Эти парадоксы успешно преодолевались на уровне общеметодологических принципов. Например, системный подход декларирует необходимость системного, т.е. взаимосогласованного, изучения самых разных уровней психического (Ломов, 1999). Методологические установки такого рода регулярно провозглашались в истории психологической науки, выражая не столько реальные исследова-

тельские ориентиры, сколько несбыточную мечту ее представителей о «комплексных, межуровневых объяснениях, в которых нашлось бы место и для смысла жизни, и для нейронов, и для социума, и для эволюционной целесообразности» (Юревич, 2003, с. 356).

В конкретной же исследовательской практике подобные мечты и программы не только не удавалось реализовать, но и происходило своего рода «удвоение» исходных «параллелизмов» вследствие того, что «параллельная» детерминация психического проецировалась на само психическое. Психическое постоянно «гоняли» по основным плоскостям его детерминации, помещая то в социальную плоскость (например, путем таких его пониманий и, соответственно, локализаций, как «психика — это отношение», «психика — это совокупность общественных отношений» и т.д.), то в физиологическую («психическое — это результат взаимодействия нейронных ансамблей» и др.), то отодвигая подальше от них обеих и отождествляя, например, с душой. Все подобные попытки были сколь безрезультатны (соответствующие понимания психики выглядели явно однобоко), столь и результативны, с разных сторон высвечивая один и тот же результат — невозможность понять и объяснить психику, абстрагируясь от какой-либо из основных сфер ее детерминации, а тем более ото всех, кроме одной. Благодаря им стало абсолютно ясно, что понять и объяснить психику можно, только рассматривая ее *одновременно* и как порождение социума, и как функцию нейронов, и как многообразие нашего феноменального мира, и в других ипостасях, что, естественно, не означает для каждого конкретного психолога необходимости «ловить» ее на всех этих уровнях и не превращает специализацию исследователей в абсурд. В русле «методологического либерализма» (Юревич, 2001) это означает, что, подобно тому, как не существует «неправильных» психологических теорий, поскольку каждая из них достаточно адекватно объясняет какой-либо аспект психологической реальности, не существует и «неправильно работающих» или «ненужных» психологов (парапсихологи и иже с ними — не в счет), и познать психологическую реальность можно только объединенными усилиями тех, кто изучает нейроны, тех, кто изучает внутренний мир человека, в том числе и его душу, тех, кто изучает его зависимость от социума и др.

Все это, естественно, проще провозгласить, чем исполнить, а главная проблема возникает в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, основные виды детерминации психического — физиологическая (физическая), феноменологическая (внутрипсихическая)

и социальная — практически не перекликаются друг с другом и плохо выстраиваются в единую систему детерминации. Во-вторых, психологи, в своем профессиональном мышлении воспроизводящие общие закономерности человеческого мышления, проявляют отчетливо выраженную нетерпимость к подобной «параллельной» детерминации явлений, настойчиво стремясь «спрямить» ее и поместить в какую-либо одну плоскость. В принципе для научного мышления «параллелизмы», подобные психофизическому, после кризиса классической физики стали привычными. Оно спокойно воспринимает, например, свет и как волну, и как поток частиц, физические объекты — и как набор атомов, и как твердые тела, живые организмы — и как саморегулируемые системы, и как скопления молекул. Но, во-первых, это характерно не для любого, а только для наиболее сложно организованного научного мышления, во-вторых, подобные схемы мышления, ломающие привычные схемы восприятия, приживаются с большим трудом. Как подчеркивал Б.Ф. Ломов, «В психологии довольно широкое распространение получило линейное представление о детерминизме (“линейный детерминизм”). Имеется в виду стремление представить причины и следствия в виде одномерной цепочки» (Ломов, 1999, с. 75), в то время как «детерминация реально выступает как многоплановая, многоуровневая, многомерная, включающая явления разных (многих) порядков, т.е. как системная» (там же, с. 75), и поэтому «принцип “линейного детерминизма” уже не может удовлетворить современную психологическую науку» (там же, с. 75).

Тем не менее, психологической науке, по всей видимости, еще нужны время и просветительские усилия методологов, чтобы, во-первых, принять идею *параллельной детерминации психического*, во-вторых, «вживить» ее в свое рабочее мышление, перестав воспринимать «параллелизмы» как аномалии и парадоксы, отвергнуть в качестве бессмысленных вопросы о том, мы управляем своими нейронами или наши нейроны управляют нами и т. п.

К тому же «параллелизмы», которыми эта наука мучается с момента своего появления на свет, выглядят как группа далеко не однопорядковых явлений, некоторые из которых не заслуживают включения в нее. Например, то, что принято считать психосоциальным «параллелизмом», представляет собой связь явлений, которую вполне можно выстроить в одной каузальной плоскости, а соответствующий парадокс снимается, например, методологической формулой, согласно которой внешние (в частности, социальные)

факторы действуют через внутренние (например, вутрипсихические) условия (Рубинштейн, 1946). Некоторые виды биологического детерминизма, например, эволюционная детерминация психического, тоже не выглядят параллельной его внутренней детерминации и вписываются в одну каузальную плоскость в рамках, скажем, дарвиновской парадигмы, которая во многих случаях позволяет преодолеть «параллельность» биологической и социальной детерминации.

В общем, «параллелизмы», выражающие расхождение уровней детерминации психического и традиционно воспринимаемые как наиболее сложные «головоломки» психологической науки и наиболее опасные онтологические ловушки, выставленные ее объектом, в действительности не так уж сложны и непреодолимы. В случае же их действительной непреодолимости — скажем, рядоположности нашего феноменального и нейро-гуморального «миров» — соответствующие виды детерминации могут быть примирены на основе идеи о «параллельной» каузальности, которая давно пустила корни в развитых науках.

В результате и традиционно наиболее сложная для психологии «вертикальная» интеграция психологического знания не встречает на своем пути непреодолимых барьеров и уже в значительной мере подготовлена историей психологической науки. Конечно, трудно ожидать, что знание, накопленное социальными психологами, психологами физиологической и гуманистической ориентации и т.д., сольются в одно целое. Но вполне можно представить и уже сейчас различить каркасы той системы психологического знания, в рамках которой каждое из них найдет свое место. Важно лишь, чтобы обретение этого места не оборачивалось стремлением лишить места других.

Таким образом, «призрак» интегративной психологии не только «бродит» по психологической науке, но и все увереннее материализуется в ней, ее интеграция выглядит не как утопия, а как уже различимая реальность. Однако способы и результаты этой интеграции представляются более сложными и многоплановыми, нежели те, к которым привыкло *упрощенное* мышление, воспитанное на «линейном детерминизме».

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Современная социальная психология на Западе. Теоретические ориентации. М., 1978.
- Василюк Ф.Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.
- Вачков И.В. Нужна ли практическому психологу методология? // Труды ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 72–79.
- Веккер Л.М. Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М., 1998.
- Выготский Л.С. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1982.
- Зацепин В.И. О регуманизации психологии: генеральный предмет интегральной психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 91–100.
- Карицкий И.Н. Методология практической психологии // Труды ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 135–158.
- Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1999.
- Мазилев В.А. Научная психология: тернистый путь к интеграции // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 205–237.
- Мазилев В.А. Научная психология: проблема предмета // Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 207–225.
- Мирская Е.З. Научные школы как форма организации науки (социологический анализ проблемы) // Науковедение. 2002. № 3. С. 8–24.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М., 1998.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
- Смирнов С.Д. Методологический плюрализм и предмет психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Предмет психологии. Ярославль, 2004. С. 276–291.
- Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986.
- Юревич А.В. Критический анализ американских социально-психологических концепций «справедливого обмена» // Вопросы психологии. 1981. № 5. С. 158–166.
- Юревич А.В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5.

- Юревич А.В.* «Методологический либерализм» и парадигмальный статус психологии // Труды Ярославского методологического семинара. Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 349–357.
- Юревич А.В.* «Онтологический круг» и структура психологического знания // Психол. журн. 1992. № 1. С. 6–14.
- Юревич А.В.* Психология и методология // Психол. журн. 2000. № 5. С. 35–47.
- Юревич А.В.* Системный кризис психологии // Вопросы психологии. 1999. № 2. С. 3–11.
- Юревич А.В.* Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. М., 2004.
- Ярошевский М.Г.* История психологии. М., 1985.
- Franklin C.W.* Theoretical perspectives in social psychology. Boston, 1982.
- Gergen K.J.* Toward a postmodern psychology // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 17–30.
- Polkinhorne D.E.* Postmodern epistemology and practice // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 146–165.
- Sass L.A.* The epic of disbelief: The postmodernist turn in contemporary psychoanalysis // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 166–182.
- Shotter J.* «Getting in touch»: The Metha-methodology of a postmodern science of mental life // Psychology and postmodernism. London, 1994. P. 58–73.
- Van der Vleist R.* Special psychological theory and empirical studies of practical problems // Confronting social issues: Applications of social psychology. L., 1982. V. 1. P. 7–22.

АВТОРЫ

<i>АЛЛАХВЕРДОВ Виктор Михайлович</i>	доктор психол. наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета.
<i>БАРАБАНИЩИКОВ Владимир Александрович</i>	доктор психол. наук, заведующий лабораторией Института психологии РАН.
<i>ГАРБЕР Илья Евгеньевич</i>	кандидат психол. наук, ст. научный сотрудник, доцент Саратовского государственного социально-экономического университета.
<i>ГУСЕЛЬЦЕВА Марина Сергеевна</i>	кандидат психол. наук, ст. научный сотрудник Психологического института РАО.
<i>ДЕРКАЧ Анатолий Алексеевич</i>	доктор психол. наук, профессор, заведующий кафедрой акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАГС при Президенте РФ, заслуженный деятель науки РФ, действительный член РАО.
<i>ЖУРАВЛЕВ Анатолий Лактионович</i>	доктор психол. наук, профессор, директор Института психологии РАН, член-корреспондент РАО.
<i>ЗАЛЕВСКИЙ Генрих Владиславович</i>	доктор психол. наук, профессор факультета психологии Томского государственного университета, член-корреспондент РАО.
<i>ЗНАКОВ Виктор Владимирович</i>	доктор психол. наук, профессор, гл. научный сотрудник Института психологии РАН.

- КАБРИН
Валерий
Иванович* доктор психол. наук, профессор, заведующей кафедрой социальной и гуманистической психологии Томского государственного университета.
- КАРИЦКИЙ
Игорь
Николаевич* кандидат психол. наук, зам. глав. ред. журнала «Методология и история психологии».
- КАРПОВ
Анатолий
Викторович* доктор психол. наук, профессор, декан факультета психологии Ярославского государственного университета.
- КОРНИЛОВА
Татьяна
Васильевна* доктор психол. наук, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
- ЛЕОНТЬЕВ
Дмитрий
Алексеевич* доктор психол. наук, профессор факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
- МАЗИЛОВ
Владимир
Александрович* доктор психол. наук, профессор, заведующий кафедрой Ярославского государственного педагогического университета.
- МАРЦИНКОВСКАЯ
Татьяна
Давыдовна* доктор психол. наук, профессор, заведующая лабораторией Психологического института РАО.
- МИРОНЕНКО
Ирина
Александровна* кандидат психол. наук, доцент факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.
- ПЕТРЕНКО
Виктор
Федорович* доктор психол. наук, профессор, заведующий лабораторией факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН.
- ПЕТРОВСКИЙ
Вадим
Артурович* доктор психол. наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета.

Авторы

<i>Поддъяков Александр Николаевич</i>	доктор психол. наук, профессор факультета психологии ГУ ВШЭ.
<i>Смирнов Сергей Дмитриевич</i>	доктор психол. наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
<i>Соколова Елена Евгеньевна</i>	кандидат психол. наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии МГУ им. М.В.Ломоносова.
<i>Чуприкова Наталья Ивановна</i>	доктор психол. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель группы психологии развития познавательных процессов Психологического института РАО.
<i>Юревич Андрей Владиславович</i>	доктор психол. наук, заместитель директора Института психологии РАН, член-корреспондент РАН.

Научное издание

Серия «Методология, теория и история психологии»

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИИ Постнекклассическая перспектива

Редактор — *И.В. Ключкова*
Корректор — *О.В. Шапошникова*
Макет и верстка — *А. Пожарский*
Обложка — *Е. Гуров*

Сдано в набор 28.09.07 Подписано в печать 28.11.07
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Петербург.
Усл. печ. л. 33,0 Уч.-изд. л. 30,1
Тираж 800 экз. Заказ №

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01
Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13
Тел.: (495) 682-51-29

E-mail: publ@psychol.ras.ru
www.psychol.ras.ru

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”»
121099, Москва, Шубинский пер., 6